This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HN PWEG +

ЛУЧШІЙ ДРУГЪ ЖЕЛУДКА

Вино С.-Рафаэль

предлагается какъ

Тоническое укрѣпляющее и способствующее пищеваренію

превосходно на вкусъ.

Сохраняется по способу Пастера.

Каждая бутылка нашего вина снабжена таможенною печатью, фабрическою маркою и маркою Союза фабрикантовъ для борьбы съ фальсификаціею (Union des fabricants pour répression de Contrefacons), и брошюрою Д-ра Ле-Барре о **Сенъ-Рафаэльскомъ винѣ, какъ о „питательномъ укрѣпляющемъ и цѣлебномъ средствѣ"**.....

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Compagnie du Vin.

Saint Raphael

Valence, Drome, France,

основанъ въ 1872 г.

доводитъ до свѣдѣнія, что появившіяся въ продажѣ подлѣльное Сенъ-Рафаэльское вино, проситъ обращеніе на наше-

S'RAPHAEL

Полярная
звѣз

26 ФЕ

VE RI TAS

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЗВѢЗДА

..ЬНО

..зе

. В. ПИРОЖКОВЪ

< S 71.5 (8-14)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

< S 71.3 (8-14)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

x S 71.5 (3-14)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

14
XS 71.5

"POLIARNAIA ZVEZDA"

Полярная Звѣзда

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
AUG 16 1961

№ 8

5087

3 Февраля 1906 г.

Содержаніе:

В. Набоковъ. Внутренняя война.

В. Розановъ. Русская церковь.

А. Кауфманъ. Право и принудительное отчужденіе.

Кн. Г. Трубецкой. Россія въ Европѣ. (Къ вопросу о нашей внѣшней политикѣ).

В. Свенцицкій. Открытое обращеніе вѣрующаго къ Православной церкви.

О. Бужанскій. Стачки въ Россіи.

Ив. Петрункевичъ. Конституціонно-демократическая партія и князь Е. Н. Трубецкой.

П. Струве. О „роковомъ недостаткѣ" русской интеллигенціи. (по поводу выхода князя Е. Н. Трубецкого изъ конституціонно-демократической партіи).

Редакція № закончена 1-го Февраля.

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

подъ редакціей

Петра Струве

3 Февраля 1906 г.

№ 8

Изданіе М. В. ПИРОЖКОВА

Типо-литографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., 71—6.

Внутренняя война.

Когда черезъ много лѣтъ будущій историкъ двадцатаго вѣка станетъ изучать переживаемую нами эпоху, его навѣрно поставятъ въ величайшее недоумѣніе вопросы: какъ могла существовать въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ военная диктатура, никѣмъ формально не провозглашенная? какъ могли оставаться у власти и безотвѣтственно распоряжаться судьбами страны люди, одно имя которыхъ возбуждало вопль негодованія со всѣхъ концовъ страны, во всѣхъ слояхъ общества, во всѣхъ безъ исключенія политическихъ партіяхъ, какъ заслуживающихъ, такъ и незаслуживающихъ этого названія? какъ могла страна, немедленно послѣ торжественнаго провозглашенія съ высоты престола основныхъ началъ правового строя, стерпѣть навалившееся на нее иго и такой ужасъ произвола, котораго ей не приходилось испытывать въ самыя мрачныя времена предъидущаго вѣка?

И отвѣтъ на эти вопросы онъ получитъ тогда, когда ему станетъ ясно, что въ Россіи конца 1905 и начала 1906 года въ сущности *не было* правительства въ истинномъ смыслѣ этого слова, не было государственнаго права, не было нормальной и дѣятельной общественной жизни. Было огромное поле битвы, раскинувшееся „отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды“, и на всемъ пространствѣ этого поля губительная сила пулеметовъ, винтовокъ и штыковъ громила живую силу общественнаго протеста,—и столь же смертоносный аппаратъ „умершаго, но живого“ самодержавнаго бюрократизма, потерявъ всякое *право*

на существованіе, но, благодаря „тремъ родамъ оружія“, сохранившій *силу* существованія, разстрѣливалъ всѣ виды „свободы“ и „неприкосновенности“ россійскихъ гражданъ...

Въ этой внутренней войнѣ преимущество физической силы сейчасъ на сторонѣ гг. Витте-Дурново. Есть еще у нихъ порохъ въ пороховницахъ, не гнется еще послушная имъ казацкая сила. Дубасовы, Орловы, Риманы, Мины, по ихъ велѣнію и по своему хотѣнію, прославляютъ себя на амплуа добровольныхъ палачей. А. И. Гучковъ какъ то на московскомъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей заявилъ, что еще можетъ понять тѣхъ, кто идетъ убивать, но не можетъ понять тѣхъ, кто „апплодируетъ убійству“. Теперь такимъ непонятнымъ для него человѣкомъ является Н. И. Гучковъ, привѣтствовавшій адмирала Дубасова за его московскіе подвиги. Дыбомъ становятся волосы и морозъ подираетъ по кожѣ при чтеніи того, что происходило въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Голутвинская исторія возмутила, говорятъ,—даже чиновную корректность „Слова“. Конечно, нашлись и находятся люди, считающіе, что и это „ничего“, что это „разбитыя при тушеніи пожара стекла“. Люди, превосходно себя чувствующіе въ синемъ мундирѣ, жандармы настоящіе и жандармы въ душѣ,—ихъ спокойствіе ненарушимо. Надежно—до поры до времени—застрахованные отъ суда уголовнаго, они съ полнымъ хладнокровіемъ относятся къ суду исторіи, который уже не сможетъ лишить ихъ ни казенныхъ квартиръ и окладовъ, ни чиновъ и орденовъ, ни всякихъ иныхъ отличій. Оторопь беретъ, когда вглядываешься во всю глубину этой самоувѣренной безсознательности!

„Карательныя экспедиціи“ въ Прибалтійскій край и сопровождающія эти экспедиціи убійства (другого нѣтъ названія для разстрѣла безъ суда) и поджоги—вотъ другой актъ внутренней войны, вполнѣ однородный съ московскими безчинствами. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ искалъ въ сводѣ

военныхъ постановленій такой статьи, которая могла бы быть приведена въ формальное оправданіе прибалтійской расправы и, не найдя такой статьи, провозгласилъ, что „разстрѣлы безъ суда или по приговору фантастичныхъ „полевыхъ“ судовъ, разстрѣлы за то, что или не преступно вовсе, или не обложено закономъ смертной казнью,—напрасно называютъ превышеніемъ власти. И формально они не подходятъ подъ это понятіе. Такіе разстрѣлы—предумышленныя убійства, за которыя въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, для всѣхъ и каждаго положено: лишеніе всѣхъ правъ состоянія и смертная казнь“. Это, конечно, такъ, но вѣдь безъ всякихъ поисковъ и справокъ каждый прекрасно знаетъ, что сожженіе усадебъ и деревень по приказу „начальника отряда“ есть мѣра, вовсе никакимъ уголовнымъ закономъ не предусмотрѣнная. Для того, чтобы найти нѣчто подобное въ исторіи нашего права, нужно обратиться ко временамъ „потока и разграбленія“. Ясно, что тутъ о *какихъ бы то ни было* законахъ говорить не приходится; тутъ въ полномъ смыслѣ слова военная диктатура, неизвѣстно кому и неизвѣстно кѣмъ врученная. Облеченные безграничными полномочіями люди распоряжаются въ краѣ, какъ въ завоеванной странѣ. Увѣренность ихъ въ томъ, что имъ „все позволено“, прямо фантастична и можетъ быть объяснена только увѣренностью въ прочности той силы, которая снабдила ихъ этими полномочіями. Значительную роль играетъ и слѣпая безсознательность исполнителей, полагающихъ, что они водворяютъ терроромъ порядокъ. Не въ исполнителяхъ, конечно, дѣло: они всегда найдутся,—они, можетъ быть, и не будутъ подлежать отвѣтственности въ той мѣрѣ, въ какой придется отвѣтить вдохновителямъ и распорядителямъ беззаконныхъ набѣговъ и кровопролитныхъ „подавленій“. Карающая рука исторической Немезиды отыщетъ интеллектуальныхъ виновниковъ казней безъ суда и не пощадитъ ихъ.

Другая область примѣненія „военныхъ“ дѣйствій—это печать. Получивъ 17-го октября „свободу“, а 24-го ноября „временныя правила“, она оказалась въ положеніи гораздо болѣе безотрадномъ, чѣмъ прежде. За періодъ съ 25-го декабря по 25-го января закрыто семьдесятъ восемь періодическихъ изданій и арестовано пятьдесятъ восемь редакторовъ. Правительство двухъ буквъ (В-Д.) уже успѣло ясно показать, что въ его рукахъ всѣ орудія одинаково хороши и пригодны, что для „обузданія“ печати вовсе нѣтъ надобности въ предварительной цензурѣ, въ административныхъ взысканіяхъ, предостереженіяхъ и проч. Пользуясь широко статьями уголовнаго уложенія, утвержденными въ эпоху абсолютизма и охраняющими абсолютизмъ, создавъ въ дополненіе къ этимъ статьямъ рядъ новыхъ „преступленій печати“, представляющихъ, въ сущности, тѣ же административныя предостереженія съ прибавкою карательныхъ санкцій, установивъ безобразный порядокъ пріостановки и конфискаціи инкриминированныхъ изданій, правительство В-Д. расчитывало на послушную готовность судебныхъ органовъ „тащить и не пущать“—и не ошиблось въ своемъ расчетѣ: судъ оказался на высотѣ положенія. Послѣдовательной политикой Н. В. Муравьева онъ давно обращенъ въ плоть отъ плоти бюрократіи и въ кость отъ ея костей. Мы видимъ, какъ магистратура относится къ творимымъ надъ нею экспериментамъ: она въ мертвомъ молчаніи воспріяла небывалый фактъ изгнанія изъ Томска предсѣдателя окружнаго суда по приказанію генералъ-губернатора. Все судебное вѣдомство, какъ одинъ человѣкъ, должно было протестовать противъ этого явнаго беззаконія, при которомъ послѣдніе остатки судейской независимости обращаются въ пустой звукъ, зависятъ отъ каприза перваго попавшагося изъ тѣхъ проконсуловъ, которыми кишитъ теперь Россія. Они сидятъ и въ столицѣ, и въ губернскихъ, и даже въ уѣздныхъ городахъ. Но нѣтъ; магистратура „по-

тонула въ бюрократіи", интересы послѣдней стали и ея интересами. Кто знаетъ, не дождемся ли мы того, что министръ юстиціи въ приказѣ по своему вѣдомству будетъ благодарить ввѣренныхъ ему судебныхъ чиновъ за ихъ усердную службу въ настоящее тяжелое время...

Но и правилъ 24 ноября, оказывается, недостаточно для всей желательной полноты „воздѣйствія" на печать. Оффиціально сообщенъ уже текстъ принятаго государственнымъ совѣтомъ проекта новой карательной статьи, предусматривающей „публичное разглашеніе или распространеніе завѣдомо вымышленныхъ или извращенныхъ свѣдѣній о дѣятельности правительственныхъ установленій или должностныхъ лицъ съ цѣлью возбудить въ населеніи враждебное къ нимъ отношеніе", причемъ наказаніе значительно увеличивается, если послѣдствіемъ этого разглашенія было „народное волненіе или противодѣйствіе власти, или нарушеніе порядка въ воинскихъ частяхъ". Мы думаемъ, конечно, что если кто бы задался цѣлью возбудить въ населеніи враждебное отношеніе къ „правительственнымъ установленіямъ или должностнымъ лицамъ" (читай—„къ кабинету В-Д".), то никакія вымышленныя самой пылкой фантазіей свѣдѣнія не достигнутъ этого результата вѣрнѣе, нежели правдивая лѣтопись о дѣяніяхъ правительства за послѣдніе мѣсяцы. Печати, которая желала бы возбудить дружелюбное отношеніе къ правительству В-Д.,—только этой печати приходилось бы по необходимости прибѣгнуть къ вымышленнымъ или извращеннымъ свѣдѣніямъ. Это, впрочемъ, уже не предположеніе, а фактъ, извѣстный каждому, кто читалъ знаменитыя корреспонденціи г. Диллона въ „Daily Telegraph". Мы до извѣстной степени понимаемъ постановку вопроса во французскомъ, напр., законодательствѣ о печати, гдѣ наказуемо разглашеніе завѣдомо ложныхъ свѣдѣній, нарушившее общественное спокойствіе, хотя и здѣсь нельзя не привести прекрасныхъ словъ Жюля Симона, возражавшаго въ палатѣ

депутатовъ противъ этого закона. „Всякій пойметъ, сказалъ Ж. Симонъ, какъ легко будетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, *для правительства, неразборчиваго въ средствахъ*, связать самый ничтожный безпорядокъ, происшедшій въ неопредѣленный періодъ времени въ какомъ-нибудь мѣстѣ, съ извѣстіемъ, сообщеннымъ, даже въ формѣ предположенія, газетой, направленіе которой не нравится правительству". Эти соображенія имѣютъ значеніе даже во Франціи съ ея парламентарнымъ правительствомъ, съ ея могущественной, привыкшей къ свободѣ прессой. Во сколько же болѣе разъ они примѣнимы къ Россіи! Такъ что же сказать про наказуемость распространенія „извращенныхъ" свѣдѣній, квалифицируемую единственно *цѣлью* „возбудить въ населеніи враждебное къ правительственнымъ установленіямъ или должностнымъ лицамъ отношеніе"? Конечно, эта статья оказалась бы покушеніемъ съ негодными средствами на свободу печати, при условіи, если бы „дѣянія" подобнаго рода вѣдались судомъ присяжныхъ или, вообще, независимымъ судомъ. Для такого суда было бы совершенно понятно, что чувства антипатіи или симпатіи къ правительству опредѣляются *единственно* и *исключительно дѣйствіями* этого правительства; что ни одно сильное и уважающее себя правительство не домогается симпатій и не боится антипатій, внушаемыхъ ложными свѣдѣніями въ печати; что не дѣло правительства воспитывать политическую добросовѣстность печати путемъ судебнаго преслѣдованія. Не говорю уже о самой редакціи статьи, поражающей своей расплывчатостью и неопредѣленностью. Одно ясно: въ рукахъ правительства В-Д. она станетъ новымъ орудіемъ борьбы съ враждебной печатью. Идя по этому пути, придется дойти до примѣненія статьи, о которой, очевидно, забыли. Въ Уложеніи 1845 г. была статья, оставшаяся не отмѣненною и до сихъ поръ (ст. 932). Она угрожаетъ тяжкими уголовными наказаніями, доходящими до

каторги на шесть лѣтъ, за „распространеніе, съ умысломъ, имѣющихъ *политическую зловредную цѣль*... слуховъ“, и, такъ какъ формы распространенія не предусмотрѣны, то постепенное возвращеніе къ „слову и дѣлу“ указывается само собою...

Другой эпизодъ внутренней войны — внесеніе проекта о назначеніи смертной казни, какъ нормальнаго наказанія, за убійство, квалифицированное по средствамъ или по мотивамъ, т. е. возвращеніе къ первой половинѣ XVIII вѣка. Мы пока воздерживаемся отъ оцѣнки этого предположенія, не вѣря, чтобы оно могло осуществиться. Но уже одно возникновеніе его достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, до какихъ предѣловъ можетъ дойти законодательная дѣятельность „въ духѣ“ манифеста 17 октября.

Одною изъ самыхъ отвратительныхъ и застарѣлыхъ язвъ нашего стараго строя была, какъ извѣстно, административная высылка. Еще въ засѣданіи комитета министровъ 11-го января прошлаго года г. Дурново, бывшій тогда товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, категорически заявилъ, что, по его убѣжденію, „въ общегосударственныхъ видахъ представлялось бы желательнымъ, если не совсѣмъ вычеркнуть высылку изъ списка карательныхъ мѣръ, налагаемыхъ административнымъ порядкомъ на политически неблагонадежныхъ лицъ, то по крайней мѣрѣ всемѣрно ограничить ея примѣненіе“. Правда, г. Дурново и тогда аргументировалъ доводами скорѣе полицейскаго характера, и въ этихъ аргументахъ мы тщетно старались бы найти надлежащую оцѣнку административной высылки съ точки зрѣнія права, по существу. Конечно, и до манифеста 17 октября административная высылка была по существу беззаконнымъ зломъ. Но что сказать о воскрешеніи этой мѣры теперь, послѣ манифеста? Что сказать о примѣненіи ея въ предвыборный періодъ, когда она является прямымъ посягательствомъ на политическія права, фактически лишая возможности ихъ осуществить? Опять таки—

это настоящій пріемъ внутренней войны: взятіе въ плѣнъ непріятеля. При такихъ условіяхъ вопросъ о законности, о правѣ—совершенно не ставится, эти понятія попраны. Беретъ верхъ сила. Надъ каждымъ изъ насъ занесенъ кулакъ, и всякіе доводы и разсужденія пасуютъ передъ реальнымъ краснорѣчіемъ этого жеста...

Въ этой симфоніи произвола и насилія раздаются отдѣльные аккорды, даже здѣсь выдѣляющіеся изъ ряда вонъ. Такова голутвинская трагедія. Къ той же категоріи относится невѣроятное постановленіе какого-то полоумнаго генерала, усмиряющаго одну изъ польскихъ губерній,—постановленіе, назначающее *смертную казнь* за храненіе оружія. Оно, правда, было отмѣнено, но авторъ его продолжаетъ свою дѣятельность. Очевидно мы здѣсь имѣемъ дѣло съ какимъ-то опьяненіемъ самовластія. Все позволено, ни за что отвѣчать не придется, лишь бы существовалъ внѣшній поводъ—борьба съ революціей. Судьбы тысячъ людей оказываются въ зависимости отъ отдѣльныхъ личностей, представляющихъ настоящую общественную опасность. И такъ идетъ изо дня въ день, уже третій мѣсяцъ,—и конца не видно этому всероссійскому безчинству торжествующей силы, способной только разрушать, лишенной какой бы то ни было самостоятельной творческой идеи...

Но конецъ наступитъ и, быть можетъ, не такъ долго его ждать. День созыва Государственной Думы, какова бы она ни была,—послѣдній день самаго мрачнаго, самаго позорнаго періода нашей исторіи. Если бы даже избирательное право было осуществлено въ формахъ еще болѣе уродливыхъ, чѣмъ законы 6-го августа и 11-го декабря, все же первое собраніе народныхъ представителей произнесетъ отходную режиму В-Д. Невозможно себѣ представить, чтобы Дума потерпѣла оставленіе у власти *этого* министерства. И напрасно было бы думать, что такому сверженію могутъ быть поставлены какія-нибудь препоны. Прорвавшись въ первое представи-

тельное собраніе, волна общественнаго негодованія и справедливаго гнѣва смоетъ всѣ эти препоны.

Въ одинъ день Россія проснется отъ кошмара, а черезъ мѣсяцъ мы перестанемъ даже понимать, какъ возможно было вынести и вытерпѣть все то, что сейчасъ кругомъ насъ происходитъ...

Эта мысль должна дать намъ нравственную силу, она же должна побуждать насъ напречь всѣ силы въ предвыборной борьбѣ. Правительство В-Д. отлично понимаетъ, что его безславный путь оканчивается у дверей Думы. Горькая, тяжкая необходимость вынуждаетъ его распоряжаться собраніемъ этой Думы: отступленіе здѣсь уже невозможно. Но, конечно, всѣ старанія будутъ приложены къ тому, чтобы въ Думу эту вошли наиболѣе для правительства безопасные элементы. Недаромъ уже ходитъ легенда, будто замышляется фальсифицированная Дума, которая торжественно возстановитъ самодержавіе, отрекшись отъ законодательной власти. Нужна, повидимому, безграничная наивность для того, чтобы повѣрить въ возможность такого финала. Но несомнѣнно, что именно въ предвыборной кампаніи самодержавная бюрократія дастъ послѣдній, рѣшительный бой русскому обществу.

Она этотъ бой проиграетъ, мы въ томъ ни капли не сомнѣваемся. Но, чтобы побѣда была полная и окончательная, необходимо объединеніе и тѣсное сплоченіе всѣхъ оппозиціонныхъ силъ. Къ этому слѣдуетъ неустанно призывать. Должна быть понята во всемъ своемъ значеніи историческая важность настоящей минуты. Судьба министерства В-Д., въ сущности говоря, совершенно безразлична, и дѣло вовсе не въ немъ. Его, вѣдь, свергнетъ дума, состоящая даже изъ членовъ русскаго собранія. Историческая миссія первой Государственной Думы — упраздненіе безъ остатка самодержавной бюрократіи и провозглашеніе новаго государственнаго строя. Наша задача—послать въ Думу тѣхъ, кто это сдѣлаетъ.

Влад. Набоковъ.

Русская церковь *).

Русскіе были крещены въ 988 г. при кіевскомъ князѣ, Св. Владимірѣ, отъ греческаго духовенства. Хотя они приняли христіанство еще до формальнаго и окончательнаго раздѣленія церквей на Восточную и Западную, однако, такъ какъ связи у нихъ были только съ одною Византіею, то, по скоромъ отдѣленіи Византіи отъ Западной церкви, и русскіе были уведены изъ древняго общаго христіанскаго русла въ спеціальный потокъ византійскаго церковнаго движенія. Или, исторически точнѣе: русскіе вслѣдъ за Византіею вошли какъ бы въ тихій, недоступный волненіямъ и вмѣстѣ недоступный оживленію затонъ, тогда какъ западно-европейскіе народы, увлеченные за кораблемъ Рима, вступили въ океанъ необозримаго движенія, опасностей, поэзіи, творчества и связаннаго со всѣмъ этимъ чернымъ трудомъ неблагообразія. Разница между тишиною и движеніемъ, между созерцательностью и работою, между страдальческимъ терпѣніемъ и активною борьбою со зломъ—вотъ что психологически и метафизически отдѣляетъ православіе отъ католичества и протестантства; и, какъ религія есть душа націи, — отдѣляетъ и противополагаетъ Россію западнымъ народностямъ.

Слишкомъ понятно, что крестившіе насъ греки показались намъ столь же необыкновенными по мудрости, учености, по древнимъ связямъ, почти по самому происхожденію, какъ тузсмцамъ Гванагани и Кубы показались спутники Колумба. Младенческій умъ русскихъ не отдѣлялъ или съ трудомъ отдѣлялъ существо вѣры отъ принесшихъ вѣру людей. Византійцы сразу же этимъ воспользовались, стараясь превратить младенческое поклоненіе въ обязательное и суровое повиновеніе грубаго и невѣжественнаго народа авторитету ихъ политической, церковной и всяческой мудрости. Долгое время русскіе, имѣя уже свое духовенство, свои школы, не смѣли поставить митрополита

---

*) Съ удовольствіемъ печатая статью В. В. Розанова, одного изъ немногихъ глубокихъ русскихъ религіозныхъ мыслителей, редакція отнюдь не отождествляетъ себя со всѣми его взглядами.—*Ред.*

въ русскихъ: ясный знакъ фетишизма, перенесеннаго съ религіи на племя, со строя церковнаго на строителей церковныхъ. Византійцы частный поводъ своей ссоры съ папами, именно—упреки константинопольскаго патріарха Фотія папамъ за нѣкоторыя формальныя отступленія отъ „устава церковнаго“ (другой способъ печенія просфоръ и т. п.), возвели въ принципъ, окружили нервностью, придали ему принципіальное значеніе и постарались всю эту мелочность поводовъ раздѣленія привить вновь крещенному народу, новому своему другу, помощнику и возможному въ будущемъ защитнику своей исторической дряхлости. Разлагаясь, умирая, Византія нашептала Россіи всѣ свои предсмертныя ярости и стоны и завѣщала крѣпко ихъ хранить Россіи. Россія, у постели умирающаго, очаровалась этими предсмертными его вздохами, приняла ихъ нѣжно къ дѣтскому своему сердцу и дала клятвы умирающему — смертельной ненависти и къ племенамъ западнымъ, болѣе счастливымъ по исторической своей судьбѣ, и къ самому принципу ихъ особаго существованія — корню жизни, акціи, дѣятельности. Наступилъ для Россіи отъ 988 г. до 1700 года (реформы Петра Великаго) періодъ „византійскаго строя“, „византійскаго вліянія“, „византійской уставности“.

Дитя—Россія приняла видъ сморщеннаго старичка. Такъ какъ нарушенія „Устава“ папами были причиною отдѣленія Восточной церкви отъ Западной или раздѣленія всего христіанства на двѣ половины, то Византія нашептала Россіи, что „уставъ“, „уставность“— это-то и есть главное въ религіи, сущность вѣры, способъ спасенія души, путь на небо. Дитя—Россія испуганно приняла эту непонятную, но святую для нея мысль и совершила всѣ усилія, гигантскія, героическія, до мученичества и самораспятія, чтобы отроческое существо свое вдавить въ формы старообразной мумія, завѣщавшей ей свои вздохи. Какъ „уподобиться“ Византіи,—въ этомъ состояло существо историческихъ заботъ Россіи въ теченіе болѣе чѣмъ полутысячелѣтія. И, въ концѣ концовъ, вѣдь форма вліяетъ на духъ: Россія чѣмъ далѣе, тѣмъ глубже „умерщвлялась“ и духовно. „Умерщвляться“ — это стало не только понятіемъ, идеаломъ древней Руси; но это гибельное явленіе такъ и называлось этимъ словомъ, не внушавшимъ никакихъ о себѣ сомнѣній, никакого передъ собою страха. Для русскихъ „близиться къ смерти“ и „близиться къ святости“ до того слилось въ единый путь, отождествилось, что даже теперь и даже образованные классы не вполнѣ свободны отъ этого понятія. Оно есть нравственная и метафизическая аксіома въ нашихъ монастыряхъ; до сихъ поръ имъ проникнутъ и теперь весь нашъ народъ въ многомилліонной своей массѣ. Самые образованные люди, какъ Тур-

геневъ, какъ Герценъ, атеисты, нигилисты — въ серьезныя минуты жизни вдругъ видятъ въ себѣ возрожденною эту древнѣйшую, первоначальную вѣру своего народа: что умереть святѣе, нежели жить, что смерть угоднѣе Богу (для вѣрующихъ), Высшему Существу (для философовъ), Чему то (для атеистовъ), нежели жизнь. Эта грустная и ужасная (по мнѣнію пишущаго эти строки) мысль сообщила главный нравственный колоритъ всей восточной, русской Европѣ: чего то меланхолическаго и погибшаго въ смыслѣ прогресса, чего то страдающаго и страшно дорогого, чему никто не сумѣетъ помочь. И тѣмъ дороже это существо (Россія), и тѣмъ страшнѣе за нее. Матери въ деревняхъ, когда умираютъ ихъ дѣти на первомъ или второмъ году ихъ жизни, съ радостью говорятъ: „слава Богу, онъ еще не нагрѣшилъ". Вы испуганы, стараетесь возразить, разсѣять „предразсудокъ", какъ вамъ кажется, но слышите отвѣтъ красивой, здоровой, разумной женщины: „жить это только грѣшить, такъ и въ церковныхъ молитвахъ поется: не можетъ человѣкъ единой минуты прожить безъ грѣха. О чемъ же плакать? Мой младенецъ у Бога; и намъ съ вами (т. е. взрослымъ людямъ) не будетъ такъ хорошо тамъ" (т. е. на небѣ). Русскіе люди, какъ въ молодомъ возрастѣ, такъ и въ лѣтахъ возмужалости, когда силы жизни берутъ верхъ надъ смертными началами въ человѣкѣ, когда практическія нужды, служба, работа приковываютъ умъ къ реальной жизни — мало посѣщаютъ церковь, подсмѣиваются надъ церковью, надъ религіею, даже иногда отрицаютъ Бога. Но это—возрастъ, годы. Самое существо „вѣры русской" (такъ называютъ иногда православіе; но „вѣра русская", очевидно, шире этого церковнаго термина) — не молодо, не юно и даже не возмужало; и въ эти годы просто человѣкъ не находитъ себѣ соотвѣтственнаго въ храмахъ нашихъ, въ службахъ, въ напѣвахъ церковныхъ, въ смыслѣ словъ, тамъ слышимыхъ, въ церковной живописи. Все жизненное, живучее, крѣпкое землѣ, преданное труду, надѣющееся на людей и ихъ свойства человѣческія—не только стерто здѣсь, но вырвано съ корнями; и выброшена за порогъ церковный самая земля, на которой могли бы укрѣпить свои корни эти земныя произрастанія. Вся церковь, символически сказать, наполнена, какъ бы цвѣтами уже не земными, предполагаемо—небесными; какъ бы сперва умершими и потомъ воскресшими для какого то страннаго, неосязаемаго, призрачнаго существованія „тамъ" (на небѣ, за гробомъ). Вся религія русская—по ту сторону гроба. Можно сказать, Россія находитъ слишкомъ реальнымъ и грубымъ самую земную жизнь Спасителя; она слушаетъ полуоткрытымъ ухомъ его поученія, притчи, завѣты. Все это она помнитъ, но умомъ на этомъ

не останавливается. Но вотъ Спаситель близится ко кресту: Россія страшно настораживается, ухо все открыто, сердце бьется. Христосъ умеръ—Россія въ смятеніи. Для нея это—не исторія, а какъ бы наличный сейчасъ фактъ. Она прошла со Христомъ всю невыразимую муку Голгоѳы. Но и это еще не все, не главная „сущность русской вѣры". Въ Евангеліяхъ мы читаемъ, какъ за земною жизнью Спасителя, уже въ краткихъ главахъ—повѣствуется о нѣсколькихъ дняхъ его бытія послѣ смерти и погребенія. Онъ то является ученикамъ, то скрывается. Рѣчи болѣе кратки и болѣе таинственны. И эти рѣчи, и самыя явленія—все знаменуетъ собою что то непрямое, какую-то загробную тайну. Вотъ „русская вѣра" чрезвычайно напоминаетъ эти заключительныя главы Евангелія, блѣдныя, нереальныя, потустороннія. И русскій человѣкъ не только глубоко постигъ тайную красоту смерти и ползетъ къ этой странной и загадочной красотѣ, но онъ и въ самомъ дѣлѣ умѣетъ съ величіемъ умирать, онъ самъ становится прекраснѣе въ болѣзняхъ, въ страданіяхъ, въ испытаніяхъ. И особенно—прямо передъ гробомъ. Напримѣръ, у русскихъ существуетъ чрезвычайный страхъ умереть внезапно, скоропостижно, „безъ чистаго покаянія", и, наконецъ, хотя отчасти не искупивъ грѣховъ своихъ тяжелыми муками предсмертнаго болѣнія. Точно вся жизнь кажется русскимъ черною, а съ приближеніемъ къ смерти, все принимаетъ бѣлые цвѣта, принимаетъ сіяніе. Жизнь—это ночь; смерть—это разсвѣтъ; и, наконецъ, вѣчный день — „тамъ" (на небѣ, съ Отцомъ Небеснымъ). Итакъ, въ юности и мужествѣ русскіе не посѣщаютъ храмовъ, учащіеся—часто кощунствуютъ въ нихъ. Но вотъ эти самые кощунствовавшіе люди переходятъ за 50-тилѣтній возрастъ. Приходятъ болѣзни, давно наступили семейныя тягости. Богатство или потеряно (частый случай у непрактическихъ русскихъ, у расточительныхъ русскихъ) или не пріобрѣтено — какъ расчитывалось въ молодости. Дѣти уже поднялись и, заботясь о себѣ, мало думаютъ о родителяхъ. Семейная жизнь некрѣпка и некрасива у русскихъ, кромѣ исключительныхъ случаевъ. Итакъ—богатства нѣтъ, слава—не нужна, дѣти—похолодѣли. Въ этомъ возрастѣ человѣкъ чувствуетъ себя одинокимъ, ненужнымъ, лишнимъ. Вдругъ, зайдя случайно въ храмъ, онъ находитъ все роднымъ себѣ, въ высшей степени понятнымъ, страшно нужнымъ. Храмъ точно и ожидалъ этихъ его 50-ти лѣтъ, и еще лучше—60; ожидалъ его болѣзней, сгорбленности, бѣдности, покинутости родными и друзьями; храмъ принимаетъ его, какъ друга, какъ родного, принимаетъ съ безконечною нѣжностью, заботою, всепрощеніемъ за прошлую неправильную жизнь. Тысяча интимныхъ,

глубочайшихъ, метафизическихъ нитей оказываются общими у этого старца, всѣми покинутаго, и у этого храма, котораго такъ чтитъ родина и который вообще имѣетъ широкое признаніе и огромную историческую роль. Слабый старикъ, больной, „лишній“ вдругъ нашелъ здѣсь себѣ отечество, почти службу, почти рангъ, положеніе и даже награды. Всякій человѣкъ хочетъ себѣ опредѣленнаго положенія, теряется безъ положенія; здѣсь, въ православномъ русскомъ храмѣ, такія съ всемірной точки зрѣнія слабости, какъ дряхлость, немощь и убожество, какъ нищета и соціальное ничтожество, оцѣниваются, какъ положительная добродѣтель, какъ заслуга передъ Богомъ, какъ небесное на человѣкѣ сіяніе. Человѣкъ, вотъ уже къ 60 годамъ подходящій, радостно вступаетъ на эту послѣднюю, незыблемую, исторически признанную (въ Россіи) лѣстницу—и спѣшитъ по ней. Онъ забываетъ друзей, родныхъ для храма. Театръ, зрѣлище, все веселое,—отвратительно для него, „царство сатаны и дьявола“, „духовный антихристъ“. Онъ нашелъ Христа,—по ту сторону Его, Христова, воскресенія. Его манитъ блѣдный ликъ Господа, съ неопавшими смертными покровами, которыми Его увили Іосифъ Аримаѳейскій и Магдалина. Самъ онъ, этотъ немощный старичекъ, немощная старушка, заготовляютъ и для себя все смертное: въ особый узелокъ они укладываютъ чистое, особо сшитое, широкое бѣлье, въ которомъ завѣщаютъ положить себя въ гробъ, и деревянный кипарисный (никогда дорогой и металлическій) крестикъ, который, полагая въ гробъ, ему надѣнутъ на шею. Этотъ узелокъ со „смертнымъ“ русскіе, отправляясь въ дорогу по дѣламъ, не забываютъ взять съ собою: на случай смерти въ дорогѣ—чтобы не произошло ошибки и не положили мертваго въ чужомъ бѣльѣ, а не въ этомъ, своими руками заготовленномъ. И это находитъ себѣ отзвукъ въ церкви. Вотъ человѣкъ умеръ. Женщины (непремѣнно женщины) омываютъ его (ибо женщиною рожденъ человѣкъ и ею же долженъ быть омытъ и положенъ въ гробъ); надѣвается на него все смертное, изъ котораго исключено все богатое, всякое золото или шелкъ. Къ гробу зовутъ монашку, которая все время до погребенія, и особенно непрерывно всю ночь, читаетъ надъ нимъ псалмы Давида, любимѣйшую народную русскую книгу. Храмъ высылаетъ золотой парчевой покровъ на усопшаго: ту особенную, только одними священниками во время службы надѣваемую матерію, которая у насъ, на Востокѣ, такъ же символична и священна, какъ красный или голубой виссонъ въ покровахъ на жертвенникѣ и въ одѣяніяхъ священниковъ при ветхозавѣтномъ храмѣ. Этою священною тканью, въ сущности ризою, одѣвается въ гробу усопшій. Никто не говоритъ, нигдѣ не

напечатано, что онъ — священникъ теперь. Но мысль наблюдателя открываетъ дальше, чѣмъ сколько смѣетъ сказать уставъ. Вокругъ усопшаго ставятъ зажженныя высокія восковыя свѣчи, вставленныя въ серебристые, высланные изъ храма, подсвѣчники (особой формы: домашнихъ, своихъ подсвѣчниковъ, нельзя употребить). Три свѣчи зажигаются; и при чтеніи псалмовъ, среди этихъ зажженныхъ свѣчъ, особенно ночью, такъ и кажется, что вотъ воздвигся около усопшаго свой новый временный храмъ; городской общественный храмъ, подобно греческой метрополіи—выслалъ сюда въ частный домъ свою колонію. Кто же главный въ немъ, кто дѣйствователь? гдѣ божество, или ангелъ, или безплотный духъ сего временнаго зажегшагося храма? — Гробъ, покойникъ... Они живы, они суть, они— дѣйствователи въ этой таинственной религіи шествованія къ смерти; они умерли—слѣдовательно, они какъ бы „боги“ и во всякомъ случаѣ выше, священнѣе людей. Грекъ, язычникъ, всякій сторонній, словомъ, привыкшій къ многобожію человѣкъ, вовсе не знающій ничего о христіанствѣ и единобожіи, непремѣнно передалъ бы такъ свое впечатлѣніе: „у этого народа боговъ столько, сколько покойниковъ и сколько вообще есть умершихъ въ ихъ странѣ; покойники носятъ одежду, какъ священники и еще, какъ иконы (тѣ же характерныя металлическія ризы) и передъ ними, какъ только передъ иконами, кадятъ ладаномъ, читаютъ псалмы и поютъ молитвы“. И это общее пластическое наблюденіе, сказавъ много неожиданнаго самимъ русскимъ (вѣдь не всякій и себя знаетъ), раскрыло бы самое зерно ихъ религіозности и религіи.

При этомъ общемъ настроеніи, меланхолическомъ и гнѣвномъ къ землѣ, замерло, какъ бы заморожено было на семь вѣковъ пѣсенное и играющее творчество народа-дитяти. Нѣтъ танцевъ около гроба, нѣтъ пѣсенъ надъ могилою. Бытъ народный, всѣ цвѣточки, всѣ листочки на немъ обрывались съ отвращеніемъ сперва греческими монахами, крестившими и начавшими учить Русь, затѣмъ, выучившимися у нихъ русскими монахами, и, наконецъ, священниками, которые хотя и не монахи по формѣ, но не могутъ получить сана своего иначе, какъ пройдя монашескую по духу и строю школу и принявъ монашеское настроеніе, дисциплину, міросозерцаніе и этику. Вообще, хотя низшее духовенство, т. е. обыкновенные священники, женато въ Россіи, и Востокъ гордится даже передъ Западомъ, что не имѣетъ у себя „целибата“ и не отрицаетъ, въ лицѣ духовенства, заповѣди размноженія, однако русское духовенство, и именно это самое женатое, неизмѣримо аскетичнѣе католическаго; и въ поэтичномъ смыслѣ, а не въ смыслѣ голой физіологіи размноженія, оно гораздо менѣе

женато, нежели католическое. Страшный духъ оскопленія, отрицанія всякой плоти, вражды ко всему сырому веществу земли, къ блистающимъ одеждамъ міра, сдавилъ съ такой силою русскій духъ, какъ объ этомъ на западѣ не имѣютъ никакого понятія. Въ католическихъ самобичеваніяхъ есть все-таки нервы. Тайну русскаго аскетизма составляетъ именно безнервность: плачъ, горе, напримѣръ, по усопшимъ, по роднымъ, по смерти друга—вотъ непростительная слабость для аскета, какъ и бурный гнѣвъ на чужой грѣхъ, на зло—есть прямо грѣхъ, проступокъ и „паденіе" святого. Да русскіе святые никогда никого и не упрекали; такъ—легкая слеза, легкій упрекъ въ сторону, почти безмолвно, почти только въ душѣ. Напримѣръ, святой Ѳеодосій (вскорѣ послѣ крещенія Руси) пришелъ на одинъ пиръ великокняжескій и, сѣвъ въ сторонѣ—заплакалъ. Когда его спросили, о чемъ онъ плачетъ, онъ отвѣтилъ: „братія, я размышляю, будетъ ли такъ же весело на томъ свѣтѣ (послѣ смерти), какъ вы проводите весело время на этомъ свѣтѣ". Князь и гости смутились и прекратили веселье. Кто здѣсь былъ покорнѣе? Святой—князю? Князь—святому? Оба лобызали другъ другу руку въ таинственной взаимной покорности, и святой такъ же боялся (нравственно и деликатно, отнюдь не рабски) своего упрека, какъ князь своего веселья около изможденнаго молитвою и постомъ святого. Вотъ это и даетъ образчикъ характернаго русскаго обращенія къ другимъ, вліянія, дѣйствія, пропаганды: ея западныя формы, протестантскія и особенно католическія, у насъ немыслимы, невообразимы. Весь русскій народъ закричалъ бы „не надо", при видѣ перваго же насилія, первой грубости инокрещеному, иновѣрному. Притѣсненія бывали и у насъ за вѣру, но никогда — народныя, никогда — изъ толпы. Всегда это были „мѣропріятія" чиновниковъ, въ цѣляхъ національнаго объединенія, обезличенія другихъ народностей; или, въ рѣдчайшихъ случаяхъ, это было дѣйствіями высшей церковной іерархіи, раздраженной и оскорбленной жестокою критикою и часто дѣйствительно невыносимыми хулами религіозныхъ „отщепенцевъ" оффиціальной церкви. Старовѣры русскіе и вообще всѣ русскія секты не только упрекаютъ въ ошибкахъ и измѣнахъ правительственную русскую вѣру, но иначе и не называютъ ее, постоянно и громко, какъ „царствомъ Антихриста", и притомъ съ убѣжденіемъ и пыломъ, какого на Западѣ не сумѣютъ представить себѣ. Вообще изъ исторіи сектантства нужно отмѣтить эту трогательную и нигдѣ еще не встрѣчающуюся черту, что 1) кричатъ—раскольники, шепчутъ православные; 2) безстрашны—гонимые, всего боятся, робки въ словѣ и дѣйствіяхъ—гонители; 3) всего надѣются, ко всему рвутся сектанты,

пессимистично настроены и боятся шевельнуться, сдѣлать шагъ впередъ или въ сторону—представители оффиціальной церкви. Это сообщаетъ самой оффиціальной церкви до того кроткій и смиренный видъ, что, при всемъ пониманіи въ ней недостатковъ—ее больно критиковать, хочется все ей извинить, со всѣмъ примириться и умереть все-таки православнымъ, даже при отрицаніи почти всего въ православіи. Это—одна изъ тайнъ „русской вѣры", которая вообще и вся состоитъ изъ странныхъ психологическихъ и метафизическихъ тайнъ, ни мало не вошедшихъ въ оффиціальныя догматики, которыя всѣ скомпилированы съ протестантскихъ или католическихъ ученыхъ трудовъ, и ни мало не выражаютъ русскаго церковнаго духа и народнаго религіознаго настроенія и міросозерцанія.

Русскіе церковные напѣвы и русская храмовая живопись — все это безплотно, безъ-женно, „духовно" въ строгомъ соотвѣтствіи съ общимъ строемъ церкви. Богоматерь, питающая грудью Младенца-Христа—невозможное зрѣлище въ русскомъ православномъ храмѣ. Здѣсь русскіе пошли противъ исторически-достовѣрнаго слова Божія: напримѣръ, хотя Дѣва-Марія родила Іисуса еще юною, никакъ не старше 17 лѣтъ, однако, съ Младенцемъ-Іисусомъ на колѣняхъ она никогда у насъ не изображается въ этомъ возрастѣ. Богоматерь всегда изображается въ нашихъ церквахъ, какъ старая или уже старѣющая женщина, лѣтъ около 40, и держа на колѣняхъ всегда вполнѣ закрытаго (сравни съ католическими обнаженными фигурами) Іисуса, она имѣетъ видъ не матери, а няни, пестующей какого-то несчастнаго и чужого ребенка: лицо ея всегда почти скорбное и нерѣдко со слезою, вытекшею изъ глаза. Вообще Голгоѳа перенесена въ самый Виѳлеемъ и вытравила въ немъ все радостное, легкое, все обѣщающее и надѣющееся. Никогда не видно въ православной живописи (самобытной и оригинальной, распространенной повсемѣстно) и животныхъ около Вертепа Господня: коровъ, пастуховъ, маленькихъ осликовъ. Вообще животное начало съ страшною силою отторгнуто, отброшено отъ себя православіемъ. Въ сущности, оно все—монофизитно, хотя именно на Востокѣ монофизитство, какъ догматъ, было отвергнуто и осуждено. Но какъ догматъ—оно осудилось, а какъ фактъ—оно обняло, распространилось и необыкновенно укрѣпилось въ православіи и стало не одною изъ истинъ православія, а краеугольнымъ камнемъ всего православія. Все оно выросло изъ одной тенденціи: истребить изъ религіи всѣ человѣческія черты, все обыкновенное, житейское, земное и оставить въ ней одно только небесное, божественное, сверхъестественное. Такъ какъ въ сущности метафизичнѣе смерти ничего нѣтъ, и ничего нѣтъ бо-

лѣе противоположнаго земному, чѣмъ умирающее и умершее, то въ этой крайности направленія православіе и не могло не впасть въ какой то апоѳеозъ смерти, невольный и безсознательный для себя, и однако—мучительный.

До какой степени все радостное, земное, всякое просвѣтленіе черезъ религію собственно самой жизни и ея условій враждебно основнымъ тенденціямъ православія, видно изъ глубокой изуродованности семейной жизни у духовенства. Русскіе гордятся, что у нихъ нѣтъ „целибата". Но они допустили бракъ священниковъ почти только ариѳметически, вербально, только по имени: истребивъ съ величайшей жестокостью все, откуда бракъ возникаетъ, и что̀ его окружаетъ. Бракъ возникаетъ изъ любви—но церковь не допускаетъ самаго слова „любовь", это—„плотская любовь", „эстетическое восхищеніе", такъ выразившееся у Адама при видѣ сотворенной для него Евы. Русскій священникъ, уже принявъ санъ, не можетъ жениться. Если онъ принялъ санъ священника, не женившись, и потомъ захотѣлъ бы жениться—ему не будетъ этого дозволено. Такимъ образомъ у русскихъ существуетъ целибатъ же. Но на ряду съ этой суровостью и сухостью, съ этой враждой къ семьѣ и браку, церкви Восточной хочется упрекнуть Западную за „целибатъ" и осудить ее за отрицаніе заповѣди: „плодитесь, множитесь". Какъ же этого достигнуть? Построена одна изъ хитрыхъ византійскихъ паутинъ мысли, чтобы въ одно и то же время отвергнуть и признать, какъ будто благословлять и вмѣстѣ съ тѣмъ ненавидѣть: семинаристъ долженъ жениться въ нѣсколько недѣль, длящихся между выходомъ изъ духовнаго учебнаго заведенія и принятіемъ сана. Въ эти нѣсколько недѣль онъ долженъ пріискать невѣсту среди духовенства же ближнихъ приходовъ, и какъ никакой любви не можетъ возникнуть сразу, то единственнымъ основаніемъ брака служитъ гнуснѣйшій и открытый торгъ о приданомъ. Священникъ будущій беретъ за невѣстою, смотря по тому, кончилъ ли онъ въ семинаріи или въ духовной академіи, отъ одной до пяти тысячъ рублей и тщательно выговоренное вещественное приданое: платья шерстяныя и шелковыя, посуду чайную и столовую, серебряныя ложки чайныя и столовыя (обѣденныя), мебель и проч. Ни въ одномъ изъ русскихъ сословій, даже среди полунищаго крестьянства, среди мѣщанства и купечества, не происходитъ такого грубаго торга о приданомъ невѣсты, какъ въ духовномъ сословіи, и вина здѣсь не въ женящихся молодыхъ людяхъ изъ духовенства, а въ уничижительномъ церковномъ взглядѣ на бракъ, какъ просто на случку животныхъ, но только пожизненную и одного самца съ одною самкою, при полномъ исключеніи другихъ мотивовъ

брака, этическихъ и эстетическихъ, сродства душъ, дружелюбія, уваженія. Такимъ образомъ, вопреки Библіи, въ разрушеніе ея слова, церковь русская выкинула вовсе любованіе Адама на Еву и сотвореніе ея Богомъ въ удовлетвореніе столько же духовной нужды Адама, сколько и физической. Слова Божіи: „не хорошо быть человѣку одному“, „сотворимъ ему помощницу, соотвѣтственную ему“ (Бытія, гл. 2)—противны русскому слуху и выброшены вонъ, какъ руководительныя нормы при устроеніи брака церковью. Нужно замѣтить, что такъ какъ абсолютно безплотный идеалъ непереносимъ для человѣка, ибо по самой природѣ своей человѣкъ не монофизитенъ, то у русскихъ и православныхъ вообще плотская сторона въ идеѣ вовсе отрицается, а на дѣлѣ имѣетъ скотское, свинское, абсолютно безсвѣтное выраженіе. Брака по существу вовсе бы не должно быть. Но насколько онъ есть и допускается и законодательно регулируется, это есть голое и безлюбовное размноженіе, рядъ случекъ самца и самки для произведенія „духовныхъ чадъ церкви“ (обыкновенный мотивъ при разсужденіяхъ о бракѣ духовныхъ писателей). Свѣтъ младенца, радости родительскія, теплота своего угла, поэзія родного крова—все это непонятныя русскому (кромѣ образованныхъ, атеистическихъ классовъ) слова, все это недопустимыя съ церковной точки зрѣнія понятія; церковь допускаетъ, что если супруги вступаютъ въ соединеніе, то должны имѣть при этомъ цѣли, какими приблизительно задается католическій патеръ, идя въ дикія страны: послѣдній, крестя дикарей, увеличиваетъ паству римскаго епископа, а русская чета должна думать не о себѣ, а о томъ, что черезъ рожденныхъ отъ нея дѣтей, обязательно крестимыхъ въ православіе, возрастетъ численность православнаго населенія и мощь вѣры... Самимъ родителямъ, самой семьѣ не удѣляется церковью никакого вниманія, не допускается въ идеѣ никакой ихъ интересъ. Договоримъ о бракѣ священниковъ: обвѣнчавшись, онъ спѣшитъ къ епископу за полученіемъ мѣста и немедленно посвящается въ санъ священства, или діаконства. При этомъ онъ снимаетъ обручальное кольцо и во всю жизнь не имѣетъ права носить его. Бываютъ частые случаи, что священникъ теряетъ жену въ первый же годъ брака, или на второй, на третій годъ, и остается съ 1—2 малютками. Хотя православная церковь называетъ себя „матерью чадъ своихъ“, т. е. всѣхъ православныхъ, и хотя она облита слезами скорби, и старается имѣть видъ жалости ко всѣмъ тварямъ,—она остается черства, тверда и суха къ положенію этихъ несчастныхъ священниковъ, не допуская ни подъ какимъ видомъ ихъ до второго брака, не дозволяя взять мать для осиротѣвшихъ дѣтей, хозяйку

для разваливающагося дома. Хотя не безъизвѣстно всѣмъ изъ посмертныхъ разсказовъ такихъ вдовцовъ, да и изъ свидѣтельства очевидцевъ, что съ этого именно времени священники многіе впадаютъ въ запойное пьянство отъ непривычнаго одиночества, или предаются картежной игрѣ, или вступаютъ въ связь съ женскою прислугою и съ дальними, живущими въ дому ихъ, родственницами,—вытекаетъ это изъ того, что уже и первый бракъ данъ имъ для того, чтобы имѣть поводъ упрекнуть католиковъ за безбрачіе, но безъ всякаго вовсе чувства брака, сочувствія къ нему, поэзіи около него.

Въ силу этого и вообще семья у русскихъ стоитъ не высоко, ибо и для прочихъ мірянъ, для всего народа, условія вступленія въ бракъ выработаны также жестко, сухо, отталкивающе. Все библейское ученіе о бракѣ въ православной церкви вовсе отмѣнено; все библейское чувство семьи и брака вовсе неизвѣстно у православныхъ, и, если бы гдѣ проявилось фактически, вызвало бы величайшее озлобленіе противъ себя. Такъ съ ненавистью и церковь, и православные люди смотрятъ на супружество двоюродныхъ, на бракъ дяди и племянницы, не говоря уже о библейской полигаміи, которая вызвала бы ужасъ; по закону нашему за это ссылаются въ Сибирь. Смотря на бракъ только какъ на безлюбовную, животную случку, въ интересахъ увеличенія душъ христіанскихъ происходящую, церковь смотритъ на всякую поэтизацію брака, на всякое стремленіе внести сюда свѣтъ и даже хотя бы простую упорядоченность,—какъ приблизительно на попытку возстановить язычество. Какъ бы ни ненавидѣли супруги другъ друга, церковь этимъ не тревожится и не безпокоится; а по требованію знаменитаго іерарха русской церкви, митрополита московскаго Филарета, который считается почти святымъ и вмѣстѣ первенствующимъ авторитетомъ церкви за XVIII и XIX вѣка, было уничтожено право женъ просить развода въ случаѣ не только жесточайшихъ побоевъ мужа, но и доказанной на судѣ попытки его убить свою жену. Видно, что это не доходитъ скорбью до сердца церкви. Это есть малый интересъ для нея, сравнительно съ морской бурей, произведенной отъ погруженія ризы Богородицы въ море въ X-мъ вѣкѣ. Вообще церковь православная монофизитна не только въ той тенденціи, что изъ „воплощенія Сына Божія“ изъяла собственно „плоть“, „воплощеніе“, — но и въ той другой и болѣе вредной тенденціи, что она вообще глубоко бездушна и суха ко всему житейскому, всей жизни, всему реальному, дѣйствительному міру. Что она его отрицаетъ, это было бы безопасно; но она его развращаетъ тѣмъ, что не допускаетъ религіозному свѣту проникнуть въ матерію, въ жизнь, въ человѣческія отношенія. Или, точнѣе, она пропускаетъ

сюда свѣтъ такъ преломленный, что онъ разрушаетъ, а не преображаетъ. Моментъ „преображенія“ (безъ отрицанія) вовсе неизвѣстенъ православію, иначе какъ на словахъ, въ словесныхъ фетишахъ.

Изъ этого общаго склада православія вытекло учрежденіе оберъ-прокуратуры при Св. Синодѣ; не столько, впрочемъ, учрежденіе, возникшее совершенно случайно, сколько необыкновенная прочность его, несмотря на явную антикаѳоличность этого учрежденія и всеобщую нелюбовь къ нему народа и общества. Первоначально эта должность была учреждена Петромъ Великимъ изъ опасеній соперничества съ царскою властью честолюбивыхъ патріарховъ, чему примѣръ былъ данъ патріархомъ Никономъ. Петръ вообще былъ человѣкъ очень сильнаго воображенія, чрезвычайной мнительности и опасливости, переходящей въ робость и испугъ; таковъ онъ былъ, несмотря на кровавый ореолъ свой, грозный характеръ и неукротимую энергію. Хотя Никонъ боролся противъ его безвольнаго („тишайшаго“, по выраженію лѣтописей) отца и все же былъ побѣжденъ, такъ что очевидно никакой патріархъ не могъ бы одолѣть великій въ народѣ авторитетъ Царя, однако Петръ боялся даже тѣней, даже возможностей, и отмѣнилъ вовсе патріаршество, учредивъ на мѣсто его такъ называемый „Синодъ“. Онъ состоитъ изъ собранія 8—10 іерарховъ, митрополитовъ и епископовъ, вызываемыхъ засѣдать сюда указомъ Государя. А такъ какъ Государь, поглощенный военными и дипломатическими отношеніями государства, да и другими безчисленными заботами по внутреннему управленію, не имѣетъ, конечно, возможности знать личный составъ духовенства, то назначеніе послѣдняго на мѣста епископскія, архіепископскія и митрополичьи, а затѣмъ и въ члены Св. Синода происходитъ по рекомендаціи особаго чиновника, на правахъ министра, приставленнаго къ синоду,—оберъ-прокурора его. Чиновникъ этотъ приставленъ былъ къ Синоду, дабы слѣдить за согласованіемъ дѣйствій духовенства съ гражданскими законами и вообще съ интересами государства, равно, чтобы предупредить всякія попытки честолюбивыхъ духовныхъ особъ послѣдовать по пути Никона. Въ XVIII вѣкѣ такими чиновниками преднамѣренно назначались иногда атеисты или вольнодумцы, любители философіи Вольтера и энциклопедистовъ: дабы они могли холоднѣе и бездушнѣе давать отпоръ особымъ притязаніямъ духовенства, и вообще построже за нимъ присматривать. Эти свѣтскіе философы были въ то же время дѣятельными чиновниками, добросовѣстными, трудолюбивыми, и въ XVIII-мъ же вѣкѣ они начали выступать на защиту приниженнаго низшаго сословія духовенства, именно священниковъ (семейныхъ) противъ монаховъ-іерарховъ, которые соста-

вляютъ аристократію церкви. Въ XVIII вѣкѣ они мало-по-малу заставили лѣнивое и необразованное монашество заниматься, по крайней мѣрѣ, административно, чиновно дѣлами, до церкви относящимися. Весь строй церковный сталъ преобразовываться, сохраняя религіозныя формы, въ обширное „вѣдомство“ или „министерство духовныхъ дѣлъ“, при чемъ архіереи (епископы) мало-по-малу уравнялись съ губернаторами и вице-губернаторами (викарные епископы), а обыкновенные священники стали мѣстными духовными наблюдателями за населеніемъ, на подобіе становыхъ и квартальныхъ, но только въ торжественномъ духовномъ одѣяніи и съ правомъ совершать таинства и службы. Движеніе это усилилось съ императора Павла, когда и священники, и епископы всѣ стали получать награды орденами, какъ и обыкновенные чиновники. Все это отвлекло духовенство отъ собственно духовной стороны, и развило въ немъ всѣ страсти свѣтской службы: искательство у начальства, которымъ является свѣтское начальство, и жадность къ денежному прибытку, который почерпается у прихожанъ. Но болѣе опасно сдѣлалось положеніе духовенства и всей церкви съ тѣхъ поръ, какъ на должность оберъ-прокуроровъ стали восходить люди не только обширнаго образованія, но и сильнаго религіознаго настроенія. Съ этой перемѣною оберъ-прокуроры сдѣлались не защитниками только государства отъ церкви, а руководителями церкви. Не связанные никакими обѣтами священства, они въ то же время являются фактически главами церкви, насколько она есть въ текущій моментъ. То есть они не могутъ ничего прибавить или убавить въ догматахъ церкви, въ сложившемся ученіи ея,— хотя и объ этомъ можно сказать, что они лишь до сихъ поръ не трогали этихъ археологическихъ святынь православія, а не то, чтобы они никогда не смогли тронуть ихъ, особенно косвенно и постепенно. Напримѣръ, отъ оберъ-прокуроровъ уже теперь зависитъ назначеніе профессоровъ въ духовныя академіи и въ семинаріи, и назначеніе тѣхъ или иныхъ монаховъ на епископскую и митрополичью каѳедру и вызовъ въ синодъ. Слишкомъ понятно, что, не покровительствуя прямо такимъ то мнѣніямъ, такимъ то направленіямъ въ богословіи,—они могутъ покровительствовать, давать занятія и должности, и раздавать ученыя и административныя каѳедры людямъ, держащимся такого то, хотя бы съ еретическимъ оттѣнкомъ, образа мыслей, и подавлять людей противоположнаго образа мыслей. Хотя до сихъ поръ не было примѣра, но со временемъ они могутъ такимъ образомъ оказать вліяніе и на „сокровищницу древностей“ православія, въ составѣ ли ея догматовъ и ученія, или обрядовъ. Пока оберъ-прокуратура, глубоко сковавъ, до полной неподвижности, черную, монашескую іерар-

хію, и, усиливаясь улучшить положеніе бѣлаго духовенства, имѣетъ характеръ не столько свѣтскаго папства въ церкви, въ чемъ ее упрекали очень многія свѣтила нашей литературы, публицистики и науки, — сколько скорѣе смотрителя-врача около слабаго больного, около душевно-больного съ приступами временнаго буйства: причемъ роль ея и полезна, и необходима, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно безпритязательна, ибо оберъ-прокуроръ, этотъ обвиняемый „папа со шпагою", слетаетъ съ должности и замѣняется противоположнымъ по первому мановенію Государя. Само собою разумѣется, что, при такой зыбкости положенія, онъ никакъ не можетъ походить на папу. Все дѣло проще, но немного страшнѣе. „Церковь—не отъ міра сего", — учила о себѣ церковь, возлюбивъ и власть, и ордена, и отличія, а паче всего не пренебрегая деньгами. Глубокая скорбь прошла черезъ душу русскую, въ ея идеализмѣ ужаснувшуюся этому двуличію. Тогда, въ лицѣ власти, душа русская рѣшила сохранить для народа весь декорумъ религіи, „святую сокровищницу древностей", и въ то же время осторожно арестовать или взять въ опеку или подъ присмотръ всѣхъ этихъ носителей исторической святыни, дабы они не разсыпали и не растеряли чего, да и вели себя около святыни не соблазнительно для народа. О самой же святынѣ душа русская волнуется или размышляетъ, или ничего не думаетъ, или думаетъ, что тамъ въ ящикахъ пусто; таково мнѣніе образованныхъ классовъ; простой же народъ и вообще не размышляющіе взираютъ съ умиленіемъ на позолоченные ящики, въ которыхъ несутъ эти святыни, и занимаются разсматриваніемъ ихъ украшеній, часто изъ чистаго золота и усыпанныхъ камнями. Вотъ что такое знаменитая русская обрядность и уставность. Подъ нею, въ основѣ ея—стража, опека. Самое удобное орудіе и методъ опеки—привычные чиновные ряды, чиновная іерархія, чиновныя служебныя награды и дисциплинарныя взысканія. Едва какой-нибудь епископъ начинаетъ вести себя, въ личной жизни, соблазнительно, или оказываетъ сопротивленіе волѣ оберъ-прокурора или даже настояніямъ приставленнаго къ нему мѣстнаго чиновника, секретаря духовной консисторіи, который назначается оберъ-прокуроромъ и сносится только съ нимъ,—такъ этого епископа или переводятъ на худшее мѣсто по службѣ, т. е. въ болѣе бѣдную епархію, или даже вовсе „увольняютъ на покой" („на отдыхъ"). Подъ этимъ скромнымъ и милосерднымъ выраженіемъ скрывается увольненіе отъ должности, т. е. возвращеніе къ состоянію простого монашества. Причемъ епископъ, жившій прежде во дворцѣ, получавшій нѣсколько тысячъ рублей дохода, и передъ которымъ трепетало и склонялось

до земли духовенство цѣлой губерніи, получаетъ келью (маленькую комнатку въ монастырѣ, безъ права покинуть ее, перемѣститься на жительство въ другое мѣсто, и даже съ постояннымъ надзираніемъ за посѣтителями такого отставного епископа) и скудный монашескій столъ. Очень ядовито указывается свѣтскою властью, что вѣдь монахъ и „отрекся отъ всего земного", ему богатства и свободы не нужно, онъ не имѣетъ права желать этого по обѣту. Но умалчивается, что вѣдь свѣтская же власть и разожгла въ этомъ монахѣ, какъ и во всемъ образованномъ (полу-образованномъ) монашествѣ всѣ аппетиты власти, почести и богатства. Теперь это выводится изъ обыкновенія, но было всѣ вѣка обычаемъ, что духовенство бѣлое не иначе встрѣчало пріѣзжающаго на епархію (на управленіе) епископа, какъ стоя рядами на колѣняхъ, и когда онъ подходилъ, благословлялъ ихъ и говорилъ самыя трогательныя слова привѣта изъ Ап. Павла,—они въ рабскомъ страхѣ клали сѣдыя головы свои на каменный помостъ церкви, — какъ еврейскіе рабы передъ фараонами на изображеніяхъ обелисковъ и пирамидъ. Такъ еще въ 1888 году я видѣлъ именно эту картину поразившей меня встрѣчи епископа Орловскаго Мисаила духовенствомъ города Ельца. И этотъ добрый и простой епископъ не искалъ униженія; но его предшественники, да и весь церковный строй православія, склонилъ старческія выи семейныхъ людей передъ входившимъ въ храмъ 45-лѣтнимъ „ангеломъ" (монахи въ православіи именуются „ангелами земными, небесными человѣками"). Не падая до земли, но еще болѣе трепеща, встрѣчается этотъ „ангелъ" съ оберъ-прокуроромъ и даже его товарищемъ: усталымъ, нервнымъ, заботливымъ чиновникомъ въ вицъ-мундирѣ, который осторожно навѣдывается у секретаря мѣстной консисторіи:

— Этотъ ангелъ не пьетъ?

— Этотъ ангелъ не посѣщаетъ тайно какой-нибудь женщины?

— Взятокъ не очень много беретъ, можетъ быть, совсѣмъ не беретъ?

И слыша:

— Не беретъ взятокъ.

— Къ попамъ милостивъ.

— Довольно ученъ, по крайней мѣрѣ, не неучъ!

Слыша это, представляетъ его къ звѣздѣ (высокій русскій орденъ), которую „ангелъ" носитъ съ несравненно большимъ удовольствіемъ, нежели привычный, ординарный, у всѣхъ имѣющійся нагрудный крестъ. Но народу этого не видно. И въ то время, какъ священники склоняются передъ епископомъ въ рабскомъ страхѣ, онъ склоняется

передъ „пастыремъ и архіереемъ, видимымъ олицетвореніемъ Христа, чуждымъ страстей и помышляющимъ объ одномъ небесномъ“, съ чувствомъ богомольнаго, боготворящаго умиленія, съ чувствомъ восторга. Духовенство наше, особенно въ высокихъ рядахъ монашества, чрезвычайно любимо, до обожанія, до обоженія.

Въ общемъ, однако, русская церковь увядаетъ своимъ особымъ способомъ, по своему особому типу, повинуясь своему особому закону и траекторіи полета, какъ и двѣ другія церкви, католическая и протестантская. Во многихъ отношеніяхъ она занимаетъ середину между ними. Она болѣе уязвима въ своихъ слабостяхъ, немощахъ, и менѣе заслуживаетъ упрековъ въ высотахъ, въ порывахъ. Ея страданіе—углубленія, рытвины; тогда какъ, напр., въ католичествѣ—патологичны именно горы. Но это все равно. Всѣ три церкви страшно быстро понижаются въ своемъ уровнѣ, и это движеніе неудержимо, какъ высыханіе средне-азіатскихъ озеръ и морей, какъ неудержимо исчезновеніе лѣсовъ съ цивилизаціей. Вообще все христіанство, въ его кристаллическихъ, оформленныхъ явленіяхъ (церкви) таетъ; оно гаснетъ, догорая, и уже во многихъ мѣстахъ только чадитъ, даетъ зловоніе и угаръ. Причина этого та, что христіанство вообще не космологично и поэтому не можетъ ни согласовать себя, ни съ силою и правомъ противостоять космологичному знанію человѣчества, выросшему въ формѣ наукъ. Увы, „люби ближняго“ — никакъ не отвѣчаетъ на вопросъ о составѣ свѣта, химическихъ соединеніяхъ, законѣ сохраненія энергіи. Христіанство болѣе и болѣе сходитъ къ моральнымъ трюизмамъ, къ прописямъ то легонькихъ, то трудныхъ добродѣтелей, которыя не могутъ помочь человѣчеству и въ великихъ вопросахъ голода, нищеты, труда, экономическаго устройства. Поневолѣ христіанство занимаетъ какой то уголокъ въ современной цивилизаціи, когда въ младенческіе средніе вѣка оно окрашивало и имѣло силу окрасить всю цивилизацію. Цивилизація не то, чтобы не хочетъ подчиниться христіанству, но христіанство не умѣетъ и не имѣетъ никакихъ способовъ и, наконецъ, отчасти не хочетъ подчинить себѣ цивилизацію, по разности категорій, въ которыхъ выражены оно (христіанство) и она (цивилизація). У нихъ нѣтъ зубчатыхъ, взаимно цѣпляющихся колесъ, какими они могли бы захватить другъ друга. Христіанство вдругъ оказалось ограниченнымъ, не всеобъемлющимъ, не универсальнымъ, когда оно выдавало себя за таковое и очень долго его принимали за таковое. Ни которая изъ церквей и, наконецъ, все христіанство не можетъ отвѣтить на самые мучительные вопросы ума, на самыя законныя требованія жизни; и цивилизація не столько враждебна къ нему, сколько получаетъ не-

ожиданную возможность, почти невольную необходимость, смотрѣть на него почти съ грустью и съ жалостью, какъ на младенца, или, пожалуй, какъ на впавшаго въ младенчество старичка, который не умѣетъ посовѣтовать, наставить выросшихъ своихъ дѣтей, да даже и понять какъ слѣдуетъ ихъ горести и нужды не умѣетъ же. Можно замѣтить, что самые мудрые изъ прелатовъ и епископовъ, изъ проповѣдниковъ и богослововъ, все же имѣютъ какое-то несовершеннолѣтіе сравнительно съ первоклассными учеными, поэтами, агитаторами. Л. Толстой не потому не могъ бы подчиниться папѣ, что онъ—другой вѣры, иной церкви, чужого племени, но оттого, что свободное образованіе Толстого выше, чище, искреннѣе и основательнѣе, чѣмъ нынѣ уже искусственное и условное образованіе папы. То же можно приложить къ первымъ пасторамъ, къ митрополитамъ. Между тѣмъ какъ Толстой учится разному: 1) у русскаго мужика, 2) у Шопенгауэра, 3) у Мопассана, и все это—естественное и живое дерево, и Мопассанъ, и Шопенгауэръ, и русскій мужикъ,—папа весь раздѣляется на два существа: 1) *я* его, которое скрыто, и мы вовсе не знаемъ, что же именно, въ концѣ концовъ, оно думаетъ и знаетъ, и 2) санъ его, который очень много думаетъ по рубрикамъ своихъ обязанностей, но все это — уже не живое, не настоящее въ немъ; все это—одѣянія, повѣшенныя на манекенъ, ими скрытый, но однако они потому только и не падаютъ на полъ, что ихъ все же держитъ собою этотъ манекенъ. Мы хотимъ этимъ сказать, что вольнолюбивая и страдальческая мысль человѣческая и сердце человѣческое давно переросли условную и искусственную фразеологію богословія и богослововъ. Религіозное мышленіе, въ предѣлахъ схемы христіанской, давно представляетъ собою изсохшую мумію въ драгоцѣнномъ саркофагѣ, о которой никто не замѣтилъ даже момента, когда же именно она перестала жить и дышать. Всегда она была та же; всегда страшилась измѣнить свои черты; всегда считала себя „истиною“. И никто не замѣтилъ времени, когда эта „истина“ съ недвижными чертами перестала быть кому-нибудь нужною и занимательною.

В. Розановъ.

Право и принудительное отчуждение.

Существуетъ ли у насъ, какъ общее явленіе, настоящее малоземелье, — или наше такъ называемое малоземелье для главной массы крестьянъ есть лишь форма, въ которой проявляется общій кризисъ нашего крестьянства, и о которой перестанутъ и разговаривать, когда минуетъ этотъ кризисъ? Слѣдуетъ ли и возможно ли доводить крестьянское землевладѣніе до теоретически-вычисленныхъ трудовыхъ или потребительныхъ нормъ,—иначе сказать, предоставить каждому крестьянину столько земли, чтобы на ней, при существующемъ складѣ крестьянскаго хозяйства, могъ найти себѣ приложеніе весь трудъ крестьянина, и чтобы за ея счетъ онъ могъ удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ,—или же, за совершенною неразрѣшимостью подобнаго рода задачи, слѣдуетъ поставить цѣлью земельной реформы лишь дополнительное надѣленіе наличнаго населенія до высшихъ или указныхъ надѣловъ 19-го февраля 1861 г.; или, можетъ быть, реформа и въ такомъ объемѣ практически неосуществима, и приходится довольствоваться еще болѣе скромной задачей — напримѣръ, дополнительнымъ надѣленіемъ однихъ только обдѣленныхъ, при выходѣ на волю, въ сравненіе съ получившими въ свое время полные надѣлы? Слѣдуетъ ли, въ интересахъ трудящихся крестьянскихъ массъ, настаивать на немедленной, „окончательной ликвидаціи“ всего рентнаго землевладѣнія, или, напротивъ— необходимо признать, что оно выполняетъ, въ данное время, существенно-важныя народно-хозяйственныя функціи, и потому должно быть сохранено, въ извѣстной своей долѣ, въ интересахъ страны и самихъ же трудящихся массъ населенія?...

Какъ бы, однако, ни рѣшать всѣ эти вопросы и безконечное

множество другихъ, составляющихъ, въ совокупности своей, проблему крестьянскаго малоземелья, во всякомъ случаѣ, разрѣшеніе этой проблемы невозможно безъ принудительнаго отчужденія, въ томъ или другомъ объемѣ, частновладѣльческихъ земель. Доказывать это на страницахъ „Полярной Звѣзды“ пожалуй нѣтъ надобности: слишкомъ ужъ вошло въ общественное сознаніе, что государственныя земли, все равно, въ формѣ ли переселенія, аренды или дополнительнаго надѣла, не могутъ дать въ этомъ отношеніи чего-либо существеннаго, и что свободный гражданскій оборотъ, хотя бы и вспомоществуемый крестьянскимъ банкомъ, можетъ способствовать чему угодно, но не перемѣщенію владѣльческихъ земель въ обладаніе малоземельныхъ массъ.

Но спрашивается: не стоитъ ли эта мѣра въ рѣзкомъ противорѣчіи съ принципами равнаго для всѣхъ и незыблемаго права? могутъ ли принять ее тѣ партіи и тѣ общественные слои, которые сто-ятъ — по крайней мѣрѣ для даннаго историческаго момента—на почвѣ современнаго общественнаго строя, которые желаютъ реформировать общественно-хозяйственныя отношенія не *революціоннымъ*, а *эволюціоннымъ* путемъ? тѣ партіи и слои, которые пишутъ на своемъ знамени, прежде всего, *право*, равное и общее для всѣхъ, и этимъ противопоставляютъ себя и тѣмъ, кто думаетъ рѣшить соціальный вопросъ насильственнымъ путемъ, и тѣмъ, кто стоитъ на почвѣ классовыхъ и сословныхъ привиллегій?... Пока о незыблемости существующаго права поземельной собственности говорятъ уполномоченные и неуполномоченные представители интересовъ землевладѣльческаго класса, или тѣ юристы, для которыхъ ст. 420 десятаго тома есть воплощеніе идей права и справедливости,—до тѣхъ поръ прогрессивная общественная мысль можетъ и не считаться съ такого рода сомнѣніями. Но когда вопросъ о „ratio juris“ принудительнаго отчужденія и дополнительнаго надѣла ставится на делегатскомъ съѣздѣ конституціонно-демократической партіи; когда этотъ вопросъ выдвигаетъ Ѳ. И. Родичевъ, передъ именемъ котораго разсыпаются въ прахъ такія предположенія, какъ склонность защищать классовые интересы,—тогда этого вопроса нельзя обходить молчаніемъ...

„Ясно,—говорилъ Ѳ. И. Родичевъ еще на апрѣльскомъ аграрномъ съѣздѣ въ Москвѣ,—что никакого общаго прин-

ципа о правилахъ прирѣзки и о лицахъ, имѣющихъ на нее право, составить нельзя. Въ этомъ отношеніи недостаетъ правовой основы,—того, что юристы называютъ „ratio juris". Предлагаютъ установить не право, общее для всѣхъ, а привилегію, не потому, что это справедливо, а потому, что это полезно... Такъ,—полагаетъ Ѳ. И. Родичевъ,—поступать приличествуетъ деспотизму. Даю, потому что я—источникъ благодати, и даю тому, кому надо и сколько надо. Мы же, стоящіе на точкѣ зрѣнія права, должны предлагать общія мѣры, однѣ для всѣхъ безъ различія лицъ, потому что справедливость одна"; „мы должны,—говорилъ Ѳ. И. Родичевъ на послѣднемъ делегатскомъ съѣздѣ конституціонно-демократической партіи,—сдѣлать то, что справедливо, а не *давать* что-нибудь. Давать—это дѣло деспотической власти". И такое отсутствіе правового основанія—по убѣжденію г. Родичева, дѣлаетъ принудительное отчужденіе недопустимымъ не только съ принципіальной точки зрѣнія: тѣ учрежденія, которымъ придется осуществлять дополнительное надѣленіе, „будутъ лишены возможности разрѣшать споры на основаніи какихъ-нибудь правовыхъ нормъ. Въ основу ихъ дѣятельности кладется принципъ пользы", — а между тѣмъ, „ставъ на эту дорогу, не знаешь гдѣ остановиться, создастся не право, а произволъ"; и „всякимъ воздѣйствіямъ насилія и подкупа будетъ полный просторъ"...

Я позволю себѣ начать съ конца и сказать, прежде всего, нѣсколько словъ по поводу только что указанныхъ практическихъ затрудненій. Мнѣ кажется—мало того, я совершенно убѣжденъ, что опасенія Ѳ. И. Родичева до крайности преувеличены и коренятся въ едва ли правильномъ представленіи о правѣ и правосудіи. Правда, и дополнительное надѣленіе, и принудительное отчужденіе будутъ происходить не на основаніи какого-либо точнаго признака формальнаго права; правда, и „земельная нужда", и „справедливая оцѣнка", и даже „дѣйствительная доходность", какъ основаніе для опредѣленія выкупной стоимости владѣльческихъ земель, и способъ эксплоатаціи владѣльческихъ земель, въ однихъ случаяхъ допускающій, въ другихъ исключающій возможность принудительнаго отчужденія („хозяйственная неблагонадежность"!—говоритъ Ѳ. И. Родичевъ),—все это понятія болѣе или менѣе расплывчатыя и не укладывающіяся въ строгія формальныя рамки. Но этимъ отнюдь не

сказано, что всѣ эти понятія выходятъ изъ области права. Принципъ справедливости, допускаемый Ѳ. И. Родичевымъ, какъ основа права, не менѣе расплывчатъ и не болѣе подается точной формулировкѣ, нежели принципъ пользы. А между тѣмъ, вѣдь, ирландское арендное законодательство поставило же на мѣсто строгаго и для всѣхъ яснаго права владѣльца свободно распоряжаться своею землею и опредѣлять арендныя цѣны по своему произволу, фиксацію арендъ и установленіе арендныхъ платъ по принципу „справедливой ренты"; вѣдь германскіе законы о ростовщичествѣ и о недобросовѣстной торговлѣ замѣнили строгій правовой принципъ безусловной свободы гражданскаго оборота такими понятіями, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, относятся къ сферѣ справедливости и цѣлесообразности; а законодательства разныхъ странъ о коммассаціи и консолидаціи крестьянскаго землевладѣнія поставили на мѣсто строгаго и точно опредѣленнаго права собственности, опять-таки, такіе признаки, которые относятся всецѣло къ сферѣ полезности и цѣлесообразности. Развѣ, благодаря всему этому, Ирландія, Данія или Германія вернулись къ порядкамъ Чингисхана или къ правосудію нашихъ земскихъ начальниковъ?... Еще недавно уголовное правосудіе основывалось на принципѣ строгихъ формальныхъ доказательствъ, и, конечно, русскій судья половины прошлаго столѣтія пришелъ бы въ ужасъ, если бы ему сказали, что вмѣсто суда по формальнымъ доказательствамъ будетъ введенъ судъ по убѣжденію и совѣсти (чѣмъ это опредѣленнѣе, нежели „справедливость" и „полезность"?), и что вопросъ о виновности или невиновности будетъ разрѣшаться не по „строгимъ принципамъ права" и не твердо знающими эти принципы судьями, а по убѣжденію и совѣсти какихъ-то взятыхъ съ улицы двѣнадцати людей. Я полагаю, что тѣ суды, или коммисіи, или называйте ихъ какъ угодно, которые будутъ разрѣшать вопросы о дополнительномъ надѣленіи и о принудительномъ отчужденіи,—это и будетъ тотъ самый *судъ по совѣсти и убѣжденію*, передъ которымъ мы преклоняемся въ институтѣ присяжныхъ засѣдателей; и люди для этого суда найдутся, какъ нашлись когда то мировые посредники перваго призыва, — вся задача въ томъ, чтобы устройство этого суда открывало возможность защиты всѣхъ сталкивающихся въ дѣлѣ интересовъ—владѣльческихъ и крестьянскихъ, мѣстныхъ и общественныхъ.

Перехожу затѣмъ къ принципіальному вопросу: есть ли ratio juris въ принудительномъ отчужденіи и не противорѣчитъ ли оно, дѣйствительно, основнымъ принципамъ права?.. Сошлюсь здѣсь, прежде всего, на компетентнаго юриста-цивилиста, проф. В. М. Хвостова,—на его рѣчь на московскомъ аграрномъ съѣздѣ, вызванную именно словами Ѳ. И. Родичева объ отсутствіи ratio juris. „Для законодательной власти — заявилъ В. М. Хвостовъ — при осуществленіи какихъ бы то ни было реформъ, не можетъ быть вопроса о неприкосновенности права вообще и права собственности въ частности, ибо *всякая крупная реформа неизбѣжно связана съ ломкой дѣйствовавшаго ранѣе права* (курс. мой А. К.). Дѣйствующее право — заявляетъ проф. Хвостовъ — должно быть неприкосновенно въ глазахъ частныхъ гражданъ, а также органовъ суда и администраціи; ни тѣ, ни другіе не должны нарушать законовъ. Но *законодательная* власть руководится *не формальнымъ правомъ*, источникомъ котораго она сама является, *а справедливостью и соображеніями государственной необходимости* (курс. мой. А. К.). Ея дѣйствія опредѣляются интересами всего государства, а не отдѣльныхъ гражданъ, и если необходимо, она даже и помимо всякихъ реформъ отнимаетъ права у частныхъ лицъ (экспропріація при проведеніи желѣзныхъ дорогъ, уничтоженіе вещей при эпидеміяхъ); тѣмъ болѣе она можетъ мѣнять состояніе правъ частныхъ лицъ при проведеніи общихъ реформъ“. И отсюда конечный выводъ: „при обсужденіи предстоящихъ аграрныхъ реформъ отнюдь не слѣдуетъ отправляться исключительно изъ правового принципа, но необходимо считаться преимущественно съ требованіями государственной необходимости и справедливости... Иначе не только аграрная, но и никакая реформа вообще не будетъ осуществлена“...

Вотъ что говоритъ на тему о ratio juris принудительнаго отчужденія ученый юристъ. А вотъ что говоритъ, на ту же тему, крупный землевладѣлецъ, Ю. А. Новосильцовъ, въ замѣчательной статьѣ, напечатанной въ московскомъ „Вѣстникѣ сельскаго хозяйства“: „Важно ли въ данномъ вопросѣ— спрашиваетъ себя Ю. А. Новосильцовъ,—и при настоящихъ условіяхъ, опредѣленіе titulus juris? имъ ли исключительно могутъ опредѣляться программа и образъ дѣйствій любой партіи? Смѣю думать—отвѣчаетъ г. Новосильцовъ на этотъ

вопросъ что на эти два вопроса слѣдуетъ отвѣтить отрицательно. Какъ въ Римѣ, этомъ оплотѣ юридическаго мышленія, спасеніе республики было высшимъ закономъ (salus rei publicae suprema lex!), такъ и въ Россіи теперь можетъ быть только одна ближайшая цѣль: установленіе соціальнаго мира"... Между тѣмъ, „обезпечить соціальный миръ въ настоящую минуту можно пытаться только путемъ цѣлесообразныхъ мѣропріятій; одна только цѣлесообразность можетъ руководить нами, въ предѣлахъ совмѣстимости ея съ неприкосновенностью интересовъ и правъ каждаго"...

Но если передъ волей законодательной власти, руководящейся соображеніями справедливости, съ одной стороны, и цѣлесообразности, съ другой, должны умолкнуть всякія ссылки на дѣйствующій законъ и на дѣйствующее право, то тѣмъ безсильнѣе такія ссылки, когда идетъ рѣчь *о правѣ собственности на землю*, — томъ правѣ, по поводу котораго еще старикъ Милль сказалъ, что „присвоеніе земли частными лицами—исключительно вопросъ общей пользы", что „право землевладѣльца на землю совершенно подчинено общей государственной политикѣ", что „когда частная собственность на землю становится невыгодна для общества—она несправедлива"...

Проблема собственности всегда чрезвычайно интересовала человѣческую мысль. Мысль эта въ недоумѣніи останавливалась передъ тѣмъ соціальнымъ неравенствомъ, тою эксплоатаціею сильными слабыхъ, имущими неимущихъ, которыя являются общепризнанными и необходимыми спутниками института частной собственности, — и она построила длинный рядъ теорій, въ обоснованіе и оправданіе этого института. Хороши эти теоріи или нѣтъ—это другой вопросъ; извѣстный нѣмецкій экономистъ и прусскій тайный совѣтникъ Адольфъ Вагнеръ, недаромъ, послѣ подробнѣйшаго разбора, отбросилъ *всѣ* ходячія теоріи и пришелъ къ тому заключенію, что право собственности, въ концѣ концовъ, не имѣетъ никакого незыблемаго основанія, коренящагося въ природѣ и существѣ вещей; что единственный его источникъ—въ *правѣ*, въ положительномъ законѣ: *онъ* создалъ и развивалъ этотъ институтъ, онъ же будетъ развивать его и впредь. Но хороши ли эти теоріи, или плохи,—не подлежитъ сомнѣнію одно: кое-какъ выдерживая критику, пока рѣчь идетъ о движимомъ капиталѣ, каждая изъ нихъ раз-

сыпается въ прахъ, какъ только мы подходимъ съ нею къ поземельной, а въ особенности, къ крупной поземельной собственности. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, сказать,—беря на удачу одну изъ этихъ теорій,—что право собственности крупнаго землевладѣльца само собою вытекаетъ изъ природы человѣка; можно ли это сказать, когда этотъ институтъ возникъ и развился, можно сказать, на нашихъ глазахъ—возникалъ, притомъ и развивался путемъ не постепенной эволюціи, а насилія и захвата? Можно ли утверждать, что частной собственности крупныхъ землевладѣльцевъ повелительно требуетъ хозяйственная природа человѣка—какъ гласитъ другая теорія, когда даже и теперь, въ эпоху полнаго развитія этого института, эта хозяйственная природа превосходно мирится и съ общиной, и съ мелкимъ землевладѣніемъ, и главное—съ арендаторскимъ хозяйствомъ, при которомъ землевладѣлецъ совершенно освободился отъ необходимости проявлять свою „хозяйственную природу", сохраняя лишь пріятную возможность получать доходы съ той земли, на которой хозяйствуютъ другіе? Можно ли обосновать право собственности на крупныя земельныя владѣнія на jus primi occupantis, когда мы знаемъ, что ихъ возникновеніе было, въ видѣ правила, *отрицаніемъ* тѣхъ правъ, которыя на самомъ дѣлѣ вытекали изъ перваго захвата,—правъ мелкаго трудового земледѣльца? Можемъ ли мы, наконецъ, видѣть въ земельной собственности естественный и законный результатъ труда и сбереженья, въ виду того первозданнаго факта, что „земля не создана никѣмъ изъ людей", что она—„коренное наслѣдіе человѣческаго рода", чисто-историческимъ путемъ сосредоточившееся въ рукахъ землевладѣльческаго класса?... Я, конечно, знаю, что землевладѣльцы вкладывали въ землю трудъ (въ видѣ правила *не свой* трудъ — но это, въ данномъ случаѣ, не важно!) и капиталъ; что они, во многихъ случаяхъ, превратили дикіе пустыри въ плодородныя нивы и цвѣтущіе сады—но не на этомъ, вѣдь, основывается *самый принципъ* частной собственности на крупныя земельныя владѣнія; право собственности признается столь же священнымъ по отношенію къ дикому лѣсу, къ протекающей черезъ имѣніе рѣкѣ или къ залегающимъ подъ землею горнымъ богатствамъ, какъ и по отношенію къ расчищенному полю или разведенному, дѣйствительно, съ большими затратами, саду.

Да проститъ меня читатель, что я угощаю его пересказомъ нѣмецкихъ учебниковъ. Но разъ незыблемость частной собственности на землю и въ частности—на крупныя земельныя владѣнія обосновываютъ цитатами изъ десятаго тома и изъ старыхъ курсовъ гражданскаго права,—пожалуй, не мѣшаетъ почаще напоминать о томъ, что и десятый томъ, и всякое вообще положительное гражданское право допускаютъ критику и сами требуютъ обоснованія...

Незыблемость частной собственности на крупныя земельныя владѣнія... Но, вѣдь, стоитъ только немножечко вспомнить о фактахъ,—и станетъ ясно, что о земельной собственности, какъ объ извѣчномъ и незыблемомъ правовомъ институтѣ, не можетъ быть и рѣчи. Можно еще, туда-сюда, говорить объ извѣчности права собственности на предметы домашняго обихода и на движимый капиталъ; это право дошло до насъ, дѣйствительно, отъ глубокой древности и окристаллизовалось еще въ памятникахъ римскаго права. Но земельная собственность!.. Развѣ мы не знаемъ, что даже мелкое, трудовое землевладѣніе такъ или иначе, иногда естественнымъ путемъ, а иногда и подъ вліяніемъ внѣшнихъ воздѣйствій, развивалось изъ общиннаго землевладѣнія; что въ возникновеніи крупной собственности играло роль и завоеваніе, сопровождавшееся раздачею побѣдителямъ земель, отобранныхъ у побѣжденныхъ,—и мирный захватъ крестьянскихъ земель, подъ добродушными названіями „округленія“, „огораживанія“, „очистки“ имѣній, или подъ менѣе добродушнымъ названіемъ „сноса“ (Legung) крестьянскихъ дворовъ,—захватъ, опиравшійся не болѣе, не менѣе, какъ на строгія нормы римскаго права, великолѣпнымъ образомъ истолковывавшіяся такъ, какъ это было нужно вліятельнымъ насильникамъ. Не знаемъ мы развѣ, что наша крупная земельная собственность, въ главной своей массѣ,—это либо бывшія помѣстья, иначе сказать служебные надѣлы, владѣльцы которыхъ мало-по-малу освободили себя отъ службы, но *не* освободили себя отъ служебныхъ надѣловъ; либо результатъ пожалованій, которыя въ огромныхъ размѣрахъ происходили еще при Императорѣ Павлѣ, не говоря уже объ условныхъ по происхожденію и цѣли поссесіонныхъ владѣніяхъ, признаваемыхъ, однако, владѣльцами и ихъ приспѣшниками за „самый священный изъ всѣхъ видовъ собственности“, или о тѣхъ, сравнительно недав-

нихъ, распродажахъ казенныхъ земель, которыя представляли такое близкое сходство съ расхищеніями...

Ясно, такимъ образомъ, что объ *исконности* права собственности на землю, и въ особенности—на крупныя земельныя владѣнія, не можетъ быть и рѣчи. *Это* право—продуктъ долгой, нерѣдко насильственной эволюціи, происходившей подъ покровительствомъ, нерѣдко и по прямому почину государственной власти, и нѣтъ никакого основанія утверждать, чтобы мы въ данный моментъ имѣли дѣло съ *уже закончившеюся* эволюціей, — съ явленіемъ, развивавшимся до сегодняшняго дня, но отнынѣ прекратившимъ свое развитіе.

И еще менѣе приходится говорить о *незыблемости* права земельной собственности, о какой-либо неприкосновенности правъ поземельныхъ собственниковъ въ томъ объемѣ, какъ они существуютъ въ какой-либо данный моментъ или установлены какимъ-нибудь положительнымъ закономъ, какою-либо теоріею положительнаго права. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что реформа 19-го февраля самымъ рѣзкимъ образомъ нарушила существовавшія до этого момента, основанныя на положительномъ законѣ, права помѣстнаго класса, притомъ не только ихъ права на землю, но и ихъ права на личность крѣпостныхъ и на крѣпостной трудъ. Теперь, правда, говорятъ, что это было „совсѣмъ не то"; что за освобождавшимися крѣпостными только закрѣплялись земли, издавна отведенныя въ ихъ пользованіе. Но это мы говоримъ *теперь*, post factum; и реформа 19-го февраля, уничтожая вѣковое беззаконіе и идя навстрѣчу настоятельнымъ требованіямъ справедливости и цѣлесообразности, не менѣе рѣзко нарушила, въ свое время, права, основанныя на положительномъ законѣ, нежели выкупъ владѣльческихъ земель нарушитъ столь же несомнѣнныя права землевладѣльческаго класса. А ирландское арендное законодательство?.. противники принудительнаго отчужденія, опять-таки, настаиваютъ на томъ, что и здѣсь—„совсѣмъ не то". Можетъ быть, это, дѣйствительно, „не то", что принудительное отчужденіе. Но не подлежитъ сомнѣнію, что укрѣпленіе за арендаторомъ *права* на аренду, независимо отъ согласія владѣльца, и судебное опредѣленіе арендныхъ цѣнъ ничуть не въ меньшей мѣрѣ, нежели принудительное отчужденіе, противорѣчатъ и дѣйствовавшимъ до того законамъ о собствен-

ности, и самой сущности этого правового института, какъ его понимаютъ юристы. Право собственности — это, по нашему дѣйствующему закону, право собственника „исключительно и независимо отъ лица посторонняго владѣть, пользоваться и распоряжаться онымъ вѣчно и потомственно, доколѣ не передастъ сей власти другому“; это, по опредѣленію римскихъ юристовъ, jus utendi et abutendi. Развѣ такое право совмѣстимо, хотя бы съ законодательствомъ ряда западно-европейскихъ государствъ о „регулированіи“ и коммассаціи чрезполосныхъ владѣній, или съ нашимъ лѣсоохранительнымъ закономъ, отнявшимъ у землевладѣльцевъ одну изъ весьма существенныхъ сторонъ права свободнаго распоряженія имѣніемъ, и можно ли говорить о незыблемости и неизмѣнности права собственности на землю, когда въ однихъ законодательствахъ оно подразумѣваетъ, въ другихъ — исключаетъ право собственника на нѣдра? И если новѣйшіе швейцарскіе законы о пользованіи водною силою не затруднились лишить землевладѣльцевъ ихъ прежняго, исключительнаго права на пользованіе водами, протекающими черезъ ихъ владѣнія, то нѣтъ никакого основанія, опять-таки, ожидать, что эволюція права собственности на землю не пойдетъ дальше—что ограниченія его остановятся на правѣ *пользованія* землею и не дерзнутъ коснуться правъ *распоряженія*.

Итакъ: не подлежитъ сомнѣнію, что право частной собственности на землю есть такой же институтъ положительнаго права, какъ и всякій другой, что какъ объемъ его, такъ и содержаніе *могутъ*, *должны* и *будутъ* измѣняться въ зависимости отъ соображеній справедливости и цѣлесообразности. Я не хочу входить теперь же въ *существо* вопроса — меня интересуетъ, въ данную минуту, только формально-правовая сторона. И *эта* сторона—для меня это несомнѣнно, никоимъ образомъ не можетъ послужить препятствіемъ для проведенія принципа принудительнаго отчужденія, разъ на то будетъ выраженная въ народномъ представительствѣ воля народа, разъ принудительное отчужденіе будетъ признано справедливымъ и цѣлесообразнымъ. Нашъ гражданскій законъ (ст. 575 т. X) уже знаетъ принципъ принудительнаго отчужденія „для какой либо государственной или общественной пользы“. Нѣтъ, по существу, никакого основанія признавать „государственною или обществен-

ною пользою“ постройку желѣзной дороги или устройство стрѣльбища и не признавать такою пользою расширеніе крестьянскаго землевладѣнія. Эволюція въ умахъ, въ данномъ направленіи, совершается съ поразительною быстротою. Теперь ужъ нѣтъ, кажется, той партіи, до крайнихъ правыхъ включительно, которая отрицала бы необходимость допустить принудительное отчужденіе для случаевъ вредной чрезполосности крестьянскихъ земель съ помѣщичьими; многіе, даже въ правыхъ партіяхъ, идутъ дальше и соглашаются на принудительное отчужденіе „обрѣзковъ“. Но, вѣдь, *строгое право* собственности ограждаетъ и чрезполосный участокъ, и обрѣзки, и подходящія къ крестьянскимъ усадьбамъ клинья, изъ-за которыхъ крестьянамъ „нельзя выпустить курицу“ и за которые имъ, поэтому, приходится платить десятерную цѣну. Почему же, въ этихъ случаяхъ, всякій допускаетъ отступленіе отъ принциповъ этого строгаго права? Да потому, что право становится здѣсь вверхъ ногами: изъ института, долженствующаго служить для общей пользы, оно становится институтомъ, вреднымъ для населенія и противорѣчащимъ основной задачѣ всякаго права. И если только будетъ доказано, что земельная собственность, вся или въ извѣстной части, приноситъ вмѣсто блага зло, что она причиняетъ массѣ населенія неправомѣрный убытокъ, а собственникамъ даетъ неправомѣрный доходъ—вспомните, читатель, о дифференціальной, а тѣмъ болѣе, объ абсолютной рентѣ! — то этимъ самымъ будетъ разрѣшенъ вопросъ о допустимости принудительнаго отчужденія съ точки зрѣнія принциповъ права.

Право собственности на землю, и, въ частности,—право собственности на рентныя владѣнія, есть, повторяю, лишь институтъ положительнаго права, развивавшійся и измѣнявшійся, слѣдовательно, могущій и въ будущемъ развиваться и измѣняться. Частные собственники—не носители какихъ-то искони-данныхъ правъ, стоящихъ выше самого закона и воли законодателя. Это—какъ выразился когда то Родбертусъ—лишь „функціонеры гражданскаго общества, его агенты по части образованія и использованія національнаго фонда орудій производства“; имъ предоставлено право пользоваться и распоряжаться „кореннымъ наслѣдіемъ человѣческаго рода“ въ томъ предположеніи, что это отвѣчаетъ общей пользѣ и требованіямъ справедливости.

Разъ будетъ доказано, что общая польза и справедливость требуютъ его отмѣны,—этому не можетъ помѣшать ни положительный законъ, ни дефиниціи, имѣющіяся въ учебникахъ гражданскаго права. И если можно защищать рентное землевладѣніе—оговорюсь сейчасъ же, что я далеко *не* сторонникъ „*полной* ликвидаціи рентнаго землевладѣнія“ и немедленной передачи *всей* земли трудовому населенію—то только съ той же самой точки зрѣнія: общаго блага и интересовъ трудящихся массъ.

А. Кауфманъ.

Россія въ Европѣ.

*(Къ вопросу о нашей внѣшней политикѣ *).*

Чтобы обнять всю сложную совокупность европейскаго международнаго положенія, нужно обратиться сначала къ краткой исторической справкѣ о возникновеніи современной системы нашего европейскаго политическаго развитія. Какъ въ Азіи опасенія передъ русскимъ имперіализмомъ послужили причиной возникновенія англо-японскаго союза, такъ четверть вѣка тому назадъ страхъ передъ тѣмъ же русскимъ имперіализмомъ въ Европѣ породилъ тройственный союзъ Германіи, Австріи и Италіи. Образованіе этого союза не устанавливало, однако, политическаго равновѣсія въ Европѣ. Сила русскаго колосса не перевѣшивала соединенныхъ силъ трехъ европейскихъ державъ и, кромѣ того, за флагомъ оставалась одинокая Франція, начинавшая оправляться отъ своего пораженія. Тогда сама собою, вполнѣ естественно, возникла и осуществилась идея франко-русскаго союза, какъ необходимаго противника тройственному союзу. Вмѣстѣ съ его возникновеніемъ въ Европѣ прочно установилась система политическаго равновѣсія. Двойственный и тройственный союзы, взаимно противополагаясь, утратили свой воинственный характеръ и стали подобіемъ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ. Благодаря мирному характеру этихъ союзовъ, отношенія континентальныхъ державъ въ значительной степени утратили свою остроту и натянутость. Стали возможными вполнѣ дружественныя отношенія между державами, входящими въ противоположные союзы, примѣромъ чему могутъ служить отношенія Россіи и

---

*) Съ удовольствіемъ давая мѣсто интереснымъ соображеніямъ автора, практически знакомаго съ вопросами внѣшней политики и дипломатическихъ отношеній, мы повторяемъ сдѣланную нами къ первой его статьѣ („Россія въ Азіи" „Полярная Звѣзда", № 7) оговорку о томъ, что наши взгляды далеко не во всемъ совпадаютъ съ воззрѣніями кн. Г. Н. Трубецкого. Въ слѣдующемъ № мы помѣстимъ на ту же тему статью ближайшаго нашего сотрудника С. А. Котляревскаго.—*Ред.*

Германіи, сближеніе Франціи и Италіи и, наконецъ, политическое соглашеніе и совмѣстная дѣятельность на Балканахъ Россіи и Австріи. Англія оставалась изолированною по отношенію къ континенту и долгое время предпочитала пребывать не связанною никакими обязательствами, но и она, наконецъ, рѣшилась заключить соглашеніе съ Франціей, размежевавшее сферу колоніальныхъ интересовъ обѣихъ державъ.

За время, протекшее со дня возникновенія тройственнаго союза, политика великихъ державъ значительно измѣнила свой характеръ и расширила поле своей дѣятельности. Минувшая четверть вѣка знаменуетъ собой расцвѣтъ капиталистическаго строя въ Европѣ. Колоніальная политика явилась естественнымъ послѣдствіемъ этого экономическаго факта. Избытокъ производительныхъ силъ требовалъ своего использованія и сбыта внѣ родины; европейскія правительства пошли по дорогѣ, на которую указывали имъ интересы капиталистовъ и рабочихъ.

Началась общая спекулятивная горячка въ борьбѣ за захватъ новыхъ территорій. Не обошлось безъ сильныхъ потрясеній. Этапы борьбы отмѣчены такими эпизодами, какъ Фашода, грозившая довести до войны между Англіей и Франціей, политика державъ въ Китаѣ, приведшая къ пекинской экспедиціи.

Съ воцаренія нынѣшняго императора, Германія рѣшительно выступила на путь колоніальной политики. Главнымъ поприщемъ своимъ она избрала Ближній Востокъ. Это было рѣшительнымъ разрывомъ съ традиціями Бисмарка, который увѣрялъ, что не читаетъ донесеній изъ Константинополя, и послѣ побѣды надъ Австріей самъ указалъ побѣжденной соперницѣ новое поприще дѣятельности въ Турціи. Интересы Германіи на Ближнемъ Востокѣ съ самаго начала и до нашихъ дней опирались на основу чисто экономическую. Проведеніе багдадской желѣзной дороги, имѣющей соединить Европу съ Персидскимъ Заливомъ черезъ Константинополь, захватъ прочихъ уже построенныхъ турецкихъ желѣзныхъ дорогъ и эксплоатація при ихъ помощи естественныхъ богатствъ страны—такова программа промышленнаго имперіализма Германіи въ примѣненіи къ Ближнему Востоку. Но въ выполненіи этой программы Германія неизбѣжно должна была натолкнуться на условія и интересы политическаго характера.

Промышленный имперіализмъ Германіи требуетъ для своего успѣха сохраненія единства той страны, гдѣ онъ дѣйствуетъ, т. е. иначе statu quo въ Турціи. Этимъ объясняется дружба германскаго императора и султана и враждебное отношеніе Германіи къ національ-

ному движенію въ Македоніи. Движеніе это, являющееся продолженіемъ естественнаго историческаго процесса, приведшаго къ постепенному отпаденію отъ Турціи и образованію изъ ея бывшихъ областей самостоятельныхъ христіанскихъ государствъ, вызываетъ реакцію Германіи еще по другимъ причинамъ, которыя связываютъ мѣстный македонскій вопросъ съ интересами европейскаго и даже мірового значенія.

Въ появленіи Германіи на арену Ближняго Востока сказалась, какъ мы это могли замѣтить, значительная перемѣна въ отношеніи ея къ Австріи, которая до тѣхъ поръ дѣйствовала не стѣсняемая конкурренціей своей могущественной сосѣдки, а только поощряемая послѣднею. Но за это время много воды утекло въ Габсбургской монархіи. На престолѣ „римскихъ императоровъ" продолжаетъ сидѣть тотъ самый монархъ, который въ первую половину своего царствованія могъ мечтать о подчиненіи своему скипетру всей Германіи. Однако, вмѣсто этого, въ наши дни Австрія являетъ примѣръ государственнаго соединенія самыхъ противоположныхъ элементовъ, разъединенныхъ жестокой расовой борьбой и соединенныхъ почти одной лишь династической связью въ лицѣ популярнаго, но престарѣлаго Императора Франца-Іосифа. Съ каждымъ годомъ центробѣжная сила одерживаетъ въ Австріи верхъ надъ силою центростремительною и, когда нынѣшняго монарха не станетъ, въ Австріи можетъ или тотчасъ же или по истеченіи нѣкотораго времени порваться слабая династическая связь, и тогда въ Европѣ откроется вопросъ объ австрійскомъ наслѣдствѣ.

На столбцахъ газетъ и на эстрадахъ собраній въ Германіи этотъ вопросъ открытъ не со вчерашняго дня. Наслѣдники давно уже ожидаютъ очереди, и вопросъ объ этихъ правахъ не представляетъ сомнѣній для сторонниковъ „пангерманизма". А что такое пангерманизмъ, какъ не яркое выраженіе германскаго имперіализма, вдохновляющаго рѣчи Вильгельма и политику его канцлера. Эта политика можетъ расчитывать на сочувствіе не однихъ юнкеровъ или даже либераловъ. Въ груди нѣмца, будь онъ агпарій, или соціалистъ бьется, прежде всего, *германское* сердце, и лозунгъ, великая Германія — скорѣе будетъ услышанъ послѣднимъ, нежели призывъ къ объединенію пролетаріевъ всѣхъ странъ.

Вопросъ о возможномъ открытіи австрійскаго наслѣдства не есть праздный вопросъ, но подлежитъ разсмотрѣнію съ точки зрѣнія самой реальной политики, которая не должна быть застигнута имъ врасплохъ. Планы пангерманизма распространяются на завладѣніе всей Австріей со всѣми притязаніями послѣдней вплоть до Салоникъ

включительно. Практическая германская политика, очевидно, не можетъ отождествить свои виды съ этой программой-максимумъ, но постепенное и планомѣрное ея осуществленіе можетъ стать руководящимъ ея мотивомъ въ предѣлахъ возможнаго и осуществимаго по условіямъ момента. Нынѣшняя „промышленная“ политика Германіи въ Турціи вполнѣ соотвѣтствуетъ указанному общему направленію.

Вопросъ объ австрійскомъ наслѣдствѣ есть, однако, вопросъ европейскій, міровой. Съ его разрѣшеніемъ связано упроченіе, или крушеніе системы политическаго равновѣсія, въ которомъ залогъ мира всего міра. Еслибъ даже было допущено частичное его разрѣшеніе въ пользу Германіи, путемъ присоединенія къ ней одной нѣмецкой Австріи, то и тогда интересы Франціи и Россіи требовали бы созданія соотвѣтствующаго противовѣса усиленной Германіи. Такой противовѣсъ не можетъ еще быть конкретно и опредѣленно выраженъ, потому что условія настоящаго не позволяютъ учитывать будущаго, но общій принципъ съ точки зрѣнія русскихъ и, думается намъ, общеевропейскихъ интересовъ можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ: росту германизма, распространяющагося съ сѣверо-запада, должно быть противопоставлено образованіе въ юго-восточной Европѣ самостоятельныхъ жизнеспособныхъ государствъ съ ясно выраженнымъ племеннымъ единствомъ. На Балканахъ уже существуютъ такія государства, они могутъ быть усилены при ликвидаціи македонскаго вопроса; области, входящія нынѣ въ составъ Австріи, могутъ быть также частью распредѣлены сообразно своимъ національнымъ особенностямъ и желанію населенія, частью развиться въ самостоятельныя государственныя единицы. Предусматривать всѣ возможныя комбинаціи, повторяемъ, было бы вопросомъ академическимъ. Жизнь все равно не уложится въ заранѣе предначертанныя рамки, но усвоитъ себѣ общій руководящій принципъ, который можно уловить въ совершающемся на нашихъ глазахъ историческомъ процессѣ—эта задача лежитъ на обязанности тѣхъ, чья воля и участіе могутъ оказать вліяніе на ходъ событій.

Македонскій и австрійскій вопросы суть, быть можетъ, новые нарождающіеся фазисы міровой исторіи. Въ области практической политики они вліяютъ на характеръ нашихъ отношеній съ Германіей, намѣчая этапъ, быть можетъ, мирной, быть можетъ насильственной борьбы между германизмомъ и славянствомъ.

Россіи не нужно никакихъ новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній. И безъ того „наша земля велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ“. Искать новыхъ областей, значитъ только усложнять и безъ того почти непосильную задачу нашего государственнаго упра-

вленія. Помимо того, Россіи совершенно незачѣмъ гоняться за гегемоніей надъ славянскими государствами и въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ вмѣшиваться въ ихъ внутренніе распорядки. Печальный опытъ со времени берлинскаго трактата долженъ научить насъ тому, какъ рачительная опека надъ „братьями-славянами" не привлекаетъ ихъ симпатій къ намъ, а скорѣе отталкиваетъ. Тѣмъ не менѣе, насколько можно судить по общему ходу европейскаго національно-государственнаго развитія, наряду съ процессомъ національной дифференціаціи идетъ не менѣе сильный процессъ племенной интеграціи. Пангерманизмъ нисколько не исключаетъ культурнаго и національнаго самоопредѣленія Баваріи, Саксоніи и прочихъ мелкихъ германскихъ единицъ, входящихъ въ него, какъ составныя части. О панславизмѣ, конечно, нельзя говорить, какъ объ идеѣ, во всемъ схожемъ съ пангерманизмомъ. Аналогія можетъ быть проведена въ будущемъ лишь въ отношеніи Россіи съ Царствомъ Польскимъ. Что касается до самостоятельныхъ славянскихъ государствъ, то ни нашимъ, ни ихъ интересамъ, ни историко-географическимъ условіямъ не соотвѣтствовало бы слитіе ихъ во единый государственный союзъ, и такого рода идея не должна входить даже въ нашу программу-максимумъ. Общность интересовъ Россіи и славянскихъ государствъ требуетъ свободы развитія ихъ народно-государственной самостоятельности.

Вотъ къ какимъ задачамъ долженъ свестись въ будущемъ русскій „имперіализмъ", и мы думаемъ, что на этой почвѣ онъ не противорѣчитъ интересамъ цивилизованнаго міра; вѣдь въ указанномъ смыслѣ славянская идея становится однимъ изъ основаній системы политическаго равновѣсія.

Ростъ германизма и опасность его для негерманскихъ державъ ярко охарактеризованы въ сочиненіяхъ извѣстнаго французскаго публициста Шерадама. Любопытно, что англійскому общественному мнѣнію не чужда идея о желательности созданія въ юго-восточной Европѣ сорганизованнаго славянскаго оплота противъ роста и захватовъ германизма. Эту мысль высказалъ, между прочимъ, сэръ Морріеръ, въ бытность свою великобританскимъ посломъ въ Петербургѣ, въ любопытныхъ письмахъ къ своему константинопольскому товарищу, сэру Уайту. Словомъ, не маниловскій сентиментализмъ, въ которомъ часто упрекали насъ, поборниковъ славянской идеи, а реальныя глубокія основанія общеевропейскаго характера могутъ служить оправданіемъ ея возрожденія на новыхъ основаніяхъ, чуждыхъ романтизма.

Говоря объ отношеніи цивилизованнаго міра къ будущей политикѣ Россіи, намъ приходится вернуться къ кардинальному вопросу

о томъ, какъ сложатся наши отношенія съ Англіей. Мы видѣли, что ключъ нашей политики въ Азіи, можетъ быть, найденъ въ настоящую минуту въ связи съ разрѣшеніемъ этого вопроса. Видѣли мы также, что наши интересы въ Азіи нисколько не препятствуютъ въ принципѣ попыткѣ полюбовно размежеваться съ этой державой. Намъ остается посмотрѣть, есть ли и у Англіи основанія желать такого размежеванія, и какую реальную силу мы представляемъ для нея въ Европѣ.

Иностранная дипломатія нерѣдко смотрѣла на Россію, какъ на огромнаго бѣлаго медвѣдя, съ которымъ неудобно оставаться въ сосѣдствѣ, но силу котораго пріятно направить на соперника. И надо сказать, что нашъ медвѣдь по своему простодушію не рѣдко ловился на эту не хитрую приманку. Такую роль съиграли мы отчасти и въ дальневосточной авантюрѣ. За Германіей, для которой Кіао-Чао представлялся ломтикомъ сыра, отъ котораго легко и просто отказаться при случаѣ, потянулся и нашъ медвѣдь, запустивъ свои лапы такъ далеко и глубоко, что едва весь не увязъ въ трясинѣ, изъ которой вылѣзъ, хромая всей четверней. А тѣмъ временемъ, пока медвѣдя не было въ берлогѣ, хитрая сосѣдка, оказывая ему всѣ признаки вниманія и соболѣзнованія, уже прикидывала, какъ распорядиться его шкурой. Въ результатѣ, во время войны, Германіи удалось заключить съ нами торговый договоръ на тотъ же срокъ, что и англо-японскій союзъ, договоръ, въ силу котораго наша сельская промышленность обложена контрибуціей въ пользу нѣмецкихъ аграріевъ. Кромѣ того, видя, что мы по уши погрязли въ дальневосточной трясинѣ, Германія замыслила было расправиться съ нашей союзницей— Франціей. Марокскій инцидентъ послужилъ удобнымъ къ тому предлогомъ. Слишкомъ рѣзкій и не дипломатическій пріемъ берлинскаго кабинета послужилъ ему, однако, во вредъ, всполошивъ англійское общественное мнѣніе. Съ удовольствіемъ слѣдившая за русскими неудачами Англія поняла, что хорошенькаго понемножку и что, если достаточно помятый русскій медвѣдь не будетъ во время возвращенъ въ свою берлогу, то по сосѣдству съ русской границей можетъ завестись другой не менѣе страшный для нея звѣрь. Портсмутскій договоръ былъ заключенъ при активномъ содѣйствіи и давленіи на Японію Англіи, о чемъ и лондонскій кабинетъ заявилъ въ оффиціальномъ документѣ, предназначенномъ для опубликованія и сообщенія нашему правительству. Англійскія газеты торопили Россію вернуться въ Европу и выказывали нескрываемую тревогу относительно скорости этого возвращенія. Поворотъ англійскаго общественнаго мнѣнія и политики обусловливался обострившимся антагонизмомъ съ

Германіей. Послѣдній нашелъ яркое выраженіе по поводу марокскаго инцидента, но основанія его гораздо глубже и серьезнѣе.

Политическая побѣда Германіи надъ Франціей была бы первымъ шагомъ къ континентальной гегемоніи Германіи, которая имѣла бы возможность направить разрѣшеніе назрѣвающихъ въ Европѣ вопросовъ согласно своимъ интересамъ. А для Англіи политическій имперіализмъ Германіи въ Европѣ есть грозная опасность въ сферѣ міровыхъ колоніальныхъ интересовъ,—той Weltpolitik, которую поставилъ своимъ лозунгомъ императоръ Вильгельмъ. Германская промышленность и безъ того уже является самымъ серьезнымъ конкуррентомъ англійской. Торговый флотъ Германіи начинаетъ перебивать фрахты у англійскихъ мореходныхъ компаній по такимъ линіямъ, гдѣ прежде великобританскій торговый флагъ не зналъ соперниковъ. Для упроченія мірового торговаго оборота Германіи не достаетъ только военнаго флота, которымъ она *одна* не можетъ справиться съ Англіей. Вотъ почему для германскаго имперіализма условіемъ вступленія въ фазисъ мірового развитія является образованіе континентальной коалиціи державъ, остріе коей было бы направлено противъ Англіи. Эти условія заставляютъ Англію не натягивать струны въ ея отношеніи съ Россіей въ Азіи и создаютъ почву для уступокъ и взаимныхъ соглашеній.

Звеномъ между европейскими и азіатскими интересами державъ служитъ ближневосточный вопросъ. Германія подходитъ къ нему изъ глубины Европы, Англія сторожитъ за его разрѣшеніемъ изъ Индіи. Интересы обѣихъ державъ сталкиваются при этомъ на пространствѣ между Золотымъ Рогомъ и Персидскимъ Заливомъ. Пока Германія не слишкомъ далеко отошла отъ перваго въ глубь Малой Азіи, Англія спѣшитъ обосноваться на Персидскомъ заливѣ. Одновременно агенты ея дѣйствуютъ въ Аравіи, и Германія безсильна помочь въ этомъ дѣлѣ встревоженному султану.

Что касается Россіи, то мы уже имѣли случай замѣтить о томъ, какъ мало реальнаго основанія у нея соперничать съ Англіей на Персидскомъ Заливѣ.

Мы постарались выяснить матеріалъ для сужденія о характерѣ нашихъ отношеній съ великими державами и главнѣйшихъ ихъ интересовъ въ Азіи и въ Европѣ.

Намъ остается вывести изъ сказаннаго какія-либо практическія заключенія. Начнемъ съ наименѣе спорныхъ положеній. Прежде всего, для насъ представляется несомнѣннымъ, что въ настоящее время Россія должна отказаться отъ какихъ бы то ни было завоевательныхъ замысловъ. Она должна, наоборотъ, стремиться къ упроченію

общаго мира и къ установленію съ этой цѣлью системы мірового политическаго равновѣсія.

Въ Азіи посильная охрана statu quo отъ захватовъ японскаго и всякаго другого имперіализма, въ Европѣ противодѣйствіе такимъ же захватамъ со стороны всякаго односторонняго имперіализма, такова въ главныхъ штрихахъ программа ближайшихъ цѣлей нашей внѣшней политики.

Соотвѣтствующимъ средствомъ для ея достиженія мы считаемъ возможное при данныхъ условіяхъ улучшеніе нашихъ отношеній съ Англіею при помощи нашей союзницы—Франціи.

Указанная система не должна точить острія ни противъ кого, и, конечно, не должна возбуждать опасеній Германіи, съ которой намъ было бы въ высшей степени желательно поддерживать добрососѣдскія отношенія. Политическія соглашенія и союзы должны строго сохранять свой характеръ взаимнаго страхованія.

Область внѣшней политики есть вѣчно текущая дѣйствительность, Werden народовъ и государствъ. Этотъ измѣнчивый историческій процессъ зависитъ отъ совокупности факторовъ, которые только искусственно можно кристаллизовать въ устойчивыя опредѣленныя понятія. Но какъ ни сложны условія осуществленія внѣшней политики, степень ея успѣшности зависитъ отъ твердости и опредѣленности ея основныхъ цѣлей. Пускаясь въ море, нужно знать, что въ немъ есть и подводные камни, и противоположныя теченія, и часто мѣняющійся вѣтеръ. Кормчій долженъ учитывать всѣ эти трудности и стараться использовать даже противный вѣтеръ, чтобы, искусно лавируя, достигнуть конечной цѣли своего пути.

Кн. Григорій Трубецкой.

Открытое обращеніе вѣрующаго къ Православной Церкви*).

Я не могу молчать. Но пойти на улицу, на площадь, къ вѣрующимъ и любящимъ людямъ— это значитъ услышать ихъ человѣческое мнѣніе, излить душу свою передъ ихъ человѣческимъ сердцемъ, узнать ихъ человѣческій отвѣтъ. Мнѣ нужно не то. Я жажду голоса *Церкви*, я изстрадался, не слыша его. И я слабый въ своемъ одиночествѣ,—ибо всѣ мы безъ Церкви одиноки,—но, вѣруя и исповѣдуя невидимую святую, соборную и апостольскую Церковь,—теперь рѣшаюсь воззвать къ ея голосу.

Я знаю, что для многихъ смѣшно будетъ мое обращеніе. „Церкви нѣтъ", — скажутъ они. Для многихъ оно будетъ безумной дерзостью: „кто онъ, чтобы спрашивать Церковь?" Но первымъ напомню слова Спасителя: „Созижду Церковь Мою, и врата Адовы не одолѣютъ ей". Я вѣрю, что Церковь есть, я вѣрю, что она пребываетъ хотя невидимо для глазъ; я вѣрю, что сила Антихриста не побѣдила и не побѣдитъ ее; я вѣрю,—грядетъ часъ, и она, подобно женѣ, облеченной въ солнцѣ, откроетъ себя міру во всей своей славѣ, во всей своей силѣ, во всей своей красотѣ.

Вторымъ скажу такъ: „если вы вѣруете во Христа, и Церковь для васъ не мертвый звукъ, а живое тѣло Его, если вы не на словахъ, а всѣмъ существомъ своимъ поняли, что весь смыслъ жизни въ томъ, чтобы облечься во Христа и облечь въ Него міръ, чтобы каждое дыханіе ваше свер-

*) Не раздѣляя церковныхъ убѣжденій, мы охотно даемъ на страницахъ нашего журнала мѣсто искреннему голосу вѣрующаго православнаго, потрясеннаго неслыханными событіями недавнихъ дней. Въ этомъ голосѣ нами чувствуется истинная и глубокая религіозность, которую всякій человѣкъ, каковы бы ни были его убѣжденія, долженъ уважать.—*Ред.*

шалось во имя Его — „да будетъ Богъ вся во всемъ“, то вы должны понять человѣка, который долѣе не хочетъ сносить рабскихъ цѣпей условности и компромиссовъ, не хочетъ долѣе прятаться подъ безбожную маску, называя ее смиреніемъ,—и во имя Христово, вслухъ всей Церкви, хочетъ заявить о своихъ наболѣвшихъ думахъ.

За одну декабрьскую недѣлю Москва пережила ужасы, какихъ она не переживала, можетъ быть, за всю свою многовѣковую исторію. Небо пылало багровымъ заревомъ; ревѣли пушки; городъ стоналъ отъ ружейной пальбы; снѣгъ пропитался человѣческой кровью; въ безумной жестокости люди разстрѣливали другъ друга; убивали дѣтей, стариковъ и женщинъ. Свершался великій грѣхъ. И въ этомъ великомъ грѣхѣ самое страшное было не то, *что* дѣлалось, а то, во *имя* чего дѣлалось.

Одинъ солдатъ на мольбу опомниться, не убивать людей, сказалъ: „если велитъ начальство, отца родного убью,—я принялъ присягу“. Вотъ въ этихъ словахъ весь ужасъ совершавшихся событій: кровь лилась во исполненіе клятвы Господу.

Моя христіанская совѣсть не можетъ примириться съ этимъ. Клясться именемъ Христовымъ убить отца, если прикажетъ начальство, это больше, чѣмъ отреченіе отъ Христа, больше, чѣмъ терновый вѣнецъ и распятіе на крестѣ! Такого кощунства, такого издѣвательства надъ Спасителемъ не могъ бы придумать и Іуда.

Я умоляю Церковь объяснить мнѣ, спасти меня отъ этого кошмара, разсѣять сомнѣнія и, если я неправъ, призвать меня къ покаянію!.. Я знаю, что скажутъ мнѣ оффиціальные представители Церкви. „Всякая душа властемъ предержащимъ да повинуется, нѣсть бо власть аще не отъ Бога“. Богъ велѣлъ слушаться начальства! Да, велѣлъ. Но развѣ Апостолы, когда имъ запретили учить отъ имени Іисуса, не сказали этимъ властямъ отъ Бога: „аще праведно есть предъ Богомъ васъ послушати паче нежели Бога“? Развѣ почти всѣ Апостолы не погибли за непослушаніе властямъ? Значитъ есть же границы этому послушанію! И не въ томъ ли эти границы, чтобы заповѣди Божіи ставить выше требованій человѣческихъ, и исполнять требованія властей только до тѣхъ поръ, пока они не идутъ вразрѣзъ съ завѣтами Христа. Ибо всякій, идущій противъ Христа—Ан-

тихристъ. Такъ ужели христіане должны слушаться Антихриста? Это ложь. Это хула на Духа Святого. И я утверждаю: *Богъ не принимаетъ клятвы въ подтвержденіе готовности свершить злодѣяніе*! Принявшихъ такую клятву Церковь должна немедленно освободить отъ присяги, и тѣмъ смыть всю ту кровь, которая пролилась именемъ Христовымъ на святой животворящій крестъ.

Но этого мало.

Оффиціальные представители Церкви учатъ, что насиліе недопустимо, что насиліе преступно съ чьей бы стороны оно ни исходило, во имя какихъ бы цѣлей оно ни совершалось. Обсуждая правду и ложь освободительнаго движенія, они опредѣленно и рѣзко осуждаютъ *тактику* крайнихъ партій. Они говорятъ: христіанство не можетъ благословить насилія, а тѣмъ болѣе убійства. Но если такъ, если христіанство не можетъ оправдать убійства, съ чьей бы стороны оно ни совершалось, то Церковь должна съ такой же прямотой и опредѣленностью, съ какой она обращается къ революціонерамъ, — сказать: безбожное дѣло совершаютъ и солдаты, убивая борцовъ за свободу.

Почему въ отношеніи крайнихъ партій такая опредѣленность, такая прямота, а въ отношеніи властей предержащихъ такое преступное молчанье?

Вѣдь, крайнія партіи и не считаютъ себя принадлежащими къ Церкви. Предписанія и требованія Церкви не доходятъ до нихъ. Но не больше ли обязанности у Церкви въ отношеніи тѣхъ, кто составляетъ ея стадо. Почему же Церковь обличаетъ тѣхъ, кто открыто объявляетъ себя атеистомъ, и рабски безмолвствуетъ въ отношеніи своихъ чадъ, когда они дѣлаютъ то же самое? Если власти предержащія и солдаты совершаютъ то, что, по глубочайшему убѣжденію Церкви, христіане дѣлать не должны, — не прямая ли обязанность прежде всего обратиться именно къ нимъ, потому что они считаютъ себя въ лонѣ Церкви. Не говорите: бунтовщики начинаютъ первые, а потому на нихъ больше вины. Воины первые схватили Христа, Петръ только хотѣлъ *защищаться*, и Христосъ *ему* велѣлъ вложить въ ножны мечъ.

Церковь должна властно и дерзновенно возвысить свой голосъ и призвать сыновъ своихъ къ покаянію. Я считаю, что Церковь обязана немедленно же *наложить покаяніе*

на генералъ-губернатора Дубасова, какъ одного изъ вѣрующихъ, который былъ главнымъ руководителемъ совершаемыхъ злодѣйствъ, а равно на всѣхъ тѣхъ, проливавшихъ кровь, кто именуетъ себя христіанами. Если же покаяніе они отвергнутъ—отлучить отъ Церкви.

Но Церковь, тѣло Христово, не можетъ ограничиться этимъ. Грѣхъ одного—несчастіе всѣхъ. Возлагая покаяніе на одного, нужно призвать къ молитвѣ всѣхъ. А потому *на всю Православную Церковь долженъ быть наложенъ постъ* въ знакъ глубокой печали о великихъ грѣхахъ, содѣянныхъ ея членами, и въ усиленіе молитвъ о ниспосланіи прощенія и очищенія.

У насъ, при полномъ отсутствіи приходской жизни, при совершенномъ безправіи мірянъ, при самомъ кощунственномъ попраніи соборнаго начала Церкви, — я не знаю другого способа вслухъ обращаться къ Церкви, кромѣ печатнаго слова. Пусть всѣ, кто сочувствуетъ моему „Обращенію", перепечатаютъ его въ своихъ изданіяхъ. Пусть всѣ вѣрующіе, братья и сестры мои во Христѣ, обсудятъ его между собой,—и тогда я,—не знаю, какъ именно,—но получу то, о чемъ прошу. Я вѣрю, что если мое „Обращеніе" дѣйствительно дойдетъ до Церкви, дѣйствительно дойдетъ до *собранія вѣрующихъ*, то я услышу и Церковный голосъ. Аминь.

Вал. Свенцицкій.

Стачки въ Россіи *).

Прошло тридцать пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ русской печатью впервые была отмѣчена стачка на россійской почвѣ. Въ 1870 г. по поводу стачки, имѣвшей мѣсто въ Петербургѣ, одна газета воскликнула: „и у насъ случилась стачка, и насъ не оберегъ Богъ!“ Въ теченіе этого тридцатипятилѣтняго періода Богъ, очевидно, „все меньше оберегалъ насъ“. Рабочее движеніе росло и крѣпло, и стачка все чаще и чаще примѣнялась, какъ наиболѣе реальная форма борьбы труда съ капиталомъ. Несмотря ни на какія репрессіи, стачечное движеніе не останавливалось, и въ настоящее время по своей интенсивности оно опередило почти всѣ западно-европейскія государства. Въ самое послѣднее время мы были свидѣтелями такихъ всеобщихъ и массовыхъ забастовокъ, о возможности которыхъ только еще разсуждаютъ западно-европейскіе теоретики и практики. Фактическая невозможность примѣнять установленныя закономъ наказанія за стачки заставила правительство отмѣнить многія изъ „карательныхъ статей закона, касающихся досрочныхъ расторженій договора найма“, а страхъ передъ полной остановкой хозяйственной жизни страны почти одновременно побудилъ издать новыя правила, по суровости своей превосходящія все, что до сихъ поръ было извѣстно русскому законодательству о стачкахъ.

Будучи запрещенными, стачки сначала оффиціально игнорировались, но свѣдѣнія о нихъ черезъ чиновъ фабричной инспекціи поступали въ отдѣлъ промышленности министерства финансовъ. Какъ бы ни были неполны эти свѣдѣнія, они являются всетаки единственнымъ матеріаломъ, которымъ мы въ настоящее время располагаемъ. Нельзя поэтому не отнестись сочувственно къ попыткѣ отдѣла промышленности разработать имѣвшіяся въ его распоряженіи свѣдѣнія и

---

*) Настоящая статья, слѣдуетъ оговориться, не касается совершенно послѣднихъ *политическихъ* забастовокъ, данныя о которыхъ не вошли въ опубликованную министерствомъ работу. Этимъ забастовкамъ будетъ посвящена спеціальная статья.—*О. Б.*

сдѣлать ихъ доступными публикѣ. Только что опубликованный трудъ *) даетъ много интересныхъ свѣдѣній, характеризующихъ стачечное движеніе въ Россіи. Свѣдѣнія эти, правда, касаются лишь фабрикъ и заводовъ, находившихся въ вѣдѣніи министерства финансовъ, т. е. подчиненныхъ фабричной инспекціи. Такимъ образомъ, сюда не могли войти свѣдѣнія о стачкахъ на горныхъ заводахъ и рудникахъ, на заводахъ казенныхъ и находящихся въ вѣдѣніи другихъ министерствъ (путей сообщенія, военнаго и морского); не вошли также мелкія ремесленныя заведенія, не подчиненныя надзору, промышленныя заведенія Сибири и Средней Азіи, гдѣ фабричной инспекціи нѣтъ, и Кавказа, гдѣ надзоръ введенъ лишь недавно. Но и тѣ свѣдѣнія, которыя имѣются и которыя охватываютъ (въ круглыхъ цифрахъ) 18 тысячъ заведеній съ 1.700 тысячъ рабочихъ, достаточно поучительны, чтобы на нихъ стоило остановиться.

Въ какомъ числѣ промышленныхъ заведеній стачки имѣли мѣсто и сколько рабочихъ приняло въ нихъ участіе? Всего было охвачено стачками 1.765 заведеній, причемъ участвовало въ стачкахъ 431.254 рабочихъ. Такимъ образомъ, въ среднемъ за десятилѣтіе, по разсчету на одинъ годъ, бастовало по 176,5 заведеній и по 43.125 рабочихъ. Это составляетъ въ среднемъ 0,98% всѣхъ заведеній и 2,7% общаго числа рабочихъ. Maximum числа заведеній, пораженныхъ стачками, составляетъ 3,21% общаго ихъ числа (въ 1903 году), minimum—0,36% (въ 1895 году); maximum числа рабочихъ, участвовавшихъ въ стачкахъ, замѣчался въ 1903 году (5,1%), minimum—въ 1904 году (1,46%).

Сопоставляя эти цифры—несомнѣнно неполныя—съ данными западно-европейскихъ странъ, мы видимъ, что у насъ стачки имѣютъ мѣсто чаще, чѣмъ на Западѣ: число забастовщиковъ за тѣ же приблизительно годы составляло по отношенію къ общему числу рабочихъ въ странѣ: во Франціи отъ 1,4% до 1,6%, въ Англіи—отъ 2 до 5%, въ Германіи—отъ 0,01% до 1,5%. Отсюда ясно, насколько безцѣльны всякія репрессіи, принимаемыя по отношенію къ забастовкамъ: ни циркулярныя распоряженія министерства внутреннихъ дѣлъ, предписывавшія высылать стачечниковъ административнымъ порядкомъ, ни строгіе судебные приговоры, на основаніи которыхъ забастовщики попадали въ арестантскія роты, не задержали, не могли задержать стачечнаго движенія.

Въ какихъ промышленныхъ заведеніяхъ больше всего бастуютъ

---

*) *В. Е. Варзаръ*. Статистическія свѣдѣнія о стачкахъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ за десятилѣтіе 1895—1904 года.

рабочіе? Въ этомъ отношеніи у насъ можно констатировать то же явленіе, какое замѣчается и на Западѣ: большинство стачекъ происходитъ на крупныхъ фабрикахъ и заводахъ, гдѣ больше сознательныхъ рабочихъ и гдѣ чувство солидарности сильнѣе развито. Въ то время, какъ въ заведеніяхъ съ числомъ рабочихъ менѣе 20, стачки имѣли мѣсто лишь въ 2,7% всего числа такихъ заведеній, изъ заведеній съ числомъ рабочихъ отъ 50 до 100 бастовало 9,4%,—отъ 500 до 1000—49,0%, а въ заведеніяхъ съ числомъ рабочихъ болѣе 1000—стачками были охвачены 89,7% всего числа заведеній. Такимъ образомъ, изъ десяти мелкихъ заведеній поражено было стачкой только одно, въ разрядѣ же фабрикъ съ числомъ рабочихъ свыше 1000 поражено было стачкой почти каждое заведеніе. Впрочемъ, здѣсь надо имѣть въ виду, что о стачкахъ въ мелкихъ ремесленныхъ заведеніяхъ не имѣется полныхъ свѣдѣній, такъ какъ заведенія эти не подчинены надзору, и —съ другой стороны,—что въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ стачки повторялись по нѣсколько разъ. Но разница между процентнымъ отношеніемъ стачекъ въ заведеніяхъ различныхъ разрядовъ настолько значительна, что и оговоренная поправка едва ли вноситъ существенное измѣненіе въ сдѣланный выводъ.

Насколько единодушно проходятъ стачки? Всѣ ли рабочіе предпріятія присоединяются къ объявленной забастовкѣ и передается ли движеніе на другія предпріятія? На первый вопросъ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи цифры отвѣчаютъ, что отношеніе числа рабочихъ бастующихъ къ работающимъ весьма различно и что, въ среднемъ выводѣ, участіе въ стачкахъ принимала приблизительно половина состава общаго числа рабочихъ заведеній, подвергшихся стачкамъ. Что касается второго вопроса, то изъ цифръ усматривается, что больше половины всѣхъ стачекъ (62%) и больше половины числа забастовщиковъ (60%) относятся къ стачкамъ „коллективнымъ“, „групповымъ“, т. е. къ такимъ,которыя возникали одновременно (въ дни того же мѣсяца) въ одной и той же отрасли промышленности, хотя бы солидарность забастовщиковъ не была точно установлена, или къ такимъ, гдѣ были прямыя указанія на связь стачекъ, происходившихъ въ одной губерніи, хотя бы въ разныхъ отрасляхъ промышленности. Изъ такихъ стачекъ, охватившихъ цѣлые районы или группы производствъ, нельзя не отмѣтить стачки, охватившей въ 1895 году ручное шерстоткацкое производство въ Западномъ Краѣ, а также стачки въ текстильной промышленности въ Петербургѣ въ 1896 году и широкомъ районѣ центральной Россіи въ 1897 году, имѣвшія цѣлью сокращеніе рабочаго времени и приведшія къ установленію максимальнаго рабочаго дня закономъ 2-го іюня 1897 года. Такія же значительныя

стачки имѣли мѣсто въ 1898 году въ центральномъ районѣ изъ-за желанія перейти на двухсмѣнную 18-ти часовую работу, въ 1899 году—въ Прибалтійскомъ краѣ; въ 1900 году на металлическихъ заводахъ Харькова, стачка была организована, какъ первомайская демонстрація, въ 1901 году были стачки кожевниковъ въ сѣверно-западномъ краѣ, наконецъ всѣмъ памятна грандіозная генеральная стачка, имѣвшая мѣсто лѣтомъ 1903 года на югѣ Россіи (Одесса и друг. города).

Въ какихъ отрасляхъ производства стачки особенно значительны? И въ этомъ отношеніи замѣтна аналогія съ странами Западной Европы. Особая склонность къ стачкамъ замѣчается въ текстильной и металлической отрасляхъ промышленности, что объясняется съ одной стороны крупностью заведеній, съ другой—однообразіемъ условій труда для значительныхъ группъ рабочихъ. Число стачекъ въ текстильной промышленности равнялось 592 и составляло 33,4% всѣхъ стачекъ, а число бастовавшихъ рабочихъ равнялось 236.812, что составляетъ 54,9% всего числа бастовавшихъ рабочихъ. Въ обработкѣ металловъ и машиностроеніи соотвѣтственныя процентныя отношенія выражались цифрами: 19 и 27. Сопоставляя численное отношеніе бастовавшихъ рабочихъ этихъ двухъ промышленныхъ отраслей къ числу рабочихъ, занятыхъ въ этихъ отрасляхъ, съ такимъ же отношеніемъ въ другихъ производствахъ, мы тоже видимъ, что „рабочіе въ заведеніяхъ по обработкѣ хлопка и металловъ по своей склонности къ стачкамъ выдѣляются среди рабочихъ другихъ отраслей промышленности: въ то время, какъ въ заведеніяхъ другихъ производствъ, какъ, напримѣръ, занятыхъ обработкой стекла, глины, цемента, дерева, питательныхъ и вкусовыхъ веществъ, получается контингентъ забастовщиковъ, въ среднемъ не достигающій одной десятой части общей численности рабочихъ, занятыхъ въ этихъ отрасляхъ промышленности; въ вышеуказанныхъ двухъ группахъ производствъ почти половина всѣхъ рабочихъ принимала участіе въ стачкахъ“. Эти же группы производствъ даютъ наиболѣе высокую среднюю численность участниковъ каждой стачки: въ то время, какъ среднее число рабочихъ, принимавшихъ участіе въ одной стачкѣ, равняется 244, въ заведеніяхъ по обработкѣ хлопка и металловъ соотвѣтственныя числа равны: 692 и 348.

Какова была продолжительность стачекъ? Насколько упорно рабочіе добивались исполненія своихъ требованій и съ какими жертвами была сопряжена предпринятая борьба?

Продолжительныя стачки, естественно, были затруднены тѣми мѣрами воздѣйствія, которыя принимались по отношенію къ забастовщи-

камъ: часть арестовывалась, часть высылалась на родину, и если мѣры репрессіи не могли остановить *движенія*, то оказать вліяніе на продолжительность отдѣльныхъ стачекъ онѣ все таки были въ силахъ. Естественно, поэтому, что за истекшее десятилѣтіе преобладали кратковременныя стачки, продолжительностью до 10 дней. Такія стачки составляютъ около 82,2% всѣхъ стачекъ и число потерянныхъ при этомъ дней составляетъ около 68, 7% общаго ихъ количества. Такимъ образомъ, если выше мы сказали, что число стачечниковъ и заведеній, въ которыхъ стачки происходили, было велико, то мы отнюдь не можемъ сказать, чтобы самыя стачки были интенсивны, измѣряя интенсивность стачки—періодомъ времени, въ теченіе котораго въ среднемъ бастовалъ каждый рабочій. Это положеніе станетъ еще болѣе очевиднымъ при сравненіи нашихъ цифръ съ данными Западной Европы: въ то время, какъ на одного рабочаго-забастовщика приходилось потерянныхъ дней: въ Англіи—34,2, во Франціи—14,3, въ Австріи—12,1, въ Италіи—10,3, въ Россіи напряженность стачекъ выражалась коэффиціентомъ 4,8. Эти цифры получаютъ особый интересъ, если сопоставить ихъ съ цифрами, показывающими успѣшность стачки для той или другой стороны. Тамъ, гдѣ рабочій классъ хорошо организованъ, онъ можетъ долго выдержать борьбу; тамъ, гдѣ онъ слабъ, естественно, что при нѣкоторомъ упорствѣ предпринимателя, не желающаго итти на уступки, приходится очень скоро отказаться отъ мысли вести борьбу. Другими словами: наименѣе продолжительны тѣ стачки, въ которыхъ побѣдителями являются рабочіе, стачки же, на которыя русскими рабочими затрачивалось больше всего силъ, оканчивались не въ ихъ пользу. При стачкахъ, оканчивавшихся въ пользу рабочихъ, на одного рабочаго-забастовщика приходилось 3,8 потерянныхъ дней, при стачкахъ же, кончавшихся въ пользу хозяевъ-предпринимателей, такихъ потерянныхъ дней приходилось на одного рабочаго 13,6.

Отрицательная сторона стачекъ заключается главнымъ образомъ въ томъ, что съ ними сопряжены большія матеріальныя жертвы. Каждая стачка, независимо отъ ея результатовъ, убыточна для обѣихъ сторонъ, какъ убыточна всякая война: рабочіе лишаются средствъ къ существованію, предприниматели терпятъ убытки, иногда весьма крупные, затронутая стачками отрасль промышленности приходитъ въ состояніе депрессіи. Учетъ этихъ убытковъ представляетъ значительныя трудности, ибо учесть можно только видимыя потери—уменьшеніе заработка, сокращеніе производства,—а всѣ убытки коммерческаго характера, сопряженные съ нарушеніемъ правильнаго теченія работъ, учету совершенно не поддаются. *Видимые* убытки, какъ промышленности,

такъ и рабочихъ за истекшее десятилѣтіе не представляются значительными. Потери фабрично-заводской промышленности исчисляются въ 10.427 тыс. руб., убытки рабочихъ—въ 1.597 тыс. руб. Въ среднемъ для одного года это составитъ: 1.042 тыс. руб.—убытки промышленности и 159 тыс. руб.—потери заработка. При 2.415 милліонахъ годовой производительности и при 310 милліонахъ годовой рабочей платы, это составитъ сравнительно ничтожный процентъ. Что касается общихъ потрясеній, то, конечно, они не могутъ даже сравниться съ тѣмъ, что потеряла русская промышленность за послѣднія политическія забастовки, данныя о которыхъ, какъ мы уже оговорились, не вошли въ министерскій отчетъ.

Чѣмъ вызваны были стачки? Причины стачекъ, весьма разнообразныя, можно раздѣлить на слѣдующія четыре категоріи: 1) заработная плата (требованіе увеличенія, сопротивленіе уменьшенію, порядокъ и условія расплаты); 2) рабочее время (требованіе сокращенія, сопротивленіе увеличенію, распредѣленіе рабочаго времени); 3) порядокъ въ заведеніи, неудовольствія на персоналъ заводоуправленія и его дѣйствія или бытовыя условія (сюда относятся самые различные случаи: недовольство вычетами и штрафами, дурное обращеніе, условія труда, харчи, квартира, и т. п.); 4) разныя случайныя причины. Иногда требованія выставляются различныя, по нѣсколько сразу, причемъ одно считается главнымъ и отъ его исполненія зависитъ прекращеніе или продолженіе стачки. Группируя всѣ стачки по вышеозначеннымъ категоріямъ, мы видимъ слѣдующее. Преобладающимъ мотивомъ стачекъ за истекшее десятилѣтіе является рабочая плата: на 1765 случаевъ эта причина дѣйствовала, какъ главная, въ 1071 случаѣ (60,8%); затѣмъ слѣдуютъ недоразумѣнія, возникающія на почвѣ продолжительности рабочаго времени (385 случаевъ = 21,7%), далѣе причины случайныя (независящія отъ воли сторонъ) и профессіональныя (стачки по сочувствію, празднованіе 1-го мая, etc.—10%) и, наконецъ, неудовольствія на персоналъ, условія быта и труда (131 случай = 7,4%). Останавливаясь подробнѣе на главныхъ причинахъ—заработной платѣ и рабочемъ времени, которыми вызваны болѣе 80% всѣхъ стачекъ,—мы видимъ, что стачки были направлены главнымъ образомъ на *увеличеніе* платы и *сокращеніе* рабочаго времени: число стачекъ, направленныхъ на увеличеніе рабочей платы, было почти въ 6 разъ больше числа стачекъ, цѣлью которыхъ было сопротивленіе уменьшенію заработной платы, а число стачекъ, направленныхъ на сокращеніе рабочаго времени, было въ 7 разъ больше, чѣмъ число стачекъ, вызванныхъ попыткой хозяевъ увеличить рабочій день. Отсюда не слѣдуетъ дѣлать выводъ, что стачки наступательныя пользуются

большей симпатіей, чѣмъ стачки оборонительныя. Вообще замѣчается, напротивъ, обратное явленіе и если въ указанныхъ случаяхъ оборонительныя стачки рѣже, то объясняется это тѣмъ, что фабриканты рѣже рѣшаются на ухудшеніе существующихъ условій и гораздо чаще—не соглашаются на ихъ улучшеніе. И при „оборонительныхъ" стачкахъ у рабочихъ энергіи и единодушія гораздо больше, что видно хотя бы изъ числа участниковъ такихъ стачекъ: на одну стачку, предпринятую противъ ухудшенія положенія въ области платы и продолжительности рабочаго дня, приходилось 478 и 547 человѣкъ, а на одну стачку, предпринятую въ цѣляхъ увеличенія платы и уменьшенія дня соотвѣтственно приходилось лишь по 130 и 285 человѣкъ. Рѣзкій отпоръ встрѣчали также чрезмѣрные штрафы и вычеты, и неудовлетворявшій рабочихъ личный составъ заводоуправленій. Въ стачкахъ, вызванныхъ этими послѣдними обстоятельствами, участвовало въ среднемъ въ каждой по 566 и 532 человѣка. Особенно часты и многолюдны стачки послѣдняго рода въ металлообрабатывающей промышленности: очевидно, болѣе развитые и лучше оплачиваемые рабочіе на заводахъ по обработкѣ металла, вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе чувствительны къ дурному обращенію и притѣсненіямъ администраціи.

Каковы же были результаты стачекъ? Многіе мнимые друзья рабочихъ стараются удержать ихъ отъ стачекъ, утверждая, что *всякая* стачка кромѣ вреда рабочимъ ничего не приноситъ, такъ какъ имъ почти никогда не удается улучшить свое положеніе при помощи стачекъ. Эту точку зрѣнія въ популярныхъ листкахъ у насъ старался проводить пресловутый генералъ Богдановичъ. Такъ ли это? Западно-европейскій опытъ до сихъ поръ показывалъ, что нѣтъ. Число стачекъ, окончившихся вполнѣ или отчасти въ пользу рабочихъ въ среднемъ больше, чѣмъ число стачекъ, окончившихся противъ рабочихъ. Соотвѣтственныя цифры за пятилѣтіе 1894—1898 гг. были въ процентахъ: въ Англіи 62,8 и 35,2, во Франціи 53,1 и 46,9, въ Австріи 55,2 и 44,7. Численно рабочіе, бастовавшіе успѣшно, тоже превосходятъ рабочихъ, потерявшихъ сраженіе. Отношеніе первыхъ и послѣднихъ къ общему числу забастовщиковъ выражалось слѣдующими цифрами (въ процентахъ): въ Англіи 59,5 и 39,7, во Франціи 62,6 и 37,3 и въ Австріи 64,8 и 35,2. Меньшій успѣхъ стачекъ въ Россіи, гдѣ стачечникамъ приходится преодолѣвать не только упорство предпринимателей, но и энергію администраціи, гдѣ на сторонѣ стачечниковъ нѣтъ даже закона и гдѣ нѣтъ тѣхъ профессіональныхъ организацій, которыя являются необходимымъ условіемъ успѣшнаго стачечнаго движенія,—былъ бы вполнѣ естественъ и понятенъ. Но и здѣсь резуль-

таты стачекъ оказываются гораздо болѣе благопріятными, чѣмъ можно было бы ожидать по вышеизложеннымъ причинамъ. Изъ всѣхъ стачекъ, имѣвшихъ мѣсто за 10 лѣтъ, окончились (въ %): въ пользу рабочихъ 28,2, компромиссомъ (частичнымъ успѣхомъ)—21,8, въ пользу работодателей—45,4. Остальныхъ стачекъ (4,6%) исходъ неизвѣстенъ. Такимъ образомъ вполнѣ или отчасти въ пользу рабочихъ окончилась половина стачекъ (50%).

Нѣсколько менѣе успѣшными оказываются стачки, если ихъ разсматривать со стороны числа участниковъ. Изъ общаго числа забастовщиковъ участвовало въ стачкахъ, окончившихся: въ пользу рабочихъ—27,1%, компромиссомъ—19,5%, въ пользу работодателей—51,6 % (Исходъ 1,8% стачекъ неизвѣстенъ). Такимъ образомъ, болѣе многолюдныя стачки кончались чаще противъ рабочихъ, но все же 46,6% стачечниковъ бастовали съ полнымъ или частичнымъ успѣхомъ.

Наиболѣе успѣшными оказывались стачки въ производствахъ по обработкѣ минеральныхъ веществъ (кирпичномъ, стеклянномъ, цементномъ и керамическомъ) и полиграфическихъ (типографіи). Въ производствахъ по обработкѣ минеральныхъ веществъ болѣе половины (57,6%) всего числа бастующихъ получили полное удовлетвореніе, и окончательно стачки были проиграны лишь одной пятой рабочихъ (21,9%). Но въ этихъ отрасляхъ стачки охватили лишь небольшую часть всего состава рабочихъ этой группы (10,5%) и протекали небольшими группами. То же и типографы, которые, бастуя небольшими группами при незначительной настойчивости (3,7 дней на забастовщика), добились того, что болѣе половины ихъ (51,6%) достигли намѣченной цѣли вполнѣ и лишь третья часть (34,2%) безусловно уступила требованіямъ работодателей.

Наименѣе успѣшными были стачки въ производствахъ по обработкѣ животныхъ продуктовъ (преимущественно заведенія кожевенныя и издѣлій изъ кожи) и по обработкѣ смѣшанныхъ матеріаловъ и волокнистыхъ веществъ, гдѣ всего 12—13% рабочихъ выиграли стачки. Слабъ былъ также успѣхъ въ производствахъ по механической обработкѣ дерева (лѣсопильныя, мебельно-столярныя), гдѣ 71% рабочихъ потерпѣлъ полную неудачу.

Изъ текстильныхъ производствъ наиболѣе удачны были стачки въ отрасляхъ по обработкѣ шерсти и въ заведеніяхъ по обработкѣ льна, пеньки и джута, гдѣ вполнѣ неудачно стачки прошли лишь для 42% стачечниковъ.

Что касается группы производствъ по обработкѣ металловъ, гдѣ какъ мы видѣли, выше рабочіе принимали особенно энергичное уча-

стіе въ стачкахъ и вели ихъ наиболѣе крупными группами, то, принимая во вниманіе затраченную энергію, результатъ нельзя назвать удачнымъ: 60,3% стачечниковъ должны были безусловно уступить и лишь 36% достигли вполнѣ или отчасти намѣченныхъ стачками цѣлей. Очевидно, здѣсь предприниматели давали особенно рѣзкій отпоръ.

Разсматривая исходъ стачекъ въ зависимости отъ вызвавшихъ ихъ причинъ, приходится констатировать, что болѣе уступчивы работодатели были въ спорахъ, возникающихъ по поводу заработной платы, менѣе—при стачкахъ изъ-за рабочаго времени. Наибольшее сопротивленіе работодатели оказывали при стачкахъ, вызванныхъ неудовольствіями на штрафы, вычеты и на дѣйствія и поведеніе персонала заводоуправленій и быстро шли на уступки при стачкахъ, возникающихъ изъ-за условій быта и довольствія (харчи, квартиры, бани, etc.). Въ этихъ случаяхъ, почти безъ компромиссовъ, около трехъ четвертей всего числа стачекъ кончались въ пользу рабочихъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что стачечное движеніе, которое стоило у насъ рабочимъ столькихъ жертвъ, дало имъ положительные результаты. Фактическая свобода стачекъ была въ концѣ концовъ завоевана, а примѣненіемъ тактики массовыхъ забастовокъ рабочіе содѣйствовали завоеванію политической свободы вообще. Но юридически свободы стачекъ еще нѣтъ. Недавно изданныя новыя правила, которыя было „признано за благо ввести въ дѣйствіе впредь до изданія общаго о стачкахъ закона“, мало удовлетворительны, а „общаго закона“ все еще нѣтъ, какъ нѣтъ и другихъ свободъ, гарантирующихъ возможность правильнаго его примѣненія. Едва ли необходимость свободы стачекъ требуетъ еще дальнѣйшихъ доказательствъ. Но тѣ, кто нуждаются еще въ таковыхъ пусть вчитаются въ вышеприведенныя сухія цифры: изъ нихъ они убѣдятся, что нѣтъ такихъ законовъ, которые могли бы остановить мощное соціальное движеніе и что уже по этому одному всякія репрессіи по отношенію къ стачечникамъ являются совершенно безсмысленными.

О. Бужанскій.

Конституціонно-демократическая партія и князь Е. Н. Трубецкой.

По мнѣнію князя Е. Н. Трубецкаго, какой-то злой рокъ тяготѣетъ надъ конституціонно-демократической партіей. Свидѣтельство князя имѣетъ особый вѣсъ какъ въ силу личныхъ заслугъ князя, такъ и потому, что до своего выхода изъ состава партіи онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ членовъ ея. Кому-же лучше оцѣнить достоинства и недостатки партіи, особенно выйдя изъ нея и глядя на нее со стороны? То, что ускользало отъ взора члена партіи, сдѣлалось яснымъ и даже очевиднымъ и нетребующимъ особыхъ доказательствъ, лишь только онъ сталъ свободнымъ отъ всѣхъ путъ, налагаемыхъ партіей.

„Злой рокъ тяготѣетъ надъ партіей" и только отчасти имѣетъ внѣшнее происхожденіе: забастовки, московскія баррикады, реакція. Гораздо серьезнѣе, утверждаетъ кн. Е. Н. Трубецкой, внутренняя органическая болѣзнь, созданная собственнымъ иждивеніемъ партіи, разлагающая ея нутро, болѣзнь частью академическаго, частью бюрократическаго происхожденія. Партія способна какъ никто составлять проекты, доклады, формулы и резолюціи, но совершенно неспособна къ живой дѣятельности. Сверхъ того, еще одна болѣзнь разъѣдаетъ партію, болѣзнь, унаслѣдованная отъ стараго порядка и деспотизма: „привычка къ подчиненію, легко уживающаяся съ фрондерствомъ, и доктринерство, свойственное людямъ, оторваннымъ отъ политической дѣятельности". Эта болѣзнь, свойственная всѣмъ партіямъ, отличаетъ нашу— привычкой заискивающе кланяться всегда *влѣво*, тогда какъ другія кланяются всегда *вправо*. Очевидно, съ партіей, зараженной академизмомъ, бюрократизмомъ, доктринерствомъ, склонностью къ дисциплинѣ и къ поклонамъ влѣво, неспособностью выпрямиться во весь ростъ,—нечего дѣ-

лать и нечего отъ нея ожидать; лучше бросить все это и уйти прочь. Такъ и поступилъ кн. Е. Н. Трубецкой и рекомендуетъ поступить точно такъ же каждому россійскому гражданину, ибо онъ не удовольствовался выходомъ изъ партіи, но опубликовалъ urbi et orbi свое рѣшеніе и свои мотивы, чтобы предостеречь отъ соблазна „малыхъ сихъ“ и чтобы всѣ знали, что всѣ эти блестящіе литературные таланты, украшающія партію научныя силы, выдающіеся общественные дѣятели, все это не болѣе какъ одна видимость; что эта партія съ пустымъ кошелькомъ лишена способности дѣйствовать и, что̀ еще хуже, неразборчива въ средствахъ, предлагая пріемы, не всегда согласные съ требованіями совѣсти. Эта партія рекомендуетъ своимъ членамъ гибкость и приспособленіе къ избирателямъ: одному можно обѣщать одно, а другому—противоположное, смотря по вкусу каждаго. Естественно, что кн. Е. Н. Трубецкой *по совѣсти* не только не могъ взять на себя такого порученія, но и рѣшился предостеречь менѣе чуткихъ и прозорливыхъ, которые могли бы прельститься писаніями и рѣчами людей, которые „въ борьбѣ словесной и литературной не могутъ бояться никакихъ противниковъ“. Это тѣмъ болѣе было необходимо, что самъ князь на первыхъ порахъ такъ поддался обаянію этихъ льстивыхъ рѣчей, что и сейчасъ не вполнѣ отъ нихъ освободился, ибо и теперь ему представляется, что конституціонно-демократическая партія — лучшая изъ всѣхъ партій, и ему все еще хочется, чтобы кандидаты этой партіи попали въ Думу: „иначе наше народное представительство лишится лучшихъ умственныхъ силъ страны“. Мы боимся, что эта забота князя вызоветъ въ душѣ добросовѣстнаго избирателя недоумѣнный вопросъ: зачѣмъ же князь, признавшій *для себя* невозможность сохранить связь съ партіей, которую онъ такъ справедливо осуждаетъ, требуетъ *отъ меня* подавать голосъ за людей по меньшей мѣрѣ неискреннихъ, болтуновъ, не умѣвшихъ устроить даже партіи; можно ли на нихъ возлагать переустройство до самыхъ нѣдръ потрясеннаго государства? Одно изъ двухъ: или князь ошибается въ оцѣнкѣ партіи, или его совѣту слѣдовать невозможно. Такъ будетъ разсуждать добросовѣстный избиратель, и будетъ правъ. А можетъ быть ему и не придется вовсе разсуждать объ этомъ, такъ какъ, слѣдуя совѣту князя, онъ запишется въ „еще лучшую“ партію, объявившую не только

разностороннюю программу, но и предоставившую своимъ членамъ полную свободу мнѣній, полное освобожденіе отъ привычки подчиняться, какъ вреднаго наслѣдія стараго порядка и абсолютизма, партію, которая, хотя еще не вполнѣ сформировалась, но конечно сформируется, пока гр. Витте, наконецъ, высидитъ Государственную Думу. Несомнѣнно, партія, отвергающая обязательность „состоявшихся и имѣющихъ еще состояться постановленій руководящаго органа партіи“, или партія демократическихъ реформъ, смѣло можетъ расчитывать на самое большое число членовъ сравнительно со всѣми другими партіями.

Несмотря однако на все наше личное уваженіе къ кн. Е. Н. Трубецкому, намъ, членамъ конституціонно-демократической партіи, оставшимся вѣрными ей и чувствующими свою великую отвѣтственность передъ страной въ моментъ величайшаго государственнаго и соціальнаго кризиса, намъ кажутся и недостаточными, и неубѣдительными доводы, побудившіе князя публично выступить съ объясненіями своего поведенія и со своими обвиненіями партіи, въ рядахъ которой онъ шелъ на борьбу съ нестерпимымъ болѣе государственнымъ строемъ. Чувство политической отвѣтственности передъ родиной, изнемогающей, истекающей кровью, разоренной, но страстно ищущей выхода изъ своего отчаяннаго положенія, должно было бы подсказать князю Е. Н. Трубецкому, что теперь не время сводить счеты съ партіей, именно теперь, когда реакція не только подняла голову, но когда она обнаруживаетъ всю свою живучесть и когда она со всѣмъ безуміемъ отчаянія пытается раздавить освободительное движеніе и вернуть страну къ безмолвной покорности. И такой именно моментъ князь, недовольный партійной программой, которую онъ, какъ членъ партіи, до сего времени распространялъ среди населенія, недовольный тактикой, которую онъ до сего времени считалъ совмѣстимой съ своею совѣстью, призналъ наиболѣе подходящимъ, чтобы дискредитировать свою партію въ глазахъ избирателей. Быть можетъ второй делегатскій съѣздъ партіи измѣнилъ программу и ввелъ въ партійную тактику новые способы дѣйствія, не допустимые съ нравственной точки зрѣнія? Какъ участникъ делегатскаго съѣзда, кн. Е. Н. Трубецкой хорошо знаетъ, что ни программа партіи, ни тактическіе пріемы на съѣздѣ не только не потерпѣли существеннаго измѣненія, но полу-

чили бо̀льшую ясность и опредѣленность, при томъ скорѣе въ смыслѣ пріемлемости для кн. Е. Н. Трубецкого и его единомышленниковъ, если только они не расходятся съ партіей въ основныхъ принципахъ. Пусть избиратели повѣрятъ кн. Трубецкому и проникнутся его осужденіемъ конституціонно-демократической партіи,—какія послѣдствія произойдутъ тогда для страны? Партіи стоящія лѣвѣе насъ, не соберутъ много голосовъ уже потому, что ихъ приверженцы провозглашаютъ бойкотъ Государственной Думы; приверженцы партіи конституціонно-демократической, послушные доброму совѣту кн. Е. Н. Трубецкого, вынуждены будутъ искать своихъ представителей среди партій, стоящихъ вправо отъ насъ или среди партій, еще не сформировавшихся. Что же князь полагаетъ, что страна выиграетъ отъ такого представительства? А если онъ такъ не думаетъ, то не грѣшитъ ли онъ передъ страною, совѣтуя ей избирать конституціоналистовъ-демократовъ и въ то же время давая имъ весьма нелестную аттестацію? Такимъ способомъ можно избирателя сбить съ толку, но нельзя помочь ему разобраться въ трудномъ и совершенно новомъ для него дѣлѣ—избранія представителя, который помогъ бы странѣ выйти на вѣрный путь.

Каждый, въ комъ живо чувство общественности, стремится примкнуть къ той или другой политической партіи, а въ настоящій тяжкій кризисъ, черезъ который проходитъ Россія, это живое чувство превращается въ нравственный долгъ, такъ какъ никто не можетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ мученій, переживаемыхъ родиной. Задохнется ли она въ желѣзныхъ объятіяхъ абсолютизма и останется навѣки азіатскимъ царствомъ, или стряхнетъ съ себя рабскія цѣпи и вступитъ въ міръ обновленной и свободной, это не безразлично для ея гражданъ. Но если это есть гражданскій и нравственный долгъ, то и борьба партій кое къ чему обязываетъ, обязываетъ не только „выпрямиться во весь свой ростъ", но и смотрѣть открытыми глазами и вправо, и влѣво и различать то, что служитъ свободѣ и то, что служитъ реакціи и угнетенію. Боясь поклоновъ влѣво, кн. Трубецкой не замѣчаетъ, что подвигается вправо, ибо разрушаетъ позицію, на которой стоялъ до сихъ поръ. Она кажется ему никуда негодной, потому что лѣвые стоятъ слишкомъ близко къ ней, и не довольствуясь этимъ онъ изъ-за бумажныхъ разногласій не только бросаетъ партію, которую самъ счи-

таетъ лучшей, но и пытается дискредитировать ее. Это нѣчто больше поклона; это помощь сосѣдямъ на-право. Въ этомъ случаѣ обычная чуткость князя Евгенія Николаевича измѣнила ему и едва ли онъ оказалъ услугу дѣлу освобожденія страны.

Но можетъ быть князь совершенно правъ въ своихъ обвиненіяхъ, можетъ быть программа партіи К.-Д. двусмысленна, ея составъ инертенъ, ея тактическіе пріемы несовмѣстимы съ совѣстью? Можетъ быть мы, члены партіи, защищаемъ свои слабости ex officio? В. Е. Якушкинъ и П. Н. Милюковъ дали уже довольно полныя объясненія по поводу всѣхъ обвиненій, взводимыхъ и на программу и на способы дѣйствій К.-Д. партіи. Я не считаю, однако, возможнымъ обойти молчаніемъ то, что мнѣ кажется въ словахъ кн. Е. Н. Трубецкого несправедливымъ и несогласнымъ съ истиной. „Въ своей политической программѣ партія, говоритъ кн. Е. Н. Трубецкой, предлагаетъ *на выборъ* избирателямъ однопалатную и двухпалатную систему; аграрная программа опять-таки предоставляетъ *на выборъ* соціалистическое и индивидуалистическое рѣшеніе“. Князь подчеркнулъ слова „на выборъ“, но я желалъ бы подчеркнуть въ первой фразѣ еще слова „предлагаетъ“ и „избирателямъ“, такъ какъ въ нихъ именно заключается невѣрная передача и буквы и смысла программы, т. е. прямая погрѣшность противъ истины. Параграфъ 14-й программы, между прочимъ, гласитъ: „Партія допускаетъ въ своей средѣ различіе мнѣній по вопросу объ организаціи народнаго представительства, въ видѣ одной или двухъ палатъ, изъ которыхъ вторая палата должна состоять изъ представителей отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, реорганизованныхъ на началахъ всеобщаго голосованія и распространенныхъ на всю Россію“. Позволительно спросить, заключаетъ ли въ себѣ это положеніе тотъ смыслъ, который придаетъ ему кн. Е. Н. Трубецкой? Значитъ ли это, что въ распоряженіи члена партіи имѣется товаръ на любой вкусъ, и одна и двѣ палаты, смотря по избирателю? Редактируя 14-й параграфъ своей программы, партія, въ виду числа сторонниковъ того и другого мнѣнія, признала вопросъ о двухпалатной и однопалатной системѣ народнаго представительства исключеннымъ изъ числа коренныхъ вопросовъ, объединяющихъ дѣйствія партіи и менѣе всего, конечно, имѣла въ виду придать сво-

ему рѣшенію то удивительное толкованіе, которое даетъ кн. Е. Н. Трубецкой. Тотъ же пріемъ употребляетъ кн. Е. Н. Трубецкой и по аграрному вопросу. Параграфы 36 и 37 программы устанавливаютъ необходимость „увеличенія площади землепользованія населенія, обрабатывающаго землю личнымъ трудомъ, какъ-то безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ, а также и другихъ разрядовъ хозяевъ-земледѣльцевъ, государственными, удѣльными, кабинетскими и монастырскими землями, а также путемъ отчужденія для той-же цѣли за счетъ государства въ потребныхъ размѣрахъ частновладѣльческихъ земель съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ по справедливой (нерыночной) оцѣнкѣ. Отчуждаемыя земли поступаютъ въ государственный земельный фондъ. Начала, на которыхъ земли этого фонда подлежатъ передачѣ нуждающемуся въ нихъ населенію (владѣніе или пользованіе личное или общинное и т. д.), должны быть установлены сообразно съ особенностями землевладѣнія и землепользованія въ различныхъ областяхъ Россіи". Такова программа, касающаяся отчужденія земельной собственности, и едва ли самый строгій толкователь найдетъ въ ней рѣшеніе задачи на выборъ: индивидуалистическое или соціалистическое, съ цѣлью уловить простодушнаго избирателя. Мы знаемъ, что въ извѣстныхъ кругахъ общества всякое принудительное отчужденіе частной земельной собственности въ пользу трудящагося на землѣ населенія признается уступкой соціализму, но вѣдь и аграрная программа партіи демократическихъ реформъ, одобренная кн. Е. Н. Трубецкимъ, признаетъ необходимымъ отчужденіе частной земельной собственности, и вообще вся аграрная программа П. Д. Р. представляетъ лишь болѣе подробное развитіе нашей программы и, однако, въ ней князь не усматриваетъ той двойственности, которую онъ инкриминируетъ К.-Д. партіи. Повидимому, князь видитъ опасность не столько въ томъ, что написано въ программѣ, сколько въ томъ, что въ ней не написано, но что можетъ быть пропагандируемо членами партіи, придерживающимися соціалистическаго міровоззрѣнія. Повидимому, безпокоитъ князя участіе въ партіи одновременно индивидуалистовъ и соціалистовъ, не примкнувшихъ къ партіямъ русскихъ соціалдемократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ и въ этомъ онъ видитъ опасность различнаго толкованія экномической политики, что и дѣлаетъ К.-Д. партію не партіей въ строгомъ

смыслѣ, а союзомъ партій. Допустимъ, что это такъ, но развѣ программа, принятая союзомъ, не опредѣляетъ единства дѣйствій до извѣстнаго момента? Моментъ, когда индивидуалистическое и соціалистическое міровоззрѣнія въ Россіи вступятъ въ конфликтъ, еще не наступилъ и по всей вѣроятности наступитъ не очень скоро, и нѣтъ ничего естественнѣе, какъ совмѣстная политическая борьба противъ отживающаго государственнаго порядка партій, одинаково стремящихся къ освобожденію страны отъ ига произвола и замѣнѣ его твердымъ правопорядкомъ, основанномъ на свободѣ и демократизмѣ. Никакая партійная программа не исчерпываетъ символа политической или соціальной вѣры членовъ партіи; она устанавливаетъ лишь ближайшія задачи, осуществленіе которыхъ возможно въ данное время и при данныхъ условіяхъ; поэтому, все, что въ ней не написано, не можетъ и не должно подвергаться заподозриванію и дѣлаться предметомъ обвиненія.

Наконецъ, не болѣе справедливъ, по нашему мнѣнію, кн. Е. Н. Трубецкой и въ своемъ главнѣйшемъ обвиненіи. „Для избирателя, говоритъ онъ, разумѣется, всего важнѣе знать, что будетъ дѣлать его представитель въ ближайшей Думѣ. И вотъ на этотъ вопросъ каждый членъ конституціонно-демократической партіи, обязанъ дать два противорѣчивыхъ отвѣта: 1) „Я совершенно не допускаю возможности органической работы въ Думѣ“ и 2) „я считаю необходимой и неизбѣжной всю ту органическую работу въ Думѣ, которая потребуется въ цѣляхъ умиротворенія страны“. Доказательство этого князь усматриваетъ въ двухъ, по его мнѣнію, взаимно исключающихъ, но принятыхъ съѣздомъ постановленіяхъ: 1) въ рѣшеніи, отвергающемъ органическую работу въ Думѣ *„какъ въ нормальномъ учрежденіи“* и 2) въ рѣшеніи, признающемъ необходимость законодательной работы въ предѣлахъ необходимости ради успокоенія страны, при чемъ предѣлы этой дѣятельности не могутъ быть заранѣе указаны.

Уже одно то обстоятельство, что оба рѣшенія приняты „огромнымъ большинствомъ голосовъ“, казалось бы свидѣтельствуетъ, что смыслъ рѣшеній въ сознаніи огромнаго большинства делегатовъ не заключалъ въ себѣ того непримиримаго противорѣчія, которое видитъ въ немъ кн. Е. Н. Трубецкой. Князь находитъ объясненіе такой

путаницы рѣшеній въ нежеланіи съѣзда отказаться отъ обѣщанія заплатить по необдуманно выданному векселю (учредительное собраніе на основѣ четырехчленной формулы), по которому однако заплатить невозможно. Если бы члены съѣзда смотрѣли на свой вотумъ такъ же, какъ кн. Е. Н. Трубецкой, то вѣроятно они вотировали бы одно изъ двухъ: либо бойкотъ предстоящей Государственной Думы, либо законодательную работу въ Думѣ безъ всякихъ ограниченій. Но, очевидно, они понимали дѣло иначе и полагали, что признать за Думой, избранной не только не на основаніи всеобщаго избирательнаго права, но при совершенно исключительныхъ условіяхъ, когда въ большей части Россіи дѣйствуетъ военное положеніе, когда каждый полковникъ, облеченный полномочіями генералъ-губернатора, сажаетъ любого избирателя въ тюрьму или просто разстрѣливаетъ, когда цѣлыя политическія партіи состоятъ подъ запретомъ и не могутъ собраться для обсужденія избирательныхъ вопросовъ по прихоти или невѣжеству какого-нибудь административнаго или полицейскаго чиновника,—что заранѣе и безъ оговорокъ признать за Думой, избранной при такихъ условіяхъ, всю полноту законодательной работы, невозможно.

При такихъ условіяхъ избранія, Дума стоящая на высотѣ своей задачи, явится чудомъ, менѣе всего возможнымъ въ странѣ, гдѣ не существовало до сихъ поръ политическихъ партій, не было народнаго представительства, а потому и нѣтъ политическаго опыта. А развѣ можно думать, что *плохая* Дума можетъ удовлетворить коренныя нужды страны, что она способна немедленно разрѣшить хотя бы аграрный или крестьянскій вопросъ? Нѣтъ, мы опасаемся, что она окажется даже не той скверной пожарной машиной, которая должна гасить пожаръ, когда нѣтъ лучшей, а совершенно негоднымъ орудіемъ. Мы склонны думать, и мѣры, принимаемыя правительствомъ, все болѣе укрѣпляютъ насъ въ этомъ убѣжденіи, что подтасованная Дума не погаситъ пожара, который раздуваетъ правительство, не только лишенное любви къ родинѣ, но и утратившее всякій государственный смыслъ.

Нѣтъ, такой Думѣ не можетъ быть предоставлена вся полнота законодательныхъ задачъ, и съѣздъ К.-Д. партіи, вотируя свое первое рѣшеніе, отдалъ дань не доктринѣ учредительнаго собранія, а конкретному положенію вещей,

которое не оставляетъ мѣста никакимъ надеждамъ и никакимъ сомнѣніямъ. Въ этомъ рѣшеніи заключается не „безчеловѣчное“ отношеніе къ крестьянской нуждѣ, какъ утверждаетъ кн. Е. Н. Трубецкой, а глубокая увѣренность, что крестьянскую нужду можетъ понять, признать и удовлетворить лишь такое представительство, которое избрано свободно, а не подъ окрикъ начальства, свистъ нагаекъ и трескъ ружейныхъ выстрѣловъ. Само крестьянство понимаетъ это, хотя, быть можетъ, хватается еще за Государственную Думу, какъ утопающій за соломинку; еще немного усилій правительства, и сами крестьяне станутъ бойкотировать Думу въ увѣренности, что ждать отъ нея имъ нечего.

Несмотря однако на такое скептическое отношеніе къ составу будущей Думы, нельзя отвергать, что и такая Дума можетъ, тѣмъ не менѣе, явиться якоремъ спасенія для погибающаго государственнаго корабля. Какъ бы ни подтасовывался ея составъ, какъ бы ни преграждался доступъ въ ея среду независимыхъ дѣятелей, не устрашенныхъ революціей и не подчинившихся реакціонному угару, все же и въ этой Думѣ найдется хоть незначительное число людей, искренно любящихъ свою родину и сознающихъ свою отвѣтственность передъ ней. Имъ не удастся сдѣлать многое, но они, сильные нравственною поддержкою общественнаго мнѣнія страны, быть можетъ, окажутся достаточно сильными, чтобы остановить безумный терроръ революціоннаго абсолютизма и принудить правительство осуществить торжественныя обѣщанія манифеста 17 октября. Мы не знаемъ, какія законодательныя мѣры для этого потребуются, да и было бы неумѣстно здѣсь на нихъ указывать, но мы полагаемъ, что населеніе имѣетъ право желать и требовать, чтобы окончательное устроеніе земли принадлежало ея дѣйствительнымъ представителямъ, избраннымъ при иныхъ условіяхъ, свободно и всѣми правоспособными гражданами. Мы увѣрены, что и крестьяне, и рабочіе поймутъ, что только отъ такой Думы они могутъ ожидать справедливаго рѣшенія и аграрнаго, и крестьянскаго, и рабочаго вопроса. Они на собственной спинѣ и на могилахъ своихъ товарищей, односельчанъ и близкихъ, узнали, какое рѣшеніе имъ сулитъ государственный порядокъ, въ которомъ одна и та же властная рука пропускаетъ однихъ въ залы государственной Думы, а

другихъ сажаетъ въ крѣпостные казематы и въ тюремныя кельи.

Они подождутъ. Не потому, что мы будто бы хотимъ устроить имъ послѣдовательно трое выборовъ въ Думу, а потому, что на опытѣ убѣдятся, что для справедливаго рѣшенія своего будущаго, имъ надо имѣть свободно и всенародно избранную государственную Думу. Такъ, думается мнѣ, понималъ дѣло и съѣздъ, постановляя свое второе рѣшеніе, представляющееся кн. Е. Н. Трубецкому противорѣчіемъ первому. Кто окажется правъ, партія ли, опутывающая себя, какъ думаетъ кн. Трубецкой, противорѣчивыми обязательствами передъ избирателями, или князь, сбрасывающій съ себя эти путы и уходящій изъ партіи,—покажетъ будущее. Что же касается до меня лично, то, въ качествѣ члена партіи, я голосовалъ оба рѣшенія вмѣстѣ съ большинствомъ въ убѣжденіи, что иду вѣрнымъ путемъ, руководимый чувствомъ живой дѣйствительности. Народные представители, протежируемые гр. Витте и его генералъ-губернаторами, защитники народныхъ интересовъ, которые до 17-го октября соблюдали свою чистоту отъ „крамолы", 18-го октября объявили себя конституціоналистами, а сегодня объявляютъ самодержавіе совмѣстимымъ съ манифестомъ 17-го октября, — не тѣ люди, на которыхъ можетъ разсчитывать страна и которымъ она безбоязненно можетъ вручить свою судьбу. То, что происходитъ сейчасъ и что должно ожидать завтра: повсемѣстные аресты и ссылки не только членовъ крайнихъ партій, но и членовъ партіи К-Д. и вообще всѣхъ неугодныхъ правительству лицъ, запрещеніе собраній и газетъ свидѣтельствуетъ въ достаточной мѣрѣ, какихъ выборовъ можетъ ожидать страна. Князь обвиняетъ К-Д. партію въ томъ, что она запуталась въ своихъ тактическихъ рѣшеніяхъ, тогда какъ, въ дѣйствительности, положеніе вещей запутано правительственной политикой, которая если и считается съ Государственной Думой, въ видахъ возстановленія внѣшняго кредита, то вовсе не желаетъ раздѣлить свою власть съ дѣйствительными народными представителями, всѣми силами препятствуетъ свободнымъ и сознательнымъ выборамъ и заранѣе устраиваетъ Думу, лишенную всякаго авторитета. Политика борющейся за свое существованіе бюрократіи намъ понятна, но намъ не понятна борьба членовъ партіи за стройность бумажныхъ формулъ.

* * *

Эти строки были написаны, когда сегодня мы прочли отвѣтъ кн. Е. Н. Трубецкого гг. Якушкину и Милюкову. Мы не имѣемъ времени ни исправить, ни пополнить нашу статью, пользуясь возраженіемъ князя. Скажемъ одно: вновь приводимые княземъ аргументы и теперь не убѣдили насъ. Защищая будто бы суровыя требованія жизни противъ теоретическихъ и мертвящихъ соображеній, лишенныхъ политическаго и практическаго смысла, самъ князь выбрасываетъ за бортъ все, что совершается передъ его глазами. Онъ ясно видитъ разгорающійся въ странѣ пожаръ, но не замѣчаетъ, что правительство хочетъ для его тушенія сдѣлать изъ Государственной Думы картонное орудіе, подобно тому, какъ устраивали при Александрѣ II тѣ картонныя башни на броненосцахъ, о которыхъ доносилъ своему правительству англійскій морской агентъ.

Да, злой рокъ тяготѣетъ, но не надъ К-Д. партіей, а надъ Россіей, лучшіе люди которой въ самое тяжкое время не могутъ отбросить всякія недоразумѣнія и спорятъ о словахъ и формулахъ, когда страна требуетъ объединенія силъ и неустанной работы! Какое дѣло Россіи, кто стоитъ въ центрѣ партіи: П. Н. Милюковъ или кн. Е. Н. Трубецкой! Необходимо ли теперь разбираться, гдѣ кончается г. Милюковъ и гдѣ начинается конституціонно-демократическая партія? Только борьба со старымъ порядкомъ, съ самодержавно-бюрократической анархіей, съ безуміемъ абсолютистской революціи, борьба во имя права и народной свободы, будетъ оправдана Россіей.

Ив. Петрункевичъ.

О „роковомъ недостаткѣ“ русской интеллигенціи.

(*По поводу выхода кн. Е. Н. Трубецкого изъ конституціонно-демократической партіи*).

Мотивируя свой выходъ изъ конституціонно-демократической партіи, кн. Е. Н. Трубецкой замѣтилъ, что судьбы Россіи въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ того, сумѣетъ ли русская интеллигенція отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ своихъ „роковыхъ недостатковъ“. Въ числѣ ихъ онъ помѣщаетъ „доктринерство, естественное въ людяхъ, оторванныхъ отъ политической дѣятельности“.

Это замѣчаніе совершенно вѣрно и блистательнымъ подтвержденіемъ его справедливости является... выходъ князя Е. Н. Трубецкого изъ рядовъ конституціонно-демократической партіи. Политическое доктринерство кн. Е. Н. Трубецкого—того привлекательнаго свойства, которое столь характерно именно для русской интеллигенціи. Доктринально-логическія сомнѣнія превращаются для него въ недоумѣнія и мученія совѣсти. Это ужасно симпатично, это мило до послѣдней степени, но это всетаки не болѣе не менѣе какъ дань политическому доктринерству, практически тождественному съ политической безтолковостью.

Совѣсть кн. Е. Н. Трубецкого страждетъ отъ того, что второй делегатскій съѣздъ конституціонно-демократической партіи постановилъ двѣ противорѣчивыхъ резолюціи, одну—отвергающую органическую работу въ Думѣ (по законамъ 6 августа и 11-го декабря 1905 г.) „какъ въ нормальномъ учрежденіи“, другую—гласящую (въ заключительной фразѣ), что „партія не можетъ съ точностью указать предѣлы ея участія въ законодательной дѣятельности Думы, ибо они должны

быть указаны самымъ ходомъ жизни. Партія можетъ только указать свои ближайшія цѣли: разрушеніе бюрократическаго деспотизма и установленіе демократической конституціи Россійской Имперіи, на основѣ всеобщаго и равнаго избирательнаго права, съ прямымъ и закрытымъ голосованіемъ. При осуществленіи этихъ цѣлей партія не можетъ не поставить въ своей платформѣ тѣхъ реформъ, настоятельная необходимость которыхъ указывается самой жизнью, въ томъ числѣ реформы земельной, рабочей и удовлетворенія справедливыхъ національныхъ требованій" *).

Принять эти двѣ резолюціи одновременно для кн. Е. Н. Трубецкого невыносимо. Онъ видитъ въ этомъ вопросъ совѣсти. Это характерно для русскаго интеллигента, который, какъ мѣтко и образно развивалъ однажды Д. С. Мережковскій въ „Полярной Звѣздѣ", мыслитъ по-раскольничьи.

Я долженъ сказать откровенно, что моя совѣсть была и будетъ въ этомъ пунктѣ совершенно спокойна. Все дѣло тутъ не въ совѣсти, а въ.... плохой редакціи. Я понимаю тѣхъ, кто говоритъ, что Дума по законамъ 6-го августа и 11-го декабря, не можетъ быть признана „нормальнымъ учрежденіемъ", но что такое есть „органическая работа"—я никогда не понималъ и утверждаю, что этотъ терминъ, а, стало быть, и его отрицаніе есть просто словесное недоразумѣніе, которому не соотвѣтствуетъ никакое ясное понятіе.

Это совершенно явствуетъ изъ слѣдующихъ отвѣтовъ второго делегатскаго съѣзда на рядъ имъ самимъ себѣ поставленныхъ вопросовъ:

Нужно ли приступить въ Думѣ къ органической работѣ, какъ въ нормальномъ учрежденіи?

Рѣшенъ отрицательно, единогласно, при одномъ воздержавшемся.

Нужно ли ограничиться въ Думѣ выработкой избирательнаго закона и закона о свободахъ?

Рѣшенъ отрицательно, большинствомъ всѣхъ противъ 6, при 10 воздержавшихся.

Нужно ли въ Думѣ заняться, кромѣ избирательнаго закона и закона о свободахъ, также законодательными мѣропріятіями безусловно неотложнаго характера, необходимыми для успокоенія страны?

---

*) Резолюція Родичева и Струве.

Рѣшенъ утвердительно, большинствомъ 91 противъ 4, при 7 воздержавшихся.

Нужно ли перечислить тѣ мѣропріятія, которыя должны быть разрѣшены первой Думой?

Рѣшенъ отрицательно, большинствомъ 73 противъ остальныхъ.

Изъ этихъ послѣдовательныхъ отвѣтовъ явствуетъ, что съѣздъ не могъ и не желалъ опредѣлить, что такое эта недопустимая пресловутая „органическая работа“ — резолюція Родичева и Струве только суммировала полную неуловимость и неопредолимость этого понятія. Значитъ, вотируя недопустимость органической работы въ Думѣ, организованной по законамъ 6-го августа и 11-го декабря, съѣздъ только усиленно подчеркнулъ признаніе ненормальности народнаго представительства, основаннаго не на всеобщемъ, равномъ, прямомъ тайномъ голосованіи. Что же касается мнимаго и неопредѣлимаго понятія „органическая работа“, то употребленіе этого понятія навязано намъ нашими противниками, еще до манифеста 17-го октября вложившими въ это понятіе или, вѣрнѣе, слово мысль о примиреніи съ совѣщательнымъ характеромъ Булыгинской Думы. И до сихъ поръ въ устахъ нашихъ противниковъ справа „органическая работа“ означаетъ признаніе никуда негоднаго избирательнаго закона, на основаніи котораго будетъ избрана Государственная Дума. И наша партія болѣе чѣмъ права, противопоставляя этому безпринципному оппортунизму категорическую рѣшимость добиваться всеобщаго избирательнаго права.

Кн. Трубецкой останавливается на словесномъ противорѣчіи, обусловленномъ неудачной редакціей (употребленіемъ ничего не выражающаго термина „органическая работа“), и его политическая совѣсть уполномочиваетъ его — изъ-за этихъ редакціонныхъ недостатковъ, вкравшихся въ вынесенныя партіей рѣшенія—предпринимать такой отвѣтственный шагъ, какъ выходъ изъ партіи въ разгаръ политической борьбы. Это ли не политическое доктринерство, извинительное лишь „въ людяхъ, оторванныхъ отъ политической дѣятельности“?

На плохую редакцію двухъ постановленій второго делегатскаго съѣзда к. д. партіи, такъ ужасно смутившую кн. Е. Н. Трубецкого, онъ, если бы не былъ зараженъ политическимъ доктринерствомъ, могъ бы, самое большее, въ качествѣ фило-

софа, реагировать юмористическимъ разсужденіемъ изъ области логики съ эпиграфомъ:

Ich rat'euch drum
Zuerst Collegium Logicum.

А князь Трубецкой... вышелъ изъ партіи!

То, что к. д. партія до сихъ поръ еще недостаточно проникла въ народныя массы, кн. Трубецкой объясняетъ удивительно странно и, должно сказать, совершенно не считаясь съ дѣйствительными фактами. „Неудивительно, говоритъ князь, что к. д. партія, оттолкнувъ отъ себя достаточные классы (чего я не ставлю ей въ упрекъ), не привлекла къ себѣ народныя массы. Крестьянину нужно *немедленное* рѣшеніе аграрнаго вопроса,—болѣе того, всего крестьянскаго вопроса во всей его полнотѣ. И вотъ конституціонно-демократическая партія говоритъ ему: „У тебя загорѣлся пожаръ въ деревнѣ, его сейчасъ мы тушить не можемъ; у насъ теперь такая скверная машина, какъ Дума 11-го декабря. Подожди, пока мы построимъ новую, а если не сразу удастся выстроить машину совершенную, на основаніи четырехчленной формулы, то мы ее разрушимъ и построимъ еще новую, а, построивъ, придемъ и потушимъ".

„Какого отвѣта можно ждать отъ крестьянина на столь доктринерское и, скажемъ прямо, *безчеловѣчное* рѣшеніе.

Если бы я не зналъ — а теперь я въ этомъ вполнѣ увѣренъ—что кн. Трубецкой страдаетъ роковымъ недостаткомъ русской интеллигенціи — доктринерствомъ, я бы очень рѣзко выразился о странномъ обвиненіи „лучшей" русской партіи въ безчеловѣчности къ крестьянству, обвиненіи, основанномъ на.... фантастическомъ діалогѣ между к. д. партіей и крестьяниномъ. К. д. партія ведетъ съ русскимъ крестьяниномъ совсѣмъ другой разговоръ. Она ему говоритъ на самомъ дѣлѣ: „чтобы потушить пожаръ, попробуемъ выбирать въ Государственую Думу. Но знай, что эти выборы могутъ дать тебѣ въ руки вовсе не пожарную машину, а полѣно, которымъ никакого пожара нельзя потушить. Поэтому готовься къ тому, чтобы отбросить сразу и вовсе это полѣно, когда оно окажется у тебя подъ руками, и властнымъ голосомъ потребовать настоящей пожарной машины"

Вотъ что говоритъ к. д. партія крестьянину. И если она не привлекла еще къ себѣ народныя массы, то, конечно въ этомъ повинны вовсе не вынесенныя партіей резолюціи.

Привлечь народныя массы! Да, глубокоуважаемый князь, Sie sprechen ein grosses Wort gelassen aus. Вѣдь, это значитъ совершить работу Титана, это значитъ заполнить вѣками созданную пропасть между народными массами и неклассовой идейной интелигенціей.

Осуществленію этой задачи мѣшаетъ сама русская идейная интеллигенція и тѣмъ, что, благодаря своему „роковому недостатку“—доктринерству, она раскололась и продолжаетъ раскалываться на нѣсколько партій, и тѣмъ, что она недостаточно умно подходитъ къ народу. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ врагъ народа и интеллигенціи, самодержавно-бюрократическое правительство, сознательно держащее народъ въ темнотѣ и преслѣдующее и его, и, еще больше, идейную интеллигенцію.

Конечно, русское освободительное движеніе нуждается въ смѣлой и суровой критикѣ своихъ пріемовъ и традицій. Но мнѣ кажется, что критика кн. Е. Н. Трубецкого, обращенная противъ этого движенія и, въ частности, противъ к. д. партіи лишена руководящей идеи и надлежащей глубины. Его критика идеи о „союзѣ“ съ „крайними“ партіями столь же поверхностна, какъ и самая эта идея, противъ которой онъ ополчается.

Кн. Е. Н. Трубецкой впадаетъ, мнѣ кажется, въ ту самую ошибку, въ которую по той же причинѣ (по доктринерству) впадаютъ и представители „крайнихъ партій“. За партіями, на которыя дѣлится русское образованное общество, и кн. Трубецкой, и наши „революціонеры“ не видятъ той острой грани, которую сама жизнь проводитъ между Россіей чиновно-владѣльческой и Россіей народно-трудовой. Вся задача к. д. партіи сводится именно къ тому, чтобы политически сорганизовать Россію народно-трудовую и дать ей возможность политической организаціей побѣдить Россію чиновно-владѣльческую.

Кн. Трубецкой полагаетъ, что „успѣхъ среди народныхъ массъ затрудняется для конституціонно-демократической партіи, между прочимъ, конкуренціей крайнихъ партій, дающихъ болѣе широкія обѣщанія. Единственный (!! *П. С.*) шансъ въ этой борьбѣ въ пользу конституціоналистовъ-демократовъ заключается въ томъ, что они—партія монархическая“.

Я думаю совсѣмъ не такъ: успѣхъ среди народныхъ массъ обезпечивается к. д. партіи *всей ея программой и*

всей ея тактикой. И я смѣло утверждаю: к. д. партія удержится только, какъ партія *народная*, и всякая народная партія побѣдитъ въ политической борьбѣ только съ той программой и съ той тактикой, которую предначертала себѣ к. д. партія.

И это значитъ, что, даже если личный составъ партіи окажется несостоятельнымъ въ политической борьбѣ, ея программа во всякомъ случаѣ восторжествуетъ. Но такъ какъ личный составъ партіи, и по признанію кн. Трубецкого, кое-чего да стоитъ, то я не только не вижу никакого „злого рока", тяготѣющаго надъ конституціонно-демократической партіей, а, наоборотъ, я убѣжденъ, что наша партія призвана образовать изъ себя тотъ кристаллизаціонный центръ, вокругъ котораго народная Россія сорганизуется въ политическую силу. Этотъ процессъ совершится не сразу и не легко, а лишь съ большими треніями и даже жертвами.

До сихъ поръ „роковой недостатокъ" русской интеллигенціи—„доктринерство" ослаблялъ насъ почти исключительно слѣва. Онъ вырвалъ изъ нашихъ рядовъ и обрекъ на политическое безсиліе — живую и богатую силами петербургскую группу освобожденцевъ. Теперь онъ похитилъ у насъ крупную силу справа—кн. Е. Н. Трубецкого.

Быть можетъ, суровая школа политической жизни вернетъ въ наши ряды этихъ цѣнныхъ диссидентовъ. Но какъ бы ни тяжелы были эти потери, мы вѣримъ въ „идею" нашей партіи и твердо увѣрены, что этой идеѣ,—политическому объединенію народно-трудовой Россіи—суждено восторжествовать.

Петръ Струве.

Книги, поступившія въ редакцію съ 12 по 31 января.

Вагнеръ, Ад. Соціальный вопросъ. Спб. 1906 г. 44 стр. ц. 20 к.

Врачебная Хроника. Отдѣльные оттиски. 1905 г. № 10 и № 11—12. Харьковъ.

Дѣло 1-го марта 1881 г. Изд. „Свободн. Трудъ" Спб. 1906 г. 428 стр. ц. 75 к.

Миклашевскій, А. Н. Политика труда и идеалы распредѣлительной справедливости. Спб. 1905 г. 95 стр.

Чернышевскій, Н. Г. Полное собраніе сочиненій, Т. VI. Современникъ 1860 г. Изд. М. Н. Чернышевскаго. Спб. 1906 г.

Издатель **М. В. Пирожковъ.** Редакторъ **П. Б. Струве.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КОНСТИТУЦІОННО - ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ КОМИТЕТЪ.

Бюро Комитета: СПБ. Моховая, 35. Для телеграммъ: СПБ Моховая, 33—35, Бюро. (Лично отъ 1 до 5 час.).

С.П.Б. Комитетъ Конституціонно-Демократической Партіи проситъ лицъ, желающихъ активно работать по образованію мѣстныхъ комитетовъ и распространенію идей партіи, сообщить свои адреса въ Бюро С.П.Б Комитету К.-Д. П.

Въ пользу недостаточныхъ

АМНИСТИРОВАННЫХЪ

продается третье изданіе книги

„МЫСЛИ ОБЪ ОСНОВАХЪ НРАВСТВЕННОСТИ“

проф. Н. И. Карѣева.

Цѣна 40 к. Главный складъ при типографіи М. М. Стасюлевича (Вас. О., 5 лин., д. 28).

Открыта подписка на 1906 годъ

на еженедѣльный справочный журналъ

„ПРОФЕССІОНАЛЬНЫЙ СОЮЗЪ“.

Изданіе Центральнаго бюро С.-Петербургскихъ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Дѣятельность Центральнаго бюро. 2) Дѣятельность отдѣльныхъ союзовъ. 3) Хроника профессіональнаго движенія въ Россіи. 4) Теорія, практика и исторія профессіональнаго движенія на Западѣ 5) Юридическій отдѣлъ. 6) Библіографія. 7) Почтовый ящикъ. 8) Объявленія.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ С.-Петербургѣ на годъ **2 р.**, на полгода **1 р. 10 к.** На города за годъ **2 р. 50 к.**, за полгода **1 р. 25 к. Цѣна отдѣльнаго № 5 коп.** Пріемъ объявленій. **Вышли №№ 1—5. Адресъ конторы и редакціи: СПБ., Усачевъ пер., д. № 6, кв. 2. Контора** открыта ежедневно отъ 1 до 4 ч. дня. **Редакція** открыта ежедневно отъ 7 до 9 час. вечера.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 годъ

на НОВОЕ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКОЕ

ИЗДАНІЕ

М. В. ПИРОЖКОВА

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

подъ редакціей Петра Струве

и при ближайшемъ участіи: **В. И. Вернадскаго, И. М. Гревса, Д. Е. Жуковскаго, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, П. Н. Новгородцева, И. И. Петрункевича, Ѳ. И. Родичева и С. Л. Франка.**

Кромѣ того, сотрудничество свое обѣщали слѣдующія лица:

Н. А. Бердяевъ, Н. Н. Баженовъ, О. Е. Вужанскій, С. Н. Булгаковъ, А. А. Васильевъ, М. Я. Герценштейнъ, В. М. Гессенъ, Э. Д. Гриммъ, В. Э. Денъ, В. Б. Ельяшевичъ, Г. Б. Іоллосъ, А. А. Кауфманъ, А. А. Кизеветтеръ, А. С. Ломшаковъ, Н. О. Лосскій, Н. Н. Львовъ, Д. С. Мережковскій, М. М. Могилянскій, В. Д. Набоковъ, В. М. Нечаевъ, Д. Н. Овсянико-Куликовскій, С. Ѳ. Ольденбургъ, Л. О. Петражицкій, І. А. Покровскій, А. Е. Прѣсняковъ, В. Б. Струве, кн. Е. Н. Трубецкой, кн. Г. Н. Трубецкой, Д. В. Философовъ, М. И. Фридманъ, А. А. Чупровъ, Г. Н. Штильманъ и др.

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА будетъ отстаивать идеи личности, культуры, свободы, демократіи и соціальной справедливости, исходя изъ цѣльнаго культурно-философскаго міросозерцанія. Всѣ явленія текущей жизни она будетъ освѣщать и оцѣнивать съ широкой философской точки зрѣнія. Огромный переворотъ, который совершается на нашей родинѣ, долженъ быть обсуждаемъ съ строгой принципіальностью и полной независимостью мысли. Ставя во главу угла нашего міросозерцанія начало свободы и своеобразія личности, мы будемъ давать въ нашемъ органѣ мѣсто всякому искреннему и оригинальному слову въ защиту свободы и культуры.

Условія подписки: съ дост. и перес. на годъ 5 р., на полгода 3 р.
За границу на годъ 7 р., на полгода 4 р.

Въ отдѣльной продажѣ книжки будутъ стоить по 15 к.

Адресъ Редакціи Вознесенскій просп. 31, кв. 8. Контора помѣщается въ квартирѣ книгоиздательства М. В. ПИРОЖКОВА (Спб., Вас. О., 2 лин., д. 13).

Подписка принимается, кромѣ конторы, въ магазинѣ „ТРУДЪ" (Спб., Невскій, 60), а также и въ другихъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

Пріемъ объявленій исключительно въ конторѣ (Спб. Вас. О., 2 лин., д. 13).

Цѣна 15 коп.

Полярная Звѣзда

№ 9

10 февраля 1906 г.

Содержаніе:

П. Новгородцевъ. Всеобщее избирательное право предъ судомъ русской бюрократіи.

Э. Гриммъ. Роль соціалистической идеи въ нашемъ революціонномъ движеніи.

Влад. Гессенъ. Самодержавіе и манифестъ 17 октября.

А. А. Чупровъ. Земельная реформа и крестьяне-арендаторы.

С. Франкъ. Интеллигенція и освободительное движеніе.

Замѣтки: *Е. Колтоновская.* Пристрастный судъ.

Письмо въ редакцію.

Редакція № закончена 8-го Февраля.

3, PLACE DE LA SORBONNE, PARIS
Librairie ALBERT SCHULZ
Importation en France
des livres et journaux étrangers
Exportation à l'Etranger
des livres et journaux français
des publications de tous pays

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

подъ редакціей

Петра Струве

10 ФЕВРАЛЯ 1906 Г.

№ 9

Изданіе М. В. ПИРОЖКОВА

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86.

Всеобщее избирательное право предъ судомъ русской бюрократіи.

Въ объяснительной запискѣ, приложенной Совѣтомъ министровъ къ избирательному закону 11 декабря, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ еще остался неразобраннымъ ея любопытный конецъ, а между тѣмъ онъ заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться.

Предоставляя будущей Государственной Думѣ рѣшить, какая именно избирательная система „соотвѣтствуетъ истиннымъ пользамъ и нуждамъ нашего отечества", совѣтъ министровъ, очевидно, съ цѣлью оправдать свою собственную нерѣшительность въ этомъ отношеніи, высказываетъ здѣсь свои сомнѣнія относительно всеобщаго избирательнаго права: „Не слѣдуетъ забывать,—читаемъ мы въ запискѣ,—что всеобщая подача голосовъ далеко не составляетъ послѣдняго слова политическаго представительства и даже въ странахъ, значительно опередившихъ Россію на пути развитія формъ государственной жизни, не является сколько-нибудь общепризнаннымъ началомъ. Яснымъ доказательствомъ тому служитъ большинство европейскихъ державъ, которое не проявляетъ еще опредѣленной рѣшимости перейти къ этому способу выборовъ". Судя по тону этого разъясненія, оно, повидимому, основывается на твердыхъ научныхъ данныхъ и удостовѣренныхъ наблюденіяхъ. Только въ такомъ случаѣ наставленіе, преподанное всѣмъ намъ и будущей Государственной Думѣ, могло бы служить настоящимъ противовѣ-

сомъ „отвлеченнымъ соображеніямъ“, отъ которыхъ, по мнѣнію записки, исходили у насъ сторонники всеобщаго голосованія.

Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Конечно, нашимъ будущимъ представителямъ нѣтъ никакой необходимости гоняться за послѣдними словами Запада, которыя и могли бы какъ разъ оказаться отвлеченными соображеніями въ условіяхъ современной Россіи. Людямъ дѣла и жизни, которые, надо полагать, войдутъ въ будущую Государственную Думу, едва ли представится затруднительнымъ рѣшить, какая именно избирательная система „соотвѣтствуетъ истиннымъ пользамъ и нуждамъ нашего отечества“. Это рѣшеніе уже подготовлено настойчивой работой общественной мысли, трудами всяческихъ съѣздовъ и совѣщаній, горячими спорами и рѣчами, прилежной работой ученыхъ и свѣдущихъ людей. Болѣе года слышится со всѣхъ сторонъ, какъ единодушный лозунгъ прогресса, какъ лучшій залогъ умиротворенія Россіи, одно и то же требованіе всеобщаго избирательнаго права. Вчерашніе скептики и пессимисты, сомнѣвающіеся и невѣрующіе, умѣренные изъ умѣренныхъ становятся подъ это общее знамя, повинуясь увлекающей всѣхъ идеѣ, подчиняясь совмѣстному вліянію настоятельныхъ практическихъ соображеній и естественнаго чувства справедливости. Въ виду этого, послѣднія слова западнаго политическаго представительства, если бы они и шли въ разрѣзъ съ тѣмъ, что такъ настойчиво требуется въ настоящій моментъ русскимъ общественнымъ сознаніемъ, имѣютъ для насъ лишь второстепенное значеніе. Однако, ссылка на Западъ, сдѣланная столь авторитетнымъ тономъ и въ документѣ столь высокой исторической важности, все же представляетъ извѣстный интересъ и заслуживаетъ того, чтобы ее провѣрить.

Каждый, кто знакомъ съ современнымъ государственнымъ правомъ, конечно, остановится въ недоумѣніи предъ

этимъ утвержденіемъ, что всеобщая подача голоса не является на Западѣ „сколько-нибудь общепризнаннымъ началомъ“ и что „большинство европейскихъ государствъ не проявляетъ еще опредѣленной рѣшимости перейти къ всеобщей подачѣ голосовъ“. Какъ разъ обратное утверждаютъ знатоки и наблюдатели европейской жизни. По словамъ извѣстнаго профессора государственнаго права Эсмена, „всеобщее избирательное право, эта простая идея, это выраженіе инстинктивнаго чувства справедливости, *дѣйствуетъ въ наше время почти съ всеобщностью и фатальностью естественныхъ силъ*“. И для того, кто внимательно ознакомится съ движеніемъ законодательства въ этой области за послѣднее время, безспорнымъ станетъ какъ только что приведенное утвержденіе Эсмена, такъ и его дальнѣйшее заключеніе, что здѣсь съ совершенной ясностью выдѣляются два слѣдующихъ очень важныхъ факта.

Во-первыхъ, всеобщее избирательное право получило уже очень широкое распространеніе.

Во-вторыхъ, тамъ, гдѣ избирательное право еще остается ограниченнымъ, оно прогрессивно стремится расширить себя, отвергнуть всякій цензовый режимъ и приблизиться ко всеобщему избирательному праву.

Очевидно, эти два факта не могли бы имѣть мѣста, если бы всеобщая подача голосовъ *не являлась сколько-нибудь общепризнаннымъ началомъ*. Однако, нѣтъ дыма безъ огня, и это утвержденіе въ запискѣ Совѣта министровъ было бы совершенно непонятно, если бы оно не опиралось на нѣкоторыя, хотя бы самыя отдаленныя основанія. Мы едва ли ошибемся, предположивъ, что такимъ основаніемъ являются указанія практики всеобщаго избирательнаго права на нѣкоторые недостатки его примѣненія и соотвѣтствующія скептическія заключенія теоріи. Но что же говорятъ эти заключенія, и можно ли сдѣлать изъ нихъ тотъ выводъ, который мы находимъ въ запискѣ Совѣта министровъ?

Нельзя не сказать, что и здѣсь справки съ Западомъ говорятъ какъ разъ обратное и нисколько не колеблютъ общаго лозунга русскаго освободительнаго движенія. Въ этомъ отношеніи мнѣ представляется чрезвычайно характернымъ малоизвѣстный у насъ эпизодъ изъ литературной исторіи всеобщаго избирательнаго права, ярко отражающій отношеніе западной мысли къ этому институту. Я говорю о появленіи во Франціи въ 1897 г. книги Бенуа „Кризисъ современнаго государства“ и о пріемѣ, который она встрѣтила въ литературныхъ кругахъ.

Книга эта представляетъ собою самую страстную критику современной постановки всеобщаго избирательнаго права во Франціи и, если бы авторамъ разбираемой нами записки нужно было найти для себя лучшую опору, конечно, имъ слѣдовало бы обратиться къ сочиненію Бенуа. Правда, критика Бенуа порою принимаетъ слишкомъ рѣзкій тонъ, впадаетъ въ стиль пристрастнаго памфлета и своими преувеличеніями напоминаетъ каррикатуры „Московскаго Сборника“; но такъ или иначе Бенуа снова разобралъ и подчеркнулъ давнишнія нападки на неорганизованность современнаго избирательнаго права. То, что за 20 лѣтъ до него говорилъ въ своей „Политикѣ“ Блюнчли о недостаткѣ органической связи среди отдѣльныхъ избирателей и о случайности голосованія, при которомъ разрозненные голоса, подобно пыли, повинуются порыву вѣтра, то теперь съ большей подробностью и картинностью повторяетъ Бенуа. Но замѣчательное обстоятельство,—и не есть ли это лишнее подтвержденіе выводовъ Эсмена,—что Бенуа, настаивая на *организаціи* всеобщаго избирательнаго права, даже и не думаетъ о томъ, чтобы коснуться *существа* всеобщей подачи голосовъ. Насколько удачны собственныя предложенія Бенуа, объ этомъ мы скажемъ ниже. Здѣсь же прежде всего важно отмѣтить, что для Бенуа рѣчь идетъ *не объ отмѣнѣ и не объ ограниченіи всеобщаго избиратель-*

наго права, а только объ его организаціи: le suffrage universel reste la base nécessaire de l'état moderne, mais il peut être organisé. Средство, которое предлагаетъ онъ, сводится именно къ *организаціи*; всеобщаго избирательнаго права: „не устранять всеобщаго голосованія, не трогать его, не отнимать ни у кого его голоса, не давать никому болѣе одного голоса,... не разрушать современнаго государства *и не передѣлывать его на новыхъ основаніяхъ, а только закончить его*" (p. 29). Что можетъ быть краснорѣчивѣе этого невольнаго уваженія къ основаніямъ современнаго государства и къ неприкосновенности всеобщаго голосованія въ устахъ яраго противника современныхъ избирательныхъ системъ?

Но еще болѣе любопытны мнѣнія по вопросу о всеобщемъ избирательномъ правѣ, высказанныя во Франціи въ связи съ проектами Бенуа. Счастливая случайность способствовала тому, что цѣлый рядъ французскихъ ученыхъ далъ по этому поводу свои заключенія въ совмѣстномъ обсужденіи общаго вопроса. Въ іюлѣ 1897 г. Жоржъ Пико прочелъ докладъ о книгѣ Бенуа въ академіи моральныхъ и политическихъ наукъ, и вслѣдъ за тѣмъ послѣдовали чрезвычайно интересныя пренія, въ которыхъ приняли участіе Анатоль Леруа-Болье, Поль Леруа-Болье, Лефевръ-Понталисъ, Морисъ Блокъ и Доніоль [1]). Все это—почтенные ученые, о которыхъ во всякомъ случаѣ надо сказать, что они не находятся подъ властью стихійныхъ массовыхъ увлеченій или подъ вліяніемъ какихъ-либо отвлеченныхъ доводовъ. Всеобщее избирательное право для нихъ менѣе всего отвлеченный догматъ, и прежде всего потому, что для каждаго француза это—конкретная практика жизни, имѣющая за собою поучительный опытъ многолѣтняго примѣненія. Они

[1]) Отчетъ о засѣданіяхъ, въ которыхъ происходили эти пренія, напечатанъ въ „Séances et Travaux de l'Académie des sciences morales et politiques: T. XLIX (1898).

берутъ всеобщее голосованіе, какъ необходимый и неизбѣжный фундаментъ современнаго государства, какъ живую и реальную силу демократической эпохи [1]). Думаютъ ли они, что практика всеобщей подачи голосовъ безупречна и совершенна? Нисколько. Вѣрятъ ли они, что самый институтъ представляетъ всеисцѣляющее средство политической жизни? Конечно, нѣтъ: они не ждутъ отъ политики чудесныхъ превращеній и неземныхъ совершенствъ.

Но тѣмъ болѣе вѣскимъ, серьезнымъ и убѣдительнымъ представляется намъ ихъ общее положеніе, которое Анатоль Леруа-Болье кратко выразилъ такъ: *„если хотятъ достигнуть успѣха въ организаціи всеобщаго избирательнаго права, надо остерегаться всего, что можетъ имѣть видъ желанія ограничить или исказить его“*.

Французскіе ученые прекрасно понимаютъ, что практика современныхъ избирательныхъ системъ ставитъ цѣлый рядъ проблемъ для дальнѣйшаго разрѣшенія. При этомъ одни изъ нихъ думаютъ, подобно Бенуа, что улучшенія надо ожидать отъ организаціи избирательнаго права, другіе, какъ Морисъ Блокъ, полагаютъ, что все зависитъ здѣсь отъ повышенія уровня общественнаго мнѣнія. Но какъ бы ни расходились они въ проектахъ реформъ, никому и въ голову не приходитъ мечтать объ ограниченіи чьихъ-либо избирательныхъ правъ. Всеобщее избирательное право для всѣхъ нихъ есть тотъ прочный базисъ, на которомъ единственно возможно строить далѣе. Въ этомъ именно предположеніи они обсуждаютъ возможныя реформы избирательныхъ системъ.

---

[1]) Въ этомъ заключается давнишнее убѣжденіе французскихъ писателей. Въ 1884 г. (въ Rev. de deux mondes) Альфредъ Фулье выразилъ это убѣжденіе такъ: le suffrage universel est la forme inévitable de la démocratie, et la démocratie est la forme non moins inévitable des sociétés modernes. Онъ ссылался при этомъ на характерный отзывъ Шерера: il est indigne d'un homme sérieux, quelque sentiment que la démocratie lui inspire, de se flatter qu'on en puisse venir à bout“.

Такъ Анатоль Леруа-Болье, являясь сторонникомъ пропорціональнаго представительства и множественнаго вотума, видитъ въ нихъ средство сдѣлать всеобщее избирательное право болѣе справедливымъ и дѣйствительнымъ. Въ частности множественный вотумъ, т. е. надѣленіе нѣкоторыхъ лицъ многими голосами, онъ отстаиваетъ съ той точки зрѣнія, что такимъ образомъ могли бы быть представлены черезъ главу семьи и женщины, и дѣти.

Не станемъ здѣсь обсуждать, насколько эти средства, эти „послѣднія слова" политическаго представительства являются цѣлесообразными. Это тѣмъ менѣе необходимо, что множественное избирательное право, возбуждающее противъ себя самыя серьезныя принципіальныя возраженія, едва ли имѣетъ у насъ какіе-либо шансы быть принятымъ, а пропорціональное представительство встрѣтило бы въ Россіи величайшія затрудненія къ осуществленію при огромной территоріи страны и малой населенности нѣкоторыхъ ея частей, не говоря уже о томъ, что эта система можетъ быть введена лишь на хорошо подготовленной почвѣ, въ смыслѣ предшествующей практики политическихъ выборовъ. Для насъ совершенно достаточно указать на то, что и всеобщее избирательное право въ своей идеѣ нисколько не перестало быть „послѣднимъ словомъ" политическаго представительства и, вопреки утвержденію записки Совѣта министровъ, дѣйствительно является на Западѣ общепризнаннымъ началомъ.

Мы не можемъ, однако, оставить интересныхъ отзывовъ французскихъ ученыхъ, не коснувшись еще одного очень важнаго пункта. Въ книгѣ Бенуа, въ качествѣ главнаго средства организаціи всеобщаго избирательнаго права, отстаивается представительство профессіональныхъ и бытовыхъ группъ,—мысль, до извѣстной степени совпадающая съ основаніемъ избирательнаго закона 6 августа и 11 декабря; ибо, согласно разъясненію записки Совѣта министровъ, этотъ законъ основанъ „на классовомъ представительствѣ, при

которомъ бытовыя группы населенія доводятъ до Государственной Думы своихъ представителей въ томъ же примѣрно численномъ соотношеніи, въ какомъ степень вліянія этихъ классовъ проявляется въ дѣйствительной жизни". Я не хочу упрекать Бенуа въ томъ, что и онъ считаетъ разрѣшимой совершенно невозможную задачу — напередъ и неизвѣстно по какимъ даннымъ опредѣлить численное соотношеніе представителей отдѣльныхъ классовъ соотвѣтственно *степени вліянія этихъ классовъ въ дѣйствительной жизни.* Французскій ученый во всякомъ случаѣ человѣкъ свѣдущій въ государственномъ правѣ и понимаетъ, что это — вещь немыслимая. Но все же у него защищается та же идея представительства отдѣльныхъ бытовыхъ группъ, положенная въ основу нашего закона, какъ начало, которое „до сихъ поръ неизмѣнно полагалось въ Россіи въ основаніе всякаго рода общественныхъ и сословныхъ выборовъ и вошло въ сознаніе огромнаго большинства населенія". Что же—эта мысль является „сколько-нибудь общепризнанной"? Или, быть можетъ, ее надо также отнести къ числу самыхъ „послѣднихъ словъ" Запада, разъ уже она высказывается въ новой французской книжкѣ? Вотъ была бы блестящая перспектива для сторонниковъ нашей самобытности — видѣть давнишнее начало нашихъ общественныхъ и сословныхъ выборовъ въ качествѣ передового лозунга Запада! Однако, это неожиданное совпаденіе, вмѣсто того, чтобы реабилитировать наше самобытное начало, бросаетъ тѣнь на передовой характеръ этого лозунга. Мнѣ не надо здѣсь ссылаться на горячую отповѣдь Сеньобоса, давшаго въ своей замѣткѣ о Бенуа уничтожающую критику его книги, въ которой онъ видитъ лишь возвратъ къ отжившимъ формамъ средневѣковья [1]). Достаточно снова обратиться къ спокойнымъ и сдержаннымъ отзывамъ членовъ французской академіи наукъ,

[1]) Révue du droit public, T. IX (1898) pp. 141—144.

чтобы услышать отъ нихъ, какъ смотритъ современная наука на представительство отдѣльныхъ профессій и классовъ.

Прежде всего, во всѣхъ этихъ отзывахъ, какъ ни сочувственно относятся они иногда къ идеѣ организаціи всеобщаго голосованія, высказывается безусловное осужденіе проекта Бенуа. Но сверхъ того, это осужденіе подкрѣпляется еще чрезвычайно цѣнными доводами, имѣющими въ особенности для Россіи рѣшающее значеніе. Въ чемъ состоитъ главный недостатокъ современной избирательной борьбы? Въ томъ—отвѣчаетъ Поль Леруа-Болье—что въ ней играютъ роль мелочные интересы и недостаточно выступаютъ интересы общіе. Исправляется ли этотъ недостатокъ профессіональнымъ представительствомъ? Никоимъ образомъ.

Напротивъ: группируя профессіональные интересы и ставя ихъ въ извѣстной мѣрѣ другъ противъ друга, обращаются къ интересамъ частнымъ и отодвигаютъ интересъ общій и національный, который долженъ быть, однако, господствующимъ. Надо ли разъяснять, насколько это указаніе важно для насъ русскихъ въ переживаемый нами великій историческій моментъ? На страницахъ „Полярной Звѣзды" уже была высказана мысль (въ статьѣ г. С. Котляревскаго), что всеобщее, прямое, равное и тайное голосованіе есть не только требованіе, вытекающее изъ демократическаго идеала равенства и свободы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и „символъ объединенія народа, который долженъ, наконецъ, сознать себя, какъ нѣчто органически цѣльное—въ этомъ спасеніе Россіи, какъ государства". Въ моментъ національнаго возрожденія Россіи, когда ей такъ необходимо дружное дѣйствіе всѣхъ народныхъ силъ во имя великаго общаго дѣла, взывать къ классовымъ и сословнымъ группамъ и еще вычислять при этомъ степень вліянія этихъ классовъ въ дѣйствительной жизни—это ли не политическая близорукость, это ли не упорное слѣдованіе „отвлеченнымъ соображеніямъ", не имѣющимъ

ничего общаго съ конкретными потребностями переживаемаго момента?

Будемъ вѣрить, что представители отдѣльныхъ группъ населенія, призываемые нынѣ въ Государственную Думу, въ этотъ отвѣтственный часъ собиранія народныхъ силъ сломаютъ и забудутъ тѣ перегородки, которыя поставлены закономъ между ними. Но для того, чтобы явиться истинными представителями свободной Россіи, они должны провозгласить всеобщее избирательное право, какъ твердый фундаментъ нашего представительнаго устройства. И это будетъ не только необходимой манифестаціей равенства, не только выраженіемъ естественнаго чувства справедливости, но вмѣстѣ съ тѣмъ символомъ общаго примиренія и единства.

П. Новгородцевъ.

Роль соціалистической идеи въ нашемъ революціонномъ движеніи.

Въ числѣ тѣхъ понятій, которыя за послѣднее время получили широкое распространеніе въ разныхъ слояхъ общества, которыми пользуются, не отдавая себѣ большей частью яснаго отчета въ ихъ значеніи и которыя тѣмъ не менѣе играли и продолжаютъ играть извѣстную роль въ нашемъ общественномъ движеніи, понятіе соціальной революціи, занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Одни выставляютъ соціальную революцію въ качествѣ цѣли, къ которой слѣдуетъ стремиться, и вѣрятъ въ ея болѣе или менѣе близкое осуществленіе, другіе—ея боятся и, допуская точно также ея осуществимость хотя бы въ видѣ кратковременнаго эпизода, готовы броситься въ объятія самой дикой реакціи, лишь бы спасти себя и свои идеалы или свои интересы отъ краснаго призрака. А между тѣмъ, несмотря на своего рода популярность этого термина, лишь немногіе дѣйствительно понимаютъ его значеніе.

Что въ самомъ дѣлѣ подразумѣвается подъ понятіемъ соціальной революціи, и можетъ ли наше революціонное движеніе привести къ ней?

Однимъ изъ первыхъ, кто пустилъ этотъ терминъ въ обращеніе, былъ извѣстный нѣмецкій государствовѣдъ Лоренцъ Штейнъ. Съ большой проницательностью онъ еще въ 1842 году предсказалъ, что ближайшая французская революція будетъ имѣть соціальный характеръ. «Я не затруд-

няюсь, говорилъ онъ, высказать положеніе, которое нѣкоторымъ, быть можетъ, покажется слишкомъ смѣлымъ. Время чисто политическихъ движеній во Франціи прошло. Подобно тому, какъ въ концѣ прошлаго вѣка одно изъ сословій народа возстало противъ (организаціи) государства, такъ теперь одинъ изъ его классовъ мечтаетъ о томъ, чтобы совершить переворотъ въ области организаціи общества, и ближайшая революція уже теперь можетъ быть только соціальной» [1]). Когда онъ въ 1850 г. вернулся къ тому же вопросу, онъ могъ заявить: «то, что было предсказано много лѣтъ тому назадъ, осуществилось; революція, которая подымалась тогда на горизонтѣ, совершилась, и никто не посмѣетъ усумнится въ томъ, что она и въ самомъ дѣлѣ была соціальной революціей» [2]).

Но если слѣдуетъ различать революціи политическія и революціи соціальныя, то въ чемъ же заключается ихъ различіе? Задана и смыслъ политической революціи заключается въ *коренномъ* и относительно *очень быстромъ* переустройствѣ прежняго государственнаго строя и управленія на новыхъ началахъ. А такъ какъ политическая революція всегда предшествуетъ соціальной, то по примѣру политическихъ революцій то же пониманіе естественно было перенесено на революцію соціальную. Подъ соціальной революціей въ силу этого обыкновенно подразумѣваютъ такое же точно *коренное* и относительно *очень быстрое* переустройство прежняго соціально-экономическаго строя на новыхъ и притомъ соціалистическихъ началахъ. Разница между политической и соціальной революціей заключается, съ этой обыденной точки зрѣнія только въ томъ, что пер-

---

[1]) L. Stein, der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs, II изд. 1847 г. стр. VI. То же предсказаніе содержалось уже въ первомъ изданіи, котораго намъ не удалось раздобыть.

[2]) L. Stein, Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich v. 1789 bis auf unsere Tage, 1850, т. I стр. II.

вая преслѣдуетъ цѣли политическія, вторая соціально-экономическія. Характеръ же ихъ по существу совершенно однородный.

Такое пониманіе соціальной революціи, несмотря на его широкое распространеніе, тѣмъ не менѣе должно быть признано совершенно ложнымъ. Соціальная революція въ этомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ коренного и очень быстраго, почти внезапнаго переустройства соціально-экономическихъ отношеній на соціалистическихъ началахъ, должна быть признана безусловно невозможной и притомъ безусловно невозможной не по внѣшнимъ, а по внутреннимъ причинамъ. Осуществленіе соціалистической идеи ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть результатомъ внезапнаго и насильственнаго ниспроверженія капиталистическаго строя, а исключительно только результатомъ постепенной и притомъ весьма медленной эволюціи экономической организаціи и особенно психическихъ навыковъ капиталистическаго общества.

На первый взглядъ отрицаніе возможности соціальной революціи въ обыденномъ смыслѣ этого слова можетъ показаться страннымъ. Почему въ самомъ дѣлѣ въ области соціальныхъ отношеній слѣдуетъ признать невозможнымъ то, что признается возможнымъ въ области отношеній политическихъ? Не представляетъ ли сужденіе о невозможности «соціальной революціи» просто продуктъ буржуазнаго образа мыслей и сознательнаго или безсознательнаго страха передъ соціальнымъ переворотомъ?

Мысль, что политическая революція можетъ, а соціальная революція не можетъ привести къ коренному и быстрому переустройству соотвѣтственныхъ формъ жизни, несмотря на ея кажущуюся противорѣчивость, покоится на твердой основѣ совершенно несомнѣнныхъ и безусловно доказательныхъ соціально-психологическихъ наблюденій. Раньше, чѣмъ осуществиться на дѣлѣ, каждая реформа должна преодолѣть накопившіяся въ теченіе болѣе или

менѣе значительнаго времени навыки той части населенія, взглядовъ, интересовъ и быта которой она касается. Чѣмъ эти навыки тѣснѣе связаны съ повседневными интересами и повседневной жизнью населенія, тѣмъ большей силой сопротивленія они располагаютъ и тѣмъ труднѣе ихъ искоренить и замѣнить покоющіяся на этихъ навыкахъ старыя формы жизни новыми, совершенно необычными.

Не входя здѣсь въ подробное разсмотрѣніе разныхъ категорій массовыхъ психическихъ навыковъ народа, для нашей цѣли достаточно констатировать, что политическія формы жизни связаны гораздо менѣе тѣсно съ повседневной жизнью народа, чѣмъ формы соціально-экономическія. Вопросы, интересы и привычки, касающіеся хозяйственной жизни каждаго члена народа, охватываютъ жизнь его гораздо чувствительнѣе и тѣснѣе, чѣмъ вопросы, интересы и привычки, относящіеся къ политической жизни государства. Этимъ объясняется съ одной стороны тотъ фактъ, что сознаніе важности политическихъ вопросовъ предполагаетъ значительное умственное развитіе и въ большинствѣ случаевъ крайне слабо развито или даже совсѣмъ отсутствуетъ въ народной массѣ, а съ другой стороны этимъ же объясняется и тотъ фактъ, что народъ въ своей массѣ относится гораздо равнодушнѣе даже къ замѣнѣ монархіи республикой, чѣмъ къ законодательнымъ мѣрамъ, мѣняющимъ существо его хозяйственныхъ привычекъ, въ частности, напр., къ мѣрамъ, отрицающимъ принципъ частной собственности.

При такихъ условіяхъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что «соціальная революція» въ обычномъ смыслѣ представляетъ просто безсмыслицу. Обобществленіе земли и орудій производства возможно только какъ результатъ постепеннаго вымиранія индивидуалистическихъ навыковъ и нарожденія новыхъ соціалистическихъ. Никакая революція не можетъ привести къ этому результату, разъ навыки на-

родной массы имѣютъ антисоціалистическій или хотя бы несоціалистическій характеръ.

Само собою разумѣется, что въ существенныхъ чертахъ все это было ясно и Лоренцу Штейну. Говоря, что время политическихъ революцій во Франціи прошло и что ближайшая французская революція будетъ революціей соціальной, онъ подразумѣвалъ подъ этимъ названіемъ совсѣмъ не то, что обыкновенно подъ нимъ подразумѣваютъ.

Поставивъ вопросъ: «что это значитъ, когда говорятъ, что вокругъ насъ совершается соціальная революція?» [1]), Штейнъ отвѣчаетъ на него въ томъ смыслѣ, что сущность соціальной революціи заключается въ сознательномъ стремленіи опредѣленнаго класса сдѣлать государство орудіемъ для осуществленія своихъ соціальныхъ цѣлей. «Истинный характеръ нашего времени, отличительная особенность переживаемой нами стадіи развитія, говоритъ онъ, заключается въ томъ, что мы пришли къ сознанію существованія соціальнаго порядка и что мы начинаемъ понимать господство этого соціальнаго порядка надъ государствомъ и правомъ. Это сознаніе начинаетъ проникать въ народныя движенія, и вслѣдствіе этого эти движенія начинаютъ разсматривать государственную власть, какъ орудіе соціальнаго прогресса, какъ оружіе въ соціальной борьбѣ, какъ условіе соціальной свободы. Борьба одного класса съ другимъ имѣетъ вслѣдствіе этого цѣлью захватить въ свои руки закономѣрную государственную власть и устранить другой классъ отъ нея. Руководящей же идеей этой борьбы является мысль использовать пріобрѣтенную въ силу этой борьбы государственную власть или организовать государственное управленіе и руководить имъ такъ, чтобы она служила соціальнымъ цѣлямъ владѣющаго имъ обществен-

[1]) Stein, Gesch., т. I, стр. III.

наго класса» [2]). «А такъ какъ новѣйшія народныя движенія (французская революція 1848 г.), благодаря слѣдовавшимъ за ними измѣненіямъ государственнаго строя, впервые вполнѣ сознательно выдвинули этотъ (соціальный) вопросъ, какъ вопросъ, подлежащій разрѣшенію со стороны государственной власти, то въ силу этого послѣдняя революція была революціей соціальной. *Она ничего не измѣнила въ структурѣ общества; она не уничтожила его дѣленія на классы; она не создала ничьей соціальной независимости; она никого не обогатила, и раззорила тысячи людей; но она ввергла государство въ борьбу двухъ полюсовъ общества, и въ этомъ заключается ея соціальное значеніе*» [3]).

Въ этомъ и только въ этомъ смыслѣ можно говорить о соціальной революціи. Подъ соціальной революціей слѣдуетъ подразумѣвать движеніе, *сознательно* направленное къ захвату государственной власти опредѣленнымъ общественнымъ классомъ, стремящимся использовать ее для *постепеннаго* осуществленія соотвѣтствующей его интересамъ соціальной программы.

Можно ли назвать совершающуюся у насъ и еще далеко незаконченную революцію соціальной въ указанномъ смыслѣ?

На первый взглядъ отвѣтъ можетъ быть только утвердительный. Соціалистическая идея имѣетъ у насъ такую массу явныхъ и тайныхъ, сознательныхъ и безсознательныхъ сторонниковъ, что въ общемъ можно смѣло сказать, что подавляющая масса нашей интеллигенціи уже давно настроена соціалистически. Соціалистическая идея къ тому же не ограничена въ своемъ распространеніи только рамками «безпочвенной» интеллигенціи. Она имѣетъ не мало сознательныхъ сторонниковъ въ рядахъ рабочаго класса и даже

---

[2]) Stein, ук. соч. т. I, стр. III—IV. Въ этихъ словахъ содержится in nuce вся теорія экономическаго матеріализма.

[3]) Stein, ук. соч. т. I, стр. V—VI.

крестьянства. Идеи «диктатуры пролетаріата» и «соціальной революціи», явно высказывавшіяся въ концѣ прошлаго года на митингахъ и въ соціалистической печати, разумѣется, продолжаютъ играть видную роль и теперь, когда ихъ искусственно загнали въ подполье. Казалось бы, о чемъ же и разговаривать? Мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ движеніемъ, сознательно направленнымъ къ захвату государственной власти пролетаріатомъ ради обращенія ея въ орудіе для осуществленія соціальнаго идеала этого класса. Правда, значительная часть населенія внутренно совершенно чужда этому идеалу. Но что же изъ этого? Развѣ въ 1848 г. французское крестьянство не было чуждо соціализму, а мы вѣдь тѣмъ не менѣе называемъ революцію 1848 г. соціальной?

Несмотря на кажущуюся убѣдительность этихъ доводовъ, ихъ внутренняя цѣнность на самомъ дѣлѣ весьма невелика и дѣлать изъ нихъ предполагаемый выше выводъ совершенно невозможно.

Коренной признакъ соціальной революціи заключается въ *сознательномъ* стремленіи извѣстнаго общественнаго класса (пролетаріата) къ захвату государственной власти во имя *опредѣленной соціальной программы*. Въ 1848 г., напр., эта соціальная программа выражалась въ извѣстныхъ лозунгахъ: «право на трудъ» и «организація труда».

Можно ли сказать, чтобы русскій пролетаріатъ въ своей массѣ *сознательно* усвоилъ себѣ *опредѣленную соціальную программу?* Достаточно безпристрастный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ такой хорошій знатокъ этого дѣла, какъ Плехановъ. «Сила нашей позиціи», говоритъ онъ, «цѣликомъ опредѣляется ясностью классоваго самосознанія и организованностью пролетаріата. А съ этой стороны дѣло обстоитъ далеко не такъ хорошо, какъ это нужно и желательно. Мы говорили: пролетаріатъ является самымъ надежнымъ и самымъ послѣдовательнымъ носителемъ революціонной идеи. И когда мы говорили это, мы нисколько не

обманывали себя, если мы не забывали при этомъ, что *весь* пролетаріатъ, взятый цѣликомъ, является такимъ носителемъ только *въ возможности*, *въ дѣйствительности* же такимъ носителемъ сталъ пока только *извѣстный слой* его. Этотъ слой уже очень значителенъ, и онъ растетъ теперь, можно сказать, не по днямъ, а по часамъ. Но это—*только слой, т. е. только часть* рабочаго класса, и эта часть не покрываетъ собою цѣлаго»...«Ясно, стало быть, что до сихъ поръ есть *много* пролетаріевъ, еще не проникшихся революціонной мыслью и готовыхъ поддерживать старый порядокъ вопреки самымъ насущнымъ своимъ интересамъ» [1]).

То, что Плехановъ здѣсь высказалъ, ни для кого не составляло тайны. Онъ лишь подтвердилъ мнѣніе всѣхъ безпристрастныхъ наблюдателей, что сила соціалдемократической партіи у насъ является въ значительной мѣрѣ призрачной. Изъ того, что человѣкъ требуетъ восьмичасового рабочаго дня и повышенія заработной платы или хотя бы даже перехода фабрики или завода въ руки рабочихъ такъ же мало слѣдуетъ, что онъ соціалдемократъ, какъ изъ требованія и захвата земли крестьянами не слѣдуетъ, что они соціалисты-революціонеры.

Осенью прошлаго года у многихъ создалось впечатлѣніе, будто русское общество кишитъ соціалдемократами и соціалистами-революціонерами и будто эти двѣ партіи обла-

---

[1]) Г. В. Плехановъ, Дневникъ соціальдемократа. № 4, стр. 5. Курсивъ автора, кромѣ послѣдняго мѣста.—Отмѣтимъ кстати, что Плехановъ всюду говоритъ о *революціонной,* а не *соціалистической* идеѣ. Что часть рабочаго класса является однимъ изъ видныхъ носителей революціонной идеи, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но отъ сознательнаго усвоенія революціонной идеи до сознательнаго усвоенія соціалистической еще далеко, и едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что число сознательныхъ адептовъ соціалистической идеи среди рабочаго класса значительно меньше, чѣмъ число сторонниковъ революціоннаго разрѣшенія назрѣвшихъ вопросовъ русской жизни.

даютъ колоссальной силой и массой сторонниковъ. Всякій, кто хоть нѣсколько вдумается въ наше развитіе, легко убѣдится, что это впечатлѣніе должно быть признано совершенно невѣрнымъ. То, что на самомъ дѣлѣ совершается, это не грандіозное разростаніе двухъ означенныхъ партій, а громадное движеніе изголодавшейся и физически, и духовно рабочей и крестьянской массы. На почвѣ этого физическаго и нравственнаго голода выросло «великое воскресеніе» 9 января: его создали не соціалдемократы, а Георгій Гапонъ. Возмутительный разстрѣлъ безоружной молитвенно-настроенной толпы, правда, сослужилъ соціалдемократіи громадную службу и больше многихъ лѣтъ пропаганды содѣйствовалъ росту классоваго самосознанія пролетаріата. Но тѣмъ не менѣе это самосознаніе продолжало и продолжаетъ носить очень замѣтные слѣды старой, некультурной вражды къ барину, въ большинствѣ случаевъ очень далеко отъ марксистской идеологіи и отнюдь не привело къ созданію дѣйствительно сильной партійной организаціи.

По всѣмъ извѣстнымъ пока даннымъ можно смѣло сказать, что въ послѣдніе мѣсяцы истекшаго года партія не руководила рабочими, а болѣе или менѣе охотно подчинялась ихъ стихійному настроенію. Вся ея роль сводилась въ этомъ смыслѣ къ тому, что она разжигала страсти рабочаго населенія, старалась группировать ихъ tant bien que mal вокругъ извѣстныхъ лозунговъ и послѣ каждой удачи заявляла о побѣдѣ пролетаріата, послѣ каждаго пораженія старалась ослабить его впечатлѣніе и по возможности объявлять даже явное пораженіе побѣдой.

Высказывая такое сужденіе о роли соціалдемократической партіи въ нашемъ революціонномъ движеніи—mutatis mutandis, тоже мы должны сказать и о роли соціально-революціонной партіи—мы отнюдь не хотимъ ни умалить общаго значенія соціалистической пропаганды, ни тѣмъ болѣе умалить значеніе того стихійнаго рабочаго и крестьянскаго дви-

женія, которое играетъ и еще будетъ играть такую огромную роль въ нашемъ революціонномъ движеніи. Безъ этого стихійнаго движенія не было бы русской революціи; безъ соціалистической пропаганды это стихійное движеніе приняло бы, по всему вѣроятію, еще болѣе разрушительныя и антикультурныя формы и выродилось бы въ настоящую всероссійскую, сельскую и городскую, пугачевщину. Но существо дѣла отъ этого не мѣняется. *Совершающееся въ настоящее время у насъ рабочее и крестьянское движеніе не представляетъ продукта сознательнаго стремленія опредѣленныхъ классовъ къ осуществленію опредѣленной соціальной программы, а въ подавляющей своей массѣ является продуктомъ стихійнаго озлобленія противъ существующаго порядка и стихійнаго же стремленія къ улучшенію хозяйственнаго и духовнаго быта массы.* Это движеніе вноситъ въ совершающуюся политическую революцію сильный соціальный элементъ, но оно отнюдь не превращаетъ ея въ соціальную революцію. Его роль въ нашей революціи по существу своему совершенно такая же, какъ роль крестьянскаго и рабочаго движенія во время великой французской революціи.

Не слѣдуетъ въ самомъ дѣлѣ смѣшивать наличность соціальнаго элемента въ данной революціи съ соціальнымъ характеромъ самой революціи. Наличность остраго недовольства широкихъ народныхъ массъ ихъ хозяйственнымъ положеніемъ и стремленіе народа къ улучшенію его положенія является необходимымъ признакомъ и непремѣннымъ условіемъ всякаго сколько-нибудь сильнаго революціоннаго движенія. Народная масса всюду и всегда была и отчасти продолжаетъ быть слишкомъ мало развитой, чтобы понять истинное значеніе вопроса о политической организаціи государства. Идея коренной политической реформы поэтому всегда возникала и возникаетъ не въ народѣ, а въ интеллигенціи. Но безъ поддержки народа интеллигенція была и

продолжаетъ быть безсильной противъ грубой силы правительства. А такъ какъ пока, кажется, еще не было случая, чтобы правительство добровольно подчинилось указаніямъ интеллигенціи, то послѣдней и приходится ждать успѣха, пока осужденныя ею формы жизни не доведутъ народной массы до обнищанія и не заставятъ и ее выступить врагомъ, хотя обыкновенно и малосознательнымъ врагомъ, даннаго государственнаго строя. Лишь при такихъ условіяхъ старый порядокъ лишается той поддержки, которую онъ до этого находилъ въ некультурности и пассивномъ терпѣніи массы. А разъ это такъ, то становится совершенно понятнымъ, что всякая крупная революція по необходимости содержитъ сильный соціальный (или точнѣе экономическій) элементъ, хотя бы сущность даннаго революціоннаго движенія и заключалась вовсе не въ сознательномъ осуществленіи опредѣленной соціальной программы, а хотя бы, напр., въ освобожденіи личности отъ политическаго гнета стараго порядка.

Совершающееся на нашихъ глазахъ рабочее и крестьянское движенія и являются той соціально-экономической опорой, на которой осуществляется *русское освободительное, а не соціальное движеніе.*

Но въ чемъ же заключается въ такомъ случаѣ роль соціалистической идеи въ нашемъ революціонномъ движеніи? Неужели можно отрицать за ней всякое значеніе или видѣть въ ней лишь одно большое недоразумѣніе?

Само собою разумѣется, что отрицать значеніе соціалистической идеи въ нашемъ движеніи значило бы впасть въ такую же грубую ошибку, какъ если бы мы признали за ней рѣшающее вліяніе на ходъ и исходъ этого движенія. Но въ чемъ же въ такомъ случаѣ ея реальное значеніе?

Соціалистическая идея играла и играетъ громадную роль въ нашемъ движеніи не въ качествѣ конкретной программы, *а въ качествѣ идейной и нравственной основы всего дви-*

женія, въ качествѣ его символа вѣры. Революція всегда является продуктомъ, внѣшнимъ выраженіемъ долгаго дореволюціоннаго періода, въ теченіе котораго интеллигенція одна или почти одна безъ поддержки народа и нерѣдко вопреки его стихійнымъ навыкамъ выноситъ на своихъ плечахъ всю борьбу съ отживающимъ строемъ. Такая борьба требуетъ очень много стойкости, самоотверженія и сплошь и рядомъ геройства, и притомъ одиночнаго геройства, когда борецъ часто не можетъ разсчитывать на всеобщее сочувствіе, когда онъ не видитъ вокругъ себя плотныхъ рядовъ своихъ единомышленниковъ. На такое геройство всегда способны немногіе и во всякомъ случаѣ геройство предполагаетъ твердую вѣру въ идеалъ. Герои создаются не сознаніемъ личнаго или классоваго интереса, а только непоколебимой вѣрой въ идею. Содержаніе этой идеи можетъ измѣняться въ зависимости отъ культурнаго развитія или историческихъ судебъ даннаго народа. Но наличность опредѣленнаго символа вѣры представляетъ неизмѣнную и характерную особенность всякаго предреволюціоннаго и революціоннаго движенія.

Если принять во вниманіе только четыре наиболѣе крупныя изъ европейскихъ революцій, англійскую 1640-хъ годовъ, французскую 1789 г. нѣмецкую 1848 г. и русскую 1905 г., то символъ вѣры каждой изъ нихъ можетъ быть названъ совершенно опредѣленно и безошибочно. Англійская революція совершилась подъ знаменемъ религіознымъ, французская—подъ раціоналистическимъ знаменемъ естественныхъ правъ человѣка, нѣмецкая—подъ знаменемъ національной идеи, русская—во имя народа и его правъ. Въ этомъ смыслѣ правильнѣе всего было бы назвать русскую революцію народнической. Ея символъ вѣры опредѣляется не идеей пуританской святости, не идеей правъ личности, не идеей національнаго единства, а идеей служенія народу. Несмотря на то, что ближайшей задачей и результатомъ

нашей революціи является или явится освобожденіе личности, въ господствующей среди русскаго общества идеологіи движенія преобладаютъ, если позволено будетъ воспользоваться терминологіей Н. К. Михайловскаго, не «вопросы чести», а «вопросы совѣсти», не идея правъ личности, а идея служенія народу. Именно народу, а не націи, какъ это было въ Германіи.

На почвѣ этого давнишняго и основного настроенія русской интеллигенціи и совершилось неслыханное распространеніе у насъ соціалистической идеи. Она является наиболѣе яркимъ выраженіемъ народничества въ широкомъ смыслѣ этого слова, не въ смыслѣ народнической доктрины 70-хъ и 80-хъ годовъ, а въ смыслѣ служенія идеѣ народнаго блага. Эта идея воодушевляла и продолжаетъ воодушевлять русское общество въ его гигантской борьбѣ съ нашимъ самодержавнымъ строемъ. Эта идея создала и продолжаетъ создавать героевъ и мучениковъ этой борьбы. Въ этомъ ея громадное значеніе, въ этомъ залогъ конечной побѣды всего движенія. Русское общество побѣдитъ, потому что оно дѣйствуетъ не во имя опредѣленныхъ конкретныхъ личныхъ или классовыхъ интересовъ, а во имя великаго символа всенароднаго блага. Это и только это давало и продолжаетъ давать ему все новыя силы въ борьбѣ съ тѣми палачами народа, которые тоже провозглашаютъ идею «народности», но видятъ въ ней лишь оправданіе не только для человѣко-ненавистнической націоналистической, но отнюдь не народной политики, но и для звѣрскаго подавленія всякаго проявленія воли самого русскаго народа.

Но если значеніе соціалистической идеи въ смыслѣ высшаго выраженія идеи служенія народу должно быть признано огромнымъ, то отсюда, разумѣется, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы вся наша революція приняла соціалистическую въ собственномъ смыслѣ этого слова окраску. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что подавляющая масса русской со-

ціалистически настроенной интеллигенціи принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ соціалистовъ внѣ партій, т. е. внѣ нашихъ двухъ собственно-соціалистическихъ партій. Съ одной стороны въ рядахъ нашей интеллигенціи есть масса людей съ соціалистическимъ *настроеніемъ*, но безъ ясныхъ и отчетливыхъ представленій о какой-либо соціалистической *программѣ*. Съ другой стороны, многіе изъ тѣхъ, кто опредѣленно тяготѣютъ къ извѣстной соціалистической программѣ, признаютъ, что при данныхъ условіяхъ нечего и думать о проведеніи такой программы и что основная задача даннаго момента, къ достиженію которой должны быть направлены всѣ силы, заключается въ разрѣшеніи коренной политической задачи освобожденія личности и демократической организаціи государства.

И тѣ и другіе сходятся въ одномъ: они сознательно служатъ народному благу, но не стремятся къ осуществленію извѣстной соціалистической программы. А такъ какъ несомнѣнно они представляютъ большинство среди нашихъ «соціалистовъ», то въ конечномъ результатѣ не партійные соціалисты, и именно они и даютъ нашему революціонному движенію его характерную окраску.

Если наша народническая по духу интеллигенція такимъ образомъ не представляется вполнѣ однородной въ указанномъ смыслѣ, то не слѣдуетъ, кстати сказать, преувеличивать однородность нашихъ собственно-соціалистическихъ партій и особенно партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что среди лицъ, сочувствующихъ этой партіи, а вѣроятно и среди тѣхъ, кто входитъ въ ея ряды, есть не мало людей, которые сочувствуютъ ей прежде всего какъ партіи *рѣзко-революціонной*, преслѣдующей въ то же время интересы подавляющей крестьянской массы народа и особенно приспособленной къ воздѣйствію на крестьянъ. Изъ этого сочувствія, однако, не всегда слѣдуетъ, что проникнутыя имъ лица цѣликомъ принимаютъ,

а пожалуй, даже и знаютъ программу партіи. Безсмысленная политика правительства, несомнѣнно, сильно увеличила ряды нашихъ «крайнихъ» соціалистическихъ партій не столько потому, что ихъ программы встрѣчаютъ сознательное сочувствіе, сколько потому, что это именно партіи крайнія, т. е. наиболѣе энергично борющіяся съ правительствомъ. Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo.

Какъ бы тамъ ни было, соціалистически-народническая идея уже сыграла и, несомнѣнно, еще будетъ играть громадную роль въ нашемъ революціонномъ движеніи. Весьма естественно, что служащіе ей люди, часто принесшіе этому служенію большія жертвы, имѣютъ наклонность ожидать и требовать отъ совершающейся нынѣ революціи очень большихъ, хотя и не вполнѣ опредѣленныхъ результатовъ.

Въ такомъ неопредѣленно-повышенномъ ожиданіи заключается нѣкоторая опасность. Какъ бы ни была удачна революція, она никогда еще не оправдывала всѣхъ надеждъ тѣхъ, кто больше всего сознавалъ ея необходимость и больше всего содѣйствовалъ ея наступленію. Англія не стала страной пуританскихъ «святыхъ», Франція не осуществила идеи свободы, равенства и братства, Германія не вышла объединенной изъ своей революціи и намъ едва ли суждено увидѣть Россію страной, въ которой вся государственная и общественная жизнь направлена къ осуществленію опредѣленной соціальной идеи.

Но слѣдуетъ ли изъ этого, что всѣ эти революціи, въ большинствѣ случаевъ сопряженныя съ такими громадными жертвами и съ такимъ грандіознымъ напряженіемъ психической энергіи, прошли даромъ и представляли лишь огромныя заблужденія? Разумѣется, нѣтъ. Значеніе всѣхъ этихъ революцій заключалось въ освобожденіи личности, въ превращеніи обывателей въ гражданъ, въ замѣнѣ эгоистическаго принципа «моя хата съ краю, ничего не знаю» истинно человѣчной идеей совмѣстнаго сознательнаго труда,

совмѣстной борьбы не только съ природой, но и съ несовершенствами государственной и общественной жизни. Изъ этихъ революцій родилось современное общество, соединенное не простой кровной связью, не подчиненіемъ единой власти, а сознательнымъ тяготѣніемъ его членовъ другъ къ другу и къ общему дѣлу.

То же самое совершается въ крупныхъ размѣрахъ уже теперь на нашихъ глазахъ. Стихійная жизнь спаяннаго безсознательными навыками и внѣшней силой общества начинетъ замѣняться жизнью сознательной. Русскій обыватель начинаетъ выростать въ русскаго гражданина. Онъ перестаетъ смотрѣть на себя, какъ на безгласный объектъ правительственныхъ мѣропріятій, и начинаетъ сознавать свое нравственное право на дѣятельное участіе въ общественной жизни и на огражденіе правъ его личности. Переломъ въ психической жизни народа уже совершился. Въ этомъ и заключается основная причина, почему никакая реакція уже не въ состояніи возстановить старый порядокъ. Но еще остается очень много трудной работы. Необходимо приспособить организацію государственной власти къ измѣнившимся и продолжающимъ измѣняться условіямъ психической жизни народа. Необходимо обезпечить народу дѣйствительную возможность укрѣпить и расширить его новое гражданское самосознаніе и дать его правосознанію возможность проявить себя въ качествѣ рѣшающей направленіе государственной жизни инстанціи.

Задача эта сама по себѣ громадна и въ высшей степени плодотворна, и если русская революція разрѣшитъ только ее, но разрѣшитъ ее правильно и широко, то она сдѣлаетъ великое дѣло, и не будетъ никакого разумнаго основанія для разочарованія, хотя бы она и не осуществила многихъ иныхъ надеждъ настоящаго времени. Тогда, т. е. при истинно демократическомъ разрѣшеніи современной политической задачи, не будетъ и никакого основанія называть и клеймить

совершающуюся революцію буржуазной. Революція, которая приводитъ къ осуществленію всеобщаго равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права и къ установленію необходимыхъ внѣшнихъ условій для правильнаго функціонированія этого избирательнаго права, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа буржуазной, и партіи, стремящіяся къ этой цѣли, меньше всего заслуживаютъ обвиненія въ буржуазности. Изъ того, что мы признаемъ данную революцію революціей политической, а не соціальной, отнюдь не слѣдуетъ, что эта революція непремѣнно должна быть антидемократической. Вотъ почему требованіе всеобщаго избирательнаго права имѣетъ такое капитальное значеніе въ программѣ всѣхъ партій, искренно преданныхъ народному дѣлу и сознающихъ характеръ и важность даннаго момента. На достиженіе этой цѣли должны быть направлены всѣ силы, и всѣ партіи, стремящіяся къ этой цѣли, должны объединиться на почвѣ этого основного принципа, а не вести другъ съ другомъ ожесточенной борьбы изъ-за сравнительно второстепенныхъ вопросовъ.

Пора демократическимъ партіямъ оставить свои раздоры и заключить наступательный и оборонительный союзъ противъ реакціи, союзъ, который вовсе не предполагаетъ непремѣнно установленія вполнѣ единообразной тактики каждой изъ нихъ.

Но для этого необходимо разобраться въ сущности совершающихся событій.

Русское общество должно ясно сознавать и твердо помнить, что совершающаяся у насъ революція есть революція политическая, направленная къ коренному переустройству существующаго государственнаго строя на началахъ истиннаго демократизма, а не революція соціальная. Тѣ соціальные вопросы, которые ее сопровождаютъ и усложняютъ, разумѣется, также должны быть разрѣшены, но это разрѣшеніе не можетъ и не будетъ имѣть принципіально-чистаго

и послѣдовательнаго характера, такъ какъ время для проведенія какой-либо вполнѣ послѣдовательной соціальной программы еще не настало. Покуда въ психической жизни народа не наступитъ новаго перелома въ смыслѣ торжества сознательной соціалистической идеи, нечего думать о коренныхъ реформахъ соціалистическаго характера. Всякая попытка ихъ осуществить будетъ сопряжена съ насиліемъ надъ психикой народной массы и уже поэтому заранѣе осуждена на полную неудачу.

Задача нашего времени заключается въ томъ, чтобы обезпечить народу возможность свободно развиваться и сознательно выбирать направленіе своей жизни, а не въ томъ, чтобы воспользоваться напряженной борьбой революціонной эпохи, дабы навязать ему хотя бы и очень высокія формы жизни, но такія, которыхъ онъ еще не въ состояніи воспринять и на насильственное навязываніе которыхъ онъ неизбѣжно отвѣтитъ поворотомъ въ сторону реакціи.

Э. Гриммъ.

Самодержавіе и манифестъ 17 октября.

I.

Упраздняется ли самодержавіе манифестомъ 17 октября?

Для всякаго читателя не-юриста взглядъ этотъ имѣетъ совершенно ясный и опредѣленный смыслъ. Начиная съ Радищева, который французское слово „despotisme" переводилъ „самодержавствомъ", нашъ литературный языкъ подъ самодержавіемъ всегда понималъ неограниченность или абсолютизмъ монархической власти. При такомъ — единственно общепринятомъ — пониманіи самодержавія, вопросъ заключается въ томъ, ограничиваетъ-ли манифестъ 17 октября власть государя? Если ограничиваетъ, самодержавіе упразднено; если не ограничиваетъ, власть государя остается самодержавной.

Не такъ просто обстоитъ дѣло для юриста. Прежде, чѣмъ отвѣтить на поставленный вопросъ, юристу необходимо установить „истинный смыслъ" самодержавія, *какъ юридическаго термина*, имѣющаго опредѣленное, исторически-данное содержаніе. Дѣйствительно ли, на языкѣ нашего права, самодержавіе означаетъ неограниченность власти? Не имѣетъ ли оно другого значенія, совмѣстимаго съ понятіемъ ограниченной, или конституціонной власти монарха?

По мнѣнію В. М. Нечаева („Полярная Звѣзда" № 4, стр. 291 и сл.) понятіе „самодержавный" въ дѣйствующемъ сводѣ законовъ имѣетъ двоякій смыслъ: оно означаетъ и внѣшнюю международную независимость и внутреннюю неограниченность власти монарха; въ частности, въ 1-ой статьѣ основныхъ законовъ слово „самодержавный" употребляется въ смыслѣ внѣшняго верховенства государя. Манифестъ 17 октября упраздняетъ „неограниченность" власти монарха;

самодержавіе, въ смыслѣ 1-ой ст. осн. зак., и послѣ манифеста 17 октября, остается, „несомнѣнно, цѣлымъ".

Исходя изъ такого пониманія термина „самодержавный", В. М. Нечаевъ предлагаетъ новую редакцію для нѣкоторыхъ статей основныхъ законовъ. О 1-ой статьѣ онъ почему то не говоритъ. Статья 47 должна быть, по его мнѣнію, редактирована слѣдующимъ образомъ: „Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, отъ *самодержавной* власти исходящихъ и одобряемыхъ Государственной Думой". Ст. 50-ая должна гласить: „Всѣ предначертанія законовъ разсматриваются въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ, потомъ восходятъ на Высочайшее усмотрѣніе и не иначе поступаютъ къ предначертанному ихъ совершенію, какъ по одобреніи ихъ Государственной Думой и дѣйствіемъ *самодержавной* власти".

Толкованіе термина „самодержавный", предлагаемое проф. В. М. Нечаевымъ, повидимому, пользуется общимъ признаніемъ въ бюрократическихъ сферахъ. Въ свое время „Новымъ Временемъ" приписано было графу Витте утвержденіе, будто неправильно титулу „самодержца" придавать значеніе неограниченности правъ монарха по отношенію къ подданнымъ; *исторически* этотъ титулъ означаетъ, будто бы, независимость монарха отъ ига монголовъ и „польскаго ига". Теперь то же „Новое Время" сообщаетъ, что въ государственной типографіи уже отпечатанъ проектъ тѣхъ измѣненій въ основныхъ законахъ, которые вызываются необходимостью согласованія послѣднихъ съ манифестомъ 17 октября. Согласно этому проекту, понятіе „неограниченности" власти монарха изъ „основныхъ законовъ" исчезаетъ, но титулъ самодержца остается неизмѣннымъ. Такимъ образомъ, понятіе „самодержавный" будетъ впредь толковаться въ смыслѣ „международной независимости" монарха.

Бываютъ случаи, когда споръ о словахъ является споромъ о дѣлѣ. Вопросъ о томъ, упраздняется-ли самодержавіе, какъ титулъ монарха, манифестомъ 17 октября, представляетъ огромную, не только теоретическую, но и практическую важность. Для того, чтобъ правильно рѣшить этотъ вопросъ, необходимо, прежде всего, установить точный юридическій смыслъ этого титула,—какъ въ исторіи, такъ и въ дѣйствующемъ правѣ Россіи.

II.

Свое мнѣніе о двойственномъ значеніи титула „самодержавный“ В. М. Нечаевъ основываетъ на слѣдующей исторической справкѣ.

„При Іоаннѣ III, который первый принялъ оффиціально наименованіе самодержца, этотъ титулъ указывалъ на внѣшнюю независимость великаго князя. Въ такомъ смыслѣ терминъ этотъ употребляется еще въ актахъ Имп. Екатерины II, хотя уже съ Іоанна Грознаго подъ самодержавіемъ разумѣютъ и неограниченность власти государя въ дѣлахъ внутренняго управленія. По словамъ Сперанскаго, и въ сводѣ законовъ слово „самодержавіе“ имѣетъ два различныхъ смысла: оно указываетъ и на внѣшнюю международную независимость, и на внутреннюю неограниченность власти монарха“.

Историческая справка не изъ удачныхъ. Проблематично, прежде всего, утвержденіе, будто Іоанномъ III оффиціально принятъ былъ титулъ самодержца. Въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми иностранными государствами, Іоаннъ III усвоилъ себѣ впервые названіе *царя*, понимая подъ этимъ названіемъ, дѣйствительно, государя по праву наслѣдства, независимаго, послѣ паденія татарскаго ига, отъ какой-либо земной власти. Что касается титула самодержца, то сначала этотъ титулъ усвояется великому князю отъ лица подданныхъ—въ писаніяхъ духовныхъ лицъ и въ лѣтописяхъ; онъ является переводомъ греческаго слова: „αὐτοκράτος“,—слова, имѣющаго вполнѣ опредѣленный и отнюдь не „международный“ смыслъ. Отъ лица самого царя онъ начинаетъ употребляться никакъ не раньше временъ Ивана IV Грознаго, — причемъ съ самаго начала этимъ титуломъ цари обозначаютъ *неограниченность* и *нераздѣльность* своей власти [1]).

Такъ, кн. Курбскому Иванъ Грозный пишетъ: „Россійскіе самодержцы изначала сами владѣютъ всѣми царствами,

[1]) Въ оффиціальныхъ актахъ титулъ самодержца появляется впервые не раньше конца XVI в. Въ 1591 г. русскіе послы предъявляютъ — кажется, въ первый разъ—требованіе польскому королю писать „великаго государя нашего, царя и великаго князя Федора Ивановича“ — „всея Руссіи самодержцемъ“. *Б. Савва*, Московскіе цари и византійскіе васильевсы, стр. 342 и сл.

а не бояре и вельможи. Како же и самодержецъ наречется, *аще не самъ строитъ?* Имѣю нужду въ милости Божіей.., наставленія человѣческаго не требую".

Та же мысль повторяется въ посланіи Грознаго къ Сигизмунду Августу Польскому: „Нашихъ великихъ государей всякое *царское самодержавство* не какъ ваше *убогое королевство*; ибо великимъ государямъ не указываетъ никто, а тебѣ твои панове, какъ хотятъ, такъ и укажутъ".

Допустимъ, однако, что во времена Ивана III и въ ближайшую къ нему эпоху титулъ „самодержавный", прилагаемый къ великому князю и царю, дѣйствительно, означалъ международную его независимость сначала „отъ татарскаго, а затѣмъ и отъ польскаго ига". Во всякомъ случаѣ, такое пониманіе самодержавія, *какъ царскаго титула*, могло быть удерживаемо только до тѣхъ поръ, пока отношеніе царя къ государству имѣло исключительно или преимущественно *вотчинный* характеръ. Въ до-петровскую эпоху международная независимость государства могла быть разсматриваема, какъ международная независимость царя.

Въ императорскій періодъ самодержавіе, какъ международная независимость, могло бы характеризовать Россію, какъ суверенное государство, но ни въ какомъ случаѣ не монарха, какъ верховный органъ государственной власти.

В. М. Нечаевъ ссылается на Сперанскаго, будто бы утверждающаго, что и въ сводѣ законовъ слово „самодержавіе" имѣетъ два различныхъ смысла,—а именно, указываетъ и на внѣшнюю, международную независимость, и на внутреннюю неограниченность власти монарха.

Ссылка эта ошибочна по существу.

В. М. Нечаевъ введенъ въ заблужденіе Н. И. Лазаревскимъ, неправильно передавшимъ относящіяся къ разсматриваемому вопросу слова Сперанскаго [1]).

Въ своемъ „Руководствѣ къ познанію законовъ" гр. Сперанскій пишетъ:

„Слово: „самодержавіе" имѣетъ два разные смысла. *Когда оно прилагается къ государству*, то оно означаетъ независимость государства отъ всякой посторонней власти. Въ семъ смыслѣ всѣ государства независимыя могутъ быть

---

[1]) *Н. И. Лазаревскій*, ст., „Самодержавіе" въ Энц. Словарѣ Брокгауза и Ефрона, полут. 56, стр. 206.

названы государствами самодержавными. *Когда оно прилагается къ особѣ Государя*, то оно означаетъ соединеніе всѣхъ стихій державнаго права во всей полнотѣ ихъ, безъ всякаго участія и раздѣленія. Посему всѣ государи въ чистыхъ (*т. е. абсолютныхъ*) монархіяхъ могли бы именоваться „самодержцами“ [1]).

Мы процитировали подлинныя слова Сперанскаго, такъ какъ мнѣніе его, какъ автора свода законовъ, имѣетъ самое серьезное значеніе при уясненіи терминологіи, принятой сводомъ. Очевидно, по мысли Сперанскаго, „самодержавіе“ въ 1-й ст. основныхъ законовъ, какъ прилагаемое къ особѣ Государя, не имѣетъ и не можетъ имѣть иного значенія, кромѣ абсолютизма, или неограниченности императорской власти. По словамъ Сперанскаго, титулъ самодержца означаетъ не только власть верховную, но и власть отъ всякой другой власти, какъ то, отъ сейма или внутренняго какого-либо установленія, независимую [2]).

Мы могли бы, конечно, на этомъ остановиться; но для того, чтобы опредѣлить точнѣе, что именно понимаетъ подъ самодержавною властью ст. 1 нашихъ основныхъ законовъ, необходимо обратиться къ источникамъ, цитируемымъ въ самомъ сводѣ подъ этой статьей.

Источники эти неопровержимо доказываютъ, что существеннымъ моментомъ въ понятіи самодержавія является, именно неограниченность или абсолютизмъ монархической власти. Въ этомъ смыслѣ классическую характеристику самодержавія даютъ воинскіе артикулы Петра Великаго (арт. 20), на которыя ссылается и 1-я статья основныхъ законовъ: „Ибо его Величество есть *самовластный* монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣта дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій Государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять„ [3]).

---

[1]) *Графъ Сперанскій*, Руководство къ познанію законовъ (1845), стр. 50.

[2]) Тамъ же, стр. 56.

[3]) Нѣмецкій текстъ арт. 20, напечатанный въ Полномъ Собраніи Законовъ параллельно съ русскимъ, гласитъ: „Denn Seine Majestät sind ein souveräner Monarch, der Niemanden auf Erden von Seinen Verrichtungen Rede und Antwort geben darf, sondern Macht und Gewalt haben, Dero Reich und Länder als ein christlicher Potentat nach eigenem Willen und Gutdünken zu regieren“ (1-е П. С. З. т. V, № 3006).

Ст. 1-я осн. зак. ссылается еще на манифестъ о вступленіи на престолъ Анны Іоанновны 28 февраля 1730 г. Изорвавъ, по настоянію гвардіи и дворянъ, ограничивавшіе ея власть знаменитые „пункты", Анна Іоанновна объясняетъ свой образъ дѣйствій слѣдующими словами: „Но понеже потомъ вѣрные наши подданные всѣ единогласно насъ просили, дабы мы Самодержавство въ нашей Россійской Имперіи воспріять соизволили..., мы то самодержавство воспріять соизволили".

Порвать „пункты", — значитъ воспріять самодержавіе. Нужно ли послѣ этого доказывать, что самодержавіе и неограниченность власти—синонимы?

Первая статья основныхъ законовъ не ссылается почему то на законодательство екатерининскихъ временъ. В. М. Нечаевъ полагаетъ, что еще въ актахъ Имп. Екатерины терминъ „самодержавіе" употребляется въ смыслѣ международной независимости императорской власти. Такъ ли это? Сошлемся на знаменитую 9 ст. екатерининскаго наказа: „Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, какъ соединенная въ его особѣ власть, не можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ толь великаго государства [1]).

Въ составленномъ преимущественно на основаніи екатерининскаго законодательства оффиціальномъ „Систематическомъ сводѣ существующихъ законовъ Россійской Имперіи" (1815) первая статья редактирована слѣдующимъ образомъ: „Самодержавный Государь есть источникъ всякой государственной и гражданской власти".

Возвращаясь къ своду законовъ, предвидимъ одно возраженіе. Если самодержавіе и ограниченность — синонимъ, почему 1-ая ст. основныхъ законовъ называетъ Императора всероссійскимъ монархомъ самодержавнымъ *и* неограниченнымъ? Это возраженіе и дѣлается В. М. Нечаевымъ. По его мнѣнію, едва ли нужно говорить (какая увѣренность!), что слово „самодержавный" употребляется въ первой статьѣ въ смыслѣ внѣшняго верховенства государя, иначе употребленіе слова „самодержавный" рядомъ со словомъ „неограниченный" не имѣло бы смысла.

Дѣло, однако, въ томъ, что источникамъ нашего права терминъ „неограниченный" неизвѣстенъ; впервые онъ упо-

---

[1]) Ср. ст.ст. 10, 148 и 149 Наказа.

требленъ, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ германской терминологіи, закономъ 5 апрѣля 1797 г. объ учрежденіи Императорской фамиліи, послужившимъ, въ числѣ прочихъ законовъ, указанныхъ выше, источникомъ 1-ой ст. осн. зак. Здѣсь „царствующій" называется „неограниченнымъ самодержцемъ", причемъ такое наименованіе его является очевидной тавтологіей,—и только.

Что понятіе „неограниченный" ничего новаго къ понятію „самодержавный" не прибавляетъ, можно видѣть, хотя бы, изъ сопоставленія первой статьи осн. зак. со второй.

Послѣдняя гласитъ: „Та же власть верховная и самодержавная принадлежитъ и Императрицѣ, когда наслѣдство престола въ порядкѣ, для сего установленномъ, дойдетъ до лица женскаго пола". Само собою разумѣется, что власть Императрицы въ указанномъ случаѣ ничѣмъ не отличается отъ власти Императора: это—та же власть. Между тѣмъ, въ характеристикѣ этой власти моментъ „неограниченности" отсутствуетъ вовсе,—очевидно, потому, что, на ряду съ моментомъ самодержавія, онъ представляется излишнимъ.

Итакъ, послѣ сказаннаго можно, кажется, считать установленнымъ, что, по смыслу нашего дѣйствующаго права, самодержавіе и неограниченность власти—синонимы.

Говоря точнѣе, самодержавіе и неограниченность власти характеризуютъ два различныхъ момента одного и того же понятія,—понятія королевскаго абсолютизма: самодержавіе — моментъ положительный — полноту власти монарха; неограниченность—моментъ отрицательный — отсутствіе представительнаго учрежденія, раздѣляющаго эту власть съ монархомъ. Во всякомъ случаѣ, гдѣ неограниченность, тамъ и самодержавіе власти; ограниченная власть не можетъ быть самодержавной. Поскольку манифестъ 17 октября устанавливаетъ принципъ ограниченности, постольку онъ отрицаетъ принципъ самодержавія власти. „Ограниченный" монархъ *не имѣетъ права* на титулъ самодержца.

Ограничиваетъ ли, однако, манифестъ 17 октября Императорскую власть?

III.

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо выяснить и установить понятіе конституціоннаго ограниченія королевской власти.

„Ограниченіе“ власти монарха можетъ быть двоякаго рода,—*формальнымъ* и *матеріальнымъ*.

Подъ формальнымъ мы понимаемъ такое ограниченіе, которое касается исключительно *формы* волеизъявленій монарха; матеріальное ограниченіе касается *содержанія* такихъ волеизъявленій.

Формальное ограниченіе имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ устанавливаетъ обязательную для монарха форму изданія законовъ. *Всякая* воля монарха можетъ стать содержаніемъ закона: voluntas regis suprema lex esto. Но для того, чтобы стать закономъ, волеизъявленіе монарха должно пройти опредѣленныя стадіи законодательнаго пути, вылиться въ форму, опредѣленную закономъ. Ст. 50 осн. зак. устанавливаетъ формальное ограниченіе монархической власти, ибо, согласно этой статьѣ, всѣ предначертанія законовъ должны быть разсматриваемы въ Государственномъ Совѣтѣ. Такое же ограниченіе — въ болѣе категорической формѣ — устанавливается закономъ 6 іюня объ устраненіи отступленій въ порядкѣ изданія законовъ. Оставляя за Государственнымъ Совѣтомъ обсужденіе новыхъ законовъ, не исключая и временныхъ правилъ, имѣющихъ значеніе закона, а также обсужденіе предположеній, касающихся измѣненія, дополненія, пріостановленія дѣйствія, отмѣны и аутентическаго истолкованія дѣйствующихъ законовъ, законъ 6 іюня возлагаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, на обязанность Правительствующаго Сената не разрѣшать обнародованія законодательныхъ постановленій, если порядокъ ихъ изданія не соотвѣтствуетъ правиламъ основныхъ государственныхъ законовъ.

Наконецъ, такой же характеръ формальнаго ограниченія власти монарха имѣетъ законъ 6 августа о Государственной Думѣ. И этотъ законъ не ставитъ самодержавной власти никакихъ *матеріальныхъ* границъ.

Мнѣніе Государственной Думы не обязательно для монарха; воля монарха—*всякая* его воля — законъ. Дѣйстви-

тельность закона обусловлена предварительнымъ его обсужденіемъ—и только обсужденіемъ—въ Государственной Думѣ. Подобно Государственному Совѣту, Государственная Дума *свободу рѣшенія* оставляетъ вполнѣ и безусловно за монархомъ.

Само собою разумѣется, что формальныя ограниченія указаннаго типа не колеблютъ принципа неограниченной, самодержавной власти. *Essentiale* самодержавія—матеріальная неограниченность волеизъявленій монарха. Самодержецъ—тотъ, кто можетъ все, что ему угодно, приказать, хотя бы и не всякимъ, какимъ ему угодно, способомъ. Самодержецъ—тотъ, кто не дѣлитъ ни съ кѣмъ своей *власти*, кто „самъ строитъ".

Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что формальное ограниченіе власти, наряду съ матеріальной неограниченностью ея, является логическимъ contradictio in adjecto. Въ самомъ дѣлѣ, какъ быть, если нарушеніе *формы* составляетъ *содержаніе* воли монарха? Опытъ доказываетъ совершенную тщетность формальнаго ограниченія самодержавной власти. У насъ въ Россіи законы сплошь и рядомъ издавались—и до, и послѣ 6 іюня—помимо Государственнаго Совѣта; они издавались бы и помимо Государственной Думы, если бы законъ 6 августа сталъ совершившимся фактомъ.

Матеріальное ограниченіе власти монарха необходимо предполагаетъ участіе народнаго представительства въ осуществленіи законодательной власти. Ограниченный конституціей, или, другими словами, конституціонный монархъ не можетъ „всего желать", ибо содержаніе закона опредѣляется соглашеніемъ между народнымъ представительствомъ и монархомъ. Нѣтъ соглашенія—нѣтъ закона; воля монарха, поскольку она не совпадаетъ съ волею народнаго представительства, лишена значенія и силы закона.

Коституціонный режимъ покоится на слѣдующемъ принципѣ: ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ иначе, какъ съ согласія народнаго представительства. Гдѣ этотъ принципъ установленъ въ законодательномъ порядкѣ, тамъ неограниченной *или* самодержавной власти монарха нѣтъ и не можетъ быть мѣста.

Этотъ принципъ установленъ манифестомъ 17 октября; съ этого дня неограниченной или самодержавной власти *de jure* на Руси не существуетъ.

Манифестъ 17 октября *октроируетъ* Россіи конституціонный принципъ. Какъ всякая октроированная конституція, манифестъ *формально* является выраженіемъ „доброй воли и добраго обѣщанія" государя; но эта воля и это обѣщаніе таковы, что *легальнымъ образомъ* они не могутъ быть взяты государемъ обратно [1]). Манифестъ могъ быть установленъ волеизъявленіемъ монарха, ибо *въ моментъ его изданія* монархъ былъ самодержцемъ. Онъ не можетъ быть отмѣненъ волеизъявленіемъ монарха, ибо *съ момента его изданія* самодержца въ Россіи не существуетъ.

Конечно, Высочайшія повелѣнія въ порядкѣ управленія могутъ быть издаваемы и послѣ манифеста 17 октября; такія повелѣнія не могутъ, однако, отмѣнить законовъ, установленныхъ самодержцемъ, какъ органомъ верховной законодательной власти; а тѣмъ болѣе они не могутъ отмѣнить *основныхъ* законовъ, опредѣляющихъ порядокъ и способъ изданія законовъ на будущее время.

В. М. Нечаевъ проводитъ аналогію между октроированіемъ манифеста 17 октября и частноправнымъ институтомъ даренія; неотъемлемость манифеста онъ выводитъ изъ частноправнаго принципа: „donner et retenir ne vaut". Мы противъ аналогій между публично и частноправными институтами, вообще; такія аналогіи, всегда несодержательныя, скользятъ по поверхности, не проникая вглубь сопоставляемыхъ институтовъ.

Дарованіе монархомъ конституціи можетъ быть сравниваемо развѣ только съ отреченіемъ монарха отъ престола. Отреченіе отъ престола всегда является актомъ „доброй воли" монарха. Однако, отреченіе это не можетъ быть взято обратно, потому что, разъ оно состоялось, то лицо, которое было монархомъ, перестаетъ быть таковымъ. Воля бывшаго монарха: „хочу снова быть монархомъ", будучи волею частнаго лица, не можетъ, какъ таковая, имѣетъ юридическихъ послѣдствій.

Дарованіе конституціи—или, что тоже, установленіе конституціонаго начала—съ юридической точки зрѣнія можетъ

---

[1]) Ср., напр., введеніе къ конст. в.—г. Баденъ 22 авг. 1818 г.: „Проникнутые искреннимъ желаніемъ укрѣпить узы взаимнаго довѣрія между нами и нашимъ народомъ..., мы *даровали* нижеслѣдующій конституціонный актъ и торжественно *обѣщаемъ* за насъ и за нашихъ наслѣдниковъ вѣрно и по совѣсти исполнять его и принуждать къ исполненію его другихъ".

быть разсматриваемо, какъ переходъ верховной законодательной власти отъ одного субъекта—абсолютнаго короля—къ другому—„королю въ парламентѣ". Только „король въ парламентѣ" можетъ измѣнить или отмѣнить конституцію; бывшій самодержецъ, оставаясь монархомъ, перестаетъ быть законодателемъ.

Манифестъ 17 октября возвѣщаетъ „непреклонную волю самодержца установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы".

Непреклонная воля самодержца есть законъ; выполненіе этого закона, возложенное на правительство, для послѣдняго обязательно. Другими словами, правительство обязано принять мѣры къ созыву Государственной Думы и воздержаться отъ проектированія, впредь до такого созыва, какихъ бы то ни было законодательныхъ мѣропріятій. „Временныя правила", издаваемыя правительствомъ („королемъ въ кабинетѣ") въ видахъ созыва Государственной Думы, не будучи закономъ, не имѣютъ значенія и силы закона; они пріобрѣтутъ такое значеніе и такую силу только въ томъ случаѣ, если впослѣдствіи получатъ „одобреніе" Государственной Думы. Съ юридической точки зрѣнія, „законы", издаваемые нынѣ правительствомъ, имѣютъ такое же значеніе, какое присуще, по нѣкоторымъ конституціямъ, такъ наз. „временнымъ законамъ", издаваемымъ въ исключительныхъ случаяхъ правительствомъ во время перерыва между сессіями парламента. Такіе законы, во всякомъ случаѣ, не стоятъ въ противорѣчіи съ принципомъ ограниченности монархической власти [1]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что манифестъ 17 октября вводитъ конституціонное начало въ новое государственное право Россіи; это начало формулировано въ п. 3 манифеста. И если бы все содержаніе манифеста исчерпывалось *только* этимъ пунктомъ,—и тогда мы должны были бы признать

---

[1]) Ср. ст. 25 *датской* конст. 1849—1866 г.г.: „Въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, король имѣетъ право, въ перерывѣ между сессіями ригсдага, издавать временные законы, которые, однако, ни въ какомъ случаѣ не должны противорѣчить конституціи и всегда должны быть вносимы въ ригсдагъ въ ближайшую сессію". Срв. *норвежскую* конст. 1814 г. ст. 17.

что въ Россіи *есть* конституція и, *слѣдовательно*, нѣтъ самодержавія и не можетъ его быть.

IV.

Вопросъ о томъ, упраздняется ли самодержавіе манифестомъ 17 октября, представляетъ не только теоретическій интересъ: онъ имѣетъ огромное практическое значеніе.

Самодержавіе — это символъ, символъ политическаго міровоззрѣнія, дорогого однимъ и ненавистнаго другимъ; символъ политическаго строя, безповоротно отошедшаго въ вѣчность.

Для враговъ политическаго обновленія Россіи, для „истинно-русскихъ людей", самодержавіе—боевой кличъ, лозунгъ реакціи. Самодержавіе — красное знамя контръ-революціи, знамя тѣхъ черныхъ тысячъ, которыя поднимаются походомъ, во имя старой, противъ новой Россіи. Вырвать изъ ихъ рукъ это знамя—значитъ облегчить освободительному движенію окончательное торжество. До тѣхъ поръ, пока оно развѣвается надъ крѣпостью бюрократической Россіи, мы не можемъ быть спокойны, не можемъ быть увѣрены въ побѣдѣ.

И для насъ самодержавіе символъ—символъ всего нашего мрачнаго прошлаго, вѣковаго гнета, тяготѣвшаго и еще тяготѣющаго надъ несчастной страной. И когда мы возстаемъ противъ этого символа, мы возстаемъ противъ бюрократической опричины и гражданскаго рабства, противъ позора нашихъ внѣшнихъ пораженій и еще большаго позора нашихъ внутреннихъ побѣдъ. И когда мы ненавидимъ этотъ символъ,—мы ненавидимъ Мукденъ и Цусиму, Шлиссельбургъ и Петропавловскую крѣпость, разнузданную свободу кулака и оковы, наложенныя на мысль и на слово.

И если, дѣйствительно, въ день 17 октября заложенъ былъ первый камень народной свободы,—этотъ камень будетъ—онъ долженъ быть могильной плитой надъ старымъ самодержавнымъ режимомъ.

Влад. Гессенъ.

Земельная реформа и крестьяне-арендаторы.

Крестьянскія волненія истекшаго года поставили повсемѣстно съ небывалой остротой вопросъ о земельной реформѣ. Вотъ уже цѣлый годъ, какъ въ литературѣ, въ земскихъ собраніяхъ, на разнаго рода съѣздахъ и совѣщаніяхъ, на многолюдныхъ митингахъ и въ небольшихъ комиссіяхъ оживленно обсуждаются основы предстоящихъ преобразованій. Несправедливо утверждать, чтобы дебаты эти были безплодны. Они привели уже къ весьма цѣннымъ результатамъ. Ими ясно намѣчены основныя черты стоящей передъ нами проблемы: недостаточность запаса государственныхъ земель для борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ; безплодность попытокъ найти выходъ изъ кризиса въ реорганизаціи переселенческаго дѣла; невозможность обойтись однимъ подъемомъ сельско-хозяйственной техники безъ прибавки крестьянамъ новыхъ земель; непригодность начала свободной мобилизаціи для удовлетворенія нужды крестьянства въ землѣ; необходимость признать за государствомъ право на принудительный выкупъ земель, не обрабатываемыхъ личнымъ трудомъ, для передачи ихъ въ руки трудового крестьянства. Идея принудительнаго выкупа частновладѣльческихъ земель, которая такъ еще недавно была чужда широкимъ слоямъ русскаго общества, за это время глубоко пустила корни даже въ кругахъ, непосредственно заинтересованныхъ въ сохраненіи частной земельной собственности. Этого не должны забывать тѣ, кто осуждаетъ пережитую нами эпоху за отвлеченно-принципіальный характеръ постановки вопросовъ, за малое вниманіе къ разработкѣ практическаго проекта реформъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя не согласиться, что настало время перейти къ обсужденію болѣе конкретныхъ плановъ преобразованій;

нельзя не привѣтствовать тѣхъ попытокъ, которыя дѣлаются въ этомъ направленіи.

Среди вопросовъ, требующихъ болѣе точной формулировки, однимъ изъ наиболѣе важныхъ является, на какія земли частныхъ владѣльцевъ должно быть обращено право принудительнаго отчужденія. Въ этой области идутъ сейчасъ напряженные споры не только между политическими партіями, но даже въ предѣлахъ партій. На второмъ съѣздѣ конституціоналистовъ-демократовъ, напримѣръ, разногласіе по этому вопросу выразилось въ весьма рѣзкой формѣ. Одна группа проводила взглядъ, что отчужденію можетъ подлежать вся земля, не обрабатываемая личнымъ трудомъ владѣльца и его семьи. Противъ этихъ послѣдовательныхъ защитниковъ трудового начала выдвигалось мнѣніе, что повсемѣстному принудительному отчужденію подлежатъ лишь земли, сдаваемыя въ аренду или обрабатываемыя крестьянскимъ инвентаремъ; земли же, на которыхъ собственникъ ведетъ хозяйство, хотя бы и съ помощью наемнаго труда, могутъ быть отчуждаемы не иначе, какъ въ случаѣ крайней необходимости, и притомъ лишь, если хозяйство стоитъ не выше крестьянскаго; имѣнія съ болѣе высокой культурой отчужденію подлежать не должны. Присоединяясь всецѣло къ сторонникамъ трудового землевладѣнія, я, тѣмъ не менѣе, готовъ былъ бы примириться съ нѣкоторыми исключеніями въ пользу «образцовыхъ» имѣній: передавать землю безъ крайней нужды изъ рукъ Стебутовъ и Шатиловыхъ въ неумѣлыя крестьянскія руки, безспорно, не вполнѣ цѣлесообразно; пока совмѣстное хозяйство съ опытными агрономами въ роли руководителей остается въ области миѳовъ, ущербъ для народнаго производства врядъ ли выкупался бы выгодами соціальными. Поскольку неизбѣжны компромиссы съ собственниками земли, уступки въ этомъ направленіи представляются мнѣ болѣе или менѣе пріемлемыми даже съ принципіальной точки зрѣнія. Но ни съ точки зрѣнія принципіальной, ни съ точки зрѣнія тактической я не могу признать раціональною мысль обратить подъ дополнительные надѣлы преимущественно земли, сдающіяся нынѣ въ аренду.

Мысль воспользоваться, въ первую очередь, для отвода дополнительныхъ надѣловъ землями, сдающимися въ аренду, допускаетъ двѣ формы. Первоначально, въ проектахъ проф.

А. А. Мануилова, развитыхъ имъ, между прочимъ, на аграрномъ совѣщаніи въ Москвѣ въ апрѣлѣ 1905 года, предполагалось, повидимому, что сдающіяся въ аренду земли должны быть отчуждаемы въ пользу тѣхъ лицъ, которыя ихъ снимаютъ и ведутъ на нихъ хозяйство. Другую форму того же плана представляетъ передача земель, сдаваемыхъ въ аренду, въ государственный земельный фондъ съ тѣмъ, чтобы дальнѣйшее распредѣленіе ихъ между всѣми малоземельными крестьянами происходило независимо отъ того, кто снималъ эти земли ранѣе въ аренду. Эти два варіанта основной мысли настолько различны по своему политическому и экономическому содержанію, что должны быть разсмотрѣны отдѣльно.

Планъ принудительнаго отчужденія арендуемыхъ земель въ пользу съемщиковъ не вызываетъ принципіальныхъ возраженій. Но въ этой формѣ мысль обратить право принудительнаго выкупа прежде всего на земли, сдающіяся въ аренду, утрачиваетъ, если продумать ее до конца, свое политическое и агитаціонное значеніе. Арендуемыя земли выдвигаются на первую очередь ради того, чтобы ослабить оппозицію землевладѣльцевъ противъ самой идеи принудительнаго выкупа; предполагается, что, разъ принудительное отчужденіе обратится по преимуществу на земли, и безъ того не входящія въ собственное хозяйство землевладѣльца, то замѣна дохода отъ сдачи земли доходомъ въ видѣ государственной ренты оставитъ собственника земли довольно равнодушнымъ, и принципъ принудительнаго выкупа не встрѣтитъ такого противодѣйствія, какъ можно было бы иначе опасаться. Но если закрѣплять выкупаемыя земли за съемщикомъ, то ограничиться выкупомъ земель, сдающихся въ аренду, будетъ невозможно, какъ бы низко мы ни нормировали размѣры, до которыхъ предполагается доводить надѣлъ малоземельныхъ крестьянъ. Дѣло въ томъ, что внѣнадѣльная аренда распредѣляется крайне неравномѣрно. Правда, арендуемая земля сосредоточивается преимущественно въ рукахъ малоземельныхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, и притомъ, чѣмъ болѣе обдѣлена землею община, тѣмъ въ большей мѣрѣ прибѣгаютъ ея члены къ съему земли на сторонѣ. Но въ предѣлахъ общины снимаемыя въ аренду внѣнадѣльныя земли распредѣляются отнюдь не по степени нужды въ землѣ отдѣльныхъ хозяйствъ.

Онѣ, напротивъ, сосредоточиваются въ рукахъ наиболѣе сильныхъ, т. е. въ большинствѣ случаевъ сравнительно многоземельныхъ дворовъ. Степени этой концентраціи арендъ не слѣдуетъ преувеличивать: снимаемые участки рѣдко выходятъ за предѣлы рабочей площади (Arbeitsfläche), даже если присоединить къ нимъ и надѣльную землю двора. Но, тѣмъ не менѣе, арендуемая земля все же прибирается къ рукамъ лишь частью крестьянъ, а не распредѣляется между всѣми равномѣрно, и значительная доля крестьянства ничего не выиграетъ отъ реформы, если ограничиться выкупомъ арендуемыхъ земель въ пользу съемщиковъ. Отказать въ дополнительномъ надѣлѣ этой группѣ крестьянъ, острѣе другихъ угнетаемой современнымъ малоземельемъ, не позволятъ ни принципіальныя, ни политическія соображенія. Чтобы удовлетворить ее, волей-неволей придется привлекать помѣщичьи земли, въ аренду не сдаваемыя. Правда, часть крестьянъ уже не будетъ нуждаться въ дополнительномъ надѣлѣ, такъ какъ будетъ устроена за счетъ арендуемыхъ ею земель. Но общей площади земли, которая будетъ удержана собственниками, этотъ планъ не увеличитъ. Онъ лишь указываетъ землевладѣльцамъ въ видѣ утѣшенія, что часть земель, которая отойдетъ отъ нихъ при реформѣ, и сейчасъ фактически не входитъ въ ихъ хозяйство. Только въ этомъ планъ и идетъ на встрѣчу землевладѣльцамъ; реальныхъ выгодъ онъ имъ не сулитъ. Что касается крестьянскихъ интересовъ, то для съемщиковъ было бы, быть можетъ, выгоднѣе повременить съ выкупомъ арендуемыхъ участковъ. Путемъ раціональнаго арендного законодательства ихъ интересы могли бы быть, на мой взглядъ, ограждены болѣе цѣлесообразно. Въ ближайшіе годы слѣдуетъ, несомнѣнно, ожидать паденія земельныхъ цѣнъ. Съ одной стороны, торговый договоръ съ Германіей неизбѣжно уронитъ на внутреннемъ рынкѣ цѣны на сельско-хозяйственные продукты. Съ другой стороны, новыя условія классовой борьбы, которыя, можно надѣяться, установятся въ русской деревнѣ послѣ политическаго обновленія страны, сдѣлаютъ невозможной ту степень эксплуатаціи труда, на которой покоятся безумно высокія арендныя цѣны и низкая заработная плата настоящаго времени. Если же дѣло политическаго преобразованія задержится, то деревня обречена на затяжную неурядицу, такъ какъ нагайками и пулеметами порядка

въ ней не водворить. Между тѣмъ годъ, другой, подобные истекшему, приведутъ неизбѣжно къ полному обезцѣненію земельной собственности. И въ томъ и въ другомъ предположеніи, если не спѣшить, можно будетъ провести выкупъ съ меньшимъ напряженіемъ платежныхъ силъ съемщиковъ. Для настоящей же минуты достаточно было бы обезпечить съемщикамъ длительное пользованіе и принять мѣры противъ ростовщическихъ арендныхъ платъ.

Поскольку, слѣдовательно, выкупаемыя земли не предполагается отбирать у съемщиковъ и подвергать «черному передѣлу» между всѣми малоземельными крестьянами, я не выдвигаю принципіальныхъ возраженій противъ мысли развязать прежде всего отношенія между собственниками земли и ея арендаторами путемъ принудительнаго выкупа арендуемыхъ участковъ. Я сомнѣваюсь лишь въ выгодности этого плана для съемщиковъ; я опасаюсь, какъ бы осуществленіе этой мысли не переложило убытковъ отъ предстоящаго паденія земельной ренты съ плечъ теперешнихъ собственниковъ земли на тѣхъ арендаторовъ, которымъ мы желаемъ помочь. Несравненно болѣе существенныя возраженія встрѣчаетъ проектъ обратить земли, сдающіяся нынѣ въ аренду, въ общій фондъ для отвода дополнительныхъ надѣловъ всѣмъ малоземельнымъ крестьянамъ.

Я уже указывалъ, что внѣнадѣльныя земли, снимаемыя крестьянами въ аренду, хотя и сосредоточиваются въ рукахъ лишь части крестьянства, но не въ такой степени, чтобы общая площадь хозяйства съемщиковъ часто превышала рабочія силы семьи. Предпринимательская аренда, покоящаяся на обработкѣ земли наемнымъ трудомъ, встрѣчается въ нашей деревнѣ лишь какъ рѣдкое исключеніе. Возможность споровъ о характерѣ крестьянскихъ арендъ—споровъ, которые съ такимъ оживленіемъ велись въ 90-хъ годахъ, во времена блаженной памяти конфликта марксизма съ народничествомъ—обусловливается въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что обѣ стороны не вполнѣ точно формулируютъ свои взгляды. Противопоставляя продовольственную аренду предпринимательской, забываютъ о третьемъ типѣ аренды, объ арендѣ рабочей, при которой хозяйство съемщика на своей и арендуемой землѣ выходитъ за предѣлы продовольственной площади, но покоится на личномъ трудѣ хозяина и его семьи. Аренда этого типа не можетъ быть отнесена

къ продовольственной, такъ какъ хозяйство работаетъ и на рынокъ; но нельзя видѣть здѣсь и предпринимательской капиталистической аренды, такъ какъ хозяйство съемщика продолжаетъ носить характеръ чисто трудового. Къ этой категоріи принадлежитъ, несомнѣнно, весьма значительная доля нашихъ крестьянъ-арендаторовъ. Аренды этого вида, занимая среднее положеніе между двумя другими типами, позволяли приводить фактическіе доводы, не лишенные убѣдительности, въ пользу взгляда, что значительная часть арендъ не преслѣдуетъ продовольственныхъ цѣлей. Если же выдѣлить рабочую аренду въ особую категорію, то врядъ ли окажется возможнымъ поддерживать хоть съ тѣнью правдоподобія мысль, что въ крестьянствѣ замѣтно распространена предпринимательская аренда. Анализъ массовыхъ данныхъ земскихъ переписей и непосредственныя впечатлѣнія лицъ, близко знающихъ деревню, сходятся въ оцѣнкѣ доли съемщиковъ, расширяющихъ свое хозяйство путемъ аренды за предѣлы работоспособности семьи: за исключеніемъ, быть можетъ, нѣкоторыхъ мѣстностей, стоящихъ въ особыхъ условіяхъ, она ничтожна. Какъ распредѣляются арендаторы между остальными двумя категоріями, опредѣлить сколько-нибудь точно мы не имѣемъ возможности: четверть ли случаевъ, половина или три четверти приходятся на долю рабочей аренды — утверждать я не взялся бы при современномъ состояніи статистической разработки вопроса. Несомнѣнно, однако, что оба типа аренды нерѣдки: много случаевъ встрѣчается такихъ, когда съемщику удается забрать въ свои руки больше земли, чѣмъ требовалось бы для покрытія продовольственныхъ нуждъ двора, но не меньше и такихъ, когда аренда еле-еле восполняетъ пищевые и кормовые дефициты надѣльнаго хозяйства.

Къ чему привело бы въ такихъ условіяхъ обращеніе арендуемыхъ земель въ общій фондъ для отвода надѣловъ всѣмъ малоземельнымъ крестьянамъ? Къ разрушенію тѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ, которымъ удалось безъ помощи государства въ тяжкихъ условіяхъ современной борьбы за существованіе въ русской деревнѣ подняться хоть немного надъ уровнемъ общей нищеты и недоѣданія. Всѣ трудовыя крестьянскія хозяйства, имѣющія земли болѣе той нормы, до которой будутъ доводиться надѣлы—скажемъ болѣе продовольственной площади,—будутъ вынуждены поступиться из-

лишками, иногда даже не въ пользу односельчанъ, а въ пользу крестьянъ сосѣднихъ деревень. Во имя чего же будутъ отбираться у нихъ земли? Если во имя защиты интересовъ помѣщика ради того, чтобы не трогать земли, отрабатываемой наемнымъ трудомъ, быть можетъ, этихъ самыхъ крестьянъ-арендаторовъ, то, я полагаю, что даже съ точки зрѣнія политической тактики такой планъ аграрной реформы совершенно несостоятеленъ. Идя на встрѣчу небольшой группѣ земельныхъ собственниковъ, онъ возстановляетъ противъ реформы всю массу арендаторовъ помѣщичьихъ земель. Каждаго друга-собственника—друга, сомнительной, притомъ, надежности, такъ какъ даже съ землей, сдающейся въ аренду, разставаться все же жалко — партія пріобрѣла бы цѣною вражды десятковъ трудовыхъ земледѣльцевъ. Она внесла бы разладъ въ крестьянскую среду и лишила бы крестьянское движеніе той силы, которую придаетъ ему въ настоящее время однородность интересовъ всего крестьянства. Что же касается принципіальной стороны вопроса, то врядъ ли даже есть необходимость останавливаться на ней: принципіальная оцѣнка, которую долженъ встрѣтить со стороны защитниковъ трудового землевладѣнія проектъ принести трудовыя крестьянскія хозяйства въ жертву неприкосновенности помѣщичьихъ хозяйствъ, покоящихся на наемномъ трудѣ, слишкомъ ясна.

Я высказываюсь, такимъ образомъ, рѣшительно противъ мысли наложить при аграрной реформѣ руку на земли, сдающіяся въ аренду, для отвода изъ нихъ дополнительныхъ надѣловъ малоземельнымъ крестьянамъ. Я отнюдь, разумѣется, не скрываю отъ себя, что въ извѣстныхъ случаяхъ нельзя будетъ обойтись безъ нарушенія правъ арендатора. Арендуемыя земли часто лежатъ въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ деревней. Не затрогивая ихъ, временами нельзя будетъ осуществить самый отводъ дополнительнаго надѣла. Нерѣдко, далѣе, крестьяне изъ отдаленныхъ деревень снимаютъ въ аренду земли, безусловно необходимыя для примыкающаго къ нимъ поселка. Порою, наконецъ, вовсе не будетъ возможности дать прирѣзку извѣстной общинѣ иначе, какъ за счетъ земель, снимаемыхъ крестьянами въ аренду. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, безспорно, интересъ малоземельнаго крестьянства, не имѣющаго въ своемъ распоряженіи земли даже въ предѣлахъ продовольственной

нормы, долженъ итти впереди интересовъ хозяйства арендаторскаго, хотя бы и трудового. Я настаиваю лишь на томъ, что интересы трудового хозяйства на арендуемой землѣ должны—безъ всякихъ ограниченій—итти впереди интересовъ собственника, обрабатывающаго свою землю наемнымъ трудомъ.

Планъ аграрной реформы, внесенный на второй съѣздъ конституціонно-демократической партіи, предлагая немедленное повсемѣстное отчужденіе земель, сдающихся въ аренду, дѣлаетъ, однако, одну оговорку: онъ распространяетъ и на хозяйства арендаторовъ принципъ неприкосновености «культурныхъ» хозяйствъ. Мысль прекрасная! Разъ творческой энергіи передовыхъ хозяевъ мы считаемъ нужнымъ оставить свободное поле приложенія, защитой долженъ пользоваться сельскій хозяинъ - арендаторъ въ той же мѣрѣ, какъ и собственникъ земли. Но останавливаться на этомъ нельзя. Мы должны уравнять съ собственникомъ земли не только крупнаго фермера-капиталиста, но также и арендатора-мужика, мы должны категорически распространить на арендуемыя земли и то начало, которое стоитъ въ нашихъ глазахъ выше принципа охраны «образцовыхъ» хозяйствъ—начало защиты трудового хозяйства. Этого требуетъ не доктринерская привязанность къ принципамъ; этого требуетъ и политическій тактъ.

А. А. Чупровъ.

Интеллигенція и освободительное движеніе [1]).

«Новѣйшая исторія русской культуры отмѣчена одной характерной особенностью, которую можно было бы назвать *раздвоенностью общественнаго сознанія*. У насъ существуетъ не одно, а два общественныхъ мнѣнія живущихъ совершенно самостоятельной жизнью и почти не считающихся одно съ другимъ. Это, съ одной стороны, инстинктивно вырабатываемое, питаемое текущими интересами и непосредственнымъ опытомъ жизни мнѣніе широкихъ слоевъ общества и народа и, съ другой стороны, — свободно развивающееся, руководимое идеальными запросами и теоретическимъ образованіемъ міровоззрѣніе духовнаго авангарда страны — интеллигенціи».

Мы позволили себѣ начать съ этой выдержки изъ статьи, написанной нами совмѣстно съ П. Б. Струве, [2])

---

[1]) Въ № 6 „*Полярной Звѣзды*“ помѣщена статья А. А. Кауфмана „Еще о самопознаніи“. Часть этой статьи посвящена отвѣту на возраженія, которыя были представлены мною по поводу тактическихъ соображеній, развитыхъ А. А. Кауфманомъ въ статьѣ „Познай самого себя“ (Пол. Звѣзда № 2). Мои сомнѣнія не вполнѣ разсѣяны указаніями уважаемаго автора, но я полагаю, что дальнѣйшую разработку затронутаго А. А. Кауфманомъ вопроса будетъ цѣлесообразнѣе вести не въ полемической формѣ, а путемъ обсужденія вопроса по существу. Въ предлагаемой статьѣ я пытаюсь намѣтить нѣкоторыя основныя теоретическія положенія, которыя, на мой взглядъ, необходимо имѣть въ виду при выработкѣ правильной политической тактики.

[2]) *П. Струве и С. Франкъ*. Очерки философіи культуры. 1. Что такое культура? „*Полярная Звѣзда*“ № 2.

потому что въ ней отмѣченъ культурно - психологическій фактъ, въ которомъ, по нашему мнѣнію, таится одна изъ сильнѣйшихъ опасностей для успѣха освободительнаго движенія и который образуетъ источникъ самыхъ мучительныхъ и острыхъ конфликтовъ и недоумѣній, переживаемыхъ въ настоящее время освободительнымъ общественнымъ мнѣніемъ.

Это раздвоенность русскаго общественнаго сознанія, эта пропасть, отдѣляющая идейную интеллигенцію отъ широкихъ слоевъ общества и народа, никогда не ощущалась съ такой рѣжущей и болѣзненной остротой, какъ въ наши дни, когда вся жизнь завертѣлась въ бурномъ политическомъ вихрѣ. Обособленность интеллигенціи отъ народа стала теперь роковой проблемой, которую политикъ долженъ такъ или иначе разрѣшить *практически*, подъ угрозой крушенія всего его дѣла. Факту этой раздвоенности противостоитъ *требованіе* созданія объединеннаго общенаціональнаго освободительнаго движенія. Какъ ни великъ и могучъ потокъ этого движенія—онъ грозитъ ежеминутно разлиться на множество рукавовъ и ручейковъ, которые можетъ всосать въ себя необозримая тягучая трясина стараго порядка. Душа народа должна найти и осознать себя. Демократическое движеніе должно быть введено въ единое русло, которое прямымъ путемъ приведетъ его къ желанной цѣли. Можно сказать, что разрѣшеніе *этой* задачи образуетъ главную и основную тактическую проблему политической оппозиціи. Чѣмъ можно преодолѣть нынѣшнюю раздвоенность общественнаго сознанія? Какъ спаять въ одно духовное цѣлое интеллигенцію и народныя массы?

Но прежде, чѣмъ искать отвѣтъ на этотъ вопросъ, надо внимательно и серьезно продумать причины и особенности указаннаго разлада.

Въ пылу политической борьбы не до спокойныхъ и

вдумчивыхъ размышленій. Борецъ меньше думаетъ о томъ, что есть, чѣмъ о томъ, что должно быть; мѣсто наблюденія и изученія занимаетъ оцѣнка, полемика, негодующее требованіе. И на нашихъ глазахъ двѣ Россіи — Россія интеллигентская и Россія народно-обывательская, — вмѣсто того, чтобы понять другъ друга и сблизиться между собой, начинаютъ критиковать одна другую, негодовать, осыпать взаимными упреками, грозя разойтись все дальше и дальше. Политическія направленія и партіи, представляющія эти двѣ Россіи и по существу имѣющія одинаковые интересы— вмѣсто того, чтобы быть союзниками, становятся почти врагами. Одни, имѣя въ виду Россію народно - обывательскую и исходя изъ желанія овладѣть ею и съ нею сблизиться, готовы отмахнуться отъ всѣхъ традицій и симпатій, образующихъ душу интеллигентской Россіи — ту душу, которая болѣе всего преграждаетъ доступъ къ широкимъ массамъ — и негодуютъ на доктринерство и нетерпимость интеллигенціи. Другіе, дорожа интеллигентскими традиціями и вѣрованіями, замыкаются отъ народно-обывательской Россіи и бросаютъ тѣмъ, кто хочетъ пойти ей навстрѣчу, упреки въ «буржуазности», «оппортюнизмѣ», «приспособляемости» и т. п.

Но прежде, чѣмъ негодовать и клеймить, все же необходимо вдуматься и разсудить. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ скороспѣлаго моральнаго суда, полезно стать, хотя бы на время, въ позицію безстрастнаго изслѣдователя и вооружиться великимъ девизомъ Спинозы: «Не плакать, не смѣяться, а понимать».

Теперь уже съ достаточной ясностью обнаружилось, что ни та, ни другая изъ враждующихъ фракцій не можетъ цѣликомъ отказаться отъ своей позиціи, не въ состояніи сдаться и безъ оговорокъ примкнуть къ противоположному лагерю. Для мыслящаго наблюдателя ясно, что въ этой плачевной коллизіи повинны не злая воля и не упрямство

и несообразительность отдѣльныхъ людей, а что источникъ ея глубоко коренится во всемъ психическомъ укладѣ русскаго общественнаго сознанія. Что безсмысленно негодовать на «буржуазность» и «оппортюнизмъ» широкихъ слоевъ народно-обывательской Россіи, что нелѣпо *предписывать свыше* обществу проникнуться соціалистическимъ и республиканскимъ идеаломъ и произвести соотвѣтствующій радикальной переворотъ, который удовлетворилъ бы своей законченностью абстрактныя моральныя упованія революціонной интеллигенціи—объ этомъ говорилось и писалось не разъ, объ этомъ—что еще важнѣе — громко и неотразимо вопіетъ вся исторія русской революціи послѣ 17-го октября, и мы считаемъ лишнимъ повторять еще разъ эти соображенія. Но, кажется, еще не была съ такою же опредѣленностью выяснена обратная сторона вопроса — именно аналогичная крѣпость и неразрушимость нѣкоторыхъ особенностей *интеллигентской Россіи* и, слѣдовательно, относительная безполезность и недостаточность моральнаго ея обличенія или интеллектуальнаго вразумленія.

Пониманію этой психологической неизбѣжности нѣкоторыхъ свойствъ революціонной интеллигенціи, которыя дѣлаютъ вопросъ о ея сближеніи съ народно-обывательской Россіей и о созданіи общенаціональнаго освободительнаго движенія столь острымъ и трудно разрѣшимымъ, мѣшалъ доселѣ, намъ думается, одинъ общераспространенный предразсудокъ. Русскій интеллигентъ считаетъ себя—въ этомъ его увѣрилъ Лавровъ—«критически мыслящей личностью», и многіе, смотрящіе на него со стороны, считаютъ его тѣмъ же. «Критически мыслящей личностью», какъ извѣстно, называется человѣкъ, который не зараженъ никакими предразсудками, не подчиненъ традиціямъ, владѣющимъ массами, и который вырабатываетъ свой идеалъ и опредѣляетъ свое поведеніе совершенно свободно, руководясь только критическими указаніями разума.

Эта ходячая, сама уже ставшая традиціей, раціоналистическая конструкція существа русскаго интеллигента чрезвычайно препятствуетъ уясненію реальной его природы и установленію здраваго, «критическаго» отношенія къ нему. Исходя изъ этой конструкціи, на интеллигента обыкновенно смотрятъ только, какъ на «героя», руководящаго «толпой», какъ на прирожденнаго политическаго *дѣятеля* и *вождя*. Съ этой точки зрѣнія совершенно естественно требованіе, чтобъ интеллигенція отказалась отъ своихъ ошибочныхъ и несостоятельныхъ пріемовъ, вдумалась въ сложность и трудность политической проблемы, подлежащей ея разрѣшенію и, какъ подобаетъ истинному вождю, опредѣлила свое поведеніе на основаніи свободнаго критическаго анализа дѣйствительныхъ потребностей жизни. Въ разладѣ между Россіей народно-обывательской и Россіей интеллигентской естественно признается виновной послѣдняя, какъ вообще всякій вождь виновенъ въ томъ, что между нимъ и руководимыми имъ элементами порвалась необходимая связь. Кажется очевиднымъ и безспорнымъ, что только бездарность, упрямство и нетерпимость вождя мѣшаетъ ему одуматься и дѣйствовать такъ, чтобъ сблизиться съ массой. Интеллигенція, этотъ вождь народа, должна чутко прислушаться къ психологіи народа, отказаться отъ своей исключительности, понять нужды жизни и удовлетворить ихъ. Вѣдь не Россія существуетъ для нея, а она—для Россіи, и если между нею и широкой массой не установилось прочное единеніе, то именно она должна переучиться и измѣнить свои пріемы, чтобъ осуществить то, что является ея прямой задачей.

Я не стану отрицать цѣлесообразности и плодотворности такого наставленія по адресу интеллигенціи — постольку, поскольку вообще нельзя отрицать законности и плодотворности всякой *проповѣди*, всякаго обращенія къ уму и сердцу слушателя съ критикой существующаго и съ

требованіемъ осуществленія лучшаго. Неопровержимая логика жизни, быть можетъ, больше всего будетъ содѣйствовать успѣху этой проповѣди и отвратитъ не одно сознаніе отъ старыхъ идей и привычекъ. Поскольку люди вообще способны переучиваться и перевоспитываться, русская интеллигенція также способна на это, и самый фактъ призыва имѣетъ уже серьезное психологическое значеніе и долженъ быть во всякомъ случаѣ привѣтствуемъ. За всѣмъ тѣмъ я склоненъ думать, что общая точка зрѣнія, лежащая въ основѣ такихъ призывовъ, по существу неправильна, ибо она состоитъ въ признаніи интеллигенціи *въ ея цѣломъ* «вождемъ» и совокупностью «критически мыслящихъ личностей».

Пора, наконецъ, признать, что это есть не болѣе, какъ старый предразсудокъ. Я думаю, можно съ полнымъ правомъ поддерживать парадоксальное, на первый взглядъ, утвержденіе, что *русская интеллигенція есть самый консервативный слой русскаго общества*, въ смыслѣ страстной и убѣжденной преданности цѣлому ряду традицій и «завѣтовъ старины». Этому нисколько не противорѣчитъ безспорный фактъ, что она революціонна: ибо она консервативна именно въ своемъ традиціонномъ революціонизмѣ.

Одно изъ характерныхъ отличій Россіи отъ Западной Европы состоитъ въ томъ, что въ Россіи почти нѣтъ консерватизма въ истинномъ смыслѣ слова. Есть привычка къ опредѣленному укладу жизни, есть традиціонная покорность всякому начальству, есть апатія и индифферентизмъ, есть отсутствіе критики—всѣ эти, въ болѣе широкомъ смыслѣ, «консервативныя» черты составляли до послѣдняго времени опору стараго порядка — но глубокой и убѣжденной вѣры въ святость и законность существующаго не было ни у кого. Истинный консерватизмъ возможенъ лишь при наличности извѣстной установившейся культуры, которую есть за что любить и уважать. Такой культуры, по крайней мѣрѣ

въ бытовыхъ условіяхъ жизни, въ Россіи до сихъ поръ нѣтъ. «Откуда же и взяться консерватизму на Руси?» — писалъ въ свое время умнѣйшій наблюдатель и знатокъ русской жизни, Тургеневъ — «не подойти же къ гнилому плетню и сказать: ты не плетень, а каменный домъ, къ которому я хочу пристраивать!» Традиціи русскаго народа, при всей ихъ силѣ, суть лишь *привычки*, а не *убѣжденія*, и всякое дѣйствительное убѣжденіе освобождаетъ его отъ привычки, идетъ вразрѣзъ съ жизнью, дѣлаетъ изъ него революціонера. Въ политикѣ, какъ и въ религіи, глубокая и страстная убѣжденность почти исключительно на сторонѣ протестующихъ, разошедшихся со старымъ укладомъ жизни, тогда какъ на сторонѣ защитниковъ устоевъ въ лучшемъ случаѣ неразмышляющая привычка, въ худшемъ—покорность только за страхъ, но не за совѣсть. Крѣпкихъ нравственныхъ устоевъ старый порядокъ никогда не имѣлъ и имѣть не могъ. Вотъ почему стоячая вода русской жизни могла такъ неожиданно превратиться въ бушующій океанъ. Выводъ, который Герценъ сдѣлалъ изъ сравненія русской жизни съ западноевропейской,—именно, что русская жизнь не связана прочными традиціями, что въ ней нѣтъ мѣщанства и консерватизма,—этотъ выводъ до сихъ поръ остается въ силѣ.

За однимъ, впрочемъ, исключеніемъ. Въ пустынѣ русской жизни образовался лишь одинъ культурный оазисъ, и этотъ оазисъ оказался вмѣстѣ съ тѣмъ разсадникомъ консерватизма. Мы имѣемъ въ виду русскую интеллигенцію. Интеллигенція, съ тѣми ея бытовыми и духовными особенностями, которыя намъ всѣмъ такъ хорошо извѣстны и которыя въ той или иной мѣрѣ составляютъ неотъемлемую часть души каждаго изъ насъ, сложилась лишь въ 60-хъ годахъ. Традиціи ея не имѣютъ за собой многовѣковой исторіи—и тѣмъ не менѣе онѣ обладаютъ поразительной интенсивностью и силой. Мѣнялись ученія, мѣнялись вожди, съ быстротой,

возможной лишь въ Россіи, свергались только что освященные авторитеты, но духовный складъ разночинца-интеллигента оставался неизмѣннымъ, съ каждымъ днемъ становился все болѣе устойчивымъ и неподвижнымъ, съ каждымъ днемъ привязывался все болѣе страстно и безотчетно къ своей морали, къ своему быту, къ своимъ традиціямъ. Аскетизмъ въ личной жизни, утилитарная мораль въ сферѣ общественной, традиціонный атеизмъ и матеріализмъ въ области религіи и философіи, и, главное, непримиримый радикализмъ, рѣшительный разрывъ съ широкими общественными кругами во всѣхъ понятіяхъ, стремленіяхъ и дѣйствіяхъ—таковъ историческій типъ міровоззрѣнія русской идейной интеллигенціи. Это міровоззрѣніе образуетъ ея религію, ея святыню, и все, что ему противорѣчитъ, отскакиваетъ отъ русскаго интеллигента съ почти физической неизбѣжностью. Здѣсь дѣйствительно есть что любить, есть что уважать, здѣсь была и есть вѣра, здѣсь непрерывный подвигъ и мученичество,—и все это, какъ моральный цементъ, скрѣпляетъ и связываетъ умъ и душу, подчиняетъ новое старому, обособляетъ отъ всей остальной жизни. Гонимый правительствомъ, которое не могло противопоставить вѣрѣ этого отщепенца ничего, кромѣ физической силы и деспотической расправы, немногочисленный сравнительно кружокъ революціонной интеллигенціи превратился въ религіозную секту. «Мученичество не есть аргументъ истины» сказалъ Спиноза въ отвѣтъ человѣку, убѣждавшему его перейти въ католицизмъ ссылкой на мучениковъ церкви. Но оградиться отъ заражающейся и чарующей силы мученичества можетъ только философъ; психологически мученичество остается самымъ сильнымъ аргументомъ на свѣтѣ. И секта революціонной интеллигенціи непрерывно росла и внутренно крѣпла, вбирая въ себя все самоотверженное, пылкое и честное въ русскомъ обществѣ и тѣмъ самымъ заставляя энтузіазмъ, вѣру, дѣйственныя силы каменѣть въ тради-

ціонныхъ догматахъ религіи радикализма, освященной мученичествомъ.

Въ такомъ состояніи революціонную интеллигенцію засталъ взрывъ русской революціи. Интеллигенція постоянно стремилась слиться съ народомъ, овладѣть его душой и повести его за собой; она отличала народъ отъ обывателя, отъ «буржуазіи», и вѣрила, что народъ—одни имѣли въ виду крестьянъ, другіе—рабочихъ,—не зараженный «буржуазными» предразсудками и «буржуазнымъ» эгоизмомъ, пойметъ ее и сольется съ ней. Но, оставаясь сектой, она даже ради этой завѣтной цѣли, не хотѣла и не могла отдать ни единаго догмата, ни единой привычки мысли и чувства. Полная несостоятельность всей русской жизни, указанное уже отсутствіе прочныхъ нравственныхъ устоевъ у стараго порядка и насущная потребность въ реформѣ политической и соціальной дали возможность революціонной интеллигенціи всколыхнуть Россію и нарушить прежній могильный покой; но управиться съ поднявшейся бурей и руководить ею она была не въ силахъ, и сейчасъ прежнее безсиліе ея подойти къ народу и повести его за собой по прежнему чувствуется съ жгучей остротой, и прежняя пропасть между ней и народомъ снова угрожающе открылась передъ освободительнымъ движеніемъ.

Пропасть эта *должна* быть заполнена—отъ этого зависитъ все. Не надо забывать, что, при всемъ безсиліи интеллигенціи передъ народной стихіей, она сама по себѣ есть *огромная политическая сила,* и можно сказать, что помимо нея и противъ нея политическое обновленіе Россіи столь же невозможно, какъ помимо и противъ народа. Многіе склонны отрицать это. И дѣйствительно, на первый взглядъ кажется непонятнымъ, какимъ образомъ рѣшающее политическое значеніе можетъ имѣть секта, кружокъ, отгородившійся отъ всего общества, явно неспособный на цѣлесообразное руководительство движеніемъ, а самъ по себѣ

слишкомъ малочисленный, чтобъ быть *вліятельнымъ словомъ* народа. Мы старались показать, что интеллегенція есть не вождь, не предводитель, а *слой* русскаго общества, и притомъ отличающійся особенно устойчивымъ консерватизмомъ. Мы хотимъ теперь отмѣтить, что этотъ слой, несмотря его на малочисленность и оторванность отъ жизни, несмотря также на неспособность вести за собой остальное общество, *въ высшей степени вліятеленъ* въ политическомъ отношеніи. Онъ вліятеленъ присущей ему вѣрой и энтузіазмомъ, онъ обладаетъ почти неотразимымъ моральнымъ авторитетомъ, какъ носитель единственной въ Россіи дѣйственной политической религіи—религіи, которой пока никто не смогъ противопоставить иную, столь же активную и столь же заразительную вѣру. Пусть дѣйствія его ошибочны, пусть міровоззрѣніе его теоретично и не согласовано съ реальными нуждами жизни, оторвано отъ взглядовъ широкихъ слоевъ народа,—религіозность, съ которой интеллигенція относится къ своимъ идеаламъ, дѣлаетъ изъ нихъ то, что Фулье называетъ *idée-force*, идею, которая *сама по себѣ* является *общественной силой*. Худо это или хорошо, это есть безспорный фактъ, котораго политикъ не можетъ игнорировать. Именно трезвый наблюдатель, способный безпристрастно смотрѣть на факты, долженъ признать, что въ жизни сила—не только на сторонѣ массъ и ихъ конкретныхъ потребностей, но часто и на сторонѣ тѣхъ идей, которыя, какъ бы далеки онѣ ни были отъ жизни, по какимъ либо причинамъ являются предметомъ религіозно-страстнаго поклоненія. Заразительность идеаловъ русской революціонной интелигенціи не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и является удивительно яркимъ подтвержденіемъ соціологической концепціи Фулье объ *идеѣ-силѣ*. Говорятъ, что русскіе политическіе дѣятели находятся въ плѣну у извѣстныхъ литературныхъ и идейныхъ традицій, что ихъ «заѣла интеллигентщина», что они не

могутъ усвоить различія между живой и гибкой партійно-политической дѣятельностью, съ одной стороны, и привычной имъ абстрактно-литературной пропагандой идей—съ другой. Это указаніе по существу безусловно справедливо Но нельзя упускать изъ виду и обратной стороны дѣла. Та же самая «интеллигентщина», тѣ же самыя литературныя традиціи образуютъ самый сильный и могущественный политическій факторъ,—силу, которая часто слѣпа, но всегда интенсивна и дѣйственна. Эта «интеллигентщина» есть сама уже неискоренимая интегральная часть русской культуры, русской общественной психологіи—и если впослѣдствіи все это, можетъ быть, измѣнится—въ настоящую минуту съ этимъ нужно считаться, какъ съ реальнымъ фактомъ огромной политической важности.

Нельзя отрицать, что кружковая революціонная интеллигенція въ извѣстныхъ отношеніяхъ есть дѣйствительно явленіе ненормальное, что она, не будучи связана достаточно крѣпкой и живой близостью къ національному организму, является какъ бы чужероднымъ наростомъ на немъ, возникшимъ благодаря нелѣпымъ и нездоровымъ условіямъ національной жизни. Но въ этомъ наростѣ столько крови, столько живой органической силы, и корни его лежатъ такъ глубоко, что отсѣчь его значило бы обезсилить, можетъ быть, даже убить весь организмъ. Должны быть употреблены тонкіе и сложные пріемы лѣченія, чтобъ этотъ наростъ незамѣтно и безболѣзненно разсосался въ тѣлѣ народа.

Оставляя метафоры, можно сказать, что тактика политическихъ группъ, стремящихся преодолѣть традиціонную узость интеллигентскаго міросозерцанія и опереться на широкія массы народно-обывательской Россіи, должна, по отношенію къ революціонной интеллигенціи, быть по преимуществу не полемической, а педагогической, состоять не въ борьбѣ, а въ *воспитаніи*. Тщетна и политически гибельна была бы попытка отвергнуть цѣликомъ революціонную интел-

лигенцію, какъ политически непригодный элементъ, организовать освободительное движеніе внѣ и помимо ея. Кто поставитъ себѣ такую задачу, тотъ будетъ имѣть *противъ* себя одну изъ самыхъ могущественныхъ политическихъ силъ современной Россіи, будетъ имѣть противъ себя самые энергичные, активные и преданные элементы освободительнаго движенія. Трудно, конечно, осуществить одновременно обѣ задачи—политически объединить широкія массы народа и не оттолкнуть отъ себя революціонную интеллигенцію. Но вся новѣйшая исторія русской культуры свидѣтельствуетъ о томъ, что помимо интеллигенціи ничто крупное не можетъ быть осуществлено, и что, слѣдовательно, для созданія общенаціональнаго общественнаго мнѣнія обѣ указанныя задачи *должны* быть выполнены. Если ни одна партія не побѣдитъ, не будучи партіей народа, то можно также сказать, что ни одна партія въ Россіи не побѣдитъ, не будучи, въ извѣстномъ смыслѣ, *партіей внѣклассовой радикальной интеллигенціи*. Оба полюса русской жизни—Россія народно-обывательская и Россія интеллигентская—должны быть сближены между собой. Съ отвлеченной, неполитической точки зрѣнія можно и нужно критиковать традиціонное міросозерцаніе интеллигенціи, указывать на его односторонность и догматичность. Такая критика будетъ весьма цѣнна и въ политическомъ отношеніи, содѣйствуя перевоспитанію интеллигенціи, прививая ей болѣе широкіе взгляды и тѣмъ искореняя пропасть между ней и народомъ. Но критика никогда не должна вести къ разрыву, и политическая задача въ этомъ отношеніи состоитъ не въ борьбѣ, а въ *соглашеніи*. Къ традиціямъ революціонной интеллигенціи необходимо относиться съ уваженіемъ, какъ ко всякому глубокому убѣжденію; этого въ равной мѣрѣ требуетъ и моральный, и политическій тактъ.

Конечно, формальное соглашеніе съ партіями, въ которыя сорганизовалась революціонная интеллигенція, быть можетъ,

въ настоящую минуту неосуществимо и во всякомъ случаѣ чрезвычайно трудно. Но не нужно за партіями забывать самой жизни и ея болѣе широкихъ и органическихъ теченій. Если бы даже формальное соглашеніе съ революціонными партіями оказалось невозможнымъ—духовно-политическое сближеніе съ революціонной интеллигенціей въ ея цѣломъ возможно и безусловно необходимо. Принять мѣры къ нему—задача именно тѣхъ, кому догматы мысли и привычки чувства не мѣшаютъ понять дѣйствительныя нужды времени, кто способенъ жертвовать своими объективными оцѣнками и теоретической стройностью доктрины ради насущной потребности жизни.

С. Франкъ.

Замѣтки.

Пристрастный судъ.

(*„Дѣти солнца“ М. Горькаго*).

Послѣдняя пьеса Горькаго, какъ и „Дачники“, появилась—еще до напечатанія—на сценѣ театра В. Ф. Коммиссаржевской, одного изъ наиболѣе живыхъ и интеллигентныхъ театровъ, и при томъ—театра современнаго, способнаго понять и одухотворенно передать замыселъ автора. Однако, какъ бы ни былъ хорошъ театръ, удачно подобранъ въ немъ ансамбль исполнителей, какъ бы ни была совершенна постановка, присутствуя на первомъ представленіи новой пьесы, всегда невольно испытываешь тревожно-ревнивое чувство за автора. Съумѣли ли артисты проникнуться основной идеей автора, воплотить ея на сценѣ, отнеслись ли къ ней съ должнымъ вниманіемъ?.. Я, по крайней мѣрѣ, всегда испытываю это странное чувство и волнуюсь. Въ данномъ же случаѣ, при постановкѣ „Дѣтей солнца“, было какъ разъ обратное. Чѣмъ дальше развертывалась передо мною пьеса, чѣмъ яснѣе становилось, какъ превосходно она поставлена, сколько добросовѣстнаго труда вложилъ въ нее театръ, тѣмъ чаще возвращалась одна и та же докучливая мысль. Да полно, стоило ли этого такое неглубокое и нехудожественное произведеніе, какъ пьеса Горькаго?.. И тѣмъ не менѣе, подумавши, приходится отвѣтить, что стоило. Лишь благодаря тому, что артисты такъ правдиво создали требуемые образы, можно вполнѣ понять основную мысль или, вѣрнѣе, тенденцію автора. А понять ее необходимо. Вѣрна или невѣрна эта мысль, и удалось ли Горькому облечь ее въ художественную форму, это вопросъ другой, но несомнѣнно, что она носится въ воздухѣ, или, вѣрнѣе, еще недавно *носилась* и многими высказывалась, хотя и не такъ грубо, не съ такимъ злорадствомъ.

Какъ и „Дачники“, „Дѣти солнца“ не представляютъ законченной драмы. Въ нихъ нѣтъ ни правильно развивающагося дѣйствія и типизма дѣйствующихъ лицъ старой драмы, ни того утонченно-музыкаль-

наго „настроенія“, которымъ характеризуются лучшіе образцы новой драмы. Это тоже лишь „сцены“, но еще болѣе нескладно и неуклюже набросанныя, чѣмъ „Дачники“. Мѣстами онѣ красивы, мѣстами грубы, но всегда отрывисты—не даютъ ничего связнаго и цѣльнаго. А между тѣмъ автору, повидимому, хотѣлось дать нѣчто цѣльное.

Въ „Дѣтяхъ солнца“ передъ нами—новая сатира на интеллигенцію или, вѣрнѣе сказать, новый взрывъ Горьковскаго гнѣва противъ интеллигенціи, гнѣва, какъ-будто все болѣе накопляющагося и не находящаго для себя настоящаго выраженія. Такъ бываетъ только тогда, когда объектъ гнѣва слишкомъ чуждъ и далекъ, когда сердишься на чужого, не видя въ немъ ни одной родственной себѣ черты и не желая ни понимать, ни прощать.

Дачниковъ Горькаго всѣ упрекали въ томъ, что они слишкомъ пошлы, ничтожны и мелки, чуть ли не способны таскать изъ кармановъ у своихъ ближнихъ носовые платки. Опираясь на это, поклонники Горькаго старались доказать, что онъ направлялъ свои обличенія не противъ настоящей интеллигенціи, а противъ ея отбросовъ. И вотъ теперь Горькій не пожалѣлъ красокъ, чтобъ представить передъ нами несомнѣнныхъ интеллигентовъ, погруженныхъ въ занятія искусствами и науками и мечтающихъ о будущей свободной жизни для всего человѣчества. Это ужъ не просто люди, а избранники небесъ, дѣти солнца, какъ сами они себя величаютъ. Вотъ центральная фигура въ пьесѣ, химикъ Протасовъ, весь погруженный въ химическіе опыты; вотъ его интеллигентная жена, Елена Николаевна, такъ красиво умѣющая говорить, и ея поклонникъ — художникъ; вотъ больная сестра Протасова, Лиза, вся ушедшая въ свою скорбную думу о страданіяхъ людей... Но стоитъ пристальнѣе вглядѣться въ эти фигуры, чтобы тотчасъ уловить ѣдкій грубоватый смѣхъ Горькаго и понять его злой умыселъ. Вѣдь это тѣ же знакомые дачники! Перемѣнились только положенія, декораціи и одежды, а сущность осталась прежняя. Это тѣ же нудные и дряблые „интеллигенты“, обреченные на то, чтобъ быть сметенными съ лица земли, какъ ненужный хламъ, или, еще того хуже, на то, чтобъ уничтожить самихъ себя... Дѣти солнца не ссорятся и не препираются другъ съ другомъ, какъ дачники, а напротивъ до приторности много ухаживаютъ другъ за другомъ, соболѣзнуютъ и сочувствуютъ себѣ и другимъ. Это даже производитъ удручающее впечатлѣніе на всякаго, попадающаго къ нимъ, свѣжаго человѣка. Такъ, здоровый хохолъ, ветеринаръ Чепурной, затосковалъ съ ними и утратилъ свое „любопытство къ жизни“. А новая горничная Протасовыхъ, явившаяся прямо изъ деревни, „калусская“ дѣвица, такъ та ихъ боится, въ чемъ и признается дворнику, силачу Роману.

— Боюсь я... больно они всѣ ласковые.., такіе ласковые—будто и не господа.

— Вотъ тоже, которые деньги фальшивые дѣлаютъ,—загадочно отвѣчаетъ ей Романъ.

— Ну?

— Ну, ничего... Въ каторгу за это ихъ...

Оказывается, совсѣмъ не нужна эта ихъ ласковость. Не нужна мягкость и чуткость въ отношеніи къ людямъ, какъ и все, что дала имъ продолжительная культура. Да и сами они не нужны, эти теоретическіе и безпомощные, жалкіе, какъ хилое растеніе, люди.—Таковъ неизмѣнный приговоръ Горькаго, звучащій въ каждомъ неловкомъ шагѣ его героевъ. На что нуженъ этотъ абстрактный оторванный отъ земли химикъ съ его фантастической мечтой объ оживленіи бѣлка? Онъ только смѣшонъ и наивенъ. Онъ неловокъ къ жизни, непрактиченъ, не умѣетъ устроить своихъ отношеній съ людьми и постоять за себя. Авторъ преднамѣренно создалъ его дряблымъ не только нравственно, но и физически. Онъ ставитъ ему въ укоръ и то, что онъ нервенъ—падаетъ въ обморокъ отъ звука выстрѣла—и то, что онъ не обладаетъ достаточно увѣсистыми кулаками, чтобъ отбиться отъ хулигановъ. Какъ смѣшна Горькому мечта подобнаго субъекта о всеобщемъ счастіи человѣчества и о томъ, что такіе, какъ онъ, могутъ приблизить это свѣтлое будущее!..

Сестра Протасова, Лиза, еще болѣе слабый и болѣзненный экземпляръ человѣческой породы, уже настоящій продуктъ вырожденія. Но она не оторвана отъ земли, какъ братъ, а напротивъ, вся на землѣ съ ея интересами и скорбями. Эти скорби и отравили навсегда ея впечатлительную,—неуравновѣшенную душу, лишили ее вѣры въ жизнь и желанія жить. Для Лизы тоже привлекательна мечта о будущей свободной человѣческой жизни — о жизни гордыхъ орловъ, парящихъ подъ небесами, но она стала ей казаться неосуществимой послѣ того, какъ она внимательно вглядѣлась въ окружающее. Безчисленныя „норы слѣпыхъ кротовъ", которыя она увидѣла, стали между нею и парящими орлами...

Лиза съ ея чуткимъ сердцемъ и неотступной мыслью о другихъ—о тѣхъ, которые стоятъ внизу и отдѣлены стѣной отъ всѣхъ благъ культуры, можетъ быть, является лучшей среди всѣхъ васъ, ничтожныхъ и праздныхъ интеллигентовъ, — какъ бы хочетъ сказать Горькій этимъ поэтичнымъ привлекательнымъ образомъ. — Но посмотрите, на что нужно это лучшее, что есть въ васъ. Лизу во всякомъ случаѣ оно привело къ полной неспособности жить; а нужно ли оно тѣмъ милліонамъ слѣпыхъ кротовъ, въ этомъ сомнѣвается и сама Лиза. Лиза способна только рефлектировать, ныть и стонать, портить существованіе

себѣ и другимъ. Изъ боязни жизни и отвѣтственности предъ дѣтьми она отказывается отъ счастья любви и доводитъ любимаго человѣка до самоубійства, а себя до сумасшествія. Кстати сказать, это самоубійство Чепурного внутренно совсѣмъ не обосновано авторомъ и производитъ впечатлѣніе неожиданности. Какимъ образомъ Лиза стала ему такъ необходима? Гдѣ тѣ душевныя нити, которыя постепенно связали ихъ? Этого нигдѣ не видно.

Впрочемъ, Горькій во всей пьесѣ не старается художественно оправдать своихъ голыхъ положеній (или, можетъ быть, это ему не удается), и они непріятно рѣжутъ глаза, какъ обнаженныя вѣтви деревьевъ въ безлиственномъ лѣсу. Особенно слабы у него всѣ представители народа, выведенные для противопоставленія интеллигентамъ. Они очерчены до каррикатурности односторонне и оставляютъ неправдоподобное впечатлѣніе, главнымъ образомъ въ тѣхъ сценахъ, гдѣ долженъ проявляться яко бы неизбѣжный антагонизмъ между культурными классами и темными народными массами. Такова, напр., та грубая сцена, когда пьяный Егоръ гонится съ полѣномъ за своей женой. Чего ради преслѣдуемая женщина ищетъ себѣ убѣжища въ квартирѣ баръ, отдѣленныхъ отъ нея, жительницы подвала, непроходимой бездной—по мысли автора? Нѣтъ возможности перечислять всѣхъ частныхъ несообразностей въ пьесѣ, да и не стоитъ. Несомнѣнно, что и Горькій видѣлъ свою задачу не въ обрисовкѣ отдѣльныхъ лицъ, а именно въ изображеніи упомянутаго контраста и антагонизма. Ту же мысль Горькій лаконически формулируетъ въ своихъ фельетонахъ о мѣщанствѣ такъ: „противорѣчія между народомъ и командующими классами непримиримы“. И она является основой пьесы.

— Кому, за что ненавидѣть меня?—спрашиваетъ Протасовъ.

— Кому? Всѣмъ людямъ, отъ которыхъ вы ушли такъ далеко,—отвѣчаетъ Лиза.—За что? За отчужденіе отъ нихъ, за невниманіе къ ихъ тяжелой, нечеловѣческой жизни! За то, что вы сыты и хорошо одѣты... Ненависть слѣпа, но вы ярки, васъ она увидитъ!

Субъективно Горькій глубоко проникся этой ненавистью; она, конечно, вполнѣ законна. Но она плохой совѣтчикъ и руководитель. И несомнѣнно она была главной причиной всѣхъ его одностороннихъ положеній и выводовъ.

О какихъ „командующихъ“ классахъ въ Россіи можетъ быть рѣчь, когда до сихъ поръ всѣ были безправны и задавлены, безлично и безсильно подчиняясь одной и той же бездушной бюрократической машинѣ, когда классы, въ европейскомъ значеніи этого слова, не могли даже сформироваться? Значитъ, рѣчь можетъ итти только о сытыхъ и голодныхъ. Конечно, классовая борьба у насъ, какъ и вездѣ, въ большей

или меньшей степени, совершается. Но при чемъ же тутъ интеллигенція—сливки сытаго меньшинства—которую имѣетъ въ виду Горькій въ своей пьесѣ? Разумѣется, трудно представить себѣ страну, гдѣ бы разница между интеллигентнымъ меньшинствомъ и народными массами была больше. И чѣмъ уже, ограниченнѣе понимать это интеллигентое меньшинство (включая въ него лишь передовую прогрессивную часть), тѣмъ эта разница—въ культурности, образованности — рѣзче. Но не нужно упускать изъ виду, что это лишь качественная *разница*, а не противоположность.

Русская интеллигенція никогда не была классовой и не опиралась ни на какой классъ. Напротивъ, съ тѣхъ поръ, какъ она начала выдѣляться изъ сплошного тумана русской жизни, она отреклась отъ всѣхъ шкурныхъ интересовъ тѣхъ классовъ и общественныхъ группъ, къ которымъ принадлежала по рожденію. Быть можетъ, въ этомъ причина ея трагическаго одиночества, ея теоретичности и практической безпочвенности. Но въ этомъ и ея духовная мощь. Она никогда не защищала своихъ собственныхъ „интеллигентскихъ" интересовъ, не боролась за групповые интересы, а всегда задавалась всенароднымъ освобожденіемъ — боролась еще тогда, когда народныя массы не могли ее не только поддерживать, но даже понимать. Вспомнимъ первыхъ славныхъ борцовъ-декабристовъ или дѣятелей 40-хъ годовъ, начиная съ Тургенева съ его аннибаловой клятвой и кончая Герценомъ. Большая часть ихъ происходила изъ помѣщичьей среды и не только отреклась отъ своихъ помѣщичьихъ интересовъ, но и написала на своемъ знамени борьбу съ ними. Гдѣ жъ тутъ „непримиримое противорѣчіе" классовъ?

Если обратиться къ текущей жизни, къ ея настоящимъ минутамъ, то сказанное только подтвердится. Борьба за всенародные, а не классовые или спеціально интеллигентскіе интересы, является лозунгомъ русской оппозиціонной интеллигенціи. Наши оппозиціонныя партіи отличаются одна отъ другой не столько содержаніемъ своихъ идеаловъ, сколько пріемами и средствами борьбы. По существу, задача у всѣхъ одна: освобожденіе отъ самодержавно-бюрократическаго строя и новое, болѣе справедливое устройство жизни на широкихъ демократическихъ началахъ. Такимъ образомъ, ни о какомъ противорѣчіи между интересами интеллигенціи и народа не можетъ быть и рѣчи. Я говорю, конечно, не объ интеллигенціи въ широкомъ смыслѣ слова, а объ ея прогрессивной части. Но и Горькій не выдѣляетъ этой прогрессивной части, бросая свой вызовъ всѣмъ безъ изъятія,—иначе онъ не вывелъ бы въ назиданіе безвреднаго теоретика, идеалиста-ученаго съ его абстрактной мечтой о человѣческомъ счастьѣ; и еще болѣе—не осмѣялъ бы несчастной мученицы Лизы, потерявшей вкусъ къ жизни изъ-за че-

ловѣческихъ страданій и жалѣвшей о томъ, что „прекрасныя мысли, вспыхнувши, исчезаютъ, какъ искры въ ночной тьмѣ, не освѣщая людямъ дороги“... Среди нашей интеллигенціи были смѣлые борцы, побѣдоносно пронесшіе свою желѣзную волю сквозь тюрьмы и каторгу и продуктивно отдавшіе свою жизнь дѣлу освобожденія. Но были и ихъ родные братья, „праздные“ теоретики. Трудно вполнѣ разграничить тѣхъ и другихъ. Возможно, что и тѣ, и другіе передали въ наслѣдство своему ближайшему потомству лишь истерію и неврастенію. Но виноваты въ томъ уродливыя условія жизни, а не сами интеллигенты, на которыхъ изливаетъ свой гнѣвъ Горькій.

Какъ ни грубы силуэты интеллигентовъ, тенденціозно набросанные Горькимъ, въ самыхъ этихъ изображеніяхъ нельзя отрицать доли правды. Дѣйствительно, изнервничалась и ослабѣла наша интеллигенція, обезцвѣтилась и обезличилась. Мало въ ней индивидуальныхъ соковъ, мало соли и здороваго жизненнаго чутья, мало настоящаго душевнаго мужества—при большой, иногда даже бравурной внѣшней храбрости; много абстрактности и оторванности отъ жизни. Но, бросая ей подобное обвиненіе, нужно все-таки быть справедливымъ. Нужно не забывать тѣхъ условій, которыя ее такою создали. Уродливый крѣпостническій строй рано выдѣлилъ ее изъ массы темнаго скованнаго народа, вспоилъ ее его потомъ и кровью. Но это была, разумѣется, совершенно ненормальная жизнь—какъ для тѣхъ, которые коснѣли въ своей праздности, пользуясь всѣми выгодами своего положенія, такъ и для тѣхъ, кто отъ этого нравственно страдалъ и шелъ бороться за болѣе справедливый строй жизни. О здоровомъ гармоничномъ развитіи *человѣка* въ этой средѣ не могло быть и рѣчи. Но вѣдь уродовался (а не только угнетался) *человѣкъ* и въ низшихъ слояхъ жизни, а потому эти послѣдніе едва ли можно противупоставлять высшимъ, *какъ вполнѣ здоровые и жизнепригодные.*

Вообще, Горькій въ своей пьесѣ неправъ не столько въ своихъ изображеніяхъ, сколько въ тѣхъ чувствахъ, которые онъ въ нихъ вложилъ, въ тѣхъ выводахъ и сопоставленіяхъ, которыя онъ сдѣлалъ. Наиболѣе часто повторяющійся въ ней мотивъ тотъ же, что и въ „Дачникахъ“: интеллигенція представляетъ собою во всѣхъ отношеніяхъ quantitè negligeable, обреченную на смарку; изъ нѣдръ жизни подымаются и выступаютъ ея настоящіе творцы; они займутся не тѣмъ, чтобъ завоевать себѣ равныя съ другими права для совмѣстнаго устройства жизни, а тѣмъ, чтобъ уничтожить, смести съ лица земли тѣхъ, кто этими правами до сихъ поръ пользовался, и всю ихъ работу... Эта мысль и невѣрна и вредна — особенно въ наши дни. Невѣрна она потому, что трудно представить себѣ такой строй жизни, гдѣ бы созидательная ра-

бота *интеллигентовъ* была не нужна (интеллигентность же не пріобрѣтается въ одинъ мигъ, по мановенію волшебнаго жезла), да и въ народныхъ массахъ уже слишкомъ иного сознательныхъ элементовъ, прекрасно знающихъ цѣну этой интеллигентной работѣ и самимъ интеллигентамъ. Вредна же такая мысль потому, что несомнѣнно дискредитируетъ самую важную и нужную въ наше время идею—идею необходимой и самой широкой демократизаціи общества, не имѣющую ничего общаго съ насиліемъ, хаосомъ и разрушеніемъ.

Е. Колтоновская.

Письмо въ редакцію.

М. Г. Господинъ Редакторъ!

Я пишу Вамъ это письмо отъ лица голодающихъ крестьянъ Епифанскаго уѣзда Тульской губ. съ просьбой напечатать его и освѣдомить все русское общество о томъ тяжеломъ положеніи, въ которомъ находится крестьянинъ всегда, а въ нынѣшнемъ году особенно.

Теперь, я думаю, всѣмъ извѣстно, что нашъ уѣздъ въ прошломъ году, на ряду съ прочими, постигъ полный неурожай озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ, что наше положеніе тяжелое, и что, несмотря на помощь правительства, общеземской организаціи и частныхъ лицъ, намъ все-таки трудно дождаться новаго урожая. Трудно потому, что у насъ нѣтъ средствъ, нѣтъ денегъ. Вѣдь не все мы получаемъ въ ссуду, на многое нужны деньги—напр., для покупки удешевленныхъ дровъ, удешевленнаго сѣна, муки, отрубей, соломы и т. д. А достать намъ денегъ неоткуда—нѣтъ заработка. Въ этомъ вся наша бѣда, все наше горе и объ этомъ то, съ горячей просьбой, мы и обращаемся ко всему русскому обществу: дайте намъ возможность трудиться, дайте возможность честнымъ трудомъ заработать деньги! Если будутъ средства, мы начнемъ копать камень для улучшенія дорогъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, оборудованія колодцевъ и т. д., мы дадимъ возможность расшириться кустарному промыслу; однимъ словомъ, дайте средства и всѣ жертвователи увидятъ по отчетамъ, что ихъ посильная лепта пойдетъ на *дѣло*.

Теперь мы вступаемъ въ новую жизнь! Многіе изъ насъ сознательно смотрятъ въ глаза грядущему и въ доказательство этого мы обращаемъ вниманіе русскаго общества на то, что мы не просимъ денегъ, какъ незаслуженной милостыни, мы не хотимъ подачки, а стремимся

заработать деньги своимъ трудомъ. Пусть каждый войдетъ въ наше положеніе. Пусть постарается почувствовать, какъ тяжела милостыня и какъ противна подачка! Я чувствую себя сильнымъ и здоровымъ, я хочу трудиться—но нѣтъ труда! У меня нѣтъ возможности своими руками достать хлѣбъ и... что же дѣлать? Нужда слишкомъ остра, плачъ голодныхъ дѣтей слишкомъ мучителенъ, я иду къ богатому и прошу милость. Я говорю „пожалуйте", тогда какъ чувствую, что вѣдь я могъ бы не клянчить, а взять свое заработанное.

Теперь политическая жизнь послѣднихъ двухъ лѣтъ многое измѣнила, общественная жизнь на порогѣ обновленія и долгъ русскаго гражданина помочь совершиться этому обновленію. Среди насъ много, много такихъ, которые понимаютъ совершающееся, которые хотятъ итти впередъ,--такъ не дайте заглохнуть этому пробужденію! Въ вашихъ рукахъ помочь намъ выбраться изъ тяжелыхъ оковъ прошедшаго, помогите крестьянству сдѣлать первый шагъ, не давайте намъ развращающей милостыни, требуйте, чтобы она была оплачена трудомъ и дайте возможность чувствовать себя свободными, дайте возможность видѣть въ Васъ не благодѣтелей, а друзей и помощниковъ.

Да не поставятъ намъ въ упрекъ русскіе граждане воззваніе о помощи, пусть насъ не обвиняютъ въ лѣни и бездѣльи — дайте намъ возможность работать,—вотъ о чемъ мы просимъ! Нужда наша, недоѣданіе хроническія, мы долго терпѣли, но теперь стало слишкомъ тяжело, и только дѣйствительная безвыходность положенія заставляетъ насъ взывать о помощи, которую мы хотимъ заслужить трудомъ на благо и процвѣтаніе хоть одной крохотной части земли Русской. Мы — здѣсь, другіе—въ другомъ мѣстѣ, и т. д. *Съ міру по ниткѣ—голой Россіи рубашка.*

Крестьянинъ **Петръ Шершовъ**.

1906 г. января 29-го.

г. Епифань, село Орловка на Дону.

Пожертвованія прошу направлять въ г. Епифань Тульской губ. Благотворительный комитетъ, на помощь трудомъ.

Издатель **М. В. Пирожковъ**. Редакторъ **П. Б. Струве**.

Цѣна 15 коп.

Полярная Звѣзда

№ 10

18 февраля 1906 г.

Содержаніе:

С. Котляревскій. Россія, Франція и Англія.

Н. Бердяевъ. Къ исторіи и психологіи русскаго марксизма.

А. Кауфманъ. Гдѣ взять земли?

Сигналъ. О нестроеніяхъ въ нашемъ флотѣ.

А. С. Изгоевъ. „Диктатура пролетаріата“.

Г. Н. Штильманъ. Къ годовщинѣ рескрипта 18-го февраля.

П. Струве. Замѣтки публициста.

Замѣтки. *С. Франкъ*. Новый историческій журналъ.

Къ слѣдующему № будетъ приложено общее оглавленіе статей, помѣщенныхъ въ „Полярной Звѣздѣ“ за декабрь 1905—февраль 1906 г.

Редакція № закончена 16-го февраля.

3, PLACE DE LA SORBONNE, PARIS
Librairie ALBERT SCHULZ
Importation en France
des livres et journaux étrangers
Exportation à l'Etranger
des livres et journaux français
et des publications de tous pays
Achat de Bibliothèques

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

подъ редакціей

Петра Струве

17 ФЕВРАЛЯ 1906 г.

№ 10

Изданіе М. В. ПИРОЖКОВА

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86.

Россія, Франція и Англія.

Едва ли какая-нибудь область государственной жизни останавливала на себѣ меньше вниманія русскаго общества, чѣмъ внѣшняя политика. Въ ней привыкли видѣть лишь тонкую дипломатическую игру, преслѣдующую какіе-то лишь ей вѣдомые интересы, совершенно не связанные съ кровными народными нуждами, изъ-за которыхъ велась борьба между старой и новой Россіей. Казалось, что именно эта область есть заповѣдное царство бюрократическаго полновластія, попытка проникнуть въ которое безполезна сама по себѣ и заслоняется болѣе неотложными задачами. Можно безъ преувеличенія сказать, что лишь ужасы русско-японской войны открыли общественному сознанію, къ чему приводитъ передача охраны національныхъ интересовъ въ руки людей, которые не несутъ никакой отвѣтственности за свои дѣйствія, стоящія странѣ сотни тысячъ жизней ея гражданъ и сотни милліоновъ ея кровныхъ средствъ.

Постепенно подымалась одна завѣса за другой, открывалась закулисная подготовка великихъ катастрофъ: появлялись отрывки изъ Японской Бѣлой книги, излагавшіе ходъ переговоровъ передъ разрывомъ, во время которыхъ какъ будто умышленно испытывали терпѣнье японскихъ представителей; выяснялись и тѣ замыслы авантюристовъ, увѣковѣчившихъ свои имена,—замыслы, на защиту которыхъ были поставлены на карту миръ и достоинство Россіи—и лишь постепенно ужасный урокъ былъ продуманъ и прочувствованъ.

Нынѣ уже недалекъ тотъ часъ, когда народное представительство, поставленное передъ великими задачами устроенія Россіи, должно будетъ уяснить себѣ и то общее направленіе международной политики, которое соотвѣтствуетъ истин-

нымъ и глубокимъ національнымъ задачамъ Россіи. И тѣмъ необходимѣе быть подготовленнымъ къ этой задачѣ, что Россіи приходится начинать новую политическую жизнь въ эпоху коренныхъ перемѣнъ международнаго положенія, полной переоцѣнки въ этой области традиціонныхъ цѣнностей— и съ выборомъ курса, по которому долженъ быть направленъ нашъ государственный корабль связаны основные интересы общечеловѣческой культуры и общечеловѣческаго мира.

Есть государства, которыя въ силу своего привилегированнаго географическаго и экономическаго положенія могутъ оказывать рѣшающее вліяніе на судьбы міра, не связывая своей судьбы ни съ какой группировкой другихъ международныхъ силъ. Въ такомъ положеніи долгое время была Англія, „блистательная изолированность" (splendid isolation) которой составляла традиціонную гордость ея дипломатіи. Въ такомъ положеніи не находится Россія съ ея пограничной линіей на Западѣ, съ ея Кавказомъ, съ ея восточно-азіатскими предѣлами; ея интересы тѣсно сплетаются съ интересами и притязаніями другихъ европейскихъ государствъ. Очевидно, и предстоящія глубокія перемѣны въ строеніи Австро-Венгріи, и разрѣшеніе конфликта народностей на Ближнемъ Востокѣ, и установленіе равновѣсія въ Азіи соединятъ эти государства въ различныя системы международныхъ соглашеній и союзовъ. Куда здѣсь естественно тяготѣетъ Россія?

Глубокія дипломатическія традиціи въ теченіе XIX вѣка сближали Россію съ германскими государствами: въ этомъ смыслѣ священный союзъ имѣлъ несомнѣнное символическое значеніе, далеко пережившее ту обстановку, среди которой онъ зародился. Россію сближали съ нѣмецкимъ міромъ и многочисленныя династическія связи, и сравнительная близость государственныхъ формъ, а еще болѣе — настроенія правящихъ элементовъ. Инстинктъ легитимизма долго побѣждалъ противоположности реальныхъ интересовъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока конъюнктура балканскихъ событій не привела насъ къ столкновенію съ Австріей. Но все ослабленіе связи между Россіей и Австріей вполнѣ возмѣщалось соотвѣтствующимъ укрѣпленіемъ отношеній къ Пруссіи, тѣмъ болѣе, что обострившееся сопер-

ничество двухъ державъ за гегемонію въ Германіи заставляло дѣлать между ними выборъ. Наконецъ, новымъ связующимъ звеномъ между Россіей и Пруссіей являлась Польша: система, примѣняемая въ краѣ послѣ возстанія 1863 г., связывала насъ съ Пруссіей. Вообще результаты этого возстанія оказались настолько же гибельны для образованія солидарности между славянскими племенами, сколько благопріятны для развитія мощи германизма.

Какъ бы то ни было, Россія сдѣлала съ своей стороны все, чтобы облегчить созданіе единой Германіи подъ прусскимъ верховенствомъ. Между тѣмъ, произошло полное перемѣщеніе центра тяжести въ системѣ международнаго равновѣсія: гегемонія Пруссіи надъ Германіей превращалась въ гегемонію Германіи надъ Европой. И въ ту минуту, когда Германія направила Австро-Венгрію на юго-востокъ, линія ея политики уже опредѣленно шла противъ основныхъ и жизненныхъ интересовъ Россіи въ международномъ мірѣ— противорѣчіе, которое со всей яркостью обнаружилось на берлинскомъ конгрессѣ 1878 г., и было закрѣплено тройственнымъ союзомъ. Надо оцѣнить эти стадіи расхожденія между странами съ традиціонной близостью ихъ правительствъ, чтобы понять, какъ возникъ союзъ между самодержавной Россіей и республиканской Франціей, который въ настоящее время наслѣдуется и Россіей конституціонной и который въ то же время переживаетъ несомнѣнное критическое испытаніе.

Основной чертой въ психологіи французской внѣшней политики 80-хъ годовъ было сознаніе собственной изолированности, почти безпомощности. Постоянно угрожалъ призракъ новаго военнаго погрома со стороны Германіи, которая неоднократно показывала, что не считаетъ успѣхи 1870—1871 г. окончательными; оффиціальная Италія исповѣдывала культъ галлофобіи, не останавливаясь передъ таможенной войной съ Франціей, и цѣликомъ вошла въ орбиту австро-германской политики. Такимъ образомъ сближеніе изолированной Франціи и изолированной Россіи происходило силою вещей, которая побѣждала противоположность государственныхъ формъ и заставляла Александра III въ Кронштадтѣ, стоя, выслушивать марсельезу...

Какъ бы то ни было, въ обширной массѣ французскаго населенія союзъ былъ встрѣченъ, какъ залогъ спокойствія

и мира, и съ этой стороны привѣтствовался въ такихъ кругахъ, искренность республиканскихъ убѣжденій которыхъ стояла внѣ сомнѣній. Къ несчастью, стали широко имъ пользоваться въ интересахъ крикливаго національизма; въ рукахъ Деруледа и ему подобныхъ онъ превращался изъ орудія сохраненія мира въ орудіе реванша. Его компрометировало также преувеличенное сочувствіе монархическихъ круговъ, которые прозрачно намекали, что союзъ не долженъ остаться безъ вліянія и на внутреннюю политику Франціи. Глубокій ударъ въ этомъ отношеніи былъ нанесенъ процессомъ Дрейфуса, который изъ сенсаціоннаго инцидента превратился въ генеральное сраженіе двухъ частей французскаго народа, и здѣсь русскій союзъ психологически ассоціировался съ домогательствами и притязаніями партій, которыя вели Францію на путь военной диктатуры. Было ли это чувство основано на какой-нибудь политической реальности или нѣтъ, все равно,—оно переживалось націей, какъ извѣстное противорѣчіе между движеніемъ въ сторону послѣдовательной республиканской демократіи и тянущимъ какъ будто назадъ вліяніемъ русскаго абсолютизма. Всѣми чувствовалось, что министерство Вальдекъ-Руссо менѣе какъ-то сочувствуетъ духу русскаго союза, чѣмъ министерство Мелина, а страна давала своему правительству опредѣленную директиву налѣво.

Эти новые психологическіе моменты вполнѣ соотвѣтствовали и перемѣнамъ въ объективномъ соотношеніи международныхъ силъ. Центръ тяжести въ борьбѣ народовъ перемѣщался изъ Европы въ сторону колоніальнаго міра; не Эльзасъ-Лотарингія привлекала теперь дипломатовъ — ихъ мысли поглощались раздѣломъ африканскаго материка, торжествующимъ имперіализмомъ Соединенныхъ Штатовъ, пробужденіемъ желтой расы и судьбами Дальняго Востока. Не пограничныя ссоры въ Лотарингіи, а столкновеніе съ Англіей въ верховьяхъ Нила поставило передъ Франціей призракъ войны. И германская политика, руководимая императоромъ, провозгласившимъ, что будущность нѣмецкаго народа въ морскомъ господствѣ, принимала міровой характеръ; на первый планъ вставала задача созданія могущественнаго флота. Старая вражда отступила въ прошлое. Съ другой стороны, Италія, сбросившая съ себя традиціи политики Криспи, сталкивается въ цѣломъ рядѣ пунктовъ съ

интересами Австро-Венгріи, и убѣдившаяся, что у боевого клерикализма во Франціи нѣтъ болѣе почвы, и никакая опасность съ запада не угрожаетъ свѣтскому Риму,—Италія шла на сближеніе съ Франціей, и общественное сочувствіе ея было гораздо болѣе завоевано въ пользу Франціи, чѣмъ ея оффиціальной союзницы—Германіи.

Русскій союзъ становился во Франціи менѣе популярнымъ и менѣе необходимымъ и по существу онъ не оправдывалъ надеждъ. Россія сдѣлалась помѣщеніемъ французскихъ капиталовъ и французскихъ сбереженій, которыя постепенно достигли колоссальной суммы 9 милліардовъ франковъ; но—предпріятія въ Россіи не оправдывали надеждъ, а прочность вкладовъ вызывала серьезныя сомнѣнія; съ каждымъ займомъ, конца которымъ не предвидѣлось, довѣріе къ русскому кредиту уменьшалось. Начали раздаваться предостерегающіе голоса: не стоятъ ли французскіе вкладчики передъ второй Панамой?

Ясно, какія условія наиболѣе пагубно отражались на нашемъ кредитѣ: они лежали въ глубокомъ экономическомъ истощеніи, констатированномъ оффиціальными данными, въ длительномъ и обостряющемся разладѣ между правительствомъ и народомъ, въ растущей анархіи: и безпощадныя репрессіи власти, и ея запоздалыя половинчатыя уступки лишь укрѣпляли убѣжденіе, что Россія движется по пути къ великимъ катастрофамъ. И нельзя сказать, чтобы здѣсь говорилъ лишь инстинктъ самосохраненія: слишкомъ много сообщалось изъ нашего отечества о такихъ вещахъ, которыя не могли не возмущать общественной совѣсти и пробуждать мысль, что; поддерживая матеріально господствующій бюрократическій строй, Франція тяжко погрѣшаетъ противъ незыблемыхъ началъ европейской цивилизаціи. Чувство противорѣчія между политическимъ курсомъ, котораго держалась съ 1899 г. Франція, и оффиціальной Россіей, все обострялось.

А тутъ подошло новое испытаніе боевой цѣнности русскаго союза—русско-японская война: небывалыя пораженія на сушѣ и на морѣ, пораженія не русской арміи и русскихъ моряковъ, героизма и способности умирать которыхъ никто не оспаривалъ, но пораженія всей системы управленія Россіей, русской бюрократіи невѣжественной, самонадѣянной и преступно-эгоистичной. Всѣ интересы Франціи

заставляли ее желать успѣха Россіи; она не отказалась помочь нашей эскадрѣ въ предѣлахъ, не противорѣчащихъ явно обязанностямъ нейтральной державы, она чувствовала, что день встрѣчи Рождественскаго и Того рѣшаетъ, быть можетъ, судьбы французской колонизаціи въ Восточной Азіи— и она стала свидѣтельницей Цусимы. Цусима послѣ Мукдена, послѣ 9 января—это слишкомъ тяжкое испытаніе для самой прочной солидарности.

На смѣну прежней группировки все явственнѣе вырисовывались очертанія новой. Съ одной стороны, отношенія Италіи и Франціи принимали характеръ молчаливаго сближенія, основаннаго на солидарности матеріальныхъ и культурныхъ интересовъ, сближенія, которое должно было рано или поздно привести къ союзу. Съ другой стороны, быстрыми шагами подготовлялось „сердечное соглашеніе" Англіи и Франціи. И это новое сближеніе невольно противопоставлялось франко-русскому союзу, тѣмъ болѣе, что изъ круговъ, гдѣ послѣдній наиболѣе шумно рекламировался, выходили и наиболѣе рѣзкія нападки на Англію. Но теперь не эти круги руководили общественнымъ мнѣніемъ Франціи, въ которомъ росла мысль, что французской демократіи гораздо естественнѣе и важнѣе близость съ Англіей, что союзъ двухъ странъ является дѣйствительной порукой мира. Во всякомъ случаѣ необходимо было находить новыя комбинаціи; вызывающее поведеніе Германіи въ Марокскомъ вопросѣ ясно показывало, какъ сильно учитывается на международномъ рынкѣ пораженіе Россіи.

Итакъ, сила вещей направляла Францію къ союзу съ Англіей и отдаляла ее отъ союза съ Россіей. Но передъ ней была старая Россія бюрократическаго деспотизма. Какъ Франція отнесется къ новой, свободной, конституціонной Россіи? И какъ можетъ быть соединено возрожденіе союза съ этой новой Россіей и укрѣпленіе союза съ Англіей, который диктуется самими жизненными потребностями Франціи?

Слишкомъ долго господствовало мнѣніе о прирожденномъ, такъ сказать, антагонизмѣ Англіи и Россіи, антагонизмѣ, который долженъ разрѣшиться рано или поздно кровопролитіемъ. Нельзя сказать, чтобы пресса обѣихъ странъ особенно старалась разсѣять это мнѣніе. Съ одной стороны, систематически выдвигали угрозу русскаго нашествія на

Индію, съ другой,—подчеркивали противоположность интересовъ Россіи и коварнаго Альбіона чуть ли не на всѣхъ точкахъ земного шара.

Каковы бы ни были причины, питавшія взаимное недовѣріе, онѣ постепенно оказываются фиктивными. Несомнѣнно, что въ настоящее время въ Англіи гораздо острѣе чувствуется страхъ и недовѣріе къ Германіи, чѣмъ къ Россіи; боятся гигантскаго роста нѣмецкой промышленности, ея удивительной способности приспособляться къ различнымъ рынкамъ, разсѣяннымъ во всѣхъ частяхъ міра, ея имперіалистическихъ замысловъ и морскихъ вооруженій. Съ другой стороны, и намъ приходится пересматривать теперь всѣ методы нашей азіатской политики. Отказъ отъ соглашенія съ Англіей привелъ лишь къ тому, что безнадежно осложнился армянскій вопросъ, что намъ приходится нести моральную отвѣтственность за неслыханныя звѣрства, произведенныя надъ армянами, что азіатская Турція сдѣлалась угрозой для Кавказа. Съ другой стороны, если бы съ эпохи Симоносекскаго договора мы шли параллельно съ Англіей на Дальнемъ Востокѣ, наше положеніе тамъ было бы теперь совершенно иное. Теперь это дѣло прошлаго, но при наличности англо-японскаго договора, очевидно, единственное средство имѣть свободу дѣйствій въ Азіи — это соединиться съ Англіей. Время разрушить нелѣпую легенду о замыслахъ похода на Индію, время подумать о мирномъ и культурномъ сотрудничествѣ.

Несомнѣнно, что и въ Англіи есть почва для сближенія съ Россіей. Впрочемъ, нужно оговориться, что есть двѣ Англіи, еще въ большей степени, чѣмъ двѣ Франціи. Одна Англія имперіализма и протекціонизма, стремящаяся водрузить съ помощью вооруженной силы британскій флагъ всюду, гдѣ существуютъ экономическіе интересы Британіи; это Англія, которая организовала и вела бурскую войну, которая мечтаетъ создать постоянную армію. Другая Англія — мира и свободной торговли, вѣрная либеральнымъ традиціямъ XIX вѣка; Англія, которая считаетъ, что могущество Британской имперіи должно основываться не на принудительномъ единствѣ, а на свободномъ соглашеніи ея частей, общности ихъ экономическихъ и культурныхъ интересовъ. И здѣсь Россія находится въ обратномъ положеніи, чѣмъ относительно Франціи: тамъ союзъ съ Россіей сдѣлался лозунгомъ всѣхъ

націоналистическихъ круговъ, всѣхъ, исповѣдующихъ культъ войны; здѣсь Россія именно для имперіалистовъ, для поклонниковъ кровавыхъ авантюръ—служитъ предметомъ особенно остраго нерасположенія. Достаточно взглянуть, какимъ чувствомъ къ намъ проникнуты произведенія Киплинга—этого барда англійскаго имперіализма. Иное отношеніе мы находимъ среди англійской либеральной партіи. Эту двойственность мы могли еще испытать въ эпоху берлинскаго конгресса, и она всего ярче выразилась въ противоположномъ отношеніи къ балканскимъ дѣламъ двухъ лидеровъ тогдашней англійской политической жизни — Биконсфильда и Гладстона. Мы не должны забывать, какъ наличность у власти либеральнаго кабинета предотвратила войну Англіи и Россіи, которая готова была разразиться въ 1885 г. во время афганскаго конфликта.

Въ настоящее время Англія свободы и мира одержала блистательную побѣду надъ имперіалистами: нація на выборахъ произнесла свой приговоръ съ опредѣленностью, не допускающей двухъ толкованій; и значеніе его усугубляется отвѣтомъ англійскаго рабочаго класса на демагогическія искательства консервативной партіи. Для освождающейся Россіи открывается возможность войти въ естественную группировку съ Франціей и Англіей и связать свою судьбу во внѣшнемъ мірѣ съ великими западными демократіями. Лишь искреннее сближеніе съ Англіей побѣдитъ противорѣчіе между франко-русскимъ союзомъ и англо-французскимъ сближеніемъ. И кто знаетъ, какъ отнесется къ этой группировкѣ Италія, какъ отнесутся къ ней славянскія народности Австро-Венгріи, которыя предвидятъ вѣроятныя слѣдствія ея распаденія, не получитъ ли естественнаго и мирнаго разрѣшенія мучительный кризисъ, переживаемый на Балканскомъ полуостровѣ? Нѣкогда этотъ самый союзъ Россіи, Англіи и Франціи, оказавшійся, правда, весьма эфемернымъ, освободилъ отъ турецкаго владычества Грецію.

Россія не можетъ оставаться изолированной. Не идя на сближеніе съ Англіей и не укрѣпляя союза съ Франціей, она должна двигаться въ направленіи Германіи. Что дала бы ей такая оріентировка ея внѣшней политики?

Отвѣтомъ на это можетъ служить исторія послѣдняго десятилѣтія. Два момента особенно бросаются въ глаза при

оцѣнкѣ русско-германскихъ отношеній—это кенигсбергскій процессъ 1904 г. и русско-германскій торговый договоръ. Первый вскрылъ полицейскую сторону въ сношеніяхъ двухъ правительствъ — своеобразный союзъ противъ русскихъ внутреннихъ враговъ. Можно не возвращаться къ этимъ тяжелымъ и глубоко-унизительнымъ для нашего національнаго чувства разоблаченіямъ, но нельзя забыть той услужливой готовности, съ какой вступило въ этотъ союзъ германское правительство. Конечно, эта услуга покупалась дорогой цѣной — русско-германскимъ договоромъ, послѣдствія котораго во всей ихъ экономической серьозности учесть мы едва ли можемъ. Несомнѣнно одно: на русское земледѣліе, на главный продуктъ нашего національнаго богатства, была наложена тяжелая контрибуція,—и это послѣ долголѣтней, губительной для русскаго земледѣлія финансовой политики правительства, послѣ засвидѣтельствованнаго истощенія производительныхъ нашихъ силъ. Напрасно появлялись успокоительныя правительственныя сообщенія, возвѣщавшія, что Россія не потерпитъ предполагаемаго возвышенія хлѣбныхъ пошлинъ. Этотъ примѣръ могъ насъ, вопервыхъ, научить правильной оцѣнкѣ того, насколько упалъ международный вѣсъ Россіи, а съ другой стороны—насколько германская политика въ малой степени опредѣляется интересами широкихъ массъ нѣмецкаго населенія. Мы должны уплачивать контрибуцію, но ея не избѣжитъ и нѣмецкій потребитель: остъ-эльбскіе аграріи одержали побѣду на два фронта.

Но, быть можетъ, это—несчастныя послѣдствія нашихъ историческихъ грѣховъ: въ будущемъ мы, вѣроятно, менѣе будемъ нуждаться въ услугахъ нѣмецкой полиціи, а интересы русскаго земледѣлія получатъ надлежащую защиту въ народномъ представительствѣ. Важнѣе выяснить, въ какую сторону насъ направляло бы сближеніе съ Германіей.

Это значило бы, прежде всего, поддерживать существующее положеніе на Ближнемъ Востокѣ, поддерживать à tout prix гегемонію Турціи. Съ тѣхъ поръ, какъ Германія стала смотрѣть на Малую Азію, какъ на сферу своего преобладающаго вліянія—она предоставила на защиту Турціи весь вѣсъ своего политическаго авторитета. Согласіе съ Германіей означало для Россіи допущеніе армянскихъ звѣрствъ; означало мюрцштегское соглашеніе съ Австріей и двусмысленную политику

въ македонскомъ вопросѣ; означало поддержку Абдулъ-Гамида, за которымъ стоялъ Вильгельмъ II. Далѣе при этомъ мы работали бы невольно въ пользу диктатуры Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ. Ужели это—линія, преслѣдующая русскіе національные интересы, сближающая насъ съ славянскими народностями?

Союзъ съ Германіей затѣмъ находился бы, повидимому, въ несомнѣнномъ противорѣчіи съ другой неотложной задачей русской государственной политики—съ умиротвореніемъ Польши. Кажется очевиднымъ, что многолѣтнія дѣйствія правительства въ краѣ лишь расширяли пропасть, отдѣляющую Польшу отъ остальныхъ частей Россіи, и что миръ можетъ быть достигнутъ лишь предоставленіемъ краю широкой культурной свободы, обезпеченной автономными учрежденіями. У всѣхъ свѣжо въ памяти, какъ было встрѣчено въ Берлинѣ оффиціозной прессой предположеніе о польской автономіи; не забыты и странныя угрозы введенія въ предѣлы русской Польши прусскихъ корпусовъ. И это понятно: оффиціальной Германіи, или точнѣе сказать, прусскому правительству нужна порабощенная русская Польша; ея автономія не можетъ не отразиться на Познани. Словомъ, при существующихъ обстоятельствахъ спеціальное русско-германское сближеніе можетъ только упрочить все, что есть ненормальнаго и болѣзненнаго въ русско-польскихъ отношеніяхъ.

Если въ Европѣ и Передней Азіи интересы Россіи и Германіи рѣзко расходятся, то въ Восточной Азіи ея поддержка намъ безполезна, и не съ Германіей, а съ Англіей и—это кажется парадоксальнымъ, но это вѣрно—съ Японіей можемъ мы установить защиту нашихъ подлинныхъ интересовъ на Дальнемъ Востокѣ.

Я бы не хотѣлъ быть заподозрѣннымъ въ разжиганіи какой-либо національной враждебности. Интересы Россіи и Германіи во многихъ пунктахъ не сходятся: но они могутъ быть совершенно мирно размежеваны — и лучшимъ обезпеченьемъ такого размежеванія является союзъ нашъ съ Англіей и Франціей. Вѣроятно и самъ нѣмецкій народъ рано или поздно получитъ возможность больше вліять на свою внѣшнюю политику, которая теперь вся направляется сверху—и тогда, быть можетъ, постепенно ослабѣетъ и господство противоестественнаго милитаризма, въ которомъ живетъ европейскій

міръ. Въ настоящее же время извѣстная самостоятельность наша относительно Германіи будетъ лишь способствовать освобожденію слишкомъ насыщенной электричествомъ международной атмосферы и подготовлять мирное рѣшеніе рисующихся въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ вопросовъ о судьбѣ Австріи и Турціи.

Итакъ, наиболѣе естественной, наиболѣе соотвѣтствующей матеріальнымъ и культурнымъ интересамъ Россіи группировкой является ея союзъ съ Франціей и Англіей—союзъ по существу мирный, и обезпечивающій миръ. Мы видимъ, какъ благопріятны для него ауспиціи: обѣ страны только что дали доказательство своего сочувствія началамъ мирной демократіи. Въ Англіи это выразилось въ парламентскихъ выборахъ, во Франціи—хотя и менѣе ярко—въ избраніи президентомъ Фальера. Это—признаніе необходимости внутренняго соціальнаго прогресса и осужденіе политики внѣшнихъ авантюръ. Такой же смыслъ имѣютъ въ глазахъ Западной Европы и внутреннія событія, развертывающіяся въ Россіи.

Повѣримъ, что и въ нашей родинѣ будущее принадлежитъ не деспотизму и анархіи, а праву и свободѣ, и будемъ работать во имя этой вѣры, которая сдѣлаетъ способнымъ и наше будущее народное правительство стоять на высотѣ его миссіи. Тогда падутъ и всѣ препятствія къ тѣснѣйшему сближенію Россіи и передовыхъ демократій, Франціи и Англіи, сближенію, которое въ равной степени способно обезпечить и наши національные интересы и охрану общечеловѣческой культуры.

С. Котляревскій.

Къ исторіи и психологіи русскаго марксизма.

Интересно прослѣдить у насъ судьбу идей марксизма, судьбу печальную и странную, такъ какъ идеи эти съ кажущимся торжествомъ своимъ окончательно затерялись. Нашъ марксизмъ не такъ давно еще былъ идейнымъ теченіемъ, полнымъ силъ и молодости, онъ повышалъ умственные запросы, внушалъ уваженіе къ знанію, призывалъ соціальную науку для рѣшенія судебъ Россіи, казалось, вносилъ нѣкоторую культурность въ варварскій обиходъ нашей интеллигенціи, боролся со старыми шаблонами, со всякой рутиной. То была борьба идей. Но богъ исторической ироніи превратилъ марксизмъ въ борьбу силъ, далъ ему власть въ жизни, когда идеи марксизма начали разлагаться и вывѣтриваться, когда двѣ души, уживавшіяся въ классическомъ марксизмѣ— научно-реалистическая и религіозно-утопическая—раздѣлились и возстали другъ на друга. Въ отдѣленіи научнаго реализма отъ религіознаго утопизма нужно видѣть сущность кризиса марксизма, внутренняго его разложенія, и русская соціалъ-демократія, какъ могучая борьба силъ, пытается сохранить въ себѣ двѣ души, міръ внутренній, цѣною потерь идей марксизма, забвеніемъ культурныхъ его завоеваній.

Въ 1899 году К. Каутскій мнѣ писалъ: „Русскіе призваны дальше развивать теоретическій марксизмъ. Благодаря абсолютизму русскіе имѣютъ на это время. Въ Россіи соціальное движеніе все еще есть борьба за познаніе, а не за силу"[1]). Эти пріятныя для насъ, тогдашнихъ русскихъ марксистовъ, слова получили своеобразный комментарій въ дальнѣйшемъ развитіи русской мысли и общественности. Въ Россіи были сдѣланы попытки дальнѣйшаго теоретическаго развитія мар-

1) Переписка съ Каутскимъ происходила по поводу моихъ статей, помѣщенныхъ въ „Neue Zeit".

ксизма, и безъ хвастовства можно сказать, что русскіе критическіе марксисты проявили бо̀льшую силу мысли и бо̀льшую смѣлость, чѣмъ нѣмецкіе бернштеньянцы, но результатъ получился для Каутскаго неожиданный и для марксизма гибельный. Оказалось, что не можетъ быть дальнѣйшаго теоретическаго развитія марксизма, что всякое усиліе свободной мысли ведетъ къ рѣшительному кризису и разложенію доктрины. Критическій марксизмъ скоро превратился въ совсѣмъ уже немарксизмъ и даже въ антимарксизмъ по непреодолимой внутренней логикѣ и психологіи.

Дальнѣйшія исканія и творческія попытки пошли по двумъ различнымъ путямъ—научному, реалистическому и религіозному, идеалистическому, такъ какъ система классическаго марксизма была разомъ и системой научной и системой религіозной, была реальной политикой и эсхатологической мечтой.

Такъ было въ царствѣ идей, а въ жизни велась тяжелая борьба съ тѣмъ самымъ абсолютизмомъ, который, по парадоксальному мнѣнію Каутскаго, давалъ намъ время дальше развивать идеи марксизма. Интеллигенція начала борьбу за силу съ капиталомъ стараго марксистскаго познанія. И въ соціалъ-демократіи роковымъ образомъ прекращается всякая умственная жизнь, всякая критика. Охранялась святость догмы, такъ какъ съ ней легко и сладко было бороться за силу, такъ какъ въ ней какъ бы сливался реализмъ жизни съ религіей, и въ ирраціональной мистикѣ революціи не легко отличить реальную злобу дня отъ эсхатологическаго упованія. Соціалъ-демократическія идеи начали царствовать, завладѣли сердцами массъ, хотя затуманились онѣ пеленой совершающейся въ Россіи всенародной революціи. Соціалъ-демократія стала какъ бы выразительницей русской революціи, и трагизмъ положенія тутъ въ томъ, что съ ея же реалистической точки зрѣнія въ Россіи совершается не соціалистическая революція, а политическое освобожденіе націи, въ которомъ рабочій классъ играетъ видную, но подчиненную роль.

И вотъ реалистическія и научныя идеи марксизма предаются забвенію, и торжествуетъ только мистика „классовой точки зрѣнія“ и соціальнаго революціонизма. Когда-то марксисты горячо и рѣзко выступали противъ народничества и стараго революціоннаго утопизма, доказывали ту истину,

что въ Россіи развивается и дальше будетъ развиваться капиталистическое производство, что черезъ „буржуазный“ строй не перескочить, что ближайшей политической задачей можетъ быть лишь „буржуазная“ революція, гарантирующая права и свободу дальнѣйшей борьбы. Въ противоположность народникамъ и старымъ „бунтарямъ“ марксисты были конституціоналистами и соціальными эволюціонистами. Основной научно-реалистической идеей марксизма былъ принципъ развитія „матеріальныхъ производительныхъ силъ“, этого базиса всякаго соціальнаго развитія и всякаго соціальнаго устройства, а отсюда уже выводилась классовая борьба и классовая точка зрѣнія. Для научнаго марксизма нелѣпа и утопична та мысль, что при любомъ состояніи производительныхъ силъ страны возможенъ 8-ми часовой рабочій день, что соціальная сила рабочаго класса можетъ возрасти въ несоотвѣтствіи съ экономическимъ положеніемъ страны, лишь какъ результатъ политическихъ усилій соціалъ-демократовъ. Реалистическій духъ марксизма—въ идеѣ *производительности*, неустанной побѣдѣ надъ природой, и отсюда уже выводится распредѣлительная справедливость. Но въ русскомъ марксизмѣ незамѣтно произошло народническо-утопическое перерожденіе, реалистическія идеи заглохли подъ напоромъ революціонныхъ чувствъ. Явилась склонность перескочить черезъ „капиталистическій“ строй съ его соціально-политическими формами, третировать политическую свободу, какъ благо „буржуазное“, незамѣтно подмѣнять революцію „буржуазную“ революціей „соціальной“, къ которой сейчасъ же считаютъ возможнымъ приступить. *Субъективная* „классовая“ психологія взяла верхъ надъ *объективной* идеей соціальной эволюціи. Въ „буржуазной“ революціи должно принадлежать исключительное господство соціалистическому пролетаріату, а „буржуазія“, къ которой отнесено все не-соціалъ-демократическое, не должна играть никакой роли—вотъ парадоксальный выводъ изъ этой „классовой психологіи“. Только Плехановъ, самый умный и культурный изъ русскихъ соціалъ-демократовъ, не потерялъ окончательно марксистской головы и взывалъ къ марксистской совѣсти. Всѣ побѣдоносные аргументы марксизма противъ „бунтарства“, противъ стараго революціонизма, противъ игнорированія власти матеріальной культуры были забыты. Осталась только эсхатологія марксизма, вѣра въ близкое царство правды на землѣ,

въ пролетарско-соціалистическій праведный судъ, вѣра, оторванная отъ своего матеріальнаго базиса въ соціальномъ развитіи. Кто же виновникъ умственнаго декаданса русской соціалъ-демократіи, забвенія марксистскихъ идей въ борьбѣ революціонныхъ силъ? Виновникъ этотъ очевиденъ—самодержавіе и его изувѣрство, опредѣлившія характеръ русской революціи. Реакціонныя насилія правительства систематически культивировали идею соціальной революціи и воспитывали ту психологію, въ которой страсти политическія переходятъ въ страсти религіозныя, а политики превращаются въ фанатиковъ. Въ такомъ напряженіи, въ такой безпросвѣтности нельзя безнаказанно держать человѣческія души. Идея соціальной революціи заключена въ системѣ марксизма. Но въ русской дѣйствительности она окончательно была искажена, и соціалъ-демократы слѣпо дорожатъ этимъ искаженіемъ.

Что исторія полна всякаго рода „революцій", это—фактъ и нелѣпо было бы говорить о возможности или невозможности подобнаго факта. О „Революціяхъ" этихъ разсказываютъ учебники исторіи, „революція" такого рода совершается и на нашихъ глазахъ. Это традиціонное пониманіе слова революція, не заключающее въ себѣ никакого соціологическаго міросозерцанія, не предполагающее никакой теоріи соціальнаго развитія.

Совсѣмъ иное дѣло *соціальная революція* въ пониманіи марксизма. Соціальная революція, которой ждутъ соціалъ-демократы, покоится на опредѣленной соціологической теоріи соціальнаго развитія и внѣ этой теоріи не имѣетъ никакого смысла. Марксистская соціальная революція это не фактъ котораго можно желать или не желать, допускать или не допускать, это — ложная теорія, оптическій обманъ. „Соціальной революціи" никогда не было и никогда не будетъ, хотя всякая революція имѣетъ свою соціальную сторону. Система марксизма есть въ высшей степени причудливое и некритическое сплетеніе соціологическаго пониманія слова революція съ пониманіемъ полицейскимъ, и коренится это въ основной двойственности марксизма. Это обнаружилось въ извѣстномъ спорѣ Бернштейна и Каутскаго. Объ этомъ хорошо писалъ П. Б. Струве въ „Архивѣ Брауна". Но въ соціалъ-демократическомъ сознаніи проблема эта осталась затемненной.

Не трудно опредѣлить внѣшніе признаки революціи въ

традиціонномъ смыслѣ этого слова, и они чисто отрицательные. Когда тюрьмы переполняются, когда на улицахъ демонстраціи, когда одна часть населенія сражается съ войсками и другой частью, когда происходятъ разныя внушительныя явленія, вызывающія гоненія правительства, то обыкновенно говорятъ, что въ странѣ революціонное движеніе. Что революція, а что не революція, устанавливается государственной полиціей, ея мѣриломъ опредѣляется революціонизмъ.

И стало несомнѣнной исторической истиной, что революціи создаются реакціей, и независимо отъ реакціи не имѣютъ никакого содержанія, какъ таковыя, т. е. какъ революціи. Революціи характеризуются не радикализмомъ цѣлей, не глубиной перерожденія общественнаго бытія и природы человѣческой, а страстностью реакціи на зло прошлаго, на гнетъ, на реакцію. Поэтому содержаніе революціи очень трудно характеризовать въ опредѣленіяхъ творческихъ, обращенныхъ впередъ. Революціонеръ, какъ психологическій типъ, всегда обращенъ назадъ, только отрицательная прикованность его къ прошлому, отъ котораго сознаніе его не можетъ оторваться, только гоненія, воздвигаемыя на него силами прошлаго, стараго, и дѣлаютъ его революціонеромъ.

Психологія революціонизма по существу своему отрицательная, обращенная назадъ, не окрыленная, паѳосъ ея питается гипнотической властью зла въ прошломъ, и творческому полету мѣшаетъ какая-то влюбленная ненависть къ старому.

Вѣдь революціонеръ не можетъ жить безъ реакціонера, безъ гнета, безъ тюремъ и полиціи, его жизнь не обогащается, а обѣдняется отъ исчезновенія этихъ отвратительныхъ призраковъ, лишается своего паѳоса. Въ этомъ ограниченность и условность того, что мы зовемъ революціей, въ этомъ умѣренность и недостаточная радикальность всякаго революціонизма. Взоръ обращается впередъ, освобождается отъ кошмара, и паѳосъ революціи исчезаетъ. Становится очевиднымъ, что гнетъ жандармеріи и полиціи окрашивалъ революціонеровъ въ опредѣленный цвѣтъ, что цвѣтъ красный былъ лишь отраженіемъ синихъ мундировъ, что революціонная природа создавалась насильничествомъ власти. Революціонизмъ никогда не смотритъ въ глубь вещей, онъ всегда остается на поверхности, всегда условенъ,

относителенъ и „реакціоненъ“ [1]), въ немъ не заключено никакихъ радикальныхъ утвержденій. Психологія революціонизма, всегда калѣчащая человѣческую личность и затемняющая ея сознаніе, сознаніе *радикальныхъ, конечныхъ цѣлей жизни*, есть историческая трагедія, роковымъ образомъ рожденная исторической силой мрака и гнета. И революціонизмъ неизбѣженъ въ мірѣ, пока есть угнетеніе, реакція, предательство, пока государственная полиція, создаваемая всякой властью земной, кладетъ свою печать на жизнь. Подобный революціонизмъ играетъ не малую роль въ психологіи марксизма, выработавшейся въ революціонной атмосферѣ 48-го года и поддерживаемой политической реакціей въ Германіи, странѣ все еще полицейской, управляемой бюрократіей, отъ которой всегда можно ждать заговора противъ общества и народа. Но что же такое „соціальная революція“, революція въ соціологическомъ, а не полицейскомъ смыслѣ слова, революція, которую соціалъ-демократы считаютъ своей спеціальностью?

„Соціальная революція“ есть марксистское пониманіе соціальной эволюціи. Марксизмъ болѣе всего настаивалъ на эволюціонномъ характерѣ соціальнаго процесса, для марксизма всякій общественный переворотъ можетъ быть только продуктомъ соціально-экономической эволюціи, всякая перемѣна въ распредѣленіи благъ зависитъ отъ ихъ производства, отъ *созидательнаго* соціальнаго процесса. Одна половина марксизма, научно-реалистическая, есть отрицаніе соціальной революціи, отрицаніе соціальнаго переворота, такъ какъ видитъ сущность соціальнаго процесса въ непрерывномъ утвержденіи, въ соціальномъ обогащеніи, въ экономическомъ творчествѣ. То, что называется политическими революціями, можно мыслить въ терминахъ отрицательныхъ, можно уничтожить самодержавіе, свергнуть монархію, перемѣнить форму правленія и даже устранить всякую власть, но судьба соціально-экономическаго развитія цѣликомъ зависитъ отъ утвержденія, отъ производительности, и однимъ отрицаніемъ тутъ ничего не достигнешь кромѣ обѣднѣнія, т. е. соціальнаго регресса. Марксизмъ зоветъ къ увеличенію производительности и обогащенію, къ побѣдѣ надъ природой экономическимъ совер-

---

[1]) Въ психологическомъ смыслѣ.

шенствомъ. Марксизмъ претендуетъ организовать питаніе человѣческое, рѣшить проблему хлѣба насущнаго, и не его, казалось бы, дѣло дезорганизовать экономику, голо отрицать подъ фирмой соціальной революціи. Эпохи, и типы экономическаго развитія человѣчества измѣряются огромными промежутками времени, и тутъ нѣтъ никакихъ рѣзкихъ перерывовъ.

Научно установлено, что переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ капиталистическому есть многовѣковой процессъ, не закончившійся и до сихъ поръ, и соціализація производства, отъ которой можно ждать лучшей организаціи питанія и большей распредѣлительной справедливости, научно-реалистически мыслима лишь какъ многовѣковый, сложный и многообразный процессъ, теряющійся въ неразгаданной тайнѣ будущаго. И для реалистической науки, которую такъ любятъ марксисты, допустимъ лишь эволюціонный и реформаторскій соціализмъ, который созиданіемъ предотвращаетъ соціальный крахъ. А соціалъ-демократическая вѣра въ соціальную революцію есть противонаучная и даже противомарксистская утопія, есть жажда религіозная и надежда эсхатологическая У соціалъ-демократовъ съ соціальнымъ переворотомъ связана вѣра въ наступленіе царства Божія на землѣ, какъ бы конецъ исторіи съ борьбой противоположностей, какъ бы начало какого-то сверхъисторическаго процесса.

Въ Германіи вѣра въ соціальный Zusammenbruch поддерживается реакціонной политикой правительства и реакціоннымъ настроеніемъ буржуазныхъ классовъ. Вѣдь соціалъ-демократія—единственная либеральная партія въ Германіи, ей приходится вести борьбу за свободу и права, за которыя должны были бы бороться всѣ либералы. Въ этой напряженной, гнетущей политической атмосферѣ растетъ предчувствіе возможныхъ политическихъ революцій, и съ ними роковымъ образомъ смѣшиваютъ огромный соціальный катаклизмъ. Тамъ можетъ произойти еще десять революцій, но съ той окончательной соціальной революціей, которой ждутъ вѣрующіе, ничего общаго онѣ имѣть не будутъ. Еще въ большей степени это можно сказать про Россію. У насъ надежды на соціальную революцію питаются реакціоннымъ режимомъ, не знающимъ мѣры деспотизмомъ, постояннымъ ожиданіемъ столкновенія съ властью имущими, той лихора-

дочной атмосферой, тѣмъ горемъ, что создается обысками, арестами, ссылками, казнями, невыносимымъ экономическимъ гнетомъ народа. Ходъ русской исторіи, характеризующійся прогрессивными стремленіями общества и упорной реакціонностью власти, воспиталъ насъ въ духѣ крайностей. Намъ все кажется, что либо панъ, либо пропалъ, либо все, либо ничего, либо самодержавіе и высочайшая степень экономическаго гнета, либо республика и соціализмъ.

Въ стихіи революціи потерялась всякая историческая перспектива. Вкуса къ правамъ, къ благамъ свободы у насъ не выработалось. Привычка къ угнетенію была такъ велика, что созиданіе, соціальное творчество отступили на задній планъ, и казалось достаточнымъ уничтожить эксплуататоровъ, чтобы стать богатыми и чтобы воцарилась соціальная справедливость. Думали достигнуть бо̀льшаго, чѣмъ въ Западной Европѣ, и все потому, что такъ мало у насъ было, такъ бѣдны и угнетены мы были, такъ мечты разгорѣлись отъ гнета и ужаса. Вотъ почему побѣдила у насъ мечтательная сторона марксизма, а реалистическія его идеи были забыты.

Главная заслуга русской соціалъ-демократіи была по преимуществу культурно-просвѣтительная. Это было развитіе сознанія рабочихъ массъ, просвѣщеніе ихъ, внѣдреніе идей соціально-эволюціонныхъ. Марксизмъ очень настаивалъ на томъ, что коренное перерожденіе общественной ткани зависитъ отъ развитія производительныхъ силъ страны и сознанія массъ. А потомъ властная тактика Плеве и якобинство бюрократіи внушили нашей интеллигенціи якобинское пониманіе общественнаго переворота. Просвѣтлѣніе сознанія было замѣнено одной агитаціей, которая никогда вѣдь не идетъ вглубь вещей.

Противъ идеи соціальной революціи можно выдвинуть два рода возраженій, съ разныхъ концовъ. Прежде всего соціальная революція противорѣчитъ эволюціонному пониманію соціальнаго развитія, противорѣчитъ самой природѣ экономическаго процесса.

Это чисто-научный, реалистическій аргументъ, заключенный и въ самомъ марксизмѣ. Но соціальная революція противорѣчитъ и идеѣ сознательнаго общественнаго творчества. Вѣра въ творческую свободу, въ сознательныя усилія людей несовмѣстима со стихійнымъ созданіемъ новой

общественности путемъ внѣшнихъ, роковыхъ катастрофъ, путемъ накопленія зла, переходящаго въ свою противоположность; вѣра эта хочетъ переродить общество измѣненіемъ сознанія людей, хочетъ неустанно обновлять общественную ткань и тѣмъ самымъ сдѣлать ненужнымъ роковой катаклизмъ. Вѣдь и въ марксизмѣ есть большая анти-якобинская часть, есть ученіе объ измѣненіи *сознанія* общественныхъ классовъ, какъ единственномъ пути къ свободѣ. Намъ не мѣшало бы теперь помнить обѣ истины: и реалистическую мысль объ общественной эволюціи, въ которой нельзя перескочить черезъ цѣлые періоды и нельзя соціальную бѣдность превратить въ соціальное богатство, и мысль идеалистическую объ измѣненіи сознанія людей, о перерожденіи общества усиліями свободнаго духа. Я не раздѣляю идей марксизма, но нѣкоторую дозу марксизма я бы считалъ полезнымъ прописать нашему соціальному движенію. Все это поймутъ, когда проблемы соціально-экономическія будутъ сознательно поставлены во всей своей остротѣ и оттѣснятъ на второй планъ проблемы политическія, а это скоро произойдетъ, такъ какъ намъ питаться нужно.

Но своей критикой „соціальной революціи", я не хотѣлъ сказать, что ни въ какомъ случаѣ и ни въ какомъ смыслѣ она невозможна. Ничего не созидающая, чисто разрушительная „соціальная революція" возможна, до нея могутъ быть люди доведены, но это будетъ происходить уже въ религіозно-мистической, а не соціально-позитивной плоскости. Знаю только, что новая общественность никогда не создается соціальной революціей, но мистическая сторона соціалъ-демократіи влечетъ ее къ соціальной революціи, и тутъ начинается хиліазмъ, противоположный христіанскому, мечта о тысячелѣтнемъ царствѣ на землѣ, но не Христа уже, а иного бога. Противъ этого не можетъ быть ни научныхъ, ни политическихъ аргументовъ, это иная совсѣмъ плоскость, и разговаривать тутъ нужно на иномъ языкѣ.

Мы хотимъ нейтральнаго соціальнаго развитія, нейтральной соціальной среды, питающей человѣчество и выводящей его изъ состоянія звѣрскаго, но не превращающей соціальныя страсти и мечты въ религію, такъ какъ только съ нейтральной человѣческой средой мы можемъ согласовать свою религію.

Николай Бердяевъ.

Гдѣ взять земли? [1]).

Земли!.. земли!.. земли!..

Этотъ вопль, наполняющій теперь всю Россію, — это, практически, все содержаніе нашего аграрнаго вопроса, какъ его ставятъ въ настоящее время. Земли требуетъ и всякій безземельный народъ—разные дворовые мѣщане изъ дворовыхъ и не изъ дворовыхъ, безземельные батраки, какіе-то почетные граждане изъ Бессарабіи. Требуютъ земли дарственники, которыхъ „нищенскіе надѣлы" едва вмѣщаютъ усадьбы съ кой-какими огородами. Но не менѣе громко требуетъ земли и все остальное крестьянство: бывшіе помѣщичьи крестьяне, получившіе полный надѣлъ по „положеніямъ", бывшіе государственные, получившіе гдѣ 8, гдѣ 15 десятинъ на ревизскую душу и сейчасъ имѣющіе, по разсчету на наличное населеніе, въ малоземельныхъ мѣстностяхъ по 4, въ многоземельныхъ — по 7 - 8 десятинъ; переселенцы, пять-шесть лѣтъ тому назадъ получившіе тѣ же 15 десятинъ на наличную душу... Требуютъ земли и „на прибылыя души", и по случаю „неудобства" надѣловъ, и изъ-за отсутствія выгоновъ; требуютъ земли „малолѣтки", не могущіе добиться передѣла, переселенцы-новоселы, изъ-подъ носа которыхъ староселы выхватили всѣ лучшія угодья. Требуютъ въ тысячахъ прошеній, ежедневно цѣлыми кипами поступающихъ во всякія правительственныя учрежденія, въ „резолюціяхъ", „петиціяхъ" и „заявленіяхъ", время отъ времени попадающихъ въ періодическую печать,—безразлично, являются ли эти прошенія, приговоры и резолюціи дѣйствительнымъ отраженіемъ народнаго сознанія, или носятъ на себѣ явные слѣды интеллигентскаго пера... Требованіе земли, начиная съ 60-хъ годовъ, не перестаетъ звучать въ постановленіяхъ земствъ; наряду съ требованіемъ личной свободы, оно доминируетъ въ трудахъ сельско - хозяйственныхъ комитетовъ

---

[1]) Мы надѣемся въ редакціонной статьѣ вернуться къ земельному вопросу и развить нашу собственную точку зрѣнія, не во всемъ совпадающую со взглядами А. А. Кауфмана. *Ред.*

1902 года; это требованіе, со времени Янсона, не перестаетъ развивать со всѣхъ сторонъ наша экономическая и статистическая наука, которая старается обосновать его, между прочимъ, и на строго объективныхъ, трудовыхъ и потребительныхъ нормахъ. И расчеты земельнаго дефицита, основанные на такого рода нормахъ, оставляютъ далеко за собой самыя смѣлыя мечты крестьянъ: 8, 10 десятинъ на наличную душу, 30—40 десятинъ на дворъ—вотъ тѣ нормы, которыя признаются достаточными для удовлетворенія насущнѣйшихъ потребностей крестьянина, и при которыхъ надѣльная земля могла бы дать достаточное приложеніе для его труда.

Иногда, правда, раздаются робкіе голоса, спрашивающіе: да полно, въ землѣ ли все дѣло? не слѣдуетъ ли прежде всего, или по крайней мѣрѣ параллельно съ мѣрами къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія, подумать о томъ, чтобы надѣльная земля давала больше, нежели она даетъ теперь? не будетъ ли повышеніе производительности надѣльныхъ земель способомъ, и практически легче осуществимымъ, и во всякомъ случаѣ обѣщающимъ болѣе устойчивые результаты, нежели безпредѣльное расширеніе крестьянскаго землевладѣнія? Но эти голоса теряются въ стройномъ хорѣ требующихъ земли, земли, земли... Культура—это тамъ когда-нибудь впослѣдствіи, а *теперь* надо прежде всего земли, ибо безъ земли не можетъ быть и культуры. „Безземельнымъ и малоземельнымъ—отвѣчаетъ „культурникамъ“ М. И. Туганъ-Барановскій—нужно прежде всего получить землю, а потомъ уже думать объ улучшеніи пріемовъ ея обработки“. Говорить о повышеніи культуры—это что-то вродѣ насмѣшки надъ крестьяниномъ, требующимъ земли: „голодающій человѣкъ проситъ у васъ хлѣба, а вы говорите ему о могуществѣ и пользѣ знанія... вмѣсто куска хлѣба вы суете ему въ руки книгу. Но что бы ни было въ вашей книгѣ—она камень въ рукахъ голоднаго, и онъ будетъ правъ, если швырнетъ ее вамъ обратно въ лицо“...

Когда-нибудь впослѣдствіи я постараюсь выяснить, что собственно является камнемъ въ рукахъ голодающаго крестьянина: земля, дающая ему, гдѣ-нибудь въ Самарской губерніи, кругомъ 23 пуда, или книга, учащая, какъ увеличить вдвое или втрое производительность земли. Въ данную минуту мнѣ хочется остановиться на болѣе простомъ вопросѣ: о предѣлахъ практической осуществимости и крестьянскихъ,

и интеллигентскихъ мечтаній о землѣ. Сколько, приблизительно, требуется земли, чтобы удовлетворить этимъ мечтаніямъ, и откуда можно взять эту землю? О *точномъ* отвѣтѣ на эти вопросы, при данномъ состояніи нашей поземельной статистики, не приходится думать. Единственное, что можно попытаться сдѣлать — это составить себѣ приблизительное представленіе о степени практической осуществимости или точнѣе неосуществимости мечтаній о землѣ; это—намѣтить тѣ предѣлы, за которые нельзя будетъ итти въ заботахъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія, не рискуя нанести непоправимаго вреда странѣ и самому трудовому крестьянству.

Сколько же, прежде всего, *нужно земли*? На этотъ вопросъ возможно безконечное множество отвѣтовъ. Теоретическія нормы? Но наряду съ теоретически построенною для Самарской губерніи трудовою нормой въ 22 десятины на дворъ, мы знаемъ и опредѣленную земскими статистиками практическую норму въ 12 десятинъ; для Уфимской губерніи земскіе статистики, въ одномъ случаѣ, вычислили норму въ 37—41 дес., въ другомъ— въ 18 десятинъ. Да и по самому существу дѣла расчеты, основанные на теоретическихъ нормахъ, не могутъ не быть чрезвычайно шаткими: прикиньте или сбавьте пять пудовъ на десятину средней урожайности, 2—3 пуда на душу годового потребленія, учтите болѣе или менѣе широко рабочую способность двора, примите или не примите, въ расчетъ рабочую силу полуработниковъ, примѣненіе тѣхъ или другихъ орудій и машинъ—и ваши нормы будутъ измѣняться на цѣлыя десятины, а ваши конечные выводы — на милліоны и десятки милліоновъ десятинъ. Однако, болѣе общимъ признаніемъ несомнѣнно пользуются нормы болѣе или менѣе высокія, въ видѣ правила, въ нѣсколько разъ превышающія дѣйствительное земельное обезпеченіе населенія. Въ трудахъ „коммисіи центра" вычислено (а по точности метода эти „бюрократическія" вычисленія не хуже и не лучше земскихъ и всякихъ другихъ попытокъ того же рода), что надѣльная земля можетъ дать приложеніе лишь для 21% рабочей силы крестьянскаго населенія пятидесяти губерній; 79%, или почти четыре пятыхъ, остаются незанятыми работой на надѣльной землѣ. Чтобы довести надѣльное землевладѣніе крестьянъ пятидесяти губерній до рабочихъ нормъ, нужно, слѣдовательно, увеличить площадь на-

дѣльныхъ земель впятеро. Въ настоящее время площадь надѣльныхъ земель въ 50 губерніяхъ достигаетъ 112 милліоновъ десятинъ; упятеренная площадь — 560 милліоновъ. А общее пространство удобныхъ земель пятидесяти губерніи не превышаетъ 320 милліоновъ десятинъ...

Еще гораздо труднѣе учесть, что потребовалось бы для практически, какъ будто бы, скорѣе осуществимаго разрѣшенія вопроса—для удовлетворенія крестьянскихъ мечтаній о землѣ, какъ они выражаются во всевозможныхъ прошеніяхъ, приговорахъ и резолюціяхъ—труднѣе потому, что мы совершенно не имѣемъ возможности свести этихъ мечтаній къ какой-нибудь общей формулѣ, которую можно было бы положить въ основу дальнѣйшихъ вычисленій. Но если принять во вниманіе, что нарѣзки „на прибылыя души" требуютъ и бывшіе государственные крестьяне, и даже переселенцы, нѣсколько лѣтъ тому назадъ получившіе надѣлъ на наличныя души; что притомъ требованія прирѣзокъ, во многихъ случаяхъ, мотивируются или будутъ мотивироваться не только количественною недостаточностью земельнаго надѣла, но кромѣ того еще недостаткомъ покосовъ, недостаточностью выгоновъ, выпаханностью земли и другими качественными ея недостатками, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что для пополненія земельнаго дефицита потребуются не десятки, а во всякомъ случаѣ за сотню милліоновъ десятинъ земли.

Въ самомъ дѣлѣ. Не такъ давно я сдѣлалъ попытку вычислить, сколько нужно земли, чтобы довести крестьянское землевладѣніе до сравнительно умѣренныхъ нормъ, именно, до размѣра высшихъ или указныхъ надѣловъ по положеніямъ 19-го февраля [1]). Я отнюдь не претендую на точность вычисленій—напротивъ, я прекрасно знаю, что, по самому свойству данныхъ, положенныхъ въ основу этихъ вычисленій (а болѣе точныхъ данныхъ наша статистика не имѣетъ), результаты ихъ носятъ совершенно гипотетическій характеръ, и нисколько не удивлюсь, если провѣрка на основаніи современнаго намъ точнаго статистическаго матеріала обнаружитъ погрѣшности по отдѣльнымъ губерніямъ — въ

---

[1]) См. „Право", № 1 за 1906 годъ, а также оттиски отдѣльною брошюрой подъ заглавіемъ „Къ вопросу о дополнительномъ надѣленіи". Тамъ подробно объяснены пріемы вычисленія, почему здѣсь я на нихъ и не останавливаюсь.

сотняхъ тысячъ, въ общихъ итогахъ—въ нѣсколько милліоновъ десятинъ; но, по чисто методологическимъ соображеніямъ, я имѣю всѣ основанія думать, что дѣйствительный земельный дефицитъ скажется еще больше, нежели вычислено мною. А дефицитъ этотъ, для 44 губерній [1]) составляетъ около 73 милліоновъ десятинъ. И это по сравненію съ нормами мѣстныхъ положеній 19-го февраля, которыя большинство нашихъ теоретиковъ признаетъ „завѣдомо недостаточными" и которыя, *при существующихъ способахъ хозяйства*, дѣйствительно недостаточны для сноснаго существованія. Не говоря уже о теоретическихъ нормахъ—70-ю слишкомъ милліонами десятинъ не будутъ удовлетворены мечтанія ни переселенцевъ, ни государственныхъ крестьянъ, получившихъ полные надѣлы и тѣмъ не менѣе по тѣмъ или другимъ основаніямъ требующихъ прирѣзки. И конечно, не будетъ преувеличеніемъ утверждать, что для расширенія землевладѣнія крестьянъ въ мѣру крестьянскихъ пожеланій потребуется, во всякомъ случаѣ, болѣе ста милліоновъ десятинъ.

Какими же, спрашивается, земельными запасами можно располагать для цѣлей расширенія крестьянскаго землевладѣнія?..

Я оставлю совершенно въ сторонѣ вопросъ о переселеніи за предѣлы Европейской Россіи: невозможность расчитывать на переселеніе, какъ сколько-нибудь серьезный факторъ въ дѣлѣ расширенія крестьянскаго землевладѣнія, въ достаточной мѣрѣ утвердилась въ общественномъ сознаніи. Замѣчу только одно: въ настоящее время надѣются довести годовой размѣръ переселенія до никогда не бывалой цифры 300,000 душъ. Допустимъ, что дѣйствительность далеко превзойдетъ эти смѣлыя мечтанія, и что переселеніе будетъ доведено до полумилліона въ годъ (замѣчу въ скобкахъ, что я не могу безъ ужаса подумать о будущемъ, которое, въ такомъ случаѣ, ожидало бы бѣдныхъ переселенцевъ!..). Вѣдь это все-таки была бы *только четверть годового прироста* населенія Европейской Россіи! Какая же можетъ быть рѣчь о переселеніи, какъ о серьезномъ средствѣ расширить крестьянское землевладѣніе?...

---

[1]) Я исключилъ изъ своихъ подсчетовъ, по разнымъ основаніямъ, Архангельскую губернію, три прибалтійскія, а также Донскую область и Оренбургскую губернію.

Итакъ, при разрѣшеніи нашего аграрнаго вопроса придется оперировать почти исключительно съ земельными запасами Европейской Россіи. Каковы же, спрашивается, эти земельные запасы?

Для тѣхъ же 44 губерній они опредѣляются въ слѣдующихъ круглыхъ цифрахъ: казенное землевладѣніе—57 милліоновъ десятинъ; удѣльное — 5, 6 милліоновъ; внѣнадѣльныя земли всѣхъ остальныхъ категорій владѣльцевъ—95 милліоновъ десятинъ,—все это, считая одну только удобную площадь земельныхъ угодій и лѣсовъ. Цифры, на первый взглядъ, совершенно достаточныя, если не для того, чтобы довести крестьянское землевладѣніе до болѣе или менѣе фантастическихъ теоретическихъ нормъ, то во всякомъ случаѣ для того, чтобы надѣлить всѣхъ крестьянъ, и бывшихъ помѣщичьихъ, и государственныхъ, въ мѣру ихъ требованій и мечтаній.

Но такъ ли это въ дѣйствительности?

Прежде всего, изъ общей площади внѣнадѣльныхъ земель, составляющей, въ общемъ итогѣ по всѣмъ категоріямъ владѣнія, 168 милліоновъ дес., только 65 милліоновъ десятинъ составляютъ земельныя угодья, 103 милліона десятинъ—лѣса. Въ какой мѣрѣ, спрашивается, возможно воспользоваться этими лѣсами, для цѣлей расширенія крестьянскаго землевладѣнія? Нѣкоторые отвѣчаютъ на этотъ вопросъ, безъ оговорокъ, утвердительно. Наличность лѣса, по мнѣнію М. И. Туганъ Барановскаго, „только увеличиваетъ цѣнность выкупаемой земли въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ лѣса мало"... Да, увеличиваетъ *цѣнность*—но не увеличиваетъ *возможность отвода* лѣсныхъ площадей *въ крестьянскіе надѣлы*. Лѣсъ исполняетъ въ экономіи страны совершенно опредѣленныя функціи, именно *какъ лѣсъ*: достаточно напомнить читателю, что на нашемъ степномъ югѣ безлѣсье является одною изъ главныхъ причинъ, задерживающихъ уже давно назрѣвшій переходъ къ навозному удобренію: крестьянамъ приходится сжигать ту солому, которая иначе могла бы пойти на удобреніе полей. Но вѣдь значеніе лѣсовъ далеко не исчерпывается этимъ: вспомните, читатель, только обмеленіе рѣкъ, образованіе овраговъ и сыпучихъ песковъ; вспомните, главное,—о все возрастающей засушливости и неурожайности нашихъ южныхъ и юго-восточныхъ степей, стоящей въ прямой связи съ лѣсоистребленіемъ... Мнѣ скажутъ: а развѣ частное

владѣніе гарантируетъ сохраненіе лѣсовъ? Конечно нѣтъ, или точнѣе—не всегда. Но передача лѣсовъ крестьянамъ—я боюсь—гарантировала бы ихъ истребленіе. Мнѣ скажутъ, что потребность въ топливѣ не менѣе существенна, нежели нужда въ угодьяхъ. Совершенно вѣрно—но передача лѣсовъ крестьянамъ, обрекая ихъ на истребленіе, не будетъ, во всякомъ случаѣ, сколько-нибудь надежнымъ способомъ обезпеченія этой потребности. Я думаю, что и принципіально, и практически трудно возражать противъ экспропріаціи лѣсовъ изъ частнаго владѣнія—но это должна быть экспропріація *въ непосредственное распоряженіе государства* или большихъ территоріальныхъ союзовъ. Во всякомъ случаѣ—вопросъ о снабженіи населенія лѣсными матеріалами и объ эксплоатаціи лѣсовъ—это одно, а вопросъ объ использованіи лѣсныхъ пространствъ для расширенія площади крестьянскихъ угодій—совершенно другое. И поскольку рѣчь идетъ объ этомъ послѣднемъ, практически наиболѣе насущномъ, въ настоящее время, вопросѣ, использованіе для этого лѣсовъ можетъ быть допущено лишь въ очень тѣсныхъ предѣлахъ: только въ тѣхъ губерніяхъ или уѣздахъ, гдѣ имѣется излишекъ лѣсовъ сверхъ признаннаго за нормальный процентъ лѣсистости, и лишь тогда, когда данная лѣсная площадь не имѣетъ существеннаго защитнаго, водоохраннаго, климатическаго или особо важнаго промышленнаго значенія. Совершенно ясно, что для всего черноземнаго юга и центра о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія за счетъ наличной лѣсной площади не можетъ быть и рѣчи,—во многихъ губерніяхъ пора уже подумать не о сокращеніи площади лѣсовъ, а о планомѣрномъ ихъ возстановленіи. Излишки лѣсовъ окажутся только въ сѣверо-западныхъ, подмосковныхъ и главное—въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ ими и можно будетъ воспользоваться для цѣлей расширенія крестьянскаго землевладѣнія. По такимъ губерніямъ, какъ Олонецкая, Пермская, особенно же Вологодская и Архангельская, излишекъ лѣсовъ, конечно, превыситъ мѣстную потребность. Но увы—архангельскіе и олонецкіе лѣса, конечно, не могутъ быть разсматриваемы, какъ запасный фондъ для расширенія землевладѣнія крестьянъ южной и центральной черноземной полосы, т. е. тѣхъ именно мѣстностей, гдѣ земельный вопросъ стоитъ острѣе всего.

Переходимъ къ земельнымъ угодьямъ. Казенныхъ и удѣльныхъ земель, въ 44 губерніяхъ, имѣется всего 5, 4 милліоновъ

удобныхъ десятинъ—очевидно капля въ морѣ земельной нужды народа... Да и эту ничтожную площадь далеко не цѣликомъ можно будетъ использовать для расширенія землевладѣнія безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ. Я уже не буду говорить о томъ, что государство не можетъ выпустить изъ рукъ весь, до послѣдней десятины, тотъ небольшой земельный фондъ, которымъ оно еще располагаетъ въ Европейской Россіи,—напомню только о задачахъ агрономическаго воздѣйствія на крестьянское хозяйство, требующихъ сохраненія въ распоряженіи государства или земствъ нѣкотораго количества земли, возможно равномѣрно разбросаннаго по территоріи страны. Но вѣдь главная масса казенныхъ земель сосредоточивается на приволжскомъ и заволжскомъ юго-востокѣ, гдѣ условія почвы, климата и въ особенности водоснабженія, несомнѣнно, заставятъ вычеркнуть не мало сотенъ тысячъ десятинъ изъ числа земель, могущихъ пригодиться для малоземельнаго крестьянства.

Центръ тяжести вопроса, значитъ, во владѣльческихъ земляхъ, или, что по существу то-же самое—въ принудительномъ ихъ отчужденіи. Мнѣ уже приходилось касаться, на страницахъ „Полярной звѣзды", принципіально-юридической стороны вопроса объ отчужденіи. По моему убѣжденію,—всѣ сомнѣнія, выдвигаемыя съ *этой* стороны, не могутъ имѣть значенія. Весь вопросъ—въ предѣлахъ допустимости принудительнаго отчужденія—вопросъ въ томъ, слѣдуетъ ли стремиться къ *полной* и *немедленной* ликвидаціи всего частнаго землевладѣнія, или, можетъ быть,—общая польза и интересы самихъ трудящихся массъ населенія не допускаютъ такой „полной ликвидаціи".

Остановлюсь, прежде всего, на одномъ, какъ мнѣ кажется, довольно обычномъ недоразумѣніи, особенно рельефно выразившемся въ заключительныхъ словахъ напечатанной недавно въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" замѣтки г-на Ив. Я., вызванной моею статьею „Къ вопросу о дополнительномъ надѣленіи". „Если бы страна,—говоритъ г-нъ Ив. Я.,—была такъ бѣдна годною для культуры землею", какъ показываютъ мои вычисленія,—„то выводъ отсюда логически-неизбѣжно могъ бы быть сдѣланъ только одинъ: вся земля, безъ всякихъ ограниченій должна перейти къ лично ее обработывающимъ".

Я считаю если и не „логически-неизбѣжнымъ", то во всякомъ случаѣ болѣе правильнымъ діаметрально-противо-

положный выводъ. Я имѣлъ бы *гораздо* меньше возраженій противъ предлагаемаго г-номъ Ив. Я „радикальнаго", а по моему убѣжденію—крайне палліативнаго разрѣшенія аграрнаго вопроса, если бы крестьянское землевладѣніе дѣйствительно можно было довести до размѣровъ, хотя бы приблизительно соотвѣтствующихъ пресловутымъ „трудовымъ нормамъ", иначе сказать—учетверить или упятерить; если бы тѣмъ самымъ для крестьянъ устранялся вопросъ о заработкахъ, какъ дополнительномъ источникѣ средствъ существованія, а главное—если бы этимъ путемъ возможно было возвратиться къ той плотности населенія, которая можетъ быть признана нормальною: въ центральныхъ губерніяхъ—для трехпольнаго, въ южныхъ и на востокѣ—для залежнаго хозяйства. Въ *такомъ* случаѣ дополнительный надѣлъ, дѣйствительно, могъ бы хоть на нѣсколько десятилѣтій обезпечить населенію необходимое благосостояніе, а владѣльческія хозяйства на время утратили бы существенное значеніе для трудового населенія. Поясню сказанное схематическимъ примѣромъ. Пусть первобытное залежное хозяйство обезпечиваетъ и хорошую урожайность полей, и достаточное количество кормовъ при 50-десятинномъ надѣлѣ на крестьянское домохозяйство. Разъ земельная обезпеченность сократится, скажемъ, до 40 или 30 десятинъ—урожаи при залежномъ хозяйствѣ будутъ уже плохи, а сокращеніе кормовой площади заставитъ сократить количество скота. А когда на наличное населеніе имѣется земли—какъ мы это видимъ на нашемъ заволжскомъ юго-востокѣ—10, 12 или 15 десятинъ, то залежное хозяйство вырождается въ пестрополье, обезпечивающее населенію хроническіе неурожаи и хроническое же голоданіе. И вотъ, возьмемъ такую хронически-голодающую мѣстность Самарской губерніи, гдѣ земельная обезпеченность крестьянъ не превышаетъ, скажемъ, 12—15 десятинъ. Радикально можно было бы помочь крестьянамъ въ томъ лишь случаѣ, если бы удалось довести ихъ надѣлы до 50 десятинъ на дворъ: земля опять стала бы давать порядочные урожаи, которые обезпечили бы насущныя потребности населенія и освободили бы его отъ необходимости искать стороннихъ заработковъ. Но если надѣлы въ такой мѣстности, удастся только удвоить—этимъ не устранится потребность въ заработкахъ, и главное 25—30 десятинный надѣлъ не создастъ нормальныхъ условій для залежнаго хозяйства

и не избавитъ населенія отъ необходимости искать единственнаго, дѣйствительно-радикальнаго выхода изъ переживаемаго имъ кризиса въ улучшеніи хозяйства на надѣльной землѣ и въ повышеніи ея производительности.

Въ дѣйствительности, мы имѣемъ дѣло именно съ такимъ положеніемъ: какъ бы „радикально" ни ставить вопросъ о владѣльческихъ земляхъ, путемъ расширенія крестьянскихъ надѣловъ нельзя ни устранить необходимости во внѣнадѣльныхъ заработкахъ, ни въ особенности—гарантировать крестьянамъ возможность сколько-нибудь сноснаго существованія при данныхъ, уже давно отжившихъ свой вѣкъ, способахъ веденія хозяйства. Потребность въ заработкахъ, въ лучшемъ случаѣ, нѣсколько сократится, но не исчезнетъ, а тѣмъ болѣе не исчезнетъ безусловная необходимость всѣми силами и всѣми способами стремиться къ повышенію производительности надѣльныхъ земель. А разъ это такъ, то и вопросъ о „ликвидаціи" частнаго землевладѣнія не можетъ быть рѣшенъ съ тою логическою прямолинейностью, какой желалъ бы г-нъ Ив. Я., и его единомышленники, чтобы не принести въ жертву отвлеченному принципу дѣйствительныхъ интересовъ населенія и страны, необходимо тщательно взвѣсить для каждаго отдѣльнаго случая и для каждой отдѣльной мѣстности, *что выгоднѣе для* страны и для населенія: передача земли крестьянамъ—или сохраненіе ея въ частномъ владѣніи. Повторяю: вопросъ этотъ долженъ разрѣшаться отдѣльно для каждой мѣстности и для каждаго случая, въ настоящее же время можно намѣтить лишь нѣкоторыя общія руководящія начала. Я всецѣло стою, въ данномъ отношеніи, на точкѣ зрѣнія Родбертуса: для меня частные землевладѣльцы — не болѣе какъ „уполномоченные гражданскаго общества, его агенты по части образованія и использованія національнаго фонда орудій производства". Пока ихъ служба нужна обществу и странѣ, пока нѣтъ возможности замѣнить ихъ, въ данной ихъ роли, болѣе цѣлесообразною и дешевою организаціей—до тѣхъ поръ они должны оставаться при исполненіи своихъ обязанностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и при пользованіи связанными съ этимъ правами. Разъ выяснилось, что услуги частныхъ землевладѣльцевъ обществу больше не нужны, или что землевладѣльцы въ дѣйствительности не выполняютъ тѣхъ общественныхъ обязанностей, которыя

связаны съ владѣніемъ землею, а тѣмъ болѣе—разъ право земельной собственности принимаетъ обнаженный видъ орудія закабаленія и эксплоатаціи окрестнаго трудового населенія,—частное землевладѣніе теряетъ свое право на существованіе.

И ставъ на эту точку зрѣнія, я конечно ни одной минуты не буду отстаивать не только всякаго рода „клиньевъ", „западней" и т. п. орудій ухищренной эксплоатаціи землевладѣльцами сосѣдей-крестьянъ, но и всего вообще арендпаго фонда, разумѣя подъ послѣднимъ всѣ земли, которыя обычно сдаются въ аренду окрестному трудовому населенію. Дѣло здѣсь даже не въ томъ, правомѣрно ли такое использованіе частнаго землевладѣнія или нѣтъ, — соотвѣтствуетъ ли оно, или не соотвѣтствуетъ идеѣ справедливости,—а въ томъ, что землевладѣлецъ, использующій свою землю исключительно путемъ сдачи ея въ аренду, не выполняетъ никакихъ хозяйственныхъ функцій, являющихся единственнымъ серьезнымъ оправданіемъ рентному землевладѣнію. Пока землевладѣлецъ самъ ведетъ хозяйство на своей землѣ—общество можетъ и должно съ этимъ мириться, пока оно мирится, вообще, съ частною собственностью на орудія производства; землевладѣлецъ, хорошо ли или худо, всетаки несетъ извѣстную службу въ составѣ народнохозяйственнаго организма. Разъ землевладѣніе сбрасываетъ съ себя всякія производительныя функціи, общество можетъ и должно иначе распорядиться тѣмъ „кореннымъ наслѣдіемъ человѣческаго рода", которое въ рукахъ землевладѣльца осталось исключительно источникомъ незаслуженнаго дохода. Разъ мы ставимъ вопросъ на такую точку зрѣнія, этимъ устраняется обычное возраженіе противъ экспропріаціи арендпаго фонда, состоящее въ томъ, что землевладѣльцы сплошь и рядомъ сдаютъ свою землю по безобиднымъ для крестьянъ цѣнамъ, сдаютъ даже тогда, когда имъ было бы выгоднѣе использовать ее иначе, чтобы не лишить крестьянъ необходимой имъ аренды. Это въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть и такъ—но экспропріація не есть наказаніе за дурное поведеніе землевладѣльца; почему бы данное имѣніе ни сдавалось въ аренду — достаточно факта постоянной сдачи, чтобы устранить вопросъ о необходимости, съ точки зрѣнія народнохозяйственныхъ интересовъ, сохраненія его въ рукахъ владѣльца. Не менѣе несостоятельно и другое

возраженіе: невозможность провести точную границу между арендным фондомъ и землями, эксплоатируемыми за счетъ владѣльцевъ. Въ жизни вообще нѣтъ строго разграниченныхъ логическихъ категорій, и наличность промежуточныхъ формъ между арендною и собственною эксплоатаціей владѣльческихъ земель ни мало не мѣшаетъ провести въ будущемъ законѣ объ экспропріаціи строгое различіе между арендным фондомъ и хозяйственнымъ землевладѣніемъ,— оно потребуетъ только созданія такихъ мѣстныхъ организацій, которыя были бы компетентны разбираться во всемъ безконечномъ разнообразіи конкретныхъ условій. Неубѣдительно и еще одно ходячее возраженіе: если вы вздумаете— говорятъ многіе—допустить отчужденіе земель изъ арендного фонда и не допустите отчужденія культурныхъ имѣній—крестьяне съумѣютъ уничтожить ту культуру, которую вы дѣлаете препятствіемъ къ расширенію ихъ землевладѣнія... Я полагаю, что обсуждать проектируемую государственную мѣру съ точки зрѣнія возможности ея насильственнаго нарушенія не приходится. Если крестьянинъ, дѣйствительно, все заберетъ насильно, и не будетъ считаться съ тѣми нормами, которыя установитъ организованная народная воля, — то тогда о чемъ, вообще, разговаривать и къ чему хлопотать о конституціяхъ, о дополнительныхъ надѣлахъ или національзаціяхъ земли? Вѣдь все равно, сильный крестьянинъ или сильное общество заберетъ все, что ему вздумается, не станетъ никого слушать и не оставитъ ничего не только землевладѣльцу, но и своему же болѣе слабому сосѣду.

Мнѣ кажется, что мы затѣмъ и стремимся пересоздать нашъ государственный строй, чтобы создать такіе органы и такія формы проявленія народной воли, которые были бы одинаково авторитетны для всѣхъ и каждаго, — и для перваго министра, и для крестьянина. И безъ такой авторитетной власти, которую народъ выдѣлитъ изъ себя, но которой онъ будетъ подчиняться, невозможна, въ частности, никакая планомѣрная и цѣлесообразная земельная реформа...

Итакъ, арендный фондъ я признаю подлежащимъ безусловному отчужденію Совсѣмъ иначе ставится вопросъ о земляхъ, на которыхъ ихъ владѣльцами ведется хозяйство за собственный счетъ. Говорятъ, что вѣдь и здѣсь доходъ землевладѣльца въ такой же мѣрѣ не заслуженъ, въ такой

же степени основанъ на эксплоатаціи чужого труда, какъ и въ арендныхъ имѣніяхъ. Совершенно вѣрно, и съ этимъ слѣдуетъ бороться, съ одной стороны — прогрессивнымъ земельнымъ обложеніемъ, съ другой — распространеніемъ на сельскохозяйственный наемъ рабочаго законодательства и инспекціи, и организаціей сельскаго рабочаго класса. Но вѣрно и то, что землевладѣніе не занимаетъ въ этомъ отношеніи какого-нибудь особеннаго положенія въ современномъ общественномъ строѣ, основанномъ на частной собственности на землю и капиталъ, и пока наличность эксплоатаціи чужого труда не побуждаетъ даже крайнихъ соціалистовъ требовать *немедленнаго* устраненія частной собственности на движимый капиталъ, до тѣхъ поръ она не можетъ обосновывать и требованія *немедленнаго* уничтоженія *всего* рентнаго землевладѣнія. Какъ и частный капиталъ, рентное землевладѣніе исполняетъ пока вполнѣ опредѣленныя функціи въ народнохозяйственномъ организмѣ; разница только въ томъ, что крупное производство въ обрабатывающей промышленности, болѣе или менѣе неизбѣжно поглощаетъ мелкое, мелкое же землевладѣніе, худо ли хорошо ли, продолжаетъ существовать наряду съ крупнымъ, а у насъ въ Россіи, какъ извѣстно, даже растетъ на его счетъ. Мало того, и въ этомъ центръ тяжести вопроса: въ то время, какъ въ обрабатывающей промышленности крупный капиталъ — исключительно *конкуррентъ* мелкаго, въ области сельскаго хозяйства крупное и мелкое хозяйства взаимно поддерживаютъ другъ друга, и въ частности, крупное оказываетъ мелкому весьма существенныя услуги.

Общеизвѣстный фактъ, что владѣльческія земли даютъ у насъ большій, и притомъ значительно большій продуктъ, нежели крестьянскія. Въ валовыхъ статистическихъ цифрахъ разница нѣсколько сглаживается, такъ какъ въ числѣ владѣльческихъ считаются и арендныя земли, урожайность которыхъ, въ общемъ, не превышаетъ урожайности надѣльныхъ земель; производительность же имѣній, эксплоатируемыхъ за счетъ владѣльцевъ, въ видѣ правила, въ полтора, въ образцовыхъ имѣніяхъ въ два раза и болѣе, превышаетъ производительность крестьянскихъ надѣловъ. Я прекрасно знаю всѣ тѣ условія, вліяніемъ которыхъ принято объяснять эту разницу и оправдывать крестьянское хозяйство. Но я вѣдь и не желаю обвинять его!.. Я только

констатирую фактъ и утверждаю, что производительность крестьянскихъ земель, какова бы ни была предстоящая земельная реформа, еще долго будетъ ниже производительности владѣльческихъ земель, ибо земельная реформа не можетъ сразу снабдить крестьянское хозяйство ни тѣми средствами, ни тѣми знаніями, отсутствіе которыхъ обусловливаетъ низкую производительность крестьянскихъ земель. Слѣдовательно, переходъ въ крестьянскія руки владѣльческихъ земель—напоминаю читателю, что я говорю *только* о земляхъ, эксплоатируемыхъ за счетъ владѣльцевъ — безъ всякаго сомнѣнія, поведетъ, на болѣе или менѣе долгое время, къ пониженію ихъ производительности. И это важно далеко не только съ той точки зрѣнія „народнаго богатства", на которой стояли экономисты первой половины XIX вѣка (напомню, впрочемъ, что и современная соціалъ-демократія—не русская, конечно,—ставитъ развитіе производительныхъ силъ существеннѣйшимъ условіемъ соціальнаго прогресса!), не только съ точки зрѣнія нашего экспорта, нашего платежнаго баланса и т. п.,—это важно и съ точки зрѣнія самыхъ непосредственныхъ интересовъ трудящагося крестьянства. Вѣдь главною составною частью цѣнности продукта, хотя бы и полученнаго съ владѣльческой земли, остается трудъ тѣхъ же крестьянъ. Чѣмъ больше производительность владѣльческихъ земель, тѣмъ больше, значитъ, зарабатываютъ крестьяне, и, при извѣстномъ ея уровнѣ, крестьяне, отдавая владѣльцу и прибыль, и ренту, тѣмъ не менѣе зарабатываютъ больше, нежели они могли бы получить валового дохода при обычной крестьянской эксплоатаціи земли.

Помилуйте, воскликнетъ, пожалуй, читатель—вы, значитъ, вообще противъ трудового земледѣлія, вы за эксплоатацію капиталомъ и землевладѣніемъ сельскаго пролетаріата!.. Нѣтъ, господа, я *только за благосостояніе крестьянъ*, хотя бы это благосостояніе достигалось цѣной отказа отъ немедленнаго осуществленія общихъ формулъ, которыя мнѣ не менѣе дороги, чѣмъ вамъ. Вѣдь вы не откажете же въ послѣдовательной защитѣ интересовъ трудящагося класса соціалъ-демократамъ; а вѣдь они смѣются надъ тѣми, кто мечтаетъ поддерживать „трудовое" кустарное производство противъ капитализма; и они правы, потому что „самостоятельность" кустаря, при современныхъ условіяхъ, ставитъ его въ гораз-

до худшія условія, чѣмъ въ какихъ стоитъ рабочій въ капиталистическомъ предпріятіи. А между тѣмъ то, что я сказалъ относительно значенія заработковъ во владѣльческомъ хозяйствѣ для крестьянъ, если и не общее правило, то во всякомъ случаѣ не рѣдкое исключеніе. Недавно А. С. Ермоловъ привелъ въ печати точный, заимствованный изъ книгъ, учетъ тѣхъ заработковъ, которые доставляетъ окрестному населенію свеклосахарное имѣніе; сумма ихъ достигаетъ 30 рублей на десятину общей площади имѣнія, не считая права скармливать скоту свекловичную ботву, жомъ и патоку и выпасать его на свекольныхъ поляхъ. А когда еще, читатель, крестьянская надѣльная земля будетъ давать, кругомъ, 30 рублей валового дохода?... Мнѣ скажутъ: свекольныя имѣнія—это исключеніе, изъ котораго нельзя выводить общаго правила. Но я и не дѣлаю такого обобщенія. Я желаю только, чтобы и само крестьянство, и интеллигенція, не увлекались общими шаблонами, а взвѣшивали въ каждомъ случаѣ, что выгоднѣе крестьянамъ: получить землю въ надѣлъ—или остаться, mutatis mutandis, въ прежнихъ отношеніяхъ къ владѣльческому хозяйству... А затѣмъ—это далеко и не такое исключеніе: недаромъ покупка крестьянами сосѣдняго владѣльческаго имѣнія является иногда послѣднимъ поводомъ къ выселенію другихъ крестьянъ, лишившихся заработковъ въ распроданномъ имѣніи; нерѣдко теряютъ и сами пріобрѣтели—и не только потому, что дорого заплатили за купленную землю, но главное и потому, что купленная земля не даетъ имъ того, что давала прежде въ видѣ заработковъ. И это совершенно понятно: если бы дать землю можно было всѣмъ, дать притомъ въ мѣру расчитанныхъ на современное крестьянское хозяйство потребительныхъ и рабочихъ нормъ,—тогда съ вопросомъ о заработкахъ можно было бы и не считаться. Но мы знаемъ, что это физически неосуществимо; какъ бы широко ни было поставлено дополнительное надѣленіе, оно *не дастъ* крестьянину возможности использовать весь трудъ на своемъ надѣлѣ, а слѣдовательно—не устранитъ вопроса о значеніи заработковъ и о роли, въ данномъ случаѣ, частнаго землевладѣнія.

Еще важнѣе культурное значеніе частнаго землевладѣнія. Крестьянинъ—какъ его ни надѣляй землею—*не можетъ* оставаться при старыхъ, допотопныхъ способахъ хозяйства. Ему *необходимо* интенсифицировать хозяйство и повысить

производительность земли. А между тѣмъ крестьянинъ не можетъ обойтись здѣсь безъ помощи извнѣ, въ частности безъ помощи владѣльческаго хозяйства. „Исторія перемѣнъ въ хозяйственной техникѣ—говоритъ проф. А. И. Чупровъ—ясно свидѣтельствуетъ, что стремленіе къ нимъ безъ помощи свѣдущихъ лицъ обыкновенно не можетъ даже возникнуть среди мелкихъ земледѣльцевъ, а если и возникнетъ—способно бываетъ при первой неудачѣ заглохнуть и затормозиться„. Или предоставимъ слово практическому дѣятелю, В. Г. Бажаеву, одному изъ творцовъ русской общественной агрономіи. „Какъ бы ни была велика—говоритъ онъ—принудительная сила необходимости,—ея одной, при низкомъ уровнѣ развитія крестьянской массы и при отсутствіи сельскохозяйственныхъ знаній, было бы далеко недостаточно для перехода къ болѣе цѣлесобразнымъ формамъ полеводства или, по крайней мѣрѣ, крестьянскому хозяйству пришлось бы, въ этомъ случаѣ, пройти чрезвычайно длинный и утомительный путь развитія. Поэтому необходимо нужны внѣшніе толчки и всякаго рода побужденія, чтобы крестьянское хозяйство поскорѣе попало въ ту колею, которая намѣчалась всѣмъ предшествующимъ ходомъ его развитія“. Эти толчки и побужденія могутъ исходить либо отъ владѣльческаго хозяйства, либо, разумѣется, отъ общественной агрономіи. Я отнюдь не думаю отрицать или умалять значенія этой послѣдней, но значеніе это—не въ настоящемъ, а въ будущемъ. Чтобы общественная агрономія заняла подобающее ей мѣсто въ народной экономіи, для этого нужно, чтобы существующіе скромные ея зачатки развились въ стройную и законченную систему. Но главное—нужно значительно большее умственное развитіе, нежели какимъ располагаютъ наши народныя массы. Когда эти условія будутъ налицо, тогда настанетъ время для пересмотра вопроса о значеніи владѣльческаго хозяйства. А до тѣхъ поръ владѣльческое хозяйство не отслужило еще своей службы, и исторія нашей общественной агрономіи доказываетъ это лучше всего. Почему земской агрономіи удалось достичь такихъ блестящихъ—по крайней мѣрѣ количественно—результатовъ въ московско-тверскомъ клеверномъ районѣ? Потому, что она могла опираться здѣсь на примѣръ владѣльческихъ хозяйствъ: „безъ нагляднаго примѣра травосѣянія на частновладѣльческой землѣ—говоритъ В. Г. Бажаевъ — крестьяне едва ли рѣшились бы скоро

на введеніе травосѣнія у себя на поляхъ"... Почему дѣятельность земской агрономіи въ вятско-пермскомъ районѣ осталась почти безрезультатной? Потому, говоритъ тотъ же Бажаевъ, что „въ этихъ губерніяхъ, бѣдныхъ владѣльческими хозяйствами, не накоплено было никакого мѣстнаго опыта въ дѣлѣ травосѣнія"... Въ настоящее время происходитъ любопытнѣйшій процессъ распространенія тревосѣянія на заволжскомъ юго-востокѣ, обязанный своимъ возникновеніемъ Костычевской опытной станціи и ея руководителю В. С. Богдану. Но травосѣяніе перенимаютъ пока, почти исключительно, частные владѣльцы и крупные арендаторы, — между тѣмъ это вопросъ жизни и смерти для мѣстнаго крестьянства, а техническія условія мѣстнаго травосѣнія не ставятъ усвоенію его и мелкими крестьянскими хозяйствами никакихъ существенныхъ препятствій.

Говорятъ: да развѣ крестьянинъ можетъ перенять что-нибудь у Стебута или у Шатилова? Развѣ ему подъ силу шестиконные плуги, дорогіе тяжеловозы и тысячныя молотилки „образцовыхъ имѣній"? Господа!.. Такъ закройте же скорѣе университеты—крестьянинъ въ нихъ не учится; закройте опытныя станціи и поля,—вѣдь крестьянинъ не можетъ перенять того, что дѣлается здѣсь! И какъ то высшее знаніе, которое распространяется университетомъ, какъ тотъ научный агрономическій опытъ, который вырабатывается опытными станціями, черезъ тысячи невидимыхъ каналовъ просачиваются въ народныя массы,—такъ точно хозяйства Стебута или Шатилова окажутъ вліяніе и на крестьянское хозяйство.

Но это вліяніе тоже не будетъ непосредственнымъ. Какъ опытныя станціи передаютъ результаты своихъ изслѣдованій опытнымъ полямъ, а результаты ихъ опытовъ, черезъ показательныя поля, проникаютъ въ крестьянскую массу, — такъ точно опытъ Шатилова и Стебута будетъ усвоенъ прежде всего другими менѣе „образцовыми", владѣльческими хозяйствами, и уже отъ нихъ этотъ опытъ будетъ усваиваться крестьянскими массами, при дѣятельномъ участіи общественной агрономіи.

Вотъ почему я признаю сохраненіе частнаго землевладѣнія, въ извѣстной его долѣ, безусловно необходимымъ, и считалъ бы „окончательную его ликвидацію", при данномъ положеніи дѣлъ, несчастьемъ для страны и для самого крестьянства. Вотъ почему я не считаю возможнымъ доволь-

ствоваться—какъ соглашаются нѣкоторые, въ видѣ послѣдней уступки,—сохраненіемъ нѣсколькихъ разбросанныхъ по лицу страны „образцовыхъ“ имѣній: наряду съ образцовыми имѣніями нужно сохранить и всѣ такія, которыя въ своемъ нынѣшнемъ видѣ даютъ населенію больше дохода, нежели дали бы въ видѣ дополнительныхъ надѣловъ; и потому, что примѣры владѣльческаго хозяйства должны быть подъ руками у крестьянъ, въ каждомъ небольшомъ районѣ должна быть та или иная площадь земель съ болѣе или менѣе чисто выраженнымъ капиталистическимъ хозяйствомъ.

Я не задаюсь здѣсь цѣлью установить точные предѣлы допустимости принудительнаго отчужденія. Мнѣ хотѣлось только подчеркнуть крайнюю сложность этого вопроса и невозможность разрѣшать его съ точки зрѣнія какой-нибудь одной, хотя бы самой прекрасной абстрактной схемы. Чтобы избавить моихъ будущихъ оппонентовъ отъ возраженій не по адресу, замѣчу еще только, что я, конечно, не отстаиваю латифундій; я думаю, напротивъ, что уменьшеніе крупныхъ владѣній, въ видѣ правила, даже желательно съ той самой точки зрѣнія, съ которой я считаю своимъ долгомъ отстаивать частное владѣніе. Для меня важно, въ данную минуту, только одно: подчеркнуть совершенную нецѣлесообразность „окончательной ликвидаціи“ рентнаго землевладѣнія и немедленной передачи всей земли крестьянамъ. Я совершенно увѣренъ въ томъ, что на это не рѣшится никакое народное представительство, разъ оно будетъ дѣйствовать не подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія, а по строгомъ и полномъ выясненіи всѣхъ сторонъ вопроса и всѣхъ дѣйствительныхъ интересовъ населенія и страны. А разъ это такъ, то значитъ, даже и тѣ нѣсколько десятковъ милліоновъ десятинъ внѣнадѣльныхъ угодій, которыя насчитываются въ Европейской Россіи, далеко не цѣликомъ можно будетъ обратить на расширеніе крестьянскаго землевладѣнія.

Но допустимъ, что я ошибаюсь. Забудемъ о томъ, что среди внѣнадѣльныхъ земель имѣется не мало милліоновъ десятинъ въ такихъ владѣніяхъ, которыя не выходятъ изъ предѣловъ трудового хозяйства. Предположимъ, что весь внѣнадѣльный фондъ будетъ обращенъ на дополнительное надѣленіе. Всетаки этого фонда будетъ недостаточно, даже чтобы довести крестьянское землевладѣніе до нормъ мѣстныхъ положеній. Допустимъ даже, что я ошибаюсь и въ этомъ.

Но вѣдь нормы мѣстныхъ положеній далеко не достаточны для того, чтобы дать крестьянамъ возможность сноснаго существованія при нынѣшнихъ, отжившихъ свой вѣкъ, способахъ использованія земли. И какъ бы широко и „радикально“ ни было проведено дополнительное надѣленіе—оно никоимъ образомъ, ни на одинъ годъ, ни на одинъ мѣсяцъ, не можетъ отсрочить необходимости въ другихъ, самыхъ широкихъ и *дѣйствительно* радикальныхъ мѣрахъ къ подъему крестьянскаго хозяйства...

Но объ этомъ до другого раза.

А. Кауфманъ.

О настроеніяхъ въ нашемъ флотѣ.

Бунты и побоища, устраиваемые флотскими командами, привлекли вниманіе русскаго общества къ нашему военному флоту едва ли не въ большей степени, чѣмъ разгромъ флота японцами. У всѣхъ возникъ вопросъ, почему революціонное движеніе нашло рѣзкій отголосокъ въ матросахъ, вызвавъ въ сухопутныхъ войскахъ лишь слабые отклики и то по преимуществу экономическаго характера.

По нашему убѣжденію, главная и чуть ли не единственная причина недовольства матросовъ,—несоотвѣтствіе своему назначенію офицерскаго состава во флотѣ. При всякомъ бунтѣ главное требованіе сводилось къ полному устраненію офицерскаго состава отъ командованія.

Широкіе круги нашего общества имѣютъ весьма слабое понятіе объ офицерахъ флота. Оторванность главныхъ пунктовъ средоточія флота—Кронштадта, Севастополя, Владивостока, Портъ-Артура — не позволила обществу вглядѣться и произвести надлежащую оцѣнку дѣйствительныхъ качествъ офицерскаго состава. Къ тому же, привиллегіи, внѣшній блескъ, кастовое укрывательство окончательно затемняли смыслъ тѣхъ летучихъ впечатлѣній, которыя иногда получались обществомъ. Оцѣнить дѣятельность офицеровъ флота по достоинству общество не могло уже потому, что обстановка этой дѣятельности въ высшей мѣрѣ чужда ему. Между тѣмъ, если бы въ эту сферу могла проникнуть компетентная и свободная критика, она бы сберегла Россіи многіе милліоны и предотвратила проигрышъ войны на морѣ.

Средній возрастъ мальчиковъ, являющихся на конкурсный экзаменъ въ морской корпусъ, 12—13 лѣтъ. Соотвѣтствующая подготовка поэтому равняется приблизительно тремъ классамъ реальнаго училища. Нѣкоторыя требованія, выходящія изъ рамокъ трехъ классовъ, не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ самъ корпусъ не вѣритъ въ серьезность этихъ добавленій и начинаетъ учебную программу съ повторенія того, что вошло въ вступительную программу сверхъ курса

трехъ классовъ реальнаго училища, по той простой причинѣ, что эти знанія пріобрѣтались не въ учебныхъ заведеніяхъ при систематическихъ занятіяхъ, а были поглощены передъ экзаменами въ подготовительныхъ пансіонахъ и у корпусныхъ преподавателей, занимающихся начинкой конкурентовъ. Конкурсъ, благодаря сословности, едва превышаетъ число вакансій. Количество подвергаемыхъ испытанію, удовлетворившихъ требованіямъ экзамена, рѣдко достигаетъ 30%, остальные 70% заполняются невыдержавшими. Если вспомнить правило, которому корпусное начальство и главный морской штабъ подчиняются особенно охотно, гласящее, что дѣтямъ флотскихъ офицеровъ отдается преимущество, то сдѣлается вполнѣ понятнымъ, что эти 70% заполняются почти исключительно отпрысками морскихъ родовъ. При удачѣ и въ первые 30% попадаетъ около 1/3 тѣхъ же отпрысковъ; такимъ образомъ, въ каждомъ пріемѣ въ корпусъ около 70% дѣтей и внуковъ флотскихъ офицеровъ. Казалось бы, что этому нужно радоваться, но въ дѣйствительности это тоже одна изъ темныхъ сторонъ нашего флота.

Огромное количество наукъ, изучаемое въ корпусѣ втеченіе только шести, теперь даже 5 1/2 лѣтъ, приводитъ къ неизбѣжному въ такомъ случаѣ результату: изъ каждой науки берутся только части ея, чтобы обучаемый пріобрѣталъ видъ, якобы эту науку постигъ. Вмѣсто цѣлой науки, въ ея систематической послѣдовательности, отрывки, клочки отъ науки!.. Примѣненіе способа изученія вообще наукъ, а въ частности математическихъ, скачками, урывками, безъ связи, безъ послѣдовательности крайне вредно вліяетъ на формирующіеся способности и характеры молодыхъ людей,—имъ искусственно прививаются такія качества, которыя нетерпимы ни въ какомъ дѣлѣ и даже въ частныхъ, житейскихъ отношеніяхъ.

Принявъ во вниманіе нѣкоторое легкомысліе, свойственное вообще славянскимъ расамъ и, сопоставивъ съ системой легкомысленнаго изложенія и изученія наукъ, воспринимаемыхъ будущими офицерами втеченіе прохожденія ими курса корпуса, мы легко уяснимъ себѣ, почему во флотѣ нѣтъ логики, послѣдовательности, аккуратности, осмотрительности, идей, а есть апломбъ, фразерство, неосторожное обращеніе съ фактами, цифрами, данными, есть хлестаковщина, ноздревщина, шумиха, блескъ, и, при первомъ серьезномъ испытаніи, грандіозный крахъ.

Современный корабль представляетъ собою чрезвычайно сложный механизмъ. На сушѣ, — на заводахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, мы видимъ, что сложные механизмы обслуживаются людьми съ огромной теоретической и практической подготовкой. О технологахъ, горныхъ

инженерахъ и путейцахъ часто говорятъ, что они недостаточно хорошо подготовлены къ дѣлу. Между тѣмъ они, въ началѣ своей служебной карьеры, когда получаютъ въ свое вѣдѣніе сравнительно простенькое дѣло, имѣютъ за собою 12—13 лѣтъ научной подготовки.

Лучшіе умы нашего военно-техническаго міра неоднократно указывали морскому министерству на ложный путь въ дѣлѣ подготовки офицеровъ. Мы можемъ насчитать за послѣдніе 25 лѣтъ не одинъ десятокъ засѣданій Императорскаго Техническаго Общества, гдѣ подчеркивалась необходимость положить въ основу научнаго образованія офицеровъ флота высшую технику, именно такую отрасль человѣческаго вѣдѣнія, которая захватываетъ обширнѣйшій кругъ знаній. Въ нее входитъ вся математика, физика, химія, естественныя науки, механика, строительное искусство, технологія, заводское дѣло, помимо хорошаго общаго образованія, огромный запасъ техническихъ знаній. закрѣпленныхъ впослѣдствіи на службѣ разнообразной практикой, обнимающей всѣ отрасли морской службы— все, что даетъ возможность офицеру выработать изъ себя достойнаго командира корабля и адмирала.

Даже среди офицеровъ флота находились сторонники всесословности морского корпуса и преобразованія его въ морской институтъ, въ которомъ должны обучаться уже окончившіе среднее образованіе молодые люди. Для начальной же подготовки контингента поступающихъ въ морской институтъ и въ школы торговаго мореплаванія необходимо создать особый типъ морскихъ реальныхъ училищъ и насадить такія училища по берегамъ разныхъ морей, въ особенности теплаго Чернаго моря, чтобы сроднить мальчиковъ со стихіей. Лучшія силы, по окончаніи курса училищъ, направлялись бы въ институтъ, остальной составъ—въ школы торговаго флота.

Такого рода проекты появлялись время отъ времени, но они противорѣчили родительскимъ чувствамъ моряковъ. Куда бы они дѣвали своихъ недорослей? Да и руководителямъ флота того времени и будущимъ было бы неловко, — молодые офицеры будутъ несравнено образованнѣе ихъ!.. Поэтому, не ломая головы, остановились на существующемъ типѣ корпуса, благо это не требовало никакихъ переворотовъ въ морскомъ мірѣ. Въ оправданіе былъ провозглашенъ тезисъ: «офицеръ долженъ умѣть только владѣть оружіемъ».

Но даже этотъ тезисъ не былъ толково проведенъ. Большинство офицеровъ плохо управляетъ судномъ вообще, тѣмъ болѣе въ бою, гдѣ нужно разумно использовать качества судна, артиллерію. Если офицеръ, въ видѣ исключенія, хорошо управляетъ судномъ, то съ увѣренностью можно сказать, что онъ не знаетъ или артиллеріи, или

миннаго дѣла, или того и другого, а остальныя отрасли управленія кораблемъ знакомы ему только по наслышкѣ.

Такова общая подготовка офицеровъ флота. Прослѣдимъ теперь, какимъ образомъ они спеціализируются. Въ Кронштадтѣ основаны много лѣтъ тому назадъ два параллельныхъ класса: минный и артиллерійскій. Поступаютъ туда мичманы или молодые лейтенанты по назначенію начальства, но для формы, только для формы имъ производится въ тѣхъ частяхъ, гдѣ они служатъ, повѣрочный экзаменъ, не сдать который нельзя, до того онъ простъ.

Курсъ въ классахъ около шести мѣсяцевъ. Проводится въ нихъ та же система обученія кое-какъ и кой-чему. Повторяютъ нѣкоторые азы, чтобы сдѣлать болѣе удобоваримыми необходимѣйшіе выводы по элементарной физикѣ и баллистикѣ, посмотрятъ нѣсколько фокусовъ по химіи и принимаются за изученіе спеціальностей. Затѣмъ, послѣ окончанія теоретическаго курса, нѣсколько выстрѣловъ во время плаванія на судахъ, и офицеръ награждается званіемъ артиллериста или минера, дающимъ право занимать соотвѣтствующія должности, весьма хорошо оплачиваемыя.

Въ военномъ вѣдомствѣ, гдѣ для поступленія въ артиллерійскую академію или минную школу требуется конкурсный экзаменъ и гдѣ курсъ продолжается нѣсколько лѣтъ, спеціальныя званія, далеко не такъ оплачиваемыя, какъ во флотѣ, достигаются съ трудомъ и лучшими людьми.

Спеціализація по штурманскому дѣлу ведется еще проще: въ главныхъ портахъ учреждаются временные классы на нѣсколько недѣль, куда посылаютъ не изучавшихъ никакихъ спеціальностей офицеровъ. Въ такой срокъ, часто противъ желанія, превращаютъ офицера въ штурмана. Насколько это дѣло слабо идетъ, можетъ служить нагляднымъ примѣромъ случай въ черноморскомъ флотѣ: прошлой зимой, по распоряженію главнаго командира, включили въ число слушателей штурманскаго курса нѣсколько прапорщиковъ запаса; они, прослушавъ курсъ, сдали штурманскій экзаменъ лучше флотскихъ офицеровъ, посѣщавшихъ лекціи рядомъ съ ними; контингентъ же прапорщиковъ запаса до сихъ поръ комплектовали изъ учениковъ теперь упраздненныхъ мореходныхъ классовъ, куда поступали всякіе неудачники и гдѣ курсъ образованія далеко ниже нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Съ такимъ умственнымъ багажемъ пускался молодой офицеръ въ служебное странствованіе по судамъ флота, административнымъ и хозяйственнымъ учрежденіямъ. Привычка мыслить не развита, дисциплины ума никакой, знаній нѣтъ, легкомысліе въ крови, во взглядахъ,

въ привычкахъ. Попавъ въ среду людей, прошедшихъ такую же школу, но умудренныхъ опытомъ, смотрящихъ на службу какъ на неизбѣжное зло, изъ котораго, однако, надо умѣть извлекать выгоды, флотскій офицеръ съ первыхъ же шаговъ убѣждался, что всякая дурная выходка сойдетъ ему съ рукъ. Все, что требуется отъ него,—не выдавать своихъ. Широко пользовалась флотская молодежь снисходительнымъ отношеніемъ къ ней начальства, вѣрнѣе всей флотской корпораціи. Хроника военныхъ портовъ полна разсказами о дебошахъ, кутежахъ, безобразіяхъ. Никто въ этихъ городахъ не былъ гарантированъ, что не нарвется на оскорбленія пьяной компаніи молодежи. Возрастъ, полъ, развитіе, общественное положеніе не принимались въ разчетъ; боялись только лицъ, власть имущихъ, и кулака.

Въ семьѣ и корпусѣ будущій офицеръ усвоилъ взглядъ на матроса, какъ на черную кость, на животное. Его обращеніе къ матросу, въ особенности въ судовой жизни, гдѣ отношенія вообще упрощаются, начинается обыкновенно словами: «Эй ты, рыло! Эй ты, свинья!» Прибѣгаютъ, конечно, и къ такимъ выраженіямъ, виртуозности которыхъ позавидовалъ бы извозчикъ. Всякое замѣчаніе, указаніе, все дѣлается съ окрикомъ, часто съ ругательствомъ. Если офицеръ находитъ почему либо отвѣтъ нижняго чина неудовлетворительнымъ, то разражается отборнѣйшею руганью и нерѣдко бьетъ его, не стѣсняясь иногда высокимъ положеніемъ матроса въ его матросской службѣ. Среди офицеровъ такое отношеніе къ матросу считается бравымъ, лихимъ. Протестующіе голоса наталкиваются на общее недружелюбіе. Эти голоса принадлежатъ врачамъ или механикамъ, вообще пришлому элементу.

Распредѣленіе времени на суднѣ таково, чтобы офицера не отягощать занятіями. Его дневная жизнь начинается въ 8 ч. утра (матросовъ будятъ въ 5, а часто въ $4^1/_2$ ч. утра), онъ обязанъ къ этому моменту выйти на палубу, къ церемоніи поднятія флага, и отрапортовать командиру то, что по дорогѣ изъ каюты на верхъ ему докладывалъ подвѣдомственный нижній чинъ. Затѣмъ до 9 ч. чаепитіе. Если по дневному росписанію имѣются такія занятія съ нижними чинами, на которыхъ офицеръ присутствуетъ, то онъ можетъ не бояться, что его утомятъ, такъ какъ съ $10^3/_4$ ч. утра всѣ работы, ученія и занятія на суднѣ прекращаются до 2 ч. дня, — перерывъ для обѣда и отдыха. Потомъ опять чай и опять занятія до 5 ч. Послѣ этого офицера, за рѣдкими исключеніями, не тревожатъ. Это, такъ сказать, общій режимъ офицерской жизни на суднѣ. Но есть и терніи; къ числу ихъ принадлежитъ вахта. Военно-морской уставъ очень строгъ къ обязанностямъ вахтеннаго начальника.

Практика значительно упростила эту службу, свела ее къ роли околоточнаго надзирателя на перекресткѣ улицъ, но окруженнаго сонмомъ городовыхъ, которые за него слушаютъ, смотрятъ и даже распоряжаются; такимъ образомъ онъ мало утруждается и вмѣстѣ съ тѣмъ въ курсѣ дѣла.

Сравнительно тяжелую службу несетъ на суднѣ только одинъ старшій офицеръ, — это полицмейстеръ судна; въ его рукахъ общій порядокъ, чистота, окраска, расходъ людей, всѣ валовыя работы, какъ то: пожарное, водянное, боевое ученія, подъемъ большихъ тяжестей и т. п. Обязанность старшаго офицера непріятна уже потому, что интересы его, при современной постановкѣ дѣла, расходятся съ интересами всѣхъ судовыхъ чиновъ; но это результатъ неправильной организаціи службы во флотѣ, вѣрнѣе результатъ полной непригодности къ дѣлу всего офицерскаго состава. Старшій офицеръ заботится не о подготовкѣ судна и личнаго состава къ бою, а занятъ исключительно внѣшней стороной дѣла: чистотой, свѣжестью окраски, бѣшеной быстротой выполненія тѣхъ ученій и маневровъ, которые будутъ показываться начальству на смотрахъ.

Стройнаго, осмысленнаго режима на суднѣ нѣтъ. — Безтолковое слѣдованіе росписаніямъ, составляемымъ штабами, не принимающими въ должной степени во вниманіе особенностей каждаго судна, хаосъ, безпрестанное дерганье людей отъ одной работы къ другой, неразумные способы обученія, при которыхъ люди относятся пассивно къ изучаемому предмету,—все это ведетъ къ безполезной тратѣ времени.

Обиліе команды на суднѣ не устраняетъ безконечныхъ жалобъ на недостатокъ рабочихъ рукъ: старшій офицеръ отрываетъ людей отъ спеціальныхъ занятій, не даетъ имъ отдыха, не пускаетъ на берегъ; и всетаки судно выглядитъ, какъ игрушечка, только снаружи; въ глубинѣ—въ трюмахъ, кладовыхъ, куда глазъ начальства не проникаетъ, грязь и зараза; наружныя части судна выкрашены великолѣпно, извнутри же корпусъ разъѣдается ржавчиной, непроницаемость отсѣковъ судна—легенда, состояніе непроницаемыхъ переборокъ, горловинъ, дверей никуда негодное.

Хорошимъ старшимъ офицеромъ считается такой, котораго команда боится пуще огня. Его обычныя жалобы сводятся на недостатокъ карцеровъ на суднѣ. Кромѣ этого наказанія существуетъ множество способовъ, предусмотрѣнныхъ и непредусмотрѣнныхъ дисциплинарнымъ уставомъ, какъ допечь матроса. Старшій офицеръ единственный и полный хозяинъ всей команды на суднѣ. Онъ не признаетъ никакихъ посредниковъ между собой и командой. Артиллеристъ, механикъ, минеръ пользуются своей командой, когда старшій офицеръ соблаго-

волитъ дать имъ людей; ходатайства и аттестаціи этихъ спеціалистовъ не могутъ облегчить участи матроса, если онъ провинился. Ротный командиръ, а гдѣ команды много, то два, вѣдаетъ только вещевое и денежное довольствіе нижнихъ чиновъ и то черезъ фельдфебеля. Дѣятельность ротнаго командира въ ротѣ чисто фиктивная. Нерѣдко бываетъ, что рота плаваетъ на одномъ суднѣ, ротный командиръ на другомъ.

Въ общемъ, отношеніе къ командѣ только формальное. Никто не входитъ въ нужды внутренней жизни матроса. Старшій офицеръ не можетъ отечески пещись о командѣ, другихъ же офицеровъ онъ къ ней не подпускаетъ изъ боязни, что безапелляціонное распоряженіе командой уйдетъ изъ его рукъ. Стремленіе матроса погулять на берегу считается дурною наклонностью. Развлеченій, собесѣдованій, чтеній вовсе не устраивается, но службой, часто безтолковой, морятъ усердно. Съѣздъ на берегъ для матроса такое необычное явленіе, что онъ непремѣнно окажется тамъ, гдѣ люди бываютъ въ пьяномъ видѣ. Высшее начальство не выноситъ матросовъ въ городѣ: каждый главный командиръ, при вступленіи въ должность, издаетъ приказы, циркуляры, распоряженія, затрудняющіе отпускъ матросовъ на берегъ или увольненіе изъ казармъ. Женатый матросъ не пользуется никакой льготой передъ холостымъ; если же отвоюетъ себѣ права, то исключительно благодаря подкупу фельдфебеля или особой ловкости.

Дисциплина поддерживается только страхомъ наказанія. Главная основа дисциплины — авторитетность знанія, развитія, добросовѣстности, нравственнаго престижа — отсутствуетъ. Страхъ наказанія за нарушеніе дисциплины долженъ играть второстепенную роль и сдерживать худшіе элементы въ командахъ, лучшіе же, а ихъ громадное большинство, пойдутъ навстрѣчу требованіямъ дисциплины, если блюдетъ дисциплину авторитетное лицо, и если самыя требованія разумны. Команды рѣзко отличаютъ тѣхъ офицеровъ, которыхъ онѣ уважаютъ, имъ онѣ охотно подчиняются, и безъ ихъ совѣта ни одинъ подвѣдомственный нижній чинъ не сдѣлаетъ важнаго въ своей жизни шага. При наличности авторитетности офицерскаго состава немыслимы какія-либо массовыя движенія въ воинскихъ командахъ безъ участія офицеровъ. Отчужденіе и недовольство офицерскимъ составомъ, вначалѣ быть можетъ несознательное, давно существовало среди морскихъ командъ. Фактическое владѣніе разными частями судна перешло къ матросамъ. Они знали состояніе своихъ частей и управленіе ими лучше, чѣмъ офицеры и, конечно, отлично понимали, что итти въ бой съ такимъ офицерскимъ составомъ нельзя.

При такихъ условіяхъ для революціонной пропаганды открывался широкій просторъ. Часть новобранцевъ, зачисляемыхъ на службу во флотъ, получала революціонную подготовку еще до набора на заводахъ, фабрикахъ и въ портовыхъ городахъ. Среди нихъ было не мало людей интеллигентныхъ и сознательныхъ. Они свободно проводили свои идеи въ командахъ, ничѣмъ не стѣсняемые. Офицеры не могли замѣтить и сдержать пропаганды, потому что не пользовались довѣріемъ команды.

Полная несостоятельность всего офицерскаго состава, съ самаго верху до низу, сказывается въ любомъ фактѣ дѣятельности флота. Мы могли бы привести сотни случаевъ, гдѣ проявляются глубокаго значенія промахи, незнаніе, неразвитіе, отсутствіе способности вникнуть въ дѣло, оріентироваться. Укажемъ лишь на одинъ кардинальный фактъ, значеніе котораго до сихъ поръ не сознается во флотѣ, хотя фактъ этотъ у всѣхъ на глазахъ.

По окончаніи протраммы плаванія суда разоружаются, если находятся въ замерзающихъ портахъ, или включаются въ вооруженный резервъ, если портъ не замерзаетъ. Въ послѣднемъ случаѣ на суднѣ остается $^1/_3$ команды, а въ первомъ нѣсколько человѣкъ караульныхъ. Остальную команду помѣщаютъ въ казармахъ и занимаютъ всѣмъ, чѣмъ угодно, кромѣ своего прямого дѣла. Они несутъ караульную службу на гауптвахтахъ, пороховыхъ погребахъ, назначаются въ городскіе обходы, находятся въ ротныхъ, экипажныхъ и дивизіонныхъ расходахъ, занимаются фронтовой службой, копаютъ грядки, служатъ вѣстовыми, кучерами, дворниками, няньками, лакеями, поварами, маршируютъ на парадахъ, на судно если высылаются, то только для черныхъ работъ, и, какъ выразился одинъ остроумецъ, караулятъ по очереди другъ друга. Кто же эти матросы? — Минеры, артиллеристы, машинисты, кочегары, словомъ — спеціалисты. Ихъ трудъ обезцѣнивается примѣненіемъ его тамъ, гдѣ не требуется спеціальныхъ знаній, эти знанія они утрачиваютъ и отвыкаютъ отъ порученныхъ имъ частей.

Въ такой постановкѣ дѣла есть еще, пожалуй, худшая сторона, вносящая въ матросскую душу полный разладъ: матросъ, какъ существо разумное, осваивается во время плаванія съ дѣломъ, изучитъ его, становится хозяиномъ, наконецъ полюбитъ свое дѣло, и въ этотъ моментъ его вырываютъ съ судна, переносятъ въ совершенно чуждую ему обстановку, въ казарму, и занимаютъ чужимъ, неинтереснымъ и неосмысленнымъ дѣломъ; свое же прямое дѣло въ это время приходитъ въ безпорядокъ. Нравственно матросъ распускается,—ничто его не привязываетъ къ казармѣ, нечего ему въ ней

дѣлать: своего, родного, съ чѣмъ онъ сжился, въ ней нѣтъ; онъ бѣжитъ въ городъ изъ казармы, ему тошно возвращаться назадъ,— онъ напьется, наскандалитъ, потомъ—карцеръ, судъ, дисциплинарный батальонъ, тюрьма.

Въ печати часто появлялись нареканія на главный морской штабъ, главное управленіе кораблестроенія и снабженія, техническій комитетъ и портовыя управленія. Въ этихъ учрежденіяхъ искали виновниковъ разгрома флота. Кто же руководитъ ими? Кто вдохновляетъ ихъ? Кто получаетъ за дѣятельность этихъ учрежденій награды, чины, аренды?—Тѣ же офицеры флота. Поколѣніе за поколѣніемъ смѣняютъ они руководителей въ учрежденіяхъ. Техники и чиновники всецѣло въ рукахъ флотскихъ офицеровъ, по закону и въ силу корпоративнаго давленія послѣднихъ. Въ законодательствѣ военнаго флота красной нитью проведена мысль, что техники и чиновники во всѣхъ отношеніяхъ несамостоятельны. Они только совѣтчики и докладчики, но ихъ совѣты и доклады ни къ чему не обязываютъ начальствующихъ лицъ.

Изъ сказаннаго вытекаетъ необходимость настаивать на полной ликвидаціи дѣятельности всего состава флота, дабы устранить вліяніе современныхъ дѣятелей на организацію и нравы будущаго флота. Общеніе организма, находящагося въ періодѣ полнаго разложенія, съ организмомъ молодымъ убьетъ послѣдній.

Сигналъ.

„Диктатура пролетаріата“.

I.

Такъ называемыя „тактическія ошибки“ русской соціалъ-демократіи теперь ясны для всѣхъ. Злоупотребленіе методомъ всеобщей политической забастовки безъ яснаго представленія о силахъ и организованности пролетаріата, необдуманная пропаганда вооруженнаго возстанія, побудившая предпринять въ этомъ направленіи рядъ попытокъ, очевидно обреченныхъ на неудачу и не имѣвшихъ опредѣленной цѣли, и, въ третьихъ, преждевременный разрывъ съ либеральными и радикальными „буржуазными“ партіями, какъ на практикѣ (введеніе революціоннымъ путемъ восьмичасового рабочаго дня), такъ и въ литературѣ (полемика въ печати и на митингахъ).

Таковы главнѣйшія „ошибки“. Говорятъ, что въ совершеніи ихъ виновна не соціалъ-демократія. „Не мы толкали массы, а онѣ насъ—говоритъ г. Парвусъ—революціонный потокъ насъ неудержимо рвалъ впередъ“. Въ этихъ словахъ много справедливаго, но они не даютъ все же яснаго представленія о ходѣ дѣлъ. Тотъ, кто желаетъ изъ ошибокъ прошлаго почерпнуть урокъ для будущаго, не долженъ отступать передъ болѣе пристальнымъ взглядомъ въ глубь вещей.

Во первыхъ, тѣ самые вожди, которые говорятъ теперь о „стихійности“ движенія массъ, въ свое время, наоборотъ, восхваляли „сознательность“ пролетаріата. Даже теперь въ декабрской книжкѣ „Правды“, вышедшей въ концѣ января по поводу ноябрской забастовки мы читаемъ: „За эти дни рабочая армія Петербурга выказала такую удивительную организованность, такую полную подчиненность своимъ выборнымъ руководителямъ, такую невиданную самоотверженность и геройскую стойкость, что всѣ предыдущія ея выступленія,

безпримѣрныя въ исторіи Европы, блѣднѣютъ въ сравненіи съ ноябрскими днями. *Тутъ не можетъ быть уже рѣчи о стихійности*" (стр. 223). Ноябрская забастовка вѣдь и повела къ декабрской, закончившейся крахомъ. Одно изъ трехъ: или руководители пролетаріата (а таковыми несомнѣнно были соціалъ-демократы) ему льстили и говорили неправду, или на самомъ дѣлѣ стихійности не было, и массы обнаружили „удивительную организованность и полную подчиненность," но руководители завели ихъ не туда, куда слѣдуетъ, или, наконецъ, руководители, увлеченные потокомъ событій, сами, незамѣтно для себя измѣнили „сознательности" и, создавъ ошибочную теорію, дѣйствовали согласно съ ней, но, конечно, тоже ошибочно.

Я держусь послѣдняго взгяда и въ предлагаемыхъ очеркахъ хочу сдѣлать попытку указать на эту ошибочную теорію. Правда, въ переживаемой нами атмосферѣ сдѣлать это не легко. Сейчасъ найдутся люди, которые заподозрятъ ваши намѣренія, обзовутъ васъ измѣнникомъ. Меня утѣшаетъ только то соображеніе, что и великіе творцы современнаго научнаго соціализма, Марксъ и Энгельсъ, не избѣгли этой участи. Когда они въ 1850 году стали подводить итоги движенія 1848 года и обнаруживать рядъ ошибокъ, въ томъ числѣ и своихъ собственныхъ, имъ бросили въ лицо кличку „измѣнниковъ".

Основная ошибка теоретиковъ, руководившихъ движеніемъ, сводилась къ бланкистскому пониманію „диктатуры пролетаріата" и къ вытекшему отсюда перенесенію элементовъ соціалистической революціи въ происходившую революцію политическую и демократическую. „Диктатура пролетаріата" — есть необходимое звено марксизма, какъ революціоннаго ученія. По извѣстному разъясненію Каутскаго, реформа тѣмъ отличается отъ революціи, что преобразованіямъ, предпринимаемымъ послѣдней, предшествуетъ завоеваніе политической власти новымъ общественнымъ классомъ.

„Диктатура всякаго даннаго класса—говоритъ Плехановъ—означаетъ господство этого класса, позволяющее ему распоряжаться организованной силой общества для защиты своихъ интересовъ и для прямого или косвеннаго подавленія всѣхъ тѣхъ общественныхъ движеній, которыя нарушаютъ

эти интересы“. Вопросъ слѣдовательно въ томъ, когда, при какихъ условіяхъ и какъ наступаетъ это господство.

Идея диктатуры пролетаріата возникла во время революціи 1848 г., послѣ іюньскаго пораженія. По словамъ Карла Маркса, іюньское пораженіе открыло парижскому прелетаріату „ту истину, что малѣйшее улучшеніе его положенія въ предѣлахъ буржуазной республики остается утопіей и что эта утопія становится преступленіемъ при малѣйшей попыткѣ осуществить ее. Тогда на мѣсто требованій, предъявленныхъ пролетаріатомъ февральской республикѣ, широковѣщательныхъ по формѣ, но мелочныхъ и даже буржуазныхъ по существу,—выступаетъ смѣлый революціонный лозунгъ: „Низверженіе буржуазіи! Диктатура рабочаго класса!“

Марксъ рѣзко подчеркиваетъ бланкистскій характеръ, присущій идеѣ диктатуры пролетаріата при ея зарожденіи. Оставляя „доктринерскій соціализмъ“, парижскій пролетаріатъ—пишетъ онъ въ „Борьбѣ классовъ“—„все болѣе переходитъ въ лагерь революціоннаго соціализма, коммунизма, для которого сама буржуазія изобрѣла названіе *бланкизма*. Революціонный соціализмъ—это *непрерывность революціи, классовая диктатура пролетаріата*, необходимая, какъ переходная ступень къ отмѣнѣ всякихъ классовыхъ различій, отмѣнѣ производственныхъ отношеній, на которыхъ покоятся эти различія, къ отмѣнѣ всѣхъ общественныхъ отношеній, соотвѣтствующихъ этимъ производственнымъ отношеніямъ, къ перевороту всѣхъ идей, вытекающихъ изъ этихъ общественныхъ отношеній“.

Признавая, что ни въ 1848, ни въ 1849 году пролетаріатъ не былъ еще „способенъ къ диктатурѣ“, Марксъ, однако, нѣкоторое время продолжалъ еще вѣрить въ „непрерывность революціи“, ждалъ успѣшнаго революціоннаго возстанія, которое должно привести къ „диктатурѣ“. Но глубокій мыслитель, трезвый и честный публицистъ не могъ долгое время пребывать въ заблужденіи. Уже въ 50-мъ году Марксъ и Энгельсъ пришли къ выводу и осмѣлились высказать его публично, что революція закончилась, за что и заслужили названіе измѣнниковъ.

„Исторія не оправдала нашихъ ожиданій—откровенно сознается Энгель съ полвѣка спустя.—Она показала, что экономическое развитіе континента далеко еще не созрѣло для устраненія капиталистическаго производства“. Черезъ двад-

цать лѣтъ во Франціи произведена была другая попытка осуществить диктатуру пролетаріата, но и она закончилась неудачей. „Судьба коммуны снова показала, что не пришло еще время для господства рабочаго класса“. Съ того времени въ головахъ Маркса и Энгельса и началась усиленная работа по уясненію понятія диктатуры пролетаріата и того мѣста, которое она можетъ занимать въ жизни, а слѣдовательно и должна занимать въ теоретическихъ построеніяхъ. Работа эта привела къ очищенію понятія „диктатуры пропролетаріата“ отъ всякихъ бланкистскихъ элементовъ, но была завершена уже однимъ только Энгельсомъ въ его знаменитомъ „Предисловіи“ къ „Борьбѣ классовъ“, помѣченномъ 6 августа 1895 года.

Идея диктатуры пролетаріата родилась, какъ удостовѣрилъ Марксъ, въ формѣ бланкизма. „Бланкисты—какъ опредѣлилъ ихъ Фр. Энгельсъ въ 1891 году въ „Предисловіи“ къ „Гражданской войнѣ“—люди, воспитанные въ школѣ заговорщиковъ, привыкшіе къ строгой дисциплинѣ заговора, думающіе, что сравнительно небольшое число смѣлыхъ, хорошо организованныхъ людей, можетъ при благопріятно сложившихся обстоятельствахъ захватить власть и удержать ее въ своихъ рукахъ до тѣхъ поръ, пока не удастся привлечь народъ на сторону революціи и сгруппировать его вокругъ небольшой кучки вожаковъ“.

Бланкистскому пониманію революціи и диктатуры пролетаріата, еще въ 1849 году раздѣлявшемуся Карломъ Марксомъ, Энгельсъ въ 1895 году противупоставилъ свое, чисто марксистское, послѣдовательно проведенное. „Если и нынѣшняя могучая армія пролетаріата—писалъ онъ—все еще не достигла своей цѣли, если она далеко не въ состояніи добиться побѣды однимъ рѣшительнымъ ударомъ, а должна тяжелой борьбой отнимать отъ врага одну позицію за другой—то отсюда безповоротно слѣдуетъ, что въ 1848 году невозможно было добиться соціальнаго переустройства съ помощью простого захвата власти“.

Возстаніе стараго типа, уличная борьба съ баррикадами—говоритъ Энгельсъ—теперь уже въ значительной мѣрѣ устарѣла. Германская соціалъ-демократія „превратила избирательное право изъ средства одурачивать массу въ орудіе освобожденія“. Легальная борьба рабочей партіи стала внушать правительству и буржуазіи больше опасеній, нежели

нелегальная. „Мы „революціонеры“, „потрясатели основъ“ вѣрнѣе идемъ къ своей цѣли законными путями, нежели незаконными“. Ближайшая задача партіи—„медленная пропагандистская работа и парламентская дѣятельность“.

„Прошло—таковъ общій выводъ Фр. Энгельса—время внезапныхъ вспышекъ, революцій, совершаемыхъ сознательнымъ меньшинствомъ во главѣ безсознательныхъ массъ. Полное преобразованіе всего общественнаго строя предполагаетъ дѣятельное участіе массы, ея сознательное отношеніе къ тому, за что она борется и что ей требовать. Этому насъ учитъ исторія послѣднихъ пятидесяти лѣтъ. Для того же, чтобы масса знала, что дѣлать, необходима долгая и упорная работа; наша партія взяла на себя именно эту работу, и успѣхи ея приводятъ въ отчаяніе противниковъ“.

Пятьдесятъ лѣтъ исторіи, научившихъ Фр. Энгельса, ничему однако не научили русскихъ соціалъ-демократовъ. Лишнее доказательство справедливости скептическаго взгляда, что исторія вообще никого ничему не учитъ. Намъ, русскимъ, показалось, что за пять лѣтъ организаціонной работы мы достигли того, чего не могли добиться европейскіе рабочіе за 50 лѣтъ.

Мало того. Сколько времени и силъ ушло на полемику съ народниками, на уясненіе того взгляда, что предстоящая революція будетъ имѣть политическій „буржуазный“, демократическій, а ни въ коемъ случаѣ не соціалистическій характеръ. Казалось, эта истина усвоена всѣми и стала общимъ мѣстомъ, а какъ дошло до дѣла, то выяснилось, что усвоеніе только внѣшнее, что различіе между предстоящей политической и грядущей соціалистической революціями совершенно непродумано.

Какъ читатель могъ видѣть изъ краткаго изложенія взглядовъ Маркса и Энгельса на диктатуру пролетаріата, даже въ 1849 году, когда Марксъ не освободился еще отъ бланкизма, онъ отчетливо сознавалъ, что „диктатура пролетаріата“—необходимая переходная ступень къ *соціалистической* революціи. Пятидесятилѣтнее развитіе марксизма привело его къ полному освобожденію отъ бланкизма. У насъ же диктатуру пролетаріата, предпосылку соціалистической революціи, перенесли въ революцію политическую, задумали сдѣлать „переходной ступенью“ отъ самодержавія къ кон-

ституціонному демократическому строю. Этимъ чудовищнымъ прыжкомъ русская соціалъ-демократія совершенно отдѣлалась отъ марксистскаго пониманія и покатилась по наклонной плоскости якобинизма и бланкизма.

Понятнымъ является послѣ этого и заявленіе „Начала" (№ 7): „вполнѣ возможно, что наша революція, начавшаяся, какъ демократическая, закончится какъ соціалистическая". „Начало" было поддержано и „Новой Жизнью", гдѣ „непрерывность" проповѣдывалась г. Луначарскимъ. Само собою разумѣется, что все на свѣтѣ „непрерывно", конецъ міра связанъ съ его началомъ, но, какъ вполнѣ правильно замѣтилъ Г. В. Плехановъ „непрерывность процесса развитія не даетъ намъ права упускать изъ виду особенности его отдѣльныхъ фазисовъ... говорить *наканунѣ* буржуазной революціи такимъ языкомъ, который былъ бы умѣстенъ лишь *послѣ* нея" (№ 4 „Дневника").

Вотъ та истина, что *наканунѣ* буржуазной революціи нельзя говорить о диктатурѣ пролетаріата, и не была доступна практическому сознанію нашихъ „марксистовъ". Чувство побѣдило разумъ. „Марксисты" видѣли, что въ происходящемъ въ странѣ движеніи политической силѣ пролетаріата предстоитъ первая роль, что пролетаріатъ энергичнѣе и беззавѣтнѣе другихъ классовъ борется за свободу, приноситъ больше жертвъ, и имъ казалось невозможнымъ при побѣдѣ уступить первое мѣсто другимъ классамъ. Для такого самоотреченія надо было много мужества, политической прозорливости, хладнокровія и увѣренности въ дисциплинѣ массъ. Всѣми этими свойствами обладали японцы во время минувшей войны. Они двигались впередъ постепенно, окапывались на каждой пріобрѣтенной позиціи. Ихъ клеймили за то разными обидными прозвищами, упрекали въ отсутствіи геніальности, въ неумѣніи использовать свои побѣды. Теперь ясна неосновательность этихъ упрековъ. Японцы выиграли кампанію потому, что они не обезцѣнивали силъ своего врага. Всегда лучше ихъ переоцѣнить, такъ какъ это заставитъ удвоить свои собственныя усилія...

17-ое октября не было революціей, а было только прологомъ къ ней. Для того, чтобы возвѣщенныя въ манифестѣ реформы получили свой подлинный, а слѣдовательно и революціонный характеръ, необходимо, чтобы въ промежутокъ до ихъ осуществленія государственная власть перешла въ

руки новаго класса, чтобы бюрократія сдала свои позиціи. Этотъ переходъ власти мы мыслимъ, конечно, не въ видѣ романтически-флибустьерскаго набѣга, а въ формѣ болѣе или менѣе спокойной смѣны чиновниковъ, какъ то было, напримѣръ, во Франціи послѣ побѣды Гамбетты и республиканцевъ надъ Макъ-Магономъ. Конечно, при этомъ возможны и всякаго рода случайности, и настоящій политикъ не станетъ отступать и передъ ними.

Въ чьи руки могла быть передана власть? Отвѣчу прямо: только въ руки земцевъ и третьяго элемента, объединившихся сначала въ „Союзъ Освобожденія“, родившемъ и конституціонно-демократическую партію. Безспорно, что они съ охотой включили бы въ свои ряды и вождей пролетаріата.

Вожди пролетаріата, само собою разумѣется, не должны были ни на одну минуту посягать на индивидуальность пролетаріата и вести его къ сліянію съ другими классами и партіями. Это и фактически невозможно. Но пролетаріатъ, ясно сознавъ положеніе дѣлъ, твердо уяснивъ себѣ, что происходитъ только демократическая и политическая революція, долженъ былъ всей своей силой и всѣмъ своимъ вліяніемъ поддержать тѣ слои, въ руки которыхъ могла быть передана власть. Въ обмѣнъ за это пролетаріатъ получилъ бы надлежащія гарантіи, прежде всего свободу профессіональныхъ союзовъ и печати, безъ чего для рабочихъ немыслима сколько-нибудь широкая и планомѣрная борьба.

Правительство, видя единодушіе оппозиціи, видя, что вожди „земцевъ“ (назовемъ ихъ такъ для краткости) имѣютъ дѣйствительную опору въ массахъ, послѣ колебаній и контръ-революціонныхъ попытокъ вынуждено было бы отступить и сдать хотя бы нѣкоторыя позиціи.

Я слышу уже негодующіе возгласы. „Какъ! Принизить роль пролетаріата, отдать его на службу буржуазіи?!“ Прежде всего не надо горячиться. Это не „служба“, это сознательный союзъ. „Земцы“, очутясь у власти, не могли бы „обмануть“ рабочихъ, такъ какъ бюрократія вовсе не такой ничтожный врагъ, какъ многимъ казалось. Съ другой стороны и плата, предлагавшаяся „земцами“ вовсе не такъ ничтожна, какъ говорили. Теперь, когда угаръ проходитъ, всѣ понимаютъ, что массовое объединеніе, вызванное напоромъ революціонной энергіи, не способно замѣнить медленной и упорной организаціонной работы, для которой нужны

свобода печати, собраній, союзовъ и вообще легализація рабочаго движенія. Но соціалъ-демократы отвергли всѣ эти соображенія. Они рѣшили, что у нихъ однихъ достаточно силъ, и не только для побѣды надъ бюрократіей, но и для нанесенія удара буржуазіи. Либераламъ въ печати и на митингахъ была объявлена безпощадная война, на крупную буржуазію сдѣланъ былъ натискъ при помощи введенія восьмичасового рабочаго дня, мелкая буржуазія запугана вооруженнымъ возстаніемъ, безконечными стачками, грозой надвигающагося экономическаго краха. Результаты извѣстны. О нихъ больно говорить, но ихъ надо признать. Это—разгромъ.

Разгромлены не только соціалъ-демократы, разгромлены и „либералы". Полиція въ тонкостяхъ не разбирается и приличныя „кадетскія" изданія закрываются такъ же быстро, какъ и соціалъ-демократическія. Процентъ конституціонно-демократическаго населенія русскихъ тюремъ составляетъ величину не малую.

Но эти факты все же не мѣшаютъ нѣкоторымъ людямъ говорить объ „измѣнѣ буржуазіи", о „предательствѣ либераловъ". Эти сочетанія слова, положительно, лишены смысла. Обобщать русскую буржуазію съ русскимъ либерализмомъ, безусловно демократическимъ, невозможно. Наша буржуазія въ подлинномъ смыслѣ слова скорѣе принадлежитъ къ черной сотнѣ, чѣмъ къ „либераламъ". Затѣмъ нельзя не признать, что такъ называемая „измѣна" и „предательство" „либераловъ" заключается только въ томъ, что послѣдніе не превращаются въ соціалъ-демократовъ. Но если бы это было возможно, то къ чему же тогда особое существованіе соціалъ-демократовъ? Въ третьихъ, наконецъ, соціалъ-демократы открыли походъ противъ „либераловъ" раньше, чѣмъ у послѣднихъ была въ рукахъ хоть крупица власти и потому ни о какомъ уклоненіи отъ исполненія обѣщаній не могло быть и рѣчи. Походъ былъ открытъ какъ разъ въ ту минуту, когда либералы при помощи выборовъ въ думу готовились сдѣлать попытку взять власть въ свои руки.

Словомъ, все движеніе было чисто-стихійное, въ немъ не обнаружилось никакой „сознательности". Не смотря на участіе соціалъ-демократіи и пролетаріата, движеніе по своему типу было старымъ движеніемъ „совершаемымъ сознательнымъ меньшинствомъ во главѣ безсознательныхъ массъ".

Основное свойство этихъ старыхъ стихійныхъ движеній глубоко проанализировано Энгельсомъ.

„Послѣ перваго крупнаго успѣха—говоритъ онъ—среди побѣдоноснаго меньшинства обыкновенно происходилъ расколъ; одна часть довольствовалась достигнутымъ, другая хотѣла идти дальше, ставила новыя требованія, которыя, по крайней мѣрѣ, отчасти соотвѣтствовали дѣйствительнымъ или мнимымъ интересамъ народной массы. Въ отдѣльныхъ случаяхъ эти болѣе радикальныя требованія осуществлялись на дѣлѣ, но часто лишь на короткое время: умѣренная партія снова брала верхъ, плоды послѣднихъ побѣдъ уничтожались цѣликомъ или частью. Побѣжденные кричали тогда объ измѣнѣ или приписывали свое пораженіе случайности. Въ дѣйствительности же дѣло обстояло въ большинствѣ случаевъ такъ: результаты первой побѣды упрочивались только второй побѣдой, побѣдой болѣе радикальной партіи, а послѣ этого радикалы и ихъ успѣхи снова исчезали со сцены“.

Эти слова Энгельсъ написалъ десять лѣтъ тому назадъ, а читаешь ихъ и кажется, будто онъ описываетъ наши русскія дѣла и удостовѣряетъ, что послѣднія движенія послужили только на пользу правопорядочникамъ, такъ какъ, вѣроятно, даже „Союзъ 17 октября“ и тотъ окажется вытѣсненнымъ съ позиціи.

Стихійное движеніе должно уступить мѣсто сознательному. Пролетаріатъ долженъ сорганизоваться въ отдѣльную политическую партію и такой партіей, по моему глубокому убѣжденію, можетъ быть соціалъ-демократія, если она найдетъ, наконецъ, правильную тактику. Главныя усилія должны быть направлены на организацію рабочаго класса, на профессіональные союзы. Но эта организація должна быть крѣпкой, постоянной, а не случайной, устанавливаемой только для одного какого-нибудь выступленія.

Мысль о диктатурѣ пролетаріата необходимо пока совершенно оставить. Рѣчь объ этомъ можетъ зайти только послѣ установленія дѣйствительнаго конституціоннаго и парламентарнаго строя. Да и тогда эта диктатура не будетъ носить характера бланкистскаго заговора. Она явится только вѣнцомъ постепеннаго проникновенія пролетаріата въ правящій механизмъ. Она будетъ лишь послѣднимъ ударомъ помела...

Въ настоящее же время политическая дѣятельность пролетаріата, какъ и другихъ оппозиціонныхъ группъ, должна сосредоточиться возлѣ Государственной Думы. Дѣйствіе въ самой Думѣ въ связи съ воздѣйствіемъ на Думу извнѣ— вотъ къ чему въ главнѣйшемъ сводятся задачи минуты. Необходимо, значитъ, несмотря на все давленіе правительства, участвовать и въ избирательной агитаціи, и въ выборѣ выборщиковъ и въ избраніи депутатовъ. Если пролетаріатъ можетъ провести своихъ людей самъ — онъ долженъ это сдѣлать. Если, что вѣрнѣе, такой исходъ сомнителенъ, онъ долженъ безъ малѣйшихъ колебаній заключить союзъ съ истинно-конституціонными партіями, съ конституціонно-демократической (партіей народной свободы) въ первую голову.

„Измѣны", „предательства" и проч. боятся только слабыя, неувѣренныя въ себѣ партіи.

Правительство С. Ю. Витте не хочетъ созывать Думы [1]), надо его заставить это сдѣлать. Весьма вѣроятно, что оппозиціонные, истинно конституціонные элементы будутъ въ Государственной Думѣ въ слабомъ меньшинствѣ. Но ихъ голосъ можетъ получить вѣсъ не пропорціональный числу, если онъ будетъ поддержанъ народомъ внѣ Думы. Пролетаріатъ, какъ и крестьянство, должны понять всю вытекающую отсюда для нихъ пользу и должны дружно поддержать будущую думскую оппозицію. Это не значитъ, что отъ нихъ требуется отреченіе отъ своихъ идеаловъ и отъ своей программы. Какъ только основныя конституціонныя гарантіи будутъ установлены, каждая партія возвращаетъ себѣ полную свободу дѣйствій.

А. С. Изгоевъ.

Отъ редакціи. Мы съ удовольствіемъ печатаемъ поучительную статью А. С. Изгоева, соціалъ-демократа по убѣжденіямъ, примкнувшаго къ к.-д. партіи. Его критика противомарксистской тактики русской соціалъ-демократіи прямо таки неотразима. Главное наше разногласіе съ А. С. Изгоевымъ состоитъ въ томъ, что мы считаемъ самое понятіе

---

[1]) Статья написана до указа о созывѣ Думы.

Прим. ред.

„диктатуры пролетаріата“ не выдерживающимъ научной критики. Говорить *о диктатурѣ* общественнаго *класса* значить соединять понятія, по существу не соединимыя. Научная ошибка ортодоксальнаго марксизма, построившаго или, вѣрнѣе, заимствовавшаго у французскаго революціоннаго соціализма понятіе „диктатуры пролетаріата“, заключается въ томъ, что процессъ соціальной эволюціи и роль его дѣятеля, рабочаго класса, понятіемъ „диктатуры“ насильственно упрощается и втискивается въ поверхностную, чисто политическую формулу. Ортодоксальному марксизму вообще свойственно чрезвычайно грубое и ненаучное пониманіе такихъ важныхъ научныхъ категорій, какъ „классъ“ и „классовая борьба“.

Къ годовщинѣ рескрипта 18-го февраля.

Съ тяжелымъ сердцемъ, но съ гордымъ сознаніемъ достигнутыхъ успѣховъ и съ вѣрою въ близость окончательной побѣды встрѣчаемъ мы годовщину первой рѣшительной уступки, сдѣланной самодержавіемъ русскому освободительному движенію. 18-ое февраля 1905 г. никогда не изгладится изъ памяти нашего общества. Никогда еще, быть можетъ, абсолютизмъ не обнаруживалъ съ такой элементарной силой своей истинной сущности, какъ въ этотъ трагическій для него день, когда изданы были на протяженіи нѣсколькихъ часовъ два въ корнѣ другъ другу противорѣчившихъ первоклассныхъ государственныхъ акта. И урокъ этотъ не прошелъ, конечно, для страны даромъ. Конкретное проявленіе самодержавнаго всемогущества явилось убѣдительнѣйшимъ логическимъ отрицаніемъ его раціональности, его права на существованіе.

Для будущаго русскаго бытописателя сопоставленіе изданнаго утромъ 18-го февраля 1905 г. *манифеста* съ опубликованнымъ вечеромъ того-же дня *рескриптомъ* послужитъ нагляднѣйшимъ показателемъ рѣзкихъ колебаній тогдашняго правительственнаго курса, какъ характернаго признака крайней остроты и напряженности разсматриваемаго нами политическаго момента. Для историка русскаго государственнаго права сравненіе этихъ двухъ документовъ явится краснорѣчивой иллюстраціей дѣйствительной «юридической» природы самодержавія. Носителю неограниченной власти должно быть дозволено все, даже и то, что обрекаетъ идею этой власти на неизбѣжное банкротство въ глазахъ страны. Если воля самодержца—законъ, то законъ, противорѣчащій въ данный моментъ этой волѣ, теряетъ *eo ipso* свою силу и можетъ ее получить черезъ сутки или черезъ полчаса снова. Вотъ почему

у насъ и могли быть изданы въ одинъ и тотъ же день,—и при томъ вполнѣ правомѣрно,—два столь противорѣчивыхъ, по основному принципу своему, акта, какъ *манифестъ* и *рескриптъ* 18-го февраля. Въ ночь съ 17-го на 18-ое признано было цѣлесообразнымъ выйти изъ критическаго положенія при содѣйствіи такъ называемыхъ лойяльныхъ элементовъ народа,—«благомыслящихъ людей всѣхъ сословій и состояній каждаго въ своемъ званіи и на своемъ мѣстѣ»,—которые и призывались къ борьбѣ «словомъ и *дѣломъ*» съ «ослѣпленными гордынею злоумышленными вождями *мятежнаго движенія*, дерзновенно посягающими на освященное православной церковью и утвержденные законами основные устои государства россійскаго». Въ осуществленіе таковой высочайшей воли и сочиненъ былъ актъ, названный *манифестомъ*... Утромъ другого дня средство это признано было неподходящимъ, и, соотвѣтственно измѣнившемуся настроенію, опубликованъ былъ *рескриптъ*, санкціонировавшій *въ принципѣ* одно изъ основныхъ требованій «мятежнаго движенія» — привлеченіе всего народа, черезъ избранныхъ его довѣріемъ людей, къ постоянному участію въ управленіи государственными дѣлами.

Въ учебникахъ государственнаго права этотъ примѣръ будетъ фигурировать рядомъ съ извѣстными прусскими образцами бурной эпохи 1847—1848 годовъ. Балансируя между конституціонной политикой своего перваго министра, Бодельшвинга, и реакціонными вожделѣніями цѣплявшейся за остатки самодержавія придворной камарильи, несчастный Фр.-Вильгельмъ IV совершенно въ концѣ концовъ потерялъ равновѣсіе. Онъ то угрожалъ своимъ подданнымъ, то призывалъ ихъ къ довѣрію; безъ конца говорилъ объ «естественномъ, покоющемся на историческомъ развитіи и соотвѣтствующемъ нѣмецкому народному духу», *сословномъ* представительствѣ и приписывалъ въ то же время провинціальнымъ палатамъ, стремившимся къ объединенію въ одномъ, общемъ для всей Пруссіи, ландтагѣ, самые невѣроятные «крамольные замыслы»; клялся не допустить того, чтобы «между нашимъ Господомъ на небесахъ и этой страной втиснулся листъ исписанной бумаги, ...чтобы традиціонная святая вѣрность замѣнена была покоящейся на параграфахъ системой управленія», а когда народъ одержалъ верхъ и введеніе этой системы стало неизбѣжнымъ, король, больше всего боявшійся казаться сла-

бымъ, старался производить впечатлѣніе не только ревностнѣйшаго, но еще и убѣжденнѣйшаго конституціоналиста.

Наученная опытомъ другихъ народовъ, публика наша сразу оцѣнила рѣшающее значеніе рескрипта 18-го февраля для дѣла русской революціи. Обѣщано было правда только *совѣщательное* представительство, но уже въ самомъ рескриптѣ указывалось на „трудность проведенія сего преобразованія въ жизнь при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ имперіи». Исторія же являлась порукою въ томъ, что «*трудность*» эта разрѣшится, по истеченіи болѣе или не менѣе значительнаго промежутка времени, полной капитуляціей самодержавія.

Идея законодательнаго парламента, долженствующаго служить цѣли сближенія государя съ народомъ, не была, конечно, оригинальнымъ измышленіемъ нашей бюрократіи. Подобныя благія намѣренія всплывали, какъ извѣстно, повсюду, гдѣ начинали колебаться вѣковыя отношенія власти къ народу, основанныя на неограниченной опекѣ съ одной стороны и безпрекословномъ подчиненіи съ другой. О такомъ спасительномъ учрежденіи мечталъ послѣдній Людовикъ «Капетъ», а Гогенцоллерны втеченіе трехъ десятилѣтій утѣшали себя мыслью, что представительство, ограниченное одною лишь «*силою мнѣнія*», является той именно формой участія народа въ законодательныхъ трудахъ, которую «самобытная Пруссія», въ силу особыхъ условій ея исторической жизни, должна противопоставить конституціоннымъ увлеченіямъ сосѣднихъ народовъ.

«У насъ считается возможнымъ», писалъ Чичеринъ въ запискѣ, поданной имъ въ 1881 г. гр. Лорисъ-Меликову, «ввѣрять исполненіе политической мысли тѣмъ лицамъ, которыя ея не раздѣляютъ». Надо думать, что только поэтому осуществленіе рескрипта 18-го февраля поручено было такому «государственному дѣятелю», какъ А. Г. Булыгинъ. О бывшемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ публика знала лишь, что онъ являлся послушнымъ исполнителемъ предначертаній великаго князя Сергія Александровича, которому приписывалось не безъ основанія руководительство партіей контръ-реформъ. Въ Россіи и за границей Булыгина считали ставленникомъ заинтересованнаго въ сохраненіи *statu quo* придворнаго кружка. Послѣ смерти Плеве, Булыгина называли соперникомъ Святополкъ - Мирскаго,

и въ назначеніи послѣдняго всѣ видѣли благопріятный для реформы симптомъ. На Булыгина и Трепова смотрѣли, какъ на выходцевъ изъ одной и той-же политической школы. А у петербургскаго генералъ-губернатора была уже ко времени назначенія новаго министра вполнѣ опредѣленная репутація. Въ самомъ рескриптѣ о государственно-правовыхъ воззрѣніяхъ А. Г. Булыгина не упомянуто было ни однимъ словомъ, а отмѣчена лишь была «спокойная увѣренность характера» его.

Вотъ все, что было извѣстно нашей публикѣ о личности министра, превратившагося годъ тому назадъ, по высочайшему повелѣнію, въ преобразователя русскаго государственнаго строя. Ближайшее будущее вполнѣ оправдало тѣ надежды, которыя возлагало на этого человѣка русское общество. А. Г. Булыгинъ обнаружилъ сразу завидную свободу отъ сомнѣній. Бремя задуманной реформы не устрашало его. Министръ не боялся оппозиціи и надѣялся овладѣть общественнымъ движеніемъ, которое онъ охарактеризовалъ словомъ: «безпорядки». Присоединившись, въ качествѣ практическаго дѣятеля, къ испытанной тактикѣ нашего главнокомандующаго манчжурской арміей,—публикѣ предложено было запастись терпѣніемъ,—министръ заявилъ себя въ то-же время рѣшительнымъ сторонникомъ народнаго представительства. Онъ признавалъ возможнымъ отмежевать будущему русскому парламенту самыя широкія полномочія, «но при условіи, чтобы самодержавіе — основа Россіи—оставалось неприкосновеннымъ».

Дѣтищемъ такого «политическаго міросозерцанія» и явились, какъ извѣстно, законы 6-го августа 1905 г. о Государственной Думѣ. Акты эти ввели борьбу за политическое освобожденіе нашего отечества въ новый фазисъ. «Учрежденіе Государственной Думы» и сопутствовавшее ему положеніе о выборахъ были, правда, въ общихъ чертахъ извѣстны русской публикѣ уже задолго до опубликованія ихъ. Но въ этотъ день преобразовательные замыслы правительства получили, наконецъ, вполнѣ опредѣленную форму, которая не оставляла больше мѣста для всевозможныхъ чаяній, искажавшихъ политическую перспективу и отвлекавшихъ оппозиціонные элементы общества отъ того дѣла, которому должны были принадлежать до поры до времени всѣ его силы.

Для того, чтобы предаваться иллюзіямъ не было, конечно, и прежде сколько нибудь разумныхъ основаній. Начиная съ 18-го февраля вплоть до опубликованія новыхъ законовъ, верховная власть во всѣхъ своихъ заявленіяхъ неизмѣнно подчеркивала, что мысль о введеніи народнаго представительства по западно-европейскому образцу столь же чужда ей теперь, какъ и во времена Александра III. Въ многочисленныхъ высочайшихъ отмѣткахъ сквозила скорѣе тенденція ограничительнаго, чѣмъ распространительнаго толкованія февральскихъ обѣщаній. А въ рѣчи, обращенной 6-го іюля къ депутаціи земскихъ и городскихъ дѣятелей, Государь безъ всякихъ обиняковъ заявилъ, что созывъ народныхъ представителей «ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ».

Что разумѣется подъ «самобытными русскими началами»,—хорошо, конечно, всѣмъ было извѣстно. Аудіенція 6-го іюня нанесла поэтому рѣшительный ударъ утопической политикѣ, стремившейся оказать воздѣйствіе на верховную власть путемъ приписыванія ей такихъ намѣреній, которыя находились въ очевидномъ противорѣчіи съ прямыми ея волеизъявленіями. Подавляющее большинство земскихъ и городскихъ дѣятелей добивалось, разумѣется, совсѣмъ не той формы участія народа въ законодательныхъ трудахъ, о которой говорилъ рескриптъ 18-го февраля. И тактика, допускавшая въ отдѣльныхъ случаяхъ затушевываніе этого коренного различія, могла привести только къ одному результату,—потускнѣнію демократическаго идеала и скомпрометированію носителей его въ глазахъ непонимающаго «хитростей» народа.

Два мѣсяца, прошедшіе со дня знаменитой аудіенціи до опубликованія законовъ о Государственной Думѣ, окончательно разрушили надежду на то, что «голосъ земли» будетъ услышанъ «съ высоты престола». Вѣра въ чудесныя превращенія стала покидать даже и самихъ славянофиловъ. Постановленная лицомъ къ лицу съ дѣйствительной жизнью, доктрина ихъ не выдержала въ рѣшительный моментъ пробы. «Сила мнѣнія» оказалась на практикѣ пустымъ звукомъ, и это выступило съ такой зловредной очевидностью, предъ которою должны были стушеваться испытаннѣйшія отвлеченныя разсужденія.

Охрана самодержавія естественно, при такихъ условіяхъ

должна была сосредоточиться въ рукахъ рѣшительныхъ противниковъ всякой всеобщей реформы существовавшаго въ то время государственнаго строя. Учрежденная по иниціативѣ г. Грингмута, «русская монархическая партія» стала во главѣ этого движенія. Къ ней присоединились: «Союзъ русскихъ людей», «Святая Русь», «Патріотическій Союзъ», «Общество охраны государственныхъ формъ» и другія болѣе или менѣе значительные кружки и группы. Отбросивъ различные оттѣнки во взглядахъ, всѣ эти организаціи предприняли совмѣстную борьбу за «сохраненіе монархической *самодержавной* власти русскихъ Царей въ полной ея неприкосновенности».

Было уже, однако, къ счастью поздно. Общество замѣтно съ каждымъ днемъ все больше и больше уклонялось влѣво. Стало созрѣвать то всенародное протестующее настроеніе, которое нашло себѣ вскорѣ исходъ въ формѣ великой политической забастовки. Опозоренное на востокѣ, лишившееся всякаго кредита на западѣ, тѣснимое со всѣхъ сторонъ у себя дома, самодержавіе капитулировало предъ побѣдоносной всероссійской революціей. Со дня изданія рескрипта 18-го февраля до этого величайшаго въ новой русской исторіи событія прошло всего восемь мѣсяцевъ.

Наивно было, разумѣется, думать, что манифестъ 17-го октября обозначаетъ послѣдній фазисъ борьбы. Что случится дальше, объ этомъ многіе догадывались уже вслѣдъ за провозглашеніемъ конституціи. «Пока, — писали мы тогда — власть все еще находится въ рукахъ лицъ, готовыхъ залить Россію по первому призыву новыми потоками крови, обществу слѣдуетъ приложить всѣ усилія къ тому, чтобы парализовать адскій планъ оффиціальной контръ-революціи. Созданное и поддерживаемое правительствомъ анархическое состояніе должно подготовить для нея почву. Цѣль ясна. Одни не выдержатъ напряженія и станутъ взывать о спокойствіи, купленномъ цѣною какихъ бы то ни было уступокъ. *Другіе доведены будутъ провокаціей* до безумнаго шага и попадутъ въ желѣзныя объятія какого-нибудь россійскаго Виндишгреца» *)... Вооруженное возстаніе въ Москвѣ и Прибалтійскомъ краѣ показало, какъ основательны были эти опасенія.

---

*) „Вопросы Жизни“ Октябрь—Ноябрь, стр. 394.

И все же, оглядываясь на пройденный годъ, общество наше по справедливости можетъ гордиться. Болѣе чѣмъ когда-нибудь, болѣе даже, чѣмъ сейчасъ послѣ октябрской забастовки, имѣемъ мы право неустанно твердить теперь: «А всетаки вертится». Безсиліе реакціи выступаетъ тѣмъ очевиднѣе, чѣмъ безчеловѣчнѣе она дѣйствуетъ. Жизнь каждаго изъ насъ ежеминутно въ опасности. Но общее дѣло гигантскими шагами подвигается впередъ. И никакому Малютѣ Скуратову не по силамъ остановить это побѣдоносное движеніе.

Г. Н. Штильманъ.

Замѣтки публициста.

Съѣздъ союза 17-го октября и созывъ Государственной Думы.

Послѣднее время ознаменовалось двумя политическими событіями: съѣздомъ союза 17-го октября и указомъ о созывѣ Государственной Думы на 27-ое апрѣля.

Съѣздъ союза 17-го октября раскрылъ довольно любопытную картину политическихъ и соціальныхъ противорѣчій, гнѣздящихся въ этой партіи. Съ политической стороны союзъ 17 октября явно обнаружилъ себя, какъ партія прогрессивныхъ лидеровъ и реакціонной толпы. Таково внутреннее политическое противорѣчіе союза 17-го октября въ интеллигентно-буржуазной его части.

Глубже еще другое противорѣчіе, раздѣляющее эту партію, противорѣчіе соціальное. Союзъ 17-го октября въ интеллигентно-буржуазной своей части состоитъ изъ напуганныхъ революціей помѣщиковъ и вообще представителей имущихъ классовъ, и въ тоже время къ союзу, по недоразумѣнію, примкнули нѣкоторыя группы крестьянства и рабочихъ.

Совершенно ясно, что соединеніе такихъ соціально-враждебныхъ слоевъ, какъ помѣщики и крестьяне, или какъ фабриканты и рабочіе въ одной партіи въ высшей степени непрочно и обрекаетъ партію на близкій распадъ. Крестьянская партія можетъ, конечно, включать въ свой составъ отдѣльныхъ помѣщиковъ; наоборотъ, въ помѣщичью партію могутъ входить отдѣльные крестьяне, но объединеніе этихъ двухъ элементовъ, какъ соціальныхъ слоевъ, въ одной политической партіи есть явленіе противоестественное, и если оно не вскроется до созыва Думы, то въ Думѣ, разъ въ нее будутъ выбраны, при помощи союза 17-го октября, настоящіе крестьяне, оно должно обнару-

житься съ рѣжущей ясностью. Всѣ настоящіе крестьяне, которые войдутъ въ Государственную Думу, подъ какимъ бы флагомъ они ни были въ нее выбраны, будутъ въ Думѣ, Божьей милостью, членами партіи к. д., партіи народной свободы, ибо эта партія есть единственная въ Россіи большая парламентская партія, твердо и въ полномъ своемъ составѣ отстаивающая коренную земельную реформу въ пользу крестьянства.

Все сказанное о соціальномъ противорѣчіи, гнѣздящемся въ союзѣ 17-го октября, еще въ большей мѣрѣ приложимо къ партіи правоваго порядка, поскольку это есть вообще партія, а не сборище людей, дѣйствующихъ по указанію начальства.

Называя лидеровъ союза 17-го октября «прогрессивными», мы имѣли въ виду произнесенныя ими на московскомъ съѣздѣ рѣчи и внесенныя на съѣздъ резолюціи.

Однако эти блестящія рѣчи и хорошо звучащія резолюціи не могутъ устранить того плачевнаго во всѣхъ смыслахъ факта, что царство господъ Дурново и Дубасовыхъ установилось благодаря попустительству союза 17-го октября, въ томъ числѣ и прогрессивныхъ его лидеровъ. Вѣдь это они, участвуя въ совѣщаніяхъ съ г. Дубасовымъ, ни разу въ критическіе моменты не возвысили своего протестующаго голоса противъ явнаго попранія свободы и права, установившагося въ Москвѣ. Единственный человѣкъ, выступившій противъ административныхъ безчинствъ московскаго сатрапа, былъ членъ к. д. партіи Н. Н. Львовъ. Это онъ, а не записной патріотъ А. И. Гучковъ бросилъ въ лицо побѣдоносному адмиралу слова суроваго и страстно-патріотическаго обличенія.

Въ трусливомъ испугѣ людей 17-го октября передъ призрачной московской революціей, въ этомъ испугѣ, который раскрылъ настежъ двери самой реальной реакціи, заключался не только огромный моральный грѣхъ передъ страной, но и крупнѣйшая политическая ошибка, и притомъ ошибка именно съ той умѣренной точки зрѣнія, на которой утвердился союзъ 17-го октября.

Объяснимся. Съ московскаго подавленія ободренная общественнымъ испугомъ придворно-военная реакція, технически вспомоществуемая такими адамантами изъ славной бюрократической стаи графа Дмитрія Толстого, какъ

г. Дурново, разгулялась во всю. И, отступивъ въ декабрскіе дни передъ реакціей, союзъ 17-го октября не только не устранилъ конфликта между старой и новой Россіей, а, наоборотъ, пересрочивъ этотъ конфликтъ, обострилъ его. Либо стамбуловщина гг. Витте и Дурново сдѣлаетъ изъ Государственной Думы жалкое подобіе народнаго представительства, ни къ чему путному негодную прислужницу бюрократіи, либо Дума должна будетъ вступить въ жесточайшій конфликтъ съ бюрократіей.

Если союзъ 17-го октября будетъ дѣйствительно конституціонной партіей, онъ долженъ будетъ въ лицѣ своихъ депутатовъ принять крупное, быть можетъ, даже руководящее участіе въ этомъ конфликтѣ. Либо гг. Гучковъ, Гейденъ, Стаховичъ, Шиповъ и пр. постыдно отступятъ передъ грубой силой, либо именно дѣятелямъ союза 17-го октября придется въ Государственной Думѣ ставить вопросы съ такой рѣзкостью, въ сравненіи съ которой все, что они обязаны были совершить въ критическіе декабрскіе дни и чего они — по отсутствію гражданскаго мужества и политической дальновидности—не сдѣлали, можетъ быть смѣло названо дѣтскою игрой. Не даромъ состоящій при лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку приватъ-доцентъ права (!!) и ораторъ «Русскаго Собранія» г. Никольскій уже теперь предвкушаетъ, *какъ „злая дума“ будетъ разогнана штыками* [1]).

Вѣдь, конечно, гг. Гучковъ, Стаховичъ, Шиповъ и др. лидеры союза 17-го октября не хуже, чѣмъ пишущій эти строки, знаютъ, что реакціонный поворотъ г. Витте и передача имъ Россіи на потокъ и разграбленіе г. Дурново съ его генералъ-губернаторами совершились подъ прямымъ террористическимъ давленіемъ придворно-военной котеріи. Это—историческій фактъ, который въ свое время будетъ документально доказанъ. И когда почтенный графъ П. А. Гейденъ на московскомъ съѣздѣ союза 17-го октября пугаетъ себя и своихъ товарищей силами «революціонеровъ» и ихъ организаціей, мы изумляемся его наивности. На самомъ дѣлѣ и гр. Витте, и союзъ 17-го октября, и вся Россія съ октябрскихъ дней находились и находятся въ

---

[1]) Ср. отчетъ о засѣданіи „Русскаго Собранія“ въ № 370 „Нашей Жизни“ отъ 15-го февраля.

ужасныхъ тискахъ непрерывно дѣйствующаго военнаго заговора, направленнаго противъ свободы и конституціи.

Вмѣсто того чтобы, какъ истинно-государственный человѣкъ, бросить свой премьерскій портфель его острыми углами въ лицо придворно-военной котеріи, графъ Витте безпринципно, ради сохраненія портфеля, началъ ей дѣлать уступку за уступкой и сталъ—въ силу этого—тѣмъ всѣми одинаково ненавидимымъ и презираемымъ человѣкомъ, для котораго нѣтъ никакого будущаго, которому умѣренные конституціоналисты, вродѣ гр. Гейдена и Гучкова, не вѣрятъ ни въ чемъ и котораго въ то же время «истинно-русскіе» люди въ своихъ собраніяхъ поносятъ «удавомъ» и клеймятъ, какъ «ставленника жидовъ» [1]).

Но въ сущности говоря, союзъ 17-го октября въ критическіе декабрскіе дни поступалъ такъ же, какъ гр. Витте, съ той же политической трусостью и близорукостью. И теперь гг. Гучкову и Шипову съ товарищами потребуется уже гораздо болѣе гражданскаго мужества и политической мудрости, чтобы рѣшительной борьбой въ Государственной Думѣ, съ непрерывнымъ военнымъ заговоромъ противъ свободы исправить и искупить огромную морально-политическую ошибку декабрскаго испуга и отступленія.

Государственная Дума созвана на 27-е апрѣля. При какихъ условіяхъ? Никогда еще въ Россіи не производилось такого множества беззаконныхъ внѣсудебныхъ арестовъ, никогда еще въ Россіи не совершалось такого множества административныхъ высылокъ, хотя въ распоряженіи власти не только обыкновенные, но также военные и даже военно-полевые суды.

Общественная совѣсть до послѣднихъ глубинъ возмущена разстрѣлами безъ суда и прочими убійствами, а также истязаніями, совершаемыми равнаго рода должностными лицами. Но какъ ни потрясающе-возмутительны эти кровавыя преступленія агентовъ правительства, — административные аресты, высылки, запрещенія собраній и вообще *безкровныя* насилія, чинимыя властями въ предвыборное время, въ чисто *политическомъ* отношеніи еще болѣе возмутительны,

---

[1]) Подлинныя выраженія одного изъ лидеровъ „истинно-русскихъ людей“ г. Дубровина. Ср. „Наша Жизнь“ № 370, отчетъ о митингѣ 12-го февраля въ конногвардейскомъ манежѣ.

еще болѣе преступны. Эти насилія суть не простыя нападенія на отдѣльныхъ лицъ, это—посягательство на достоинство и неприкосновенность народнаго представительства, это—прямыя оскорбленія самой Государственной Думы, какъ учрежденія.

Такое положеніе вещей обязываетъ всѣ истинно-конституціонныя партіи коллективно потребовать отъ правительства Витте-Дурново немедленнаго запрещенія административнымъ властямъ производить произвольные аресты и немедленной же торжественной отмѣны административной высылки.

Выборы народныхъ представителей, регулируемые произвольными арестами и административной высылкой, это—такой позоръ, это послѣ манифеста 17-го октября — такое надругательство надъ страной, котораго нельзя терпѣть ни одного дня.

Вотъ что должно быть коллективно и торжественно заявлено правительству Витте-Дурново представителями *всѣхъ* конституціонныхъ партій. И это заявленіе должно быть оглашено *передъ всей Россіей и передъ всѣмъ міромъ, какъ моральный ультиматумъ правительству*. Правительству Витте-Дурново Государственная Дума нужна только какъ единственное обезпеченіе, подъ которое оно можетъ получить деньги отъ иностранныхъ банкировъ. Извращая и фальсифицируя административными репрессіями выборы, правительство не только обманываетъ и оскорбляетъ страну, оно вводитъ также въ заблужденіе возможныхъ кредиторовъ Россіи. И это должно быть сказано съ полной ясностью представителями независимаго общественнаго мнѣнія Россіи.

Петръ Струве.

Замѣтки.

Новый историческій журналъ.

Наша періодическая печать обогатилась новымъ, въ высшей степени цѣннымъ изданіемъ. Подъ редакціей В. Я. Богучарскаго и П. Е. Щеголева выходитъ журналъ „Былое“, посвященный исторіи освободительнаго движенія. До послѣдняго времени—до осуществленія относительной фактической свободы, которою пользуется теперь печать и которую правительство, не смотря на всю жестокость репрессій, отнынѣ уже явно неспособно задавить—исторія нашего освободительнаго движенія была запретнымъ плодомъ для русскаго общества. Въ систему подавленія всякой свободной жизни входило, какъ необходимое звено, подавленіе памяти объ исторіи русскаго общества; въ число стѣсненій всѣхъ законныхъ и естественныхъ проявленій національной жизни было включено запрещеніе знать свою исторію. Преемственная связь событій и движеній, образующая существо всякой національной культуры, была искусственно вытравляема изъ сознанія русскихъ людей, и общество, дорожившее своими традиціями и инстинктивно оборонявшееся отъ этого духовнаго калѣченія, все же принуждено было жить больше легендами и устными слухами о прошломъ, чѣмъ знаніемъ исторической правды о себѣ самомъ. Національнаго самосознанія, въ лучшемъ, истинномъ смыслѣ слова, существовать не могло. Люди, съ устъ которыхъ не сходили слова „отечество“, „народность“, „слава“, не позволяли русскимъ людямъ знать, какъ боролись и погибли за благо родины въ 1825 году тѣ же дѣятели, которые героически отстояли Россію въ 1812 году, съ какими цензурными и полицейскими стѣсненіями приходилось бороться нашему національному поэту—Пушкину, который для Бенкендорфа и ему подобныхъ былъ „шалопаемъ“, какъ отразилась турецкая война

на оппозиціонномъ настроеніи общества конца 70-хъ годовъ и т. п. Удивляться ли, что національное самосознаніе могло существовать только въ формѣ человѣконенавистническаго шовинизма, что для лучшихъ гражданъ слово „патріотизмъ“ стало почти бранной кличкой — когда покровительствомъ и поощреніемъ пользовалось только то національное чувство, которое Чаадаевъ называлъ „патріотизмомъ самоѣда“, а все, что могло воспитать „патріотизмъ англичанина“, систематически истреблялось? Впрочемъ, негодовать на все это сейчасъ смѣшно и поздно; достаточно просто констатировать это, какъ фактъ. Его объясненіе просто и очевидно теперь для всякаго: оно состоитъ въ томъ, что бюрократія, властвовавшая и властвующая надъ Россіей, была и есть самый антинаціональный и противонародный элементъ русской жизни и что поэтому для своего самосохраненія она вынуждена была подавлять все, что могло питать истинно-національныя, всенародныя чувства и мысли. Нынѣ, въ числѣ прочихъ правъ, до извѣстной степени уже завоеванныхъ народомъ, отвоевано и право на свободную національную исторію, на правдивое знаніе прошлаго русской общественности.

Удовлетворить этой національной потребности въ самосознаніи путемъ уясненія исторіи національнаго освободительнаго движенія—такова задача, которую ставитъ себѣ журналъ „Былое“. Первая, январская книга журнала, лежащая передъ нами, не оставляетъ желать ничего лучшаго по обилію, разнообразію и цѣнности собраннаго въ ней историческаго матерьяла. Книга даетъ, съ одной стороны, въ высшей степени поучительные и важные историческіе документы; таковъ, напримѣръ, отчетъ объ историческомъ засѣданіи государственнаго совѣта 8 марта 1881 года, на которомъ, подъ предсѣдательствомъ Александра III велись пренія о проектѣ народнаго представительства, выработанномъ Лорисъ-Меликовымъ; таковы же отчетъ о процессѣ 20-ти народовольцевъ въ 1882 году, замѣчательныя воспоминанія М. Ю. Ашенбреннера о 22-лѣтнемъ заточеніи въ Шлиссельбургской крѣпости, воззваніе группы конституціоналистовъ въ 1883 году, письмо Герцена къ Н. Серно-Соловьевичу, повлекшее за собой арестъ Чернышевскаго и др. Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ рядъ серьезныхъ и цѣнныхъ историческихъ изслѣдованій, изъ которыхъ отмѣтимъ работу *В. И. Семевскаго* „Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка“ и этюдъ *П. Е. Щеголева* о декабристѣ Каховскомъ. Г. Щеголевъ съ полнымъ историческимъ без-

пристрастіемъ и правдивостью вскрываетъ нѣкоторыя темныя стороны въ дѣятельности декабристовъ. Къ книгѣ приложены портреты недавно убитой Л. А. Волкенштейнъ, М. Ю. Ашенбреннера, поэта Михайлова и декабриста Каховскаго. В. Я. Богучарскій фигурируетъ въ журналѣ только перепечатанной изъ „Освобожденія“ рецензіей на „Записки декабриста Завалишина“, но опытная рука его замѣтна во всемъ содержаніи журнала. Теперь уже не тайна, что русское общество и историческая наука обязаны ему изданіемъ ряда томовъ „Государственныя преступленія въ Россіи“, имѣющихъ въ высшей степени важное документальное значеніе для исторіи освободительнаго движенія. (Трудъ этотъ вышелъ за границей подъ псевдонимомъ Б. Базилевскаго и имѣетъ быть перепечатанъ въ Россіи).

Существуетъ ироническая поговорка: „исторія учитъ тому, что исторія ничему не учитъ“. Въ этомъ изреченіи, какъ въ большинствѣ афоризмовъ „житейской мудрости“, много правды, но есть и преувеличеніе. Что исторія учитъ людей гораздо меньше, чѣмъ могла бы учить, что люди вообще мало склонны провѣрять текущую жизнь опытомъ прошлыхъ поколѣній — и тѣмъ меньше склонны, чѣмъ менѣе они культурны, чѣмъ менѣе вообще уважаютъ знаніе и просвѣщеніе — есть несомнѣнная истина. Если провѣрить этотъ афоризмъ на исторіи русскаго освободительнаго движенія, то лучшее его подтвержденіе представитъ поведеніе правительства, которое доселѣ не можетъ понять безплодности репрессій, хотя объ этомъ вопіетъ какъ вся исторія человѣчества, такъ въ частности и исторія русскаго общественнаго движенія. Но позволительно надѣяться, что русское *общество* можетъ и способно учиться у исторіи, и что знакомство съ его прошлымъ будетъ ему дѣйствительно содѣйствовать въ уясненіи настоящаго. Первое, и самое сильное впечатлѣніе, которое оставляетъ чтеніе историческаго матеріала, собраннаго въ первой книгѣ „Былого“—есть ясное и неотразимое ощущеніе *національнаго, общенароднаго* характера освободительнаго движенія, тѣснѣйшая связь его съ идеями и потребностями, волнующими все общество, какъ единое *цѣлое*. Если знакомство съ исторіей революціи будетъ способствовать укрѣпленію *этого* сознанія—въ противовѣсъ разъединяющимъ, центробѣжнымъ стремленіямъ, обнаруживающимся въ движеніи нашихъ дней—то уже это одно придастъ журналу „Былое“—помимо его чисто научнаго значенія — серьезное *политическое* значеніе. Осуществится или нѣтъ эта надежда, что память объ общемъ слав-

номъ прошломъ можетъ послужить связующимъ звеномъ между теченіями, расходящимися въ настоящемъ—во всякомъ случаѣ, мы съ чувствомъ искренней благодарности привѣтствуемъ предпринимаемую журналомъ попытку серьезно и правдиво знакомить общество съ исторіей великой и трагической борьбы нашей родины за свободу и права человѣка.

С. Франкъ.

ПОПРАВКИ. Въ ст. кн. Г. Трубецкого «Россія въ Европѣ» (№ 8) на стр. 557, 5-ая стр. снизу *напеч.*: ...«упрекали *насъ*, поборниковъ славянской идеи»... *Нужно чит.*: ...«упрекали поборниковъ славянской идеи»... Въ ст. В. Гессена «Самодержавіе и манифестъ 17 окт.» (№ 9) на стр. 623, вторая стр. сверху, *напеч.*: «*взглядъ* этотъ...» *Нужно чит.*: «*вопросъ* этотъ...» На стр. 628, 11-ая стр. снизу, *напеч.*: «Если самодержавіе и *ограниченность* — синонимъ...» *Нужно чит.*: «Если самодержавіе и *неограниченность*—синонимъ».

Отъ редакціи.

Насъ просятъ напечатать нижеслѣдующій отчетъ общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ. Въ настоящее время, ввиду массовыхъ арестовъ и ссылокъ, общество особенно нуждается въ притокѣ денежныхъ средствъ. Пожертвованія принимаются въ редакціи газеты „Русь“ и журн. „Полярная Звѣзда“.

Отчетъ общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ (Красный Крестъ) за 1905 годъ. Годъ XXVI.

Приходъ.

Остатокъ на 1 января 1802 р. 29 к., отложено на лѣто 1700 р., на возвратъ ссыльн. Б. и П. 294 р. 70 коп., N 25 лир. 200 ф.—81 р. 70 к., В. Ж. К. 90 руб., отъ воронеж. врача 70 р., С. Г. 25 р., отъ сбора въ Москвѣ 1400, 900 р., изъ Енисейска 200 р., лепта жителей Самары 1305 р., черезъ университъ пост. 37 руб. 17 коп., предпріятіе 258 руб. 56 к., черезъ освобожден. для рабоч. 75 руб., въ память Клавдіи Аркад. Францески 49 р., черезъ Т. 40 р., В. М. 43 руб. отъ А. А. А. 30 руб., изъ Москвы черезъ Б. 1000 руб., отъ артистовъ 200 р., черезъ Н. Ж. 150 р., изъ Н.-Новгорода 100 р., литер. гонораръ 80 р., отъ союза медиц. перс. 70 руб., черезъ провинціалку 50 р., отъ землячества 18 р. 60 к.,

отъ компаніи черезъ Z спеціальн. 83 р. 45 к., Р. Б. 1103 р. 45 к., изъ Москвы черезъ Б. 1700 р., отъ С. О. 800 руб., изъ Москвы черезъ Б. 465 р. 88 к., для пострад. въ Лодзи 200 р. 20 к., отъ И. Ж. 133 руб., изъ Алатыря 40 р., отъ группы конт. для семьи К. 100 р., для Пут. раб. отъ учит. 30 руб., отъ различ. лиц. франками 157 р. 68 к., отъ Ивана Иванов. для Пут. раб. 100 руб., Г. и Д. 69 р. 10 к., изъ Москвы черезъ Б. 441 р. 07 к., изъ Средней Азіи 35 руб., отъ Х. 25 р., отъ нѣсколькихъ 40 руб., отъ Г. 45 руб., Т. И. 40 руб. 52½ к., черезъ Н. Ж. 5283 р. 65 к., отъ С. О. 105 руб., В. М. Ак. 47 р., Р. Б. 840 р. 77 к., на ссыльныхъ отъ Н. Ж. 40 р. черезъ В. К. отъ Ѳ. П. 50 р., отъ Н. Ж. 611 р. 68 к., сборъ съ 7 лекцій 548 р. 97 к., отъ продажи литературы, порт. и открытокъ 246 руб. 81 к., сборъ по 4-мъ листамъ 265 р. 55 к., по специал. назначенію 162 р. 92 к., ежемѣс. сбор. 48 р. 50 к., изъ Кіева отъ сказ. 86 р. 13 к., сборы 150 руб., въ пользу моряковъ 52 руб. 95 к., отъ разныхъ лицъ 611 р. 47 коп. Итого 23,421 руб. 77½ коп., 25 лиръ.

Расходъ.

На тюрьмы 6924 руб. 94 коп., на семьи 2641 р. 21 к., на высылаемыхъ 2493 р. 03 к., въ провинцію 1327 руб. 46 коп., на помощь возвр. изъ ссылки 734 р., освобождаемымъ 164 р., пострадавшимъ 994 р. 20 к., амнистированнымъ 198 р., заключеннымъ матросамъ и солдатамъ 360 руб., залогъ 75 руб., возвратъ долга 100 р., дано взаймы 138 р., разн. мелкіе расходы 26 р. 73 к., спеціальный расходъ 1305 руб., коммиссіи по амнистіи 4083 р. 65 к. Итого 21,565 р. 22 к.

Остатокъ на 1 января 1906 года 1,856 р. 55½ к. и 25 лиръ. Кромѣ того на поддержку пострадавшихъ въ движеніи 9-го января поступило и израсходовано съ 9 января по 1 мая 1905 года 66,167 р. 49 коп., отчетъ о поступленіи и израсходованіи этой суммы былъ своевременно опубликованъ тѣмъ способомъ, которымъ раньше публиковались и всѣ другіе отчеты Краснаго Креста.

Книги, поступившія въ редакцію съ 1 по 14 февраля:

Атлантикусъ. Государство будущаго. Перев. подъ редакц. М. Бернацкаго. Изд. „Дѣло" Спб. 1906 г. 167 стр. Ц. 45 к.

Березинъ, Н. Страна гранита и озеръ. Спб. 1905 г. 140 стр. Ц. 35 к.

Богучарскій, В. Изъ прошлаго русскаго общества. Спб. 1904 г. Ц. 2 р.

Б—овъ. Осн. полож. программъ русск. политическ. партій. Спб. 1906 г. 16 стр. Ц. 20 к.

Бороздинъ, А. К. Литературныя характеристики. XIX в. т. I. Изд. М. Пирожкова. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 75 к.; т. II. Ц. 1 р. 75 к.

Бѣлозерскій, Н. Записки учителя. Изд. М. Пирожкова. Спб. 1905 г. Ц. 75 к.

де—Вогюэ, М. Максимъ Горькій. Изд. М. Пирожкова. Спб 1902 г. Ц. 25 к.

Водовозовъ, В. Проектъ избирательныхъ законовъ. Изд. „Донская Рѣчь". Спб. 1905 г. 24 стр.

Водовозовъ, В. Всеобщее избирательное право. Изд. Глаголева. Спб. 1906 г. 163 стр.

Гильоменъ. Исповѣдь простого человѣка. Изд. „Дѣло". Спб. 1906 г. 224 стр. Ц. 70 к.

Горинъ, Н. Основныя идеи произведеній М. Горькаго. Изд. М. Пирожкова. Спб. 1902 г. Ц. 30 к.

Гуревичъ, Л. „Сѣдокъ" Изд. М. Пирожкова. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Захарьинъ, И. „Встрѣчи и воспоминанія". Изд. М. Пирожкова. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 75 к.

Зоргенфрей, Г. Въ средней школѣ. Спб. 1906 г. 32 стр. Ц. 20 к.

Исаевъ, А. Забастовки. Спб. 1906 г. 64 стр. Ц. 20 к.

Карабчевскій, Н. Дѣло Е. Сазонова (прибав. къ книгѣ „Рѣчи"). Спб. 1906 г. 27 стр. Ц. 25 к.

Каутскій, К. Томасъ Моръ и его утопія. Изд. М. Пирожкова. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кауфманъ, А. Къ вопросу о дополнительномъ надѣленіи. Спб. 1906 г. 16 стр.

Лавриновичъ, Ю. Очерки французской общественности. Изд. М. Пирожкова. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

Лемке, М. Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX в. Изд. М. Пирожкова. Спб. 1904 г. Ц. 3 р.

Его же. Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—65 г. Спб. 1904 г. Ц. 3 р.

Его же. Думы журналиста. Изд. М. Пирожкова. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

Литературное дѣло. Сборникъ. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 25 к.

Львовъ, Л. Всеобщее избирательное право. Спб. 1905 г. 56 стр. Ц. 8 к.

Менгеръ, А. Право на полный продуктъ труда. Переводъ О. Бужанскаго. Спб. 1906 г. 138 стр. Ц. 30 к.

Мережковскій, Д. Любовь сильнѣе смерти. 2-е изд. М. Пирожкова. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

Его же. Теперь или никогда. Изд. „Своб. Совѣсть" Спб. 1906 г. 28 стр. Ц. 20 к.

Его же. Дафнисъ и Хлоя. 2-ое Изд. М. Пирожкова. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

Его же. Л. Толстой и Достоевскій. Изд. М. Пирожкова. Спб. 1903 г. т. I. Ц. 2 р.—т. II. Ц. 3 р.

Милюковъ, П. Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII стол., и реформа Петра Великаго. 2-е изд. М. Пирожкова. Спб. 1905 г. Ц. 3 р. 50 к.

Минскій, К. Религія будущаго. Изд. М. Пирожкова. Спб. 1905 г. Ц. 2 р.

Издатель **М. В. Пирожковъ.** Редакторъ **П. Б. Струве.**

Продолжается подписка на 1906 годъ

на НОВОЕ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКОЕ

ИЗДАНІЕ

М. В. ПИРОЖКОВА

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

подъ редакціей Петра Струве

и при ближайшемъ участіи: **В. И. Вернадскаго, И. М. Гревса, Д. Е. Жуковскаго, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, И. И. Петрункевича, Ѳ. И. Родичева и С. Л. Франка.**

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА будетъ отстаивать идеи личности, культуры, свободы, демократіи и соціальной справедливости, исходя изъ цѣльнаго культурно-философскаго міросозерцанія. Всѣ явленія текущей жизни она будетъ освѣщать и оцѣнивать съ широкой философской точки зрѣнія. Огромный переворотъ, который совершается на нашей родинѣ, долженъ быть обсуждаемъ съ строгой принципіальностью и полной независимостью мысли. Ставя во главу угла нашего міросозерцанія начало свободы и своеобразія личности, мы будемъ давать въ нашемъ органѣ мѣсто всякому искреннему и оригинальному слову въ защиту свободы и культуры.

Въ вышедшихъ номерахъ помѣщены статьи: Свящ. К. Аггеева, Н. А. Бердяева, О. Е. Бужанскаго, В. М Гессена, И. М. Гревса, Э. Д. Гримма, А. С. Изгоева, Е. Колтоновской, А. Е. Прѣснякова, А. И. Каминки, А. А. Кауфмана, А. А. Кизеветтера, С. А. Котляревскаго, Н. А. Котляревскаго, Н. О. Лосскаго, Д. С. Мережковскаго, В. Д. Набокова, В М. Нечаева, П. И. Новгородцева, Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, М. Я. Острогорскаго, И. И. Петрункевича, І. А. Покровскаго, Ѳ. И. Родичева, В. В. Розанова, В. Свенцицкаго, П. Б. Струве, кн. Г. Н. Трубецкого, Д. В. Философова, С. Л. Франка, А. А. Чупрова, Л. Шестова, Г. Н. Штильмана и др.

Условія подписки: съ дост. и перес. на годъ 5 р., на полгода 3 р., за границу на годъ 7 р., на полгода 4 р.

Въ отдѣльной продажѣ книжки стоятъ по **15** коп.

Адресъ редакціи: Вознесенскій просп. 31, кв. 8. Телеф. 248. 75. Редакція для личныхъ объясненій съ сотрудниками открыта по вторникамъ отъ 3 до 5 ч.

Въ редакціи подписка не принимается и продажа номеровъ не производится. Всѣ заявленія по дѣламъ подписки и продажи просятъ адресовать исключительно въ контору.

Контора помѣщается въ квартирѣ **книгоиздательства М. В. ПИРОЖКОВА** (Спб., Вас. О., 2 лин., д. 13). Телефонъ 203. 70.

Подписка принимается, кромѣ конторы, въ магазинѣ „ТРУДЪ“ (Спб., Невскій, 60), а также и въ другихъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

Пріемъ объявленій исключительно въ конторѣ (Спб. Вас. О., 2 лин., д. 13).

ИЗДАНІЯ Д. Е. ЖУКОВСКАГО.

ВОЛЖСКІЙ. Изъ міра литературныхъ исканій. Сборникъ статей. Ц. 1 р.

ФИХТЕ. Назначеніе человѣка. Переводъ подъ редакц. Н. Лосскаго. Ц. 50 к.

НИЦШЕ. По ту сторону добра и зла. Переводъ Н. Полилова. Цѣна 1 р. 25 к.

ВИНДЕЛЬБАНДЪ. Прелюдіи. Статьи и рѣчи. Переводъ С. Франка. Ц. 1 р. 60 к.

А. ФОНЪ-ЛЕКЛЕРЪ. Къ монистической гносеологіи. Переводъ А. Ремизова. Ц. 50 к.

ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ. Вопросы психологіи творчества. Ц. 1 р. 50 к.

ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ. Синтаксисъ русскаго языка. Ц. 2 р.

КУНО ФИШЕРЪ.

Исторія новой философіи:

Т. III. **Лейбницъ, его жизнь, сочиненія и ученіе.** Перев. Н. Полилова. Ц. 4 р.

Т. IV. **Иммануилъ Кантъ и его ученіе.** Часть 1-ая. Цѣна 4 р.

Т. VII. **Шеллингъ, его жизнь, сочиненія и ученіе.** Перев. Н. Лосскаго. Цѣна 5 р.

Т. VIII. **Гегель, его жизнь, сочиненія и ученіе.** Перев. Н. Лосскаго, полут. 1-ый, цѣна 3 р. 50 к.; полут. 2-ой, ц. 2 р. 50 к.

Печатаются томы. I—**Декартъ.** II—**Спиноза.** V—**Кантъ,** ч. 2-ая. VI—**Фихте.**

Главный складъ: СПБ. Больш. Подъяческая 39. Т-во „Общественная Польза“.

ЛУЧШІЙ ДРУГЪ ЖЕЛУДКА

Вино С.-Рафаэль

предлагается какъ:

Тоническое укрѣпляющее и способствующее пищеваренію

превосходно на вкусъ.

Сохраняется по способу Пастера.

Каждая бутылка нашего вина снабжена таможенною печатью, фабрич. маркою и маркою Союза фабрикантовъ для борьбы съ фальсификаціями (Union des fabricants pour repression de Contrefacons), и брошюрою Д-ра Де-Барре о **Сенъ-Рафаэльскомъ винѣ, какъ о „питательномъ, укрѣпляющемъ и цѣлебномъ средствѣ"**.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Compagnie du Vin.

Saint Raphael

Valence, Drome, France,

основ. въ 1872 г.

доводитъ до свѣдѣнія, что появилось въ продажѣ **ПОДДѢЛЬНОЕ Сенъ-Рафаэльское** вино, и поэтому проситъ при покупкѣ вина **обратить вниманіе на фабричное клеймо** (Trade Marke) нашего вина.

Утвержд. Департ. Торговли и Мануфактуръ за № 1438.

Продается въ лучшихъ виноторговляхъ, аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Полярная Звѣзда

№ 11

26 февраля 1906 г.

Содержаніе:

Б. Кистяковскій. Конституція дарованная и конституція завоеванная.

П. Струве. Индивидуализмъ и соціализмъ.

А. А. Чупровъ. „Народу власть и земля!“

В. Нечаевъ. Еще нѣсколько словъ о самодержавіи и манифестѣ 17-го октября.

И. Гревсъ. Идейная борьба и созидательная работа въ революціи.

Маркъ Эль. Къ вопросу о декларацiи правъ.

Редакція № закончена 23-го февраля.

3, PLACE DE LA SORBONNE, PARIS
Librairie ALBERT SCHULZ
tation en France
t journaux étrangers
tion à l'Etranger
et journaux français

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

подъ редакціей

Петра Струве

26 ФЕВРАЛЯ 1906 г.

№ 11

Изданіе М. В. ПИРОЖКОВА

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86.

Конституція дароважная и конституція завоеважная.

Что такое манифестъ 17-го октября? Этотъ вопросъ постоянно ставится русской прессой и русскими гражданами. Большинство отвѣчаетъ на него утвержденіемъ, что манифестъ есть конституція. Особенно опредѣленно это мнѣніе большинства русскаго общества выразилъ графъ П. А. Гейденъ на ноябрскомъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей. „Это въ сущности—конституція,—сказалъ онъ—но правительство не рѣшилось этого сказать, и въ манифестѣ верховная власть называется самодержавной". (Русск. Вѣд. 1905 г. № 293).

Однако, если манифестъ 17 октября дѣйствительно есть законодательный актъ, устанавливающій конституцію, то создаваемая имъ конституція, несомнѣнно, есть октроированная или дарованная конституція. Это—конституція, юридически исходящая исключительно отъ главы государства—монарха. Всякая октроированная конституція необходимо есть актъ самодержавной власти. Она дается отъ имени и во имя авторитета самодержавнаго монарха, который въ въ моментъ ея дарованія есть единственный носитель верховной власти и исключительный источникъ законодательства. И такъ какъ формально такая конституція можетъ исходить только отъ носителя самодержавной власти, то и верховная власть, отъ которой она исходитъ, должна называться въ ней „самодержавной". Странно, что это простое логическое соображеніе не пришло въ голову гр. П. А. Гейдену и тѣмъ, кто его слушалъ.

Однако, люди практики обыкновенно отрицаютъ обязательность логики для жизни и ограничиваютъ примѣненіе ея лишь узкой сферой научнаго мышленія. Обратимся по-

этому къ историческимъ фактамъ. Въ нихъ мы находимъ еще болѣе безспорныя подтвержденія того, что всякая октроированная конституція есть законъ абсолютнаго или самодержавнаго монарха. Такъ введеніе къ хартіи Людовика XVIII 1814 года, которая была вообще первой октроированной конституціей, заканчивается словами: „Мы добровольно и въ силу свободнаго осуществленія нашей королевской власти даровали и даруемъ, уступили и пожаловали нашимъ подданнымъ, какъ за себя, такъ и за нашихъ преемниковъ, навсегда нижеслѣдующую конституціонную хартію". Выраженный здѣсь принципъ формулированъ въ тѣхъ или иныхъ выраженіяхъ во всѣхъ октроированныхъ конституціяхъ и, между прочимъ, въ наиболѣе старыхъ изъ нынѣ дѣйствующихъ конституціонныхъ хартій, въ Баварской и Баденской. Баварская конституціонная хартія отъ 6-го іюля 1818 г. начинается введеніемъ, въ которомъ „Максимиліанъ Іосифъ Божіей Милостью король Баваріи" также заявляетъ, что „настоящій законодательный актъ есть дѣло нашей столь же свободной, какъ и твердой воли". Подобное-же заявленіе мы находимъ и во введеніи къ Баденской конституціонной хартіи отъ 29 августа 1818 года. Въ немъ „Карлъ Божіей Милостью Великій Герцогъ Баденскій и проч. и проч." объявляетъ, что, признавая нужнымъ исполнить свое обѣщаніе даровать своимъ подданнымъ конституцію, онъ дѣлаетъ это „тѣмъ способомъ и въ той формѣ, какъ это отвѣчаетъ его внутреннему свободному и твердому убѣжденію".

Ввиду всѣхъ этихъ логическихъ соображеній и историческихъ примѣровъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что титулъ „самодержецъ" въ октроированной конституціи нисколько не противорѣчилъ бы ея содержанію. Не соглашаясь поэтому съ мнѣніемъ гр. П. А. Гейдена, который видитъ въ этомъ пунктѣ противорѣчіе въ манифестѣ 17-го октября, мы считаемъ еще болѣе страннымъ взглядъ тѣхъ многочисленныхъ противниковъ конституціонализма, которые въ употребленіи титула „самодержецъ" въ этомъ манифестѣ видятъ доказательство того, что самодержавіе еще не отмѣнено.

Всякая октроированная конституція есть не только законодательный актъ абсолютной монархической власти, но вмѣстѣ съ тѣмъ безусловно *послѣдній* законъ, изданный самодержавнымъ монархомъ, какъ таковымъ. Если первое

обстоятельство имѣетъ главнымъ образомъ историческое значеніе, указывая на прошлое и напоминая о происхожденіи конституціонныхъ учрежденій, то послѣднее обстоятельство имѣетъ чрезвычайно важное принципіальное значеніе и всецѣло относится къ будущему. Только потому, что всякая октроированная конституціонная хартія есть послѣдній законъ абсолютной монархической власти,—и этотъ характеръ ея подтверждается какъ логическими соображеніями, такъ и историческими фактами, — только потому и октроированная конституція дѣйствительно упраздняетъ абсолютную монархическую власть и создаетъ конституціонный государственный строй съ ограниченіемъ монархической власти властью народнаго представительства.

Правда, самими монархами, дававшими октроированныя конституціи, и ихъ правительствами часто не сознавалось значеніе этихъ актовъ, какъ послѣднихъ законовъ абсолютной власти. Они хотѣли въ нѣкоторыхъ случаяхъ попрежнему пользоваться полнотою своей власти, какъ будто бы она не подвергалась ограниченію. Но это нисколько не затрагиваетъ принципа, по которому всякая октроированная конституція есть послѣдній законъ, изданный самодержавнымъ монархомъ. Вѣдь борьба изъ-за отмѣны такъ называемой, королевской прерогативы, т. е. права короля издавать ордонансы безъ согласія парламента, велась во всѣхъ конституціонныхъ странахъ и послѣ созданія въ нихъ конституціоннаго строя совершенно независимо отъ того, каково было происхожденіе ихъ конституцій. Классической страной такой борьбы была Англія, всѣ законодательные акты которой, легшіе въ основу ея конституціи, имѣли характеръ не дарственныхъ (октроированныхъ), а договорныхъ (пактированныхъ). Такъ же точно въ Пруссіи, конституція которой отъ 31-го января 1850 года, несомнѣнно, имѣетъ характеръ пактированной: верхняя палата организована на основаніи королевскаго распоряженія отъ 12 октября 1854 г., изданнаго королемъ въ силу его прерогативы, тогда еще не упраздненной.

Можно-ли однако признать, что манифестъ 17-го октября является послѣднимъ актомъ самодержавной власти? Третій пунктъ его, гласящій: „Установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы, и чтобы выборнымъ отъ

народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ насъ властей" — повидимому, имѣетъ такой смыслъ. Многіе у насъ придаютъ ему такое значеніе и желали бы видѣть въ немъ основу конституціи Россіи. Мы также думаемъ, что по замыслу этотъ пунктъ можетъ имѣть только это значеніе и никакого другого толкованія ему нельзя придавать. Но для того, чтобы такое значеніе было упрочено за этимъ пунктомъ, манифестъ 17-го октября нуждался еще въ цѣломъ рядѣ дополнительныхъ законодательныхъ актовъ. Изданіе этихъ актовъ непосредственно предписывалось манифестомъ въ словахъ: „На обязанность правительства возлагаемъ Мы выполненіе непреклонной Нашей воли", послѣ которыхъ слѣдуютъ извѣстные три пункта, перечисляющіе всѣ основныя положенія конституціонныхъ учрежденій. Ясно, что въ предусматривавшемся законодательномъ актѣ эти три пункта должны были быть развиты въ детальныхъ законодательныхъ опредѣленіяхъ, которыя въ своемъ цѣломъ и должны были составить собственно конституціонную хартію Россіи. Манифестъ 17-го октября не можетъ быть вполнѣ признанъ таковою и необходимо нуждался въ подобномъ дополненіи уже вслѣдствіе своей краткости; въ немъ изложены лишь принципы для выработки законодательныхъ нормъ, а не сами законодательныя нормы. Эта краткость манифеста 17-го октября заставила признать его не столько конституціонною хартіей, сколько однимъ изъ тѣхъ актовъ верховной власти, какіе предшествуютъ обыкновенно октроированнымъ конституціоннымъ хартіямъ и являются часто введеніемъ къ нимъ или частью ихъ.

Но наше правительство не выполнило предначертаній манифеста 17-го октября и не выработало конституціонной хартіи въ точномъ смыслѣ этого слова.

Оно не обнаружило достаточнаго политическаго смысла и необходимаго законодательнаго творчества для этого. Все, до чего оно могло возвыситься—послѣ Булыгинскаго положенія о Государственной Думѣ, это избирательный законъ 11-го декабря 1905 года и нѣсколько законовъ о такъ называемой „свободѣ" печати и собраній, которые абсолютно непріемлемы и даже не могли войти въ силу. Кое-кто утверждаетъ, что наше правительство своимъ поведеніемъ преступно лишаетъ Россію уже дарованной ей конституціи. Но мы, не

отрицая преступнаго невыполненія правительствомъ манифеста, держимся, однако, относительно этого вопроса другого мнѣнія. Мы думаемъ, что наше правительство своей бездарностью и неспособностью сдѣлаться конституціоннымъ избавляетъ Россію отъ октроированной конституціи. Кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что октроированныя конституціонныя хартіи принадлежатъ не къ лучшимъ, а къ худшимъ законодательнымъ актамъ подобнаго рода? Извѣстно, что даже въ тѣхъ октроированныхъ конституціяхъ, которыя даруются не добровольно, а подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія и въ виду революціоннаго движенія въ странѣ, обращается больше вниманія на огражденіе эгоистическихъ интересовъ правящихъ особъ, чѣмъ на удовлетвореніе справедливыхъ нуждъ всей націи. Поэтому надо привѣтствовать съ радостью то, что вслѣдствіе бюрократическаго окостенѣнія нашего правительства Россія не была награждена дарованной конституціей, въ смыслѣ выработаннаго законодательнаго акта. Несмотря на всевозможные ея недостатки, за неимѣніемъ ничего лучшаго, такая конституція могла бы войти въ законную силу и послужила-бы очень плохимъ исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшаго развитія.

Но если верховная власть въ силу внѣшнихъ условій не можетъ, даже и при желаніи, указать выходъ изъ современнаго смутнаго состоянія, упрочивъ государственный бытъ Россіи на новыхъ основаніяхъ путемъ дарованія конституціи, то на первый планъ выдвигаются учредительныя права и функціи націи. То, что не способно было сдѣлать правительство, должна осуществить нація. Насъ всегда удивляло и поражало, когда мы встрѣчали сомнѣнія или отрицанія верховныхъ учредительныхъ правъ націи. Нѣкоторые политики стараются изобразить дѣло такъ, какъ будто партіи, требующія учредительнаго собранія, приписываютъ націи права, совсѣмъ не принадлежащія ей. Въ послѣднее время къ этимъ политикамъ присоединился и кн. Е. Н. Трубецкой, который, между прочимъ, обвиняетъ конституціонно-демократическую партію въ томъ, что она выдала населенію вексель на учредительное собраніе, по которому не можетъ уплатить. Но никакая политическая партія не можетъ выдавать населенію вексель на то, что составляетъ его неотъемлемую принадлежность. Учредительныя права и функціи по отношенію къ своему собственному государственному строю есть самое священное,

естественное и основное право всякой націи. Русскому народу учредительныя права принадлежали во всей ихъ полнотѣ въ смутное время въ 1610—12 годахъ, и благодаря этому Россія была спасена отъ внутренняго разложенія и завоеванія ея иноплеменниками. Теперь самымъ ходомъ историческихъ событій эти права снова возвращаются русской націи съ тѣмъ, чтобы уже никогда не быть отнятыми у нея. Не крайнія политическія партіи приписываютъ и присвоиваютъ русской націи учредительныя права, а слабость правительства, его неспособность избавить Россію отъ смуты, хотя-бы путемъ дарованія пріемлемой для населенія конституціи. Само правительство, вопреки своимъ намѣреніямъ, возстановляетъ русскую націю въ ея исконныхъ и естественныхъ правахъ.

Конечно, въ каждый данный историческій моментъ учредительныя права могутъ принадлежать націи въ различномъ объемѣ. Рѣшить вопросъ, въ какомъ объемѣ русскій народъ способенъ теперь осуществлять свои учредительныя права, можно только, исходя изъ всей совокупности политическихъ и соціальныхъ условій. Теоретическое и практическое рѣшеніе его зависитъ прежде всего отъ соотношенія реальныхъ силъ. Чѣмъ болѣе слабо, ничтожно, бездарно и неспособно къ законодательному и государственно - преобразовательному творчеству правительство, и, напротивъ, чѣмъ болѣе организована, сплочена и сильна своимъ единствомъ нація, тѣмъ большія учредительныя права принадлежатъ ей и тѣмъ естественнѣе для нея спасать государство отъ той гибели, которая подготовляется ему правительствомъ. Сама нація принимается тогда за необходимую государственную реорганизацію путемъ выработки и учрежденія своей конституціи. Органомъ, осуществляющимъ эти учредительныя права націи, является тогда полновластное всенародное учредительное собраніе. Только дальнѣйшія событія и прежде всего политическая самодѣятельность народа, руководимаго его политическими партіями, покажутъ, насколько это соотношеніе реальныхъ силъ окажется въ пользу учредительныхъ правъ рускаго народа.

Пока, однако, народныя массы въ Россіи еще не вполнѣ организованы, пока политическія партіи не могутъ съ увѣренностью сказать, что онѣ руководятъ ими,—предъявлять требованія созыва полновластнаго учредительнаго собранія безусловно преждевременно. Такое требованіе должно выте-

кать изъ сознанія дѣйствительной силы политическихъ партій въ странѣ, и въ случаѣ нужды партіи должны быть въ состояніи побудить весь народъ активно поддержать его. Если, напротивъ, политическія партіи и народныя массы не подготовлены настолько, чтобы быть въ силахъ настоять на осуществленіи этого требованія, то лучше пока не выдвигать его въ столь категорической формѣ и не компрометировать народнаго дѣла. Къ сожалѣнію, однако, приходится констатировать, что при оцѣнкѣ соотношеній реальныхъ и политическихъ силъ въ Россіи и при опредѣленіи того объема учредительныхъ правъ, который уже въ настоящее время при современной организованности и сознательности народныхъ массъ принадлежитъ русскому народу и можетъ быть имъ осуществленъ, въ сужденіяхъ отдѣльныхъ политическихъ партій замѣчается значительный произволъ. Грустнѣе всего то, что нѣкоторыя партіи забываютъ, что рѣшить этотъ вопросъ можно только путемъ взвѣшиванія всѣхъ реальныхъ условій и опредѣленія соотношенія политическихъ силъ. Онѣ считаютъ, что невозможно отступить отъ своихъ идеальныхъ требованій, такъ какъ сами эти требованія создадутъ въ народѣ ту политическую силу, которая ихъ осуществитъ. При этомъ страннымъ образомъ переплетаются сужденія о цѣнностяхъ различнаго порядка. Оцѣнка реальныхъ условій въ концѣ концовъ совершенно вытѣсняется оцѣнкой идеальныхъ требованій, и вопросъ объ учредительномъ собраніи рѣшается исключительно на основаніи этой послѣдней. Нельзя, напримѣръ, отрицать, что наиболѣе совершенной конституціей является та, которая создается учредительнымъ собраніемъ на основаніи исключительныхъ учредительныхъ правъ націи, осуществляемыхъ во всей ихъ полнотѣ. Такова, напримѣръ, и нынѣ дѣйствующая республиканская конституція Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ 17-го сентября 1787 года. Какъ и въ выше цитированныхъ октроированныхъ конституціяхъ чрезвычайно характернымъ для нихъ является введеніе, которое гласитъ: „Мы, народъ Соединенныхъ Штатовъ, издаемъ и утверждаемъ эту конституцію для Соединенныхъ Штатовъ Америки, съ цѣлью образовать болѣе совершенный союзъ, установить правосудіе, обезпечить внутреннее спокойствіе и общую безопасность, способствовать общему благосостоянію и обезпечить благо свободы для насъ самихъ и для нашего потом-

ства". Монархической конституціей такого-же рода является французская конституція 3-го сентября 1791 года, соотвѣтственно чему введеніе къ ней начинается словами: „Національное собраніе, желая установить французскую конституцію на началахъ, имъ передъ этимъ признанныхъ и объявленныхъ, упраздняетъ безвозвратно учрежденія, противорѣчившія свободѣ и равноправности".

Изъ того, однако, что такая конституція наилучшая, еще не слѣдуетъ, что русскій народъ достаточно съорганизованъ и силенъ своимъ единствомъ, чтобы уже теперь создать ее для себя. Особенно странно, когда отдѣльныя партіи настаиваютъ во что бы то ни стало именно на такой конституціи, потому что она наиболѣе соотвѣтствуетъ идеалу одного класса, составляющаго притомъ меньшинство націи. Вопросъ о выработкѣ конституціи есть дѣло націи, какъ цѣлаго, а не какой либо части ея. Отдѣльный классъ долженъ смиряться передъ голосомъ всей націи, которой только, какъ цѣлому, принадлежатъ учредительныя права; иначе онъ будетъ принужденъ къ этому горькимъ историческимъ опытомъ, какъ это, напримѣръ, случилось въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ съ русской революціонной интеллигенціей.

Итакъ, тотъ или другой характеръ русской конституціи будетъ зависѣть прежде всего отъ политической самодѣятельности русскаго народа, отъ энергіи его политическихъ партій и отъ солидарности между ними. Во всякомъ случаѣ, теперь уже выяснилось, что Россія не будетъ имѣть дарованной конституціи; наше правительство черезчуръ слабо для этого, а революціонное движеніе охватило черезчуръ широкіе слои народа. Ввиду всѣхъ событій послѣдняго времени за государственное переустройство Россіи должна приняться уже сама нація, и она завоюетъ себѣ свободныя конституціонныя учрежденія. Самое меньшее, чего добьется теперь русскій народъ, это—конституція пактированная, или договорная. Первому полномочному собранію народныхъ представителей въ Россіи, какъ бы оно ни называлось, необходимо будутъ принадлежать учредительныя функціи. Надо поэтому добиваться, чтобы первое собраніе представителей русскаго народа отвѣчало его потребностямъ и соотвѣтствовало достоинству русской націи, и чтобы оно выработало конституцію, которая была-бы пріемлема для всей Россіи.

Б. Кистяковскій.

Индивидуализмъ и соціализмъ.

(*Размышленія и отрывки*).

I.

Мы знаемъ [1]), что между личностью и культурой есть самая тѣсная связь, что личность живетъ культурой, и что культура осуществляется личностью и въ расцвѣтѣ послѣдней празднуетъ свои величайшія побѣды. Но въ то же время мы знаемъ, что личность борется съ культурой и отстаиваетъ въ ней себя, какъ цѣль. Въ этомъ живомъ и текучемъ, постоянно упраздняемомъ и постоянно вновь рождающемся противорѣчіи и состоитъ развитіе и утвержденіе культуры. Это—присущее самой жизни и творящее ея богатство противорѣчіе. Принципіально такое же противорѣчіе существуетъ между личностью и обществомъ. Грубыми пріемами мнимой логики или произвольными декретами деспотической морали можно, конечно, объявить это противорѣчіе не бывшимъ и не существующимъ, недоразумѣніемъ, порожденіемъ ошибки или даже злого умысла. Наконецъ формулы всепримиряющей объективной метафизики могутъ „снять“ и въ абсолютномъ царствѣ абсолютной дѣйствительности упразднить это противорѣчіе. На самомъ же дѣлѣ оно въ

---

[1]) Предлагаемыя размышленія задуманы и написаны, какъ главы предпринятаго С. Л. Франкомъ и мною болѣе обширнаго сочиненія о культурѣ и свободѣ. Введеніе къ этимъ главамъ и ко всей книгѣ, оставшейся пока недописанной, напечатано уже въ №№ 2 и 3 „*Полярной Звѣзды*“ подъ заглавіемъ „*Очерки философіи культуры*“. *П. С.*

живой дѣйствительности и въ культурномъ творчествѣ неупразднимо и допускаетъ не примиреніе, а примиренія, не полную гармонію, а лишь приближеніе къ ней. И въ этихъ примиреніяхъ могутъ быть раскрыты тѣ же самыя философскія начала, руководящее значеніе которыхъ мы уже установили.

Идея личности заполняетъ собою новѣйшее политическое развитіе человѣчества. Идея эта не была совершенно чужда древности, но только христіанская культура новаго времени облекла ее въ ясныя формулы. Политическая идея личности въ той формѣ, въ какой она уже сильной струей пробивается въ европейской культурѣ, начиная съ XVI вѣка— христіанскаго происхожденія.

Первыми глашатаями ея были религіозные реформаторы, и первымъ практическимъ приложеніемъ ея было требованіе свободы совѣсти, т. е. религіознаго самоопредѣленія человѣка.

Происхожденіе идеи и *факта* правъ личности несомнѣнно озарено возвышеннымъ свѣтомъ борьбы за свободу религіозной совѣсти, но въ этой борьбѣ выступала на сцену не та тонкая, сложная, богатая, широкая личность, которая творитъ современную культуру, а болѣе узкая, бѣдная, тусклая личность религіознаго протестанта, въ глазахъ котораго дорогія современности яркія культурныя цѣнности носили печать грѣховности.

Личность эта молилась въ пуританскомъ храмѣ, эстетически скудной горницѣ частнаго дома, гдѣ не было ни яркихъ, чарующихъ красокъ, ни красивыхъ, ласкающихъ линій. Но формальную, алгебраическую идею самоопредѣленія личности суровые религіозные реформаторы Англіи поняли съ полной ясностью и высказали съ окончательной опредѣленностью. Не случайно, а, наоборотъ, соотвѣтствуетъ истинному существу религіи, что тѣ-же люди, которые установили автономію личности, первые съ полной ясностью провозгласили субъективность религіознаго переживанія и отвергли

религіозный догматизмъ, идею всякаго внѣшняго, объективнаго упорядоченія религіи признали богопротивной. Такимъ образомъ въ области религіозной они почти дошли до пониманія личности въ современномъ смыслѣ—ея своеобразія и единственности. Даже въ морали нѣкоторые умы индепендентовъ приблизились къ такому пониманію.

Въ связи съ идеей самоопредѣленія личности, въ той же средѣ и при тѣхъ же условіяхъ возникаетъ и становится движущей силой идея самоопредѣленія общества. Когда изучаешь факты и идеи англійской революціи XVII вѣка, то ничто такъ не поражаетъ, какъ то обстоятельство, что въ эту изумительную эпоху какъ бы однимъ ударомъ въ законченной формѣ рождается и идея свободы личности, либерализмъ, и идея самоуправленія общества, идея демократіи.

Проникнутые религіознымъ энтузіазмомъ, радикальные солдаты арміи Кромвеля вмѣстѣ съ личной свободой требовали основаннаго на общественномъ договорѣ и общественномъ самоуправленіи государственнаго устройства.

Въ этомъ государственномъ устройствѣ права личности были бы прочно защищены отъ деспотизма даже демократически организованной власти.

„Народный договоръ", который обсуждался въ Путнеѣ осенью 1647 г. на офицерскомъ совѣтѣ арміи Кромвеля, утверждаетъ государственное устройство Англіи на признаніи неотъемлемыхъ правъ личности, которыхъ не можетъ отмѣнить никакой парламентъ и на провозглашеніи всеобщаго и равнаго избирательнаго права. Пренія объ этомъ проектѣ англійской конституціи являются какъ бы прототипомъ всѣхъ позднѣйшихъ споровъ по основнымъ вопросамъ конституціоннаго права. Умѣренные, въ лицѣ Кромвеля и Айретона, высказываютъ опасенія, что принятіе принципа всеобщаго избирательнаго права отдастъ управленіе страной въ руки широкихъ неимущихъ массъ народа и пове-

детъ къ уничтоженію собственности, къ „анархіи“ (буквальное выраженіе Кромвеля); радикалы же возражаютъ на это и утверждаютъ, что мысль объ анархіи имъ такъ же чужда, какъ и ихъ противникамъ.

Послѣ англійской пуританской революціи политическая мысль человѣчества, воспринявъ идею либерализма, развиваетъ ее въ теоріяхъ и деклараціяхъ правъ человѣка.

Мы сказали, что вмѣстѣ съ идеей правъ личности англійская революція рождаетъ идею самоопредѣленія общества. Именно въ этомъ *сорожденіи* двухъ великихъ политическихъ началъ заключается особенность и величіе той эпохи религіознаго и политическаго энтузіазма, ибо сама по себѣ идея самоуправленія общества гораздо старше англійской революціи.

Въ древнемъ мірѣ были безправные люди, безличности въ морально-политическомъ смыслѣ, рабы (servi sunt res), постольку можно утверждать, что идея самоопредѣленія личности и неразрывно связанная съ нею идея равноцѣнности людей была чужда древнимъ [1]). Но облеченные званіемъ личности люди древняго міра хорошо усвоили себѣ идею общественнаго самоопредѣленія, цѣнили ее и боролись за нее.

Демократизмъ былъ могущественнымъ дѣйственнымъ теченіемъ эллинской культуры. Можно сказать даже вслѣдъ за Б. Констаномъ, что въ древнемъ мірѣ каждый гражданинъ чувствовалъ себя живымъ источникомъ демократіи и непосредственно на площади общины-города наслаждался упражненіемъ своего народовластія.

Въ средніе вѣка идея самоуправленія общества и общественнаго договора становится орудіемъ борьбы: верховенства папы противъ свѣтской власти монарховъ, церковныхъ

---

[1]) Однако уже въ древней Греціи есть зачатки идейнаго движенія противъ рабства. Ср. Белохъ, Исторія Греціи, пер. съ нѣм. Гершензона, т. I (изд. К. Т. Солдатенкова. Москва 1897) стр. 372.

либераловъ и демократовъ (защитниковъ верховенства соборовъ) противъ самодержавія папы, протестантовъ-подданныхъ противъ католическихъ государей и, наоборотъ, католическихъ подданныхъ противъ протестантскихъ государей и т. д.

Въ этой свалкѣ интересовъ идея самоуправленія общества искажается. Она входитъ, выражаясь химически, въ постоянное соединеніе съ идеей абсолютной власти государя, свѣтскаго или духовнаго, и черезъ это образуется идея „народнаго самодержавія" (souveraineté du peuple). Государь самодержавенъ—такъ гласитъ доктрина одержавшаго по всей линіи побѣду абсолютизма. Стоило это понятіе безграничной власти государя перенести на общество и государство, и передъ нами идея неограниченнаго народовластія или абсолютнаго самодержавія (суверенитета) народа.

Теоретическое завершеніе и классическую формулировку эта идея получаетъ въ „Общественномъ Договорѣ" Руссо, въ этой послѣ евангелія самой вліятельной книгѣ человѣчества. Но уже у Руссо идея самодержавія народа обращается противъ правъ человѣка, порождая чудовищное ученіе о гражданской религіи. Приписывая власти государства абсолютный характеръ, Руссо вступилъ въ непримиримое противорѣчіе со своими собственными воззрѣніями на „естественныя права" людей, какъ таковыхъ.

Практика великой французской революціи съ ея революціоннымъ терроризмомъ была торжествомъ идеи самодержавія народа надъ правами человѣка, и она то вызвала противъ этой идеи въ XIX вѣкѣ глубокую реакцію. Во имя свободы личности индивидуализмъ начала XIX вѣка возсталъ противъ самодержавія народа или всемогущества государства. Но ходъ развитія общественной жизни тогда же вызвалъ борьбу тѣхъ же, повидимому, идей личности и общества въ совершенно новой комбинаціи. Побѣда начала свободной конкуренціи въ Англіи и Франціи, связанная съ первыми успѣхами крупнаго производства, возбудила сильную и глубокую

реакцію противъ хозяйственнаго индивидуализма, противъ экономической свободы. Въ культурную жизнь, какъ новая и могущественная сила, вступилъ соціализмъ. Онъ объявилъ войну индивидуализму и либерализму во имя организаціи и авторитета. Часто забывается, что соціализмъ первой половины XIX вѣка—въ лицѣ своихъ самыхъ грандіозныхъ представителей, Сенъ-Симона и его учениковъ сенъ-симонистовъ—сложился подъ вліяніемъ общественной реакціи и выступилъ рука объ руку съ явно реакціонной контръ-революціонной идеологіей Де-Местра, Бональда и Балланша. Эта первая и едва ли не самая оригинальная форма соціализма смѣется надъ „печальными божествами индивидуализма", двумя „существами разума, сознаніемъ и общественнымъ мнѣніемъ" и призываетъ власть, которая должна распространяться на все и быть вездѣсуща.

Къ свободѣ и правамъ личности сенъ-симонисты относились не только равнодушно, но и враждебно. Такъ какъ сенъ-симонисты были, если не творцами, то первыми систематическими глашатаями такъ называемаго „экономическаго", или „историческаго" матерьялизма, то и эта доктрина, ставшая въ рукахъ Маркса революціоннымъ оружіемъ, въ своемъ возникновеніи связана психологически съ *реакціонной* идеологіей начала XIX вѣка.

И это вѣрно по отношенію къ судьбамъ экономическаго матерьялизма не только во Франціи, но и въ Германіи, гдѣ задолго до Маркса, въ 1838 году, консервативный экономистъ и философъ Лавернь-Пегюельенъ формулировалъ съ замѣчательной ясностью основную идею экономическаго матерьялизма. Это совершенно понятно: экономическій матерьялизмъ есть частный случай выдвинувшагося на смѣну раціоналистическимъ концепціямъ ученія о томъ, что развитіе общества есть стихійный, независимый отъ сознательныхъ усилій личностей, органическій ростъ учрежденій. Практическимъ мотивомъ этого ученія была борьба съ идеями и

практикой революціи. Таковъ основной смыслъ того, что противъ революціи выдвинули Беркъ, историческая школа въ правѣ (въ особенности Савиньи), Де-Местръ, Бональдъ и, наконецъ, Огюстъ Контъ.

Тѣмъ же антииндивидуалистическимъ и органическимъ духомъ была проникнута нѣмецкая послѣ-Кантовская философія Шеллинга и Гегеля. Во всѣхъ этихъ теченіяхъ мысли XIX вѣка воскресала и съ новой силой заявляла себя античная идея государства, того государства, которое есть само въ себѣ цѣль, и въ которомъ личность играетъ роль служебнаго органа.

Но несмотря на эти контръ-революціонные и антииндивидуалистическіе психологическіе корни новѣйшаго соціализма, было бы грубою ошибкою утверждать, что тѣ идейныя и практическія общественныя тенденціи, которыя объединялись и объединяются подъ этимъ именемъ, по существу, въ идеѣ антииндивидуалистичны и находятся въ непримиримомъ противорѣчіи съ либерализмомъ.

Есть два соціализма [1]). Или, вѣрнѣе, то, что называется соціализмомъ, колеблется въ исторіи между двумя идейными полюсами. Въ одномъ соціализмѣ идейною сущностью является подчиненіе личности цѣлому: личность есть средство, общество — цѣль, или иначе, личность есть органъ, общество же организмъ. Въ другой концепціи соціализма цѣлью и вѣнцомъ является личность, общество же есть лишь средство или орудіе осуществленія цѣлей личности. Первый типъ есть *соціализмъ* принципіальный, *философскій*. Это—соціализмъ Платона, Фихте, Адама Мюллера, Родбертуса. Идея этого соціализма превосходно выражена Пьеромъ Леру, который подъ нимъ разумѣлъ une organisation politique dans laquelle l'individu serait sacrifié a cette entité qu'on nomme la société,

---

[1]) На это съ особенной ясностью указалъ въ литературѣ Г. Дитцель въ своей извѣстной монографіи о Родбертусѣ.

хотя самъ Леру не выдерживалъ въ своемъ ученіи этой идеи соціализма. Въ основѣ философскаго соціализма лежитъ идея общества, государства, словомъ соціальнаго цѣлаго, какъ единаго, самодовлѣющаго, абсолютнаго организма, какъ реальности, стоящей надъ личностями и ими въ своихъ цѣляхъ пользующейся. Въ новѣйшемъ соціализмѣ единственнымъ законченнымъ представителемъ этой философской идеи является Родбертусъ. Но ея значеніе и смыслъ раскрывается вообще не въ исторіи соціализма, какъ экономической проблемы, а въ исторіи философіи права. Всѣ тѣ мыслители, которые утверждали не только реальность, но и высшую цѣнность—сравнительно съ личностью—соціальнаго цѣлаго (общества или государства), учили философскому соціализму. Къ нему естественно приближаются и всѣ тѣ умы, которые,—какъ, напр., Ренанъ—видятъ въ обществѣ не „атомистическое соединеніе индивидуумовъ", а нѣкоторое „устроенное единство" [1]); нація, церковь, гражданская община въ ихъ глазахъ существуютъ больше, чѣмъ личность, потому что личность приноситъ себя въ жертву этимъ цѣлымъ [2]). Огромное же большинство „соціалистовъ", „коммунистовъ". „коллективистовъ" или вовсе не задумывалось надъ философскими основами своихъ практическихъ идей (*это особенно характерно для такъ называемаго научнаго соціализма)* или во всякомъ случаѣ не додумывалось до ихъ основоначалъ, за однимъ единственнымъ исключеніемъ, о которомъ я сейчасъ скажу нѣсколько словъ. Идею соціализма этихъ соціалистовъ мы вынуждены выводить изъ общаго духа и основного смысла ихъ ученій.

Въ результатѣ философскаго смотра разныхъ *соціалистическихъ* доктринъ можно установить, что въ основѣ большинства ихъ лежитъ вовсе не философскій соціализмъ,

---

[1]) Avenir de la Science.

[2]) Dialogues et fragments philosophiques.

а наоборотъ идея *индивидуалистическая*, идея верховной цѣнности личности и служебнаго значенія соціальнаго организма. Исключеніе въ общемъ морѣ той философской неясности, въ которой бродятъ и бродили большинство индивидуалистическихъ соціалистовъ, представляютъ до извѣстной степени русскіе философы соціализма, П. Л. Лавровъ и Н. К. Михайловскій. Если и эти писатели не дали стройнаго философскаго и критическаго обоснованія индивидуалистическаго соціализма, то это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что, какъ позитивисты и, главное, „уравнители", они идею личности подчинили идеѣ равенства, а, какъ публицисты соціализма, они къ практической проблемѣ соціализма не съумѣли отнестись критически свободно.

Отсутствіе принципіальной философской ясности въ построеніяхъ большинства „соціалистовъ" отразилось чрезвычайно невыгодно на судьбахъ индивидуализма и либерализма. Глубоко потрясенные картинами угнетенія и нищеты трудящагося человѣчества, „соціалисты" восприняли индивидуалистическую идею въ той грубой и пошлой формѣ, какую эта идея приняла въ писаніяхъ доктринеровъ политическаго и экономическаго либерализма. И потому „соціалисты" очень часто съ *идоловъ* хозяйственнаго эгоизма, свободной конкурренціи, не знающаго никакихъ сдержекъ капитализма, наконецъ, политическаго господства буржуазіи свою критику и святую ненависть переносили на *идеалы* индивидуализма и совершенно безпринципно обезцѣнивали передъ своими послѣдователями и политическую свободу, и самое идею права [1]).

Эта политическая безпринципность индивидуалистиче-

---

[1]) Такъ, полемика противъ индивидуализма есть центральная идея философскаго введенія въ исторію французской революціи Луи Блана. Въ литературѣ фурьеризма есть поразительные образчики политической безпринципности и близорукости. Смѣхотворны, напримѣръ, тѣ восхваленія, которыя знаменитый Консидеранъ воспѣвалъ Николаю I.

скихъ въ своей основѣ „соціалистовъ“ отчасти объясняется тѣмъ, что ихъ индивидуализмъ—несмотря на частыя ссылки на христіанство—былъ глубоко пропитанъ матеріализмомъ и гедонизмомъ и идею личности понималъ въ самомъ грубомъ смыслѣ, не идя ни шагу дальше. Въ невниманіи къ идеалистическому содержанію личности заключался источникъ безпринципности и оппортунизма этихъ индивидуалистовъ. Съ другой стороны, какъ мы уже сказали, чистая идея индивидуализма не только загрязнилась, но и затерялась, попавъ въ руки апологетовъ капитализма, защитниковъ экономическаго и политическаго господства буржуазіи. По большей части и эти индивидуалисты были такими же грубыми матеріалистами, какъ и ихъ противники. Когда идея такъ называемой „экономической свободы“, т. е. практическіе выводы хозяйственнаго индивидуализма, были подорваны критикой соціалистовъ и соціальныхъ реформаторовъ, когда идея и практика государственнаго невмѣшательства въ экономическую жизнь капитулировала передъ „соціальной политикой“,—въ этотъ кризисъ индивидуализма, какъ практическаго направленія политико-экономической мысли, была вовлечена и философская идея индивидуализма. Либерализмъ, казалось, былъ пораженъ въ своей первоосновѣ и получилъ смертельный ударъ. Постулаты соціальной политики были безъ труда (но, въ сущности, и безъ всякаго размышленія) выводимы изъ философскаго соціализма, и послѣдній получилъ огромный теоретическій престижъ. Правда, его теперь уже перестали додумывать до конца и возводить въ рангъ абсолютнаго закона. Катедеръ-соціалистамъ была, конечно, чужда философская ясность Платона и Гегеля, и съ Родбертусомъ они были попутчиками только на полпути. Но еще менѣе продумывалась и додумывалась до конца философская противоположность соціализма—индивидуализмъ. Въ философіи культуры и общества окончательно наступила эпоха безпринципныхъ и безъидейныхъ компромиссовъ между соціа-

лизмомъ и индивидуализмомъ. Только въ самое послѣднее время могучій духъ Нитцше встряхнулъ философскую мысль и далъ почувствовать, что эклектическая кашица изъ соціализма и индивидуализма могла быть потребляема только въ состояніи умственныхъ просонковъ. Вспомнили также объ антиподѣ Нитцше—Кантѣ и, при помощи этихъ двухъ глубоко антагонистическихъ умовъ, стали выбираться изъ болота эклектизма.

Къ тому времени приспѣлъ кризисъ марксизма и постепенный, но неуклонный пересмотръ самой жизнью практическихъ идей и пріемовъ такъ называемаго научнаго соціализма. Вотъ гдѣ стоимъ мы въ эпоху, когда русскіе люди глубоко волнуются мыслями о политической и соціальной судьбѣ своей родины, въ эпоху, которая, несмотря на свой бурный характеръ, такъ страстно жаждетъ идей и такъ сильно въ нихъ нуждается.

Петръ Струве.

„Народу власть и земля!“

(Къ вопросу о соціализаціи земли въ программѣ „молодыхъ народниковъ“).

„Народу власть и земля!“ — выбралъ своимъ лозунгомъ молодой крестьянскій союзъ въ замѣну былого пароля народовольцевъ: „Земля и воля!“ Перемѣна знаменательная! Новая формула не только ярче, но и опредѣленнѣе. На первый планъ она выдвигаетъ требованіе политической реформы, въ народовластіи усматривая залогъ соціальныхъ преобразованій. Къ ней охотно примкнетъ всякій сторонникъ трудового землевладѣнія, готовый вмѣстѣ съ вторымъ крестьянскимъ съѣздомъ добиваться установленія *„законодательнымъ путемъ* прочнаго, справедливаго и согласнаго съ волею народа земельнаго устройства“. Къ сожалѣнію, боевой кличъ крестьянской партіи не свободенъ отъ нѣкоторой неясности. Народу власть!—провозглашаетъ крестьянскій союзъ, — народу земля! Да будетъ! Но кому же, собственно, власть и кому земля? — вотъ вопросъ, который требовалъ бы отвѣта. Должна ли власть быть предоставлена тому самому „народу“, который получитъ и землю, власть хотя бы лишь по отношенію къ одной землѣ, но полная, самодержавная, не подлежащая контролю со стороны неземледѣльческихъ элементовъ общества? Или же земля должна перейти къ тѣмъ, кто обрабатываетъ ее своимъ трудомъ, а полнота власти, даже въ вопросахъ земельнаго устройства, должна принадлежать обществу, какъ цѣлому? Казалось бы, правда, что и сомнѣній быть не можетъ. Казалось бы, идеалъ группового соціализма, стремящагося къ созданію полновластныхъ, независимыхъ отъ общественнаго контроля профессіональныхъ объединеній, давно сданъ въ архивъ всѣми

сознательными соціалистами. Казалось бы, всѣми признано, что профессіональный федерализмъ не можетъ быть основой соціалистической организаціи общества. Однако, мы встрѣчаемъ въ русской литературѣ мнѣніе, что власть распоряжаться народною землею должна быть предоставлена лишь земледѣльческому населенію; за народомъ въ его цѣломъ эта схема не оставляетъ даже права устанавливать земельное обложеніе и тѣмъ опредѣлять размѣръ пожертвованій, которыя земледѣльцы должны нести на общія нужды государства. Такого рода взгляды развиваетъ отъ лица группы „молодыхъ народниковъ“ г. Новоторжскій въ статьѣ „Соціализація земли“ въ Вѣстникѣ Сельскаго Хозяйства (1905 г., №№ 43—45).

Г. Новоторжскій слѣдующимъ образомъ обрисовываетъ тотъ земельный строй, въ который, по мнѣнію молодого народничества, должна вылиться у насъ соціализація земли:

„1) Вся земля считается народной собственностью, то есть собственностью всего земледѣльческаго класса, или, что то же, во владѣніи у всего трудового крестьянства.

2) Поэтому и *верховное право распоряженія ею принадлежитъ всему земледѣльческому классу* въ его цѣломъ.

3) Отсюда слѣдуетъ далѣе, что *государство* не имѣетъ права ничего взимать за пользованіе землей, *не можетъ устанавливать никакого поземельнаго налога.*

4) Крестьянинъ-земледѣлецъ является не арендаторомъ государственной земли, а пользователемъ народной земли.

5) Поэтому крестьяне-земледѣльцы а) сами распоряжаются землей посредствомъ разныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, а также и черезъ центральное законодательное учрежденіе, когда это можетъ оказаться необходимымъ, и *въ той мѣрѣ, въ какой они сами пожелаютъ* и б) сами облагаютъ себя на нужды государственнаго общежитія и мѣстнаго самоуправленія прогрессивно-подоходнымъ налогомъ или прямымъ поземельнымъ. Такимъ образомъ, *изъ признанія земли собственностью всего трудового народа вытекаетъ и право его на самообложеніе*“.

При всемъ своемъ кажущемся демократизмѣ и соціализмѣ планъ г. Новоторжскаго рѣзко противорѣчитъ основнымъ идеямъ соціалистическаго міровоззрѣнія. Онъ относится къ той области лже-соціализма, которая очерчена

Сиднеемъ Веббомъ въ прекрасной статьѣ „Объ истинномъ и ложномъ соціализмѣ". (Socialism true and false; Fabian Tracts Nr. 51; есть нѣмецкій переводъ въ изданіи Der Socialismus in England, geschildert von englichen Socialisten hgg. von Dr. H. Kurella, 1898). „Современная жизнь такъ сложна,—пишетъ С. Веббъ—возникающія передъ нами проблемы такъ трудны, нужда въ немедленной помощи часто такъ настоятельна, что мы нерѣдко рискуемъ остановиться на планѣ дѣйствій, обѣщающемъ непосредственное облегченіе, но не лежащемъ на пути движенія къ коллективизму". Если не руководствоваться ясно продуманными общими принципами, то мы легко можемъ въ такихъ случаяхъ напасть на рѣшенія, хотя и носящія, на первый взглядъ, соціалистическую окраску, но на дѣлѣ ведущія насъ въ сторону отъ соціалистическихъ цѣлей. „Всѣ подобные планы и слѣдуетъ относить къ области ложнаго соціализма, такъ какъ они ведутъ не къ прогрессу, а къ регрессу общества". Къ числу такихъ лже-соціалистическихъ построеній С. Веббъ причисляетъ и воззрѣнія, сродныя идеямъ г. Новоторжскаго.

Я не буду останавливаться на практической неосуществимости и недостаточной продуманности плана г. Новоторжскаго въ той формѣ, въ какой онъ изложенъ авторомъ на страницахъ Вѣстника Сельскаго Хозяйства. Эти недостатки могли бы быть со временемъ устранены, если бы основная идея заслуживала разработки. Найти болѣе жизненныя формы ея воплощенія, точнѣе проработать ее съ экономической, государственно-правовой и частно-правовой точекъ зрѣнія, г. Новоторжскій, быть можетъ и сумѣлъ бы, если бы жизнь поставила передъ нимъ эту задачу. Но идея соціализаціи земли въ томъ толкованіи, которое даетъ ей г. Новоторжскій, настолько въ самыхъ своихъ основахъ противорѣчитъ соціалистическимъ идеаламъ, что съ точки зрѣнія соціалистической партіи, каковою себя признаетъ молодое народничество, она не заслуживаетъ развитія. Развѣ лишь въ системѣ анархизма идея соціализаціи земли, понимаемая такъ, какъ ее изъясняетъ г. Новоторжскій, могла бы имѣть въ настоящее время нѣкоторое право на существованіе.

Идея г. Новоторжскаго въ своемъ существѣ не нова. Въ этой формѣ соціализмъ выступилъ въ Англіи уже во времена Оуена и его проповѣди профессіональныхъ союзовъ. По мнѣнію Оуена, средства производства должны перейти

въ собственность не общества, какъ цѣлаго, а тѣхъ группъ работниковъ, которыя ими пользуются. Отдѣльные профессіональные союзы должны сомкнуться въ общенародныя организаціи; эти общенародные союзы лицъ, занятыхъ въ одной отрасли промышленности, и должны руководить производствомъ. Союзъ сельскихъ рабочихъ долженъ получить въ свое обладаніе землю; союзъ горнорабочихъ — копи; рабочіе, занятые въ текстильной промышленности, — прядильныя и ткацкія фабрики. Сходныя идеи лежатъ въ основѣ плановъ осуществленія соціализма путемъ организаціи замкнутой сѣти производительныхъ товариществъ. Къ нимъ примыкаетъ Луи Бланъ въ своемъ знаменитомъ проектѣ „Организаціи труда“, ихъ перенесъ на нѣмецкую почву Лассаль. Повсюду проповѣдь самодовлѣющихъ профессіональныхъ организацій имѣла глубокіе корни въ народной психологіи. Широкій идеалъ полнаго коллективизма менѣе доступенъ неподготовленному сознанію трудящихся массъ, нежели болѣе наглядное представленіе выгодъ, которыя сулитъ рабочимъ въ каждой данной отрасли производства возможность „стать самимъ своимъ предпринимателемъ“, какъ выражался Лассаль. Вполнѣ законное въ извѣстныхъ предѣлахъ, такое стремленіе рабочихъ, занятыхъ въ одной отрасли промышленности, разсматривать свои интересы внѣ связи съ интересами общими, легко переходитъ, однако, за эту грань. Профессіональный эгоизмъ англійскихъ трэдъюніоновъ славенъ на весь міръ. Не менѣе характерна узкоклассовая политика фабрично-заводскихъ рабочихъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и Австраліи,—поддержка, оказываемая ими протекціонизму, ради того, чтобы цѣною переплатъ потребителей на товарахъ закрѣпить благопріятныя условія труда, отвоеванныя у предпринимателей.

Напомнимъ также, чтобы не оставаться исключительно среди рабочихъ обрабатывающей промышленности, не менѣе поучительный примѣръ крестьянскихъ демократій нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантоновъ, наглядно опровергающій идиллическія мечтанія г. Новоторжскаго о томъ, что „въ будущемъ всероссійскомъ законодательномъ собраніи представители крестьянской и рабочей партіи въ случаѣ, если у насъ будетъ еще и самостоятельная рабочая партія, будутъ всегда идти рука объ руку въ вопросахъ фабричнаго и соціальнаго законодательства“. Даже нѣмецкіе рабочіе

союзы, въ томъ числѣ и тѣ, которые примыкаютъ къ соціалъ-демократической партіи, не чужды такихъ поползновеній. Послѣднее время, въ особенности, духъ профессіональнаго партикуляризма проявляется въ нихъ все чаще, все рѣзче. Послѣдній съѣздъ профессіональныхъ союзовъ (въ Кельнѣ въ 1905 году) вызвалъ цѣлую бурю тревоги въ германской соціалъ-демократической прессѣ. Даже люди, всю жизнь отдавшіе организаціи рабочаго класса, были встревожены тѣмъ духомъ профессіональной исключительности, который проявился въ рѣчахъ и въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ съѣзда. Эльмъ писалъ, напримѣръ, въ бернштейніанскихъ Socialistische Monatshefte (1905, Heft 7): „Пять лѣтъ тому назадъ, нападая на близорукій эгоизмъ, нерѣдко проявляющійся въ дѣйствіяхъ англійскихъ рабочихъ союзовъ, я уже указывалъ въ этомъ журналѣ, что и у насъ въ Германіи въ заявленіяхъ отдѣльныхъ вождей профессіональныхъ союзовъ порою также проглядываетъ недостатокъ чувства товарищеской солидарности. Теперь, послѣ Кельна, я могу лишь сказать: профессіональное рабочее движеніе въ Германіи стоитъ передъ опасностью вступить на путь англійскихъ трэдъ-юніоновъ". „Союзы становятся—развивалъ Эльмъ свою мысль на съѣздѣ партіи въ Іенѣ—на точку зрѣнія: я не сторожъ брату моему, что мнѣ до другихъ". „Я всегда боролся—прибавляетъ онъ—противъ этого, такъ какъ подобное настроеніе несовмѣстимо въ соціалистическими убѣжденіями".

Поистинѣ, „нѣтъ болѣе хронической формы лже-соціализма, нежели то направленіе, которое болѣе или менѣе сознательно стремится ввѣрить руководительство производствомъ не обществу, какъ цѣлому, а отдѣльнымъ профессіональнымъ организаціямъ". (С. Веббъ). „Направленіе это—поясняетъ Веббъ—находитъ себѣ выраженіе въ лозунгахъ: земля земледѣльцу! копь горнорабочему!"

Къ оцѣнкѣ воззрѣній г. Новоторжскаго съ соціалистической точки зрѣнія можно подходить съ двухъ сторонъ. Мы можемъ, не вникая въ мотивы, остановиться на отношеніи соціалистическихъ партій къ сходнымъ идеямъ. Мы можемъ также, не ограничиваясь противопоставленіемъ теоретической схемѣ фактической расцѣнки ея лицами, ведущими непосредственно борьбу за соціалистическій идеалъ, подвергнуть концепцію профессіональнаго федерализма теоре-

тическому разбору. Результатъ въ обоихъ случаяхъ получается одинъ: построенія въ духѣ г. Новоторжскаго отвергаются соціалистами и не мирятся съ соціализмомъ.

Насколько духъ профессіональной обособленности противорѣчитъ стремленіямъ современныхъ соціалистическихъ партій, наиболѣе яркимъ свидѣтельствомъ тому служитъ Германія, гдѣ благодаря тѣсной связи между профессіональнымъ и политическимъ рабочимъ движеніемъ, подобныя попытки отдѣльныхъ союзовъ замыкаться въ кругѣ своихъ интересовъ и выдвигать ихъ впередъ общихъ немедленно встрѣчаютъ отпоръ со стороны дѣятелей соціалистической партіи. Здѣсь не мѣсто останавливаться подробно на важномъ и сложномъ вопросѣ о роли рабочихъ союзовъ и политическихъ организацій въ общей борьбѣ за осуществленіе соціалистическихъ идеаловъ. Я лично принадлежу къ числу поклонниковъ бернштейновской троицы — политическая партія, профессіональный союзъ, потребительное общество,—отъ вѣры въ которую съ такимъ юморомъ открещивался Бебель на съѣздѣ партіи въ Ганноверѣ. Рабочимъ союзамъ, въ частности, я придаю значеніе никакъ не меньшее по сравненію съ политическими партіями въ дѣлѣ борьбы трудящихся классовъ противъ капиталистической эксплуатаціи. Но этотъ общій вопросъ не стоитъ въ прямой связи съ тою темой, которая занимаетъ насъ сейчасъ. Рабочіе союзы, какъ факторъ соціалистическаго движенія, не нуждаются въ идеалѣ профессіональнаго федерализма, какъ не нуждается въ немъ и соціалистическая теорія. Не обособляясь, а смыкаясь въ дружное цѣлое, достигнутъ рабочіе союзы своихъ цѣлей. Поэтому, не вдаваясь въ существо вопроса о роли профессіональныхъ союзовъ, я лишь позволю себѣ привести нѣсколько иллюстрацій того, какъ нѣмецкая соціалъ-демократія относится къ стремленіямъ союзовъ стать на почву профессіональной обособленности. Оставляя въ сторонѣ необозримую газетную, журнальную и брошюрную литературу, обратимся для этой цѣли къ протоколамъ послѣдняго съѣзда германской соціалъ-демократической партіи (въ Іенѣ, въ сентябрѣ 1905 г.). Дебаты на этомъ съѣздѣ, въ значительной своей долѣ, посвящены были, именно, вопросу объ отношеніи партіи къ профессіональнымъ союзамъ, столь обострившемуся послѣ кельнскаго съѣзда союзовъ. Дебаты поражаютъ тѣмъ единодушіемъ, съ которымъ выступаютъ

противъ профессіональнаго партикуляризма представители всѣхъ направленій въ соціалъ-демократіи. „Мое заявленіе въ Socialistische Monatshefte,—открылъ свою рѣчь Эльмъ—что намъ угрожаетъ опасность, какъ бы профессіональное рабочее движеніе въ Германіи не вступило на путь англійскихъ трэдъ-юніоновъ, упоминалось здѣсь сегодня такъ часто и съ такимъ сочувствіемъ лицами, отъ которыхъ я привыкъ выслушивать только брань, что отъ всѣхъ этихъ похвалъ мнѣ прямо становится не по себѣ". И, дѣйствительно, въ этомъ вопросѣ сошлись представители такъ называемаго бернштейніанства и ревизіонизма, стоящіе на почвѣ соціализма эволюціоннаго, съ сторонниками революціонныхъ пріемовъ борьбы за лучшее будущее. „Въ существѣ профессіональныхъ союзовъ — заявлялъ въ своемъ вступительномъ словѣ Р. Фишеръ, референтъ по вопросу о празднованіи 1 мая, на которомъ кельнскій съѣздъ рѣзко разошелся съ партіей—заложены зачатки профессіональнаго эгоизма, заложено стремленіе выдвигать на первый планъ свои собственные профессіональные интересы. (Совершенно вѣрно!—отмѣчаетъ протоколъ возгласы изъ публики). Въ существѣ профессіональныхъ союзовъ лежитъ также стремленіе ограждать во что бы то ни стало свои интересы, хотя бы порою даже за счетъ интересовъ другихъ профессіональныхъ группъ".

Надо бороться съ наклонностью союзовъ къ цеховой исключительности, надо стремиться поднять въ нихъ идеализмъ—проходило красной нитью черезъ всѣ рѣчи.

Но оставимъ въ сторонѣ эти, порою мелочныя, нападки, эти возраженія, часто коренящіяся не въ принципіальной оцѣнкѣ явленій, а въ чувствѣ страха передъ тѣмъ минутнымъ ущербомъ, которымъ грозитъ быстрый ростъ профессіональныхъ организацій успѣхамъ партійной пропаганды. Оффиціальная доктрина германской соціалъ-демократіи стоитъ еще на почвѣ непримиримаго идеализма и аскетическаго пренебреженія благами земными ради конечной цѣли, въ то время какъ партійная тактика давно уже спустилась на землю и встрѣтилась въ своей оцѣнкѣ повседневной мелкой работы съ профессіональными союзами, привязанными самымъ существомъ своимъ къ практичнымъ и легко достижимымъ цѣлямъ. Въ такихъ условіяхъ, успѣхи профессіональнаго движенія колеблятъ въ народныхъ массахъ психоло-

гическіе устои вѣры въ партійную догму и тѣмъ затрудняютъ проповѣдь соціалъ-демократическаго вѣроученія. Въ этомъ корень тѣхъ запутанныхъ и натянутыхъ отношеній, которыя существуютъ сейчасъ въ Германіи между партіей, профессіональными союзами и такъ называемой „фракціей рейхстага“—группой соціалъ-демократическихъ депутатовъ, оффиціально—избранниковъ партіи, но фактически, въ большей своей части,—ставленниковъ рабочихъ союзовъ. Отсюда—нескончаемыя тренія внутри партіи между лицами, стремящимися проповѣдь доктрины приспособить къ тактикѣ, и тѣми, кто тактику желалъ бы согласовать съ доктриной. Отсюда и та постоянная подозрительность, съ которою блюстители началъ истинной вѣры слѣдятъ за успѣхами союзовъ. Все это позволяетъ сторонникамъ группового соціализма предъявить отводъ противъ выставленныхъ выше свидѣтелей. Отвлечемся, поэтому, отъ вопросовъ тактики, приспособляющейся къ преходящимъ условіямъ борьбы и мѣняющейся отъ одного дня къ другому, сегодня осуждающей то, что завтра она, быть можетъ, вынуждена будетъ санкціонировать. Разсмотримъ явленіе профессіональнаго партикуляризма sub specie aeternitatis, разберемъ его въ его чистомъ видѣ профессіональнаго федерализма съ точки зрѣнія соотвѣтствія соціалистическому идеалу общественнаго строя. Вопросъ и въ этомъ направленіи исчерпывающе выясненъ въ соціалистической литературѣ; и затрудненіе лишь въ томъ, чьими устами высказать доводы, столь часто приводившіеся въ спорахъ.

Предоставимъ слово только что скончавшемуся соціалисту-юристу, Антону Менгеру:

„Лассаль—заканчиваетъ А. Менгеръ свой этюдъ о Луи Бланѣ и Лассалѣ—почиталъ свой проектъ (производительныхъ ассоціацій) лишь переходной мѣрой, которая имѣла цѣлью только подготовить разрѣшеніе соціальнаго вопроса, и не продумалъ даже ближайшихъ слѣдствій, вытекающихъ изъ него. Но и предложенія Луи Блана, которыя проработаны несравненно лучше, не въ силахъ достигнуть той цѣли, къ которой Луи Бланъ стремится,—устранить конкурренцію и обезпечить рабочимъ массамъ удовлетворительное существованіе. Конкурренцію между разными предпріятіями въ предѣлахъ одной отрасли производства еще можно, пожалуй, было бы устранить путемъ распоряженій центральнаго ор-

гана, руководящаго въ данной отрасли всѣмъ производствомъ; но тѣмъ живѣе разгорѣлась бы зато борьба интересовъ между различными отраслями производства, крѣпко сплоченными благодаря этой системѣ. Дѣло, вѣдь, въ томъ, что соціалистическій правовой строй былъ бы осуществленъ лишь въ предѣлахъ отдѣльныхъ производительныхъ ассоціацій; въ сферѣ же потребленія, а также во взаимныхъ отношеніяхъ между различными отраслями производства продолжали бы господствовать частно-правовыя нормы съ ихъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ—свободой договора и конкурренціей. Въ еще меньшей мѣрѣ былъ бы групповой соціализмъ въ состояніи искоренить нетрудовые доходы. Правда, Лассаль высказалъ въ своемъ „Открытомъ письмѣ" мнѣніе, что послѣ того какъ рабочій классъ сдѣлается (при помощи производительныхъ ассоціацій) самъ своимъ собственнымъ предпринимателемъ, заработную плату въ качествѣ вознагражденія за трудъ замѣнитъ полный продуктъ труда. Но кто же не видитъ, что предложенія Лассаля и Луи Блана ставятъ лишь на мѣсто индвидуальной собственности собственность корпоративную, которая въ широкихъ размѣрахъ существуетъ и при современныхъ правовыхъ порядкахъ? Кто же не видитъ, что, въ силу этого, собственность на землю и капиталъ, равно какъ и власть, обезпечиваемая ей нынѣ закономъ, будутъ держаться, и что, слѣдовательно, не будутъ устранены ни земельная рента, ни прибыль на „капиталъ"? Болѣе того: если не исходить изъ утопическихъ предположеній, что ассоціаціи рабочихъ будутъ руководствоваться исключительно духомъ братской любви, то, напротивъ, придется признать, что сплоченные профессіональные союзы (въ особенности тѣ изъ нихъ, которые, какъ напримѣръ, въ сельскомъ хозяйствѣ, будутъ производить продукты, необходимые для жизни) будутъ выжимать изъ общества благодаря своему могуществу еще больше нетрудового дохода, нежели въ состояніи получать нынѣ единичныя лица на рынкѣ, открытомъ для конкурренціи". (A. Menger, Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag, 3 Aufl., S. 123—125).

Съ большей конкретностью развиваетъ ту же мысль С. Веббъ въ цитированной нами статьѣ „Объ истинномъ и ложномъ соціализмѣ".

„Отдѣльныя ассоціаціи вступили бы неминуемо въ борьбу, стремясь вытѣснить другъ друга изъ болѣе выгодныхъ от-

раслей производства. Такъ, напримѣръ, строители деревянныхъ судовъ скоро нашли бы, что группа рабочихъ, производящихъ суда металлическія, дѣлаетъ имъ подрывъ, и были бы вынуждены либо безропотно идти на гибель, либо вложить капиталъ, находящійся въ ихъ распоряженіи, въ постройку судовъ металлическихъ и выступить въ этомъ новомъ производствѣ соперниками рабочихъ, которые ранѣе въ немъ были заняты. Сверхъ того, Оуенъ въ своихъ проектахъ упускаетъ изъ виду роль ренты. Онъ совершенно не обращаетъ вниманія на то обстоятельство, что количество труда, потребное для поставки на рынокъ одинаково на немъ цѣнимыхъ товаровъ, чрезвычайно мѣняется въ зависимости отъ естественныхъ различій въ качествѣ почвы, въ разстояніи отъ рынка, въ связи съ близостью къ хорошимъ дорогамъ, каналамъ или портамъ, съ возможностью располагать водяною силою или топливомъ и съ тысячью иныхъ обстоятельствъ, включая сюда и различія въ способностяхъ промышленника организовать и вести предпріятіе. Оуенъ принималъ, что продукты труда земледѣльца и углекопа можно будетъ обмѣнивать другъ на друга въ количествахъ, пропорціональныхъ затраченному на производство времени, разъ углекопу будетъ предоставлено право на разработку нѣдръ земли, а сельскохозяйственному рабочему—на обработку земной поверхности. Онъ не принималъ во вниманіе даже того предположенія, что углекопамъ можетъ прійти въ голову замкнуться противъ прилива сельскихъ рабочихъ, которые захотѣли бы приложить свой трудъ къ разработкѣ копей, или что союзъ земледѣльцевъ можетъ отказаться уступить плотникамъ участки земли подъ стройку. Словомъ, увлеченіе трудовой теоріей цѣнности закрывало Оуену глаза на всю сложную экономическую проблему справедливаго распредѣленія между всѣми преимущественныхъ выгодъ положенія и выигрыша отъ особо благопріятныхъ условій работы“. „Что касается насъ—заканчиваетъ Веббъ свой анализъ,—то мы желаемъ, чтобы копи перешли не къ горнорабочимъ, а къ обществу, какъ цѣлому. Должно ли при этомъ производство быть централизовано или децентрализовано, это пока открытый вопросъ организаціи демократическаго управленія. Но планъ выдать угольныя богатства народа одной какой-либо группѣ рабочихъ, по моему мнѣнію, столь же мало соціалистиченъ, какъ недавній проектъ

передать ихъ синдикату капиталистовъ. Въ качествѣ соціалистовъ мы стремимся не къ тому, чтобы отдѣльныя отрасли производства перешли въ полное завѣдываніе тѣхъ рабочихъ, которые въ нихъ сейчасъ заняты, а къ развитію общественной организаціи производства".

Оцѣнку хозяйственнаго строя, покоящагося на профессіональномъ федерализмѣ, не трудно было бы повести и далѣе. Но не будемъ вдаваться въ детали. Изъ приведенныхъ разсужденій Менгера и Вебба съ достаточною уже ясностью обнаруживается полная непригодность группового соціализма для того, чтобы разрѣшить удовлетворительно тѣ задачи, которыя намѣчаются соціалистической критикой современныхъ порядковъ. Групповой соціализмъ не освободитъ человѣчество отъ безцѣльнаго расточенія силъ, которое возмущаетъ соціалиста въ капиталистическомъ строѣ. Анархіи производства онъ не устранитъ. Съ точки зрѣнія планомѣрнаго использованія того запаса трудовой энергіи и внѣшнихъ благъ, которымъ располагаетъ человѣчество, профессіональный федерализмъ стоитъ не выше доведенной до своихъ предѣловъ картелизаціи производства. Еще менѣе отвѣчаетъ групповой соціализмъ другому постулату соціалистическаго міровоззрѣнія — требованію сдѣлать невозможными нетрудовые доходы. Притомъ, всѣ слабыя стороны этого непродуманнаго идеала особенно рѣзко сказываются въ примѣненіи къ области сельскаго хозяйства. Борьба за земельную ренту дѣлаетъ здѣсь порядки, подобные тѣмъ, какіе рисуетъ г. Новоторжскій, совершенно недопустимыми: рента не должна присвоиваться ни отдѣльными лицами, ни отдѣльными группами лицъ; сельскохозяйственные рабочіе въ своей совокупности имѣютъ на нее, съ точки зрѣнія соціалиста, не болѣе правъ, нежели нынѣшніе землевладѣльцы; не будучи создаваема трудомъ отдѣльныхъ лицъ, земельная рента должна быть достояніемъ всего общества.

Но какъ этого достигнуть, если земледѣльцамъ въ ихъ совокупности не только будетъ предоставлено опредѣлять, какъ имъ угодно, строй земельныхъ отношеній, но также будетъ обезпечено безотчетное право самообложенія?

Г. Новоторжскій и самъ признаетъ, что соціализація не есть соціализмъ, но отличіе ея отъ соціализма видитъ лишь въ томъ, что „орудія производства, сельскохозяйственныя и жилыя постройки находятся въ собственности у отдѣль-

ныхъ крестьянъ“ и нѣтъ „общественнаго производства и распредѣленія“, т. е. нѣтъ совмѣстной обработки земли съ послѣдующимъ дѣлежомъ продукта. Несмотря на это, соціализація земли кажется ему „шагомъ по направленію къ трудовому государству, при которомъ населеніе легче всего могло бы сдѣлать дальнѣйшіе шаги“. Эти дальнѣйшіе шаги рисуются автору, именно, въ видѣ перехода крестьянъ къ совмѣстной обработкѣ земли и дѣлежу продукта. Народное хозяйство остается, слѣдовательно, въ этой схемѣ и на слѣдующей стадіи все еще на почвѣ профессіональнаго федерализма. Мы видѣли, что подобная соціализація земли не только не соціализмъ, но и не шагъ къ соціализму. Такой строй принесетъ не ровное и быстрое движеніе къ соціализму, а консервативное крестьяновластіе, съ его духомъ экономіи во что бы то ни стало, съ его стремленіемъ посбить спѣси фабрично-заводскому пролетаріату, съ его отрицаніемъ культурныхъ цѣлей государства. Опасность такого строя у насъ и безъ того велика при томъ политическомъ перевѣсѣ, который крестьянство несомнѣнно получитъ въ переустроенной на демократическихъ основахъ Россіи. Нашъ классъ фабрично-заводскихъ рабочихъ долго еще будетъ слишкомъ незначителенъ численно, и голосъ его при демократическомъ строѣ едва будетъ слышенъ въ громкомъ хорѣ десятковъ милліоновъ крестьянъ. Въ такихъ условіяхъ вносить въ организацію общественной жизни элементы, которые способны лишь усилить эти опасныя тенденціи, врядъ ли въ интересахъ, не говорю уже соціалистической, но хотя бы демократической партіи.

Выводъ отсюда ясенъ: молодое народничество, если только оно желаетъ оставаться партіей соціалистическою, а не стремится примкнуть къ анархизму, должно рѣшительно вычеркнуть изъ своей программы идею соціализаціи земли въ томъ смыслѣ, какой придаетъ этому термину г. Новоторжскій. Крестьянскому же союзу можно посовѣтовать оградить свой звучный и сильный лозунгъ отъ примѣси смутныхъ лже-соціалистическихъ представленій, съ которыми мирится его чрезмѣрный лаконизмъ. Земля тѣмъ, кто ее обрабатываетъ! Власть всему народу! Большаго не въ правѣ требовать руководители организованнаго крестьянства, не принося въ жертву демагогіи интересовъ народа, не поступаясь идеалами соціализма, не вступая на путь крестьян-

скихъ союзовъ, организуемыхъ въ Германіи крупными землевладѣльцами для отпора либеральнымъ вѣяніямъ. Если бы даже въ русскомъ крестьянствѣ дремали идеи, сродныя тѣмъ, что проповѣдуетъ г. Новоторжскій, мыслящій соціалистъ не долженъ ихъ будить; онъ не долженъ потворствовать противообщественнымъ инстинктамъ безсознательной массы.

А. А. Чупровъ.

Еще нѣсколько словъ о самодержавіи и манифестѣ 17-го октября.

Отвѣтъ В. М. Гессену.

«Вопросъ о томъ, упраздняется ли самодержавіе, какъ титулъ монарха, манифестомъ 17-го октября, представляетъ огромную, не только теоретическую, но и практическую важность», говоритъ и В. М. Гессенъ въ своей статьѣ, посвященной этому вопросу въ № 9 «Полярной Звѣзды». Это значеніе вопроса и даетъ мнѣ смѣлость еще разъ занять имъ вниманіе читателей «Полярной Звѣзды», хотя онъ и обсужденъ уже кажется со всѣхъ сторонъ [1]). Я хотѣлъ бы только сказать нѣсколько словъ, чтобы устранить недоразумѣнія, которыя могутъ возникнуть по отношенію къ моей статьѣ послѣ разбора нѣкоторыхъ ея положеній, сдѣланнаго В. М. Гессеномъ. Долженъ, впрочемъ, оговориться, что дѣлаю это очень неохотно, такъ какъ лично желалъ бы, чтобы В. М. Гессенъ былъ правъ, и чтобы его горячее желаніе устраненія изъ русскихъ законовъ и жизнип онятія самодержавія скорѣе осуществилось. Я такъ же, какъ и онъ совершенно увѣренъ, что при сохраненіи этого титула въ будущемъ онъ будетъ вносить смуту въ народное сознаніе и не одинъ разъ будетъ знаменемъ, подъ которымъ будутъ группироваться недовольные новыми порядками старые слуги реакціи. Однако, я думаю что иллюзіи мало чему-нибудь служатъ, какъ скоро онѣ прилагаются къ

---

[1]) Изъ статей, напечатанныхъ послѣ моихъ, я укажу, кромѣ упомянутой сейчасъ статьи В. М. Гессена: „О титулѣ самодержецъ“ проф. Латкина („Слово“ № 366), „Самодержавіе“ Ѳ. Ѳ. Кокошкина („Русск. Вѣд.“ № 40) и замѣтки во Внутреннемъ Обозрѣніи „Вѣстника Европы“ за февраль текущаго года.

такому прозаическому дѣлу, какъ возстановленіе смысла дѣйствующаго права. Здѣсь лучше прямо видѣть вещи такими, какими онѣ являются на самомъ дѣлѣ, а не въ нашихъ мечтахъ и желаніяхъ. Послѣ манифеста 17-го октября мы, можетъ быть, больше мечтали, чѣмъ считались съ реальной дѣйствительностью.

Какъ припомнятъ читатели, я въ своихъ статьяхъ сдѣлалъ попытку на основаніи положительныхъ данныхъ, а именно дѣйствующихъ основныхъ законовъ, положенія о Государственной Думѣ, манифеста 17-го октября и правительственной практики въ первое время послѣ манифеста конструировать ту дѣйствительную или, какъ я сказалъ, *историческую конституцію*, которая, благодаря этимъ даннымъ, создалась въ Россіи. Въ концѣ второй своей статьи я совершенно опредѣленно указалъ на недостатки такой конституціи и сказалъ, что защищать ее по существу я не намѣренъ. Теперь В. М. Гессенъ страстно нападаетъ на нѣкоторыя изъ моихъ построеній, въ началѣ статьи указывая на поддержку, будто бы, съ моей стороны воззрѣнія, распространеннаго въ бюрократическихъ сферахъ, [1]) и въ концѣ ея издавая вопль наболѣвшей отъ несчастій, принесенныхъ самодержавіемъ, души. Въ своей статьѣ онъ старается доказать, что слово *самодержавный* и въ исторіи, и въ дѣйствующемъ правѣ означаетъ прежде всего неограниченность, абсолютность власти монарха, и что поэтому, если уничтоженъ абсолютизмъ, уничтожено и самодержавіе. Въ статьѣ цѣлый рядъ выписокъ изъ историческихъ памятниковъ и т. н. «источниковъ» 1-й статьи нашихъ основныхъ законовъ, выписокъ, сдѣланныхъ въ опроверженіе исторической справки, взятой мною изъ статьи Н. И. Лазаревскаго... Позволяю себѣ думать, что все это написано независимо отъ моей статьи и ко мнѣ не относится. Приведя справку изъ статьи Н. И. Лазаревскаго, я не принималъ на себя отвѣтственности за всѣ сообщенія Н. И. Лазаревскаго, которыя опровергаетъ В. М. Гессенъ. Я прямо сказалъ въ статьѣ: «Въ этой справкѣ для насъ важно указаніе на двоякій смыслъ слова самодержавіе въ сводѣ законовъ» — и

---

[1]) Этотъ упрекъ я безусловно отъ себя отклоняю. Въ своей свыше чѣмъ 20-лѣтней научно-литературной дѣятельности я служилъ лишь интересамъ истины. Останусь вѣренъ этому принципу и до конца ея.

только. Затѣмъ я нигдѣ не утверждалъ, что слово самодержавный не означаетъ *неограниченный*. Совершенно напротивъ: и у меня, и у Н. И. Лазаревскаго это ясно и точно говорится. Чтобы опровергнуть мою мысль, нужно было доказать не то, что самодержавіе не означаетъ неограниченности, а то, что оно не имѣетъ и другого смысла — суверенности, *верховенства*, независимости отъ иноземной, внѣшней власти. Этого, какъ мнѣ кажется, В. М. Гессену не удалось доказать.

Указывая мнѣ на то, что я будто бы былъ введенъ въ заблужденіе Н. И. Лазаревскимъ, неправильно передавшимъ мысль Сперанскаго, В. М. Гессенъ приводитъ слѣдующія подлинныя слова Сперанскаго: «Слово *самодержавіе* имѣетъ два разные смысла. *Когда оно прилагается къ государству*, то оно означаетъ независимость государства отъ всякой посторонней власти. Въ семъ смыслѣ всѣ государства независимыя могутъ быть названы государствами самодержавными. *Когда оно прилагается къ особѣ государя*, то оно означаетъ соединеніе всѣхъ стихій державнаго права во всей полнотѣ ихъ безъ всякаго участья и раздѣленья. Почему всѣ государи въ чистыхъ монархіяхъ могли бы именоваться самодержцами». Такъ какъ ст. 1-я основныхъ законовъ говоритъ о государѣ, то на этомъ основаніи В. М. Гессенъ и думаетъ, что и здѣсь слово *самодержавный* означаетъ неограниченность власти, и слово *неограниченный* является простой тавтологіей. Я не придаю никакого значенія этому различію *государства* и *государя* по отношенію къ русскимъ законамъ. Когда говорятъ о Россіи, какъ государствѣ самодержавномъ, то подъ этимъ разумѣютъ, что самодержавны не территорія ея и не народъ,—первые два составныхъ элемента понятія государства,—а государственная власть, или ея носитель—Государь. Представителемъ государства у насъ является монархъ и именно онъ суверененъ по отношенію къ инымъ націямъ и государствамъ [1]). Я продолжаю думать, что Сперанскій не только ввелъ въ 1-ю ст. осн. зак. слово *неограниченный*,—неизвѣстное, какъ совершенно справедливо

---

[1]) В. М. Гессену хорошо извѣстно, что и на Западѣ смѣшеніе понятія суверенитета съ суверенной властью имѣло мѣсто до самаго послѣдняго времени. См. по этому поводу *Еллинека*, „Право современнаго государства", пер. В. М. Гессена и Л. В. Шалланда (Спб. 1903) стр. 304, 309—10 и слѣд.

говоритъ В. М. Гессенъ, нашимъ источникамъ,—рядомъ со словомъ *самодержавный*, чтобы оттѣнить именно этотъ другой смыслъ слова самодержавіе, но что онъ намѣренно исключилъ изъ слѣдующихъ статей свода слово *неограниченный*, говоря лишь о *верховной самодержавной власти*, чтобы не очень подчеркивать элементъ неограниченности. В. М. Гессенъ не будетъ отрицать того, что Сперанскій не былъ поклонникомъ самодержавія въ смыслѣ неограниченности и что онъ написалъ основные законы, какъ я указалъ въ своей второй статьѣ, съ явно конституціонной тенденціей. Цитаты подъ статьей ничего не доказываютъ, такъ какъ онѣ одинаково относятся и къ понятію *самодержавный*, и къ понятію *неограниченный*. Вотъ на чемъ основывается моя увѣренность, къ которой иронически отнесся В. М. Гессенъ,—въ томъ, что оба слова имѣютъ въ ст. 1 основныхъ законовъ разный смыслъ.

В. М. Гессенъ не отрицаетъ, впрочемъ, того, что титулъ *самодержавный* могъ означать суверенность Государя.

«Допустимъ, говоритъ онъ,—что во времена Ивана III и въ ближайшую къ нему эпоху титулъ *самодержавный*, прилагаемый къ великому князю и царю, дѣйствительно, означалъ международную независимость сначала отъ татарскаго, а затѣмъ и отъ польскаго ига». Во всякомъ случаѣ, такое пониманіе самодержавія, *какъ царскаго титула*, могло быть удерживаемо до тѣхъ поръ, пока отношеніе царя къ государству имѣло исключительно или преимущественно *вотчинный* характеръ. Въ до-петровскую эпоху международная независимость государства могла быть разсматриваема, какъ международная независимость царя. Въ императорскій періодъ самодержавіе, какъ международная независимость, могла бы характеризовать Россію, какъ суверенное государство, но ни въ какомъ случаѣ не монарха, какъ верховный органъ государственной власти». Но, какъ я только что указалъ, понятіе *самодержавія государства* въ Россіи неотдѣлимо отъ понятія *самодержавія носителя верховной власти*. Этимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, я поправляю ошибку В. М. Гессена, называющаго монарха «органомъ верховной власти». Но, кромѣ того, развѣ можно и для настоящаго времени отрицать нѣкоторую долю *вотчиннаго* характера нашей императорской власти? И старый титулъ русскихъ царей: «*всея* Великія, Малыя и Бѣлыя *Руси* самодержецъ»

и современный титулъ: «Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій... Царь Казанскій, Астраханскій» и т. д. одинаково указываютъ на вотчинное начало власти. Оба эти титула говорятъ о суверенномъ обладаніи Императора надъ Россіей, какъ извѣстной территоріей, и въ такомъ своемъ значеніи они были *признаны* иностранными державами. Если бы В. М. Гессенъ былъ послѣдователенъ въ своемъ требованіи на основаніи манифеста 17 октября устраненія слова «Самодержецъ» изъ титула русскаго Императора, то онъ долженъ былъ бы требовать и замѣны слова того же титула: «Императоръ Всероссійскій» словами «Императоръ всѣхъ русскихъ» — «aller Reussen»—какъ и переводятъ нѣмцы слово *Всероссійскій* въ титулѣ нашего [1]) Царя и подобно тому, какъ въ 1848 году слова: «Король Франціи и Наварры» были замѣнены словами: «Король Французовъ».

Сказанное до сихъ поръ, однако, не главный мой аргументъ въ пользу неизбѣжности удержанія слова *самодержавный* въ кодификаціи, *совершаемой лишь на основаніи манифеста 17 октября*. Главный аргументъ заключается въ томъ, что ни въ этомъ манифестѣ, ни въ слѣдующихъ за нимъ актахъ, исходившихъ отъ имени царя, — нигдѣ нѣтъ признака отказа отъ этого титула. Не только въ манифестѣ 17 октября, но и въ манифестѣ 3 ноября объ улучшеніи благосостоянія и облегченіи положенія крестьянскаго населенія, Императоръ продолжаетъ писаться самодержцемъ. На этомъ основаніи защитники того мнѣнія, что манифестомъ 17 октября самодержавіе (въ смыслѣ неограниченности) не уничтожено и основываютъ главнымъ образомъ свое заключеніе. На это указаніе отвѣчалъ и я въ своей статьѣ. Это явленіе старается объяснить и авторъ «Внутренняго Обозрѣнія» въ февральской книжкѣ «Вѣстника Европы», согласный въ общемъ съ моими выводами. Онъ пишетъ: «Если Государь въ манифестѣ 17 октября названъ попрежнему *самодержцемъ*, то это объясняется или тѣмъ значеніемъ термина *самодержецъ* (т. е. «независимый отъ какой бы то ни было внѣшней, иноземной власти»), на ко-

---

[1]) Мимоходомъ замѣчу, что теперь нѣмцы переводятъ слово *самодержавный*—Selbst herrscher, понимая подъ этимъ абсолютность власти, раньше же, какъ показываетъ и самъ В. М. Гессенъ, и у насъ слово *самодержецъ* переводили—„ein souveräner Monarch". См. ст. В. М. Гессена—прим. на стр. 627.

торое указываетъ историческое его происхожденіе, — или силою привычки, особенно устойчивой именно въ области титуловъ и формъ (стр. 770). Я не думаю, чтобы «сила привычки» имѣла здѣсь мѣсто. Вопросъ о томъ, ограниченъ или нѣтъ самодержецъ, слишкомъ важный вопросъ, чтобы его затемнять силой привычки. Поэтому для тѣхъ, которые видятъ въ манифестѣ 17 октября дѣйствительное ограниченіе власти Императора, единственнымъ исходомъ является признаніе, что слово *самодержецъ* удерживается въ титулахъ Императора въ смыслѣ указанія на суверенность монарха, какъ представителя государства во внѣ. В. М. Гессенъ никакъ не объясняетъ указаннаго явленія, но молчаніе въ данномъ случаѣ не отвѣтъ. При строго-юридическомъ толкованіи нельзя же вѣдь допустить, что то, что дано въ манифестѣ 17 октября, молчаливо взято назадъ въ немъ самомъ и въ слѣдующихъ актахъ, вышедшихъ отъ имени Императора?

На этомъ бы, въ сущности, я могъ окончить свой отвѣтъ В. М. Гессену, но чтобы не возвращаться въ другой разъ къ спору по мелочамъ, отвѣчу здѣсь же и на нѣкоторыя другія его соображенія по поводу моихъ статей.

На стр. 632 *В. М. Гессенъ* пишетъ: «В. М. Нечаевъ проводитъ аналогію между октроированіемъ манифеста 17 октября и частноправовымъ институтомъ даренія; неотъемлемость манифеста онъ выводитъ изъ частноправнаго принципа: «donner et retenir ne vaut». Мы противъ аналогій между публичными и частноправовыми институтами вообще; такія аналогіи, всегда несодержательныя, скользятъ по поверхности, не проникая вглубь сопоставляемыхъ институтовъ».

По поводу этихъ замѣчаній, я позволю себѣ прежде всего напомнить В. М. Гессену его же собственныя слова, сказанныя имъ въ другомъ мѣстѣ. Тамъ онъ писалъ: «Сближеніе государственнаго права съ гражданскимъ, является фактомъ безусловно желательнымъ. Мы думаемъ, что, именно, крайней разобщенностью этихъ двухъ дисциплинъ объясняется попытка Гумпловича отнять у государственнаго права его юридическій характеръ. Утверждая, что право, регулирующее гражданскія отношенія, качественно, по своей природѣ и внутренней сущности, отлично отъ права, регулирующаго публичныя отношенія, и что, вслѣдствіе этого,

называя гражданское право правомъ, мы должны назвать государственное право какъ угодно, но только не правомъ,—Гумпловичъ, очевидно, забываетъ, что дѣйствительная жизнь знаетъ только одно право, регулирующее соціальныя отношенія вообще, въ ихъ органическомъ, нераздѣльномъ единствѣ; онъ забываетъ, что даже юриспруденція нѣкоторыхъ странъ, какъ, напр., Англіи, не знаетъ и не хочетъ знать традиціоннаго дѣленія права на гражданское и публичное. Мы думаемъ, что только сближеніе двухъ великихъ отраслей правовѣдѣнія дѣлаетъ невозможнымъ подобнаго рода отрицаніе государственнаго права»... [1])

Что же касается затѣмъ безсодержательности моей аналогіи, то я не думаю, чтобы сближеніе отчужденія неограниченнымъ собственникомъ всей полноты своего обладанія надъ вещью другому лицу путемъ даренія,—съ одной стороны, и отказа неограниченнаго монарха отъ абсолютной власти надъ подданными, съ другой стороны—я скажу прямо—отъ власти, почти равной власти надъ рабами (ежедневно совершающіяся въ Россіи событія, возстановляющія во всей силѣ содержаніе стараго царскаго абсолютизма, доказываютъ это съ очевидностью)—было безсодержательно. Здѣсь часто правовая аналогія точнѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

На стр. 631 *В. М. Гессенъ* пишетъ· «Essentiale самодержавія — матеріальная неограниченность волеизъявленія монарха... Формальное ограниченіе власти, наряду съ матеріальной неограниченностью, является логическимъ contradictio in adjecto. Въ самомъ дѣлѣ, какъ быть, если нарушеніе *формы* составляетъ *содержаніе* воли монарха?»

Я не могу съ этимъ согласиться. Съ теоретической юридической точки зрѣнія, съ которой только я и конструировалъ конституцію 17 октября,—въ старомъ порядкѣ мы имѣли не деспотію, а самодержавную монархію, *управляемую на основаніи законовъ, издававшихся въ опредѣленной формѣ*. Государь могъ измѣнять формы изданія законовъ, но и эту волю онъ долженъ былъ выразить въ законной же формѣ. Формы эти очень часто не соблюдались, но никогда не отрицались принципіально; наоборотъ ихъ значеніе постоянно

---

[1]) См. статью В. М. Гессена: „О юридическомъ направленіи въ государственномъ правѣ". Журналъ Министерства Юстиціи за 1897 г. № 3, стр. 133.

подтверждалось (законъ 6 іюня 1905 г.): нарушеніе зависѣло не отъ безсилія формъ, а отъ отсутствія органа, способнаго принудить къ соблюденію формы путемъ непризнанія силы законовъ, изданныхъ безъ формальныхъ гарантій. Правительствующій Сенатъ не оказался въ этомъ отношеніи на высотѣ задачи. Государственная Дума съ законодательной властью и *правомъ контроля* надъ дѣятельностью администраціи является теперь такимъ органомъ, а благодаря этому, какъ я и указалъ въ своей второй статьѣ, и наши формы изданія законовъ получаютъ силу реальныхъ гарантій законности управленія.

Въ заключеніе не могу не выразить удивленія по поводу слѣдующихъ словъ В. М. Гессена: «конституціонный принципъ покоится на слѣдующемъ принципѣ: ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ иначе, какъ съ согласія народнаго представительства. Гдѣ этотъ принципъ установленъ въ законодательномъ порядкѣ, тамъ неограниченной, *или* самодержавной власти монарха нѣтъ и быть не можетъ» (стр. 631). Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что безъ участія народнаго представительства въ законодательствѣ нѣтъ конституціи, но ея нѣтъ и при отсутствіи *подзаконности управленія*. Гдѣ управленіе государствомъ находится въ рукахъ самого Государя, могущаго издавать самостоятельные приказы или указы въ порядкѣ управленія—тамъ мы всетаки, несмотря на ограниченіе законодательной власти его, будемъ имѣть абсолютное управленіе, если законы, изданные съ согласія Думы, будутъ обходиться исполнителями по приказу свыше. Лишь при наличности управленія, подчиняющагося матеріально и *формально правильно* изданному закону и стоящаго подъ контролемъ представительнаго учрежденія, возможна правильная конституціонная жизнь. Для русской конституціи 17 октября эта сторона конституціоннаго порядка выясняется лишь при помощи формальнаго понятія закона и признанія подзаконности указа, установленныхъ основными законами. Конструированная мною на этомъ основаніи конституція, съ допущеніемъ сохраненія въ законахъ понятія самодержавія въ смыслѣ внѣшней независимости монарха, какъ мнѣ кажется, всетаки прочнѣе конституціи В. М. Гессена безъ самодержавія, но съ одной лишь Государственной Думой, безсильной въ области управленія.

В. Нечаевъ.

Идейная борьба и созидательная работа въ революціи.

(Къ истолкованію души конституціонно-демократической партіи).

Россія объята пламенемъ революціоннаго пожара... Формула эта стала азбучной истиною, съ которой согласны теперь всѣ, къ какому бы лагерю кто ни принадлежалъ. Разница остается лишь въ томъ, что нѣкоторые произносятъ ее съ ненавистью и ужасомъ, созерцая кощунственное разрушеніе святыхъ устоевъ вѣковой старины; другіе (сознавая величіе явленія) — съ болью и тревогою передъ грозою, опасною и для залагающихся основъ свободы, которыя могутъ поколебаться среди кровавыхъ излишествъ борьбы за нее; третьи—съ торжествомъ и трагическою радостью при вступленіи на единственный, будто бы, путь къ завоеванію справедливаго строя. Одни офиціальные органы правительства продолжаютъ говорить только о смутѣ, посѣянной злоумышленниками, которая не имѣетъ корней въ народной почвѣ и уже разлетается, какъ дымъ, подъ отрезвляющимъ воздѣйствіемъ твердой власти, подкрѣпленной пушками, висѣлицами и плетьми.

Думается, впрочемъ, что и въ послѣдней безнадежной сферѣ притупленнаго сознанія и замерзшей совѣсти такъ говорятъ только, чтобы похрабриться и не ударить лицомъ въ грязь. Врядъ ли въ самомъ дѣлѣ можетъ серьезно держаться такого взгляда въ интимной глубинѣ своего ума, прославленнаго на весь міръ, глава нынѣшняго нашего „кабинета". Неужели же допустима въ комъ-нибудь искренняя вѣра въ благодѣтельную силу неслыханнаго злодѣйства массовыхъ звѣрствъ надъ невинными людьми, которыя про-

изводятся въ послѣдніе мѣсяцы на пространствѣ чуть ли не всей Россіи? Развѣ возможно полагать, что безумцы, глупцы или преступники, которыхъ поименовали генералъ-губернаторами, успокоятъ страну? Походитъ ли хоть сколько-нибудь страшная и гнусная анархія „децентрализованной помпадуріи“ [1]), въ которую нынѣ погружена наша родина, тотъ режимъ попранія всякаго права, божескаго и человѣческаго, въ которомъ мы живемъ, на миръ и оздоровленіе? Конечно, надежда на успокоеніе, высказываемая въ одной изъ послѣднихъ „энцикликъ“ нашихъ правителей, заключаетъ въ себѣ не добросовѣстное констатированіе благого (съ ихъ точки зрѣнія) результата, достигнутаго хотя бы тяжелыми средствами. Это—только „спасительный обманъ“, либо жалкое и мрачное самоутѣшеніе, либо наконецъ исканіе выхода, какъ бы ретироваться при соблюденіи наружнаго приличія съ опозорившаго ихъ поля сраженія; это, можетъ быть, попытка „captare benevolentiam“ у людей ближайшаго будущаго, среди которыхъ даже очень скромные въ своихъ желаніяхъ отворачиваются отъ нихъ.

Революція прошлыхъ мѣсяцевъ пока только ожесточилась контръ-революціею настоящихъ. Скоро ли и какъ именно народъ, государство и общество разрубятъ или распутаютъ безконечно сложный узелъ своихъ многострадальныхъ судебъ?—На такой вопросъ очень трудно отвѣтить „политику“, сколько бы онъ ни обращался къ „урокамъ исторіи“ [2]) или

---

[1]) Такъ называлъ покойный М. П. Драгомановъ систему русской администраціи еще наканунѣ турецкой войны 1877 г. Какъ превосходно подходитъ этотъ выразительный терминъ къ царствующему нынѣ въ столькихъ городахъ и мѣстностяхъ нашего отечества внѣзаконному и безотвѣтственному свирѣпому самовластію безпардонныхъ генераловъ, у которыхъ нѣтъ ни ума, ни совѣсти, которые неизвѣстно кѣмъ призваны, и отъ которыхъ пока нельзя найти управы и безопасности.

[2]) Тотъ же *Драгомановъ* въ видѣ парадоксальнаго возраженія людямъ, пристрастнымъ къ историческимъ поученіямъ, напоминаетъ въ одномъ мѣстѣ статьи изреченіе „Исторія учитъ тому, что она ничему не учитъ“.—Мнѣ приходитъ на умъ тутъ одно недавнее увлеченіе такимъ „сравнительнымъ методомъ“, основанномъ на мысли о „повторяемости исторіи“, одного моего стараго друга, хорошо исторически образованнаго, превосходнѣйшаго человѣка и отличнаго знатока новѣйшаго времени. Онъ постоянно проводитъ точныя параллели въ назиданіе себѣ и другимъ между великою французскою революціею и современнымъ общественнымъ движеніемъ въ Россіи, въ которомъ самъ дѣятельно и смѣло участвуетъ. И вотъ въ прошломъ году наканунѣ 9-го января онъ находилъ, что мы

къ „дивинаціи грядущаго". Ясно однако, что наступившее нѣкоторое паденіе силы бушевавшаго вѣтра готово вновь смѣниться еще болѣе неистовою бурею, въ ней можетъ потерять послѣднія снасти, окончательно разбиться о скалы уже сильно пострадавшій корабль нашей культуры и общественности, если не соберутся, не медля ни минуты, вмѣстѣ всѣ способные къ дружной работѣ: необходимо быстро исправить аварію, согласнымъ усиліемъ овладѣть натискомъ ревущихъ стихій и твердо вести судно къ желанной гавани.

Viribus unitis! Это — прекрасный, часто раздающійся гласъ. Но въ революціи особенно обостряются именно несогласія, въ силу разлива фанатизма и ослѣпленія страстей. Сшибки между ними плодятъ не сцѣпленіе, а отталкиваніе, развиваютъ не центростремительныя, а центробѣжныя силы. Не только назвавшіе себя принципіальными противниками рѣзко становятся другъ противъ друга, упуская изъ вида наличность общаго врага и существованіе единаго великаго дѣла, на дорогѣ котораго стоитъ этотъ врагъ, сокрушимый лишь согласованными ударами. Даже способность распознавать друзей глушится шумомъ битвы. Среди ея возбуждающихъ впечатлѣній учащенно и громко стучитъ сердце, буйно и болѣзненно приливаетъ кровь къ головѣ. А отъ этого туманится оцѣнка, исчезаетъ глазомѣръ; оттѣнки въ разномысліи рисуются противоположными знаменами; инстинктъ самосохраненія вырабатываетъ въ бойцѣ самоувѣренность и нетерпимость; суживается горизонтъ вниманія, мертвѣетъ сужденіе, тѣсно замыкаются идеи, задѣтое личное чувство представляется нерѣдко оскорбленіемъ принципа, заставляетъ вопить объ измѣнѣ святынѣ...

Если вѣрить въ могущество сознанія, какъ силы, ведущей

дошли уже до момента революціонной диктатуры и созванія comité du salut public. Обстоятельства, очевидно, убѣдили его, что онъ ошибся; но склонность къ буквальнымъ предуказаніямъ, извлекаемымъ изъ исторіи— „учительницы жизни", въ немъ не улеглась. Семнадцатое октября онъ съ убѣжденіемъ называлъ 14-мъ іюля, т. е. взятіемъ Бастиліи. Такъ ему пришлось въ своемъ толкованіи отступать отъ 1793 г. вспять къ 1789-му. Не знаю, разочаровали ли его дальнѣйшія наблюденія въ плодотворности исканія въ прошломъ прямыхъ образцовъ для уразумѣнія настоящаго; но полагаю, что приведенный примѣръ хорошо иллюстрируетъ наивность конкретнаго примѣненія исторической аналогіи къ освѣщенію и оцѣнкѣ безконечно мѣняющейся комбинаціи условій человѣческаго существованія и развитія обществъ.

исторію, необходимо для каждой активной личности, для каждой полезно дѣйствующей группы производить себѣ *examen de conscience* даже въ пылу борьбы: твердая самокритика не разлагаетъ энергіи; она только предохраняетъ отъ слѣпоты, показываетъ правильный путь, даетъ въ руки вѣрное орудіе для достиженія цѣли, научаетъ понимать и другихъ, а не сбиваться съ дороги, итти вмѣстѣ съ тѣми, кто направляется къ той же цѣли,—въ этомъ практическая польза и нравственная обязанность людей, назвавшихъ себя передовыми общественными дѣятелями, избравшихъ себѣ лозунгомъ „благо народа, счастье его, свѣтъ и свободу прежде всего".

Пусть будетъ позволено на нижеслѣдующихъ страницахъ выдвинуть нѣсколько наблюденій и высказать рядъ мыслей, которыя, какъ кажется, могутъ послужить искреннимъ работникамъ мучительно-труднаго подвига обновленія Россіи матеріаломъ для такой „провѣрки совѣсти".

I.

Образованіе и дифференцировка первыхъ партійныхъ соединеній происходитъ въ Россіи при условіяхъ, чрезвычайно тяжелыхъ для нормальнаго хода этого необходимаго процесса въ политическомъ ростѣ освобождающагося общества. Рѣзко революціонный характеръ эпохи ихъ зарожденія устанавливаетъ неодинаковыя условія борьбы отдѣльныхъ изъ нихъ съ правящею бюрократіею, еще поддерживаемою войскомъ. Для однѣхъ эти условія болѣе, для другихъ менѣе благопріятны; такое положеніе само по себѣ увеличиваетъ взаимное треніе и разжигаетъ борьбу между партіями. Нѣкоторыя изъ нихъ возникаютъ вновь подъ благосклоннымъ покровительствомъ власти, переставшей de iure быть самодержавною, но не превратившейся еще de facto въ конституціонную. Есть и такія, которыя выходятъ на солнечный свѣтъ изъ „подполья", гдѣ онѣ просуществовали „конспиративно" неодинаковое число лѣтъ, однѣ съ большими, другія съ меньшими жертвами.

При отсутствіи у насъ до сихъ поръ гарантированныхъ вольностей (уважаемой magna charta libertatum) и дѣйствительной личной неприкосновенности (реальнаго habeas corpus) для различныхъ легализирующихся партій, актъ ихъ рожденія сопровождается неодинаковыми муками. Партіи „край-

нія не столько даже по программѣ, сколько по традиціонному либо вновь поднявшемуся революціонаризму тактической проповѣди, подвергаются особенно дикимъ гоненіямъ правительства даже въ томъ, что въ нихъ прямо не угрожаетъ „порядку". Партіи „умѣренныя" встрѣчаютъ въ искренно и ярко оппозиціонныхъ кругахъ недовѣріе, часто именно благодаря „новизнѣ" своихъ платформъ, въ силу необычайности „парламентаризма" своихъ пріемовъ.

Послѣдній удѣлъ претерпѣваетъ въ настоящій переходный моментъ и конституціонно-демократическая партія.—Настоящей, борющейся группы либераловъ, то-есть, партіи „свободы" въ Россіи до послѣднихъ лѣтъ не было, если не восходить за предѣлы 40-хъ и 50-хъ годовъ XIX-го вѣка, не поднимаясь до декабристовъ, которые запечатлѣли свое наслѣдіе въ умахъ, а не въ опредѣленныхъ организаціяхъ. Легально она и не могла сложиться, пока сохранялась, хотя бы кажущаяся, иллюзорная незыблемость абсолютизма. При немъ возможны лишь такія сочетанія: правительство, безгласное общество и революціонеры. Умѣренные прогрессисты-легалисты, прозябавшіе въ тиши, спѣшили прилаживаться къ правительству, когда оно обнаруживало колебанія въ реакціонной политикѣ. Русскій либерализмъ до недавнихъ поръ дѣйствовалъ лишь черезъ несовмѣстимое со свободою самодержавіе въ короткія эпохи его ослабленія [1]). Это былъ либерализмъ правительственный. Потому онъ обреченъ былъ на глубокіе компромиссы и на недолговѣчность; создать для себя прочную и независимую традицію въ нашемъ общественномъ развитіи ему не удавалось. Потому то истинно передовые элементы общества бросались въ крайности нелегальной, революціонной борьбы, а кличка „либералъ" стала браннымъ словомъ въ устахъ и правыхъ, и лѣвыхъ. Немногія же рѣшительныя умѣренно-прогрессивныя группы тонули въ разрозненныхъ и безрезультатныхъ попыткахъ земской оппозиціи или безнадежно рвались къ свободѣ слова въ закованной цензурою прессѣ, въ опутанной регламентаціею и шпіонствомъ школѣ.

Послѣ неудачныхъ опытовъ въ царствованіе Александра III,

---

[1]) Такъ было особенно ярко и продолжительно въ 60-хъ годахъ въ связи съ паденіемъ крѣпостного права и гораздо слабѣе въ 80-мъ и 81-мъ во времена „лорисмеликовщины".

только въ первые годы XX-го вѣка русскій либерализмъ вылился подъ именемъ „союза освобожденія“ въ формы тайнаго сообщества борьбы за политическую свободу и народное право противъ бюрократическаго абсолютизма. Онъ оставался чуждымъ и здѣсь специфически-революціонной доктринѣ и замышлялъ орудовать лишь мирными средствами; но безправіе и произволъ, царившіе въ самодержавной Россіи, принуждали всякихъ искреннихъ работниковъ за освобожденіе народа укрываться подъ маскою конспираціи. Такъ поступили и „освобожденцы“ въ эпоху самовластія Плеве, чтобы сберечь до поры до времени собиравшіяся силы отъ полицейскихъ преслѣдованій и жандармскаго разгрома. Освободительное движеніе, окрѣпшее и раскрывшееся во время японской войны, поскольку оно совершалось среди образованныхъ классовъ общества, въ значительной степени исходило отъ иниціативы кружковъ „союза освобожденія“ [1]). Они, соединившись съ группами конституціоналистовъ, дѣйствовавшихъ на полулегальныхъ земскихъ съѣздахъ, и составили, когда вышли на открытый воздухъ изъ разбитой тюрьмы,—ядро конституціонно-демократической партіи.

Такъ, русскій противоправительственный либерализмъ, просуществовавъ три года въ видѣ тайнаго общества — „союза освобожденія“, съ ноября 1905 года воплотился въ открытую оппозиціонную партію „народной свободы“. — Позиція создавалась новая, совсѣмъ необычная для понятій и привычекъ нашей нелегальной ортодоксіи; — и въ этомъ открывалась первая причина трудности положенія. Выступать почти безъ преданій, или, по крайней мѣрѣ, при отсутствіи твердой непосредственной политической подпочвы въ средѣ, гдѣ, въ силу вещей, много значитъ шаблонъ — куда какъ невыгодно! Будутъ сейчасъ спрашивать: какъ тебя зовутъ? Между тѣмъ сущность организованнаго новѣйшаго русскаго либерализма мало похожа на природу его буржуазнаго одноименника въ государствахъ европейскаго запада. Онъ поднялъ знамя опредѣленнаго демократизма, политическаго и экономическаго, вполнѣ допускающаго въ свою идеологію предпосылки эволюціоннаго соціализма, какъ пер-

[1]) Въ этомъ смыслѣ кратковременная исторія „союза освобожденія“ (1903—1905) и вліяніе его органа, издававшагося сначала въ Штутгартѣ, потомъ въ Парижѣ подъ редакціею П. Б. Струве, является предметомъ, заслуживающимъ серьезнаго вниманія и обстоятельной оцѣнки.

спективы для разработки плановъ дальнѣйшаго будущаго. Но онъ отказывается отъ введенія въ программу республиканской идеи, какъ таковой; онъ отрицаетъ также понятнымъ образомъ вооруженное возстаніе и вообще „революціонную практику", какъ пріемлемыя тактическія орудія борьбы.

Подобное открытое отдѣленіе отъ крайнихъ, которые въ прошломъ у насъ одни прямо боролись съ правительствомъ, думается, прежде всего, инстинктивно и заставляетъ смѣшивать либерализмъ русской к.-д. партіи съ сущностью западныхъ группировокъ того же родового наименованія.

Старое слово „либералъ", соединившееся съ представленіемъ о новомъ политическомъ явленіи, не потеряло своего прежняго „подозрительнаго" смысла, какой установился въ русскомъ революціонномъ жаргонѣ примѣнительно къ обозначенію правительственныхъ либераловъ „до освободительнаго" времени. Напротивъ, оно въ традиціонномъ пониманіи стало прилипать и къ конституціоналистамъ-демократамъ, искажая ихъ физіономію; оно же нашло отзвукъ въ образовавшемся пренебрежительномъ прозвищѣ „кадетъ", которое добродушно принимаютъ сами заподозрѣваемые, называя такъ другъ друга и между собою въ простотѣ обыденной рѣчи.

* * *

Нужно сознаться, что вообще ясно различать и точно классифицировать явленіе гораздо труднѣе, чѣмъ просто смѣшивать новое со старымъ и огуломъ валить многое въ одну кучу. Мыслить по трафаретамъ куда легче, чѣмъ создавать самостоятельныя сужденія. Эта истина ясно сказалась въ первыхъ судьбахъ к.-д. партіи и въ отношеніи къ ней различныхъ другихъ группъ.

Неудивительно, что наши „крайніе лѣвые" — соціалъ-демократы и соціалисты революціонеры — отрицаютъ возможность союза съ к.-д. и осыпаютъ бранью ея дѣятелей. Съ точки зрѣнія разумной политической цѣлесообразности это, конечно, близорукость; но психологически — оно понятно: имъ трудно отрѣшиться отъ умственныхъ предразсудковъ и эмоціональныхъ рефлексовъ, накопившихся за героическую эпоху ихъ прошлаго. Съ другой стороны, къ сожалѣнію, инсинуаціи даже противъ идейныхъ противниковъ являются

(можетъ быть, мимовольно?) постояннымъ средствомъ полемики въ ихъ печати уже издавна. Легко уразумѣть причину недовѣрія и опасенія къ к. д. и со стороны правительства: всякая независимая мысль и работа вызываетъ въ немъ страхъ и ненависть. Этимъ легко объясняется, что агенты власти стараются хватать, когда можно, „кадетовъ" за горло и въ столицахъ, а въ провинціи прямо душить ихъ.

Но вотъ, что странно! Настоящее политическое „разслоеніе" (такъ теперь выражаются!) различныхъ элементовъ на партіи не захватило, какъ извѣстно, всего состава общества. Остаются значительныя группы „безпартійныхъ". Есть таковыя и среди „правыхъ", но о нихъ говорить не стоитъ, ибо причина ихъ оффиціальной неокрашенности ясна: это—равнодушные, боязливые или покорные начальству, когда оно не велитъ заниматься политикой. Но безпартійно-лѣвые — это явленіе печальное, нездоровое и врядъ ли допускающее уважительное оправданіе.

Что многіе опредѣленные и искренніе прогрессисты не могутъ примкнуть къ нашимъ крайнимъ лѣвымъ партіямъ дѣйствія—это опять нетрудно объяснить: ихъ отталкиваетъ неподвижность сектантски-догматичной идеологіи послѣднихъ, а, главное, безумная прямолинейность ихъ тактики. Но почему у безпартійныхъ лѣвыхъ установилось подобіе моды бранить и изобличать, заподозрѣвать и перетолковывать конституціоналистовъ-демократовъ?—Почему стало у нихъ какъ бы признакомъ „бонтонности" разыскивать пороки и промахи у тѣхъ, кто недавно были ихъ товарищами въ годы „подпольнаго" существованія „союза освобожденія"? Это горестно, это несправедливо и неразумно! Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ никто изъ безпартійныхъ критиковъ не далъ глубокой и сильной принципіальной мотивировки, которая удовлетворительно оправдывала бы такое воздержаніе и порицаніе.

Теперь передъ нами лежитъ уже немало произведеній безпартійной критики к. д. партіи, извлеченныхъ изъ текущей періодической прессы. Содержаніе ихъ оживляется и и освѣщается бесѣдами, которыя постоянно случается вести съ этими не то друзьями, не то противниками. Несмотря на „безпартійность", въ ихъ отзывахъ и толкованіяхъ мало „безпристрастія". Опорною почвою для сужденій здѣсь служитъ чаще всего не логика, а психологія, не политика, а

этика; притомъ первая (психологія) трактуется односторонне и какъ критерій, и какъ оцѣнка; вторая же (этика) часто сохраняетъ характеръ формальнаго пуританства, мертвящаго жизненное дѣло, окрашеннаго даже узко индивидуалистическимъ побужденіемъ спасенія личной святости.

Самыми интересными образцами критики конституціоналистовъ-демократовъ ихъ вчерашними единомышленниками представляются три литературные опыта—*В. В. Водовозова* [1]), *Е. Н. Кусковой* [2]) и *Н. А. Бердяева* [3]).—Больше всего политическихъ доводовъ какъ будто находимъ въ этюдѣ перваго; но и здѣсь проскальзываютъ тѣ же неудачные этико-психологическіе ходы, сбивающіеся фатально на очерненіе („опозореніе") тѣхъ, противъ кого споритъ авторъ. Самъ безупречно чистый и безукоризненно прямой писатель, добросовѣстно стремящійся къ объективности, онъ однако помимо воли вовлекается въ несправедливые выводы, благодаря отмѣченной ошибочности метода и исходной точки зрѣнія.—О работѣ В. В. Водовозова говорить тутъ, впрочемъ, по существу не приходится, ибо аргументація его прекрасно опровергнута *А. А. Кауфманомъ* и *А. А. Корниловымъ* [4]).—Къ замѣткѣ Е. Н. Кусковой надобно будетъ обратиться ниже. Теперь же сосредоточимся на любопытной характеристикѣ, данной к. д. партіи Н. А. Бердяевымъ [5]). По содержанію и по тону рѣчь его привлекательно отличается отъ всего, что писано до сихъ поръ по вопросу несогласными; анализъ мысли уважаемаго автора можетъ привести къ результатамъ, небезполезнымъ для уясненія психологіи самой к. д. партіи

---

[1]) „Народное Хозяйство" („Наша Жизнь"), № 24, 26 и 29.

[2]) „Безъ заглавія", № 3.

[3]) „Наша Жизнь", 5 февраля 1906 г.

[4]) См. въ той же газетѣ „Наша Жизнь", 1906 г. № 355 и 359.

[5]) Можно отмѣтить еще двѣ статьи, въ которыхъ рѣчь идетъ о конституціонно-демократической партіи. Онѣ обѣ помѣщены въ первомъ номерѣ органа петербургскихъ безпартійныхъ лѣвыхъ, еженедѣльникѣ—*„Безъ заглавія"*.—Въ одной *гр. П. М. Толстой* пытается спокойно оцѣнить ея мѣсто въ ряду другихъ „современныхъ группировокъ", но не можетъ удержаться отъ того, чтобы не подчеркнуть будто бы антинародныхъ и антиреволюціонныхъ ея особенностей. Въ другой *Г. А. Ландау* въ формѣ мягко иронизирующихъ словесныхъ арабесокъ набрасываетъ тѣнь на „тактику" к. д. партіи. Критическое чтеніе и этихъ статей укрѣпляетъ самочувствіе члена партіи легкостью опроверженія ихъ главныхъ противодоводовъ.

и для опредѣленія политической задачи момента вообще [1]).

Пишущій эти строки не можетъ и не хочетъ считать себя политикомъ по призванію или по профессіи; но онъ всю жизнь работаетъ надъ наукою, близкою къ вопросамъ о государствѣ и обществѣ; онъ долго преподаетъ его молодежи обоего пола и разнаго возраста и думаетъ, что теоретическій опытъ размышленія надъ исторіей, а также опытъ практическій ея изложенія и наблюденія надъ тѣмъ, какъ она понимается и какъ дѣйствуетъ на человѣческую душу, даетъ ему право сказать свое слово по вопросу о партійной психологіи и о политической потребности настоящаго дня.

II.

Эскизъ *Н. А. Бердяева*, своеобразно (только вѣрно ли?) озаглавленный — „Русская Жиронда", говорю, совсѣмъ не похожъ на большинство появлявшихся до сихъ поръ попытокъ „судить и рядить" о к. д. партіи. Господствующую ноту въ нихъ давали чувства и отношенія, пассивно или активно враждебно настроенныя къ предмету разбора. Мы находимъ во всѣхъ такихъ произведеніяхъ нерѣдко благородное негодованіе, то дѣланное, то искреннее, но достойное худшаго объекта; иногда въ нихъ слышится только холодно скептическое сомнѣніе, порою также напускное; чаще же всего уста критика слагаются въ снисходительную улыбку или голова его дѣлаетъ проницательно-недовѣрчивый ки-

---

[1]) Къ числу возбудившихъ вниманіе нападеній на к. д. партію, принадлежатъ, безъ всякаго сомнѣнія, и недавнія письма кн. *Е. Н. Трубецкого* въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (см. 1906 г. № 19 и 21—„Союзъ 17 октября и к. д. партія" и № 28 —„К. д. партія и Государственная Дума"). Но на нихъ дали подробный отвѣтъ вожди партіи—*П. Н. Милюковъ* (см. „Кто виноватъ". въ „Русск. Вѣд." 1906, № 24), *И. И. Петрункевичъ и П. Б. Струве*. Такъ какъ статьи двухъ послѣднихъ были помѣщены въ 9-й кн. „Полярной Звѣзды", то нѣтъ надобности возвращаться къ взглядамъ кн. Е. Н. Трубецкого на страницахъ того же изданія. Нельзя только не выразить еще разъ искренней печали, что лидерамъ партіи пришлось выступить противъ того, кто недавно еще былъ однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ и авторитетныхъ ея членовъ.— Ср. еще написанную въ возраженіе князю Трубецкому замѣтку *В. Е. Якушкина* („Русск. Вѣд." 1906, № 21). Думается, что читатели „Пол. Звѣзды" не сочтутъ обремененіемъ ихъ вниманія сдѣланныя тутъ библіографическія ссылки на важнѣйшую литературу о к. д. партіи.

вокъ. Но здѣсь раздался серьезно-сочувствующій голосъ человѣка, алчущаго и жаждущаго той же великой правды, которую ищутъ идеалисты к.-д. партіи. Мы чуемъ въ немъ друга,—если и не можемъ еще (только почему же?) назвать его собратомъ,—который болѣетъ нашими недостатками и какъ бы рвется ихъ излѣчить. Нельзя не ощущать въ авторѣ страстнаго импульса слиться и съ нами въ коллективномъ трудѣ, чтобы вдохновенно разрѣшить великую общественную задачу, возлагаемую нынѣ исторіей на всякаго честнаго гражданина русской земли; въ немъ не проявляется упрямаго стремленія педантически отстоять, во что бы то ни стало, свое съ нами разногласіе, защитить незыблемость собственнаго „партійнаго" или „безпартійнаго" индивидуализма. Онъ самъ какъ будто, радъ будетъ, если окажется не правъ.

Авторъ даетъ въ своей статьѣ оригинальный набросокъ характеристики идейной фигуры того, кто имъ названъ „самымъ выдающимся человѣкомъ въ к.-д. партіи" и даже безотносительно „единственнымъ, быть можетъ, въ Россіи творческимъ политическимъ умомъ". На страницахъ органа, редактируемаго П. Б. Струве, было бы недопустимо распространяться о выдающихся качествахъ, которыя въ немъ указываетъ г. Бердяевъ; но ближайшіе его друзья и сотрудники имѣютъ право послать привѣтъ разномыслящему за отданіе чести писателю и дѣятелю, испытанному на трудномъ посту и тѣмъ не менѣе встрѣтившему при новомъ выступленіи на родинѣ не только клевету враговъ, но и необъяснимые протесты недавнихъ единомышленниковъ. А затѣмъ во всякомъ случаѣ важно разобраться въ начертанномъ г. Бердяевымъ силуэтѣ партіи.

Задачу авторъ себѣ ставилъ общественно-психологическую: это ясно изъ заглавія этюда, оно же вскрываетъ тотъ образъ, который авторъ беретъ, какъ сравнительный критерій при своемъ построеніи. Члены „Жиронды" [1]) — это были, въ душѣ, абстрактные раціоналисты, старавшіеся строить жизнь по апріорнымъ принципамъ, убѣжденные идеологи синтеза идей свободы и равенства, индивидуализма

---

[1]) Психическій типъ знаменитой политической группы установленъ давно Ламартиномъ въ краскахъ, идеализованно-отвлеченныхъ на подкладкѣ сентиментальнаго романтизма. Дальнѣйшая исторіографія по французской революціи поколебала, впрочемъ, реальную достовѣрность ставшаго традиціоннымъ представленія.

и народовластія. Это—поборники идейно-революціоннаго прогресса въ сторону радикальныхъ идеаловъ и парламентской борьбы за нихъ, гнушавшіеся крови и по теоріи, и по темпераменту. Въ жизни же жирондисты являлись превосходными ораторами и блестящими писателями, искусными подготовителями руководящихъ докладовъ и прожектерами конституцій; но, какъ дѣятели, они, хоть иногда и проявляли склонность къ демагогіи, лишены были политическаго чутья, оказывались доктринерами, воля которыхъ разбивалась о трудности сложной дѣйствительности; они — умные, гордые, благородные люди въ мысли и словѣ, но теряющіеся передъ общественною бурею, быстро упускающіе почву, вовлекаемые въ компромиссы подъ давленіемъ сильныхъ, жертвующіе головою скорѣе изъ сознанія безвыходности, чѣмъ по героизму.

Невыгодность исторической параллели, какъ средства раскрытія понятій, обнаруживается тотчасъ же изъ сдѣланнаго сопоставленія. Общее несходство двухъ сравниваемыхъ явленій бросается въ глаза рядомъ съ частными совпаденіями въ обоихъ. Жирондисты (по крайней мѣрѣ, лучше всего извѣстные ихъ главари) восприняли идеи особой школы общественной философіи, медленно вырабатывавшейся кабинетнымъ и журнальнымъ путемъ, при посредствѣ еще салонной (впослѣдствіи и клубной) пропаганды. Развитіе это происходило въ до-революціонный періодъ французской исторіи подъ духовною эгидою идей общепризнаннаго учителя—Руссо. Группы общества, изъ которыхъ рекрутировались ихъ руководители, были въ значительной степени однородныя—ученые, преподаватели, литераторы и адвокаты и еще образованные представители крупной буржуазіи. Совершившійся переворотъ (крушеніе монархіи) сдѣлалъ изъ жирондистовъ политиковъ, и въ практическую работу они вносили вполнѣ кристаллизованный кодексъ доктринъ.

Возникновеніе же к. д. партіи вызвано было довольно быстро развернувшимся освободительнымъ движеніемъ; въ составъ ея жизнь втянула элементы многохарактерные, съ неодинаковымъ прошлымъ, различнымъ духовнымъ содержаніемъ, вкусами, склонностями, темпераментомъ, соціальными навыками и традиціями. Главными группами, изъ которыхъ сложилась основа партіи, могутъ быть названы слѣдующія: прогрессивные земцы, практики борьбы за мѣстное самоуправленіе, изъ крупнаго и средняго землевладѣльческаго

класса, съ присоединеніемъ сравнительно немногихъ либеральныхъ думцевъ; интеллигенція столичныхъ и большихъ провинціальныхъ городовъ, пополняющаяся изъ публицистовъ, работающихъ въ радикальныхъ журналахъ, профессоровъ передового направленія и вообще идеалистически настроенныхъ педагоговъ; затѣмъ—люди свободныхъ профессій—адвокаты, врачи, инженеры и техники. Послѣднія категоріи являются какъ бы „философами" или „риторами" исторически сложившихся у насъ оппозиціонныхъ или революціонныхъ системъ: или же это—трудовые профессіоналы, въ которыхъ невыносимымъ давленіемъ бездушной реакціи конца вѣка были разогрѣты воспоминанія юношескаго радикализма.

Таковы главныя соціальныя стихіи, изъ соединенія которыхъ образовалось первоначально тѣло партіи [1]). Онѣ вошли въ нее, какъ отдѣльные ингредіенты съ диспаратною психологіею. Но одинаково остро ощущаемая всѣми потребность освобожденія отъ гнета Polizeistaat'а и пониманіе необходимости для этого итти навстрѣчу народнымъ массамъ, опереться на нихъ, выступая защитниками ихъ нуждъ, мало по малу объединили ихъ общею оболочкою. Изъ этихъ корней выростала въ глубинѣ каждой сила, которая и была призвана организовать всѣхъ коллективной душою: то была идея и жажда народной свободы (демократической конституціи) или, по крайней мѣрѣ, императивно дѣйствовавшее на волю сознаніе ея необходимости.

Этотъ процессъ партійнаго одухотворенія далеко еще не закончился къ настоящему моменту; но январскій съѣздъ партіи (что бы о немъ ни говорили!) обнаружилъ внушительный прогрессъ его, и самъ способствовалъ дальнѣйшимъ внутреннимъ успѣхамъ сплоченія всего многочленнаго цѣлаго. „Психологія съѣзда есть, въ большей или меньшей степени, психологія партіи; и можно сказать, что вся партія въ лицѣ делегатовъ II съѣзда „нашла самое себя", почувствовала въ себѣ наличность коллективной мысли и кол-

---

[1]) См. по вопросу о составѣ к. д. партіи письмо П. Б. Струве въ „Русск. Вѣдомостяхъ" (1906, № 18). Тамъ же—рядъ интересныхъ мыслей о затронутой здѣсь темѣ, то есть, объ ея психологіи.

лективной воли и съ этого момента „самопознанія“ начала жить своей особенной жизнью, стала сама собой“ [1]).

Однако и теперь условіемъ, замедляющимъ довершеніе разсматриваемаго процесса, является продолжающееся движеніе соковъ въ партію и изъ нея, ростъ ея вширь и собственное стремленіе внизъ. Къ партіи примыкаютъ новые члены извнѣ, слѣва и справа. Присоединяющіяся группы опять увеличиваютъ психическую разномастность, и требуются удвоенныя усилія для ассимиляціи периферій центру и для противостоянія внутренней оси раскачивающимъ наружнымъ воздѣйствіямъ. Наконецъ, какъ сказано, партія сама тяготѣетъ къ народу, и только прочное осуществленіе связи съ массою приведетъ ее къ заключительной фазѣ развитія ея духовнаго склада. Между тѣмъ эта послѣдняя эволюція психики конст демократовъ идетъ медленно и съ трудомъ. Руководителямъ и активнымъ дѣятелямъ ея въ самомъ дѣлѣ надобно держать сознаніе готовымъ къ перерожденію черезъ воспріятіе въ себя и усвоеніе свѣжаго матеріала отъ предстоящаго соприкосновенія съ народною душой. Въ видахъ достиженія послѣдняго приходится интенсивно искать новыхъ доступовъ къ трудящимся классамъ, ибо естественно образовавшіеся раньше (въ эпоху „союза освобожденія“) проводники для сближенія съ массою оказались перерѣзанными въ перипетіяхъ движенія; именно, группы такъ называемаго „третьяго элемента“, которыхъ насчитывалось не мало среди „освобожденцевъ“, подъ конецъ примкнули въ большинствѣ къ крайнимъ лѣвымъ, получившимъ полулегальное существованіе. Тѣмъ самымъ отъ к. д. партіи отрывались многія живыя нити, устанавливавшія общеніе ея, по крайней мѣрѣ съ деревней. Все это вызываетъ напряженіе, производитъ колебанія и пертурбаціи; все это задерживаетъ темпъ внѣшняго роста и внутренняго созрѣванія партійнаго организма; но за то все это и выноситъ ее на широкую арену, открываетъ для нея питаніе могучими соками народной жизни.

Живописуя природу конст.-демократовъ, нельзя отбрасывать такихъ наблюденій; неправильно рисовать ее „en

---

[1]) Это—выразительныя слова П. Н. Милюкова изъ его съ большою силою и глубокою вѣрою написаннаго отчета о янв. съѣздѣ к. д. партіи („Право“, 1906, № 3).

bloc" единою кистью, пропитанною краскою одного цвѣта. Слѣдуетъ всегда отдавать себѣ отчетъ въ множественности и разнообразіи и въ недостаточной еще органической спаенности составляющихъ ее элементовъ. Полезно помнить, что нельзя высказывать конечнаго приговора о строѣ и складѣ сложнаго коллективнаго существа, только вышедшаго изъ періода эмбріогеніи; неосторожно теперь же предрекать ожидающую его судьбу.

Н. А. Бердяевъ поторопился. Впрочемъ, не слѣдуетъ придираться. Надобно пристальнѣе вглядѣться въ его слова. Въ характеристикѣ его переплетается опредѣленный индивидуальный образъ Струве съ неизбѣжно расплывающеюся коллективною физіономіею различныхъ группъ въ средѣ его однопартійцевъ. Мы уже видѣли, что авторъ признаетъ его лучшимъ человѣкомъ к. д. партіи. Сопоставляя съ такою оцѣнкою только что указанное смѣшеніе, можно думать, что онъ принимаетъ во вниманіе преимущественно идеологовъ партіи, такъ сказать, изображаетъ ея интеллигентную вершину. Имѣя въ виду такое ограниченіе, пересмотримъ его сужденія и пророчества.

Остановимся прежде всего на слѣдующемъ. Если бы русская революція, направленная къ низложенію самодержавной монархіи, рано вышла на парламентскій путь, хочетъ какъ будто сказать г. Бердяевъ (оперируя съ жирондистами, какъ бы со скальпелемъ, лупою или просто мѣркою, въ рукахъ),—то к. д. оказались бы вершителями судебъ родины; они водворили бы въ ней истинную свободу рекомендуемыми ими, т. е. мирными средствами идейной борьбы и положительной работы. Но революція пошла не по ихъ начертанію, а перешагнула роковой предѣлъ, за которымъ планъ, вдохновляющій конст. демократовъ, будто бы уже не имѣетъ силы. Значитъ русская революція въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи смететъ к. д., какъ французская смела жирондистовъ; значитъ въ ней, какъ и во французской, теперь послѣдуютъ „якобинскій терроръ и военная диктатура, насилія революціонныя и реакціонныя". — Таковъ слишкомъ прямой выводъ, который напрашивается изъ черезчуръ простой параллели.

Напрасно думать, что тѣ же циклы фразъ должны непремѣнно повторяться въ однородныхъ явленіяхъ различныхъ эпохъ. Наоборотъ, такъ никогда не происходитъ въ конкрет-

номъ движеніи исторіи человѣчества. Достаточно бываетъ и незначительной перегруппировки (или измѣненія пропорціи) въ сочетаніи элементовъ соціальной жизни для того, чтобы общій ходъ процесса и чередованіе его моментовъ приняло индивидуальное направленіе, чтобы получился своеобразный историческій рядъ. „Логика безумія“ шествуетъ (вѣрнѣе, несется) по безконечно разнообразнымъ путямъ, и линію развитія отдѣльныхъ революцій пришлось бы изображать самыми причудливыми въ перваго взгляда кривыми. Если черпать средства предвидѣнія грядущаго изъ сравненія такихъ символовъ пройденныхъ эволюцій, то необходимо въ различныхъ сложныхъ чертежахъ, ихъ воплощающихъ, прослѣживать не сходство изгибовъ, а дѣйствіе на образованіе послѣднихъ тѣхъ или иныхъ силъ, работавшихъ въ данномъ обществѣ. Опредѣлять вліяніе „факторовъ“ на событія и явленія — вотъ, что значитъ учиться у науки о прошломъ пониманію настоящаго. Если такимъ искусствомъ обладаетъ политикъ, умѣющій улавливать своеобразіе единичныхъ соціальныхъ комбинацій, среди которыхъ онъ живетъ и дѣйствуетъ, — то опять исторія можетъ послужить ему средствомъ для приблизительнаго прогноза наступающаго будущаго. Это—одно.

Съ другой же стороны, необходимо выдвинуть, что „сознательный разумъ“ занимаетъ въ общественныхъ движеніяхъ не всегда одинаковое и именно безсильное противъ напора сильныхъ страстей положеніе. Если правъ тотъ, кто говоритъ, что „умныхъ“ революцій не бывало [1]), то было бы невѣрно заключать изъ этого, что вся природа ихъ „ирраціональна“. Можно, наоборотъ, утверждать, что сила разума, какъ двигателя соціально-политическихъ переворотовъ, широко мѣняется въ зависимости отъ мѣста, времени и условій. Во французской революціи послѣ жестокихъ потрясеній отъ игры фанатическихъ страстей восторжествовали интересы, побѣждены были идеи, и движеніе повернуло вспять. Но трудно изъ этого выводить, что русская революція не будетъ введена въ парламентское русло именно дружною, планомѣрною и цѣлесообразною работою сознательныхъ группъ. Возможно, что, если не идеалъ поборетъ инстинктъ,

[1]) Въ противномъ случаѣ не происходило бы революцій: люди бы понимали, что „умно“ предупреждать кровопролитіе соглашеніемъ.

то ясный расчетъ остановитъ, наконецъ, грубое упорство сверху и ожесточенное разрушеніе снизу. Переработка стихіи разумомъ—на этомъ одномъ зиждется прогрессъ.

Обратимъ вниманіе на одну особенность современной комбинаціи отношеній. Анархизированіе общества, которое производилось у насъ въ истекшіе мѣсяцы взаимною работою „безумной стихіи" и „стихіи безумія", въ XX-мъ вѣкѣ не можетъ зайти такъ далеко, какъ въ концѣ XVIII-го. Теперь многочисленные элементы глубоко дифференцировавшагося общества объединяются въ такіе громадные комплексы, и между отдѣльными частями настолько раздѣляются единичныя жизненныя функціи, что самое существованіе малыхъ органовъ становится немыслимо, даже на короткое время, при разложеніи большого организма. Возможность самодовлѣнія (самоподдержанія) элементовъ при парализаціи цѣлаго подорвана въ огромной степени внутреннимъ развитіемъ хозяйственной, соціальной и духовной культуры за указанный промежутокъ. Призракъ смерти остановитъ самоистребленіе. Это неизбѣжно ощутитъ революція; это должна будетъ (хоть и противъ воли, на гибель себѣ) признать и реакція: государство такъ же нынѣ гораздо больше зависитъ отъ общества, чѣмъ нѣкогда. Тутъ то и выступитъ необходимая роль той идейно-творческой силы, носительницей которой стремится стать к. д. партія;—и она выступитъ очень скоро, теперь же, раньше чѣмъ крайности анархіи приведутъ къ возрожденію абсолютизма... Не мракъ хаоса, а свѣтъ разумнаго строительства рисуется впереди, и факелъ его находится въ рукахъ идеологовъ мирнаго культурнаго прогресса и парламентской свободы.

* * *

Итакъ, неправильно орудовать для оцѣнки к.-д. партіи сравненіемъ ея съ жирондистами. Условія образованія, характеръ состава и дальнѣйшія тенденціи первой—иныя, чѣмъ тѣ, которыя господствовали (насколько извѣстно) во второй, и типы психологіи ихъ различны. Неодинаковы также формы жизненной среды, въ которыхъ выпало на долю дѣйствовать обѣимъ. Стало быть, отъ судебъ жирондистовъ нельзя заключать къ будущему к. демократовъ. Такое сопоставленіе темнитъ, а не освѣщаетъ. Остается еще провѣрить частичнымъ анализомъ рядъ реальныхъ чертъ, которыми Н. А.

Бердяевъ (отчасти и другіе) надѣлилъ к. д. партію, и разобрать, какъ онъ опредѣляетъ ея вѣроятное взаимодѣйствіе съ дѣйствительностью. Врядъ ли удастся и здѣсь согласиться съ конечнымъ выводомъ упажаемаго автора; но по всей справедливости надо будетъ воздать ему искреннею благодарностью за горячее, талантливое слово его сочувственной критики: оно служитъ нашему самосознанію; оно не угнететъ, а подниметъ нашъ духъ.

Ив. Гревсъ.

Къ вопросу о декларацiи правъ.

Въ № 4 „Полярной Звѣзды“ помѣщена чрезвычайно интересная статья С. Л. Франка „Проектъ декларацiи правъ“. Въ ней поднятъ весьма важный вопросъ, которому, къ сожалѣнiю, вслѣдствiе господства нынѣ какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ ультра-позитивнаго направленiя, не было удѣлено достаточно вниманiя.

Многимъ декларацiя правъ дѣйствительно кажется „какой то ненужной и безсмысленной рисовкой, дѣтской затѣей“ и если нельзя не пожалѣть о томъ, что господа „практики“ со свойственной имъ односторонностью проглядѣли крупное моральное и педагогическое значенiе этой торжественной соцiальной прокламацiи, то, съ другой стороны, нельзя не признать, что въ значительной степени въ этомъ виновны сторонники идеалистическаго мiросозерцанiя. Они дискредитировали теорiю естественнаго права и оттолкнули отъ нея положительныхъ политиковъ своей несомнѣнной отвлеченностью и доктринерскимъ пренебреженiемъ къ жизненнымъ *и элементарнымъ правамъ дѣйствительности*. Въ заботахъ о теоретическихъ, *воображаемыхъ* людяхъ были упущены интересы живыхъ, настоящихъ людей. Таковъ ужъ обычный недостатокъ крайнихъ увлеченiй какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни: исходя изъ благородныхъ принциповъ и высокихъ стремленiй ко благу человѣчества, они быстро порываютъ связь съ дѣйствительностью и теряютъ подъ собою почву. Зерно истины обволакивается густымъ слоемъ произвольныхъ предположенiй и то, что въ началѣ было спасительнымъ для людей, становится вскорѣ имъ прямо враждебнымъ.

Въ области соцiальныхъ наукъ примѣровъ такихъ безпочвенныхъ гипотезъ и гибельныхъ по своимъ практическимъ выводамъ построенiй сколько угодно. Такова знаменитая теорiя о договорномъ происхожденiи государства, выхваченная изъ воздуха,

опровергаемая эволюціоннымъ и органическимъ ходомъ развитія всѣхъ общественныхъ институтовъ и главнѣйшаго изъ нихъ—государства,—теорія Гоббса и Руссо, сторонникомъ которой, не говоря уже о многихъ другихъ мыслителяхъ, былъ осторожный Спиноза и даже великій Кантъ, теорія, на основаніи которой Верховной Власти вручается неограниченное право безконтрольнаго распоряженія всѣми матеріальными и духовными благами подданныхъ (ибо въ такомъ государствѣ нѣтъ гражданъ, конечно), теорія полнѣйшаго уничтоженія личности во имя... ея же интересовъ. И, разумѣется, бѣдному рабу-гражданину совершенно безразлично, въ жертву какому идолу приносятся его права: идолу ли неограниченной монархіи, какъ того хотѣлъ Гоббсъ, или же идолу деспотической республики, какъ того требовали его противники и теперь требуютъ нѣкоторые близорукіе друзья человѣчества.

Помимо своей произвольности эта теорія безсрочной кабалы была основана на томъ безумномъ предположеніи, что люди могутъ въ какомъ-либо договорѣ отказаться отъ своихъ элементарнѣйшихъ правъ. Творцы ея не поняли, что такой договоръ, если бы онъ даже когда либо былъ заключенъ, былъ бы по природѣ своей глубоко безнравственнымъ, а потому и юридически абсурднымъ; онъ имѣлъ бы столько же силы и смысла, сколько договоръ объ отказѣ заключившаго его на право мыслить, дышать или двигаться.

С. Л. Франкъ возстаетъ энергично противъ такого неограниченнаго самодержавія государства и для ограниченія этого самодержавія предлагаетъ декларацію правъ или „учредительный законъ *о вѣчныхъ и неотъемлемыхъ*[1]) правахъ россійскихъ гражданъ“. Незамѣтно для себя уважаемый авторъ замѣняетъ деспотизмъ народный деспотизмомъ одного поколѣнія, или, вѣрнѣе, наиболѣе сознательныхъ представителей этого поколѣнія. Согласно 21-му пункту предлагаемой имъ деклараціи „судъ не вправѣ руководиться[2]) *закономъ*, нарушающимъ или ограничивающимъ эти неотъемлемыя права, и долженъ освобождать отъ слѣдствія и наказанія лицъ, обвиняемыхъ въ неисполненіи законовъ и административныхъ распоряженій, противорѣчащихъ означеннымъ правамъ гражданъ“. Слѣдовательно декларація правъ, объявленная какимъ-нибудь законодательнымъ учрежденіемъ, уже

---

[1]) Курсивъ мой.

[2]) Курсивъ мой.

никогда не можетъ подвергаться пересмотру. Ее нельзя ни измѣнять, ни дополнять, ни подвергать новой редакціи, ибо новая редакція можетъ совершенно извратить первоначальный смыслъ декларацiи; ее нельзя дополнить и расширить на прежныхъ основаніяхъ, ибо кто же сумѣетъ охранить ее отъ искаженій: новое поколѣніе съ новыми воззрѣніями не можетъ выдѣлить изъ себя такихъ двухъ разнородныхъ институтовъ, чтобы одинъ сохранилъ цѣликомъ воззрѣнія одной эпохи, или даже вѣка, а второй съ современными взглядами былъ бы у перваго въ зависимости. Словомъ, эти политическія скрижали, высѣченныя разъ навсегда однимъ поколѣніемъ, должны быть сохранены нетронутыми навѣки вѣковъ...

Нарисованная нами картина, разумѣется, никогда бы не осуществилась: потомокъ безъ колебаній разбилъ бы эти отсталыя скрижали надменныхъ предковъ. Мы хотѣли лишь указать, какъ „теоретичное, слишкомъ теоретичное" сталкивается быстро съ жизнью, ради которой оно, вѣдь, и существуетъ.

Мысль о необходимости провозглашенія декларацiи правъ и само понятіе объ этой декларацiи возникли на почвѣ естественнаго права; къ этой школѣ принадлежитъ, очевидно, С. Л. Франкъ и ея ученикомъ считаетъ себя пишущій эти строки. Отвергая всякую возможность произвольнаго и матеріальнаго происхожденія права, школа естественнаго права считаетъ понятія человѣческой личности и права координатными—не въ томъ элементарномъ смыслѣ, что „право" и „человѣкъ" другъ друга предполагаютъ, а въ томъ, что право есть необходимое, логическое выраженіе свободной, самодовлѣющей человѣческой личности, его соціальная природа. Нравственная правда—одна; она вѣчна и неизмѣнна. И подобно тому какъ наука неуклонно идетъ, хотя бы и по пути, усѣянному ошибками, недоразумѣніями и отступленіями, къ познанію дѣйствительной сущности міра, такъ и нравственное сознаніе человѣчества, освобождаясь все болѣе и болѣе отъ затемняющихъ его естество оболочекъ воплощаетъ въ себѣ одинъ неизмѣнный, вѣчный Законъ Добра. Наши земные законы и правды—слабая земная тѣнь, часто лживое отраженіе одного, внѣ нашей воли лежащаго, Закона Справедливости и, чтобы эти законы временно ни говорили, они не могутъ отмѣнить тѣхъ вѣчныхъ правъ, съ которыми мы рождаемся.

Эти права, *поскольку мы ихъ теперь сознаемъ,* должны быть поставлены во главу всего нашего законодательства, ихъ слѣдуетъ торжественно провозгласить, они должны лечь въ основу

всѣхъ нашихъ законоположеній и руководить нашимъ правовымъ творчествомъ. Они—самое возвышенное и цѣнное созданіе нашей совѣсти, въ нихъ залогъ нашего совершенствованія. Но въ томъ видѣ, какъ мы ихъ провозгласили, они законъ лишь намъ: мы не имѣетъ права претендовать на то, что наше нравственное сознаніе достигло предѣловъ, установленныхъ природою для человѣческаго сознанія вообще—о, нѣтъ!—предъ совѣстью еще открыты безконечные горизонты.

А потому мы должны категорически отвергнуть предложенную С. Л. Франкомъ редакцію титула декларацiи и видоизмѣнить ее слѣдующимъ образомъ: „Учредительный законъ о природныхъ правахъ россійскихъ гражданъ".

Законъ Справедливости, дѣйствительно, вѣченъ и неизмѣненъ, но не вѣчны и не неотъемлемы тѣ измѣнчивыя представленія, которыя мы себѣ о немъ составили. Но такова ужъ судьба отвлеченныхъ обобщеній: съ ними часто соглашаются „въ принципѣ", оставляя ихъ безо всякаго приложенія къ частнымъ вопросамъ.

Въ виду этого мы предвидимъ слѣдующее возраженіе: „въ общемъ Вы несомнѣнно правы—могутъ намъ сказать—но согласитесь, что не могутъ же измѣниться такія элементарныя понятія, какъ то, что всѣ люди равны передъ закономъ, какъ то, что человѣческая личность не представляетъ собою объекта права собственности, какъ то, что наша совѣсть абсолютно свободна. И слѣдовательно, декларація о такихъ нравственныхъ истинахъ такъ же неизмѣнна, какъ заповѣди Спасителя".—Такимъ оптимистамъ мы бы посовѣтовали внимательно прослѣдить исторію видоизмѣненій нашихъ основныхъ правовыхъ вѣрованій. Какой страшной борьбы и какихъ безконечныхъ жертвъ стоилъ и *понынѣ еще стоитъ* человѣчеству этотъ процессъ выработки тѣхъ несомнѣнныхъ и элементарнѣйшихъ правъ личности, которыя теперь должны лечь въ основу декларацiи! Хороша была бы декларація о вѣчныхъ и неизмѣнныхъ правахъ, выработанная во времена Платона или даже до отмѣны рабства въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ и Россіи. Не менѣе интересный документъ представляла бы собой такая декларація, составленная какой-нибудь коммиссіей подъ предсѣдательствомъ покойнаго Плеве, или еще здравствующихъ нынѣ его единомышленниковъ. Πάντα ῥεῖ. И долго, долго еще будетъ бороться и страдать человѣкъ, пока онъ познаетъ то, что дѣйствительно Вѣчно и Неизмѣнно...

Видоизмѣненная указаннымъ нами образомъ декларація

должна быть обязательно провозглашена и поставлена во главу нашей будущей конституціи. Значеніе такого торжественнаго акта громадно всегда и во всякой странѣ, особенно велико оно будетъ въ нашей родинѣ. Уходящій режимъ былъ олицетвореніемъ безправія и безпринципности, насилія и рабства; онъ глубоко развратилъ и властвующихъ и обезличенныхъ гражданъ, и долго еще нашей несчастной странѣ придется очищаться отъ покрывшей ее грязи. Проказа облѣпила весь нашъ государственный организмъ, загноила глаза и заразила мозгъ и душу. Мы идемъ полуслѣпые ощупью, и наше бѣдное сознаніе съ трудомъ разбирается въ хаосѣ, насъ окружающемъ, а изстрадавшееся сердце истекаетъ кровью.

Надо зажечь большой, ослѣпительно яркій факелъ — онъ освѣтитъ намъ путь, и всѣ съ восторгомъ къ нему протянутся. Еще не скоро настанетъ спокойствіе и благоволеніе въ человѣцѣхъ,—не одна „конституція" рухнетъ подъ напоромъ борющихся, но надо, чтобы сквозь лязгъ оружія и хрипъ умирающихъ былъ слышенъ одинъ могучій голосъ, покрывающій шумъ битвы: „Вы всѣ равны и свободны".

Если расположить писанное право по степени его важности для блага гражданъ, то вслѣдъ за этой декларацiей идутъ общіе основные законы, или конституція, а затѣмъ ужъ гражданское и уголовное, матеріальное и процессуальное права. Всѣ эти законоположенія должны разумѣется находиться въ тѣсной связи, соотвѣтствовать народному сознанію и его идеаламъ, и представлять изъ себя стройное цѣлое. Степенью ихъ относительной важности опредѣляется и порядокъ ихъ соподчиненія и согласованія: до тѣхъ поръ, пока декларація не отмѣнена установленнымъ для сего порядкомъ, ей должны подчиняться по духу и буквѣ какъ конституціонные законы, такъ и гражданскія и уголовныя нормы—они должны проводить ея общія постановленія въ жизнь въ ея мельчайшихъ извилинахъ. Въ свою очередь, послѣднія нормы строго согласуются въ правовомъ государствѣ съ общимъ духомъ конституціи. По ихъ же сравнительному значенію устанавливается и болѣе сложный способъ пересмотра конституціонныхъ законовъ по сравненію съ тѣмъ болѣе упрощеннымъ путемъ, которымъ движется граждански-уголовное законодательство (за исключеніемъ Англіи). Для пересмотра „декларацiи" слѣдовало бы установить еще болѣе строгія правила, чтобы, по возможности, устранить элементъ случайности и поставить этотъ вопросъ въ зависимость, тѣсную и непосредствен-

ную отъ самого народа. И при этомъ нечего опасаться народной „темноты". Эти опасенія ошибочны и теоретичны.

Если для пересмотра гражданскаго и уголовнаго права главнымъ образомъ важно мнѣніе спеціалистовъ-правовѣдовъ, если для измѣненія конституціи прибѣгаютъ къ отборнымъ силамъ общества—ея палатамъ, то только народу и непосредственно ему надлежитъ установлять и измѣнять декларацію. Тутъ необходимъ самый тщательный опросъ *всего* населенія—всенародный референдумъ долженъ быть судьей этого важнѣйшаго дѣла.

Народъ долженъ самъ выяснить, что̀ онъ считаетъ несомнѣннымъ и безспорнымъ въ области правовыхъ аксіомъ — только то, что имъ будетъ создано въ этой области *свободно и непринужденно,* будетъ прочно и жизнеспособно; все же, принесенное ему извнѣ, изъ кабинетовъ и комитетовъ, хотя бы и съ наилучшими намѣреніями, будетъ мертворожденно и окажется ненужнымъ придаткомъ у стройнаго зданія его права.

Онъ же будетъ истиннымъ его хранителемъ и вѣрнымъ его стражемъ и лишь тогда откажется онъ отъ своей „декларацiи", когда жизнь потребуетъ новой, болѣе глубокой и болѣе справедливой: съ ростомъ народнаго правосознанія будетъ углубляться и совершенствоваться „декларація".

Но подобно тому, какъ гражданскіе и уголовные суды обязаны слѣдить за исполненіемъ соотвѣтствующихъ нормъ, пока онѣ не отмѣнены законной властью, такъ и для неустанной и *непосредственной* охраны „декларацiи" и конституціи долженъ быть устроенъ Верховный Судъ, избранный народомъ. Этотъ судъ будетъ вѣнцомъ его судебныхъ установленій. Независимый отъ администраціи и палатъ онъ будетъ своимъ veto устранять изъ общаго законодательства все то, что могло бы итти въ разрѣзъ съ основными законами страны. И если народъ захочетъ измѣнить ихъ, то Верховный Судъ будетъ наблюдать за тѣмъ, чтобы пересмотръ совершался въ законномъ порядкѣ и установленнымъ способомъ.

Мы имѣемъ въ исторіи примѣры установленія подобныхъ судовъ: senat conservateur во Франціи. Въ несовершенномъ видѣ идея Верховнаго Суда осуществлена въ Саксоніи, и она же была положена въ основаніе предполагаемой дѣятельности нашего Сената—къ сожалѣнію, послѣдній не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ и значительно сузилъ свою роль.

Въ самомъ чистомъ видѣ этотъ принципъ сохранился и блестяще оправдался въ американскомъ Supreme Court. Въ Россіи, роль такого суда была бы неоцѣнима въ виду особой шаткости

нашихъ юридическихъ понятій и непривычки къ закономѣрной жизни. Отсутствіе Верховнаго Суда среди нашихъ новыхъ установленій будетъ ничѣмъ незамѣнимымъ пробѣломъ и источникомъ большихъ смутъ и политическихъ шатаній. Сенатъ нашъ имѣетъ теперь особыя задачи и мы не вѣримъ въ его воскресеніе, не говоря уже о томъ, что по отношенію къ Верховному Суду должно быть, по нашему мнѣнію, обязательно строго проведено выборное начало. Это учрежденіе намъ нужно будетъ создать заново.

Мы не считаемъ умѣстнымъ здѣсь вдаваться въ подробности по этому вопросу. Необходимо тщательное его разсмотрѣніе свѣдущими людьми. Укажемъ еще на то, что Верховному Суду придется у насъ разбирать недоразумѣнія и пререканія, могущія возникнуть (а въ нихъ, несомнѣнно, не будетъ недостатка) между мѣстными, автономными сеймами (финляндскимъ, польскимъ, литовскимъ и т. п.) и Государственными Палатами при несогласіяхъ по существу и спорахъ о компетенціи.

На этомъ мы и закончимъ принципіальныя наши замѣчанія по поводу статьи С. Л. Франка.

Изъ всего сказаннаго нами по поводу характера „декларацiи" вообще легко усмотрѣть, что мы считаемъ необходимымъ исключить изъ „проекта" С. Л. Франка заключительное предложеніе 21-го пункта, который, слѣдовательно, приметъ слѣдующій видъ приблизительно:

„Всѣ природныя права, въ сей декларацiи указанныя, обезпечиваются гражданамъ защитой всѣхъ судебныхъ установленій до Верховнаго Суда включительно".

Что касается остальныхъ пунктовъ, то мы считали бы желательнымъ ихъ болѣе юридическую и сжатую конструкцію: всякій пунктъ декларацiи долженъ какъ бы врѣзываться въ народное сознаніе. Напримѣръ, 2-ой пунктъ можно было бы редактировать слѣдующимъ образомъ:

„Всѣ русскіе граждане безъ различія національности, вѣроисповѣданія и сословія имѣютъ одинаковыя права и обязанности и равны предъ закономъ и властью".

Мы не станемъ, однако, останавливаться на этомъ, ибо не въ этомъ, конечно, сила.

Гораздо болѣе существеннымъ является слѣдующее наше разногласіе съ авторомъ проекта: въ §§ 4 и 19 устанавливается для должностныхъ лицъ судебная отвѣтственность „на общемъ основаніи" и государственная власть „приравнивается въ отношеніи посягательствъ на человѣческую жизнь частному

лицу". Мы полагаемъ, наоборотъ, что должностныя лица, какъ облеченныя особыми полномочіями и, слѣдовательно, поставленныя въ особыя по сравненію съ частными лицами условія, должны подлежать усиленному наказанію—другими словами, мы считаемъ проступки должностныхъ лицъ квалифицированными и имъ наказаніе должно быть повышено одной или двумя степенями. Затѣмъ въ § 5 говорится, что „всякое задержаніе, произведенное безъ достаточныхъ основаній и продолженное сверхъ законнаго срока, даетъ право пострадавшему на возмѣщеніе государствомъ понесенныхъ имъ убытковъ".

Въ данномъ случаѣ авторъ упускаетъ изъ виду, что невинно пострадавшій имѣетъ, или вѣрнѣе, долженъ имѣть (разъ отвѣтственность должностныхъ лицъ опредѣляется на общемъ основаніи) право привлечь къ суду чиновника по статьѣ 1540 уложенія [1]) (498 новаго угол. уложен.), по которой, между прочимъ, полагается наказаніе отъ заключенія въ тюрьмѣ на 2—4 мѣсяца до лишенія всѣхъ правъ и преимуществъ и ссылки въ Сибирь.

Особо рьяные бюрократы при правильномъ примѣненіи сего параграфа быстро утеряли бы свою прыть и пристрастіе къ самодурству. Изъ обвинительнаго вердикта присяжныхъ уже вытекало бы право потерпѣвшаго на искъ объ убыткахъ, но не къ государству, а къ обвиненному; на случай его несостоятельности можно бы установить принципъ отвѣтственности государства—нѣчто вродѣ круговой поруки.

Наконецъ, § 12 редактированъ, по нашему мнѣнію, черезчуръ свободно: при этихъ условіяхъ можетъ появиться слишкомъ много лицъ, у которыхъ найдутся „религіозные и нравственные" мотивы, препятствующіе имъ отбывать воинскую повинность. Обязанность защищать свое отечество такъ несомнѣнна и значеніе арміи для безопасности государства такъ велико, что этотъ вопросъ надо считать весьма трудно разрѣшимымъ. Съ другой стороны, несомнѣнно, что у нѣкоторыхъ людей, дѣйствительно, есть глубокое моральное отвращеніе къ этой повинности, устраняющее возможность ихъ привлеченія въ ряды арміи.

Но, повторяемъ, вопросъ этотъ слишкомъ сложенъ, а потому, по нашему мнѣнію, его слѣдовало бы не поднимать въ „декларацiи" по тѣмъ же причинамъ, по которымъ ея авторъ не счелъ возможнымъ помѣстить въ нее предложеніе П. И. Новгородцева о „правѣ на достойное человѣческое существованіе".

Маркъ Эль.

---

[1]) Кто „по какой бы то ни было причинѣ и съ какимъ бы то ни было намѣреніемъ"..... самовольно и насильственно лишитъ кого-либо свободы"...:

Книги, поступившія въ редакцію съ 15 по 22 февраля:

Бланкъ, Р. Классовая борьба и политическія коалиціи. Изд. Е. Кусковой. Спб. 1906 г. Ц. 25 к.

Бородаевскій, С. Мелкій кредитъ. Спб. 1906 г. Ц. 10 к.

Волжскій. Изъ міра литературныхъ исканій. Изд. Д. Жуковскаго. Спб. 1906 г. Ц. 1 р.

Кн. Долгоруковъ, П. Аграрная волна. Спб. 1906 г.

Дюпріе, Л. Государство и роль министровъ во Франціи. Изд. „Дѣло". Спб. 1906 г. Ц. 60 к.

Его же. Государство и роль министровъ въ Пруссіи.—Государство и роль канцлера въ Германіи. Изд. „Дѣло". Спб. 1906 г. Ц. 60 к.

Лосицкій, Ал. Выкупная операція. Изд. „Дѣло". Спб. 1906 г. Ц. 30 к.

Менгеръ, А. Новое ученіе о нравственности. Изд. „Дѣло". Спб. 1906 г. Ц. 30 к.

Мигулинъ, П. Русскій автономный центральный эмиссіонный банкъ. Проектъ. Харьковъ. 1906 г. Ц. 1 р.

де-Морсье, А. Права женщины. Перев. Эльтъ. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

Нижегородецъ. Христосъ и Церковь. Изд. Серебровскаго. Москва. 1906 г. 32 стр. Ц. 12 к.

Никитенко, А. Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, „чему свидѣтель въ жизни былъ". Изд. 2-е М. Пирожкова. т. I и II. 1905 г. Ц. за оба тома 7 р.

П. К. Революціонная соціалдемократія въ Прибалтійск. краѣ. Изд. Щетинина. Спб. Ц. 10 к.

Пименова, Э. Англичане и ихъ страна. Изд. „Библіот. юн. читателя". Спб. 1905 г. 142 стр. Ц. 30 к.

Ея же. Политическіе вожди современной Англіи и Ирландіи. Изд. М. Пирожкова. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.

Перцовъ, П. Венеція. Изд. М. Пирожкова. Спб. 1905 г. Ц. 1 р.

Прокоповичъ, С. Союзы рабочихъ и ихъ задачи. Изд. Е. Кусковой. Спб. 1905 г. Ц. 7 к.

Ревуцкій, Н. Передъ пришествіемъ антихриста (вѣтерокъ съ тихаго океана). Спб. 1905 г. Ц. 20 к.

Розановъ, В. Около церковныхъ стѣнъ. Изд. М. Пирожкова. Спб. 1906 г. Ц. 2 р.

Рукавишниковъ, Г. Сила жизни. (Отъ разума къ чувству). Спб. 906 г. Ц. 30 к.

Файфъ, Ч. Исторія Европы XIX в. Перев. Лучицкой. Изд. 2-е М. Пирожкова. Спб. 1904 г. Ц. 5 р. 50 к.

Шейнъ-Фогель, А. Къ реформѣ ореографіи. Тифлисъ. 1904 г. Ц. 30 к.

Эндрузъ, В. Исторія Соед. Штат. Перев. Е. Гурвичъ. Изд. М. Пирожкова. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 50 к.

Юмъ, Д. Изслѣдованіе человѣческаго разумѣнія. Перев. С. Церетели. Изд. М. Пирожкова. Спб. 1902 г. 193 стр. Ц. 1 р.

Якимовъ, В. Безъ хлѣба насущнаго. Изд. М. Пирожкова. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

Его же. По слѣдамъ голода. Изд. М. Пирожкова. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

Kritische Blaetter. Febr. 1906. Dresden.

de P. A. Pauvre Léon Tolstoï. Genève, 1905. prix. 1 fr.

Revue des études franco-russes. Paris. 1906. 74 cent.

Издатель **М. В. Пирожковъ.** Редакторъ **П. Б. Струве.**

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Петра Струве.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

№№ 1—11.

(15 декабря 1905 г. — 26 февраля 1906 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ 1906 Г. Изданіе М. В. ПИРОЖКОВА.

Содержаніе перваго тома „Полярной Звѣзды“.

(*Декабрь 1905—февраль 1096 г.*)

№ 1.

Стр.

Отъ редакціи. 3

П. Струве. Революція. 5

С. Франкъ. Политика и идеи (о программѣ „Полярной Звѣзды“). 18

Д. Мережковскій. Мѣщанство и русская интеллигенція. . . . 32

А. Прѣсняковъ. Декабристы. 43

И. Петрункевичъ. Министерство графа Витте. 58

С. Котляревскій. Классовые интересы и государственныя цѣли. 73

Ѳ. Родичевъ. 14 декабря 1825—14 декабря 1905 г. 81

П. Струве. Въ послѣднюю минуту. 86

Замѣтки. *Д. Овсянико-Куликовскій*. Два слова о Радищевѣ. 90

А. Васильевъ. О національномъ характерѣ русской революціи. 92

№ 2.

С. Котляревскій. Избирательный законъ. 99

П. Струве и **С. Франкъ**. Очерки философіи культуры. 1. Что такое культура? 104

Э. Гриммъ. Смѣна монархіи республикою въ исторіи Англіи и Франціи. 118

С. Франкъ. Одностороннее самопознаніе. (По поводу статьи А. А. Кауфмана). 128

А. Кауфманъ. Познай самого себя (О конституціонно-демократической партіи). 136

Н. Бердяевъ. Революція и культура. 146

Замѣтки. Кн. *Г. Трубецкой*. Московскіе декабрскіе дни. . . 156

Стр.

№ 3.

Ѳ. Родичевъ. Въ чемъ же выходъ? 163
П. Струве и **С. Франкъ.** Очерки философіи культуры. 2. Культура и личность. 170
Д. Мережковскій. Грядущій Хамъ. 185
Ив. Гревсъ. Сергѣю Николаевичу Трубецкому. (Памяти погибшаго защитника идейности). 193
П. Новгородцевъ. Два этюда. I. Передъ завѣсой. II. Право на достойное человѣческое существованіе. 210
П. Струве. Два забастовочныхъ комитета. 223
Замѣтки. *Овсянико-Куликовскій.* Еще о „мѣщанствѣ" и русской интеллигенціи. 229
Д. Философовъ. Художественная сатира. 234
А. Кауфманъ. Письмо въ редакцію. 237

№ 4.

С. Франкъ. Проектъ деклараціи правъ. 243
І. Покровскій. Этическія основы политики. 255
А. Прѣсняковъ. Исходъ Великой Революціи. 268
П. Струве. Замѣтки публициста. 278
В. Нечаевъ. Манифестъ 17 октября и форма правленія. . . . 288
С. Котляревскій. Международное положеніе Россіи къ 1906 г. 300
Замѣтки. *М. Чеченинъ.* Стихія смерти. 303
И. Левинъ. О трудностяхъ выборовъ въ Государственную Думу. 306

№ 5.

В. Набоковъ. Кровавый годъ. 315
І. Покровскій. Во имя культуры! 324
А. Каминка. 9-е января. 330
Г. Штильманъ. Революція и вооруженное возстаніе. 342
С. Котляревскій. Партіи и наука. 353
В. Нечаевъ. Манифестъ 17 октября и форма правленія. . . 360
Замѣтки. *Е. К—ръ.* Кровавая юстиція. 372

№ 6.

П. Струве. Двѣ Россіи. 379
С. Котляревскій. Національно-областной вопросъ въ программѣ конституціонно-демократической партіи. . . 383
А. Кизеветтеръ. Памяти Грановскаго. 388

Стр.
А. Кауфманъ. Еще о самопознаніи. 397
Н. Лосскій. Освобожденіе науки отъ опеки государства. . . . 408
С. Франкъ. О свободной совѣсти. 413
Г. Штильманъ. 9-е января въ Германіи. 420
А. Прѣсняковъ. Въ поискахъ народности. 424
Замѣтки. *Свящ. К. Аггеевъ.* Церковь и государство. 433

№ 7.

П. Струве. Замѣтки публициста. 443
М. Острогорскій. Нравственная гильотина 450
Кн. Г. Трубецкой. Россія въ Азіи. (Къ вопросу о нашей внѣшней политикѣ). 458
Н. Котляревскій. Кондратій Федоровичъ Рылѣевъ. 466
Л. Шестовъ. Пророческій даръ. (Къ 25-лѣтію смерти Ѳ. М. Достоевскаго) 481
Р. Два письма М. И. Драгомирова. 494
Г. Штильманъ. Наканунѣ предвыборной компаніи. 499
Замѣтки. *П. Муратовъ.* Искусство и революція. 505

№ 8.

В. Набоковъ. Внутренняя война. 515
В. Розановъ. Русская церковь. 524
А. Кауфманъ. Право и принудительное отчужденіе 541
Кн. Г. Трубецкой. Россія въ Европѣ. (Къ вопросу о нашей внѣшней политикѣ). 553
В. Свенцицкій. Открытое обращеніе вѣрующаго къ Православной церкви. 561
О. Бужанскій. Стачки въ Россіи 565
Ив. Петрункевичъ. Конституціоно-демократическая партія и князь Е. Н. Трубецкой. 574
П. Струве. О „роковомъ недостаткѣ“ русской интеллигенціи (по поводу выхода князя Е. Н. Трубецкого изъ конституціонно-демократической партіи). 585

№ 9.

П. Новгородцевъ. Всеобщее избирательное право предъ судомъ русской бюрократіи. 595
Э. Гриммъ. Роль соціалистической идеи въ нашемъ революціонномъ движеніи. 605

Стр.
Влад. Гессенъ. Самодержавіе и манифестъ 17 октября. . . . 623
А. А. Чупровъ. Земельная реформа и крестьяне-арендаторы. 634
С. Франкъ. Интеллигенція и освободительное движеніе. . 643
Замѣтки. *Е. Колтоновская.* Пристрастный судъ. 656
Письмо въ редакцію 662

№ 10.

С. Котляревскій. Россія, Франція и Англія. 667
Н. Бердяевъ. Къ исторіи и психологіи русскаго марксизма. . 678
А. Кауфманъ. Гдѣ взять земли? 687
Сигналъ. О нестроеніяхъ въ нашемъ флотѣ. 706
А. С. Изгоевъ. „Диктатура пролетаріата“. 715
Г. Н. Штильманъ. Къ годовщинѣ рескрипта 18 февраля. . . . 726
П. Струве. Замѣтки публициста. 733
Замѣтки. *С. Франкъ.* Новый историческій журналъ. 738

№ 11.

Б. Кистяковскій. Конституція дарованная и конституція завоеванная. 747
П. Струве. Индивидуализмъ и соціализмъ 755
А. А. Чупровъ. „Народу власть и земля!“ 764
В. Нечаевъ. Еще нѣсколько словъ о „самодержавіи“ и манифестѣ 17-го октября. 779
И. Гревсъ. Идейная борьба и созидательная работа въ революціи 787
Маркъ Эль. Къ вопросу о декларацiи правъ 805

Алфавитный указатель авторовъ.

	№	Стр.
Свящ. **Аггеевъ, К.** Церковь и государство.	VI	433
Бердяевъ, Н. Революція и культура	II	146
— Къ исторіи и психологіи русскаго марксизма	X	678
Бужанскій, О. Стачки въ Россіи	VIII	565
Васильевъ, А. О національномъ характерѣ русской революціи.	I	92
Гессенъ, Влад. Самодержавіе и манифестъ 17 октября.	IX	623
Гревсъ, Ив. Сергѣю Николаевичу Трубецкому. (Памяти погибшаго защитника идейности). .	III	193
— Идейная борьба и созидательная работа въ революціи (къ истолкованію души к.-д. партіи).	XI	787
Гриммъ, Э. Смѣна монархіи республикою въ исторіи Англіи и Франціи	II	118
— Роль соціалистической идеи въ нашемъ революціонномъ движеніи.	IX	605
Изгоевъ, А. С. „Диктатура пролетаріата“.	X	715
Каминка, А. 9-е января	V	330
Кауфманъ, А. Познай самого себя. (О конституціонно-демократической партіи).	II	136
— Письмо въ редакцію.	III	237
— Еще о самопознаніи.	VI	397
— Право и принудительное отчужденіе. .	VIII	541
— Гдѣ взять земли?	X	687
Кизеветтеръ, А. Памяти Грановскаго.	VI	388
Б. Кистяковскій. Конституція дарованная и конституція завоеванная.	XI	747
Колтоновская, Е. Пристрастный судъ	IX	656
Котляревскій, Н. Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ. . . .	VII	466

	№	Стр.
Котляревскій, С. Классовые интересы и государственныя цѣли	I	73
— Избирательный законъ	II	99
— Международное положеніе Россіи въ 1906 г.	IV	300
— Партіи и наука	V	353
— Національно-областной вопросъ въ программѣ конституціонно-демократической партіи	VI	383
— Россія, Франція и Англія	X	667
Е. К—ръ. Кровавая юстиція	V	372
Левинъ, И. О трудностяхъ выборовъ въ Государственную Думу	IV	306
Лосскій, Н. Освобожденіе науки отъ опеки государства	VI	408
Мережковскій, Д. Мѣщанство и русская интеллигенція	I	32
— Грядущій Хамъ	III	185
Муратовъ, П. Искусство и революція	VII	505
Набоковъ, В. Кровавый годъ	V	315
— Внутренняя война	VIII	515
Нечаевъ, В. Манифестъ 17 октября и форма правленія.	IV	288
— То же (окончаніе)	V	360
— Еще нѣсколько словъ о „самодержавіи" (Отвѣтъ В. М. Гессену)	XI	779
Новгородцевъ, П. Два этюда. I. Передъ завѣсой. II. Право на достойное человѣческое существованіе	III	210
— Всеобщее избирательное право предъ судомъ русской бюрократіи	IX	595
Овсянико-Куликовскій, Д. Два слова о Радищевѣ	I	90
— Еще о „мѣщанствѣ" и русской интеллигенціи	III	229
Острогорскій, М. Нравственная гильотина	VII	450
Отъ Редакціи	I	3
Петрункевичъ, И. Министерство графа Витте	I	58
— Конституціонно-демократическая партія и князь Е. Н. Трубецкой	VIII	574
Покровскій, I. Этическія основы политики.	IV	255
— Во имя культуры!	V	324
Прѣсняковъ, А. Декабристы	I	43
— Исходъ великой революціи	IV	268

	№	Стр.
Прѣсняковъ, А. Въ поискахъ народности	VI	424
Родичевъ, Ѳ. 14 декабря 1825 г.—14 декабря 1905 г.	I	81
— Въ чемъ же выходъ?	III	163
Р. Два письма М. И. Драгомирова	VII	494
Розановъ, В. Русская церковь	VIII	524
Свенцицкій, В. Открытое обращеніе вѣрующаго къ Православной церкви	VIII	561
Сигналъ. О нестроеніяхъ въ нашемъ флотѣ	X	706
Струве, П. Революція	I	5
— Въ послѣднюю минуту	I	86
— Два забастовочныхъ комитета	III	223
— Замѣтки публициста. I. О московскихъ событіяхъ. II. Объ одномъ избирательномъ лозунгѣ	IV	278
— Двѣ Россіи	VI	379
— Замѣтки публициста. I. Русская идейная интеллигенція на распутьѣ. II. О нравственной гильотинѣ вчерашняго дня и о физическихъ палачахъ дня сегодняшняго	VII	443
— Замѣтки публициста. Съѣздъ союза 17 октября и созывъ Государственной Думы	X	733
— О „роковомъ недостаткѣ“ русской интеллигенціи (по поводу выхода кн. Е. Н. Трубецкого изъ конституціонно-демократической партіи)	VIII	585
— Индивидуализмъ и соціализмъ (Размышленія и отрывки)	XI	755
Струве, П. и Франкъ, С. Очерки философіи культуры. 1. Что такое культура?	II	104
— 2. Культура и личность	III	170
Кн. Трубецкой, Г. Московскіе декабрскіе дни	II	156
— Россія въ Азіи (Къ вопросу о нашей внѣшней политикѣ)	VII	458
— Россія въ Европѣ (Къ вопросу о нашей внѣшней политикѣ)	VIII	553
Философовъ, Д. Художественная сатира	III	234
Франкъ, С. Политика и идеи (о программѣ „Полярной Звѣзды“)	I	18
— Одностороннее самопознаніе (по поводу статьи А. А. Кауфмана)	II	128

	№	Стр.
Франкъ, С. Проектъ декларацiи правъ	IV	243
— О свободной совѣсти.	VI	413
— Интеллигенцiя и освободительное движенiе.	IX	643
— Новый историческiй журналъ.	X	738
Чеченинъ, М. Стихiя смерти	IV	303
Чупровъ, А. А. Земельная реформа и крестьяне-арендаторы	IX	634
— „Народу власть и земля!“	XI	764
Шершовъ, П. Письмо въ редакцiю.	IX	662
Шестовъ, Л. Пророческiй даръ (Къ 25-лѣтiю смерти Ѳ. М. Достоевскаго)	VII	481
Штильманъ, Г. Революцiя и вооруженное возстанiе . .	V	342
— 9-е января въ Германiи	VI	420
— Наканунѣ предвыборной кампанiи. . .	VII	499
— Къ годовщинѣ рескрипта 18-го февраля.	X	726
Эль, Маркъ. Къ вопросу о декларацiи правъ	XI	805

ОБЪЯВЛЕНIЯ.

Въ пользу недостаточныхъ

АМНИСТИРОВАННЫХЪ

продается третье изданiе книги

„МЫСЛИ ОБЪ ОСНОВАХЪ НРАВСТВЕННОСТИ“

проф. **Н. И. Карѣева.**

Цѣна **40** к. Главный складъ при типографiи М. М. Стасюлевича (Вас. О., 5 лин., д. 28).

ИЗДАНІЯ Д. Е. ЖУКОВСКАГО.

ВЕЛЛЕНСКІЙ. Изъ міра литературныхъ исканій. Сборн
статей. Ц. 1 р.

ФИХТЕ. Назначеніе человѣка. Переводъ подъ редакц
Е. Шмеккера. Ц. 50 к.

НИЦШЕ. По ту сторону добра и зла. Переводъ Н. Г
нова. Цѣна 1 р. 25 к.

ВИНДЕЛЬБАНДЪ. Прелюдіи. Статьи и рѣчи. Перев
Е. Трубецкаго. Ц. 1 р. 50 к.

А. ФОНЪ-ЛЕЕЛЛЕРЪ. Къ монистической гносеологі
Переводъ А. Рамстедта. Ц. 50 к.

ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ. Вопросы психологіи творче
ства. Ц. 1 р. 50 к.

ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ. Синтаксисъ русскаго языка
Ц. 2 р.

КУНО ФИШЕРЪ.

Исторія новой философіи:

Т. III. **Лейбницъ, его жизнь, сочиненія и ученіе.** Перев.
Н. Шмидта. Ц. 4 р.

Т. IV. **Иммануилъ Кантъ и его ученіе.** Часть 1-ая. Цѣна 4 р.

Т. VIII. **Шеллингъ, его жизнь, сочиненія и ученіе.** *Перев.*
Н. Шмеккера. Цѣна 5 р.

Т. VIII. **Гегель, его жизнь, сочиненія и ученіе.** Перев.
Н. Шмеккера. полут. 1-ый. цѣна 3 р. 50 к.; полут. 2-ой.
Ц. 2 р. 50 к.

Печатаются томы I—**Декартъ**, II—**Спиноза**, V—**Кантъ**, ч. 2-ая.
VI—**Фихте**.

Главный складъ: СПБ. Большая Подъяческая 39.
Т-во „Общественная Польза".

Продолжается подписка на 1906 годъ

на НОВОЕ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКОЕ

ИЗДАНІЕ

М. В. ПИРОЖКОВА

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

подъ редакціей Петра Струве

и при ближайшемъ участіи: **В. И. Вернадскаго, И. М. Гревса, Д. Е. Жуковскаго, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, И. И. Петрункевича, Ѳ. И. Родичева и С. Л. Франка.**

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА будетъ отстаивать идеи личности, культуры, свободы, демократіи и соціальной справедливости, исходя изъ цѣльнаго культурно-философскаго міросозерцанія. Всѣ явленія текущей жизни она будетъ освѣщать и оцѣнивать съ широкой философской точки зрѣнія. Огромный переворотъ, который совершается на нашей родинѣ, долженъ быть обсуждаемъ съ строгой принципіальностью и полной независимостью мысли. Ставя во главу угла нашего міросозерцанія начало свободы и своеобразія личности, мы будемъ давать въ нашемъ органѣ мѣсто всякому искреннему и оригинальному слову въ защиту свободы и культуры.

Въ номерахъ за декабрь за 1905—февраль 1906 г. помѣщены статьи: Свящ. К. Аггеева, Н. А. Бердяева, О. Е. Бужанскаго, В. М Гессена, И. М. Гревса, Э. Д. Гримма, А. С. Изгоева, А. И. Каминки, А. А. Кауфмана, А. А. Кизеветтера, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, Н. А. Котляревскаго, Н. О. Лосскаго, Д. С. Мережковскаго, В. Д. Набокова, В М. Нечаева, П. И. Новгородцева, Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, М. Я. Острогорскаго, И. И. Петрункевича, І. А. Покровскаго, А. Е. Прѣснякова, Ѳ. И. Родичева, В. В. Розанова, В. Свенцицкаго, П. Б. Струве, кн. Г. Н. Трубецкого, Д. В. Философова, С. Л. Франка, А. А. Чупрова, Л. Шестова, Г. Н. Штильмана и др.

Условія подписки: съ дост. и перес. на годъ 5 р., на полгода 3 р., за границу на годъ 7 р., на полгода 4 р.

Въ отдѣльной продажѣ книжки стоятъ по 15 коп.

Адресъ редакціи: Вознесенскій просп. 31, кв. 8. Телеф. 248. 75. Редакція для личныхъ объясненій съ сотрудниками открыта по вторникамъ отъ 3 до 5 ч.

Въ редакціи подписка не принимается и продажа номеровъ не производится. Всѣ заявленія по дѣламъ подписки и продажи просятъ адресовать исключительно въ контору.

Контора помѣщается въ квартирѣ книгоиздательства **М. В. ПИРОЖКОВА** (Спб., Вас. О., 2 лин., д. 13). Телефонъ 203. 70.

Подписка принимается, кромѣ конторы, въ магазинѣ „ТРУДЪ“ (Спб., Невскій, 60), а также и въ другихъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

Пріемъ объявленій исключительно въ конторѣ (Спб. Вас. О., 2 лин., д. 13).

ИЗДАНІЯ Д. Е. ЖУКОВСКАГО.

ВОЛЖСКІЙ. Изъ міра литературныхъ исканій. Сборникъ статей. Ц. 1 р.

ФИХТЕ. Назначеніе человѣка. Переводъ подъ редакціей Н. Лосскаго. Ц. 50 к.

НИЦШЕ. По ту сторону добра и зла. Переводъ Н. Полилова. Цѣна 1 р. 25 к.

ВИНДЕЛЬБАНДЪ. Прелюдіи. Статьи и рѣчи. Переводъ С. Франка. Ц. 1 р. 60 к.

А. ФОНЪ-ЛЕКЛЕРЪ. Къ монистической гносеологіи. Переводъ А. Ремизова. Ц. 50 к.

ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ. Вопросы психологіи творчества. Ц. 1 р. 50 к.

ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ. Синтаксисъ русскаго языка. Ц. 2 р.

КУНО ФИШЕРЪ.

Исторія новой философіи:

Т. III. **Лейбницъ, его жизнь, сочиненія и ученіе.** Перев. Н. Полилова. Ц. 4 р.

Т. IV. **Иммануилъ Кантъ и его ученіе.** Часть 1-ая. Цѣна 4 р.

Т. VII. **Шеллингъ, его жизнь, сочиненія и ученіе.** Перев. Н. Лосскаго. Цѣна 5 р.

Т. VIII. **Гегель, его жизнь, сочиненія и ученіе.** Перев. Н. Лосскаго, полут. 1-ый, цѣна 3 р. 50 к.; полут. 2-ой, ц. 2 р. 50 к.

Печатаются томы. I—**Декартъ.** II—**Спиноза.** V—**Кантъ,** ч. 2-ая. VI—**Фихте.**

Главный складъ: СПБ. Больш. Подъяческая 39. Т-во „Общественная Польза“.

Продолжается подписка на 1906 годъ

на НОВОЕ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКОЕ

ИЗДАНІЕ

М. В. ПИРОЖКОВА

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

подъ редакціей Петра Струве

и при ближайшемъ участіи: **В. И. Вернадскаго, И. М. Гревса, Д. Е. Жуковскаго, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, И. И. Петрункевича, Ѳ. И. Родичева и С. Л. Франка.**

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА будетъ отстаивать идеи личности, культуры, свободы, демократіи и соціальной справедливости, исходя изъ цѣльнаго культурно-философскаго міросозерцанія. Всѣ явленія текущей жизни она будетъ освѣщать и оцѣнивать съ широкой философской точки зрѣнія. Огромный переворотъ, который совершается на нашей родинѣ, долженъ быть обсуждаемъ съ строгой принципіальностью и полной независимостью мысли. Ставя во главу угла нашего міросозерцанія начало свободы и своеобразія личности, мы будемъ давать въ нашемъ органѣ мѣсто всякому искреннему и оригинальному слову въ защиту свободы и культуры.

Въ номерахъ за декабрь за 1905—февраль 1906 г. помѣщены статьи: Свящ. К. Аггеева, Н. А. Бердяева, О. Е. Бужанскаго, В. М Гессена, И. М. Гревса, Э. Д. Гримма, А. С. Изгоева, А. И. Каминки, А. А. Кауфмана, А. А. Кизеветтера, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, Н. А. Котляревскаго, Н. О. Лосскаго, Д. С. Мережковскаго, В. Д. Набокова, В М. Нечаева, П. И. Новгородцева, Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, М. Я. Острогорскаго, И. И. Петрункевича, І. А. Покровскаго, А. Е. Прѣснякова, Ѳ. И. Родичева, В. В. Розанова, В. Свенцицкаго, П. Б. Струве, кн. Г. Н. Трубецкого, Д. В. Философова, С. Л. Франка, А. А. Чупрова, Л. Шестова, Г. Н. Штильмана и др.

Условія подписки: съ дост. и перес. на годъ 5 р., на полгода 3 р., за границу на годъ 7 р., на полгода 4 р.

Въ отдѣльной продажѣ книжки стоятъ по 15 коп.

Адресъ редакціи: Вознесенскій просп. 31, кв. 8. Телеф. 248. 75.

Редакція для личныхъ объясненій съ сотрудниками открыта по вторникамъ отъ 3 до 5 ч.

Въ редакціи подписка не принимается и продажа номеровъ не производится. Всѣ заявленія по дѣламъ подписки и продажи просятъ адресовать исключительно въ контору.

Контора помѣщается въ квартирѣ книгоиздательства **М. В. ПИРОЖКОВА** (Спб., Вас. О., 2 лин., д. 13). Телефонъ 203. 70.

Подписка принимается, кромѣ конторы, въ магазинѣ „ТРУДЪ“ (Спб., Невскій, 60), а также и въ другихъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

Пріемъ объявленій исключительно въ конторѣ (Спб. Вас. О., 2 лин., д. 13).

Цѣна 15 коп.

XS 71.5

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

№ 12

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JUN 9 1958

5 марта
1906 года

Содержаніе:

М. Фридманъ. О „финансовомъ бойкотѣ".

М. Туганъ Барановскій. Что такое соціализмъ?

В. Ельяшевичъ. Антонъ Менгеръ.

С. Франкъ. Религія и культура.

И. Гревсъ. Идейная борьба и созидательная работа в революціи. (Окончаніе).

П. Струве. Замѣтки публициста.

Редакція № закончена 2-го марта.

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

№ 12

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ПЕТРА СТРУВЕ

5 МАРТА 1906

ИЗДАНІЕ М. В. ПИРОЖКОВА

XS71.5

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 36.

О „фихансовомъ бойкотѣ“.

I.

Для того, чтобы сохранить свою власть, правительство должно имѣть деньги; деньги оно получаетъ путемъ налоговъ и всякаго рода сборовъ съ населенія, а также съ помощью займовъ внутри страны и за границей. Если народъ откажется платить подати, если онъ заявитъ, что за долги, сдѣланные правительствомъ, онъ не отвѣтчикъ,—очевидно, правительственная машина будетъ остановлена, бюрократическія колеса не могутъ вертѣться безъ смазки золотымъ масломъ. И когда правители ведутъ государственный корабль на крушеніе, когда они задачей своей ставятъ борьбу съ желаніями и нуждами населенія, граждане вправѣ отвѣтить мирнымъ, пассивнымъ сопротивленіемъ, отказомъ жертвовать изъ своихъ заработковъ на организацію притѣсненія самихъ же плательщиковъ.

Эти соображенія такъ ясны и такъ просты, что возражать противъ ихъ неотразимой логики нельзя. Тѣмъ болѣе, что и исторія показываетъ намъ, какое важное значеніе имѣла эта мѣра въ дѣлѣ освобожденія разныхъ странъ отъ ига абсолютизма.

Относительно родины политической свободы Англіи можно рѣшительно утверждать, что представительное правленіе развилось здѣсь, главнымъ образомъ, на почвѣ права вотированія налоговъ, къ которымъ правительство не могло не прибѣгать, такъ какъ потребности его увеличивались, а источники независимыхъ доходовъ оказывались далеко не достаточными.

Если король взималъ поборы безъ согласія бароновъ и прелатовъ, онъ зачастую наталкивался на сопротивленіе, переходившее иногда въ открытое возстаніе. Одинъ изъ

такихъ случаевъ мы имѣемъ въ борьбѣ Іоанна Безземельнаго съ баронами, закончившейся составленіемъ знаменитой Magna Charta Libertatum. „Двѣнадцатый и три слѣдующихъ параграфа этой хартіи, говоритъ Стэбсъ въ своей „Исторіи англійской конституціи", имѣютъ наибольшій конституціонный интересъ: въ нихъ признается право націи устанавливать обложеніе и опредѣляются способы, какими должно проявляться народное согласіе на него".

По мнѣнію авторитетнаго французскаго государствовѣда, Эсмена, право давать согласіе на налоги и право петицій были орудіями, съ помощью которыхъ общины пріобрѣли законодательную власть.

Градовскій рѣшительно утверждаетъ: „главною точкою опоры для развитія правъ общинъ въ парламентѣ и всего парламента была, конечно, его финансовая власть. Право назначать королю субсидіи и отказывать въ нихъ явилось въ рукахъ общинъ могущественнымъ орудіемъ пріобрѣтенія другихъ правъ". Парламентъ не давалъ согласія на субсидіи, пока не получали удовлетворенія его петиціи, и это было плодоносной почвой, на которой выросли и процвѣли законодательныя права народныхъ представителей.

Историкъ французскихъ налоговъ Clamageran полагаетъ: „можно сказать, что вотированіе налоговъ тѣсно связано со всей совокупностью общественной свободы". „Исторія бюджетнаго права есть истинная исторія происхожденія конституціи", вторитъ ему итальянскій финансистъ, проф. Нитти.

Почему? Потому что финансовое хозяйство, по выраженію Зейдлера, „призвано создавать неизбѣжныя предпосылки всего государственнаго управленія". Вводя ежегодное вотированіе бюджета, запрещая взимать налоги, не вотированные народными представителями на текущій періодъ, имѣя въ запасѣ на случай борьбы могучее средство лишенія правительства того, что составляетъ nervus rerum,—обезпечиваютъ народную свободу отъ возможныхъ посягательствъ наилучшимъ образомъ.

Итакъ и здравый смыслъ подсказываетъ, и исторія свидѣтельствуетъ о томъ, что то средство борьбы съ правительствомъ, которое слыветъ у насъ подъ именемъ „финансоваго бойкота", принципіально совершенно допустимо и практически весьма пригодно.

Спрашивается, по какому же ослѣпленію или изъ за

какихъ скрытыхъ побужденій тѣ, кто зовутъ себя защитниками народной свободы, высказываются противъ бойкота?..

II.

Вопросъ о финансовомъ бойкотѣ есть вопросъ тактическій. А тактика диктуется не принципіальными соображеніями, или, вѣрнѣе, не столько принципіальными соображеніями, сколько условіями времени и мѣста.

При полномъ сохраненіи идеаловъ можно мѣнять средства, ведущія къ достиженію цѣли. Ярко выразилъ это покойный Либкнехтъ: „я, восклицалъ онъ, 24 раза въ сутки измѣню свою тактику, если условія борьбы будутъ мѣняться 24 раза въ день“. Памятуя это, мы смотримъ на бойкотъ не съ абстрактной и принципіальной точки зрѣнія, а исключительно подъ угломъ цѣлесообразности въ данной исторической обстановкѣ.

Дѣло въ томъ, что тѣ средства, о которыхъ говорено раньше, не всегда имѣютъ успѣхъ и далеко не всегда удаются. Намъ извѣстенъ эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ 1848 г. въ Пруссіи, когда прусское національное собраніе постановило, что населеніе должно отказываться отъ податей, и когда эта идея не имѣла успѣха, несмотря на то, что ей горячо сочувствовалъ Карлъ Марксъ. 11 ноября онъ писалъ въ „Neue Rheinische Zeitung“: „Королевская власть противится не только народу, но также и буржуазіи. Такъ побѣждайте ее буржуазнымъ способомъ! А какъ побѣждаютъ власть буржуазнымъ способомъ? Ее морятъ голодомъ. А какъ ее морятъ голодомъ? Отказомъ отъ податей. Разсудите хорошенько! Всѣ прусскіе принципы, всѣ Бранденбурги и Врангели не производятъ и кусочка солдатскаго хлѣба. Вы, вы сами производите хлѣбъ для солдатъ“.

Это звучитъ очень краснорѣчиво, и когда составлялся русскій манифестъ о бойкотѣ, быть можетъ, его авторы вдохновлялись страстными словами своего учителя. (Кстати и идея о непрерывной революціи,—какъ бы анти-марксистской она ни казалась или ни была по существу,—заимствована всетаки у Маркса!..). Но успѣхъ былъ одинаковъ: какъ въ Пруссіи, такъ и въ Россіи правительство не было сломлено, средство оказалось непригоднымъ. Да удачи и не

могло быть. Это было всегда ясно тому, кто знакомъ съ русской финансовой системой.

Стремленіе лишить правительство денегъ, которыя оно тратитъ нелѣпо и въ значительной части на борьбу съ тѣми, кто даетъ ему эти деньги, выражалось въ трехъ предложеніяхъ: предлагалось, во первыхъ, не платить налоговъ, во вторыхъ, заявить, что за займы, заключенные правительствомъ во время открытой борьбы съ народомъ, населеніе не беретъ отвѣтственности на себя; въ третьихъ рекомендовали брать вклады изъ сберегательныхъ кассъ и притомъ золотомъ для того, чтобы правительство вынуждено было или объявить себя несостоятельнымъ или пріостановить размѣнъ, т. е. ввести бумажное денежное обращеніе взамѣнъ золотого.

Ни одна изъ этихъ мѣръ не могла и не можетъ быть полезной для освободительнаго движенія въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ 2.500 милл. руб. всѣхъ доходовъ, предположенныхъ на 1906 г., 148 милл. руб. имѣлось въ виду покрыть прямыми налогами, изъ коихъ отъ промыслового налога ждали 68 милл. руб., отъ сбора съ денежныхъ капиталовъ 20 милл. руб. Очевидно, что двѣ послѣднія статьи, равно какъ и часть налоговъ поземельныхъ, безнадежны въ смыслѣ бойкота, такъ какъ уплачиваются они торговцами, промышленниками и землевладѣльцами, которые при первыхъ же мѣрахъ принужденія со стороны правительства, причитающееся разумѣется внесутъ. Предположимъ, что крестьяне откажутся отъ уплаты своей доли поземельныхъ налоговъ и выкупныхъ платежей (35 милл. руб. на 1906 г.). Что произойдетъ? Отвѣтить не трудно. Въ рядѣ мѣстностей сѣющіе щедрою рукою презрѣніе и ненависть къ власти новые сатрапы дали уже образцы тактики русскаго правительства въ отвѣтъ на неплатежъ податей. Пулеметы, поджоги, порка до безпамятства, до смерти, круговая порука цѣлыхъ селеній другъ за друга—таковъ былъ отвѣтъ. Развѣ мыслимо при такихъ условіяхъ долго сопротивляться, если есть чѣмъ уплатить?...

Но вотъ косвенные налоги, пошлины, доходы казны отъ имуществъ и предпріятій!.. Разумѣется, никто не можетъ заставить меня ни потреблять обложенные акцизомъ предметы, ни давать заработокъ казнѣ путемъ пользованія ея предпрія-

тіями. Это совершенно безспорно. Но есть ли основанія серьезно разсчитывать на то, что широкіе круги населенія втеченіе долгаго времени (непремѣнно широкіе круги и непремѣно втеченіе долгаго времени — иначе казнѣ нечувствительно будетъ) могутъ воздерживаться отъ потребленія водки, которую пьютъ въ тревожные періоды всегда больше, чѣмъ когда либо, отъ куренія табаку, отъ потребленія сахару, керосина, спичекъ, чаю, отъ покупки ситцу, привознаго желѣза, машинъ и т. д. Или, быть можетъ, русскіе граждане перестанутъ, чтобы не платить пошлины, вести судебныя дѣла, подавать различнаго рода прошенія, совершать сдѣлки и получать наслѣдства? Или будутъ воздерживаться отъ пользованія почтой и телеграфомъ, воспрепятствуютъ продажѣ казеннаго лѣса, откажутся отъ поѣздокъ по желѣзнымъ дорогамъ?

Достаточно поставить эти вопросы, чтобы отвѣтъ сталъ яснымъ.

Переходимъ ко второму и, повидимому, наиболѣе соблазнительному средству — къ заявленію отъ лица народа о томъ, что отнынѣ займы русскаго правительства народомъ не пріемлются. Прежде всего возникаетъ вопросъ, кто будетъ говорить отъ имени русскаго народа. Наши политическія партіи? Но вѣдь онѣ такъ малочисленцы, такую ничтожную, въ сущности, долю населенія представляютъ, что едва ли ихъ кто сочтетъ за выразителей народной воли. Да и склонить къ подобному заявленію не удастся такія партіи, какъ правовой порядокъ или союзъ 17-го октября, лидеры которыхъ считаютъ политическую забастовку недопустимой. Предположимъ, однако, что заявленіе произведетъ все-таки сильное впечатлѣніе на заграничныхъ кредиторовъ Россіи, что они не сумѣютъ разобраться въ дѣйствительномъ значеніи такой декларацiи. Что тогда?

Весьма вѣроятно, что въ займѣ русскому правительству отказали бы (отказываютъ, вѣдь, и сейчасъ, при отсутствіи бойкота!). Предположимъ полную удачу плана: лишенное силъ и средствъ, нищее правительство сходитъ съ пьедестала, и на кресло премьера садится вождь оппозиціи. Если это будетъ г. Парвусъ или одинъ изъ его единомышленниковъ, русскія бумаги не упадутъ въ курсѣ, нѣтъ,—онѣ перестанутъ вовсе котироваться, ибо капиталисты почувствуютъ, что насталъ часъ соціальнаго переворота въ Россіи,

при коемъ г. Парвусъ, какъ можно судить по направленію его „теоретическаго разума“, не склоненъ будетъ поддерживать идею тѣхъ соціалистовъ, которые стоятъ за выкупъ при ликвидаціи частной собственности. О займахъ заграницей въ такомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи, въ нихъ и не будетъ, конечно, надобности. Впрочемъ, такой исходъ дѣла могъ рисоваться только въ чаду революціоннаго опьяненія грезой о пресловутой диктатурѣ пролетаріата.

Всякое же мыслимое правительство, которое явится на смѣну Витте-Дурново, должно будетъ занять большія суммы, ибо дефицитъ на 1906 годъ, вмѣстѣ съ нехватками за счетъ 1905 года, равняется 700—800 милл. руб. Мало того: вѣдь введеніе всеобщаго обязательнаго обученія, выкупъ земель у помѣщиковъ для надѣленія крестьянъ, мѣры къ улучшенію крестьянскаго хозяйства и т. д., и т. д.—все это потребуетъ громадныхъ займовъ, которые свободному народу недорого обойдутся, если кредиту Россіи будутъ вѣрить. Такимъ образомъ намъ надлежало бы объявить иностранцамъ, что процентовъ по займамъ, теперь заключаемымъ, мы платить не будемъ, а когда власти достигнемъ, то занимать станемъ. Допустимъ, однако, что найдутся люди, которые не повѣрятъ въ близкую побѣду новой Россіи и дадутъ русскому правительству въ долгъ. Возможность эта, увы! далеко не теоретическая, что видно изъ событій послѣ соотвѣтствующаго манифеста „крайнихъ“ партій. Исполняя свое торжественное заявленіе, мы должны будемъ отказаться отъ уплаты этихъ займовъ. Что же тогда скажутъ капиталисты? „Позвольте, заявятъ они намъ, вы вводите такой принципъ, который грозитъ намъ опасностью. Вѣдь, если васъ свергнетъ прежнее правительство, оно, пожалуй, въ свою очередь, откажется отъ уплаты по долгамъ, которые вы сдѣлаете. Мы не можемъ быть вполнѣ увѣренными въ прочности вашего режима, ибо знаемъ, что во Франціи почти сто лѣтъ шла смѣна одного политическаго строя другимъ. При такихъ условіяхъ, когда вы предполагаете другъ друга истреблять на нашихъ спинахъ и за нашъ счетъ, согласитесь, намъ нѣтъ основаній впутываться въ ваши дѣла. Самое правильное, что мы должны сдѣлать,—это не давать Россіи вовсе денегъ до тѣхъ поръ, пока прочность того или иного порядка не будетъ убѣдительно доказана временемъ“.

А намъ деньги нужны будутъ немедленно и до зарѣзу.

Такимъ образомъ примѣненіе этой мѣры оказывается опаснымъ и отъ нея лучше отказаться.

Остается вопросъ о сберегательныхъ кассахъ и о золотой валютѣ.

Пишущему эти строки не разъ приходилось доказывать въ печати, что наши сберегательныя кассы поставлены совершенно неудовлетворительно, что они свои дѣйствія облекаютъ густымъ покровомъ тайны, за которымъ скрываются, очевидно, некрасивыя картины,—словомъ, населеніе имѣетъ основанія опасаться за полную обезпеченность своихъ вкладовъ. Министерство финансовъ, правда, не упускаетъ случая заявить, что вклады обезпечены всѣмъ достояніемъ государства и посему тревога лишена всякаго смысла. Но мы знаемъ, что и на кредитныхъ билетахъ имѣется надпись объ обезпеченіи ихъ всѣмъ достояніемъ государства; однако, проектировалъ же на-дняхъ гр. Витте, согласно сообщенію „Нов. Времени“, пріостановить размѣнъ, что привело бы неизбѣжно къ паденію курса бумажнаго рубля и, стало быть, къ расчету не полнымъ рублемъ по долговымъ обязательствамъ казны (кредитки).

И тѣмъ не менѣе, агитировать за то, чтобы населеніе выбирало массами вклады, нецѣлесообразно. Ибо въ случаѣ успѣха агитаціи неминуемо наступитъ крахъ и раззореніе извѣстной группы вкладчиковъ, тогда какъ если этой мѣры не принимать, опасность потерь является только болѣе или менѣе вѣроятнымъ предположеніемъ.

Разумѣется, и правительство отъ краха сберегательныхъ кассъ потерпитъ большой ущербъ, разумѣется, что при востребованіи вкладовъ золотомъ золотая валюта рухнетъ, и Россія обанкрутится. Но не нужно забывать, что крушеніе золотой валюты знаменуетъ колебаніе курса нашихъ денегъ, а, стало быть, ведетъ къ непрочности всѣхъ торговыхъ сдѣлокъ на внѣшнемъ рынкѣ, во-первыхъ; во-вторыхъ, отъ пониженія курса рубля (что неизбѣжно!) потеряютъ не только всѣ лица съ постояннымъ заработкомъ, но и рабочіе, ибо замѣчено уже давно, что заработная плата очень медленно и съ большимъ запозданіемъ слѣдуетъ за измѣненіями цѣны товаровъ, является отраженіемъ цѣны денегъ при прочихъ равныхъ условіяхъ. Кромѣ того, Россіи, конечно, нельзя будетъ остаться при бумажныхъ деньгахъ, и придется, значитъ,

нести новыя тяжелыя жертвы для возстановленія золотого обращенія, какія были уже принесены въ прошломъ.

Нѣтъ, да минуетъ насъ чаша сія!.. Не будемъ избирать тактики, которая сулитъ больше вреда народу, чѣмъ пользы. Воздержимся отъ стремленія отомстить врагу во что бы то ни стало, хотя бы путемъ самоубійства, путемъ обреченія себя на мученія. Будемъ жить и бороться иными средствами, не столь опасными для народнаго благосостоянія, отложимъ обоюдоострый мечъ въ сторону: это оружіе непригодное!..

III.

Осуждая примѣненіе финансоваго бойкота въ Россіи въ его, такъ сказать, внѣпарламентской формѣ, я предвижу, однако, что это оружіе можетъ вскорѣ же въ Думѣ сослужить хорошую службу дѣлу освобожденія.

Носятся упорные слухи, идущіе изъ оффиціальныхъ источниковъ, будто бы имѣется въ виду ограничить первую сессію Думы самымъ короткимъ періодомъ. По исполненіи сложныхъ и требующихъ много времени формальностей народнымъ представителямъ предложатъ вотировать заемъ, выразить согласіе на введеніе новыхъ налоговъ и повышеніе старыхъ, а засимъ Дума разойдется на каникулы... быть можетъ впредь до слѣдующаго займа. Если подобное издѣвательство попытаются осуществить, то вся Дума,—надѣемся, какъ одинъ человѣкъ—заявитъ рѣшительный протестъ.

Русскій народъ, жертвуя жизнью лучшихъ сыновъ своихъ, добивался не машины для вотированія займовъ и налоговъ, а собранія защитниковъ свободы, друзей народа. И вполнѣ естественно, что правительству, которое такъ издѣвалось, издѣвается и намѣрено впредь издѣваться надъ своимъ хозяиномъ, народомъ, такому правительству, которое привыкло расточать безъ счету казенныя суммы, Дума денегъ не дастъ. Она будетъ въ полномъ правѣ примѣнить англійскую систему борьбы: въ обмѣнъ за субсидіи потребовать осуществленія желаній и требованій народа. Если Дума заявитъ, что пока не изданъ законъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, пока не осуществлена дѣйствительная, а не маргариновая свобода, до тѣхъ поръ народные представители не могутъ дать согласія ни на какіе займы, ни на какіе новые налоги и ни на какое повышеніе старыхъ—мы будемъ рукоплескать этому му-

жественному и мудрому рѣшенію. При такихъ условіяхъ мы вѣримъ въ успѣхъ борьбы финансовымъ оружіемъ, такъ какъ безъ Думы теперь правительству за границей займа не дадутъ, а стойкую и парламентскую защиту правъ народа будетъ привѣтствовать вся Европа, не исключая и капиталистовъ, которые поймутъ тогда, наконецъ, что Россія вполнѣ созрѣла для истинной свободы — перваго условія дѣйствительности экономическаго прогресса, а, стало быть, и финансоваго благополучія. Но для успѣха этой тактики нужно, чтобы составъ Думы былъ ей благопріятенъ, чтобы клевретамъ самодержавной бюрократіи тамъ не было мѣста.

М. И. Фридманъ.

Что такое соціализмъ?

Двадцатый вѣкъ начался подъ знакомъ соціализма. Въ однихъ людяхъ красное знамя пролетаріата вызываетъ энтузіазмъ, на другихъ оно наводитъ ужасъ, но нѣтъ никого, кто къ этому грозному символу относился бы равнодушно. Мечты одинокихъ мыслителей превратились въ мощное общественное движеніе, величайшее движеніе, какое только знаетъ всемірная исторія.

О соціализмѣ существуетъ огромная, необозримая литература, возрастающая съ каждымъ днемъ. Тысячи органовъ прессы въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ посвящены пропагандѣ, развитію и разработкѣ соціалистическихъ идей. Милліоны людей принимаютъ участіе въ соціалистическомъ движеніи, и неудивительно, что общественная мысль всего міра все болѣе и болѣе сосредоточивается вокругъ проблемъ, выдвинутыхъ этимъ движеніемъ.

И, однако, соціализмъ, какъ ученіе, чрезвычайно далекъ отъ идеала законченной научной системы. Самое понятіе соціализма до послѣдней степени шатко и неопредѣленно. Что такое соціализмъ? Лавеле говоритъ въ своей извѣстной книгѣ о современномъ соціализмѣ, что онъ не встрѣчалъ еще точнаго опредѣленія этого понятія. Прудонъ отвѣтилъ какъ то на подобный же вопросъ, что соціалистомъ является всякій, стремящійся къ улучшенію общественнаго строя. Если такъ, то кто же можетъ не быть соціалистомъ? «Каждый — заключаетъ Лавеле — есть соціалистъ съ чьей-либо точки зрѣнія».

По мнѣнію Штамлера, «совершенно невозможно охватить однимъ понятіемъ всѣ тѣ различныя общественныя направленія, которыя за истекшее столѣтіе обычно именовались соціалистическими». Въ виду этого, въ новѣйшее время замѣчается склонность такъ раздвигать рамки даннаго понятія, что оно почти утрачиваетъ опредѣленный смыслъ. Георгъ Адлеръ въ своей новѣйшей исторіи соціализма опредѣляетъ соціализмъ «какъ такой общественной строй, въ которомъ хозяйство ведется въ широкихъ размѣрахъ при помощи обществен-

ныхъ средствъ на основѣ коллективной собственности». Исходя изъ этого опредѣленія, слѣдуетъ признать, что всякій общественный строй есть, въ большей или меньшей степени, соціализмъ, ибо нѣтъ того общества, въ которомъ совсѣмъ бы не было хозяйства при помощи общественныхъ средствъ на основахъ коллективной собственности. «Подъ соціализмомъ — говоритъ Карлъ Диль въ одной изъ своихъ раннихъ работъ — мы понимаемъ то политико-экономическое направленіе, которое относится враждебно къ основамъ существующаго хозяйственно-правового строя, особенно частной собственности». Это опредѣленіе страдаетъ прежде всего тѣмъ, что имѣетъ отрицательный характеръ: оно указываетъ, съ чѣмъ борется соціализмъ, но ничего не говоритъ о томъ, за что онъ борется. Между тѣмъ, соціализмъ есть, прежде всего, положительное ученіе, ставящее себѣ опредѣленныя положительныя задачи въ общественной жизни. Затѣмъ Диль столь же раздвигаетъ границы своего понятія соціализма, какъ и Адлеръ. Всякая мѣра государства, направленная къ ограниченію свободы хозяйственнаго оборота, можетъ быть признана враждебной правамъ частныхъ собственниковъ, — а такъ какъ принципъ государственнаго вмѣшательства прочно утвердился въ современной хозяйственной жизни, то, съ этой точки зрѣнія, окажется правъ англійскій либеральный министръ Вилльямъ Гаркортъ, сдѣлавшій въ свое время сенсаціонное заявленіе, что «мы всѣ теперь соціалисты».

Въ своей новѣйшей работѣ Диль даетъ нѣсколько иное опредѣленіе понятія соціализма. Какая конечная цѣль соціализма?—спрашиваетъ онъ—и отвѣчаетъ: «уничтоженіе частной собственности на средства производства». Такимъ образомъ, «соціализмъ есть политико-экономическое направленіе, признающее желательнымъ уничтоженіе частной собственности на средства производства или полагающее, что современное общественное развитіе ведетъ къ таковому уничтоженію». Это опредѣленіе почти совпадаетъ съ общепринятымъ среди марксистовъ и страдаетъ тѣми же недостатками, какъ и это послѣднее, о чемъ у меня будетъ итти рѣчь ниже.

Но наиболѣе нагляднымъ показателемъ смутности понятія соціализма въ современной экономической наукѣ является сравнительно недавняя попытка Фр. Неймана въ руководящемъ нѣмецкомъ экономическомъ журналѣ положить этому положенію дѣла конецъ. Разсмотрѣвъ съ большей обстоятельностью разныя опредѣленія даннаго понятія Нейманъ пришелъ къ заключенію, что «соціалистическими слѣдуетъ признавать тѣ направленія и ученія, которыя заходятъ слишкомъ далеко въ своемъ требованіи замѣны своекорыстнаго хозяйства принудительнымъ хозяйствомъ въ общихъ интересахъ». Вотъ,

поистинѣ удивительное опредѣленіе, возводящее въ принципъ субъективный произволъ. Съ этой точки зрѣнія, всякій хозяйственный строй можетъ быть признанъ соціалистическимъ или нѣтъ, смотря по тому, соотвѣтствуетъ ли онъ или нѣтъ нашимъ субъективнымъ идеаламъ.

Но всѣ эти опредѣленія соціализма исходятъ, если не отъ враговъ этого ученія, то, во всякомъ случаѣ, и не отъ его послѣдователей и сторонниковъ. Направленіе, господствующее въ современномъ соціализмѣ —марксизмъ—гордится тѣмъ, что оно превратило соціализмъ изъ утопіи въ науку. Къ сожалѣнію, особенностью марксизма является его весьма ненаучное равнодушіе къ точному опредѣленію употребляемыхъ терминовъ и понятій. Марксизмъ, вообще говоря, отождествляетъ соціализмъ съ понятіемъ обобществленія средствъ производства — съ переходомъ средствъ производства изъ частной собственности (въ каковой они находятся въ настоящее время) въ собственность всего общества какъ цѣлаго, для планомѣрной организаціи общественнаго производства. Что касается до предметовъ потребленія, то предполагается, что по отношенію къ нимъ частная собственность сохранится.

Но и это пониманіе сущности соціализма не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Оно грѣшитъ, прежде всего, тѣмъ, что имъ указываются не цѣли, а лишь средства соціализма. Совершенно вѣрно, что, согласно господствующему соціалистическому воззрѣнію, цѣли соціализма могутъ быть достигнуты лишь обобществленіемъ средствъ производства. Но значитъ ли это, что всякое обобществленіе производства, при всякихъ условіяхъ, равнозначуще достиженію истинныхъ цѣлей соціализма? Отнюдь нѣтъ. Переходъ средствъ производства изъ рукъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ въ руки всего общества можетъ произойти двоякимъ путемъ—или путемъ выкупа ихъ у теперешнихъ владѣльцевъ или безъ посредства выкупа. Родбертусъ указываетъ, между прочимъ, слѣдующій способъ выкупа: общество экспропріируетъ существующихъ владѣльцевъ земли и капитала, но взамѣнъ этого принимаетъ на себя постоянное обязательство платить имъ ежегодно ту же сумму, какую они получали раньше со своего выкупленнаго имущества. Въ такомъ случаѣ землевладѣльцы и капиталисты заняли бы по отношенію къ обществу положеніе какъ бы постоянныхъ кредиторовъ. Общество продолжало бы уплачивать въ прежнемъ размѣрѣ дань въ пользу капиталистическаго и землевладѣльческаго класса, по прежнему доля трудового продукта присвоивалась бы не работающими, но имущими классами, по прежнему были бы богатые и бѣдные, имущіе и неимущіе классы. Эксплоатація человѣка человѣкомъ осталась бы во всей своей силѣ, и общество продолжало бы сохранять классовой

характеръ, хотя средства производства были бы обобществлены и частная собственность на нихъ исчезла бы.

Можно ли назвать такое общество соціалистическимъ, и къ этому ли стремится соціализмъ? Безусловно нѣтъ, ибо обобществленіе производства является для соціалистовъ лишь средствомъ къ цѣли: уничтоженія эксплоатаціи человѣка человѣкомъ. Обобществленіе производства въ той формѣ, которая предложена Родбертусомъ, было бы сохраненіемъ и закрѣпленіемъ на вѣчныя времена господства имущихъ классовъ, ничего не производящихъ, но потребляющихъ плоды чужихъ трудовъ. Такой строй былъ бы столь же далекъ отъ соціалистическаго идеала, какъ и современный строй, основанный на частномъ предпринимательствѣ и частномъ владѣніи средствами производства.

Итакъ, обобществленіе производства, само по себѣ, еще не составляетъ соціализма. Распространеніе акціонерныхъ компаній ведетъ къ тому, что собственность на капиталъ все больше и больше отдѣляется отъ руководительства капиталистическимъ предпріятіемъ. Производительныя функціи капитала все болѣе и болѣе обособляются отъ владѣнія капиталомъ, истинный характеръ котораго, какъ средства извлеченія нетрудового дохода, иначе говоря эксплоатаціи труда, выступаетъ во все болѣе обнаженномъ видѣ. Въ прежнее время этотъ характеръ капиталистическаго дохода маскировался тѣмъ, что капиталистъ руководилъ работой другихъ и, слѣдовательно, самъ исполнялъ полезную работу. При господствѣ акціонернаго производства, всякая иллюзія относительно сущности капиталистическаго дохода становится невозможной: акціонеръ можетъ не принимать ни малѣйшаго участія въ руководительствѣ предпріятіемъ и, всетаки, исправнѣйшимъ образомъ получать свои дивиденды.

Представимъ себѣ, что дальнѣйшій ростъ акціонерныхъ компаній въ связи съ соединеніемъ ихъ въ союзы, картели и трёсты, поведетъ къ полному исчезновенію единоличныхъ капиталистическихъ предпріятій и объединенію всего капиталистическаго производства въ одно планомѣрно организованное колоссальное національное предпріятіе. Пусть владѣльцами акцій такого предпріятія будутъ не только крупные собственники, но и рабочая масса (какъ это мы наблюдаемъ на гигантскихъ ольдгамскихъ бумагопрядильняхъ, гдѣ большинство рабочихъ владѣютъ акціями этихъ фабрикъ, а также въ крупнѣйшей капиталистической организаціи міра— знаменитомъ американскомъ стальномъ трэстѣ, принимающемъ всевозможныя мѣры къ тому, чтобы сдѣлать своихъ рабочихъ акціонерами предпріятія и этимъ сильнѣе связать ихъ съ нимъ) — все же это

обобществленное и централизованное капиталистическое производство останется капиталистическимъ, а отнюдь не соціалистическимъ производствомъ.

По словамъ талантливаго вождя бельгійскихъ соціалистовъ, Эмиля Вандервельде «конечная цѣль соціализма заключается въ общественной собственности на средства производства и обмѣна, въ общественной организаціи труда, въ раздѣленіи прибавочной цѣнности между трудящимися — за вычетомъ части, необходимой для общихъ потребностей всего общества». И это опредѣленіе не можетъ быть признано удачнымъ. Въ немъ не проводится различія между цѣлью и средствами соціализма. Обобществленіе средствъ производства и общественная организація труда не составляютъ, какъ сказано, конечной цѣли соціализма. Что касается до раздѣленія продукта между трудящимися (иначе говоря, уничтоженія нетрудового дохода), то таковое, дѣйствительно, является одной изъ цѣлей соціализма. Но соціализмъ идетъ дальше этого. Въ настоящее время трудъ директора фабрики оплачивается въ десятки и даже сотни разъ выше труда чернорабочаго, хотя чернорабочій трудится не меньше, а больше директора. Безъ сомнѣнія, соціализмъ отвергнетъ подобныя различія оплаты труда. Иными словами, соціализмъ требуетъ не только распредѣленія продукта между трудящимися, но и распредѣленія между ними въ соотвѣтствіи съ извѣстными этически-правовыми нормами, на которыя формула Вандервельде («раздѣленіе прибавочной цѣнности между трудящимися)» никакого указанія не даетъ.

Болѣе подчеркиваются конечныя цѣли соціализма опредѣленіемъ Менгера. «Сущность соціалистическаго государства въ своей самой общей формулѣ—говоритъ этотъ выдающійся знатокъ соціалистической литературы—заключается въ томъ, что въ немъ индивидуальные интересы большинства народа являются главной цѣлью государственной дѣятельности». Послѣднее, конечно, вѣрно, но все же опредѣленіе Менгера даетъ крайне мало для пониманія сущности соціализма. Въ немъ совершенно исчезаютъ характерическія черты соціалистическаго строя, отличающія его отъ всякаго другого. Вѣдь и буржуазія, опрокинувъ въ 18-мъ вѣкѣ феодальную власть, совершила переворотъ подъ флагомъ общихъ интересовъ народа. Мыслители 18-го вѣка были искренно убѣждены, что свободная конкуренція всего болѣе обезпечиваетъ благо народныхъ массъ. Именно потому они и были апологетами капиталистическаго, но отнюдь не соціалистическаго строя.

Чтобы закончить этотъ бѣглый и, конечно, далеко неполный обзоръ различныхъ опредѣленій соціализма, приведу краткую характеристику даннаго понятія Вернеромъ Зомбартомъ. «Всѣ теоретическія попытки—

говоритъ этотъ блестящій представитель современной германской академической науки—указать пролетаріату цѣль его стремленій, вызвать его къ бою, организовать бой, найти путь, которымъ можетъ быть достигнута названая цѣль, образуютъ своей совокупностью то, что мы называемъ современнымъ соціализмомъ». Пусть такъ, но въ чемъ же заключается цѣль стремленій пролетаріата? Въ этомъ суть вопроса, и объ этомъ Зомбартъ предпочитаетъ умолчать.

Итакъ, мы до сихъ поръ не нашли удовлетворительнаго опредѣленія понятія соціализма. Причины этого страннаго положенія дѣлъ—мощнаго соціалистическаго движенія и неясности его теоретическихъ отправныхъ пунктовъ—лежатъ довольно глубоко. Творцами положительнаго ученія современнаго соціализма слѣдуетъ скорѣе всего признать такъ называемыхъ «великихъ утопистовъ» начала прошлаго вѣка: Оуэна, Сенъ-Симона и его школу и Фурье. Эти люди совершили бо́льшую часть той умственной работы, которая потребовалась для созданія новаго соціальнаго идеала. Но ихъ соціализмъ имѣлъ вполнѣ сектантскій характеръ. Были секты овенистовъ, сенъ-симонистовъ, фурьеристовъ, каждая изъ которыхъ отвергала остальныя, но не было ничего похожаго на сознаніе общности соединявшихъ ихъ всѣхъ цѣлей и стремленій.

Второстепенныя различія между отдѣльными направленіями соціалистической мысли совершенно скрывали отъ соціалистическихъ сектантовъ ихъ общую принципіальную близость. Самый терминъ «соціализмъ», какъ обобщающее понятіе для всѣхъ соціалистическихъ направленій безъ различія, появился значительно позже. Во Франціи, по словамъ Вейля, автора превосходной монографіи о сенъ-симонизмѣ, слово это впервые было употреблено въ одномъ сенъ-симонистскомъ журналѣ въ 1832 г., съ нѣсколько инымъ значеніемъ, чѣмъ то, которое ему придается нынѣ. Въ 1836 г. послѣдователи Оуэна на конгрессѣ въ Манчестерѣ приняли для своей партіи названіе соціалистовъ. Въ 40-хъ годахъ благодаря, главнымъ образомъ, очень распространенной, хотя и поверхностной книгѣ Луи Рейбо, терминъ «соціализмъ» въ современномъ смыслѣ слова вошелъ въ общее употребленіе.

Первоначальный соціализмъ былъ вполнѣ продуктомъ умозрѣнія, какъ любая философская система или научная теорія. Отвергая существующій общественный строй и предлагая его замѣнить новымъ, великіе соціалисты начала прошлаго вѣка возлагали всѣ свои надежды на силу убѣжденія. Они обращались къ разуму человѣчества и поступали такъ, какъ поступалъ бы архитекторъ, предлагающій сломать существующую неудачную постройку и выстроить на ея мѣстѣ новую по новому плану.

Въ этомъ методѣ дѣйствій заключалась и сила и слабость первоначальнаго соціализма. Сила потому, что методъ этотъ имѣлъ въ себѣ, несомнѣнно, нѣчто правильное и разумное. Правда, соціальный строй не есть всецѣло продуктъ сознательной воли человѣка; ему присущи стихійные элементы, не поддающіеся сознательному воздѣйствію. Но все же сознательная человѣческая воля всегда оказывала и оказываетъ—и при томъ въ возрастающей степени—извѣстное вліяніе на характеръ устройства человѣческаго общежитія. Если существующее историческое право и не есть всецѣло продуктъ человѣческаго искусства, все же оно, по мѣрѣ хода исторіи, болѣе и болѣе становится таковымъ. И потому, первоначальные творцы современнаго соціализма отнюдь не были неправы въ своемъ убѣжденіи, что доказавши огромныя преимущества созданнаго ихъ воображеніемъ новаго соціальнаго строя и распространивши это убѣжденіе въ народныхъ массахъ, они рано или поздно побудятъ людей перестроить свою жизнь по новому плану.

Убѣжденіе въ возможности соціальнаго творчества путемъ логическихъ аргументовъ имѣло также и ту хорошую сторону, что оно поощряло первоначальныхъ соціалистовъ къ логическому усовершенствованію ихъ доктрины. Какую упорную вѣру въ непобѣдимость доводовъ разсудка долженъ былъ имѣть какой-нибудь Фурье, чтобы на десяткахъ и сотняхъ страницъ, пунктъ за пунктомъ, перечислять всѣ безчисленныя выгоды организаціи труда въ своемъ фаланстерѣ. Онъ не боялся тривіальности и мелочности многихъ своихъ разсчетовъ, для которыхъ ему приходилось спускаться въ сферы, величественно игнорируемыя современной наукой: кухня, прачешная, курятникъ, кладовыя, вообще вся область незамѣтнаго домашняго хозяйства казалась ему такимъ же важнымъ полемъ изслѣдованія, какъ и тѣ пункты современнаго хозяйства, гдѣ сталкиваются и перекрещиваются могучія силы мірового экономическаго оборота. Фурье хотѣлъ убѣдить людей, что имъ будетъ лучше жить во дворцѣ будущаго, фаланстерѣ, чѣмъ въ зданіи современнаго типа; а такъ какъ жизнь обыкновеннаго человѣка слагается изъ мелочей, то ни одна мелочь не казалась Фурье слишкомъ ничтожной.

Подобные расчеты очень легко высмѣять—и, дѣйствительно, они высмѣивались много разъ. Однако, въ результатѣ всѣхъ этихъ умственныхъ усилій придумать новое совершенное устройство общества и доказать преимущества придуманнаго передъ существующимъ получилось дѣло огромной важности.

Вѣдь соціальный идеалъ, подъ знаменемъ котораго рабочіе борются въ настоящее время, созданъ не кѣмъ инымъ, какъ этими

чудаками, дерзнувшими противопоставить свою мечту грубой реальности окружавшаго ихъ міра. Вѣдь соціализмъ, какъ положительное ученіе, какъ представленіе объ опредѣленномъ общественномъ строѣ будущаго, созданъ всецѣло этими странными людьми и никѣмъ больше. Именно они указали человѣчеству великую цѣль, къ которой оно теперь стремится.

Но, съ другой стороны методъ придумыванія, изобрѣтенія новаго соціальнаго строя и мирной пропаганды придуманнаго, заключалъ въ себѣ источникъ неустранимой слабости первоначальнаго соціализма. Средній человѣкъ отнюдь не такое разсудочное существо, какимъ его часто представляютъ: его духовный міръ окутанъ плотной тканью интересовъ, привычекъ, традицій, предвзятыхъ взглядовъ, предразсудковъ, которыхъ не разсѣкутъ самые сильные логическіе аргументы. Сколько бы ни убѣждали людей въ прелестяхъ будущаго соціальнаго строя, большинство останется глухо къ этимъ убѣжденіямъ, если ихъ ближайшіе реальные интересы не потребуютъ отъ нихъ разрыва съ существующимъ и смѣлаго шага впередъ. Въ представленіи раннихъ соціалистовъ міръ будущаго отдѣлялся цѣлой бездной отъ міра настоящаго. И народная масса обнаружила мало интереса къ ихъ проповѣди, несмотря на всю ея убѣдительность и внутреннюю силу.

Чтобы вліять на массы, соціализмъ долженъ былъ сблизиться съ насущными интересами этихъ массъ. Эту задачу и выполнилъ марксизмъ. Благодаря геніальной тактикѣ, созданной Марксомъ, соціалистическое движеніе стало рабочимъ движеніемъ. Борьба за соціалистическій идеалъ приняла характеръ борьбы за улучшеніе положенія рабочаго класса. И только благодаря этой новой тактикѣ, соціализмъ сталъ тѣмъ, что онъ есть: величайшей политической силой нашего времени.

Но чѣмъ больше центръ тяжести соціалистическаго движенія перемѣщался въ область практической политики, ближайшихъ нуждъ рабочаго класса, тѣмъ болѣе отступала на задній планъ конечная цѣль движенія. Интересъ къ будущему соціалистическому строю замѣнился интересомъ къ немедленно осуществимымъ частичнымъ реформамъ существующаго общественнаго строя. Вопросы рабочаго законодательства, профессіональной организаціи рабочихъ, борьба съ политической реакціей и пр. стали центромъ вниманія дѣятелей соціализма. Что же касается до соціалистическаго идеала, то онъ оставался лишь знаменемъ движенія, но не реальнымъ его содержаніемъ.

Марксизмъ ничего не прибавилъ къ этому идеалу въ томъ видѣ, какъ онъ былъ созданъ ранними соціалистами. Однако, оче-

видно, что лишь этотъ идеалъ дѣлаетъ современное рабочее движеніе соціалистическимъ движеніемъ. Иначе говоря, соціализмъ, какъ ученіе, есть ученіе прежде всего о новомъ соціальномъ идеалѣ.

Такимъ образомъ, тактика марксизма, увѣнчавшаяся столь блестящимъ успѣхомъ въ практической жизни, сказалась въ области теоріи ослабленіемъ интереса къ конечнымъ цѣлямъ соціализма. Вотъ почему ничего не можетъ быть ошибочнѣе обычнаго мнѣнія, что теорія соціализма содержится цѣликомъ въ работахъ Маркса и его школы. Въ геніальныхъ трудахъ автора «Капитала», значенія которыхъ я отнюдь не склоненъ уменьшать, содержится теорія не соціализма, но капитализма, капиталистическаго развитія, ведущаго къ соціализму. Что касается до соціализма—строя будущаго—то теоріи этого строя Марксъ почти и не касался. Онъ получилъ соціалистическій идеалъ въ готовомъ видѣ отъ своихъ предшественниковъ и, какъ сказано, ничего къ этому идеалу не прибавилъ. Остается даже неяснымъ, что именно изъ этого идеала сохранилъ Марксъ и что отбросилъ, хотя, по отрывочнымъ указаніямъ и намекамъ можно догадываться, что по отношенію къ строю будущаго идеализмъ Маркса нисколько не уступалъ идеализму его предшественниковъ.

Этимъ и объясняется отмѣченный мною странный фактъ, что въ то самое время, какъ знамя соціализма все больше и больше становится знаменемъ рабочаго класса всего міра, самое понятіе соціализма, какъ опредѣленнаго общественнаго идеала, становится все болѣе и болѣе туманнымъ, расплывчатымъ и неяснымъ.

Соціалистическій идеалъ не можетъ быть понятъ внѣ связи съ тѣмъ міросозерцаніемъ, которое его породило. Первымъ провозвѣстникомъ этого идеала въ законченной, систематической формѣ, можетъ считаться геніальный авторъ «Утопіи» Томасъ Моръ. Но идеи Мора слишкомъ опередили его время и остались въ сторонѣ отъ жизни. Современный соціализмъ ведетъ свое начало отъ болѣе поздняго времени, отъ эпохи великой французской революціи, въ столь различныхъ и многообразныхъ отношеніяхъ являющейся гранью, съ которой начинается новѣйшая исторія человѣчества.

Въ эту эпоху окончательно сложилось и окрѣпло новое міровоззрѣніе, краеугольнымъ камнемъ котораго явилась идея равноцѣнности человѣческой личности. Лучшимъ выразителемъ и обоснователемъ этого міровоззрѣнія я считаю того, кто стоялъ въ сторонѣ отъ общественной жизни, но своей свѣтлой и мощной мыслью глубже всѣхъ проникъ въ тайны человѣческаго духа—величайшаго философа новаго времени, Канта.

Кантъ далъ въ своихъ работахъ о морали и правѣ теорію того міросозерцанія, которое на практикѣ выразилось въ знаменитомъ рево-

люціонномъ требованіи «свободы, равенства и братства». Изъ этой тріады для соціализма особенно важенъ второй принципъ, равенства, который и является идейнымъ корнемъ всего соціализма.

Между тѣмъ, именно этотъ принципъ обосновать всего труднѣе. Желательность свободы и братства не нуждается въ доказательствахъ. Отсутствіе свободы ощущается человѣкомъ, какъ положительное страданіе. Точно также братство—иначе говоря, любовь—есть положительное благо. Другое дѣло равенство. Почему и въ какомъ смыслѣ равенство есть благо, а неравенство—зло? Неравенство коренится въ самой природѣ вещей: люди рождаются неравными—неравными по своимъ физическимъ силамъ, умственнымъ способностямъ, нравственнымъ наклонностямъ, вкусамъ, потребностямъ и т. д. и т. д. Никакой соціальный строй не можетъ устранить этого естественнаго неравенства. И для чего нужно стремиться къ его устраненію? Развѣ всеобщее равенство гарантируетъ всеобщее счастье?

Всѣ эти соображенія такъ естественны и убѣдительны, что и понынѣ неизмѣнно выдвигаются противниками соціализма. И только стройная, строгая, неумолимо-послѣдовательная и логичная теорія Канта даетъ прочное, какъ гранитъ, обоснованіе требованія равенства.

Сознательная дѣятельность человѣка направлена на достиженіе разнообразныхъ цѣлей. Все, что является для насъ цѣлью, имѣетъ для насъ и опредѣленную цѣнность. Наши цѣли бываютъ относительными въ томъ случаѣ, когда мы сами, произвольно, по своему усмотрѣнію, ставимъ ихъ себѣ—ибо цѣнность этихъ цѣлей произвольно опредѣляется каждымъ отдѣльнымъ субъектомъ, не представляя собой ничего общеобязательнаго для другихъ людей. Но не существуетъ ли въ природѣ чего-либо, что должно имѣть абсолютную, общеобязательную цѣнность для всѣхъ людей? Да, нѣчто такое въ природѣ существуетъ. «Въ природѣ все что угодно, надъ чѣмъ мы имѣемъ власть, можетъ служить намъ средствомъ—говоритъ Кантъ—и только человѣкъ, и съ нимъ всякое разумное существо—есть цѣль въ себѣ... Человѣкъ и вообще всякое разумное существо существуетъ, какъ цѣль въ себѣ, не какъ средство для той или другой воли, но всегда долженъ разсматриваться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, направленныхъ какъ на него самого, такъ и на другія разумныя существа, какъ цѣль».

Конечно, Кантъ не утверждаетъ, что это основное правило морали всегда осуществляется на практикѣ. Таковъ, однако, моральный идеалъ, лежащій въ основѣ гуманистическаго міросозерцанія, выразившагося въ революціонномъ требованіи свободы и равенства.

Это революціонное міросозерцаніе, ниспровергшее столько святынь, нашло и утвердило одну верховную святыню—человѣческую личность.

Оно преклонилось передъ человѣкомъ, какъ таковымъ. Достоинства людей различны: нѣкоторые люди внушаютъ намъ уваженіе, къ другимъ мы относимся съ презрѣніемъ и негодованіемъ. Но въ каждомъ человѣкѣ, даже самомъ низкомъ, есть нѣчто, имѣющее абсолютную цѣнность, цѣнность превыше всего — это его человѣческая природа. Каковъ бы ни былъ человѣкъ, мы всегда должны относиться къ нему, не какъ къ средству, а какъ къ верховной цѣли. Всякій человѣкъ можетъ требовать такого отношенія къ себѣ, какъ своего прирожденнаго неотъемлемаго права.

Такимъ путемъ Кантъ приходитъ къ идеѣ «царства цѣлей» — господства разумныхъ цѣлей, которыя ставятъ себѣ разумныя существа, каждое изъ которыхъ видитъ въ другомъ не средство, но цѣль. Идеальное человѣческое общество и должно быть такимъ царствомъ цѣлей.

Античное міросозерцаніе легко мирилось съ рабствомъ. Самые возвышенные философы древности — какъ Платонъ — отрицали за варварами, не эллинами, права требовать къ себѣ со стороны эллиновъ мягкаго, человѣческаго отношенія. Новое міровоззрѣніе, признавшее человѣческую личность абсолютной и безконечной цѣнностью, не можетъ дѣлать такихъ различій между людьми. Ибо всѣ люди, каковы бы они ни были, обладаютъ человѣческой личностью. Вотъ, слѣдовательно, точка зрѣнія, съ которой всѣ разумныя существа должны быть признаны абсолютно равными. Самый ничтожный человѣкъ равенъ въ этомъ смыслѣ самому великому—ибо они въ равной мѣрѣ люди, носители святыни человѣческой личности.

Отсюда вытекаетъ кантовское ученіе о прирожденныхъ правахъ человѣка. «Прирожденное право человѣка существуетъ только одно. Свобода (независимость отъ принудительнаго воздѣйствія чужого произвола), поскольку таковая совмѣстима, согласно общему закону, со свободой другихъ людей, есть это единственное, первоначальное право, присущее каждому человѣку въ силу того, что онъ человѣкъ. Прирожденное равенство — т. е. право каждаго не нести бо́льшихъ обязательствъ по отношенію къ другому, чѣмъ сколько это послѣднее лицо несетъ обязательствъ по отношенію къ первому; далѣе право человѣка быть своимъ собственнымъ господиномъ, — всѣ эти права лежатъ уже въ принципѣ прирожденной свободы и не могутъ быть въ дѣйствительности отъ него отдѣлены (какъ подраздѣленія высшаго правового принципа)».

Итакъ, вотъ въ какомъ смыслѣ всѣ люди равны отъ природы, какъ бы они ни были различны по своимъ свойствамъ и достоинствамъ. Они равны по своимъ правамъ на жизнь и счастье, они равны по

тому уваженію, съ какимъ мы должны относиться къ интересамъ ихъ всѣхъ,—они равны по безконечной цѣнности, которой обладаетъ личность каждаго изъ нихъ. Только съ этой точки зрѣнія можно признавать принципъ равенства основаніемъ правильнаго общежитія людей. Отбросьте ученіе объ абсолютной цѣнности человѣческой личности—и всѣ демократическія требованія нашего времени окажутся пустымъ разглагольствованіемъ. Поэтому необходимо признать идею равноцѣнности человѣческой личности основной этической идеей современнаго соціализма.

Правда, самъ Кантъ, давшій незыблемое теоретическое обоснованіе соціализму, отнюдь не былъ соціалистомъ. Въ своей «Метафизикѣ нравовъ» онъ защищаетъ право частной собственности на землю и другія средства производства и пытается вывести его изъ основного прирожденнаго права человѣка на свободу. Но если есть какое-либо положеніе, твердо установленное соціалистической критикой, то это то, что право частной собственности на средства производства, по неумолимымъ законамъ хозяйства неизбѣжно превращается въ право эксплоатаціи одними людьми другихъ, неизбѣжно ограничиваетъ свободу личности трудящагося человѣка, обращаетъ въ пустую юридическую фикцію прирожденное равенство всѣхъ. Пока останется частная собственность на землю и капиталъ, до тѣхъ поръ землевладѣлецъ и капиталистъ останутся фактическими господами работника, лишеннаго средствъ производства и существованія. Иными словами, частная собственность на средства производства несовмѣстима съ правомъ человѣка на свободу и равенство. Соціализмъ есть, слѣдовательно, требованіе естественнаго права, логически связанное съ первымъ и основнымъ прирожденнымъ правомъ человѣка на свободу.

Кантъ не былъ, какъ сказано, соціалистомъ. Однако, только въ идеѣ равноцѣнности человѣческой личности,—а эта идея нашла свое самое систематическое выраженіе въ философіи Канта—заключается теоретическое обоснованіе соціалистическаго міровоззрѣнія, поскольку таковое опирается на этическіе принципы. Соціализмъ есть стремленіе осуществить въ дѣйствительной жизни всѣ тѣ права, которыя нынѣ теоретически признаются всѣми неотъемлемымъ достояніемъ человѣка. Изъ области юридической фикціи права эти должны перейти въ реальную жизнь.

Недостаточно всѣхъ людей объявить равноправными—нужно ихъ сдѣлать реально равноправными, нужно обезпечить за ними возможность реально использовать ихъ права; а такъ какъ въ основѣ индивидуальной и общественной жизни лежитъ хозяйство, внѣ котораго невозможно никакое реальное обезпеченіе права, то

соціализмъ естественно приходитъ къ требованію преобразованія современнаго устройства хозяйства. Пока одни классы общества будутъ присвоивать трудъ другихъ классовъ, пока сохранится эксплоатація трудящихся классовъ имущими, до тѣхъ поръ фактическая равноправность всѣхъ, къ которой стремится соціализмъ, не будетъ достигнута. Поэтому соціализмъ требуетъ экономической равноправности всѣхъ членовъ общества, и мы можемъ опредѣлить соціализмъ, какъ такое хозяйственное устройство общества, при которомъ, благодаря равной обязанности и равному праву всѣхъ участвовать въ общественномъ трудѣ и таковому же праву всѣхъ участвовать въ пользованіи плодами этого труда, невозможна эксплоатація однихъ членовъ общества другими.

Такова сущность и цѣль соціализма, какъ представленія о новомъ хозяйственномъ строѣ, въ противоположность господствующему нынѣ строю хозяйства—капиталистическому. Это опредѣленіе охватываетъ собой всѣ направленія соціализма, которыя въ свою очередь могутъ быть подраздѣлены на нѣсколько группъ. Группы эти входятъ въ составъ общаго понятія соціализма, въ широкомъ смыслѣ слова, такъ какъ всѣмъ имъ общи указанныя въ моемъ опредѣленіи характеристическіе признаки. Соціализмъ въ широкомъ смыслѣ можетъ быть подраздѣленъ на: 1) соціализмъ въ узкомъ смыслѣ или коллективизмъ, 2) коммунизмъ и 3) анархизмъ.

Обыкновенно, различіе соціализма въ узкомъ смыслѣ (коллективизма) отъ коммунизма видятъ въ томъ, что соціализмъ въ узкомъ смыслѣ требуетъ перехода въ общественную собственность только средствъ производства, допуская частную собственность на предметы потребленія, между тѣмъ какъ коммунизмъ требуетъ совершеннаго уничтоженія частной собственности, какъ на средства производства, такъ и на предметы потребленія. Но это не совсѣмъ вѣрно. Невѣрно прежде всего, что соціализмъ требуетъ обобществленія всѣхъ орудій труда (средствъ производства). Свою книгу объ «Аграрномъ вопросѣ» Каутскій заканчиваетъ очень краснорѣчивымъ и искреннимъ описаніемъ прелестей домашняго очага, жизни у себя дома. Въ соціалистическомъ обществѣ Беллами каждая семья живетъ въ особомъ домѣ. Съ этимъ неизбѣжно связывается и сохраненіе въ большей или меньшей степени домашняго хозяйства—а, слѣдовательно, и индивидуальное владѣніе средствами производства этого хозяйства. Принятіе пищи дома требуетъ своихъ орудій труда—посуды, столовыхъ принадлежностей и пр. Бумага, перья, чернила, книги, читаемыя не для развлеченія, — все это орудія умственнаго труда, по отношенію къ которымъ должно быть допущено индивидуальное владѣніе и при соціалистическомъ устройствѣ общества.

Итакъ, и при господствѣ коллективизма извѣстная часть средствъ производства останется въ частномъ владѣніи. Съ другой стороны, по отношенію къ очень многимъ предметамъ потребленія частное владѣніе въ коллективистическомъ обществѣ ни въ какомъ случаѣ допущено быть не можетъ. Уже и теперь очень многое, служащее для непосредственнаго наслажденія и пользы, находится въ свободномъ и общемъ пользованіи всѣхъ—напр. общественные музеи, картинныя галлереи, городскіе парки и пр. Въ соціалистическомъ обществѣ такое свободное пользованіе различными источниками наслажденія должно чрезвычайно возрасти. Другіе предметы потребленія, какъ напр. жилые дома, должны перейти въ собственность всего общества, и только пользованіе ими можетъ быть предоставлено за извѣстную плату отдѣльнымъ лицамъ. Такимъ образомъ, въ коллективистическомъ обществѣ будетъ три группы предметовъ потребленія: одни предметы будутъ принадлежать обществу, и пользованіе ими будетъ свободно предоставлено всѣмъ; другіе будутъ принадлежать обществу, и пользованіе ими будетъ предоставлено отдѣльнымъ лицамъ за извѣстную плату и, наконецъ, третьи будутъ находиться въ частной собственности отдѣльныхъ лицъ.

Но и коммунизмъ отнюдь не характеризуется тѣмъ, что при этомъ строѣ индивидуальная собственность совершенно исчезнетъ. Главнымъ апостоломъ коммунизма въ новѣйшее время былъ Кабэ. Въ своей «Икаріи» онъ стремился все сдѣлать общимъ и уничтожить всякое индивидуальное владѣніе. Но это ему удалось далеко не въ полной мѣрѣ. Икарійцы, живущіе въ деревнѣ и ведущіе сельское хозяйство, имѣютъ, по описанію Кабэ, особыя фермы, съ которыхъ они поставляютъ государству заранѣе опредѣляемое количество сельскохозяйственныхъ продуктовъ. За этимъ вычетомъ, они свободно располагаютъ всѣми продуктами своихъ фермъ и не подлежатъ въ потребленіи ихъ никакому общественному контролю. Очевидно, икарійцы являются фактическими собственниками продуктовъ своего труда (безъ права, разумѣется, ихъ отчужденія). Въ этомъ случаѣ индивидуальное производство естественно влечетъ за собой и индивидуальное владѣніе продуктомъ труда. Но и при общественномъ производствѣ, какъ широко бы оно ни было проведено, останется много предметовъ потребленія, которые по самой своей природѣ должны быть въ индивидуальномъ владѣніи отдѣльныхъ лицъ. Сюда относится, напр., одежда. Какъ бы далеко ни были проведены принципы коммунизма, но однимъ сюртукомъ одновременно одѣть двухъ не удастся, и каждый сюртукъ будетъ силою вещей фактической собственностью того, кто его носитъ.

Принципіальное отличіе собственно соціализма отъ коммунизма не можетъ быть, такимъ образомъ, пріурочено къ указанному признаку. Всѣ направленія соціализма — въ широкомъ смыслѣ — сходятся въ требованіи экономической равноправности всѣхъ членовъ общества. Но соціализмъ въ узкомъ смыслѣ (коллективизмъ) подъ экономической равноправностью понимаетъ равное право каждаго рабочаго на создаваемый имъ трудовой продуктъ; а такъ какъ трудовые продукты различныхъ рабочихъ могутъ быть—и даже должны быть — неравны, ибо люди обладаютъ различными силами и способностями, то соціализмъ въ узкомъ смыслѣ отнюдь не требуетъ фактическаго равенства потребленія. Такое равенство большинство соціалистовъ считаетъ даже нежелательнымъ, ибо при немъ отпадаетъ стимулъ для человѣка повышать производительность своего труда. Такъ напр., формула сенъ-симонистовъ гласитъ: «отъ всякаго по его способностямъ, всякой способности по ея дѣламъ». Иными словами, каждый долженъ исполнять ту работу, къ которой онъ наиболѣе способенъ, и получать вознагражденіе въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что даетъ обществу его работа.

Напротивъ, коммунизмъ отрицаетъ право болѣе производительныхъ рабочихъ получать болѣе значительное вознагражденіе отъ общества, исходя изъ мысли, что самъ человѣкъ и его способности суть продуктъ общества, и, слѣдовательно, несправедливо вознаграждать человѣка за то, что не есть его заслуга, что ему пришло извнѣ; не менѣе несправедливо уменьшать вознагражденіе человѣку лишь потому, что онъ, не по своей винѣ, не въ силахъ сдѣлать больше. Равное право всѣхъ на участіе въ пользованіи плодами общественнаго труда понимается коммунизмомъ, какъ право каждаго на равную долю общественнаго продукта. Но такъ какъ потребности фактически различны, въ зависимости отъ возраста, пола, состоянія здоровья, а также и индивидуальныхъ вкусовъ, наклонностей и пр., то формула коммунизма, въ идеалѣ, гласитъ: «отъ каждаго по его силамъ, каждому по его потребностямъ» (Кабэ).

Но, конечно, эта послѣдняя формула во всей своей полнотѣ представляетъ собой почти недостижимый идеалъ—потребности людей почти безграничны, и полное удовлетвореніе ихъ трудно достижимо даже при самомъ совершенномъ общественномъ строѣ. Поэтому коммунизмъ, переходя на практическую почву, выставляетъ требованіе равенства труда и равенства потребленія всѣхъ членовъ общества (въ зависимости, конечно, отъ пола, возраста, состоянія здоровья, и пр.), въ противоположность соціализму, требующему пропорціональности между тѣмъ, что каждый рабочій даетъ обществу и что онъ отъ него получаетъ.

И соціализмъ (въ узкомъ смыслѣ) и коммунизмъ признаютъ необходимость планомѣрной организаціи общественнаго труда и производства. Организація эта, по необходимости, должна имѣть болѣе или менѣе принудительный характеръ — общество должно обладать властью охранять и осуществлять установленную имъ организацію труда, независимо отъ усмотрѣнія отдѣльныхъ личностей. Этимъ признакомъ оба названныхъ соціалистическихъ направленія (собственно соціализмъ и коммунизмъ) рѣзко отличаются отъ анархизма. Между конечными цѣлями всѣхъ трехъ соціалистическихъ направленій принципіальной разницы не существуетъ — анархизмъ, также какъ и соціализмъ (въ собственномъ смыслѣ) и коммунизмъ стремится къ уничтоженію эксплоатаціи человѣка человѣкомъ и обезпеченію экономической равноправности всѣхъ. И анархизмъ исходитъ изъ идеи равноцѣнности человѣческой личности. Въ виду этого и представляется правильнымъ объединеніе всѣхъ этихъ различныхъ ученій въ одно общее понятіе соціализма. Отличіе анархизма отъ двухъ первыхъ направленій въ томъ, что анархизмъ безусловно отрицаетъ принудительную организацію общественнаго труда и признаетъ возможнымъ осуществленіе конечнаго идеала всякаго соціализма путемъ совершенно свободнаго сотрудничества людей. Не только государство должно исчезнуть, но и всякая принудительная общественная власть, всякое насиліе человѣка надъ человѣкомъ, должны прекратиться. Безъ всякаго принужденія общественной власти, на основаніи добровольнаго соглашенія, безъ всякаго извнѣ даннаго плана, будутъ возникать союзы и группы людей, которые и будутъ сообща пользоваться средствами производства, безъ нарушенія интересовъ и правъ другъ друга. Идеалъ анархизма — это полная свобода и автономія личности, совершенная независимость личности отъ принудительнаго воздѣйствія общественнаго союза.

М. Туганъ Барановскій.

Антонъ Менгеръ.

(† 7 февраля 1906 г.).

Антонъ Менгеръ—фигура, необычайная среди юристовъ теоретиковъ. Представитель одной изъ наиболѣе сухихъ отраслей юридическаго знанія, выдвинувшійся спеціальными изслѣдованіями въ этой области, Менгеръ свое главное вниманіе посвятилъ изученію соціализма — его имя неразрывно связано съ исторіей соціалистическихъ системъ. Не только въ широкой публикѣ и общей прессѣ, но подчасъ даже среди ученой братіи Менгера считали экономистомъ по спеціальности — до того не вязалось въ общемъ сознаніи изслѣдованіе соціальнаго вопроса съ представленіемъ объ юристѣ! Смѣшенію, впрочемъ, способствовала отчасти извѣстность его старшаго брата, Карла Менгера, главы австрійской экономической школы.

I.

Спеціальностью А. Менгера былъ гражданскій процессъ. Эту науку онъ преподавалъ въ вѣнскомъ университетѣ съ 1877 года. Его двухтомная «Система австрійскаго гражданскаго процесса» является однимъ изъ интереснѣйшихъ учебниковъ по процессу, а его работы о сторонахъ въ процессѣ, о процессуальныхъ возраженіяхъ и др. не только цѣнны въ теоретическомъ отношеніи, но и оказали непосредственное вліяніе на австрійское законодательство. Но за предѣлы ученыхъ круговъ имя Менгера проникло лишь послѣ появленія его работы «Гражданское право и неимущіе классы [1]).

---

[1]) Впервые въ 1889 и 1890 гг. въ Braun's Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik; съ тѣхъ поръ отдѣльно въ трехъ нѣмецкихъ изданіяхъ и въ переводѣ на многіе европейскіе языки.

Извѣстно, какую оживленную критику вызвалъ опубликованный въ 1888 г. проектъ германскаго гражданскаго уложенія. Со всѣхъ сторонъ посыпались нападки на этотъ продуктъ шестнадцатилѣтняго кабинетнаго творчества. Среди громадной литературы, посвященной ему, работа Менгера сразу же заняла одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ. То, что привлекло къ ней всеобщее вниманіе, была та, необычная для юриста, точка зрѣнія, съ которой Менгеръ подошелъ къ проекту. «Всѣ слои общества,—говоритъ онъ на первой страницѣ,—которые имѣютъ значеніе въ современномъ строѣ, не преминутъ установить свое отношеніе къ законопроекту..... Всѣ сословія и профессіи: высшее и низшее дворянство, сельское населеніе, промышленный и торговый классы будутъ отстаивать свои интересы путемъ заявленій ихъ органовъ и путемъ научныхъ работъ..... Лишь одна точка зрѣнія останется, по всѣмъ вѣроятіямъ, непредставленой въ великомъ спорѣ, хотя соотвѣтственная группа населенія составляетъ по крайней мѣрѣ четыре пятыхъ всей націи,—это точка зрѣнія неимущихъ классовъ».

На защиту интересовъ неимущихъ и выступилъ Менгеръ. Эти интересы проектомъ не охраняются, а въ рядѣ случаевъ прямо нарушаются. И не только, если стоять на точкѣ зрѣнія соціалистическихъ идей. Подобная точка зрѣнія была бы здѣсь, по мнѣнію Менгера, неправильна и нецѣлесообразна: задачей творцовъ проекта было создать кодексъ, построенный всецѣло на основахъ частно-правовыхъ, и всякая плодотворная критика ихъ работы должна поэтому принимать эти основы, какъ нѣчто данное. Но даже и при этомъ условіи нельзя признать проектъ удовлетворительнымъ. То, что онъ даетъ, это уложенный въ параграфы краткій учебникъ гражданскаго права. Онъ излагаетъ лишь—съ возможной точностью и полнотой — исторически сложившееся право. Между тѣмъ, это исторически сложившееся право есть результатъ борьбы интересовъ сильныхъ противъ слабыхъ. Оно навязано неимущимъ классамъ власть имущими втеченіе столѣтій.

Не такова была задача законодателя! Законодатель долженъ чувствовать себя воспитателемъ своего народа, подняться надъ грудой тысячелѣтіями собраннаго матеріала — лишь тогда онъ достоинъ именоваться законодателемъ. Правда, онъ исходитъ всегда изъ существующаго юриди-

ческаго строя, но при каждой болѣе серьезной юридической нормѣ, при каждомъ юридическомъ институтѣ онъ долженъ изслѣдовать, соотвѣтствуютъ ли они существующему въ данное время соотношенію общественныхъ силъ.

Даже больше! Если процессъ измѣненія такого соотношенія силъ только совершается, законодатель можетъ пойти впереди своего времени, расчистить путь будущему развитію. Никогда еще моментъ для подобной работы не былъ такъ благопріятенъ, какъ данный. Какъ въ Германіи, такъ и въ другихъ странахъ неимущіе классы представляютъ изъ себя громадную силу, и само германское законодательство признало это измѣненіе соотношенія силъ путемъ обширныхъ соціальныхъ реформъ. Теперь настало время пересмотрѣть гражданскіе законы — хотя бы даже оставаясь всецѣло на почвѣ частной собственности — въ интересахъ неимущихъ.

Составители проекта этой задачи не выполнили. Они ничего не сдѣлали въ защиту экономически болѣе слабыхъ, они остались на старой формалистической точкѣ зрѣнія, которая устанавливаетъ для бѣдныхъ и богатыхъ однѣ и тѣ же нормы, не считаясь съ различіемъ въ ихъ соціальномъ положеніи, они, тѣмъ самымъ, еще болѣе обездолили и безъ того обездоленныхъ. Винить въ этомъ отдѣльныя лица нельзя. Причина лежитъ въ томъ направленіи, которое приняла юриспруденція подъ вліяніемъ исторической школы. Съ большой суровостью обрушивается Менгеръ на эту школу, на ея «неисторическій консерватизмъ». «Погруженные въ изученіе отдаленныхъ временъ и состояній, говоритъ онъ, они (представители цивилистической націи) цѣпляются за унаслѣдованныя юридическія идеи съ догматизмомъ, достойнымъ самой ограниченной ортодоксіи, и не замѣтили того міра измѣненій, который произошелъ съ начала столѣтія: все усиливающагося антогонизма между богатыми и бѣдными, все растущей сплоченности неимущихъ классовъ въ отдѣльныхъ странахъ и частяхъ свѣта и превращенія ихъ въ всемірно-историческую силу».

Менгеръ подвергаетъ подробному разбору отдѣльныя постановленія проекта и всюду онъ находитъ доказательства правильности своего утвержденія. Но онъ не ограничивается критической работой. Рядомъ съ этимъ онъ дѣла-

етъ и позитивныя предложенія въ направленіи, имъ указанномъ. И голосъ Менгера не остался неуслышаннымъ. Уже во второмъ проектѣ многія изъ его замѣчаній были приняты во вниманіе, а при обсужденіи уложенія въ рейхстагѣ лица, представлявшія интересы неимущихъ классовъ, сражались, главнымъ образомъ, тѣмъ оружіемъ, которое далъ имъ Менгеръ. Въ рядѣ постановленій германскаго гражданскаго уложенія мы находимъ теперь осуществленіе постулатовъ, выставленныхъ Менгеромъ.

Если гражданское уложеніе охраняетъ теперь жизнь, здоровье и нравственность лицъ, занятыхъ наемнымъ трудомъ отъ злоупотребленій работодателей, возлагая на послѣднихъ обязанность соотвѣтственнымъ образомъ организовать условія работы, а, въ извѣстныхъ случаяхъ, и условія жизни нанявшихся, и устанавливаетъ гражданскую отвѣтственность работодателей за ущербъ, причиненный нарушеніемъ этихъ постановленій; если, далѣе, уложеніе распространило понятіе ростовщичества на некредитныя сдѣлки, объявивъ недѣйствительными всѣ сдѣлки, въ которыхъ одна сторона воспользовалась нуждой, легкомысліемъ или неопытностью другой въ цѣляхъ эксплоатаціи; если по уложенію принимается во вниманіе не только такъ называемая фактическая ошибка, но и незнаніе права или такъ называемая ошибка въ правѣ, (въ противовѣсъ извѣстному положенію: незнаніемъ законовъ никто отговариваться не можетъ); если уложеніе сдѣлало кое-какіе шаги для охраны внѣбрачныхъ матерей и т. д.,—то честь иниціативы въ этомъ принадлежитъ Менгеру.

Но при всемъ томъ германское гражданское уложеніе далеко не удовлетворило Менгера. «Надежды лучшихъ нѣмецкихъ патріотовъ,—восклицаетъ онъ въ знаменитой рѣчи «Соціальныя задачи правовѣдѣнія», произнесенной имъ въ 1895 г. при вступленіи на должность ректора вѣнскаго университета,—надежды, что Германская Имперія получитъ кодексъ, народный по формѣ и содержанію, не исполнилась!» Теперь эта великая историческая задача реформировать въ народномъ духѣ гражданское право выпадаетъ, по убѣжденію Менгера, на долю Австріи. Но чтобы ее можно было выполнить, юриспруденція должна подготовить для этого почву. То, что даетъ Менгеръ въ конкретномъ примѣненіи въ работѣ «Гражданское право и неимущіе классы», то онъ стремится облечь въ теоретическую форму въ этой

рѣчи. Современная юриспруденція, подъ вліяніемъ исторической школы, посвятила свои силы двумъ задачамъ — историческому изученію права и догматической его разработкѣ. Она совершенно пренебрегла третьей задачей—законодательно-политической. Это та сторона юриспруденціи, которая обращена къ будущему. Неудивительно, что при подобномъ пробѣлѣ современная юриспруденція оказалась не въ силахъ создать стоящій на высотѣ времени кодексъ. Восполнить этотъ пробѣлъ и призвана законодательно-политическая юриспруденція. На ея обязанности лежитъ сравнивать унаслѣдованное право съ условіями современности и выводить отсюда, какія измѣненія дѣйствующаго права необходимы въ будущемъ. Такія измѣненія могутъ быть обусловлены различными обстоятельствами: измѣненіемъ отношеній государства къ другимъ государствамъ, перемѣной въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, прогрессомъ юридической техники и т. д. Но важнѣйшія измѣненія правопорядка въ нашу эпоху—это, несомнѣнно, тѣ, которыя вытекаютъ изъ измѣненія въ соотношеніи силъ отдѣльныхъ классовъ гражданскаго общества. Они относятся къ области соціальной юриспруденціи, которая призвана поддерживать соотвѣтствіе между правомъ и силой, чтобы такимъ образомъ, своевременно предотвращать соціальныя катастрофы, столь часто обусловленныя именно несоотвѣтствіемъ между правомъ, съ одной стороны, и соотношеніемъ силъ—съ другой. Если австрійская юриспруденція пойдетъ по этому пути, то Австрія займетъ по отношенію къ реформаторской законодательной работѣ руководящее мѣсто среди культурныхъ народовъ. Въ призваніи Австріи къ законодательству Менгеръ не сомнѣвается.

Въ этомъ убѣжденіи поддержала Менгера закончившаяся въ 1895 году реформа австрійскаго гражданскаго процесса. Австрія пошла здѣсь по пути реформъ рѣшительнѣе, чѣмъ какая-либо другая страна. Она порвала съ господствующей въ области гражданскаго процесса доктриной «манчестерства», въ силу которой судъ не предпринимаетъ ни одного шага безъ иниціативы сторонъ или, какъ выражается Менгеръ, «уподобляется испорченному часовому механизму, который нужно безпрестанно толкать и трясти, чтобы привести въ движеніе на короткое время». Такъ называемой оффиціальной максимѣ,—дѣятельности суда по

собственной, иниціативѣ, здѣсь отведенъ такой широкій просторъ, какъ нигдѣ въ современномъ процессѣ, и въ этомъ сказалось непосредственное вліяніе Менгера.

II.

Успѣхъ работы Менгера, посвященной критикѣ проекта, привлекъ вниманіе широкихъ слоевъ къ другой его книгѣ, которая появилась уже въ 1886 г., но тогда прошла сравнительно незамѣченной—«Право на полный продуктъ труда». Между тѣмъ, эта книга представляетъ собой одно изъ интереснѣйшихъ явленій въ литературѣ соціальныхъ наукъ за послѣднія десятилѣтія. «Право на полный продуктъ труда», безспорно, лучшая изъ написанныхъ до сихъ поръ исторій соціализма. Съ необыкновеннымъ знаніемъ французской, англійской и нѣмецкой литературы излагаетъ Менгеръ на основаніи первоисточниковъ идеи новыхъ представителей соціализма, начиная съ англичанъ Годвина и Галля и кончая господствующими нынѣ ученіями. Но это не простое историческое изложеніе отдѣльныхъ доктринъ. Всѣ соціалистическія системы, утверждаетъ Менгеръ, могутъ быть сведены къ немногимъ основнымъ идеямъ. «Основой соціалистическихъ стремленій является рѣзкая критика современнаго экономическаго строя, но въ своихъ выводахъ эта критика приходитъ къ извѣстнымъ философски-правовымъ постулатамъ, заключающимъ въ себѣ коренную перемѣну дѣйствующаго имущественнаго права». Вскрыть эти философски-правовыя основанія соціалистическихъ доктринъ, прослѣдить ихъ постепенное развитіе въ исторіи мысли—такова задача, поставленная и чрезвычайно искусно выполненная Менгеромъ. «Право на полный продуктъ труда» и «право на существованіе»—вотъ двѣ цѣли, къ достиженію которыхъ направлено соціалистическое движеніе, все сильнѣй охватывавшее культурные народы съ конца XVIII столѣтія. Первое обезпечиваетъ рабочему изъ всей суммы производства ту долю цѣнности, какую онъ создалъ своимъ трудомъ, второе устанавливаетъ, что каждый членъ общества имѣетъ право на предметы и услуги, необходимые для поддержанія его существованія, раньше, чѣмъ удовлетворены менѣе важныя потребности другихъ. Въ предѣлахъ этихъ двухъ экономическихъ правъ вращаются всѣ послѣдовательныя соціалисти-

ческія системы, но большинство изъ нихъ старается скомбинировать обѣ эти основныя идеи. Рядомъ съ этимъ стоитъ третье экономическое право—право на трудъ, которое, благодаря тому, что оно не только совмѣстимо съ частной собственностью, но даже прямо предполагаетъ ее, является какъ бы переходной ступенью къ соціализму.

Всякое соціальное движеніе есть въ конечномъ счетѣ стремленіе къ измѣненію юридическихъ основъ современнаго общества: вся книга Менгера представляетъ собой блестящую иллюстрацію этой мысли. Для него соціализмъ—проблема юридическая. И разработка у Менгера соціализма съ этой точки зрѣнія показываетъ, насколько примѣненіе ея можетъ быть плодотворно. Выясненіе философски-правовыхъ предпосылокъ, лежащихъ въ основаніи соціалистическихъ системъ, позволило Менгеру опредѣлить, въ чемъ заключается сущность соціализма, его, такъ сказать, конститутивный признакъ. Менгеръ находитъ этотъ высшій, руководящій принципъ соціализма въ отрицательной сторонѣ права на полный продуктъ труда—въ признаніи, что всякій безработный доходъ, получается ли онъ въ формѣ земельной ренты или прибыли на капиталъ, долженъ быть устраненъ, какъ несправедливый. Это принимается всѣми соціалистами, и здѣсь лежитъ демаркаціонная линія между истинно соціалистическими партіями и партіями соціально-реформаторскими, пытающимися исправить существующій соціальный строй, сохранивъ всѣ его основныя черты. Отрицаніе безработнаго дохода—вотъ истинно-революціонная идея нашего времени, внесенная въ него соціализмомъ. Выводъ, который самъ собой напрашивается отсюда, это—что между старымъ, такъ называемомъ утопическимъ и новымъ, такъ называемомъ научнымъ соціализмомъ (противоположеніе котораго Менгеръ не дѣлаетъ) никакой принципіальной разницы въ смыслѣ преслѣдуемой ими цѣли нѣтъ. Какъ тотъ, такъ и другой одинаково стремятся къ такому измѣненію современнаго строя, при которомъ бы совершенно исчезъ безработный доходъ, и поскольку всѣ соціалистическія системы исходятъ изъ этой высшей цѣли, постольку всѣ онѣ, даже тѣ, которыя по внѣшности не содержатъ «ни грана этики» — системы идеалистическія. Различіе лишь въ средствахъ, которыя должны привести къ этой цѣли, и въ методѣ, путемъ коего эти средства опредѣляются. Это различіе между домарксовымъ соціализмомъ

и соціализмомъ современнымъ Менгеръ, какъ мы увидѣли, совершенно игнорируетъ. Съ другой стороны, и по отношенію къ отдѣльнымъ соціалистическимъ доктринамъ примѣненіе юридическаго анализа позволило Менгеру показать ихъ въ новомъ освѣщеніи. Рѣзкія и опредѣленныя очертанія юридическихъ формъ придали этимъ доктринамъ болѣе конкретный, болѣе рельефный видъ, и съ полной яркостью выступили отдѣльныя противорѣчія, недодуманность, несоотвѣтствіе между основной идеей и практическими мѣрами осуществленія. Если для юриспруденціи книга Менгера важна, какъ первая попытка сблизить юриспруденцію съ соціальнымъ вопросомъ, то еще больше, несомнѣнно, ея значеніе для развитія и углубленія соціализма.

Но освѣтивъ, благодаря удачно взятому исходному моменту, новыя стороны предмета и тѣмъ восполнивъ односторонность предшествовавшей литературы, Менгеръ въ свою очередь впалъ въ противоположную крайность. Для него соціализмъ не только юридическая проблема, но и *исключительно* юридическая проблема. Соціалистическія идеи должны быть «извлечены изъ всей массы окутывающихъ ихъ политико-экономическихъ и филантропическихъ разсужденій и превращены въ здравыя юридическія понятія». Ядро соціализма—въ его философски-правовыхъ элементахъ, а остальное—лишь «экономическія прикрасы, которыми экономисты обыкновенно прикрываютъ соціалистическія проблемы». Ибо, вообще, какъ заявляетъ Менгеръ въ работѣ о гражданскомъ правѣ и неимущихъ классахъ, «соціальный вопросъ есть главнымъ образомъ проблема юриспруденціи».

Эта односторонняя юридическая концепція соціализма привела Менгера къ ряду ошибочныхъ выводовъ и лишила его возможности правильно понять и оцѣнить новѣйшее движеніе въ области соціализма. Здѣсь лежалъ источникъ его ошибокъ въ его сужденіяхъ о Марксѣ. Одной изъ главныхъ цѣлей своей книги и своей заслугой (см. предисловіе къ 3-му изданію) Менгеръ считалъ доказательство того положенія, что Марксъ и Родбертусъ заимствовали свои основные взгляды у болѣе раннихъ французскихъ и англійскихъ соціалистовъ, которые значительно превосходили ихъ по глубинѣ и основательности. Такъ какъ вся сущность соціализма сводилась для него къ философски-правовымъ идеямъ, то установивъ, что въ основѣ доктрины Маркса

лежатъ тѣ же философски-правовыя предпосылки, что у нѣкоторыхъ его предшественниковъ, и найдя у него теорію прибавочной стоимости, которую развивалъ уже Томсонъ, Менгеръ и умозаключилъ, что ничего новаго въ теорію соціализма Марксъ не внесъ. При этомъ онъ совершенно не замѣтилъ, что у Маркса теорія трудовой цѣнности и прибавочной стоимости отнюдь не были, какъ у Томсона, средствомъ дать обоснованіе права рабочаго на полный продуктъ труда. Для Маркса это—общественно-историческія категоріи, съ помощью которыхъ онъ производитъ анализъ извѣстной стадіи экономическаго развитія, именно, капиталистическаго строя, анализъ, неизвѣстный до тѣхъ поръ и не превзойденный съ тѣхъ поръ. Въ этомъ анализѣ Марксъ вскрываетъ основныя противорѣчія капиталистическаго строя и доказываетъ, что эти противорѣчія могутъ быть устранены лишь путемъ измѣненія самихъ производственныхъ отношеній, причемъ средства для такого измѣненія, его пути даются уже самимъ ходомъ хозяйственнаго развитія въ капиталистическомъ способѣ производства. Вотъ эта то идея—что задачей является не изобрѣтеніе способовъ перехода къ апріористически сознанному идеальному строю, а отысканіе въ тенденціяхъ экономическаго развитія, въ самомъ экономическомъ положеніи средствъ для выхода изъ этого положенія—эта идея и отличаетъ послѣмарксовъ соціализмъ отъ предшествовавшаго. Отъ Менгера эта сторона дѣла совершенно ускользнула, въ Марксѣ онъ видитъ реформатора, проповѣдующаго новый строй, и ждетъ отъ него философски-правовой критики частной собственности и изображенія будущаго строя, за отсутствіе чего онъ его и упрекаетъ.

Если мы зададимся вопросомъ, откуда вытекла эта односторонность Менгера, то источникъ ея мы, несомнѣнно, должны будемъ искать въ его теоретическихъ воззрѣніяхъ на право. Соціализмъ для него не потому юридическая проблема, всякое соціальное движеніе не потому стремленіе къ измѣненію юридическихъ формъ, что юридическія и экономическія явленія въ сущности лишь двѣ стороны одного и того же явленія или, точнѣе, два способа разсмотрѣнія однихъ и тѣхъ же соціальныхъ явленій. Экономика и право—это двѣ области, между собой для Менгера совершенно не соприкасающіяся. Менгеръ только переноситъ соціализмъ

изъ области экономики, куда онъ заблудился у позднѣйшихъ соціалистовъ, въ его настоящую область — юриспруденцію. Право есть нѣчто самодовлѣющее, независимо отъ хозяйства, и вопросы здѣсь рѣшаются по соотношенію силъ. «Правопорядокъ есть великая система соотношенія силъ (von Machtverhältnissen)» («Соціальныя задачи»). Machtverhältnisse, соотношеніе силъ—самая идея есть до извѣстной степени отраженіе ученія школы Маркса. Но Менгеръ понимаетъ подъ соотношеніемъ силъ не учетъ всѣхъ реальныхъ моментовъ, опредѣляющихъ развитіе, не балансъ всѣхъ дѣйствующихъ соціальныхъ силъ, который въ правѣ получаетъ лишь свое адэкватное выраженіе. Мысля право, какъ нѣчто самостоятельное, онъ и соотношеніе силъ мыслитъ формалистически. Право должно быть приспособлено къ интересамъ сильныхъ, т. е. власть имущихъ. Эти сильные могутъ творить право по своему усмотрѣнію. Будутъ ли они его творить такъ или иначе, создадутъ ли они тѣ или другія формы, тотъ или другой строй—это зависитъ исключительно отъ ихъ воли, и разума. Что юридическія формы опредѣляются всей совокупностью реальныхъ условій и между ними, прежде всего, экономическими условіями, извѣстными потребностями и средствами ихъ удовлетворенія — это Менгеръ совершенно игнорируетъ. Нужно лишь изобрѣсти, придумать раціональныя формы, разумный строй, и если есть соотвѣтственное соотношеніе силъ, другими словами, если только пожелаютъ власть имущіе, если они сочтутъ это въ своихъ интересахъ, этого достаточно, чтобы осуществить подобный строй въ жизни.—Реакція противъ односторонностей исторической школы привела Менгера къ чистѣйшему раціонализму, раціонализму въ стилѣ XVII и XVIII ст., съ той лишь разницей, что тамъ исходили изъ свойствъ человѣческой природы, а Менгеръ оперируетъ соотношеніемъ силъ. Отсюда, изъ этого раціонализма, его призывъ къ созданію особой «соціалистической государственной науки», отсюда признаніе необходимости описанія наиболѣе совершеннаго строя, отсюда его взглядъ, будто основной вопросъ соціализма — это вопросъ о томъ, что ляжетъ въ основу будущаго строя: право ли на существованіе, или право на полный продуктъ труда.

Это воззрѣніе Менгера на право сказалось и въ его критикѣ проекта германскаго уложенія, въ его отрицатель-

номъ отношеніи къ нѣкоторымъ институтамъ, которые являются естественнымъ и необходимымъ продуктомъ всего современнаго экономическаго развитія. Онъ осуждаетъ принятую проектомъ (и перешедшую въ уложеніе) систему «абстрактныхъ сдѣлокъ» при переносѣ собственности; онъ осуждаетъ тѣ постановленія проекта, которыя охраняютъ права добросовѣстныхъ третьихъ и въ силу которыхъ добросовѣстный пріобрѣтатель чужой движимой вещи становится ея собственникомъ, даже если пріобрѣлъ ее не отъ собственника. И осуждаетъ онъ эти институты не потому, что они нарушаютъ интересы неимущихъ классовъ — они ихъ прямо не затрагиваютъ,—а въ силу соображеній раціоналистическаго, даже доктринерскаго характера: они, по его мнѣнію, совершенно отрываютъ собственность отъ ея экономическихъ основъ и тѣмъ потрясаютъ весь строй, покоящійся на собственности. Всякій, продолжаетъ Менгеръ, хотя бы даже онъ считалъ неизбѣжнымъ полное преобразованіе исторически сложившагося правопорядка, долженъ желать, чтобы собственность не дискредитировалась самимъ законодателемъ, пока не найдены и не признаны новыя формы». Между тѣмъ какъ разъ эти институты создались въ силу развитія оборота и необходимы для его обезпеченія, и если бы Менгеръ не потерялъ совершенно изъ виду связи экономики съ правомъ, онъ долженъ былъ бы признать, что въ экономическомъ прогрессѣ, въ развитіи торговли и промышленности заинтересованы и неимущіе классы, и потому не въ ихъ интересахъ требовать формъ, необходимыхъ для этого развитія.

Но ярче всего раціоналистическое направленіе Менгера и вся связанная съ его воззрѣніемъ на право односторонность отразились въ его позднѣйшемъ произведеніи «Новое ученіе о государствѣ», появившемся въ 1903 г. и сразу же имѣвшемъ такой колоссальный успѣхъ.

III.

По общераспространенному взгляду, въ воззрѣніяхъ Менгера съ теченіемъ времени совершилась эволюція въ смыслѣ приближенія къ соціализму. Считается твердо установленнымъ, что, тогда какъ въ «Правѣ на полный продуктъ труда» онъ еще относится къ соціализму отрицательно, въ

«Новомъ ученіи о государствѣ» онъ всецѣло становится на соціалистическую точку зрѣнія. Болѣе внимательное изученіе произведеній Менгера обнаруживаетъ, однако, полную невѣрность этого взгляда. Въ «Правѣ на полный продуктъ труда» (1-омъ изд.) онъ ровно постольку же соціалистъ, поскольку онъ является таковымъ въ концѣ дней своихъ. Уже тамъ призываетъ онъ къ созданію соціалистической государственной науки, необходимой для предотвращенія катастрофы (стр. 106—108 1-го нѣм. изд.); уже тамъ выставляетъ онъ предположеніе, что наша соціальная эволюція идетъ въ сторону осуществленія права на существованіе (стр. 164); уже тамъ въ томъ обстоятельствѣ, что фактическая власть и право постепенно все болѣе и болѣе расходятся, видитъ онъ самый важный моментъ, приближающій нашъ правопорядокъ къ соціализму (стр. 123). И если это осталось незамѣченнымъ, то повинна въ томъ рѣзкая критика въ этой книгѣ господствующаго соціализма — доктрины Маркса. Но критиковалъ здѣсь Менгеръ не соціалистическую теорію Маркса, какъ таковую, а ея недостаточное, на взглядъ Менгера, философски-правовое обоснованіе у Маркса [1]). Даже его разборъ проекта германскаго уложенія не можетъ служить доказательствомъ обратнаго—онъ прямо оговаривается здѣсь, что по соображеніямъ цѣлесообразности, ради практическаго успѣха, надо исходить при критикѣ не изъ соціалистическихъ идей, а оставаться на той же почвѣ, на которой стояли творцы проекта [2]).

«Новое ученіе о государствѣ» — дальнѣйшее развитіе и логическое завершеніе мыслей, содержащихся въ старыхъ работахъ Менгера. Это — шагъ по направленію къ той соціалистической государственной наукѣ, о которой говорилъ Менгеръ въ «Правѣ на полный продуктъ труда».

Существующій правовой строй есть результатъ соотношенія силъ, поэтому онъ преслѣдуетъ цѣль способствовать интересамъ немногихъ сильныхъ за счетъ интересовъ народныхъ массъ. Современное государство—государство силы,

---

[1]) Внѣшнимъ подтвержденіемъ того же служитъ тотъ фактъ, что въ вышедшемъ въ прошломъ году 3-емъ изд. „Права на полный продуктъ труда“ Менгеръ ничего не счелъ нужнымъ измѣнить.

[2]) Характерно, что въ „Новомъ ученіи“ онъ себя, какъ разъ по отношенію къ этой книгѣ „Гражданское право и неимущіе классы“, причисляетъ къ писателямъ соціалистамъ (стр. 57 прим. 1, нѣм. изд.).

гдѣ индивидуальные интересы сильныхъ составляютъ почти исключительное содержаніе государственной дѣятельности. Его задача—охранять исторически сложившееся соотношеніе силъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Этому индивидуалистическому государству Менгеръ противопоставляетъ государство соціалистическое, сущность котораго въ томъ, что здѣсь главнымъ предметомъ государственной дѣятельности являются индивидуальные интересы широкихъ народныхъ массъ. Это народное трудовое государство, въ которомъ поддержаніе существованія каждаго отдѣльнаго человѣка и споспѣшествованіе его развитію является не его частнымъ дѣломъ, а высшей цѣлью государства. Такое полное измѣненіе верховной государственной цѣли должно, естественно, отразиться не только на имущественномъ и семейственномъ правѣ, но и на всемъ государственномъ строѣ. Менгеръ и ставитъ своей задачей установить, каковы должны быть въ народномъ трудовомъ государствѣ эти новыя юридическія формы. Онъ не только излагаетъ намъ принципы хозяйственной организаціи будущаго государства, строй семьи, систему воспитанія, но и изображаетъ весь механизмъ государственной машины вплоть до функцій хозяйственной и административной полиціи, положеніе въ государствѣ религіи и морали, постановку образованія и научнаго изслѣдованія, даже международныя отношенія отдѣльныхъ государствъ. Мы получаемъ, такимъ образомъ, полное изложеніе соціализма, какъ правовой системы, о чемъ возвѣщалъ Менгеръ еще въ предисловіи къ первому изданію «Права на полный продуктъ труда». Тамъ юридическій анализъ былъ примѣненъ лишь къ основнымъ идеямъ соціализма, здѣсь изъ своего, вполнѣ оригинальнаго опредѣленія соціализма, выраженнаго въ юридической формулѣ, Менгеръ выводитъ весь строй соціалистическаго государства. Цѣль, которую онъ преслѣдуетъ при этомъ, это—«подготовить къ постепенному устраненію соціальныхъ золъ». Вся книга есть лишь практическое осуществленіе требованія, которое Менгеръ предъявлялъ къ своей соціальной юриспруденціи: «установить соотношеніе права и силы, чтобы предотвратить соціальную катастрафу».

Антитеза соціалистическаго государства, въ которомъ общее и государственное благо дѣйствительно совпадаютъ, и нашего современнаго, построеннаго на силѣ и ставящаго

своей цѣлью охрану интересовъ высшихъ слоевъ, красной нитью проходитъ черезъ всю книгу. Критика существующихъ институтовъ и юридическихъ теорій, произведенная Менгеромъ съ этой точки зрѣнія, представляетъ, при всей своей односторонности, очень много интереснаго; рядомъ съ этимъ дальнѣйшее развитіе юридическаго анализа отдѣльныхъ соціалистическихъ доктринъ, начатаго въ «Правѣ на полный продуктъ труда», здѣсь приводитъ къ достопримѣчательнымъ результатомъ. Благодаря еще большему углубленію юридическаго анализа соціалистическія доктрины встаютъ предъ нами въ необыкновенно ясномъ, конкретномъ видѣ, и подчасъ выдвигаются пункты, остававшіеся до сихъ поръ незамѣченными. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно просмотрѣть главы, посвященныя вопросамъ, на которыхъ сосредоточивала свое вниманіе соціалистическая литература, именно главы, касающіяся имущественнаго права.

По одному изъ интереснѣйшихъ вопросовъ соціализма, по вопросу о распредѣленіи, Менгеръ сводитъ всѣ соціалистическія теоріи къ двумъ группамъ—субъективныя системы распредѣленія и объективныя. Первыя кладутъ въ основу потребности отдѣльныхъ членовъ общества. При этомъ нѣкоторыя изъ нихъ исходятъ изъ автономнаго распредѣленія: каждый членъ союза можетъ присвоить изъ предметовъ, подлежащихъ вообще распредѣленію, столько, сколько пожелаетъ,—тотъ же принципъ, который господствуетъ теперь за общимъ столомъ. Другія регулированіе распредѣленія возлагаютъ на государство, которое распредѣляетъ наличные предметы между членами по ихъ потребностямъ, причемъ рядомъ съ этимъ стоитъ обязанность каждаго работоспособнаго выполнять опредѣленную работу. Но эти субъективныя системы распредѣленія отнюдь не предполагаютъ непремѣнно, какъ это обыкновенно принимается, полнаго равенства всѣхъ членовъ. И эта система вполнѣ мирится съ неравенствами членовъ, если, беря за критерій распредѣленія потребности отдѣльныхъ членовъ, она неодинаково удовлетворяетъ ихъ въ зависимости отъ соціальнаго положенія каждаго отдѣльнаго человѣка. Объективныя системы распредѣленія берутъ за исходный моментъ какой-нибудь внѣшній экономическій фактъ, обыкновенно, количество и качество выполненной работы. Если какъ современный строй, покоющійся исключительно на частной собственности, такъ

и субъективныя системы вполнѣ разрѣшаютъ проблему распредѣленія, то, какъ показываетъ Менгеръ, для объективныхъ системъ это невозможно: онѣ непремѣнно должны быть восполнены на основаніи принциповъ какой-либо другой системы, хотя бы лишь ввиду необходимости поддержанія неработоспособныхъ.

Анализъ воззрѣній соціалистовъ на частную собственность приводитъ Менгера къ убѣжденію, что ихъ стремленія направлены не на полное устраненіе частной собственности, а на ея преобразованіе, идущее, правда, очень глубоко. Борьба съ частной собственностью вводится, такимъ образомъ, въ значительно болѣе узкія рамки. Современное право одинаково подчиняетъ всѣ вещи частной собственности и вытекающимъ изъ нея правамъ, совершенно не считаясь съ экономическимъ ихъ различіемъ. Съ соціалистической точки зрѣнія вещи должны быть раздѣлены по ихъ экономическому назначенію на три категоріи и для каждой категоріи должны быть созданы особыя юридическія формы. Для одной категоріи—вещей потребляемыхъ—сохраняется частная собственность, какъ форма, наиболѣе соотвѣтствующая ихъ назначенію. Вещи пользованія тоже подлежатъ частному обладанію, но на правѣ болѣе ограниченномъ, нежели собственность. Наконецъ, орудія производства переходятъ въ общественное обладаніе. Но даже тамъ, гдѣ частная собственность продолжаетъ существовать, ея содержаніе должно быть измѣнено сообразно новымъ условіямъ въ смыслѣ извѣстныхъ ограниченій права распоряженія.

Но когда Менгеръ изъ области критическихъ разсмотрѣній переходитъ къ позитивнымъ предложеніямъ, къ изображенію того, каковъ долженъ быть будущій строй, всѣ недостатки, вытекающіе изъ его раціоналистическаго міровоззрѣнія, сказываются съ особенной силой. Чрезвычайно характерно для него убѣжденіе, что «правовой строй народнаго трудового государства съ большой опредѣленностью вытекаетъ изъ сущности соціалистическаго движенія». Все то, что онъ представляетъ себѣ, какъ будущія формы человѣческаго общежитія, есть лишь выводъ изъ его основной идеи—народнаго трудового государства. Та или другая форма, тотъ или другой институтъ—это для него исключительно вопросъ цѣлесообразности; реальныя условія не играютъ при этомъ никакой роли, кромѣ, впрочемъ, «чело-

вѣческой природы», которую Менгеръ принимаетъ до поры до времени неизмѣнной. Онъ высказывается за субъективную систему распредѣленія, ибо она «представляетъ значительныя выгоды какъ для переходной эпохи, такъ и въ качествѣ окончательной формы». Онъ считаетъ, что первой ступенью долженъ быть общинный соціализмъ, такъ какъ непосредственная централизація всѣхъ хозяйственныхъ силъ въ рукахъ государства невозможна безъ опаснаго для существованія народа замѣшательства; посему рекомендуется, чтобы концентрація хозяйственной дѣятельности производилась въ будущемъ тѣмъ же постепеннымъ путемъ, что въ прошломъ концентрація политической власти. По вопросу о томъ, нужно ли отдѣльныя производительныя группы рабочихъ одной и той же профессіи объединять въ высшія организаціи, Менгеръ отвѣчаетъ отрицательно: по всему характеру народнаго трудового государства большое сосредоточеніе власти въ однѣхъ рукахъ было бы не къ его пользѣ; поэтому нецѣлесообразно создавать самостоятельныя сильныя экономическія организаціи, и т. д. и т. д. Если бы Менгеръ не отдѣлялъ непроходимой стѣной юриспруденцію отъ экономики, если бы онъ не считалъ «экономическія украшенія соціализма у Томсона, Лассаля, Маркса и Родбертуса ошибочными и безцѣльными», то онъ бы не могъ не прійти къ заключенію, что инстанціей для рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ служитъ не юриспруденція, а экономика, и мотивами рѣшенія — не соображенія цѣлесообразности, а анализъ экономическихъ условій и изслѣдованіе тенденцій экономической жизни. Безъ этого же всѣ соображенія о будущемъ строѣ принимаютъ болѣе или менѣе утопическій характеръ. И когда мы читаемъ у Менгера, что общины въ народномъ государствѣ должны быть приблизительно въ двѣ тысячи человѣкъ, что руководители рабочихъ группъ вооружены дисциплинарной властью и могутъ налагать извѣстныя наказанія, а право свободнаго передвиженія будетъ ограничено, мы невольно вспоминаемъ о романѣ Беллами.— Особенно рѣзко сказывается это въ разсужденіяхъ Менгера о способахъ перехода къ соціалистическому строю. Въ качествѣ такой практической мѣры онъ рекомендуетъ выкупъ государствомъ крупнаго владѣнія, конечно, не по полной оцѣнкѣ, а за умѣренную пожизненную ренту владѣльцамъ и ихъ уже существующему потомству. Выкуплены должны

быть какъ земля, такъ и промышленный, торговый капиталъ, дома и цѣнныя бумаги. Съ помощью этого капитала должны быть организованы соціалистическія общины, которыя будутъ сначала существовать рядомъ съ мелкимъ владѣніемъ, а затѣмъ поглотятъ его.

Дѣйствительно ли это возможно по техническимъ и экономическимъ условіямъ; не приведетъ ли это къ экономическому разстройству; возможенъ ли такой симбіозъ мелкаго частнаго владѣнія и соціалистическаго производства; дѣйствительно ли общая тенденція современнаго развитія идетъ въ эту сторону; не намѣчаются ли уже теперь явленія, которыя носятъ въ себѣ зачатки другого строя и указываютъ на другіе пути, чѣмъ предполагаемый Менгеромъ— все это вопросы, которые остаются внѣ поля зрѣнія Менгера. Могутъ ли при такихъ условіяхъ его соображенія расчитывать на что-либо большее, чѣмъ чисто гипотетическое значеніе, какъ предполагаетъ Менгеръ, мы сомнѣваемся.

Изложеніемъ правового строя соціалистическаго государства Менгеръ не ограничился. Въ прошломъ году появилась его небольшая работа («Новое ученіе о нравственности»), гдѣ онъ пытается создать систему новой соціалистической этики. Основная мысль та, что нравственная оцѣнка опредѣляется соотношеніемъ силъ. Нравственно то, что соотвѣтствуетъ данному соотношенію силъ. И Менгеръ создаетъ систему нравственности, соотвѣтствующую тому строю, гдѣ господствуютъ широкія народныя массы.—Несмотря на обычное у Менгера обиліе остроумныхъ и интересныхъ замѣчаній, книга эта къ его научному значенію ничего не прибавила. Она построена на одномъ основномъ теоретико-познавательномъ заблужденіи. Это—то же заблужденіе, которое проскальзываетъ у Менгера въ его разсужденіяхъ о правѣ. Онъ опредѣлилъ право, какъ «великую систему соотношенія силъ, сложившагося въ теченіе столѣтій». Какъ ни смотрѣть на взаимное положеніе силы и права, несомнѣнно одно: чтобы данное отношеніе, сложившееся хотя бы въ результатѣ борьбы наличныхъ силъ, стало правомъ, нужно, чтобы произошелъ новый соціально-психологическій моментъ, безъ коего права не будетъ, а будетъ голый фактъ насилія—моментъ сознанія соціальной группой даннаго отношенія, какъ правового, сознанія, оказывающаго давленіе на каждаго члена группы и опредѣляющаго его поведеніе. Нѣчто

аналогичное имѣется и въ области нравственнаго. Пусть соотношеніе силъ отражается на эмпирически данномъ, исторически сложившемся, измѣнчивомъ *содержаніи* нравственности. Самое понятіе нравственнаго и безнравственнаго этимъ не затрагивается. Не то нравственно, что соотвѣтствуетъ соотношенію силъ, а то, что я сознаю таковымъ; и не потому, что соотвѣтствуетъ соотношенію силъ, а потому, и только потому, что соотвѣтствуетъ моему нравственному сознанію. Къ чему приводитъ теорія вродѣ Менгеровской, можно видѣть хотя бы на его же примѣрѣ христіанства. Нравственная цѣнность христіанства не подвергается теперь сомнѣніямъ, даже со стороны невѣрующихъ, потому что, учитъ Менгеръ, это соотвѣтствуетъ соотношенію силъ. А въ эпоху Нерона христіанство было безнравственнымъ ученіемъ!

Только этимъ теоретико-познавательнымъ недоразумѣніемъ можно объяснить, что Менгеръ собирался, какъ онъ сообщаетъ въ предисловіи, изложить и соціалистическую теорію познанія. Отсутствіе подобной соціалистической теоріи нравственности и теоріи познанія Менгеръ ставилъ въ большую вину научному соціализму.

Но и въ этихъ заблужденіяхъ Менгера отражается одна черта, характерная для всей его научной дѣятельности—неизмѣнное и неуклонное стремленіе къ истинѣ, стремленіе, въ которомъ его не могли удержать никакіе предразсудки, никакія постороннія соображенія. «Всякая сильная политическая власть, писалъ Менгеръ въ «Новомъ ученіи о государствѣ» опасна для независимости ученаго». Самъ Менгеръ—блестящее подтвержденіе того, что и въ нашемъ «государствѣ, построенномъ на силѣ» стремленіе къ знанію у настоящаго ученаго преодолѣваетъ эти опасности. И съ этой стороны Менгеръ всегда останется образомъ ученаго, самыя заблужденія котораго свидѣтельствовали о силѣ его любви къ истинѣ.

В. Ельяшевичъ.

Религія и культура.

(*По поводу новой книги Д. С. Мережковскаго*).

Д. С. Мережковскій выпустилъ недавно новую книгу „Грядущій Хамъ“, въ которой собралъ рядъ статей литературно-критическаго, религіозно-философскаго, и церковно-политическаго содержанія. Книга эта, какъ все, или почти все, выходящее изъ подъ пера Мережковскаго, заслуживаетъ во многихъ отношеніяхъ самаго серьезнаго вниманія. Давно пора отрѣшиться отъ обычнаго, установившагося въ нашей критикѣ, иронически - презрительнаго отношенія къ этому писателю; давно пора понять, что — какъ бы ни оцѣнивать идеи и образъ мыслей Мережковскаго — смѣшно и нелѣпо третировать его просто, какъ претенціозное ничтожество. Мало, вѣроятно, найдется людей, которые могли бы безъ оговорокъ раздѣлять мнѣнія Мережковскаго и безусловно симпатизировать его идеаламъ; но всякій безпристрастно мыслящій и чувствующій человѣкъ не можетъ не признать, что Мережковскій крупный и оригинальный писатель, успѣвшій уже занять видное мѣсто въ исторіи нашей литературы и общественно - философской мысли, и что, слѣдовательно, какъ бы къ нему ни относиться, съ нимъ во всякомъ случаѣ нужно серьезно считаться. Общественное мнѣніе читателей, независимо отъ мнѣнія критики и прямо вопреки ему, давно уже признало это, какъ оно уже давно признало выдающимися поэтами, напримѣръ, Бальмонта и Брюсова, которые также, согласно требованію общепринятаго „хорошаго тона“, продолжаютъ и понынѣ высмѣиваться нашей журнальной критикой.

По отношенію къ Мережковскому, однако, недостаточно одно формальное возстановленіе справедливой оцѣнки его,

какъ крупнаго и талантливаго писателя. Въ его духовномъ обликѣ, во всемъ складѣ и содержаніи его творчества, есть элементы, которые должны непосредственно привлекать всѣхъ, уважающихъ культуру и дорожащихъ культурными цѣнностями. Мережковскій есть прежде всего истинный художникъ, человѣкъ, одаренный совершенно исключительной чуткостью въ своихъ эстетическихъ воспріятіяхъ. Не говоря о его (безспорно талантливыхъ) беллетристическихъ произведеніяхъ, въ оцѣнкѣ которыхъ все же возможны разногласія, эта черта съ особенной яркостью сказывается въ его литературно-критическихъ работахъ и дѣлаетъ изъ него, быть можетъ, самаго даровитаго литературнаго критика нашего времени. Нѣкоторыя статьи въ его замѣчательномъ сборникѣ „Вѣчные спутники", какъ напр. характеристика Пушкина или описаніе аѳинскаго Акрополя, могутъ быть поистинѣ названы классическими и безспорно войдутъ, какъ таковыя, въ нашу литературу. Первый томъ его книги о Толстомъ и Достоевскомъ полонъ необычайно глубокихъ и мѣткихъ обобщеній о личностяхъ и художественномъ творчествѣ этихъ писателей; такова же и замѣчательная характеристика творчества Чехова въ статьѣ „Чеховъ и Горькій", вошедшей въ книгу „Грядущій Хамъ". Въ силу художественности его собственной натуры, у Мережковскаго есть особый даръ улавливать и воспроизводить специфическія черты творчества различныхъ художниковъ—тотъ даръ интуитивнаго проникновенія въ душу и замыслы автора, который образуетъ основу эстетической критики.

Сила этого критическаго дарованія до нѣкоторой степени ослабляется тѣмъ, что Мережковскій, повидимому, самъ недостаточно его цѣнитъ и охотно приноситъ его въ жертву своимъ собственнымъ излюбленнымъ идеямъ, своей проповѣди. Подобно большинству русскихъ критиковъ, Мережковскій переплетаетъ критику съ публицистикой и моралью. Онъ чувствуетъ себя прежде всего проповѣдникомъ, наставникомъ жизни, философомъ, и часто насилуетъ объективную критику ради своихъ субъективныхъ оцѣнокъ и идеаловъ. Характерна въ этомъ отношеніи статья „Святая Софія", также вошедшая въ разсматриваемый сборникъ. Блестящее художественное описаніе знаменитаго константинопольскаго храма вплетено здѣсь въ разсужденіе о грядущей, желанной автору „религіи Св. Троицы", и яркое художественное впе-

чатлѣніе, заражающее читателя своей глубиной и правдивостью, искусственно подогнано и истолковано въ духѣ субъективныхъ религіозныхъ симпатій и упованій автора. Философская и религіозная тенденція Мережковскаго, по большей части чуждая и непонятная читателю, выраженная къ тому же часто въ своеобразныхъ, мало доступныхъ современному интеллигенту богословскихъ терминахъ, мѣшала улавливать глубину и силу его объективной критики.

Что касается собственно религіозно-философскаго міровоззрѣнія Мережковскаго, или того, что можно назвать его „ученіемъ", то въ послѣдней его книгѣ оно и для самого автора, и для читателей выяснилось въ гораздо большей степени, чѣмъ въ предыдущихъ его произведеніяхъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ впервые съ достаточной ясностью обнаружились и пункты сближенія, и пункты расхожденія его съ тѣмъ идейнымъ теченіемъ, которое стремится подвести культурно-философское обоснованіе подъ современное освободительное движеніе и органически пропитать его духомъ гуманистическаго идеализма. Страшныя для интеллигентскаго уха формулы „религіозная общественность", „религія Св. Троицы" не должны пугать насъ; подъ оболочкой мистическихъ символовъ и церковныхъ догматовъ можно найти питательное и живое зерно. Основная и самая элементарная мысль автора, что моральныя, а слѣдовательно и политическія убѣжденія въ конечномъ счетѣ коренятся, часто безсознательно, въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, и послѣднее свое обоснованіе находятъ только въ религіи, по существу должна быть признана безусловно правильной; при этомъ необходимо лишь достаточно широко понимать идею религіи и вмѣстѣ съ тѣмъ съ достаточной ясностью улавливать сложность и тонкость тѣхъ нитей, которыя соединяютъ чисто реалистическія, по непосредственной своей природѣ, политическія дѣйствія, группировки и оцѣнки съ послѣдними глубинами личнаго духовнаго сознанія. Утвержденіе связи между религіей и политикой имѣетъ двѣ стороны, какъ бы два конца. Однимъ изъ нихъ оно тѣснѣйшимъ образомъ соприкасается съ ощущаемой современнымъ сознаніемъ потребностью спасти жизнь отъ измельчанія, не затеряться въ лабиринтѣ политической *техники*, изъ-за размышленія о средствахъ и путяхъ къ идеалу, изъ-за напряженности механической борьбы за него не забыть

о *немъ самомъ* и о его послѣдней связи съ интимно-личнымъ, сокровеннымъ воспріятіемъ вѣчной святыни. Въ этомъ отношеніи идея внесенія въ политическое творчество религіознаго момента гармонируетъ съ общимъ стремленіемъ одухотворить, обогатить внутреннимъ содержаніемъ внѣшнюю жизнь или скорѣе подводитъ итоги этому стремленію. Здѣсь солидарны всѣ, кто боится угашенія духа и борется противъ него. Другимъ же своимъ концомъ (до котораго его и доводитъ Мережковскій) утвержденіе связи между религіей и политикой упирается въ идею теократіи, т. е. общественнаго устройства на началахъ религіознаго общенія. Союзъ между людьми признается здѣсь допустимымъ только, какъ религіозный, т. е. церковный, и церкви приписывается роль созидательницы и устроительницы всей жизни. Въ религіи здѣсь уже не только усматривается внутренній, скрытый корень культурно-общественнаго творчества; она охватываетъ собою жизнь въ ея цѣломъ, вытѣсняетъ всѣ другія культурныя цѣнности и управляетъ общественными стремленіями не извнутри, а извнѣ, непосредственно формируя соціальный бытъ. При этомъ одновременно умаляется и цѣнность религіи, которая жизненна и сильна только какъ личное переживаніе, и цѣнность культуры, которая, коренясь въ послѣднемъ счетѣ въ личномъ сознаніи святыни, въ своемъ внѣшнемъ содержаніи многогранна и всеобъемляюща и не можетъ быть втиснута въ какую либо опредѣленную, въ томъ числѣ и религіозную форму. Изъ того, что, съ точки зрѣнія внутренней жизни духа, въ скалѣ цѣнностей религіозная санкція является высшей ступенью, отнюдь не слѣдуетъ, что въ реальномъ общественномъ бытіи религія, какъ особый факторъ, должна главенствовать надъ всѣми прочими элементами культуры и поглощать ихъ. Та стадія культурнаго развитія, на которой это было возможно и нужно, давно уже превзойдена; въ настоящее время подлинное, искреннее и интенсивное религіозное чувство фактически невозможно иначе, какъ въ формѣ интимнаго индивидуальнаго переживанія, богатаго плодами для всей культурной жизни, но *непосредственно* не опредѣляющаго строя общенія между людьми; всякая же *организованная*, т. е. церковная религіозность въ наше время неизбѣжно будетъ или поверхностной, или лицемѣрной, т. е. въ обоихъ случаяхъ куль-

турно-безплодной, хотя политически въ иныхъ случаяхъ и сильной (какъ напримѣръ католицизмъ). Страстный интересъ, съ которымъ Мережковскій отдался религіозной проблемѣ, мѣшаетъ ему, повидимому, съ достаточной ясностью продумать всю тонкость и сложность этой проблемы и заставляетъ его доходить до утрированныхъ и потому несостоятельныхъ выводовъ изъ посылки, общую правильность которой по существу невозможно отрицать.

Но если уваженіе къ богатству и многогранности духовной культуры умаляется у Мережковскаго одностороннимъ подчеркиваніемъ религіознаго элемента, то, съ другой стороны, оно вновь прорывается въ самомъ его пониманіи религіи. Эту любопытную и весьма характерную для Мережковскаго сторону его воззрѣній необходимо особенно подчеркнуть. Мережковскій проповѣдуетъ, противъ историческаго христіанства, „религіи Сына", новую „религію Троицы или Св. Духа". Въ чемъ же между ними разница? „Глубочайшую метафизику всего историческаго христіанства" онъ видитъ въ идеѣ „*безплотной и безкровной святости*" [1]). Это есть „метафизика безплотнаго духа, безземного неба, безмірнаго гроба, безобщественнаго спасенія" [2]). Историческое христіанство онъ называетъ „религіей чистаго и крылатаго созерцанія". „Отрекись, — такъ излагаетъ онъ это религіозное ученіе — во имя Христа единаго, отъ всего, ибо все во злѣ лежитъ, — и получишь великую награду на небесахъ. Культура, наука, красота, любовь, — все это мѣшаетъ тебѣ остановиться духовнымъ взоромъ на Христѣ и, погружаясь всецѣло въ Его созерцаніе и пріобщаясь голгоѳскими муками — спастись. Постъ, покаяніе и молитва — вотъ твои дѣйствія, твой путь къ спасенію" [3]). Этому аскетическому, отрицающему культуру и жизнь, ученію Мережковскій противопоставляетъ религію „Троицы" или „Святого Духа". Онъ вѣруетъ въ всемогущую силу „*религіи Троицы*", религіи всеобъемлющей, не только созерцательной, но и *дѣйственной, принимающей въ себя всю настоящую и будущую человѣческую культуру, всѣ откровенія и зна-*

---

[1]) „Грядущій Хамъ", стр. 116.
[2]) Тамъ же, стр. 124.
[3]) Тамъ же, стр. 156.

нія..." [1]) „Религія наша — жалуется Мережковскій — внѣжизненна, жизнь наша — внѣрелигіозна... Люди культуры и дѣйствія сознательно безрелигіозны, а люди вѣрующіе — сознательно бездѣйственны... И слабы созерцающіе, только созерцающіе, какъ слабы дѣйствующіе, только дѣйствующіе. Духа животворящаго нѣтъ ни на тѣхъ, ни на другихъ" [2]).

Религія Мережковскаго, напротивъ, соединяетъ „дѣйствіе и созерцаніе, жизнь и вѣру". Конечно, обозначеніе этого вѣрованія, какъ „религіи Троицы" весьма условно и внѣ догматической привязанности къ богословскимъ традиціямъ, утратившимъ для насъ всякую цѣнность, вообще лишено смысла (нѣкоторая философская мысль содержится, впрочемъ, въ названіи „религія Духа"); но дѣло вѣдь не въ имени, а въ содержаніи. Для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что основное существо развиваемаго Мережковскимъ религіозно-философскаго ученія состоитъ въ признаніи *святости культуры и культурнаго творчества*, понимая подъ культурой, конечно, не внѣшнее, матеріальное устроеніе жизни—обожествленіе котораго Мережковскій справедливо называетъ „язычествомъ"—а одухотвореніе, духовное возвышеніе и углубленіе жизни—какъ личной, такъ и общественной. „Культура—писали мы въ другомъ мѣстѣ—есть совокупность абсолютныхъ цѣнностей, созданныхъ и создаваемыхъ человѣчествомъ и составляющихъ его духовно-общественное бытіе... Это—непреходящій и вѣчно растущій осадокъ того, что было и есть вѣчно-цѣннаго въ чувствахъ, помышленіяхъ и дѣйствіяхъ людей, истинное сошествіе на землю духа святого въ трудахъ и завоеваніяхъ всего человѣчества" [3]). Врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что философская мысль, высказанная въ этихъ строкахъ, по существу совпадаетъ съ основной религіозной идеей Мережковскаго. Мы знаемъ, конечно, что для самого автора религіозный или даже церковно-богословскій аппаратъ мыслей, въ который заключена или которымъ переработана у него эта идея, имѣетъ самостоятельную цѣнность, и что поэтому наша формулировка ея покажется ему упрощенной и грубой. Мы счи-

[1]) Стр. 155.
[2]) Тамъ же, стр. 159—160.
[3]) *П. Струве и С. Франкъ*. Очерки философіи культуры, „*Полярная Звѣзда*" № 2.

таемъ себя, однако, вправѣ извлечь изъ его построенія то, что есть въ немъ цѣннаго и безспорнаго и съ точки зрѣнія совершенно иного міропониманія, не связаннаго съ опредѣленными религіозными традиціями.

Матеріалистическому и атеистическому утилитаризму, съ одной стороны, и религіозному аскетизму, чуждающемуся земной жизни и земного строительства—съ другой, Мережковскій противопоставляетъ религію, которая примиряетъ дуализмъ духа и плоти, неба и земли, святости смерти и грѣховности жизни, преодолѣвая его вѣрою въ Духа, творящаго земную жизнь и воплощающагося въ жизни и средствами жизни; а это и есть вѣра въ святость культуры и ея творчества—претвореніе религіи въ дѣйственную культурную силу и признаніе за культурой религіознаго значенія. И это у Мережковскаго не только извѣстное міросозерцаніе, не только надуманная теоретическая система — въ этомъ сказывается вся его натура, проникнутая глубокимъ уваженіемъ къ духовной культурѣ и непосредственной какъ бы органической воспріимчивостью къ ней. Именно эта рѣдкая черта, выгодно отличающая его отъ большинства другихъ „мистиковъ", и вообще мало пока привившаяся нашей національной психологіи, особенно важна для насъ, и мы не теряемъ надежды, что цѣнитель культуры перевѣситъ или, по крайней мѣрѣ, уравновѣситъ въ немъ пророчествующаго мистика.

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ объ этой послѣдней его сторонѣ, о пророчествующемъ мистикѣ. Мережковскій вѣритъ въ дьявола и антихриста, онъ видитъ образъ апокалипсическаго „звѣря" во многомъ, что въ дѣйствительности заслуживаетъ, хотя бы въ переносномъ смыслѣ, этого обозначенія: въ мѣщанствѣ, въ казенщинѣ государственной и въ казенщинѣ церковной. Онъ проклялъ, какъ исчадье ада, многіе изъ устоевъ „истинно-русской" жизни, которымъ ранѣе по недоразумѣнію поклонялся. Отрекшись отъ вѣры въ авторитетъ государственной власти и исторической церкви, онъ спасся къ Христу и вѣритъ, что отнынѣ распозналъ „ликъ звѣря" и защищенъ отъ его козней. Своимъ основнымъ религіозно-философскимъ принципомъ, и какъ бы первичнымъ мѣриломъ истины онъ признаетъ (въ „Открытомъ письмѣ къ Н. А. Бердяеву") вѣру во Христа, пришедшаго во плоти. Онъ цитируетъ слово апостола Іоанна, „слово, какъ мечъ, раздѣляющее ложь отъ истины": „Духа Божія и

духа заблужденія узнавайте такъ: всякій духъ, который исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, есть отъ Бога. А всякій духъ, который не исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста".

Пользуясь понятіями Мережковскаго, мы готовы замѣтить, что онъ все же не оберегся отъ соблазна дьявола и попалъ прямо въ его когти. Не въ томъ, конечно, дѣло, что Мережковскій вообще вѣритъ въ божественность Христа, а только въ томъ, что эту вѣру или даже догматическіе источники ея онъ дѣлаетъ мѣриломъ правды. Этимъ онъ отказывается отъ религіи „Духа" уже не въ пользу „религіи Сына", а въ пользу *религіи буквы и чужого мнѣнія*. Ибо кто отрекается отъ божественныхъ правъ своей личности и мѣриломъ истины признаетъ не свою собственную мысль, не свое личное откровеніе, а вѣру въ святость иного существа и чужого откровенія—тотъ совершаетъ основное философское и даже религіозное грѣхопаденіе и отдается „власти сатаны". Этотъ путь съ логической неизбѣжностью ведетъ къ признанію непогрѣшимости папы, „Кесаря" и святѣйшаго синода, къ обожествленію „князя міра сего", и все отреченіе Мережковскаго отъ злой силы будетъ неполнымъ и непослѣдовательнымъ, пока онъ останется при этой вѣрѣ въ религіозный авторитетъ [1]). Оставляя метафоры, можно сказать, что есть только двѣ совершенно послѣдовательныя вѣры; вѣра въ *авторитетъ* и вѣра *въ права свободнаго разума*. Философски между этими двумя точками зрѣнія лежитъ непереходимая пропасть; первая отрицаетъ всякую правомѣрность самочинной мысли, свободной совѣсти, вторая отрицаетъ всякія права авторитета и признаетъ безграничную свободу личнаго духовнаго творчества. Первая ищетъ Бога въ текстахъ, канонахъ, уставахъ; вторая ищетъ и находитъ его только въ непосредственномъ, ни отъ чего внѣшняго независящемъ и ничѣмъ постороннимъ не руководимомъ переживаніи духа. Между этими вѣрами можно выбирать,

---

[1]) Точно также, когда напр. Мережковскій (въ той же статьѣ) пытается *математически* (!) обосновать „звѣриный" характеръ числа 666, то его перомъ водитъ, конечно, уже не божественный духъ истины, а коварство дьявола, который подмѣняетъ здѣсь искреннее правдоискательство талантливаго мыслителя безплодной и жалкой софистикой.

но ихъ нельзя соединить, и никто не можетъ избѣгнуть альтернативы: либо отказаться отъ *всякой* свободы сужденія и преклониться предъ авторитетомъ исторически укрѣпившейся вѣры, либо, въ вопросахъ вѣры, отказаться отъ непогрѣшимости и непререкаемости какихъ-либо традицій. Мережковскій стоитъ на полъ-пути, колеблясь между этими двумя несоединимыми позиціями: отъ истинно свободной религіозности его еще отдѣляетъ цѣлая пропасть — именно вѣра въ догматы. И въ этомъ пунктѣ лежитъ единственное принципіальное и дѣйствительно неустранимое разногласіе его съ философскимъ теченіемъ, признающимъ религію только, какъ свободное, никакимъ догматамъ не подчиненное переживаніе святыни разумнымъ духомъ человѣка.

С. Франкъ.

Идейная борьба и созидательная работа въ революціи.

(Къ истолкованію души конституціонно-демократической партіи).

(*Окончаніе*) [1]).

III.

Да проститъ авторъ „Русской Жиронды“ историку, пишущему эти строки, слишкомъ буквальное, можетъ быть, пониманіе его параллели между идеалистами французской и русской революціи: она, вѣрнѣе всего, служила ему лишь заглавнымъ образомъ, подходящимъ, по его кажущейся наглядности, для того, чтобы „entrer en matière“. Но и тому, кто чувствуетъ, какъ опасны прямыя историческія аналогіи, и кто знаетъ, какъ онѣ нерѣдко понимаются читателями именно „à la lettre“,—удобна такая придирка, какъ исходный пунктъ для возраженія противъ самой методы.

Во имя той же цѣли еще разъ рѣшусь указать на одно различіе между французскими жирондистами и русскими конст.-демократами. Тѣ и другіе теоретически отстаиваютъ принципъ равенства и народовластія: послѣдній, можетъ быть, даже болѣе страстно проводился первыми, чѣмъ вторыми (и неудивительно—тогда онъ былъ свѣжимъ, неиспытаннымъ идеаломъ, теперь же ясна всѣмъ трудность быстраго осуществленія и легкость искаженія этого девиза). Но жирондисты опирались на классъ,—тотъ самый, который въ XIX-мъ вѣкѣ сталъ буржуазіею. Конституціоналисты же де-

---

[1]) См. „Полярн. Звѣзда“, № 11.

мократы открыто заявляютъ себя внѣ классовою организаціею—партіею „народной свободы". Основатели и активные дѣятели ея съ самаго начала стремились къ такой всеобщей цѣли всѣми силами души, окрѣпшей въ борьбѣ съ бюрократическимъ самовластіемъ, которое сближало вмѣстѣ всѣ утѣсненныя или искавшія правды соціальныя категоріи русскихъ людей. Та же задача—героической важности стоитъ передъ ними всѣми и теперь, и послѣ „деклараціи" 17-го октября, стоитъ въ трагической ясности своей невыполненной необходимости. Съ такимъ могучимъ цементомъ плодотворно и дѣйственно могутъ рости среди всѣхъ членовъ партіи и другіе факторы демократизма.

Взятое знамя выдвинуло к.-д. партію, какъ особое начало и открыло для нея самостоятельное мѣсто среди силъ, образующихъ реальную конституцію общества, страны. („Демократическая окраска исключала (изъ нея) справа и слѣва группировки на опредѣленномъ классовомъ принципѣ: к.-демократическое теченіе фактически отмежевалось, съ одной стороны, отъ чисто-классовой доктрины пролетаріата, съ другой—отъ общественныхъ элементовъ, имѣющихъ со временемъ создать политическія группы аграріевъ и промышленниковъ" [1]). Изъ этого не слѣдуетъ, что партія принимала безцвѣтно-серединное направленіе· она выставляла лозунгъ, который не формально, а идейно, не оппортунистически, а органически можетъ сплотить нынѣ всѣхъ прогрессистовъ. Она требуетъ всенароднаго единенія и на этой почвѣ зоветъ всѣ классы къ переработкѣ во имя его естественно выросшихъ въ нихъ, но между собою противорѣчивыхъ, соціальныхъ инстинктовъ, къ созданію внутри себя общаго великаго духа—духа народной Россіи.

Н. А. Бердяевъ признаетъ, что П. Б. Струве „лелѣетъ идею большой всенародной политики, съ широкимъ историческимъ размахомъ, и потому относится съ враждою къ кружковщинѣ, интеллигентщинѣ, къ фракціоннымъ разногласіямъ, къ малой политикѣ, не народной и не исторической".— Вѣрно! Струве такъ и формулируетъ цѣль партіи, въ которой является однимъ изъ философовъ-вдохновителей, а

---

[1]) См. вступительную рѣчь П. Н. Милюкова на первомъ учредительномъ съѣздѣ к.-д. партіи въ Москвѣ, одобренную съѣздомъ и напечатанную въ видѣ предисловія къ 1-му изданію ея программы.

также однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ пропагандистовъ. Поэтому онъ и требуетъ, чтобы „партія шла въ массы, притянула ихъ къ себѣ и подвергла себя преобразующему воздѣйствію народныхъ элементовъ“ [1]). Справедливо и то, что такого характера всеобъемлющей силы, представляющей общее движеніе къ всенародной свободѣ, к.-д. партія еще не пріобрѣла. Струве самъ именуетъ ее таковою пока лишь „*in spe*“. Но спрошу: какая другая партія осмѣлится честно назвать себя народною уже теперь? Я рѣшительно утверждаю, что ни одна не имѣетъ на то настоящаго нравственнаго права. Наши крайніе лѣвые тоже не слились съ массою народною въ широкомъ смыслѣ. Кромѣ того они откровенно опираются на опредѣленные классы (не только фактически, но и теоретически). Въ частности, наконецъ, тѣ, кто навязываютъ народу свои идеалы и свою тактику, кто говорятъ о диктатурѣ класса, врядъ ли по справедливости претендуютъ на званіе истинныхъ демократовъ, выражающихъ волю народную и повинующихся ей одной.

Вопросъ въ томъ, можетъ ли стать народною та партія, которую преждевременно оплакиваютъ не примкнувшіе къ ней благожелатели. Должно признать, что нынѣшній составъ конст.-демократовъ не всегда достаточно ясно держитъ коллективно въ сознаніи указанную задачу во всей ея настоятельности. Но способна ли партія осуществить необходимое превращеніе въ ближайшемъ будущемъ? Н. А. Бердяевъ отрицаетъ за нею демократизмъ не только въ состояніи реализованной (кинетической) энергіи, но даже in potentia. Онъ говоритъ: „Не нужно быть сторонникомъ экономическаго матеріализма, чтобы увидѣть буржуазность психологіи к.-д. Это—порода людей, имѣющая вкусъ къ мирной парламентской дѣятельности, но неспособная къ творческой работѣ національнаго перерожденія“ [2]). Авторъ прибавляетъ, что „у огромнаго большинства к.-д. даже нѣтъ идеи всенародной политики, демократизмъ ихъ чисто теоретическій и не всегда искренній“.

---

[1]) Изъ письма въ „Русск. Вѣдом.“ 19 янв. 1906 г.

[2]) Замѣчу вскользь: развѣ признаки „мирный“ и „творческій“ противоположны между собою? Не въ обратномъ ли сочетаніи правда? А еще: развѣ „буржуазный“ и „парламентскій“—тожественныя, покрывающія другъ друга понятія? Надобно осторожно орудовать сближеніемъ признаковъ.

О послѣднемъ свойствѣ не будемъ спорить: для провѣрки чьей-нибудь искренности du jour au lendemain не существуетъ твердаго критерія. Она познается лишь ретроспективно по достаточно длинной цѣпи произведенныхъ актовъ. Пока кратковременность исторіи не могла дать сложиться убѣдительной въ ту или другую сторону серіи ихъ, можно только вѣрить или не вѣрить; провѣрка же, за скудостью данныхъ, неминуемо выродится въ инквизиціонное разслѣдованіе. Обратимъ лучше вниманіе на нѣчто болѣе доступное оцѣнкѣ: наблюдалась ли гдѣ и когда-нибудь большая коллективная группа, въ которой большинство членовъ состояло бы изъ сознательныхъ и активныхъ идеалистовъ? Конечно, нѣтъ! Изобрѣтателями новыхъ идей, творцами великихъ девизовъ, иниціаторами крупныхъ движеній вездѣ и всегда являлись выдающіяся единицы, герои, вожди. Рядовыя личности и массы оказывались подражателями, и теченіе росло какъ каскадъ внушенныхъ мыслей, эмоцій, влеченій. Но, однако, при возникновеніи новаго общественнаго тока, къ нему притягиваются преимущественно элементы, такъ или иначе родственные. Когда создается какая-нибудь партія, не можетъ программа ея круто противорѣчить типичной коллективной психологіи ея членовъ, по крайней мѣрѣ, внушительнаго, дающаго тонъ ея жизни зерна, скелета, еще лучше — души. „Какъ партія буржуазная, к.-д. партія не имѣетъ raison d'être. Вся программа ея демократична и въ политическомъ, и въ соціальномъ смыслѣ. Истинно-буржуазные элементы могли забрести въ нее только по недоразумѣнію“ [1]).

Если таковые въ самомъ дѣлѣ забрели, они почувствуютъ себя не дома и скоро отойдутъ. Такъ говорятъ и критики, предрекая, что часть конст.-демократовъ отколется и образуетъ партію откровенно-буржуазную. Ну и пусть ихъ! Остающееся цѣлое только выиграетъ въ силѣ сцѣпленія между частицами, въ яркости и чистотѣ окраски. Это будетъ—не распадъ, а дифференціація, эффектъ болѣе твердаго и глубокаго самоопредѣленія. Врядъ ли, однако, такое дезертерство можетъ грозить въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ со стороны активныхъ членовъ; да и вообще „истинно-буржуазные забѣжчики“ не могутъ быть многочисленны

---

[1]) Это—выписки изъ того же письма П. Б. Струве въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“.

среди к.-д., ибо такіе и при нынѣшнихъ политическихъ группировкахъ легко нашли бы для себя подходящую храмину среди умѣренно-правыхъ.

* * *

Конституціонно-демократическая партія въ самомъ дѣлѣ нашла себя! Потенція плодотворной идеи, возвышающейся надъ нашими интеллигентными словопреніями, надъ радикальными словами и книжными политическими теоріями, посѣяна (пусть вѣритъ въ это критикъ), какъ сильное зерно, въ умахъ многихъ идеалистовъ конституціонной демократіи. Оно не спитъ, а проснулось, живетъ и движется: оно даетъ уже плодъ, а въ грядущемъ могуче размножится.

Откуда основаніе предвидѣть безсиліе внутри этого ядра, которое рекрутируется изъ тѣхъ же приблизительно элементовъ, гдѣ родятся идеологи крайнихъ партій? Уже теперь идеи к.-демократовъ быстрымъ ходомъ пошли въ хорошую, мыслящую и благородную молодежь. Тутъ—залогъ вѣрнаго прироста силъ, и отсюда надежда на способность нашего передового общества стряхнуть съ себя цѣпи покорности лозунгамъ, которые долго одни призывали къ войнѣ за лучшее будущее, но указывали невѣрные пути для побѣды. Иронизировать надъ будто бы главными основами партіи—„идеалистами-профессорами“ и „мягкотѣлыми земцами“—значитъ не разъяснить ничего. Въ чемъ, опять, объединяющій признакъ между понятіями „идеализма“ и „мягкотѣлости“, употребляемыми, очевидно, въ качествѣ неодобрительныхъ квалификацій? Почему земцы мягкотѣлы, когда, напротивъ, они должны быть закалены пониманіемъ жизни, дѣловымъ опытомъ въ ней? Почему общеніе профессоровъ съ идеями заставляетъ подозрѣвать ихъ пригодность къ работѣ, которая требуетъ такого большого идейнаго матеріала?

Напротивъ, можно признавать въ наличности среди партіи такихъ группъ цѣнное благо и доброе предзнаменованіе выступленія на первый планъ политическаго дѣла нужныхъ элементовъ, раньше слишкомъ часто остававшихся въ тѣни. Мы не претендуемъ сами на званіе „сливокъ общества“, которымъ насъ надѣляютъ, чаще всего, въ насмѣшливое обличеніе нашего незаслуженнаг высокомѣрія. Такого у насъ нѣтъ. Но мы заявляемъ и свое право на существованіе въ качествѣ активныхъ дѣяте-

лей обновленія родины. И профессора, и земцы надѣются принести съ собою „свободомысліе“ вмѣсто рабства консервативной или радикальной рутинѣ, принести въ трудъ великаго строительства свои знанія и свою вѣру въ науку, вмѣсто недовѣрчиваго чуранія отъ нея, какъ отъ аристократической привилегіи, будто бы заслоняющей жизнь. Одни работаютъ надъ теоріей, другіе осуществляютъ практику. Первые проповѣдуютъ критическое изслѣдованіе вмѣсто фетишизма формулъ; но и послѣдніе не всѣ забыли умственныя радости юношескихъ лѣтъ, проведенныхъ подъ сѣнью науки. Въ этомъ органъ ихъ взаимнаго пониманія, которое поддерживается еще тою оригинальною формою общенія, что нѣкоторые профессора-демократы являются также и земцами.

„Лучшіе люди“ к.-д. партіи, по мнѣнію вдумчиваго критика, этюдъ котораго далъ поводъ для настоящей статьи, находятся въ трагическомъ положеніи. Это, можетъ быть, такъ для нѣкоторыхъ; но трагизмъ ихъ—не внутренній, а внѣшній; источникъ его кроется не въ ошибочности цѣли, которая ставится ими, и не въ отсутствіи силъ для ея воплощенія, а въ огромной трудности самой задачи. Тѣмъ, кто поистинѣ вдохновлены геніемъ свободы и живутъ имъ, какъ главною стихіею своего бытія, невыносимо въ Россіи не только отъ того, что насильники стараго абсолютизма давятъ на нихъ, отвлекаясь отъ всякихъ предразсудковъ права. Имъ душно и отъ нетерпимаго старовѣрчества нашего радикальнаго православія. Когда идеалисты конституціонной демократіи выступаютъ съ проповѣдью своей освободительной и народной программы, противъ нихъ снаряжаются не однѣ темныя силы жандармскаго государства. На нихъ сыплются удары и со стороны тѣхъ, кто должны бы стать рядомъ съ ними, какъ союзники: свободное исповѣданіе новаго слова задѣваетъ привычные боевые сигналы. Тутъ, безъ сомнѣнія, кроется трагедія; но изъ ея суровой коллизіи не всегда единственнымъ выходомъ является гибель. Трудъ, взятый въ руки,—трудъ универсальный и необходимый, и несущіе его побѣдоносно справятся съ врагами по существу, а у противниковъ по иллюзіи снимутъ повязку съ глазъ, приведутъ къ союзу...

IV.

Заключительныя слова г. Бердяева гласятъ: „Русская жиронда въ теперешнемъ ея видѣ не спасетъ Россію, такъ какъ что-то большое и важное должно для этого совершиться“.—Согласенъ и съ выводомъ, и съ мотивировкою. Но что же изъ этого? Нужно ли непремѣнно вѣрить въ то, что спасетъ? Это полезно развѣ только въ партійно педагогическихъ разсчетахъ по правилу: плохъ тотъ солдатъ, который не надѣется стать генераломъ. Но можетъ ли вообще „спасти“ страну одинъ человѣкъ, если онъ не міровой геній, какіе родятся тысячелѣтіями? По средствамъ ли такое чудо и для одной группы, какъ бы она ни была могущественна? Спасти себя отъ гибели можетъ только самъ народъ, сочетавая всѣ функціи своего коллективнаго генія со всѣми силами, работающими въ окружающей его средѣ.—Но отъ чего надо спасать родину? Отъ „черта революціи“ или „отъ черта реакціи“?—Ко второму чудовищу вернемся ниже. Про перваго что сказать? Захватившую общество революціонную бурю не сломятъ пулеметы, не остановитъ и крылатое слово. Первые ни въ какомъ случаѣ не справятся съ нею. Но идея, безсильная противъ напора стихіи, если она станетъ рѣзко грудью противъ нея, осмыслитъ ее въ концѣ концовъ долгою и стойкою работою спиритуализаціи.

Сознаніе к.-д. партіи способно и хочетъ вести борьбу не противъ революціи, а противъ ея безумія, и не насиліемъ, а мыслью. У насъ критика „идола“, революціи, обращенная къ людямъ съ прогрессивными „идеалами“, имѣетъ большое значеніе, ибо послѣдніе находятся подъ обаяніемъ ея обоготвореннаго, романтически разросшагося спектра. Революція—великое благо, это въ ихъ умахъ аксіома если не логическая, то эмоціональная. Утверждать, что она въ то же время можетъ вылиться и въ страшное бѣдствіе—это значитъ у насъ итти вѣрною дорогою къ обвиненію въ солидарности со старымъ порядкомъ. Причемъ надо замѣтить, что терминъ—революція почти всегда понимается схоластически, непремѣнно въ смыслѣ насильственнаго завоеванія лучшаго будущаго вооруженною рукою. Всякая попытка доказывать, что пролитое море геройской крови убѣжденныхъ борцовъ за свободу легко можетъ не добыть, а пото-

пить ее, осыпается негодующими возгласами объ измѣнѣ народному дѣлу. Не такъ давно еще наэлектризованная атмосфера, которою мы дышали съ начала прошлой осени, полна была призывовъ къ непрерывной революціи безъ устали впредь до осуцевленія соціалистическаго строя. Многіе увлеченные твердо вѣрили, что Россія открываетъ міровой процессъ боевого пересозданія, который продлится, быть можетъ, цѣлые вѣка. И они экстатически смотрѣли впередъ, въ перспективу этого вѣкового сраженія. Да и теперь понесенные жестокіе удары не разрушили таковой вѣры, а лишь утомили на время ея пылкое провозглашеніе.

Велика важность для людей, отдающихся дѣлу національнаго возрожденія, проникнуться увѣренностью въ обманчивости чарующихъ лозунговъ, которые обѣщаютъ грознымъ ударомъ разящаго меча мигомъ разрубить всѣ задачи общественнаго переустройства.—Крупный и славный боецъ за демократическую идею, Энгельсъ высказалъ защищаемый здѣсь тезисъ съ превосходною ясностью: „Прошло время захватовъ врасплохъ,, время революцій, проводимымъ незначительнымъ сознательнымъ меньшинствомъ во главѣ не дающихъ себѣ отчета массъ. Переворотъ, знаменующій собою полное переустройство всѣхъ общественныхъ отношеній, долженъ быть дѣломъ самихъ массъ, сознающихъ изъ-за чего идетъ борьба, что онѣ отстаиваютъ. Таковъ урокъ, данный намъ исторіею истекшаго пятидесятилѣтія. Но для того, чтобы массы поняли свои задачи, потребна долгая, выдержаная работа“ [1]). Въ Германіи такой „парламентскій“ трудъ въ интересахъ „революціи“ много лѣтъ упорно и послѣдовательно несутъ (хоть и безъ достаточной широты философско-соціологическаго фундамента въ своихъ возрѣніяхъ) соціалъ-демократы. Въ Россіи заложить основаніе, прежде всего необходимое для общественнаго переустройства, по крайней мѣрѣ, въ ближайшее время и на ближайшихъ ступеняхъ его, способна пока только одна к.-д. партія. Ея программа и задача—единственныя поистинѣ „освободительныя“ и „демократическія“.

---

[1]) Настоящій текстъ былъ ужъ написанъ, когда я увидѣлъ, что приведенный отрывокъ цитируется въ статьѣ А. С. Изгоева, „Диктатура пролетаріата“ (въ № 10 „Пол. Звѣзды“). Не могу не присоединиться къ ряду ярко высказанныхъ авторомъ мыслей по вопросу, близкому съ затронутымъ здѣсь.

Изъ нея можетъ образоваться сила нужная, чтобы повернуть общество отъ безплоднаго „дѣланія революцій“ къ „положительной работѣ среди революціи“.—Реакціонная правая мрачно рычитъ, что надобно водворить спокойствіе кровавымъ насиліемъ и такъ достичь условій, требующихся для осуществленія дарованныхъ милостей: она хочетъ привычнаго для нея въ нашемъ близкомъ прошломъ спокойствія смерти. Революціонная лѣвая гнѣвно возглашаетъ, что пока не свалено все старое, нельзя начинать насажденія новаго, и она хочетъ выполнять такое насажденіе лишь совершенными орудіями. Между тѣмъ остановка жизненныхъ процессовъ въ общественномъ тѣлѣ есть предверіе смерти, а не обновленія, и къ немедленной работѣ надъ реорганизаціей всего строя шагъ за шагомъ, завоевывая и потомъ отстаивая одну за другою господствующія позиціи, идетъ и зоветъ только к.-д. партія.

Какъ можно утверждать, что у нея нѣтъ никакихъ идей кромѣ „куцой“ формулы, что конституція, гарантирующая права и свободы, лучше самодержавно-бюрократическаго порядка? Богатство крайнихъ партій заключается въ самоотверженномъ „импетѣ“ къ ниспроверженію монархическаго и буржуазнаго строя и въ цѣльности отвлеченной схемы отдаленнаго идеала. Но онѣ бѣдны отвѣтами на вопросъ о путяхъ его жизненнаго проведенія. Тутъ дѣло сводится къ кличу о разрушеніи всего, что ненавистно.—Партія же конституціоналистовъ-демократовъ убѣждена, конечно, что для выхода изъ кризиса необходимъ скорѣйшій переходъ къ парламентской работѣ, и она сплачивается прежде всего для превращенія идеи демократической конституціи въ фактическую силу вещей. Но вслѣдъ затѣмъ—разсмотрите всѣ отдѣлы программы к.-д.: они покоятся на связной системѣ опредѣленныхъ принциповъ; въ нихъ содержатся выводы изъ основательно поставленныхъ плановъ реформъ, объединяющихся въ цѣлое, которое обладаетъ живымъ динамизмомъ... Въ нѣдрахъ же партіи сгруппировались люди, готовые двигать преобразовательную страду по всѣмъ линіямъ, со знаніями и одушевленіемъ: это теоретики и практики по государственному, административному, гражданскому и финансовому праву, экономисты, сельскіе хозяева и техники, труженики во всѣхъ отрасляхъ просвѣщенія, во всѣхъ типахъ и на всѣхъ ступеняхъ науки и школы. Неужели все это—сушь и мертвечина,

блѣдная, чтобы озарить умы, слабая, чтобы поднять энтузіазмъ, вялая, чтобы зажечь энергію?

Надъ к.-д. партіею нависла, напоминаю еще разъ, туча, омрачающая у насъ вообще существованіе такъ называемыхъ „умѣренныхъ“ группъ. Въ глазахъ нашей доктринерской интеллигенціи, которая даетъ главный тонъ прогрессивному общественному мнѣнію, „радикализмъ“ является единственнымъ мѣриломъ политическаго достоинства. „Правый“ и „лѣвый“ — вотъ единицы морально-общественнаго вѣса, и кто заподозрѣнъ въ „правости“, тотъ осужденъ, часто независимо отъ содержанія его взглядовъ и цѣлей. У насъ крайніе съ обѣихъ сторонъ любятъ говорить—„сидитъ между двухъ стульевъ“ про того, кто не раздѣляетъ догматовъ ни правительства, ни революціи, и такая квалификація считается особенно позорною.—Но вѣдь здѣсь раскрывается ужасное убожество, пристрастіе и насиліе мысли. Почему должно быть только два стула (то-есть, двѣ идеи или два убѣжденія), а, напримѣръ, не десять? Почему каждый принципіальный постъ, занятый искреннимъ поборникомъ добра, не будетъ честнымъ мѣстомъ? Между предѣльными полюсами — чернымъ и краснымъ—располагается цѣлая гамма цвѣтовъ; многіе изъ среднихъ, по расположенію, могутъ оказаться крайними, по густотѣ насыщенія, и лучшими по наибольшему соотвѣтствію съ народной потребностью въ данный моментъ.

Девизы к.-д. партіи приглашаютъ не сидѣть между двумя (чужими) стульями (клевещетъ тотъ, кто это утверждаетъ!), а крѣпко стоять на своихъ ногахъ. Они учатъ итти твердой поступью по самостоятельно начертываемой дорогѣ, свободно провозглашая свою правду передъ всѣми, смѣло протестуя противъ того, въ чемъ видится зло, откуда бы оно ни исходило. Они требуютъ безстрашія передъ преслѣдованіями и тюрьмами правительства, но также и стойкости передъ нападками крайнихъ партій, они оріентируются наступательно противъ перваго, но только защищаются отъ вторыхъ, объясняя обществу несправедливость взводимыхъ обвиненій. Крайніе ставятъ ультиматумъ: можно быть только или съ правительствомъ, или съ революціею. Мы безусловно противъ нынѣшняго правительства, запятнавшаго себя кровавымъ разгуломъ „усмиренія“ и парализованіемъ октроированныхъ вольностей. Мы безусловно

за народныя свободу и право, и въ такомъ смыслѣ мы за происходящую въ Россіи революцію. Но надобно различать между борьбою за революцію, какъ великое явленіе въ жизни народной, и солидарностью съ „революціонизмомъ", какъ системою традиціонныхъ, насильственныхъ пріемовъ дѣйствія.

По этому вопросу лучше всего повторить твердо и отчетливо сказанныя слова П. Н. Милюкова: „К.-д. партія есть по существу партія парламентская и, какъ большая политическая партія, она, конечно, возможна только при извѣстной степени простора для мирной политической дѣятельности. Но основное ядро ея существовало и при иныхъ условіяхъ, и привычка дѣйствовать при этихъ условіяхъ не успѣла прійти въ забвеніе. Поскольку русская политическая жизнь вернется къ старымъ условіямъ, и к.-д. партія вернется къ старымъ пріемамъ. Когда слѣва намъ говорятъ, что одинъ пролетаріатъ завоевалъ для Россіи ту скромную дозу политической свободы, которой мы теперь обладаемъ, мы съ гордостью можемъ сказать: это неправда. Мы тамъ тоже были, и мы работали вмѣстѣ; мы тоже отвоевывали отъ русской рутины явочнымъ порядкомъ тѣ новыя привычки и создавали тѣ новыя условія политической жизни, которыми теперь можетъ пользоваться обыкновенный обыватель. Попробуйте отнять у насъ завоеванное, и мы снова сдѣлаемся революціонерами" [1]).

V.

Конституціоналисты-демократы должны признать великою для себя печалью, что до сихъ поръ пропаганда ихъ недостаточно глубоко проникала фактически въ народную массу, и кадры ея довольно слабо пополнялись изъ рабочаго класса и крестьянства. Но этотъ фактъ не служитъ самъ по себѣ

---

[1]) См. „Русск. Вѣд." 1906, № 24 (ст. „Кто виноватъ").—Въ этомъ смыслѣ А. А. Кауфманъ („Пол. Звѣзда", № 2, ст. „Познай самого себя!") вѣрно говоритъ, что к.-д. партія можетъ въ полной мѣрѣ развернуть свои силы въ формахъ мирной, парламентской дѣятельности. Но и С. Л. Франкъ справедливо возражаетъ не столько ему, сколько возможному невѣрному выводу изъ его словъ, что она никогда не откажется отъ активнаго воздѣйствія пріемлемыми средствами противъ враговъ свободы и сейчасъ, въ переходную эпоху ея добыванія.

симптомомъ „противонародности“ ея тенденцій. Общенародное дѣло можетъ дѣлаться и руками одной части народа, временно безъ содѣйствія массы, даже при непониманіи ея. Формула—„все для народа и черезъ народъ“,—безспорно, высокая истина; но при парламентскомъ строѣ, основанномъ на демократической идеѣ, котораго добивается к.-д. партія, всѣ слои населенія являются частью народа, полноправною въ работѣ и для себя, какъ группы, и для всѣхъ, какъ массы. Однако, при всемъ томъ, окунуться въ море народное—не только драгоцѣнное благо для демократической партіи, но въ интересахъ широкаго развитія ея силы и вліянія—это насущная потребность.

Изъ этого понятна забота партіи о томъ, чтобы „итти въ народъ“; естественна тревога ея о препятствіяхъ на путяхъ достиженія цѣли. Какія же именно открываются при такомъ эволюціонированіи партіи принципіальныя или матеріальныя трудности? —Есть ли отдаленность ея отъ трудящихся классовъ временный и случайный пробѣлъ, или здѣсь коренится непоправимый, органическій дефектъ ея природы?

Не берусь разсматривать вопросъ въ цѣломъ за неимѣніемъ мѣста. Къ тому же нѣкоторыя стороны его уже освѣщались въ литературѣ. А. А. Кауфманъ, напримѣръ [1]), а еще раньше А. А. Чупровъ [2]) показали, путемъ анализа экономическихъ и соціальныхъ требованій к.-д. партіи, что они мало отличаются отъ минимумовъ крайнихъ. Только ослѣпленіе или недобросовѣстность позволятъ утверждать, что цѣли и стремленія ея идутъ вразрѣзъ съ интересами массъ. Содержаніе ея программы должно возбудить довѣріе народа, когда она распространится въ его кругахъ и уяснится въ сознаніи массъ. Дѣло проникновенія въ „гущу“ народа затрудняется для к.-д. не ихъ взглядами, а тѣмъ, что въ глубокихъ толщахъ трудовой Россіи ея усилія предупреждены извѣстными успѣхами соц.-демократовъ и соц.-революціонеровъ. Пропаганда послѣднихъ свила достаточныя по числу и болѣе или менѣе прочныя гнѣзда въ рабочихъ центрахъ и въ сельскихъ мѣстностяхъ. И вотъ, говорятъ, съ вліяніемъ крайнихъ нельзя конкурировать въ массахъ: характеръ и

---

[1]) См. статью его—„Конст. демократ. партія и трудящіяся массы“ (въ газетѣ „Свободный Народъ“, № 4, 18 дек. 1905) и другую—„Борьба или выясненіе отношеній“ („Наша жизнь“, 28 янв. 1906).

[2]) „Право“, 1905, № 45—46.

тонъ ихъ обѣщаній шире и заманчивѣе того, что могутъ предлагать к.-демократы.

Въ массахъ торжествуютъ, будто бы, только соціалистическія партіи. На такое утвержденіе уже возражали: въ массахъ соціалисты—такое же меньшинство, какъ пока и въ образованныхъ классахъ, даже гораздо меньшее; противъ этого, конечно, никто не споритъ. Но и самыя тенденціи массъ нельзя назвать нынѣ уже направленными къ соціализму. Народные круги, когда поймутъ благопріятную имъ сущность к.-д. программы, почувствуютъ ея жизненную реализуемость и естественно поддержатъ ее своими силами; они (особенно крестьнство) — большіе реалисты въ политикѣ. Тяжело и непріятно соперничать съ тѣми, кого мы искренно готовы назвать „союзниками слѣва"; но кто виноватъ въ ихъ непримиримости, въ упорствѣ ихъ вражды противъ насъ? Чтобы итти вмѣстѣ въ настоящій переходный моментъ („до конституціи") требовалось отъ нихъ возможное: детальное соглашеніе на минимумахъ, а, главное, отказъ отъ безнадежно-агрессивной, губительной тактики. Правота конст.-демократовъ доказывается фактами многочисленныхъ присоединеній къ ихъ рядамъ группъ изъ трудящихся классовъ именно послѣ разгрома отчаянныхъ попытокъ и вспышекъ вооруженной борьбы [1]). Словомъ ни программа, ни реальное положеніе не образуютъ непреодолимыхъ препятствій для сближенія к.-демократовъ съ народомъ.

Не создаетъ ли такую пропасть самая психологія интеллигентныхъ конст.-демократовъ въ ея, быть можетъ, несогласимыхъ отличіяхъ отъ душевной природы народныхъ массъ? Тутъ мы подходимъ къ самому серьезному критическому тезису Н. А. Бердяева.

Онъ убѣжденъ, что к.-демократы не спасутъ родины, и не завоюютъ симпатій народа и авторитета въ немъ потому, что они—невѣрующіе люди. „Великая, всенародная политика возможна лишь въ томъ случаѣ, если она будетъ не только политикою, не только спасеніемъ отвлеченнымъ политическимъ путемъ, а будетъ связана сокровенными нитями съ полнотой духовной жизни народа, съ религіознымъ центромъ ея".—Ядъ революціи, разъѣдающій души интеллигенціи, по мнѣнію автора, именно и заключается въ культивированіи

---

[1]) См. данныя А. А. Корнилова, „Наша Жизнь", 1906, № 359.

политики, какъ „отвлеченнаго начала“, въ разжиганіи политическихъ страстей, какъ таковыхъ, въ признаніи путей государственности единоспасающими, въ отрываніи политики отъ цѣлостной жизни духа. Струве, продолжаетъ критикъ, тогда только спасетъ насъ отъ яда революціи, которую онъ самоотверженно дерзаетъ обличать,—когда найдетъ противъ нея могучее противоядіе. Г. Бердяевъ, однако, полагаетъ, что онъ и вообще идеалисты конституціонной демократіи заражены сами тѣмъ же ядомъ и тоже толкаютъ Россію по пути бездушной политической борьбы. „И будутъ на этомъ пути горѣть (и у насъ) партійныя страсти и потухать религіозная и культурная жизнь, по примѣру Западной Европы“.

Здѣсь остро затронутъ и сурово поднятъ въ его роковой трудности громадный и сложный вопросъ. Только вѣра, широкая, всезахватывающая вѣра двигаетъ массами, а к.-д. неодухотворены религіею, которая могла бы въ нихъ возбудить такую вѣру. Они—раціоналисты или скептики; въ нихъ нѣтъ проникающаго всю душу энтузіазма или мистическаго паѳоса; это—существа „безполыя“; не такое у нихъ выраженіе глазъ, не такъ звучитъ ихъ голосъ; не таковъ весь ихъ обликъ, чтобы они могли тронуть сердце народное, пріобрѣсти обаяніе учителей и вождей; „никто не пожелаетъ умирать за нихъ“. Вотъ, этотъ моментъ характеристики особенно взволнуетъ преданнаго адепта партіи, который способенъ понимать или чуять великую тайну бытія человѣка и человѣчества, личности и народа.

Что отвѣтить? Да, это правда: въ к.-д. партіи, какъ группѣ, отсутствуютъ яркіе признаки религіозно-политической секты; члены ея не несутъ народу проповѣди новой вѣры, охватывающій міръ цѣлостнымъ, покоряющимъ созерцаніемъ. Это—общая бѣда современныхъ поколѣній рода людского. Но это не спеціальная болѣзнь к.-демократовъ.—Рядомъ съ правильнымъ діагнозомъ, идущимъ до самаго дна явленія, мучительно неловко видѣть, какіе контрасты авторъ выбираетъ въ русской дѣйствительности, чтобы оттѣнить вскрытую язву. Въ противовѣсъ „умѣреннымъ, безтемпераментнымъ“ идеямъ к.-демократовъ онъ выдвигаетъ „религіозный паѳосъ“ соціалъ-демократіи, увлекающій молодежь и будто бы колышащій народъ. И тутъ же въ непосредственномъ сосѣдствѣ выставляется имъ, какъ двигатель массъ, не въ примѣръ

болѣе сильный, чѣмъ всѣ „скромныя“ орудія и девизы к.-д. партіи,—„черносотенный радикализмъ“ [1]).

О чемъ же говоритъ г. Бердяевъ? О религіи, какъ всеобъемлющемъ образѣ, цѣльномъ міровоззрѣніи, объясняющемъ бытіе, дающемъ смыслъ жизни, наполняющемъ сердце вѣрою и восторгомъ, опредѣляющемъ поведеніе? Или онъ имѣетъ въ виду лишь религіозное отношеніе къ политикѣ? [2]) Однако, фанатизмъ, или холодно - безпощадная партійная дисциплина, превращающаяся въ суровую механику культа,—эти свойства, нерѣдко характерны для крайнихъ революціонеровъ, — еще не образуютъ религіи [3]). Во всякомъ случаѣ, разрѣшая вопросъ, поставленный авторомъ, надобно мыслить религію въ первомъ, широкомъ, полномъ смыслѣ слова [4]).

Но у насъ въ такомъ смыслѣ иррелигіозна значительная часть интеллигенціи. Въ самой массѣ русскаго народа исконная религіозность, много вѣковъ стѣсняемая государственною церковью, прибита и унижена новѣйшимъ оффиціально-полицейскимъ православіемъ. Г. Бердяевъ говоритъ самъ, что тотъ же злой ядъ „отравляетъ истоки народной жизни“.

Такое высыханіе живого ключа вѣры въ глубинѣ народной почвы проистекаетъ отъ многихъ, трудно опредѣлимыхъ, сложныхъ и таинственныхъ причинъ. Какъ бы то ни было, развращающій гнетъ нашей государственности долженъ былъ сыграть въ такой порчѣ народной души тяжелую роль мерт-

---

[1]) „Россія отдана уже (?) волею судебъ во власть крайностей; черные и красные цвѣта господствуютъ, и тутъ не блѣдныя теоріи нужны, а новыя, пламенныя идеи“. Ниже: „Такими идеями могутъ быть только идеи религіозныя, не менѣе радикальныя, чѣмъ соціалъ-демократическія или черносотенныя“.

[2]) Иногда кажется, что послѣднее вѣрно: „Для соціалъ-демократовъ, говоритъ онъ, сама политика есть религія, религіозное дѣланіе“.

[3]) А „черносотенныя“ страсти—развѣ это вѣра? Это и не энтузіазмъ, а голая животная дикость, нечеловѣческое звѣрство, бѣшенство разсвирѣпѣвшаго быка, грязная волна, такъ же быстро падающая въ болото, какъ высоко поднимающаяся надъ нимъ. Это не движущій мотивъ жизни, а жестокій рефлексъ на другое движеніе. — Авторъ, очевидно, назвалъ здѣсь ужасный кошмаръ, который потрясалъ насъ мрачными ударами, лишь подъ видомъ драстическаго противоположенія. Такъ и поймемъ больно рѣжущій образъ среди рѣчи о дорогихъ предметахъ.

[4]) Насколько можно судить по другой (также чрезвычайно интересной) статьѣ Н. А. Бердяева, „Къ исторіи и психологіи русскаго марксизма („Пол. Звѣзда“, № 10)“ и онъ такъ понимаетъ вопросъ.

вящей руки.—Откуда придетъ избавленіе? Источникъ религіознаго откровенія бьетъ и изъ массоваго творчества, рождая безвѣстныхъ, изъ массы выходящихъ и въ массѣ тающихъ пророковъ. Приносится оно и „чудотворнымъ" познаніемъ индивидуальнаго духа геніальной личности, великаго учителя. — Какъ будетъ? Невозможно даже предсказать, явится ли вообще одна новая міровая религія, которая свободно сплотитъ все человѣчество въ конечное единство. Или, быть можетъ, религіозная проблема будетъ разрѣшаться индивидуальными исканіями и озареніями отдѣльныхъ познающихъ душъ, распространяться проповѣдью между причудливо малыми, неуловимо измѣнчивыми группами. Можетъ быть, органомъ сознанія будущаго единаго человѣчества явится сила иная чѣмъ вселенская церковь, служащая единому Богу... Не знаю! Но увѣренъ, что иррелигіозность для человѣчества—состояніе несовершенное, признакъ непобѣжденнаго зла, тяготящаго міръ, темноты, не сошедшей съ душъ.

Скажу только одно слово и здѣсь въ защиту поборниковъ культуры, идеалистовъ мирнаго прогресса и поклонниковъ всенародной свободы. Люди, которые вѣрятъ въ силу духа человѣческаго, любятъ науку, дышатъ работою философской мысли и чтутъ великія цѣнности ума, которыхъ волнуетъ трепетное исканіе правды, которые отдадутъ себя на трудъ одухотворенія человѣчества,—въ нихъ должна горѣть искра божественнаго огня. Это—еще разрозненные, но плодоносные мотивы религіозности. Здѣсь зародышъ противоядія.

VI.

Это—миссія всего будущаго; это — трудъ цѣлаго человѣчества. Проникнутые сознаніемъ первенства и всеобъемлемости такой міровой проблемы обновленія міросозерцанія, мы нынѣ должны дѣлать также и болѣе скромное дѣло настоящаго. То — вѣчная задача зодчества всѣхъ народовъ; но обязанность временной группы, партіи работать надъ коренною потребностью даннаго общества въ данный моментъ въ свѣтѣ общихъ идей, дающихъ смыслъ всей человѣческой жизни. Будутъ дѣлать такое дѣло и нынѣшніе русскіе люди, дѣло освобожденія родины отъ политическаго гнета абсолютизма и отъ духовнаго гнета варварства. Н. А. Бердяевъ признаетъ, что „декларація правъ" — самая свя-

тая и религіозная сторона революціи. Напрасно только онъ думаетъ, что „паѳосъ“ ея лишь подогрѣвается к.-демократами въ самихъ себѣ. Мы носимъ его въ сердцахъ и должны влить его въ народное одушевленіе. Съ нимъ вмѣстѣ будетъ сѣяться человѣчная культура, вымирать въ человѣкѣ звѣрь.

Главнымъ лозунгомъ передовой печати является въ настоящіе дни изобличеніе „черта реакціи“, вновь впившаго когти въ народное тѣло. Всѣ сознаютъ, что мы переживаемъ безчеловѣчіе и наглость репрессій, небывалую даже въ мрачной лѣтописи преступленій русскихъ правительствъ новаго времени. Въ кровавой самозащитѣ умирающаго строя совершается много отвратительныхъ ужасовъ; но ощущенія силы, хотя бы только устрашающей, она не производитъ. Чувствуется погибающій хищникъ. Движеніе противъ него не утихаетъ, а разростается. Эта реакція нашихъ дней — безуміе, съ точки зрѣнія интересовъ ея носителей. Вакханалія правительственныхъ насилій, которая запятнала Россію кровью ея сыновъ,—звѣрство безцѣльное для самихъ ея совершителей. Подъ кажущейся побѣдой таится близость могилы. Скоро настанетъ день судный. Отжившій строй держится главнымъ образомъ раздробленностью прогрессивныхъ силъ.

Слабѣетъ энергія обращаться съ призывомъ — „соединимтесь“ къ крайнимъ лѣвымъ. Когда органы к.-демократовъ приглашали ихъ къ союзу, они отвѣчали рѣзкимъ отрицаніемъ его возможности. Обозначеніе ихъ „друзьями-противниками“ они грубо возвращали назадъ съ крикомъ— „враги“, даже „предатели“. Стало быть, не насталъ часъ ихъ прозрѣнія. Но въ нашемъ еще рыхломъ обществѣ живетъ много родственныхъ к.-д. цѣнныхъ элементовъ, пребывающихъ въ неорганизованности или уединеніи, — безпартійныхъ, „дикихъ“. Они близки къ намъ, но не хотятъ быть съ нами; такая отдѣльность заставляетъ ихъ подчеркивать частныя разногласія и превращаетъ невольно въ „безотвѣтственныхъ критиковъ“ нашихъ идей и дѣйствій. Тѣмъ самымъ они фатально поставили себя въ положеніе нежизненное и стѣсненное; они не усиливаютъ крайнихъ, ослабляютъ к.-д., дѣлаютъ или стремятся дѣлать то же, что и послѣдніе, но растеривaютъ время и силы на спеціальное устройство мелкихъ и потому слабыхъ группъ. Къ

тому же они загромождаютъ себѣ дорогу лишними препятствіями, благодаря своей изолированности; если они и сплачиваются, то въ гибридныя цѣлыя, вродѣ союза союзовъ.

Когда „дикіе“ наши „друзья-критики“ стараются обосновать свою „сецессію“, они всегда утверждаютъ, что ихъ разлучили съ к.-д. партіею принципіальныя причины. Но формулировать природу этихъ принциповъ отдѣленія имъ до сихъ поръ не удается. Послѣднимъ примѣромъ неосновательности отпаденія является недавняя характерная статья уважаемой представительницы группы независимыхъ въ Петербургѣ, Е. Д. Кусковой. Авторъ задается цѣлью дать отвѣтъ, „кто они?“ [1]), и изъ него должно само собою стать понятно, почему они не с.-д., не с.-р. и не к.-д.

По первому общему вопросу узнаемъ изъ названной замѣтки, что „они“, т. е. сецессіонисты, сгрупировавшіеся въ Петербургѣ около еженедѣльника „Безъ заглавія“, „примыкаютъ къ тому, еще не кристализовавшемуся у насъ теченію, которое на западѣ связано съ именемъ критическаго соціализма“. — Эта положительная часть отвѣта ничего не объясняетъ въ дѣлѣ отпаденія ихъ отъ к.-демократовъ. Соціализмъ, тѣмъ болѣе свободный, критическій (эволюціонный), встрѣчаетъ сочувствіе въ цѣлой фалангѣ членовъ этой партіи и, присоединившись къ такому лѣвому флангу (какъ принято выражаться), принявъ „заглавіе“ и усиливъ въ ней симпатичное имъ теченіе, они ни на каплю не поступились бы своими взглядами. Напротивъ они сошлись бы съ наиболѣе тѣсными единомышленниками въ рамкахъ большой политической организаціи на работѣ для обогащенія и развитія идеологическихъ предпосылокъ партійной программы [2]), на дѣлѣ энергичнаго сближенія съ народомъ.

Можетъ быть, искомое раскрытіе недоумѣнія достигнется внимательнымъ обдумываніемъ отрицательной части отвѣта. Въ работѣ г-жи Кусковой мы находимъ прекрасную характеристику въ немногихъ словахъ нашей „кружковщины“, „сектантской логики“ нашихъ крайнихъ направленій. Авторъ

---

[1]) См. „Безъ Заглавія“, № 3.

[2]) См. по данному вопросу превосходную статью А. А. Чупрова, „Конституціонно-демократическая партія и соціализмъ“ (въ журн. Право“, 1905, № 45—46). — Ср. В. Ельяшевичъ. „Соціализмъ и революція“ („Свободный Народъ“, № 3, 1905).

даетъ также удачное опредѣленіе сущности и необходимой роли политической партіи въ западноевропейскомъ смыслѣ. Наконецъ онъ признаетъ, что въ Россіи только к.-демократы поставили задачею создать широкую открытую парламентскую партію, хотя и замѣчаетъ, что положеніе такой партіи въ странѣ съ негарантированною свободою не можетъ не быть своеобычно. Указанныя мѣста въ статьѣ г-жи Кусковой читаются съ истиннымъ удовольствіемъ, а для нашихъ близорукихъ политическихъ самоучекъ они дадутъ полезное назиданіе. Становится вполнѣ понятнымъ, почему она сама и ея друзья не могли примкнуть къ с.-д. и с.-р. Но какова причина несліянія критическихъ соціалистовъ съ к.-д. партіею? Это—не разногласіе въ программѣ и, даже не отрицаніе тактики вообще; а что же? — „Отвѣтъ ясенъ, говоритъ авторъ: ея пестрый составъ!"

Совсѣмъ не ясно, напротивъ, смутно становится на душѣ отъ такого толкованія. Е. Д. Кускова правильно показала на первыхъ страницахъ своего этюда, что ни одна политическая партія не можетъ состоять изъ „однотипныхъ индивидуальностей", что каждая „является федераціею разнотонныхъ личностей, объединившихся на опредѣленномъ минимумѣ требованій и дѣйствій". Въ предѣлахъ такого минимума члены партіи подчинены коллективности, за предѣлами его они свободны. Какъ же можетъ стать пестрота партіи препятствіемъ къ вступленію въ нее, когда партійная организація единомышленниковъ вообще вещь желательная, и если многотипность членовъ — естественная особенность природы всякой партіи?

Оказывается, что здѣсь рѣчь идетъ не о разномастности состава, а о пестротѣ sui generis, именно „объ отсутствіи въ поведеніи нѣкоторыхъ членовъ к.-д. партіи необходимаго минимума политическаго т а к т а". — Здѣсь подразумѣвается протипоставленіе к.-демократами себя крайнимъ партіямъ, когда послѣ 17 окября тактика послѣднихъ перешла всѣ предѣлы, допускающіе солидарность дѣйствій съ ними въ борьбѣ противъ стараго порядка за свободу и право. Можно, конечно, различно понимать форму и степень цѣлесообразности союза съ другими фракціями въ общемъ дѣлѣ. Но сказать: я расхожусь съ такою-то партіею изъ-за „безтактности" поведенія „нѣкоторыхъ" ея членовъ, хотя бы въ великій моментъ и по важному вопросу, — этого

дѣлать нельзя! Это не европейская политика, а все та же русская кружковщина, это именно требованіе „превратить партію въ школу“, это то самое, противъ чего сильно и убѣдительно возстаетъ г-жа Кускова.

Тутъ опять повторяется обвиненіе за лозунгъ, „борьбы на два фронта“, который, говорили, выставлялся конституціоналистами-демократами въ частности и на страницахъ „Полярной Звѣзды“. — Въ чемъ однако заключалась такая борьба по направленію на лѣво? Въ критикѣ экцессовъ, совершаемыхъ крайними, въ обличеніи вреда, наносимаго безумными излишествами тому освободительному потоку, завершенію котораго обязанъ отдавать всѣ силы каждый честный гражданинъ. Она выражалась именно въ призывѣ ихъ же „итти далѣе по линіи сложенія этого освободительнаго движенія, а не разложенія его“, какъ того требуетъ отъ к.-демократовъ сама Е. Н. Кускова. — Мы скажемъ и нашимъ „дикимъ“ сосѣдямъ слѣва: идите къ намъ и исправляйте среди насъ тѣ недостатки, которые называете нашею „безтактностью“. Дѣлайте въ большой организованной средѣ положительное дѣло, и вы пріобрѣтете возможность, влагая въ партійную душу дорогое вамъ содержаніе, работая для прогресса ея дальнѣйшей демократизаціи, дѣйствительно „гордиться“ тѣмъ, что въ нее внесете.

Разъединеніе—крупное бѣдствіе нашихъ оппозиціонныхъ круговъ [1]). Оно развиваетъ кружковый эгоизмъ и личную мелочность на радость врагамъ и на собственное безсиліе. Мы можемъ укрѣплять другъ друга сознательнымъ и самостоятельнымъ сотрудничествомъ, и мы не должны взаимно ослаблять одни другихъ мнительнымъ обереганіемъ личной неприкосновенности, критикой quand même, злосчастнымъ заподазриваніемъ чистоты побужденій товарищей. „Свободная личность въ могущественной партіи“ — такой совершенно правильный политическій девизъ можетъ и долженъ освѣщать нашъ путь [2]).

Говорятъ: к.-демократы боятся власти, потому что не выносятъ крови, которою зловѣще пахнетъ теперь всякая власть. Они допускаютъ лишь власть праведную; но послѣд-

---

[1]) Въ томъ же смыслѣ высказывается въ только что вышедшемъ № 6 того же „Безъ заглавія“ г. Сѣверянинъ.

[2]) См. прекрасную статью проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго, „Личность и партія“ („Права“, 1905, № 50).

няя, быть можетъ, не въ силахъ нынѣ возстановить порядокъ, безъ котораго трудна творческая работа. Это, должно быть, вѣрно. Но для возрожденія общества нужна сейчасъ другая сила, на которую способны и к.-демократы, и отдѣлившіеся отъ нихъ друзья, и которую они скорѣе обрѣтутъ въ себѣ, если будутъ шествовать вмѣстѣ. Это именно великій трудъ внесенія разума въ революцію. Сознательная принципіальность идеи, планомѣрность борьбы и цѣлесообразность дѣйствій собравшихся въ одно цѣлое искреннихъ поборниковъ свободы, культуры и народнаго права направитъ русскую революцію по новому пути, на которомъ (твердо вѣрую!) не будетъ мѣста въ нашемъ будущемъ ни красному террору революціоннаго трибунала, ни деспотическому coup d'état генерала на бѣлой лошади.

Но для такого великаго успѣха вся семья вѣрящихъ въ идейную борьбу русскихъ людей должна быть въ полномъ сборѣ на полѣ страды. Трудна работа рожденія новаго міра. Понесемъ ее всѣ, довѣрчиво рука объ руку. Въ единеніи правда. Не растратимъ плодовъ одержанныхъ побѣдъ. Близко впереди реальное дѣло осуществленія завоеваннаго права. Хорошо вспомнить, въ настоящій моментъ разлада, духовную красоту согласія, освѣщавшую тѣ дни, когда возникалъ „союзъ освобожденія". Лѣтомъ 1903 г., когда совѣщались его учредители за рубежомъ родины, на высотахъ Гогентвиля, гдѣ еще тысячу лѣтъ тому назадъ въ старомъ замкѣ чтилась наука, и у водъ Констанцскаго озера, гдѣ погибъ Гусъ за свободу идеи, лицомъ къ лицу находились въ тѣсномъ дружествѣ предствители и нынѣшнихъ к.-демократовъ, и нынѣшнихъ сецессіонистовъ. Тогда въ ихъ душахъ настолько же царили принципы свободы и демократизма, насколько крѣпко было взаимное пониманіе и согласіе. Первыя остались неизмѣнными въ тѣхъ и въ другихъ. Почему же подорвано второе? Необходимо ростить первыя и не разъѣдать второго [1]).

Ив. Гревсъ.

---

[1]) Съ такимъ же призывомъ къ возсоединенію к.-д. могутъ обратиться, кромѣ петербургскихъ „дикихъ" лѣвыхъ, еще и къ другимъ, каковы, напримѣръ, московскій клубъ независимыхъ или назвавшіе себя партіею демократическихъ реформъ, которую образовали недавніе наши же сочлены. Нѣтъ твердыхъ основаній для отдѣльняго функціонированія и у радикаловъ и свободомыслящихъ. Всѣ они могутъ въ настоящій

Замѣтки публициста.

I. Coup d'état 20-го февраля.

Сумма довѣрія къ правительству въ русскомъ обществѣ до сихъ поръ, страннымъ образомъ, оказывается не исчерпанной. Только этой непонятной неистребимостью ни на чемъ не основаннаго довѣрія можетъ быть объяснено то сильное отрицательное впечатлѣніе, которое произвела конституція 20-го февраля. Это впечатлѣніе у однихъ граничитъ съ полной удрученностью, у другихъ съ негодованіемъ. Между тѣмъ можно ли было ждать чего-нибудь хорошаго отъ этого правительства, и не есть ли безспорно заключающееся въ манифестѣ 20-го февраля юридическое подтвержденіе того, что самодержавіе упразднено, наоборотъ, пріятный сюрпризъ?

Правда, словесно самодержавіе продолжаетъ существо-

моментъ слиться въ единомъ широкомъ союзѣ защитниковъ народныхъ свободы и права. Теперь, передъ первыми выборами — это насущное дѣло, безъ котораго многое можетъ быть потеряно надолго. — Психологія партій познается не однимъ самонаблюденіемъ, но и разборомъ сужденій другихъ. Я останавливался на попыткахъ серьезной оцѣнки со стороны разномыслящихъ, но благожелательныхъ группъ. Хотѣлось бы встрѣтить добросовѣстную критику и изъ устъ настоящихъ противниковъ, но отъ крайнихъ лѣвыхъ приходится выслушивать лишь такія нападки, брань и искаженную истину; на ничего не доказующую недостойно возражать.— Странный опытъ изображенія к.-д. партіи съ точки зрѣнія союза 17 окт. подвергся основательному разбору со стороны Ѳ. Ѳ. Кокошкина въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (1906, № 44, 45). — Теперь, когда въ Петербургѣ основанъ оффиціальный органъ к.-д. „Вѣстникъ партіи народной свободы" и начала выходить тѣсно примыкающая къ ней газета „Рѣчь", можно надѣяться, что идеи, планы и дѣйствія партіи найдутъ въ этихъ изданіяхъ твердыя орудія распространенія и правильнаго толкованія.

вать, но юридическіе институты не суть слова, и словесному подтвержденію самодержавія въ манифестѣ 20-го февраля противостоитъ тотъ фактъ, что по существу этотъ манифестъ подтверждаетъ конституціонное начало въ нашемъ государственномъ правѣ и закрѣпляетъ его, правда—на очень низкомъ уровнѣ, но несомнѣнно *закрѣпляетъ*. А въ то же время это конституціонное содержаніе акта 20-го февраля не устраняетъ того, что формально этотъ актъ есть нарушеніе конституціи 17-го октября.

Въ манифестѣ 17-го октября, кромѣ обѣщаній народу и порученій правительству явственно формулирована была *одна* юридическая норма: „чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы“ [1]).

Съ точки зрѣнія этого правила новое учрежденіе Государственнаго Совѣта, превратившее, помимо Государственной Думы, Государственный Совѣтъ изъ учрежденія законосовѣщательнаго въ учрежденіе законодательное и равноправное съ Думой, есть несомнѣнно актъ нарушающій манифестъ 17-го октября, актъ противоконституціонный, coup d'état.

Такимъ образомъ, Россія начинаетъ свою конституціонную жизнь не только неслыханнымъ попраніемъ администраціей естественныхъ правъ человѣка, попраніемъ, передъ которымъ даже царствованіе Николая I представляется какой-то счастливой эрой гуманности и законности, она начинаетъ ее и противоконституціонной конституціей. Если безъ нарушенія

---

[1]) Въ русской литературѣ это всего яснѣе и убѣдительнѣе было показано въ замѣчательныхъ статьяхъ *М. Я. Острогорскаго* „Манифестъ 17-го октября и учредительное собраніе“, напечатанныхъ въ №№ 334 и 336 „Нашей Жизни“ за прошлый годъ. Авторъ тогда же указалъ, что манифестомъ 17-го октября для нашего Государственнаго Совѣта создается единственное въ конституціонной исторіи положеніе законосовѣщательной Верхней Палаты, положеніе, которое не можетъ быть правомѣрно измѣнено одностороннимъ актомъ Монарха. Авторъ, очевидно, не предвидѣлъ, что за манифестомъ 17-го октября, въ нарушеніе его, еще до созыва Думы воспослѣдуетъ манифестъ 20-го февраля.

манифеста 17-го октября Россіи могла быть октроирована или дарована конституція, то во всякомъ случаѣ только такая, которая ни въ чемъ не умаляла бы положенія Государственной Думы, какъ единственнаго рядомъ съ Монархомъ участника законодательной власти.

„Новое Время“ правильно оцѣнило новый Государственный Совѣтъ, какъ „буферъ“ между Монархомъ и Думой. Сравненіе мѣткое, но наводящее на размышленія не особенно успокоительнаго свойства. До сихъ поръ буферами именовались государства, расположенныя между двумя по существу враждебными державами и отдѣляющія ихъ другъ отъ друга, но въ то же время и создающія почву для столкновеній. И въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы устранить изъ русской жизни рознь между народомъ и монархомъ, конституція 20-го февраля, создавая Верхнюю Палату изъ привилегированныхъ элементовъ и ставя ее рядомъ съ выходящей изъ народныхъ выборовъ Думой, разобщаетъ Монарха и Думу и сковываетъ свободную дѣятельность послѣдней. Государственный Совѣтъ есть настоящая палата господъ и, въ качествѣ таковой, ее рѣшительно отвергаетъ глубоко демократическое общественное сознаніе Россіи. Если прибавить къ этому, что Государственный Совѣтъ будетъ палатой не только господъ, но, еще болѣе, чиновниковъ, то можно быть увѣреннымъ, что учрежденіе это не сможетъ удержаться въ Россіи XX вѣка.

II. О бойкотѣ.

Яснѣе, чѣмъ когда либо, что только упорное политическое воспитаніе и самовоспитаніе помогутъ русскому народу свалить окончательно старый порядокъ. Съ этой точки зрѣнія проповѣдь бойкота Думы представляетъ совершенно несостоятельную аберрацію. Тѣ, кто предлагаютъ бойкотъ, въ сущности обязаны вмѣсто участія въ Думѣ указать другіе методы борьбы, столь же воспитывающіе массы и столь же

имъ доступные. Они, конечно, этого сдѣлать не могутъ. Идея бойкота, съ одной стороны, выросла на почвѣ привычки морализировать въ области политики. Въ такую скверную Думу, при такихъ условіяхъ выборовъ итти не слѣдуетъ; этимъ участіемъ только осквернишься и укрѣпишь скверну. Въ этомъ морализирующемъ сплошномъ отрицаніи Думы заключается, въ сущности, глубокое недовѣріе къ силамъ страны и страхъ предъ могуществомъ правительства.

Съ мотивами, чисто моральными сплетаются мотивы, вытекающіе изъ политической и соціальной фантастики, которая до сихъ поръ такъ сильна въ нашемъ освободительномъ движеніи. У насъ вѣрятъ въ чудеса. Осязательныхъ указаній на конкретные способы борьбы такая вѣра не даетъ, она питается убѣжденіемъ, что стихійный процессъ самъ что то вынесетъ наружу.

„Бойкотизмъ", такимъ образомъ, есть своеобразное сочетаніе раціоналистически-морализирующей мысли съ мистической вѣрой въ стихійныя силы, дѣйствующія въ освободительномъ движеніи и движущія народныя массы.

Идея бойкота сама по себѣ не была бы опасна, если бы въ народныхъ массахъ была именно та революціонная энергія, которая ею предполагается. Опасно то, что идея бойкота заставляетъ наиболѣе живые элементы общества и народа дѣйствовать фактически въ союзѣ съ косностью и пассивностью, присущими широкимъ массамъ вездѣ и въ особенно сильной степени присущими имъ тамъ, гдѣ культура стоитъ невысоко. Я, положимъ, бойкотирую Думу потому, что я изъ радикализма отрицаю такіе выборы; но десятки тысячъ и даже сотни тысячъ людей всегда и вездѣ бойкотируютъ выборы изъ... косности. Такъ будетъ и въ Россіи. Политическій радикализмъ будетъ дѣйствовать въ томъ же направленіи, въ какомъ дѣйствуютъ политическая безъидейность и пассивность.

Вмѣсто того, чтобы направить всѣ силы интеллигенціи

на организацію, пропаганду и агитацію въ народныхъ массахъ для выборовъ и по поводу выборовъ, эти силы оставляютъ совершенно неиспользованными или же растрачиваютъ въ безплодныхъ ораторскихъ упражненіяхъ во славу бойкота. Намъ скажутъ, что правительство не даетъ возможности дѣйствовать въ народныхъ массахъ и что оно совершенно упразднило свободу выборовъ. Это вѣрно. Мы не отрицаемъ нисколько, что правительство есть первый и самый краснорѣчивый проповѣдникъ идеи бойкота. Но, съ другой стороны, мы живемъ въ Россіи не со вчерашняго числа и хорошо знаемъ, что современныя политическія условія, какъ они ни дики и какъ они ни тягостны, всетаки даютъ такія возможности политической дѣятельности, которыя несравнимы съ тѣми тисками, въ которыхъ русскому народу приходилось жить въ 80-хъ и 90-хъ гг. XIX вѣка. Это не заслуга правительства, но это фактъ, котораго многіе, ослѣпленные политической и соціальной фантастикою, не оцѣниваютъ во всемъ его громадномъ значеніи для культурной и политической работы.

Нашимъ „революціоннымъ" направленіямъ слѣдуетъ всегда помнить, что „революціонное" рѣшеніе вопросовъ русской жизни зависитъ вовсе не отъ нихъ, а единственно отъ русскаго правительства. Это—старая истина [1]).

Задача русской интеллигенціи заключается вовсе не въ томъ, чтобы провозглашеніемъ самыхъ крайнихъ лозунговъ „революціонизировать" народъ, а въ томъ, чтобы творчески-организующей работой разсѣять туманъ, въ которомъ до сихъ поръ бьется и бродитъ народное сознаніе. А для этого однимъ изъ лучшихъ средствъ являются выборы въ Думу и дѣятельность самой Думы.

---

[1]) Ей соотвѣтствуетъ другая истина, о которой нельзя тоже забывать. Если правительство революціонизируетъ общество, то не слѣдуетъ ему мѣшать въ этой работѣ, реакціонизируя общество.

III. Смертная казнь.

Трудно говорить и трудно молчать о смертной казни. Говорить трудно потому, что слова и рѣчи потеряли всякую силу. Ничто не дѣйствуетъ такъ угнетающе, ничто не имѣетъ такой зловѣщій смыслъ въ современности, какъ то, что бездѣйственно пропадаютъ слова, самыя сильныя, призывы, самые неотразимые.

Прежде въ Россіи царствовали молчаніе и тьма, и мы вѣрили, что жестокость и неправда, заполонившія нашу жизнь, падутъ, лишь только раздастся разрѣшающее слово правды и ворвутся лучи свѣта.

Увы! Это была мечта, и она развѣяна. Слова правды раздаются громко по всей Россіи, и лучи свѣта заглядываютъ туда, куда имъ прежде былъ заказанъ путь.

Насиліе однако не рушится, а, наоборотъ, становится въ нагло вызывающую позу и смѣется надъ правдой, бросающей ему словесные вызовы.

Всѣ теперь говорятъ и пишутъ противъ смертной казни и, въ частности, противъ казни Шмидта.

Смертная казнь есть самый скверный видъ убійства. Это убійство, объективно самое ненужное, субъективно самое безнравственное и безчеловѣчное. Убійца, хотя бы и самый безкорыстный, убиваетъ *для себя*, исполняя свое собственное дѣло, вкладывая въ него свою личность. Исключеніе составляютъ наемные убійцы, которыхъ можно назвать вольнопрактикующими палачами. Палачъ убиваетъ по порученію, и вполнѣ чуждъ, какъ личность, тому, что онъ совершаетъ. Убійца если не фактически, то хотя бы въ предположеніи, убивая, чѣмъ-нибудь да рискуетъ. Палачъ и его довѣритель, власть, ничѣмъ не рискуютъ, убивая. Они абсолютно спокойно и безопасно *продѣлываютъ* убійство.

Не знаю, какъ другихъ, но меня въ смертной казни возмущаетъ именно эта бездушная абстрактность такъ именуемаго убійства. Пріѣзжаетъ комиссія изъ прокурора, палача и еще кого нибудь, все люди, чуждые жертвѣ, абсолютно въ ея

уничтоженіи не заинтересованные. Пріѣзжаютъ, убиваютъ, а засимъ разъѣзжаются и идутъ пить чай—со спокойной совѣстью, ибо убивали не они, черезъ нихъ убивало государство. Эта безчеловѣчная отвлеченность убійства до послѣдней степени отвратительна въ смертной казни.

Не такъ давно мнѣ привелось прожить нѣсколько недѣль подъ однимъ кровомъ съ нѣмецкимъ судьей.

Мы часто и подолгу съ нимъ разговаривали. Онъ разсказывалъ мнѣ обстоятельно цѣлый рядъ случаевъ изъ своей судебной практики. Однажды онъ со всѣми подробностями передалъ мнѣ всѣ перипетіи недавняго звѣрскаго убійства, съ которымъ ему пришлось имѣть дѣло въ судѣ. Отецъ и сынъ убили съ корыстной цѣлью коммивояжера. Судья (благочестивый баварскій католикъ) повѣдалъ мнѣ, какъ онъ волновался, опасаясь, что присяжные признаютъ въ дѣйствіяхъ подсудимыхъ Totschlag, а не Mord, не предумышленное убійство. Но присяжные оказались на высотѣ призванія и не впали въ искушеніе — изъ снисхожденія къ подсудимому измѣнить дѣйствительный составъ преступленія. Старшій убійца былъ приговоренъ къ смертной казни. Herr Gerichtsrat подѣлился со мною своимъ удовольствіемъ по этому поводу и былъ, вѣроятно, увѣренъ, что я, которому онъ чрезвычайно ярко описалъ все событіе звѣрскаго убійства, раздѣляю его удовольствіе по случаю доставшагося на долю преступника возмездія. Я не сталъ разувѣрять почтеннаго судью: онъ меня бы все равно не понялъ.

Я вышелъ и пошелъ гулять. На улицѣ мнѣ попался газетчикъ, и я купилъ у него газету. Случай судилъ, что въ этомъ номерѣ газеты подробно описывалась—нѣмецкіе читатели страсть какъ любятъ такія описанія—казнь того самаго убійцы, о которомъ мнѣ разсказывалъ почтенный и благочестивый судья. Передъ моимъ умственнымъ взоромъ прошли двѣ картины, причинно между собою связанныя и нарисованныя съ одинаковою подробностью и жизненностью. И я

всѣмъ своимъ существомъ почувствовалъ, насколько казнь гнуснѣе и отвратительнѣе убійства. Нѣмцы вносятъ въ казнь еще сантиментальность: во время казни заунывно звонятъ въ церковные колокола, оплакиваютъ бѣднаго грѣшника,—это называется Arme-Sünder-Glöcklein.

Нѣмецкая газета чувствительно описывала казнь, какъ какой-то красивый религіозной эстетическій обрядъ. Но это только еще сильнѣе подчеркивало холодный, абстрактный, безчеловѣчный характеръ убійства, которое никому кромѣ „государства" не было нужно и для людей было только зрѣлищемъ и церемоніей.

Смертная казнь за политическія „преступленія" — противъ нея я не могу писать. Ей присущи всѣ гнусныя черты казни и всѣ отталкивающія черты убійства изъ мести.

Я недавно видѣлъ фотографію, изображающую стариковъ Балмашевыхъ, сидящихъ подъ портретомъ ихъ казненнаго сына. Я вспомнилъ жизнь юноши-убійцы, разсказанную имъ самимъ въ автобіографіи, оригиналъ которой когда-то былъ въ моихъ рукахъ. Кому было нужно удавленіе руками палача этого чудеснаго юноши съ дѣвичьимъ лицомъ? Госпожѣ Сипягиной? Графу Шереметеву? Россійскому самодержавію? Г-жа Сипягина не стала отъ этой казни счастливѣе. Графъ Шереметевъ не сталъ могущественнѣе и богаче. Самодержавіе эта казнь не спасла.

Кому нужна голова лейтенанта Шмидта?

„Мысль изреченная есть ложь"—сказалъ Тютчевъ. Я чувствую, что все, мною написанное о смертной казни, относится къ тѣмъ мыслямъ, о которыхъ нельзя писать, не ослабляя и не извращая ихъ. Трудно, мучительно писать о смертной казни. Но нельзя и молчать о ней.

Кромѣ того, повторяю, сердца ожесточились, а слова притупились. Слова не дѣйствуютъ. Россія точно замерла въ зловѣщемъ раздумьѣ.

Когда же это кончится?!

Петръ Струве.

Отъ Шлиссельбургскаго комитета.

I.

8-го января 1906 года Шлиссельбургская государственная тюрьма перестала существовать. Неизвѣстно, правда, какая судьба ожидаетъ пятерыхъ еще томившихся тамъ заключенныхъ (Карповича, Гершуни, Мельникова, Сазонова и Сикорскаго), но страшный призракъ мрачнаго застѣнка отходитъ, во всякомъ случаѣ, въ исторію, вмѣстѣ съ такъ долго губившимъ Россію принципомъ народнаго безправія и правительственнаго самовластія.

Конечно, забыть Шлиссельбургъ Россія не можетъ и не должна. Какъ въ фокусѣ, въ немъ сосредоточились всѣ ужасы, всѣ муки, всѣ жертвы, какими отмѣчено русское освободительное движеніе, начиная съ Новикова и декабристовъ и кончая героями послѣднихъ дней. Шлиссельбургъ былъ мѣстомъ заточенія, пытокъ и казней лучшихъ, энергичнѣйшихъ борцовъ за счастье народа. Могучая угроза въ рукахъ самодержавія,—въ глазахъ тѣхъ, кому дороги честь и свобода родины,—онъ всегда былъ эмблемой великой душевной красоты, великаго гражданскаго подвига. Это былъ какъ-бы почетный боевой постъ, на которомъ, въ ожиданіи вѣрной гибели, безтрепетно стоялъ авангардъ революціи...

Увидимъ ли мы, живущее поколѣніе, тотъ грандіозный національный памятникъ, какимъ Россія почтитъ *всѣхъ* своихъ героевъ-мучениковъ, страдавшихъ и погибшихъ на эшафотахъ, въ тюрьмахъ, въ рудникахъ и тундрахъ Сибири, въ мрачныхъ тайникахъ Петропавловки и Шлиссельбурга? Какъ бы то ни было, нѣкоторые изъ этихъ страдальцевъ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшіе послѣ двухъ десятковъ лѣтъ пребыванія въ ужасной шлиссельбургской могилѣ, еще живутъ среди насъ (ихъ 22 человѣка, не считая упомянутыхъ выше пятерыхъ), и чувство благоговѣйнаго удивленія, которое они намъ внушаютъ, не находитъ себѣ достаточнаго удовлетворенія въ болѣе или менѣе далекой мечтѣ... Такъ страстно хочется теперь же, сейчасъ же дать ему посильное выраженіе! Вѣдь это не мертвыя имена, въ честь которыхъ потомки воздвигаютъ обыкновенно монументы,—это живые, дорогіе всѣмъ намъ люди! Не отвлеченный долгъ, а требованіе непосредственнаго чувства побуждаетъ сдѣлать все

возможное для того, чтобы, по крайней мѣрѣ, оградить этихъ изстрадавшихся людей отъ новыхъ житейскихъ невзгодъ и ударовъ.

Такова идея, легшая въ основаніе Шлиссельбургскаго Комитета.

Одна изъ первыхъ предстоящихъ ему задачъ—озаботиться сборомъ денежныхъ средствъ для составленія постояннаго шлиссельбургскаго фонда. Съ этой цѣлью Комитетомъ намѣчены слѣдующія мѣры: 1) пожертвованія, въ сборѣ которыхъ желательно участіе самыхъ широкихъ круговъ населенія; 2) спеціальныя изданія портретныхъ галлерей, книгъ и брошюръ; 3) литературные вечера и концерты.

Избранный первоначально „Союзомъ Союзовъ" Шлиссельбургскій Комитетъ состоитъ въ настоящее время изъ слѣдующихъ лицъ:

Предсѣдатель—В. И. Семевскій (*Вас. Остр., 2 л., д. 11*).

Товарищъ Предсѣдателя—П. Ф. Якубовичъ (*Л. Мельшинъ, Ст. Удѣльная Финл. ж. д*).

Секретарь—В. Я. Яковлевъ-Богучарскій (*Ямская ул., д. 25, кв. 8*).

Казначей—Н. Ф. Анненскій (*Троицкая ул., д. 11, кв. 22*).

Члены: Ф. Д. Батюшковъ, В. Л. Бурцевъ, П. И. Вейнбергъ, С. А. Венгеровъ, В. П. Водовозова, В. В. Водовозовъ, Е. Н. Водовозова-Семевская, А. С. Зарудный, Д. А. Клеменцъ, В. Ф. Коммисаржевская, В. Г. Короленко, Н. С. Кудринъ, Л. П. Купріянова, П. Н. Милюковъ, В. А. Мякотинъ, Л. Ф. Пантелѣевъ, В. А. де-Плансонъ, А. С. Пругавинъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ, И. Е. Рѣпинъ, М. П. Сажинъ, кн. Г. Д. Сидамоновъ-Эристовъ, Л. Н. Стахевичъ, О. Н. Флоровская, Л. Э. Шишко, П. Е. Щеголевъ, С. А. Щепотьевъ.

Пожертвованія просятъ направлять на имя казначея, а всякаго рода сообщенія и запросы—посылать на имя предсѣдателя Комитета, его товарища или секретаря по вышеуказаннымъ ихъ адресамъ.

II.

Одною изъ своихъ очередныхъ задачъ Шлиссельбургскій Комитетъ поставилъ изданіе альбома, по возможности, всѣхъ лицъ, когда либо томившихся въ Шлиссельбургской крѣпости, отъ Новикова до Сазонова и Сикорскаго. Портреты эти будутъ снабжены краткими біографіями узниковъ. Комитетъ собралъ уже значительное количество необходимыхъ для этой цѣли портретовъ, но многихъ еще не достаетъ. Труднѣе всего, конечно, достать портреты узниковъ, томившихся въ Шлиссельбургѣ въ царствованіе Николая Перваго (Тюринъ, Поповъ, Вас. Критскій, Олейничукъ, Соколовскій, Ибаевъ и др.), но не достаетъ также и значительнаго количества портретовъ шлиссельбуржцевъ эпохи 1884—1905 года (Арончикъ, Исаевъ, Савелій Златопольскій, Малавскій, Минаковъ, Клименко, Тихоновичъ, Немоловскій. Игнатъ Ивановъ, Вас. Ивановъ, Лаговскій, Ник. Рогачевъ, Генераловъ

Андреюшкинъ, Шевыревъ, Чепегинъ, Васильевъ и Гершковичъ). Комитетъ проситъ лицъ, владѣющихъ портретами перечисленныхъ узниковъ, доставить ему ихъ для воспроизведенія, послѣ чего, по желанію владѣльцевъ, портреты будутъ немедленно возвращены по принадлежности. Комитетъ проситъ также доставить ему біографическія свѣдѣнія не только о перечисленныхъ узникахъ, но и обо всѣхъ шлиссельбуржцахъ,—причемъ чѣмъ полнѣе—тѣмъ лучше. Всѣ эти предметы могутъ быть направляемы секретарю Комитета, по адресу: *Петербургъ, Редакція журнала „Былое". Спасская улица, 25, кв. 20, Василію Яковлевичу Яковлеву-Богучарскому.* (*Просятъ посылать заказными*). Весь сборъ отъ продажи сборника-альбома поступитъ въ пользу шлиссельбуржцевъ.

Предсѣдатель Комитета **В. Семевскій.**
Секретарь **В. Богучарскій.**

III.

На образованіе Шлиссельбургскаго фонда поступили по 15 февраля 1906 г. слѣдующія пожертвованія.

1) Деньгами: отъ Л. Ф. Пантелѣева—150 р., черезъ Л. Ф. Пантелѣева—40 р., Бровко—50 р., М. В. Ватсонъ—10 р., воспитанника декабриста А. В. Поджіо—100 р., А. П. Р.—3 р., Серебренникова—3 р., NN—10 р., В. П. Воронцова—25 р., редакціи „Исторіи освободительнаго движенія въ Россіи"—25 р., Чермака—3 р., А. С. Заруднаго—5 р., М. П. Н.—100 р., У.—3 р., Н. П.—5 р., В. В. Святловскаго—5 р., NN—1 р., К. О.—5 р. Ф. Ваньковича—25 р., врача М. П.—10 р., А. Е. Кутузовой и Е. Е. Зайцевой—5 р., П. И. Вейнберга—10 р., А. К. Писаревой—100 р., Н. А.—7 р., А. Кулябко-Корецкаго—10 р., С. О. Ющинскаго—10 р., Н. Г. и А. Р.—7 р. Итого **730 рублей.**

2) Процентными бумагами: чрезъ В. И. Семевскаго, отъ неизвѣстнаго на изданія Комитета, билетъ внутренняго 5% займа 1905 г. на 1000 р.; чрезъ него же, отъ неизвѣстнаго, на изданіе Шлиссельбургскимъ Комитетомъ опредѣленной книги, свидѣтельство государственной 4% ренты на 3.000 р.; итого 4.000 р.

О полученіи всѣхъ этихъ пожертвованій Комитетъ съ благодарностью извѣщаетъ жертвователей.

Казначей Комитета **Н. Анненскій.**

IV.

Со времени опубликованія воззванія Шлиссельбургскаго Комитета по 15 февраля текущаго года въ Комитетъ изъ числа недостававшихъ ему портретовъ шлиссельбургскихъ узниковъ доставлены фотографическія карточки Манучарова (въ 3 различныхъ видахъ), Осипанова, Щедрина и Кобылянскаго. Доставлены также біографическія свѣдѣнія о Манучаровѣ, Немоловскомъ, Щедринѣ, Ашенбреннерѣ, Мельниковѣ, Канашевичѣ, Гершковичѣ, Буцевичѣ, Новорусскомъ и Стародворскомъ. О полученіи всѣхъ перечисленныхъ портретовъ и свѣдѣній Комитетъ съ благодарностью извѣщаетъ доставившихъ ихъ лицъ

Секретарь Комитета **В. Богучарскій.**

Книги, поступившія въ редакцію съ 22 по 28 февраля:

Верещагинъ, И. Трудовая колонія, какъ типъ учрежденія дѣтскаго призрѣнія. Оттискъ журн. „Трудов. Помощь", декабрь 1904 г.

Дерманъ, А. Георгіевскій кавалеръ. Изд. Поповой. Спб. 1906 г. Ц. 5 к.

Масарикъ, Ѳ. Революція или эволюція? Переводъ подъ редакц. П. Ястребова. Изд. п. „Свободомыслящихъ". Спб. 1906 г. Ц. 35 к.

Менгеръ, А. Новое ученіе о нравственности. Изд. Поповой. Спб. 1906 г. Ц. 20 к.

Первовъ, П. Изъ исторіи Геродота. Москва 1905 г. Ц. 60 к.

Подолянинъ. Классовая пролетарская борьба въ странѣ всеторжествующаго капитализма. Изд. „Молод. Россія". Москва 1905 г. Ц. 10 к.

Рафаиловъ, М. О критикѣ и догмѣ, теоріи и практикѣ. Москва 1906 г. Ц. 7 к.

Рибо, Г. Логика чувствъ. Перев. Л. Семенюта. Изд. Поповой. Спб. 1906 г. Ц. 40 к.

Сергѣевъ-Ценскій, С. Медуза. Изд. Поповой Спб. 1906 г. Ц. 5 к.

Его же. Забылъ. Изд. Поповой. Спб. 1906 г. Ц. 10 к.

Его же. Лиза Виноградова. Изд. Поповой. Спб. 1906 г. Ц. 10 к.

Тарасовъ, К. Міровой ростъ и кризисъ соціализма. Изд. „Молод. Россія". Москва 1906 г. Ц. 10 к.

Черновъ, В. Къ теоріи классовой борьбы. Изд. „Молод. Россія". Москва 1906 г. Ц. 10 к.

Шишко, Л. Къ вопросу объ аграрной программѣ. Изд. „Молод. Россія". Москва 1906 г. Ц. 10 к.

Шмидтъ, П. Жизнь въ прѣсныхъ водахъ. Изд. Поповой. Спб. 1906 г. Ц. 6 к.

Его же. Тайны невидимаго міра. Изд. Поповой. Спб. 1906 г. Ц. 5 к.

Его же. Жизнь въ волнахъ моря. Изд. Поповой. Спб. 1906 г. Ц. 6 к.

Издатель **М. В. Пирожковъ.** Редакторъ **П. Б. Струве.**

Изданія „НАРОДНОЕ ПРАВО“.

А.

№ 1. **Ѳ. Кокошкинъ**. Объ основаніяхъ желательной организаціи народнаго представительства въ Россіи.

№ 2. **Ѳ. Кокошкинъ**. О правахъ національностей и о децентрализаціи.

Б. Серія изданій для народа.

Брошюры:

№ 1. **Н. Р**. О свободѣ личности. 2-е изд. Ц. 1 коп.

№ 2. **И. П. Бѣлоконскій**. Что такое земство, что оно сдѣлало для народа и какимъ должно быть. 2-е изд. Ц. 5 коп.

№ 3. Какъ управляются народы въ Россіи и другихъ странахъ. 2-е изд. Ц. 3 коп.

№ 4. **И. Н. Игнатовъ**. Беранже. Ц. 10 коп.

№ 5. **Т. Н. Львовъ**. Какого слѣдуетъ держаться порядка при производствѣ выборовъ народныхъ представителей. 2-е изд. Ц. 5 коп.

№ 6. **Т. Н. Львовъ**. Что такое избирательное право и какъ должны производиться выборы. 2-е изд. Ц. 2 коп.

№ 7. **А. А. Титовъ**. Мировые судьи и земскіе начальники. Ц. 5 к.

№ 8. **А. Курсановъ**. Какъ русскій народъ управлялся въ старину. Ц. 2 коп.

№ 9. **И. Н. Игнатовъ**. Гарибальди. Ц. 10 коп.

№ 10. Крестьянамъ. О конституціонно-демократической партіи. Ц. 1 коп.

№ 11. **И. М. Катаевъ**. Стенька Разинъ. Ц. 6 коп.

№ 12. **П. Муратовъ**. Борьба за избирательное право въ Англіи. Ц. 15 коп.

№ 13. О чиновникахъ и народномъ правленіи. Ц. 4 коп.

№ 14. **Е. И. Боголюбовъ**. Спартакъ. Ц. 5 коп.

№ 15. **Ю. Баршевъ**. Крестьянское малоземелье и способы борьбы съ нимъ. Ц. 5 коп.

№ 16. Евреи въ Россіи. Ц. 6 коп.

№ 17. **Шпирельманъ** Земельная реформа въ Ирландіи. Ц. 5 к.

№ 18. **Т. Н. Львовъ**. Учрежденіе Государственной Думы. Ц. 5 к.

№ 19. **В. Е. Скушинъ**. Декабристы.

№ 20. **Ѳ. Кокошкинъ**. Областная автономія и единство Россіи.

Листки.

№ 1. Вопросы и отвѣты о выборахъ народныхъ представителей. Составилъ Владиміръ Ермиловъ. Ц за сотню 40 коп.

№ 2. О свободѣ печати. Ц. за сотню 50 коп.

№ 3. О манифестѣ 17-го октября. Ц. за сотню 80 коп.

№ 4. О манифестѣ 3-го ноября. Ц. за сотню 80 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

МОСКВА. Книжный складъ „Народное Право“. Большая Никитская, Чернышевскій пер., д. Пустошкина, кв. 26 (*денежную* корреспонденцію *обязательно* направлять по адресу склада на имя Ю. Топерковой).

Продолжается подписка на 1906 годъ

на НОВОЕ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКОЕ

ИЗДАНІЕ

М. В. ПИРОЖКОВА

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

подъ редакціей Петра Струве

и при ближайшемъ участіи: **В. И. Вернадскаго, И. М. Гревса, Д. Е. Жуковскаго, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, И. И. Петрункевича, Ѳ. И. Родичева и С. Л. Франка.**

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА будетъ отстаивать идеи личности, культуры, свободы, демократіи и соціальной справедливости, исходя изъ цѣльнаго культурно-философскаго міросозерцанія. Всѣ явленія текущей жизни она будетъ освѣщать и оцѣнивать съ широкой философской точки зрѣнія. Огромный переворотъ, который совершается на нашей родинѣ, долженъ быть обсуждаемъ съ строгой принципіальностью и полной независимостью мысли. Ставя во главу угла нашего міросозерцанія начало свободы и своеобразія личности, мы будемъ давать въ нашемъ органѣ мѣсто всякому искреннему и оригинальному слову въ защиту свободы и культуры.

Въ номерахъ за декабрь 1905—февраль 1906 г. помѣщены статьи: Свящ. К. Аггеева, Н. А. Бердяева, О. Е. Бужанскаго, В. М. Гессена, И. М. Гревса, Э. Д. Гримма, А. С. Изгоева, А. И. Каминки, А. А. Кауфмана, А. А. Кизеветтера, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, Н. А. Котляревскаго, Н. О. Лосскаго, Д. С. Мережковскаго, В. Д. Набокова, В. М. Нечаева, П. И. Новгородцева, Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, М. Я. Острогорскаго, И. И. Петрункевича, І. А. Покровскаго, А. Е. Прѣснякова, Ѳ. И. Родичева, В. В. Розанова, В. Свенцицкаго, П. Б. Струве, кн. Г. Н. Трубецкого, Д. В. Философова, С. Л. Франка, А. А. Чупрова, Л. Шестова, Г. Н. Штильмана и др.

Условія подписки: съ дост. и перес. на годъ 5 р., на полгода 3 р., за границу на годъ 7 р., на полгода 4 р.

Въ отдѣльной продажѣ книжки стоятъ по **15** коп.

Адресъ редакціи: Вознесенскій просп. 31, кв. 8. Телеф. 248. 75. Редакція для личныхъ объясненій съ сотрудниками открыта по вторникамъ отъ 3 до 5 ч.

Въ редакціи подписка не принимается и продажа номеровъ не производится. Всѣ заявленія по дѣламъ подписки и продажи просятъ адресовать исключительно въ контору.

Контора помѣщается въ квартирѣ **книгоиздательства М. В. ПИРОЖКОВА** (Спб., Вас. О., 2 лин., д. 13). Телефонъ 203. 70.

Подписка принимается, кромѣ конторы, въ магазинѣ „ТРУДЪ“ (Спб., Невскій, 60), а также и въ другихъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

Пріемъ объявленій исключительно въ конторѣ (Спб., Вас. О., 2 лин., д. 13).

Цѣна 15 коп.

Duplicate

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

№ 13

12 МАРТА

1906 ГОДА

Содержаніе:

С. Котляревскій. Проблема демократизаціи государства.

С. Живаго. Въ послѣднюю годину власти тьмы.

С. Булгаковъ. Религія и политика.

П. Струве. По поводу статьи С. Н. Булгакова.

Вевичъ. Постоянная армія или милиція?

Г. Штильманъ. „Самодержавіе" и „Божья милость".

Ю. П. Среди общественныхъ валовъ.

П. Струве. Это ихъ рокъ.

Редакція № закончена 9-го марта.

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

№ 13

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ПЕТРА СТРУВЕ

12 МАРТА 1906

ИЗДАНІЕ М. В. ПИРОЖКОВА

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86.

Проблема демократизаціи государства.

Едва ли можно спорить, что именно эта проблема представляетъ въ настоящее время для Россіи величайшую жизненную важность. Вся русская исторія неразрывно связала у насъ дѣло свободы съ демократическими идеями и демократическими настроеніями; послѣднимъ безсознательно служилъ даже многолѣтній деспотизмъ власти, который не давалъ сословнымъ и классовымъ организаціямъ принимать болѣе выпуклыя и яркія политическія очертанія. Исторія нашего дворянства за послѣднее время въ гораздо большей степени выражается борьбой за болѣе льготныя условія займа въ Дворянскомъ банкѣ, чѣмъ борьбой за власть; привилегированное положеніе нашего промышленнаго класса долгое время заставляло его поддерживать бюрократическій строй, который, казалось, даетъ этому классу болѣе, чѣмъ сколько онъ могъ бы пріобрѣсти въ свободномъ соревнованіи съ другими общественными силами. Дворянство, буржуазія— казались почти политическими фикціями при сопоставленіи со всемогуществомъ бюрократіи.

Съ другой стороны, всѣ наши освободительныя традиціи носили неизмѣнно демократическій характеръ. Самый фанатическій защитникъ всемогущества классовыхъ интересовъ въ исторіи не рѣшится, вѣроятно, на нихъ настаивать при объясненіи „идеологіи“ декабристовъ. Вѣроятно и видъ крѣпостного права воспиталъ эту неизмѣнную ассоціацію свободы и равенства. Классическій либерализмъ старыхъ виговъ и Бенжамена Констана остался чуждъ Россіи; извѣстные аристократическіе элементы въ ученіи Б. Н. Чичерина отнимали у него возможность того руководительства русскимъ общественнымъ мнѣніемъ, которое, казалось, принадлежало ему по праву. Болѣе того—какъ это особенно наглядно про-

является въ исторіи нашего народничества—на стремленіе къ свободѣ безъ равенства смотрѣли какъ на извѣстнаго рода измѣну народнымъ интересамъ, и привилегированной свободѣ рѣшительно предпочитали равенство въ безправіи. Вотъ почему теперь, когда на очередь поставлено переустройство государства, для насъ демократическій принципъ стоитъ внѣ спора; онъ является нравственной нормой, но онъ же вытекаетъ изъ строенія у насъ общественныхъ силъ; вотъ почему всеобщее право голоса не есть для насъ подражаніе западной формулѣ, а выраженіе нашихъ подлинныхъ потребностей, и противоположныя системы представительства сразу изобличаютъ свой искусственный, доктринерскій характеръ. Безъ всеобщаго избирательнаго права русская политическая свобода останется висѣть въ воздухѣ; а такъ какъ эта свобода потребна не только въ интересахъ осуществленія естественныхъ правъ человѣка и гражданина, но и въ интересахъ государственныхъ, то понятно и быстрое усвоеніе идеи всеобщаго избирательнаго права различными общественными слоями, включеніе его въ весьма различныя партійныя программы. Даже сама русская бюрократія, какъ это явствуетъ изъ объяснительной записки къ закону 11 декабря, едва ли расчитываетъ на прочное сохраненіе созданныхъ ею курій.

Итакъ, мы вступаемъ въ новую жизнь подъ знакомъ демократіи. Но что есть демократія? Надъ этимъ вопросомъ въ настоящее время можно было бы, пожалуй, не задумываться, если бы онъ представлялъ лишь теоретическій интересъ. Но дѣло въ томъ, что отъ того или другого отвѣта зависитъ цѣлый рядъ вполнѣ конкретныхъ послѣдствій. И развѣ различнымъ партіямъ и даже различнымъ лицамъ въ одной и той же партіи не приходится выслушивать упреки, что ихъ программы не стоятъ на почвѣ послѣдовательнаго демократизма? Развѣ, напримѣръ, тѣ, кто сомнѣваются въ пользѣ немедленной ликвидиціи всего частнаго культурнаго землевладѣнія, не получаютъ укоры за недостатокъ „демократическихъ чувствъ", хотя ихъ сомнѣніе основывается вовсе не на мысли о выгодахъ аграріевъ, а на интересахъ народнаго производства. Слишкомъ легко это слово „демократизмъ" обращается въ полемическое оружіе, направленное не столько къ опроверженію противниковъ, сколько къ ихъ вящему уничиженію. Итакъ, переходя къ вопросу о государственной реформѣ, мы

естественно должны спросить себя: въ чемъ должна заключаться истинная демократизація государства?

Намъ хотѣлось бы вовсе не затрагивать здѣсь споровъ о демократической республикѣ, какъ о формѣ, очевидно, лежащей внѣ реальныхъ возможностей. Но если и допустить на минуту подобное предположеніе, то ясно, что республика въ Россіи, противорѣча идеямъ и чувствамъ огромной массы русскаго народа, менѣе всего могла бы быть демократической въ истинномъ смыслѣ слова. Это была бы республика съ характеромъ диктатуры, и для сохраненія государственнаго порядка, ей, не облеченной никакимъ наслѣдственнымъ, историческимъ авторитетомъ, пришлось бы править, постоянно затрачивая огромную сумму принужденія и насилія. Эта республика неизбѣжно подготовила бы путь новой монархіи, силѣ и вѣсу которой пошла бы на пользу вся непопулярность, пріобрѣтенная республиканскимъ правительствомъ. Произошелъ бы во всякомъ случаѣ опаснѣйшій экспериментъ для всей политической свободы націи.

Въ линіи демократизаціи мы должны стремиться не къ фантастическому и опасному призраку республики, а къ дѣйствительному господству народнаго представительства— къ демократическому парламентаризму. Установленіе въ Россіи прусскаго режима полной безотвѣтственности исполнительной власти, неизбѣжнаго, быть можетъ, какъ переходная стадія, далеко не дастъ народному представительству достаточнаго вліянія на всю глубину національной жизни. Наша бюрократія была долгое время слишкомъ всемогуща, ея безотвѣтственность и самовластіе, злоупотребленіе своей силой стали ея второй природой, и въ то же время у нея совсѣмъ нѣтъ тѣхъ высокихъ достоинствъ, которыя несомнѣнно присущи прусскому правящему классу; и ввести конституціонные принципы не только въ законодательство, но и въ управленіе, является именно въ Россіи задачей величайшей важности; вѣдь едва ли есть какое-нибудь, болѣе прочно укоренившееся чувство среди русскихъ демократическихъ массъ, чѣмъ острая непріязнь къ чиновничьему управленію. Внѣ установленія дѣйствительной связи правительства и представительства, осуществляемой при парламентаризмѣ, мы имѣли бы или постоянную, ожесточенную борьбу народныхъ представителей съ правительствомъ, или безсиліе первыхъ исправить существеннѣйшіе недостатки

въ ходѣ русской государственной жизни. Когда Б. Н. Чичеринъ писалъ свою „Россію наканунѣ XX столѣтія", ему казалось, что о парламентаризмѣ въ Россіи не можетъ быть и рѣчи. Такой пессимистическій прогнозъ намъ кажется вовсе не доказаннымъ. Конечно, было бы наивно ожидать „парламентаризма" отъ нашей Думы, собранной при существующихъ условіяхъ и при существующемъ избирательномъ законѣ, но вѣдь мы говоримъ объ условіяхъ правильнаго, постояннаго представительства. Важно только, чтобы съ самаго начала прогрессивнымъ партіямъ было присуще сознаніе необходимости стремиться къ парламентскому строю. Всего неудачнѣе здѣсь обычныя ссылки на Австрію, примѣромъ которой вообще охотно пользовались, желая скомпрометировать идею политической свободы въ Россіи. Въ Австріи именно и не существуетъ парламентаризма; онъ не могъ установиться среди національнаго раздора, обезпечивающаго безотвѣтственность власти. Въ Венгріи, гдѣ народное представительство болѣе сильно, установился парламентаризмъ, и чтобы побороть это представительство, чего не могло сдѣлать внѣпарламентское министерство Фейервари, потребовались гонведы...

Итакъ, оговоримся: говорить объ установленіи парламентаризма не значитъ требовать его немедленно, не значитъ и закрѣплять въ конституціонномъ текстѣ то, что можетъ являться лишь результатомъ конституціонной практики. Попытки этого рода—какъ, напримѣръ, требованіе, введенное въ конституцію, брать министровъ лишь изъ среды парламента—или созданы въ условіяхъ, слишкомъ отличныхъ отъ нашихъ (какъ въ конституціи австралійской федераціи), или не имѣли особаго практическаго значенія (какъ въ Болгаріи). Несомнѣнно, бываютъ случаи, когда весьма желательно ввести въ ряды правительства лицъ, не имѣвшихъ успѣха на выборахъ и вообще не входящихъ въ парламентъ. Это особенно очевидно относительно такихъ спеціальныхъ министерствъ, какъ военное, морское, даже министерство финансовъ. Парламентаризмъ долженъ служить директивой для руководителей политической жизни; творцамъ русской конституціи слѣдуетъ лишь заботиться о томъ, чтобы удалить препятствія съ его пути. Но если парламентарный характеръ управленія является однимъ изъ существеннѣйшихъ моментовъ въ общей программѣ государственной демократизаціи, то возможность его

тѣсно связана именно съ характеромъ самой демократизаціи. Если, какъ многіе мыслятъ, эта демократизація сведется къ созданію всемогущей единой палаты съ централизованной властью, то обращеніе правительства въ комитетъ подобнаго представительнаго собранія способно вызвать самыя серьезныя сомнѣнія. Въ своей интересной и характерной статьѣ о демократизмѣ и двухъ палатахъ П. Н. Милюковъ весьма строго судитъ сомнѣвающихся. Предположенія, изъ которыхъ исходятъ послѣдніе суть для П. Н. Милюкова „фантомы тиранніи народовластія, якобинской централизаціи", „книжныя конструкціи, которыя кажутся невыносимымъ доктринерствомъ для всякаго, имѣющаго чутье русской дѣйствительности". Я думаю, что сомнѣвающіеся смѣло могли бы вернуть назадъ упрекъ и въ доктринерствѣ, и въ недостаткѣ чутья русской дѣйствительности. Ужели П. Н. Милюковъ можетъ отрицать, что якобинскія настроенія и стремленія напротивъ того, весьма характерны для русской дѣйствительности? Да и могло ли быть иначе при столь многолѣтнемъ воспитаніи въ духѣ полнаго безправія, гнета и деспотизма, при системѣ безпощаднаго и мертвящаго централизма? И если въ моментъ борьбы это якобинство иногда оправдывается тактическими соображеніями, иногда является даже необходимостью, какъ необходимо на театрѣ войны военное положеніе, то, какъ длящееся настроеніе, какъ привитый навыкъ, оно заключаетъ въ себѣ величайшія опасности не только для свободы, но и для самой демократіи. Безъ моральнаго самоограниченія, безъ уваженія къ праву, демократія осуждена на банкротство, быть можетъ временное, но несомнѣнно глубоко пагубное, и всѣ ея ошибки будутъ использованы деспотизмомъ ея разрушителей и ея преемниковъ.

Обыкновенно полагаютъ, что всякіе противовѣсы, введенные въ систему политической демократіи, въ видѣ второй палаты, верховнаго суда и т. п., суть тормазы и на пути удовлетворенія соціальныхъ потребностей народа. Это несомнѣнно такъ, если подобныя учрежденія основаны на антидемократическихъ началахъ, напримѣръ, когда рядомъ съ нижней палатой, восходящей ко всеобщему избирательному праву, остается верхняя цензовая. Но не объ этихъ, очевидныхъ для всѣхъ истинахъ идетъ рѣчь, а о томъ, чтобы въ предѣлахъ самой демократіи создать равновѣсіе ея раз-

личныхъ элементовъ. Въ теоріи мы еще не освободились отъ пониманія народнаго суверенитета, которое существовало въ XVIII вѣкѣ и основывалось на механическомъ представленіи о природѣ общества. Теперь насъ отъ этого представленія отдѣляетъ вся соціальная наука XIX вѣка, отъ предпосылокъ его не осталось камня на камнѣ, и намъ уже не приходится мыслить народную волю и народный суверенитетъ, какъ какую то единую и нераздѣльную субстанцію: мы видимъ въ обществѣ не единообразный покой, а сумму постоянно дѣйствующихъ живыхъ энергій. Если практическимъ выводомъ изъ такого пониманія общества является эволюціонный демократизмъ соціальной политики, то мы должны искать и наиболѣе приспособленнаго для него государственнаго устройства. Для прочныхъ соціальныхъ реформъ именно якобинство, основанное не на подлинномъ представительствѣ совокупныхъ народныхъ интересовъ и стремленій, оказывается особенно мало подходящимъ. Декретами, хотя бы имѣющими этикетку „воли народа", соціальный бытъ не пересоздается. И, напротивъ, тамъ, гдѣ государственный механизмъ расчитанъ на обезпеченіе и выраженіе всѣхъ этихъ главныхъ интересовъ, тамъ можетъ быть осуществляема гораздо болѣе смѣлая соціальная политика безъ опасности реакціи. Нужно только, чтобы при созданіи данныхъ законодательныхъ нормъ или при установленіи данной системы управленія не оставались непредставленными никакіе болѣе крупные интересы, изъ которыхъ слагается „народный суверенитетъ",—и говоря это, мы имѣемъ въ виду дѣйствительные общенародные интересы, а не классовыя преимущества. И въ интересахъ установленія прочнаго парламентарно-демократическаго строя, въ интересахъ предотвращенія столь вѣроятной цезаристской реакціи намъ слѣдуетъ съ великой осторожностью относиться къ слишкомъ упрощеннымъ формуламъ, къ слишкомъ прямолинейно-логической послѣдовательности. Такая чрезмѣрная упрощенность обычно не выдерживаетъ испытанія ни „чистаго", ни „практическаго" разума. Вспомнимъ, какъ самое демократическое учрежденіе, имѣющее несомнѣнно великую будущность—референдумъ, въ настоящемъ наноситъ иногда тяжкіе удары интересамъ демократіи, отвергаетъ назрѣвшія соціальныя и культурныя реформы. Политическое воспитаніе, можетъ быть, научитъ насъ обходиться безъ противовѣсовъ, оно создастъ, такъ

сказать, автоматическое признаніе чужого права и чужой свободы, автоматическую государственную мораль, и сообразно съ этимъ ослабѣетъ значеніе гарантій; но можно ли объ этомъ говорить въ настоящее время, когда всѣ мы еще запечатлѣны проклятіемъ приказнаго строя, всѣ мы носимъ въ себѣ его отраву?

Исходя изъ подобнаго представленія о задачахъ демократизаціи государственнаго строя, мы получаемъ очертанія конкретной политической программы. Въ центрѣ ея стоитъ, конечно, властное народное представительство, основанное на всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ. Первымъ противовѣсомъ его власти должна явиться декларація правъ человѣка и гражданина, возведенная въ основной законъ. Величайшую важность именно для Россіи имѣетъ возможно полная гарантія ея соблюденія, отсюда необходимость сильной и авторитетной судебной защиты. Для Россіи всѣ преимущества лежали бы на сторонѣ англійской системы; едва ли при нашихъ бюрократическихъ традиціяхъ можно создать удовлетворяющіе требованіямъ правосудія органы административной юстиціи. Напротивъ того, въ интересахъ демократіи особенно поднять авторитетъ и обезпечить независимость судебныхъ органовъ, ввести въ политическую жизнь сильно выраженный мотивъ легальности.

Какъ завершеніе этой системы охраны основныхъ правъ не только отъ произвола администраціи, но и отъ случайныхъ, преходящихъ настроеній законодателя, у насъ было бы крайне цѣннымъ и политически мудрымъ созданіе верховнаго суда на подобіе американскаго, могущаго отказывать въ примѣненіи неконституціоннымъ законамъ. Это, конечно, предполагаетъ извѣстное различіе между порядкомъ измѣненія основныхъ и обычныхъ законовъ; но едва ли можно серьезно рекомендовать для Россіи конституцію столь же гибкую, какъ англійская, венгерская, итальянская: это значило бы рисковать слишкомъ важными политическими цѣнностями. Очевидно, придется установить извѣстный усложненный порядокъ для пересмотра конституціи, и весь вопросъ можетъ итти лишь о степени усложненія.

Второй естественный противовѣсъ — это самая широкая мѣстная и областная децентрализація, широкая компетенція органовъ самоуправленія, пересозданныхъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Нужно ли распространяться,

какими опасностями угрожаютъ для Россіи централистическіе навыки, и къ чему приводятъ въ этой области пріемы аракчеевско-якобинской политики? Нужно ли вспоминать о жизненныхъ интересахъ національностей? Поэтому нельзя достаточно подчеркивать политическую важность земской и городской реформы. Если центральное демократическое представительство не будетъ поддержано въ своей работѣ самымъ дѣятельнымъ сотрудничествомъ органовъ мѣстныхъ интересовъ, оно окажется безсильнымъ въ разрѣшеніи самыхъ жизненныхъ вопросовъ, каковы аграрный и крестьянскій; сама политическая свобода можетъ пройти тогда, такъ сказать, надъ русской жизнью и не проникнуть въ нее достаточно глубоко, чтобы сдѣлаться національнымъ институтомъ, отъ котораго возврата нѣтъ.

Отсюда вытекаетъ и необходимость второй палаты, которая передъ судомъ отвлеченно-демократическихъ формулъ кажется для однихъ ненужнымъ, для другихъ прямо опаснымъ придаткомъ. Разногласіе относительно одной или двухъ палатъ принадлежитъ къ числу характернѣйшихъ, такъ какъ, безъ сомнѣнія, это разногласіе касается не только техники осуществленія одного и того же принципа, но и различнаго пониманія самого принципа. Не станемъ повторять аргументовъ обѣихъ сторонъ: они слишкомъ хорошо извѣстны—а данный споръ будетъ возобновляться еще много разъ по поводу различныхъ сторонъ въ программѣ обновленія Россіи. Для насъ вторая палата, представляющая интересы демократической децентрализаціи, есть тоже символъ будущаго государственнаго пути, того болѣе надежнаго и оправданнаго опытомъ Запада пути, идя по которому русская демократія не встрѣтится съ тяжкими разочарованіями и опасными потрясеніями. Но рядомъ съ доказательствами есть и обвиненія, и они, пожалуй, играютъ бóльшую роль въ настроеніи русскаго общества. Обвиняютъ въ недовѣріи ко всеобщему избирательному праву, въ неискренности демократическихъ чувствъ. Едва ли на такія обвиненія возможно и даже слѣдуетъ отвѣчать. Вѣра во всеобщее избирательное право, какъ самую жизненную и неотложную потребность Россіи, вѣра, которая къ счастью, повидимому, объединила всѣ прогрессивныя группы русскаго общества, эта вѣра не есть идолопоклонство; она не исключаетъ предвидѣнія неизбѣжныхъ ошибокъ—но эти ошибки ея не поколеблятъ. Искренность же

познается лишь на дѣлѣ, и едва ли эти испытанія на дѣлѣ могутъ быть замѣнены самыми торжественными демократическими декларацiями. И не въ славословіяхъ и колѣнопреклоненіяхъ выражаются наши политическія обязанности, а въ томъ, чтобы всей нашей работой, постоянной борьбой съ живучими и цѣпкими традиціями бюрократической безотвѣтственности, со всякими сословными или классовыми вожделѣніями, содѣйствовать одному, а именно тому, чтобы русское государство стало государствомъ русскаго народа. Въ этомъ и состоитъ смыслъ программы демократическаго парламентаризма.

С. Котляревскій.

Въ послѣднюю годину власти тьмы.

Въ послѣднюю годину власти тьмы, въ послѣдній годъ владычества прежняго безпросвѣтнаго мрака,—въ Геліополѣ,—въ городѣ свѣтлаго солнца, раздался громкій голосъ.

Голосъ этотъ звучалъ вдохновенно и смѣло, рѣчь была обращена къ государямъ и къ народамъ Европы.

Ухо владыкъ и правителей должно было различить въ этой рѣчи не обычную лесть и раболѣпное славословіе, а жестокій упрекъ и слово грознаго предупрежденія, не униженную просьбу о милости, а требованіе должнаго по праву и по разуму.

Сердецъ народовъ Европы рѣчь провозвѣстника близкой побѣды свѣта надъ тьмой должна была коснуться какъ призывъ стать на защиту неотъемлемыхъ правъ человѣческой личности.

Государямъ Европы безыменный гражданинъ Геліополя предъявлялъ требованіе «вернуть обратно свободу мысли, которую они до сего времени угнетали».

Подданнымъ этихъ государей смѣлый ораторъ внушалъ: лучше отдайте все, все, что у васъ есть, но не поступайтесь только свободой мысли. Отдавайте лучше попрежнему сыновъ вашихъ на вѣрную гибель въ братоубійственной борьбѣ съ народами, которые не причинили вамъ никакого зла... Возьмите послѣдній кусокъ хлѣба у голоднаго ребенка, чтобы бросить его собакѣ временщика. Пожертвуйте всѣмъ. Сохраните только одно — свободу мысли, этотъ небесный палладіумъ человѣчества, этотъ единственный залогъ того, что вамъ суждено лучшее будущее, что вы не обречены на то, чтобы вѣчно только страдать, терпѣть и быть въ угнетеніи.

Читатель спроситъ: Кто же этотъ гражданинъ Геліополя? Когда онъ держалъ свою смѣлую рѣчь?

„Истребованіе свободы мысли отъ государей Европы“ [1]) появилось въ печати въ 1793 г. безъ имени автора. Такая анонимность, говорится въ предисловіи, объясняется не политическими, а литературными соображеніями. Всякому, кто имѣетъ право потребовать, чтобы авторъ приподнялъ свое забрало, и если это требованіе будетъ предъявлено въ надлежащей, вѣжливой формѣ, онъ готовъ назвать себя, раздѣляя мнѣніе Руссо: chaque honnête homme doit avouer ce qu'il a écrit. Если бы авторъ назвалъ себя уже въ 1793 г., то имя его не сказало бы тогда современникамъ такъ много, какъ теперь, болѣе ста лѣтъ спустя, говоритъ намъ имя философа-идеалиста І. Г. Фихте [1762—1814].

Въ 1793 Фихте былъ еще только начинающимъ писателемъ. Его первое произведеніе «Опытъ критики всякаго откровенія», заслужившее уже въ рукописи лестное вниманіе Канта, вышло въ свѣтъ всего годъ назадъ. Вслѣдствіе случайной, а, быть можетъ, и преднамѣренной со стороны издателя анонимности, этотъ «Опытъ Критики» былъ приписанъ перу самого автора «Критики чистаго разума» и двухъ другихъ «Критикъ». Кантъ не замедлилъ печатно отклонить эти новые лавры, которыми его хотѣли увѣнчать, и назвалъ неизвѣстное дотолѣ имя Фихте. Юный авторъ сразу сталъ замѣтной величиной среди выдающихся представителей критическаго направленія философской мысли (весною 1794 г. его ожидала уже ординарная каѳедра философіи въ Іенѣ). Но на поприщѣ политической проповѣди будущій авторъ «Рѣчей къ нѣмецкому народу» (лекціи 1807/08 г.) еще не испытывалъ своихъ силъ. Можно предположить, что и самая тема перваго политическаго произведенія Фихте, этой пробы пера, которая уже обнаруживаетъ и яркость его литературнаго таланта, и силу его темперамента, была въ значительной мѣрѣ подсказана тѣми невзго-

---

[1]) Zurückforderung der Denkfreiheit von den Fürsten Europens, die sie bisher unterdrückten. Eine Rede. *Heliopolis*, Im letzten Jahre der alten Finsterniss (1793). Эпиграфъ: „Noctem peccatis, et fraudibus objice nubem“.

дами, которыя Фихте пришлось испытать отъ цензуры при печатаніи «Опыта критики всякаго откровенія». Издатель передалъ рукопись въ типографію въ городѣ Halle a/S, въ Пруссіи. Мѣстный цензоръ, деканъ богословскаго факультета, отказался пропустить книгу, такъ какъ въ ней подвергалось сомнѣнію значеніе чудеснаго и сверхестественнаго для откровенія. Фихте было предложено измѣнить или выпустить «неудобныя мѣста». Начинающій авторъ не соглашался. Печатаніе затягивалось въ безконечныхъ препирательствахъ. Издатель предполагалъ даже передать рукопись «за границу» — т. е. напечатать книгу по сосѣдству, напримѣръ въ Іенѣ, но внѣ предѣловъ Пруссіи. Только со вступленіемъ въ должность новаго декана богословская цензура въ Галле взглянула на дѣло менѣе сурово.

Весну 1793 г. Фихте проводилъ въ Цюрихѣ и былъ счастливымъ женихомъ дочери одного изъ именитыхъ цюрихскихъ гражданъ. Фихте дышалъ воздухомъ швейцарской свободы и проводилъ время въ обществѣ передовыхъ мыслителей и представителей гуманитарнаго просвѣщенія, въ числѣ которыхъ были, напримѣръ, Лафатеръ и Песталоцци. Вотъ когда Фихте и возвысилъ свой голосъ на защиту свободы мысли.

Убѣжденный въ правотѣ той идеи, которой онъ посвятилъ свое первое публицистическое обращеніе къ общественному мнѣнію, Фихте былъ горячо увѣренъ въ скоромъ успѣхѣ своихъ справедливыхъ требованій. Въ надеждѣ на близкое наступленіе царства свѣта и свободы онъ и назвалъ 1793 г. послѣдней годиной господства прежняго мрака для народовъ Европы.

Въ какой мѣрѣ и когда было суждено осуществиться надеждамъ Фихте, объ этомъ разсказываетъ исторія девятнадцатаго вѣка... Но можно ли считать самый постулатъ Фихте уже отошедшимъ въ область исторіи?

Если русскій народъ все еще хочетъ считать себя въ числѣ «народовъ Европы», если онъ не вѣритъ въ нерушимость того средостѣнія, которое отрѣшаетъ Россію отъ общеевропейской культурной жизни, то на этотъ вопросъ намъ пока еще нельзя отвѣчать утвердительно.

Въ самомъ дѣлѣ, не чуетъ ли каждое русское сердце, что царство «прежней тьмы» на Руси еще не вполнѣ миновало? Развѣ не горитъ въ каждой русской груди горячая надежда, что тѣ тяжелыя времена, которыя мы теперь переживаемъ, будутъ дѣйствительно послѣдней годиной борьбы съ мракомъ передъ наступленіемъ свѣтлаго царства свободы?! Развѣ не приходится намъ теперь, въ началѣ двадцатаго вѣка, повторять и отстаивать тѣ самыя требованія, которыя высказывалъ Фихте въ концѣ XVIII-го столѣтія?!

Прислушаемся же къ голосу юнаго Фихте. Чтобы лучше разслыхать этотъ голосъ на разстояніи цѣлаго столѣтія и уловить непреходящій смыслъ рѣчи, произнесенной въ невѣдомомъ Геліополѣ, оставимъ въ сторонѣ вопросы, подлежащіе спеціальному изученію историковъ философіи права. Не ученіе Фихте хотя бы, напримѣръ, о договорномъ обосповании государственнаго союза представляетъ для насъ въ данномъ случаѣ живой интересъ, и не вопросъ о томъ, какъ относился Фихте, положимъ, къ кантовскому понятію о «вещи въ себѣ». Мы хотимъ слышать смѣлое слово Фихте въ защиту свободы мысли. Хотя это слово и прозвучало впервые болѣе ста лѣтъ назадъ, но не для всѣхъ народовъ Европы оно утратило значеніе острой современности [1]).

Народы! Народы Европы!

Миновали тѣ варварскія времена, когда во имя Божіе вамъ осмѣливались внушать, что вы не болѣе какъ стадо животныхъ, что Богъ только для того и населилъ вами землю, чтобы вы были рабами

---

[1]) Указанной (публицистической или, вѣрнѣе, идейной) точкой зрѣнія опредѣляется, конечно, и общій характеръ нижеслѣдующаго изложенія, какъ относительно выбора изъ нѣмецкаго подлинника отрывковъ, подлежащихъ передачѣ, такъ и относительно слога. Я, по возможности, совершенно воздерживаюсь отъ перевода, полагая, что въ болѣе свободномъ пересказѣ скорѣе можетъ оказаться удачной попытка передать не только общее содержаніе, но и самый духъ—т. е., такъ сказать, и настроеніе оригинала.

Нѣмецкій текстъ см. *J. G. Fichte's sämmtliche Werke*, herausgegeben von J. H. Fichte. Band VI. Berlin 1845.

десятка, другого избранныхъ сыновъ Божіихъ и въ концѣ концовъ служили бы имъ на закланіе. Никто не дерзнетъ убѣждать васъ, что Богъ предоставилъ васъ въ собственность этимъ своимъ намѣстникамъ, чтобы они истязали васъ за прегрѣшенія ваши. Вамъ теперь уже извѣстно, что вы принадлежите только самимъ себѣ и никому другому. Чувство свободы заложено глубоко въ груди вашей.

Власть имущіе не рѣшаются теперь говорить вамъ, какъ прежде: «Мы сильнѣе васъ и могли бы истребить всѣхъ васъ до единаго. Однако, мы милосердны и потому даруемъ вамъ жизнь. Но это не полный даръ, а лишь условный — передача въ ленное пользованіе. Поэтому нѣтъ ничего несправедливаго въ томъ, если мы требуемъ отъ васъ, чтобы вы посвящали вашу жизнь намъ на пользу; когда же вы перестаете намъ быть полезными, мы можемъ лишить васъ и этого добровольнаго дара—отнять у васъ самую жизнь».

Вы научились, народы, распознавать, что сила правителей—это сила вашихъ собственныхъ рукъ, что она исчезаетъ, какъ только вы опустите ваши руки, и что, слѣдовательно, не они, а вы сами сильнѣйшая сторона.

Не повѣрите вы теперь на слово, что всѣ вы сами по себѣ слѣпы, безпомощны и невѣжественны и постоянно нуждаетесь, какъ малыя дѣти, въ посторонней опекѣ и руководительствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не дѣлаютъ правители на нашихъ глазахъ такихъ ошибокъ, въ которыхъ ясно обнаруживается все ихъ собственное невѣжество. Развѣ не навлекаютъ они на васъ всякія бѣды именно потому, что воображаютъ, что знаютъ больше, чѣмъ вы сами.

Нѣтъ! Теперь вы уже не поддаетесь больше ихъ лживымъ увѣреніямъ.

Государю, который хочетъ надъ вами властвовать, вы теперь смѣло предлагаете вопросъ о томъ, на какомъ правѣ онъ основываетъ свою власть...

Пусть софисты деспотизма и наемники своевластія не берутся отвѣчать на этотъ вопросъ ссылкой на право наслѣдованія. Всякая линія наслѣдственнаго преемства, если прослѣдить ее въ восходящемъ порядкѣ, не можетъ быть безконечной. Правда лежитъ гораздо глубже и покоится на самой сущности всякаго государственнаго строя. Государь, князь получаетъ свою власть отъ всего общественнаго цѣлаго и не можетъ имѣть такихъ правъ, которыхъ не имѣетъ ни само общество, ни само государство.

Имѣетъ ли государь право ограничить нашу свободу мысли?

Способность свободно мыслить—это отличительное свойство разума человѣка отъ разума животныхъ. И животное обладаетъ способностью

къ образованію представленій; но эти представленія вызываютъ другъ друга и слѣдуютъ одно за другимъ какъ движенія въ механизмѣ. Между тѣмъ человѣкъ способенъ возвыситься надъ такой механической ассоціаціей идей и дать своимъ мыслямъ любое направленіе. Чѣмъ болѣе развитымъ является у человѣка это драгоцѣнное преимущество и чѣмъ болѣе онъ имъ дорожитъ, тѣмъ болѣе онъ возвышаетъ свое человѣческое достоинство. Свободная мысль можетъ знать только свободное подчиненіе истинѣ. Свободно подчиняя истинѣ наши сужденія, свободно отрекаясь ради этой истины отъ заблужденій и предразсудковъ, мы впервые осваиваемся съ идеей подчиненія закону и научаемся ограничивать свой произволъ и себялюбіе. Свободная и безкорыстная любовь къ теоретической истинѣ ради самой истины есть лучшій путь къ нравственной чистотѣ и совершенству.

И вотъ—намъ хотятъ преградить этотъ путь.

Насъ хотятъ лишить того, что связано съ нашей мягкостью, съ нашимъ нравственнымъ достоинствомъ. Намъ хотятъ внушить, что мы обязались стать животными, чтобы легче было съ нами справиться.

Вы не согласны съ этимъ, правители!

Вы возражаете:

«Кто посягаетъ на свободу вашей мысли? Развѣ не дали мы вамъ — торжественно и во всеуслышаніе—наше дозволеніе мыслить свободно?»

Не будемъ спорить о словахъ!

Совершенно вѣрно,—вы позволяете намъ свободно мыслить, потому что вы и не въ состояніи помѣшать свободному полету мысли каждаго человѣка въ отдѣльности. Но вы налагаете запретъ на сообщеніе и обмѣнъ мыслей. Вы лишаете насъ права высказывать и передавать другимъ, что мы думаемъ.

На какомъ основаніи вы это дѣлаете?

Вы налагаете печать молчанія на мои уста въ отеческой заботѣ о моемъ ближнемъ. Вы говорите, что рѣчь моя можетъ пробудить его отъ сладкаго сна, можетъ заставить его отказаться отъ тѣхъ мнѣній и заблужденій, на которыхъ покоится его теперешнее невозмутимое блаженство.

Но какъ я могу обезпокоить кого-либо одною только моею мыслью? Если кто нарушаетъ его покой, то лишь онъ самъ; отъ него зависитъ слушать меня или нѣтъ, внимательно отнестись къ моимъ словамъ и перевести мою рѣчь въ свое убѣжденіе... Я здѣсь не при чемъ. Неужели я не въ правѣ дѣлиться съ другими тѣмъ, что у меня есть? Если кто не хочетъ взять у меня хлѣба, то пусть не протягиваетъ за нимъ руку. Кто не хочетъ грѣться у моего огня,

пусть отойдетъ подальше отъ моего очага. Навязывать другому мое достояніе насильно такого права у меня дѣйствительно нѣтъ...

Но вы, имущіе власть, хотите, чтобы я обязался передъ вами не дѣлиться ни съ кѣмъ моимъ хлѣбомъ...

Кто далъ вамъ право заставлять несчастнаго голоднаго или умирать съ голода, или же принимать изъ вашихъ рукъ ту отвратительную пищу, которую вы для него приготовляете. Вы хотите порвать тѣ святыя и прекрасныя узы, которыя связываютъ людей между собою и устанавливаютъ между ними духовное общеніе. Вы хотите лишить человѣчество возможности благороднаго обмѣна тѣмъ, что есть у него наиболѣе цѣннаго и высокаго!

Обмѣнъ мыслей это одинъ изъ наиболѣе глубокихъ источниковъ просвѣщенія. Мы не можемъ поступиться правомъ черпать изъ этого источника, если не хотимъ отказаться отъ всего нашего духовнаго существа, отъ нашей свободы, отъ нашей личности.

Навязываемъ ли мы наши дары кому-либо насильственно и противъ воли,—это вамъ хорошо извѣстно.

Раздаемъ ли мы должности и награды тѣмъ, кто дѣлаетъ видъ, что проникся нашими убѣжденіями? Воздвигаемъ ли мы гоненія на тѣхъ, кто не хочетъ слушать нашихъ рѣчей и читать нашихъ произведеній? Развѣ мы подвергаемъ поруганію и изгнанію тѣхъ, кто выступаетъ въ печати противъ нашихъ взглядовъ и убѣжденій?

Вы негодуете.

Вы кричите мнѣ:

«Постой! Мы вовсе не запрещаемъ тебѣ подавать голодному хлѣбъ. Только яда ты не долженъ давать никому!»

Яда?—А какъ мнѣ быть, если то, что по вашему мнѣнію ядъ, составляетъ для меня хлѣбъ насущный? Питаясь этимъ хлѣбомъ, я здоровъ и силенъ. Если другой гибнетъ отъ моей пищи, то въ этомъ виноватъ не я, не тотъ кто далъ, а онъ самъ, тотъ, кто взялъ и ѣлъ, не будучи въ состояніи переварить. Я никого не кормлю насильно. Пичкать чужой ротъ противъ воли, откармливать насильно своими изготовленіями—это вѣдь ваша исключительная привилегія! Но положимъ, что то, что получилъ отъ меня голодный, былъ дѣйствительно ядъ. Какъ вы докажете мнѣ, что я въ самомъ дѣлѣ далъ этотъ ядъ именно съ цѣлью отравить и погубить? Кто можетъ быть здѣсь судьей кромѣ моей совѣсти?

Вамъ не нравятся притчи и сравненія? Оставимъ ихъ!

Вы говорите мнѣ:

«Ты можешь говорить правду и распространять истину, но ты не долженъ говорить ложь и распространять ошибки и заблужденія».

А что для васъ, государи и правители, правда?

Что для васъ ложь и заблужденіе?

Конечно, вы имѣете въ виду не субъективную, а объективную истину. Вы разрѣшаете мнѣ говорить не то, что я лично по своему глубокому убѣжденію могу считать за правду, а лишь то, что есть истинно само по себѣ, по самой своей сущности.

О вы, софисты своевластія и деспотизма! Вы требуете соотвѣтствія нашихъ представленій съ «вещами въ себѣ». Вы забываете и не хотите знать, что есть такія истины, которыя вовсе не трудно познать, если только прислушаться къ внутреннему голосу совѣсти. Вотъ Вамъ примѣръ такой божественной и человѣческой истины: Человѣкъ, какъ личность, обладаетъ неотъемлемыми правами. Свобода мысли въ числѣ этихъ правъ. Глубоко несправедливо поступаетъ тотъ, кому вручена власть для защиты нашихъ правъ, если онъ пользуется этой властью, чтобы подавлять свободу мысли...

Но что вамъ за дѣло до такихъ абсолютныхъ истинъ? Онѣ вамъ далеко не по сердцу.

Вы хотите говорить только объ относительной, земной, людской истинѣ. Вы хотите предписать намъ, чтобы мы не смѣли утверждать ничего, что не вытекаетъ изъ правильныхъ воспріятій и не можетъ быть выведено согласно съ непреложными законами мышленія.

Какъ вы великодушны, мудрые отцы человѣчества! Вы приказываете намъ всегда правильно производить наблюденія и всегда дѣлать правильныя логическія заключенія. Вы строго запрещаете намъ ошибаться, чтобы не распространять забужденій: благородные опекуны и попечители! Повѣрьте, заблуждаться для насъ столь же нежелательно, какъ и для васъ. Бѣда только въ томъ, что мы не знаемъ заранѣе, когда мы можемъ впасть въ ошибку.

Если вашъ отеческій совѣтъ не долженъ пропасть даромъ, то дайте же намъ вѣрный, удобопримѣнимый и безошибочный критерій истины!

Но и объ этомъ вы уже подумали и позаботились.

Вы говорите намъ, напримѣръ:

«Не распространяйте прежнихъ давно опровергнутыхъ заблужденій. Не повторяйте такихъ утвержденій, ошибочность которыхъ вполнѣ доказана».

Доказанныя ошибки? Опровергнутыя положенія?!

Кѣмъ и для кого доказаны ошибки? Для насъ? Неужели вы думаете, что мы стали бы повторять ошибки, если бы доказательства и опроверженія были для насъ убѣдительны? Что намъ за ра-

дость ошибаться вмѣсто того, чтобы мыслить правильно? Или вы полагаете, что мы завѣдомо утверждаемъ неправду и распускаемъ по свѣту завѣдомо ошибочныя утвержденія только для того, чтобы посердить и подразнить васъ, нашихъ отцовъ и благодѣтелей?!

Но разъ вы утверждаете, что ошибки эти доказаны, то онѣ должны же быть доказаны, если не для насъ, то по крайней мѣрѣ для васъ самихъ. Скажите же намъ, благородные сыны земли, сколько безсонныхъ ночей потратили вы на то, чтобы обдумать и безошибочно разрѣшить всѣ тѣ вопросы, которыхъ до сего времени не могутъ разрѣшить другіе люди, посвящающіе имъ все свое время и свободные отъ всякихъ иныхъ заботъ и думъ, тяготѣющихъ на правителяхъ. Повѣдайте безъ утайки, не разрѣшили ли вы всѣ сомнѣнія, помимо всякаго знанія и изученія, помимо серьезнаго размышленія, просто силою вашей богоподобной геніальности?!

Вы медлите отвѣтомъ...

Мысль ваша однако ясна и безъ того. Вы вовсе и не думаете о томъ, что можетъ быть истиной или заблужденіемъ для насъ. Какое вамъ дѣло до этой истины или до такого заблужденія?

Вы упростили для себя задачу до крайности. Вы готовы подѣлить съ вашими подданными право на пользованіе духовными силами человѣка. Подданнымъ вы предоставляете *мышленіе;* для васъ— въ дѣлахъ правленія — это было бы совершенно праздное занятіе. Пусть себѣ подданные «мыслятъ» въ свое удовольствіе, сколько угодно, но... но, разумѣется, «безъ всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій». *Волю* вы оставляете за собой; вы одни будете хотѣть и за себя, и за подданныхъ. Вотъ какъ искусно вы создаете «общую волю». Такимъ образомъ ваша воля должна быть исключительнымъ критеріемъ того, что истинно и что ложно. Почему это такъ, — не наше дѣло спрашивать! Какъ наше золото и серебро имѣетъ ходячую цѣнность и становится полновѣсной монетой лишь подъ вашимъ казеннымъ штемпелемъ, такъ и истинность нашихъ понятій и убѣжденій должна быть основана на вашей волѣ и на вашемъ одобреніи!

. . . . . .

Не будетъ ли слишкомъ смѣло съ моей стороны, если я захочу своимъ неопытнымъ и непосвященнымъ взоромъ заглянуть въ глубину тайнъ и премудростей правленія? Я знаю, что вѣдь къ кормилу правленія всегда призываются лишь самые мудрые и самые доблестные. Но при всей моей скромности, я полагаю, что могу разгадать ваше основное желаніе и уразумѣть, какія вы себѣ сулите выгоды отъ такого братскаго раздѣла. Поработить себѣ тѣло человѣка— это для васъ не представляетъ затрудненій. Колодки на ноги, цѣпи

и кандалы на руки, угроза смертью или голодомъ—и дѣло съ концомъ. Но все же вамъ самимъ немного обременительно ни на минуту не выпускать изъ рукъ цѣпей и орудій наказанія; къ тому же и сыщики ваши не могутъ поспѣть всегда во время и быть вездѣсущими. Такой порядокъ управленія въ концѣ концовъ причинилъ бы вамъ слишкомъ много хлопотъ и не оставилъ бы вамъ заслуженнаго досуга для невинныхъ вашихъ радостей и развлеченій. Вотъ вамъ и приходится поискать такого средства, чтобы подданный и безъ цѣпей и колодокъ не смѣлъ и не могъ дохнуть иначе, какъ по вашей указкѣ. Вотъ вы и стремитесь сковать узами *основной принципъ самодѣятельности человѣка — его свободную мысль*. Разъ человѣкъ не будетъ думать ничего, кромѣ того, что вы ему разрѣшите и прикажете прямо въ вашихъ законахъ и распоряженіяхъ, или косвенно—черезъ вліяніе церкви и духовенства, то цѣль ваша достигнута: у васъ въ рукахъ безотвѣтная машина; вы можете пользоваться ею по благоусмотрѣнію . . . . . .

Вы, конечно, черпаете вашу мудрость изъ уроковъ исторіи. И я самъ всегда съ умиленіемъ любовался примѣромъ первыхъ христіанскихъ императоровъ. Въ тѣ времена, съ перемѣной правителя, каждый разъ измѣнялась и обязательная для подданнаго высшая истина. Если же императоръ царствовалъ долго, то истина могла перемѣниться не одинъ разъ и подъ его державнымъ скипетромъ.

Вы черпаете ваши правила изъ надежнаго источника. Но,—не въ обиду будь сказано, вы еще не дошли до совершенства въ искусствѣ правленія. Не забывайте, что нельзя слишкомъ долго оставлять одну и ту же истину на положеніи истины. Вѣдь ваши подданные, привыкнувъ къ ней, могутъ впасть въ заблужденіе и начать вѣрить въ непреложность правды, ради самой правды. Этого нельзя допускать! Не давайте подданнымъ забывать, что всякая истина основана только на вашей волѣ, и что единственный источникъ всякой правды—ваше усмотрѣніе. Будьте же послѣдовательны и мудры до конца; отвергайте то, чему вчера еще вы предписывали вѣрить, спѣшите надѣлить вашимъ авторитетнымъ признаніемъ то, что наканунѣ вы преслѣдовали какъ величайшую ересь и заблужденіе.

Какъ видите, я постигаю васъ въ совершенствѣ и готовъ цѣнить по достоинству. Но дѣло не во мнѣ одномъ. Вотъ вокругъ меня волнующійся и непокорный народъ. Онъ спрашиваетъ вовсе не о вашихъ вожделѣніяхъ, а о вашихъ правахъ.

Что же мнѣ отвѣчать на этотъ докучливый и непріятный вопросъ?..

Вы хотите присвоить себѣ право предписывать намъ, что мы должны считать за истину. На чемъ вы основываете такое право?

Конечно, съ внѣшней стороны можно себѣ представить особый договоръ между обществомъ и правителями, направленный на предоставленіе вамъ подобнаго права. Допустимъ даже, что вамъ удастся установить достаточное количество подходящихъ для васъ «непреложно-истинныхъ» положеній и провести на практикѣ систему наказаній для всякаго, кто осмѣлится высказать что-либо несогласное съ этими положеніями...

Но имѣетъ ли что-либо подобное хоть малѣйшее *нравственное оправданіе*? Можетъ ли общество требовать отъ личности обѣщанія подчиниться такому договору, и въ правѣ ли отдѣльный человѣкъ дать такое обѣщаніе?..

Свободное изслѣдованіе всего того, что можетъ быть предметомъ размышленія, и при томъ — во всѣхъ направленіяхъ, а въ любомъ направленіи до безконечности,—составляетъ неоспоримое право человѣка. Никто не долженъ посягать на установленіе иныхъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя можетъ создать себѣ самъ человѣкъ. И когда человѣкъ достигнетъ въ своемъ мышленіи до такихъ добровольно поставленныхъ себѣ предѣловъ, онъ все же сознаетъ, что что-то неизмѣнно толкаетъ его впередъ и побуждаетъ переступать за намѣченную границу. Это нѣчто — есть разумъ человѣка. Самое существо и назначеніе нашего разума не признаетъ никакихъ абсолютныхъ границъ. Только въ соотвѣтствіи съ этимъ человѣческій разумъ и становится разумомъ, а человѣкъ разумнымъ и свободнымъ существомъ. Поэтому безграничная свобода изслѣдованія есть неотъемлемое право человѣка. Никакой договоръ не можетъ лишить людей права предлагать другимъ плоды своихъ размышленій и изслѣдованій, равно какъ должно быть признано за неотъемлемое право каждаго принимать отъ другихъ все то, что можетъ способствовать къ расширенію его познаній и къ просвѣщенію...

Вы ужасаетесь передъ смѣлостью моихъ выводовъ, вы—слуги и приспѣшники власти тьмы! Я знаю:—у такихъ, какъ вы, трусливое сердце... Вы все надѣетесь, что я сейчасъ прибавлю рядъ оговорокъ и внесу обычное «что же касательно» въ свою рѣчь, чтобы оставить вамъ открытой лазейку для сохраненія всего, что вамъ особенно дорого,—напримѣръ, для излюбленной вашей религіозной присяги, для вашихъ символическихъ книгъ и т. д.

Нѣтъ! Я не пойду на уступки. Вамъ придется понемногу привыкнуть слышать всю правду безъ прикрасъ и умолчаній...

Одно только могу я сказать вамъ въ утѣшеніе: не напрасны ли

ваши опасенія передъ внезапнымъ наступленіемъ яркаго свѣта, который не замедлитъ разлиться, какъ только всякому будетъ дозволено просвѣщаться сколько ему угодно?

Человѣчество вообще на пути просвѣщенія идетъ лишь медленно отъ ступени къ ступени... А если въ наукахъ и знаніяхъ происходитъ иногда такой значительный переворотъ, что человѣчество дѣлаетъ какъ бы насильственный скачекъ впередъ, то и на этотъ случай вамъ не очень приходится тревожиться. Если раньше разольется дневной свѣтъ вокругъ васъ, то вѣдь это будетъ яркій свѣтъ не для васъ, а для другихъ, для остальныхъ и для прочихъ. Ваши любимицы и воспитанники съумѣютъ сохранить ваши подслѣповатые очи въ привычномъ и пріятномъ полумракѣ. Можете утѣшать себя: чѣмъ больше будетъ свѣта вокругъ васъ, тѣмъ темнѣе сгустится мракъ для васъ самихъ!..

. . . . . .

Къ вамъ, государи, князья и правители, я обращаю свою послѣднюю рѣчь.

Вотъ вы все пророчите намъ несказанныя бѣдствія, какъ неизбѣжный плодъ неограниченной свободы мысли. Вы говорите, что только ради нашего блага вы и лишаете насъ этой свободы, какъ у ребенка отнимаютъ опасную игрушку. Ваши поднадзорные журналисты расписываютъ по заказу всѣ ужасы, которые способны натворить несогласныя во мнѣніяхъ, возбужденныя головы. Вы рисуете передъ нами картину, какъ миролюбивый народъ становится дикаремъ и жаждетъ крови, вмѣсто того, чтобы проливать слезы умиленія, какъ этотъ народъ съ пѣснями и ликованіемъ издѣвается надъ окровавленными трупами согражданъ... А что, если мы отвѣтимъ вамъ тѣмъ, что напомнимъ о кровавыхъ пиршествахъ, которыми угощали этотъ народъ вы сами, вашъ деспотизмъ въ неразрывномъ союзѣ съ фанатизмомъ?! Неужели мнѣ надо доказывать вамъ, что кровавыя тризны не могутъ быть плодомъ свободы мысли, а только слѣдствіемъ долговременнаго духовнаго рабства?! Развѣ вамъ не извѣстно, что покой и молчаніе всего ненарушимѣй въ могилѣ?!...

Но мы согласны забыть и не упоминать обо всѣмъ этомъ. Мы готовы съ сокрушеннымъ сердцемъ и со слезами раскаянія броситься въ ваши отеческія объятія и здѣсь искать убѣжища отъ всякихъ невзгодъ. Отвѣтьте только прежде на одинъ вопросъ.

Вотъ мы все слышимъ изъ вашихъ сладкихъ устъ сладкія рѣчи о томъ, что вы только и дѣлаете, что неусыпно печетесь о счастіи и благополучіи народовъ. Почему же, не взирая на ваше благопокровительство и отеческія заботы, наводненія по прежнему опусто-

шаютъ наши поля, а бури разрушаютъ строенія и причиняютъ вредъ нашимъ насажденіямъ? Почему же все наше достояніе попрежнему можетъ стать жертвой огня? Зачѣмъ же мечъ, голодъ и моръ уносятъ ежегодно тысячи жизней?

Вы молчите...

Вы не даете отвѣта...

Научитесь же прежде повелѣвать грозѣ небесной, а потомъ уже попытайтесь удержать бурю нашего негодованія!

Вы видите, вы знате, что міроправленіе вамъ не по силамъ. Зачѣмъ же вы не хотите спуститься съ вашихъ высотъ къ намъ на землю и быть первыми между равными?

Сердце мое слишкомъ наполнено скорбью. Иначе я напомнилъ бы вамъ о всѣхъ тѣхъ промахахъ и ошибкахъ, которые вы совершаете изо дня въ день. Я бы могъ перечислить вамъ всѣ тѣ глубокомысленные расчеты и дальновидные планы, которые у васъ однако мѣняются по нѣскольку разъ въ году. Не указать ли мнѣ вамъ, напримѣръ, на груду мертвыхъ тѣлъ на томъ пути, который по вашимъ ожиданіямъ долженъ былъ быть тріумфальнымъ шествіемъ?

Васъ вводятъ въ заблужденіе когда говорятъ вамъ, что вы можете дать людямъ блаженство. Вы не можете обезпечить имъ и простого земного благоденствія.

Вотъ вы сами наслаждаетесь всѣми благами и всѣми радостями, которыя только доступны на землѣ. Вспомните хорошенько о всѣхъ этихъ радостяхъ и удовольствіяхъ. Стоятъ ли они всѣхъ тѣхъ заботъ, которыми были куплены. Покрываютъ ли они съ избыткомъ то чувство омерзѣнія и пресыщенія, которое неизбѣжно слѣдуетъ за вашими наслажденіями? И вотъ вы хотите на вашъ ладъ облагодѣтельствовать насъ и ради насъ вы готовы претерпѣть снова всѣ пережитыя заботы и понесенные труды.

Оставьте! Не трудитесь!

Повѣрьте,—всѣ эти блага земныя, которыя вы можете посулить намъ, — всѣ сокровища, чины, ордена, ваше блестящее общество, развитой денежный обмѣнъ, изобиліе предметовъ первой необходимости и т. д.—все это, т. е. упоеніе этими благами, какъ таковыми, не стоитъ ни вашего благороднаго пота, ни нашей низкой благодарности. Всѣ эти блага, въ глазахъ разумнаго человѣка, имѣютъ цѣну не сами по себѣ, а лишь какъ побудительныя средства для дѣятельности, какъ ближайшая внѣшняя цѣль, къ которой многіе могутъ стремиться. Но единственное истинное блаженство, если суждено намъ на землѣ испытать блаженство, заключается не въ томъ, что вы готовы пообѣщать, а *въ нашей свободной и безпрепятственной самодѣятель-*

ности, въ осуществленіи нашихъ собственныхъ цѣлей собственными силами, своимъ добровольнымъ трудомъ, по своему собственному добровольному побужденію...

Вотъ почему, государи, князья и правители, мы не можемъ признать за вами никакого права на нашу свободу мысли. Нѣтъ у васъ права рѣшать, что истина и что заблужденіе. Вы не имѣете права полагать предѣлы нашимъ изслѣдованіямъ и запрещать намъ дѣлиться съ другими результатами и выводами, каковы бы ни были эти выводы.

Вы считаете себя добрыми геніями человѣчества. Вы раздаете мѣста и должности въ государствѣ, вы распредѣляете богатства и почести, вы помогаете нуждающемуся, вы подаете хлѣбъ бѣдняку. Знайте, что если кто скажетъ вамъ, что все это благодѣяніе съ вашей стороны, то это будетъ грубая лесть и ложь. Вы вовсе не имѣете возможности оказывать намъ благодѣянія. Должность, которую вы предоставляете кому-либо изъ насъ, это вовсе не даръ. Если вы поручаете должность достойному, то этимъ вы только слагаете съ себя часть собственнаго бремени и кладете его на плечи одного изъ согражданъ. Если же должность и почести достаются недостойному, то вы совершаете преступленіе по отношенію ко всему обществу и тѣмъ, кто достоенъ. Деньги, которыя вы раздаете, никогда не были вашей собственностью. Это мы предоставили вамъ всѣ тѣ средства, которыми вы хотите распоряжаться. У голоднаго всегда былъ бы кусокъ хлѣба, если бы по условіямъ государственнаго строя, онъ не былъ обязанъ отдать его вамъ. Когда вы подаете хлѣбъ неимущему, то знайте, что это общество вашими руками возвращаетъ бѣдняку то, что и безъ того было его собственностью. Не благодѣянія оказываете вы, а исполняете вашъ долгъ даже и въ томъ случаѣ, если ваша мудрость была бы непогрѣшимой, а ваша честность неподкупной.

Но вы хотите большаго. Вы хотите сдѣлать больше добра, чѣмъ васъ къ тому обязываетъ вашъ прямой долгъ.

Въ добрый часъ! передъ вами широкое поле дѣятельности — необозримая область просвѣщенія. Употребите ту силу и могущество, то вліяніе и тѣ средства, которыя вручило вамъ общество на служеніе задачамъ просвѣщенія. Здѣсь вы можете оказать дѣйствительныя услуги человѣчеству.

Государи и правители, чтите вы сами правду, и пусть другіе видятъ, что она у васъ въ почетѣ. Преклоняйтесь передъ законами истины на глазахъ у всѣхъ, чтобы народы знали, что есть нѣчто высшее, чѣмъ земные владыки и ихъ повелѣнія.

Внимательно и съ готовностью прислушивайтесь къ голосу правды, о чемъ бы вамъ ни говорилъ этотъ голосъ. Пусть правда всегда имѣетъ свободный доступъ къ трону. Не бойтесь, что истина затмитъ васъ своимъ лучезарнымъ сіяніемъ. Ради чего вамъ страшиться истины, если сердце ваше не лукаво! Не коснитесь повиноваться слову истины. Если правда осудитъ ваши намѣренія, спѣшите исправить ваши ошибки. Что вы—смертные люди, намъ это давно извѣстно. Если же вы добровольно сознаетесь въ своихъ ошибкахъ и подчинитесь голосу правды, то это доставитъ вамъ только высокую честь, а не униженіе. Вы можете спокойно продолжать беззаконіе и несправедливости, ибо кто же дерзнетъ въ лицо высказать вамъ осужденіе и порицаніе. Но вотъ вы рѣшились по доброй волѣ поступать по праву и по совѣсти. Вы думаете, что, подчинившись закону справедливости, вы унизили себя до уравненія съ послѣднимъ изъ вашихъ рабовъ. Неужели вы не видите, что одновременно возвысились на самую высокую изъ доступныхъ для смертнаго ступеней нравственнаго достоинства?!

Не забывайте, что тѣ земныя почести и преимущества, которыми вы такъ гордитесь, достались вамъ вовсе не по заслугамъ, а по рожденію. Если бы судьба судила вамъ увидать свѣтъ въ хижинѣ пастуха, то вмѣсто скипетра теперь въ вашей рукѣ былъ бы пастушескій посохъ.

Развѣ вы не знаете, что наши поклоны и наши знаки уваженія относятся вовсе не къ вамъ самимъ, а лишь къ представителямъ общества?

Одѣньте въ вашъ пурпуръ и горностай любое соломенное чучело, посадите его на вашъ великолѣпный тронъ и дайте въ его безвольную руку, въ руку истукана, вашу державу и золотой вашъ скипетръ. Вы думаете, что мы ощутимъ отсутствіе того незримаго и неуловимаго вѣянія, которое будетъ исходитъ отъ васъ, богоравные владыки? Повѣрьте, спины наши будутъ гнуться не хуже прежняго, а рѣчи наши останутся такими же робкими и почтительными. Неужели вы никогда не задумывались надъ вопросомъ, насколько всѣ эти почести и уваженіе относятся дѣйствительно къ вашей собственной личности? Отъ царедворцевъ и льстецовъ вы не услышите правдиваго отвѣта. Если бы въ томъ воздухѣ, которымъ дышатъ ваши приспѣшники, могъ жить настоящій мудрецъ, то и отъ него вы пожалуй не узнали бы всей правды. Мудрецъ сталъ бы отвѣчать не вамъ самимъ, а представителю общества въ вашемъ лицѣ. Помните, что о государяхъ громко говорятъ и цѣнятъ ихъ по достоинству лишь тогда, когда надъ ними выростаетъ могильный холмъ или закроются двери погребальнаго склепа!...

Но, быть можетъ, вы все же любознательны. Вы хотите знать, какъ будутъ относиться къ вамъ, если корона упадетъ съ вашей священной головы, а скипетръ ускользнетъ изъ державной десницы. Не станетъ ли издѣваться надъ вами тотъ, кто теперь поетъ хвалебные гимны? Если вы ждете нелицепріятнаго отвѣта, то испытайте самихъ себя передъ судомъ вашей совѣсти...

Вы дорожите тѣмъ, чтобы васъ чтили ради васъ самихъ. Будьте же достойны почитанія. Знайте, что *ничто не можетъ болѣе возвысить достоинство человѣка, какъ свободное подчиненіе правдѣ и праву!*

Вы не имѣете права препятствовать свободѣ нашихъ изслѣдованій. Все, что вамъ можетъ быть дозволено, это оказывать содѣйствіе ихъ успѣху и притомъ лишь тѣмъ, что вы будете проявлять живой интересъ къ ходу нашихъ работъ и внимательно прислушиваться къ ихъ результатамъ.

Правдолюбивые изслѣдователи истины сами по себѣ не нуждаются въ тѣхъ почестяхъ, которыми вы ихъ можете надѣлить. Ихъ честь и слава основаны не на вашихъ грамотахъ съ подписями и почестями; они запечатлѣны глубже—въ сердцахъ и умахъ ихъ современниковъ и потомковъ. Что значатъ для нихъ ваши награды и дары? Въ лучшемъ случаѣ это лишь слабое возмездіе за тѣ труды, которые они понесли на пользу другихъ, на благо общества. Истинная награда за свободное исканіе истины иная и болѣе возвышенная. Она заключается въ самой свободной дѣятельности, въ широтѣ духовнаго кругозора. Если же вы хотите воздать служителямъ истины земныя почести и наградить ихъ доступнымъ для васъ способомъ, то дѣлайте это такъ, чтобы принять отъ васъ награду не было бы позоромъ для награждающаго. Не думайте, что вы можете купить служителя истины. Знайте,—правда не продажный товаръ!

Вы можете оказывать содѣйствіе тому, чтобы труды изслѣдователей направлялись въ сторону такихъ вопросовъ, которые связаны съ наиболѣе существенными интересами и нуждами человѣчества. Однако такое направляющее указаніе должно быть исполнено мудрости; оно должно исходить не отъ властно приказывающаго, а отъ свободнаго сотрудника. Вы не должны желать господствовать надъ духомъ и надъ мыслью. Вашъ удѣлъ иной; вы можете только радоваться вмѣстѣ съ служителями истины, пользуясь плодами свободнаго изслѣдованія. Всякое принужденіе противорѣчитъ правдивости. *Правда способна жить и возрастать только въ своей родной сферѣ, въ области духовной свободы.*

Государи, князья и правители!

Научитесь же распознавать вашихъ дѣйствительныхъ враговъ, тѣхъ кто зло умышляетъ противъ васъ самихъ и противъ вашихъ священныхъ правъ. Знайте, что единственные враги ваши это тѣ, кто совѣтуетъ вамъ держать вашихъ подданныхъ въ слѣпотѣ и невѣжествѣ, кто внушаетъ вамъ насаждать новыя заблужденія и преслѣдовать свободную мысль и свободное изслѣдованіе. Такіе совѣтчики, очевидно, считаютъ царство ваше за царство тьмы, которое при наступленіи свѣта должно погибнуть. Они полагаютъ, что вы можете осуществлять свои права только подъ покровомъ темной ночи, что вы можете властвовать только надъ людьми, темными разумомъ, и незрячими.

Если кто подаетъ государю своему совѣтъ задерживать распространеніе и успѣхи просвѣщенія въ народѣ, то это все равно, что сказать ему въ лицо:

«Государь! То, чего ты требуешь, не можетъ не возмущать здравый разсудокъ подданныхъ. Не забудь же, что ты долженъ всячески преслѣдовать здравый смыслъ и подавлять здравое пониманіе. Правила, которымъ ты слѣдуешь, дѣла, которыя ты творишь, не выносятъ свѣта. Берегись же, о Государь! Не допускай народъ твой до просвѣщенія. Иначе на твою голову посыплются проклятія. Судьба надѣлила тебя слабымъ и недалекимъ разумѣніемъ. Смотри же, чтобы народъ какъ нибудь не сталъ умнѣе тебя и не вздумалъ глядѣть поверхъ твоей головы. Тьма и ночь—вотъ твоя родная стихія. Распространяй же вокругъ себя только мракъ, о Государь! А отъ дневного свѣта бѣги!»

Такъ говорятъ ваши враги.

Хотите знать, кто можетъ быть вамъ другомъ, кто относится къ вамъ съ уваженіемъ и готовъ оказать искреннее довѣріе? Это тѣ, кто совѣтуетъ вамъ всячески заботиться о распространеніи просвѣщенія. Знайте, что эти совѣтчики не думаютъ подвергать сомнѣнію вашихъ заслуженныхъ правъ, а наоборотъ считаютъ ихъ настолько прочными, что не боятся для васъ дневного свѣта. Они увѣрены, что чистота вашихъ помысловъ и намѣреній можетъ только выиграть при сіяніи яркаго свѣта. Ваше сердце, полагаютъ они, столь возвышенно и благородно, что васъ самихъ должно одушевлять желаніе яснѣе распознать при свѣтѣ ваши возможныя ошибки, чтобы скорѣе исправить ихъ.

Вотъ кого вамъ слѣдуетъ слушать.

И за слово правды, за безкорыстный совѣтъ отъ васъ не потребуютъ ни наградъ, ни хвалы, ни благодарности!

Такъ говорилъ гражданинъ Геліополя.

Вотъ какія мысли и упованія вдохновляли Фихте въ 1793 г., на рубежѣ XIX вѣка.

Неужели намъ, въ началѣ XX столѣтія, не суждено еще съ полной увѣренностью сказать, что и для насъ миновала послѣдняя тяжелая година власти прежней тьмы и наступили первые дни лучшаго, свѣтлаго будущаго?!

Сергѣй Живаго.

Религія и политика.

(*Къ вопросу объ образованіи политическихъ партій*).

Въ настоящей замѣткѣ я хочу, пользуясь гостепріимствомъ и широкой терпимостью редакціи «Полярной Звѣзды», затронуть чрезвычайно жгучій и очень важный, хотя и не поставленный съ достаточной остротой въ общественномъ сознаніи вопросъ—объ отношеніи религіи и политики.

Самый вопросъ для уха современнаго читателя звучитъ дико и чуждо. Какой еще разговоръ можетъ быть о религіи, этой исторической тѣни, имѣющей скоро отойти въ прошлое, въ особенности въ связи съ политикой? Однако такое отношеніе, въ особенности въ устахъ тѣхъ, кто хочетъ вести «реальную политику», совершенно ошибочно, ибо существованіе религіи есть такой фактъ, съ которымъ приходится считаться политику, даже совершенно отрицающему религію по общефилософскимъ основаніямъ. Мы имѣемъ въ виду не только религію въ собственномъ смыслѣ слова, но и атеистическія религіи, существованіе которыхъ, каково бы ни было ихъ качество, не подлежитъ сомнѣнію. Религія человѣчества, вѣра въ прогрессъ, Zukunftstaat, рай на землѣ и подобное—все это суть разновидности атеистической религіи, человѣкъ не можетъ жить однимъ настоящимъ, одной обыденщиной и, по божественной природѣ своей, такъ или иначе «взыскуетъ грядущаго града». И этотъ фактъ всеобщности религіи или, что здѣсь важнѣе, существованіе различныхъ религій, религіозность въ смыслѣ отсутствія индифферентизма къ религіозной (въ широкомъ смыслѣ) проблемѣ, и, въ тоже время фактъ разновѣрности, принадлежности людей къ разнымъ религіямъ распространяетъ свое

вліяніе на всѣ области человѣческой жизни, а, въ частности, и на политику.

Политическія цѣнности, которыя руководятъ политической дѣятельностью людей, не представляютъ или, точнѣе, не должны представлять собой высшихъ, самостоятельныхъ и самодовлѣющихъ цѣнностей. Самостоятельностью политическихъ цѣнностей характеризуется лишь безъидейная политика, руководимая интересомъ, личнымъ или классовымъ, какъ непосредственнымъ выраженіемъ личнаго или группового эгоизма. Такая политика, лишенная всякаго идеала и основывающаяся на нисшихъ, грубыхъ инстинктахъ природнаго человѣка, конечно, чужда всякой религіи (кромѣ культа своего чрева), и трудно вообще говорить объ этической или религіозной, вообще высшей цѣнности такой политики.

Въ противоположность этой классовой или эгоистической политикѣ, идейная политика, руководимая опредѣленнымъ идеаломъ, не представляя самостоятельной цѣнности, является *средствомъ* для служенія идеалу, вдохновляется высшей, не политической, но этической или религіозной цѣнностью. Отсюда она черпаетъ свой энтузіазмъ, свой паѳосъ, свою духовную мощь. Моментъ идеологическій представляетъ собой, стало быть, совершенно реальную силу, ибо что можетъ быть реальнѣе воодушевленія идеаломъ.

Отсюда прямой выводъ относительно того значенія для политики, какое имѣетъ общее міровоззрѣніе или религія даннаго лица, ибо только она приводитъ его къ той или иной программѣ той или иной политической партіи и оживляетъ мертвую букву партійныхъ требованій, которыя безъ этого связующаго цемента разсыпаются въ отдѣльные параграфы, частныя и маловоодушевляющія въ отдѣльности требованія. Партіи образуютъ собой духовные организмы, полные идейнаго воодушевленія, не только дѣловой, практической частью программъ, но и своей общей вѣрой. И вѣра эта, сообразно своей природѣ, подчеркиваетъ, дѣлаетъ болѣе значительной ту или иную часть практической программы, установляетъ духовную перспективу и сравнительную оцѣнку разныхъ требованій.

Итакъ, вотъ первая классификація политическихъ партій или различныхъ формъ отношенія къ политикѣ: отношеніе эгоистическое, опредѣляемое классовымъ или групповымъ интересомъ, и идейное или религіозное, приводящее поли-

тическую дѣятельность въ связь съ высшими духовными цѣнностями. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ говорить, конечно, только объ этомъ второмъ.

Можно представить себѣ два типа партійнаго единенія: въ одномъ случаѣ оно происходитъ на почвѣ общаго міровоззрѣнія, такъ сказать, на программѣ-максимумъ или, иначе, основывается на полномъ единовѣріи, не только политическомъ, но и идеологическомъ, религіозномъ,—таковы обѣ наши соціалистическія партіи, которыя въ такой же мѣрѣ можно считать партіями, какъ и религіозными сектами,— не принимая въ надлежащее вниманіе этого обстоятельства, нельзя понять ихъ дѣятельности и надлежаще оцѣнить ихъ вліяніе на жизнь. Подобной религіозной партіей (мы имѣемъ въ виду здѣсь, конечно, чисто формальное сходство) является католическая партія центра въ Германіи, группы христіанскихъ соціалистовъ въ разныхъ странахъ, наши старообрядцы и... наша «черная сотня», насколько въ нее входятъ искренніе, фанатичные сторонники міровоззрѣнія, выражаемаго въ девизѣ: православіе, самодержавіе и народность! (Видѣть въ черной сотнѣ однихъ правительственныхъ агентовъ, какъ расположены многіе въ нашемъ образованномъ обществѣ, есть, по моему мнѣнію, удивительное легкомысліе, изобличающее отсутствіе исторической вдумчивости.) Второй типъ партійнаго единенія единовѣрія не требуетъ, мирится съ религіознымъ разновѣріемъ, если только разныя вѣры эти приводятъ къ практическому единогласію, признанія очередныхъ историческихъ требованій, формулируемыхъ въ программѣ партіи. Иногда это равнодушіе къ религіозному разномыслію проистекаетъ просто изъ безъидейности партіи, движимой своекорыстіемъ и прикрывающейся лишь тѣми или другими девизами. Но такая терпимость вполнѣ искренно можетъ быть возведена въ принципъ, такъ что партійное единеніе опирается только на тождество практической программы. Въ сущности, при такой принципіальной безпринципности каждый членъ представляетъ собой какъ бы отдѣльную партію, опирающуюся на полную программу - максимумъ и объединяющуюся съ другими на общемъ практическомъ блокѣ: это федерація автономныхъ и, до извѣстной степени, разнозаконныхъ штатовъ. Такова въ настоящее время конституціонно-демократическая партія, которая не спрашиваетъ приходящаго

въ нее: како вѣруеши, требуя лишь признанія своей программы и, подобно императорскому Риму, давая мѣсто въ своемъ пантеонѣ всѣмъ культамъ. Поэтому въ нее могутъ входить съ одинаковымъ правомъ атеисты и вѣрующіе, позитивные сторонники религіи человѣкобожества Канта и Фейербаха и неокантіанцы-идеалисты, раввины и христіанское духовенство, старообрядцы и магометане, соціалисты и индивидуалисты. Такимъ образомъ, все, что раздѣляетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ высшую цѣнность и смыслъ практическимъ требованіямъ, оставлено въ скобкѣ, а эти послѣднія, сами по себѣ еще мало говорящія сердцу и уму, выведены за скобку какъ нѣчто общее и объединяющее. Практическій блокъ въ практическихъ цѣляхъ и стремленіе къ объединенію есть, несомнѣнно, прекрасное и похвальное дѣло, въ особенности у насъ въ Россіи, гдѣ каждый сейчасъ тянетъ въ свою сторону и хочетъ основать свою партію. Но въ томъ то и дѣло, что рѣчь идетъ не о блокѣ, а о партіи, о партіи общенародной и всенародной, какой она рисуется въ глазахъ лучшихъ представителей ея. Такая партія должна представлять собой единый духовный организмъ, имѣть общую душу, общую мысль, общую волю, должна представлять собой сверхъ - индивидуальный коллективный организмъ. Объединеніе человѣческихъ атомовъ, отдѣльныхъ, автономныхъ личностей, удерживающихъ все свое индивидуальное міровоззрѣніе при вступленіи въ партію, можетъ существовать въ большихъ городахъ, въ замкнутыхъ интеллигентскихъ кругахъ, гдѣ хорошо извѣстно, что думаетъ профессоръ А, журналистъ Б, адвокатъ С и гдѣ они великодушно прощаютъ другъ другу индивидуальныя вольномыслія. Но разъ нужно выходить за предѣлы гостиныхъ и итти къ народу, интеллигентскій индивидуализмъ обезсиливаетъ и вредитъ, атомистическая совокупность должна превратиться въ болѣе полную, истинную соборность, имѣющую одну душу и *одну проповѣдь*, ибо вѣдь къ народу нужна проповѣдь. Какую же *общую* проповѣдь, т. е. отъ имени партіи могутъ произнести атеистъ и священникъ, раввинъ и мусульманинъ и т. д.? Вѣдь одно изъ двухъ: или для того, чтобы проповѣдь могла быть дѣйственна и полна энтузіазма, проповѣдикъ долженъ вложить въ нее всю свою вѣру, изложить всю свою религію и вылить, какъ выводъ изъ нея, дѣйствительную программу партіи,—но тогда, очевидно, партія

распадается на нѣсколько, ибо не можетъ жеодна и та же партія санкціонировать всѣ заразъ эти проповѣди и издавать ихъ всѣ заразъ съ клеймомъ партіи въ качествѣ партійныхъ изданій,—или же партійный проповѣдникъ долженъ оставить дома все, что для него всего дороже, — христіанинъ—свою религію, раввинъ—свою, атеистъ—свою, и ограничиться лишь проповѣдью практической программы. Но не будетъ-ли она страдать тѣмъ практицизмомъ, приурочиваться лишь къ нисшимъ практическимъ интересамъ, какъ среди безъидейныхъ, грубо классовыхъ партій?

Вѣдь то, что для самого проповѣдника или агитатора есть выводъ изъ его общаго міровоззрѣнія, идеаловъ болѣе широкихъ и отдаленныхъ, онъ будетъ сообщать только въ обезкрыленномъ видѣ, доказывая практичность, выгодность этихъ требованій. И какъ бы ни была искренна, трезва и реальна эта проповѣдь, палка будетъ вышиблена изъ рукъ первымъ ударомъ меча, когда рядомъ съ этой практической и трезвой проповѣдью въ головы вступаетъ политическій хмѣль соціальнаго утопизма, широкихъ перспективъ. Вѣдь когда происходятъ столкновенія к.-д. и с.-д., то обѣ стороны говорятъ на совершенно различныхъ языкахъ: на одной сторонѣ всѣ преимущества знанія, трезвости, осторожности, дѣйствительной гуманности, на другой чаще всего фанатическій пылъ, нерѣдко въ соединеніи съ слабыми знаніями, совершенно невыполнимыми требованіями, хотя они, по обычной фразеологіи, прикрываются словами о «научной закономѣрности», «классовыхъ интересахъ» и т. п. И, если побѣда въ рабочихъ массахъ пока остается всетаки не на первой, а на второй сторонѣ, то это объясняется, конечно, не тѣмъ, чтобы реальная политика к.-д. меньше обѣщала дѣйствительнымъ «интересамъ» рабочихъ, но совсѣмъ другимъ. Проповѣдь въ народныхъ массахъ, въ которыхъ живо еще чувство соборности, «каѳоличности», утраченное индивидуалистической, «уединившейся» интеллигенціей, должна быть религіозна, если только расчитываетъ захватить народную душу въ лицѣ наиболѣе пылкихъ представителей народа, а не уловлять только «умѣренныхъ и аккуратныхъ», «хозяйственныхъ мужичковъ», разсудительныхъ скопидомовъ. Поэтому въ народѣ, намъ думается, можетъ имѣть широкій успѣхъ проповѣдь христіанскаго соціализма или, шире, христіанской общественности. Въ народѣ, вѣрнѣе, въ

одной его части, оторванной отъ христіанства, имѣетъ успѣхъ проповѣдь атеистическаго соціализма, религіи «государства будущаго», классовой ненависти и вражды. Этотъ соціализмъ не является религіозно-индифферентнымъ даже и въ узкомъ смыслѣ слова: и теоретически, въ основѣ всего этого міровоззрѣнія, и практически въ тактикѣ партіи лежитъ воинствующій атеизмъ, сознательное и боевое антихристіанство. Въ соціалдемократіи не могутъ совмѣщаться, какъ въ к.-д., христіанинъ, согласившійся спрятать въ карманъ свою религію, и атеистъ, снисходительно прощающій своимъ партійнымъ сочленамъ религіозные предразсудки, нѣтъ, здѣсь вопросъ поставленъ остро и непримиримо, какъ онъ ставится самой природой религіи и существомъ дѣла. Ибо, какъ бы ни было велико сходство и близость между практическими программами и требованіями атеистическаго и христіанскаго соціализма, между ними существуетъ наибольшая полярность и непримиримая противоположность,—должна итти борьба, какая идетъ между Христомъ и Антихристомъ. Въ партіи же к.-д. заключенъ какъ бы родъ перемирія, существующія противорѣчія погашены. Все признано несущественнымъ по сравненію съ практической программой, но что же вообще осталось существеннаго, если несущественно то, во что вѣритъ человѣкъ, во имя чего онъ живетъ и дѣйствуетъ? Скажутъ, что нужно спасать Россію. Да, нужно, но въ томъ и состоитъ проклятый вопросъ, *какъ* можно ее спасти (какъ въ смыслѣ историческомъ, такъ и религіозномъ) и есть ли взаимное духовное самооскопленіе дѣйствительно вѣрнѣйшій путь спасенія?

Даже въ практической программѣ, гдѣ различіе вѣръ все же вноситъ нѣкоторые нюансы, стремленіе соблюсти нейтралитетъ привело къ недомолвкамъ или умалчиваніямъ. Укажу, какъ на самый яркій примѣръ, на вопросъ церковный, затрагивающій насущные религіозные интересы многомилліоннаго православнаго населенія и вліятельнаго—въ особенности въ деревнѣ—духовенства. Гнетъ самодержавія надъ православной церковью (какъ я указывалъ это еще на страницахъ «*Освобожденія*» въ статьяхъ о «Православіи и самодержавіи», напечатанныхъ за подписью *Ак.*) сильнѣйшимъ образомъ испытывается всѣми не отравленными казенщиной христіанами, и въ стремленіи къ освобожденію церкви, помимо прочаго, заключается для нихъ одинъ изъ сильнѣ-

шихъ мотивовъ въ пользу освободительнаго движенія. Вопросъ о раскрѣпощеніи церкви отъ государства, о будущихъ судьбахъ и положеніи церкви занимаетъ первое мѣсто въ ихъ душѣ и не можетъ занимать иного мѣста въ ихъ проповѣди [1]). Что же находятъ такіе члены к.-д. партіи in spe въ ея программѣ по церковному вопросу. Равнодушную, небрежно-брошенную оговорку, соотвѣтствующую либеральной «римской» терпимости ко всѣмъ вѣрованіямъ и ко всѣмъ заблужденіямъ, такого содержанія: «православная церковь и другія вѣроисповѣданія должны быть свободны отъ государственной опеки». Этотъ пунктъ остался безъ всякаго измѣненія и распространенія и на 2-мъ партійномъ съѣздѣ, когда онъ снова подвергался обсужденію.

Развѣ можно себѣ представить *партійное* изданіе к.-д. по церковному вопросу, нисколько не противорѣчащее программному пункту объ «освобожденіи церкви отъ государственной опеки», но, конечно, трактующее этотъ вопросъ съ единственно-возможной и умѣстной здѣсь положительной христіанской точки зрѣнія? Конечно, нѣтъ, можетъ быть, это и можетъ сдѣлать отдѣльный членъ партіи, но не партія, которая остается «religionslos». А между тѣмъ не естественно ли, напр., духовенству ждать разъясненій прежде всего по этому наболѣвшему вопросу.

Я понимаю, что партія к.-д. поступила въ данномъ случаѣ вполнѣ корректно, ибо большаго она не могла сказать, не выходя за предѣлы своего идейнаго блока, не нарушая нейтралитета въ какую бы то ни было сторону. И, однако, столь же несомнѣнно, что сказаннаго мало, и неудивительно (хотя и прискорбно), если союзъ 17-го октября, въ религіозномъ вопросѣ занявшій въ силу своего болѣе однороднаго въ этомъ отношеніи состава позицію болѣе рѣшительную и опредѣленную, проявившій гораздо больше вниманія къ существующимъ въ церковной средѣ теченіямъ въ пользу всесторонняго возстановленія соборности и выборности въ церковной жизни, перетянетъ на свою сторону многихъ.

Я не берусь судить, могутъ ли отрицающіе религію отказаться отъ скрытой или открытой проповѣди своихъ отри-

---

[1]) Мнѣ самому приходилось слышать изъ устъ представителей духовенства, въ общемъ сочувствующаго партіи к.-д., пожеланіе, чтобы въ программѣ ея нашелъ болѣе ясное разрѣшеніе вопросъ церковный.

цательныхъ взглядовъ, но искренняя христіанская вѣра не можетъ мириться со второй ролью или намѣренно быть оставляемой въ тѣни, въ особенности, если дѣло идетъ о проповѣди среди народныхъ массъ и о движеніи народномъ. Можно въ практическихъ требованіяхъ совпадать съ другими партіями и въ цѣляхъ практической политики входить въ тѣ или иныя соглашенія съ ними,—но въ проповѣди своей христіане могутъ выступать только во имя Христа и, слѣдовательно, оставаясь вѣрны себѣ, не могутъ и не должны участвовать въ какомъ бы то ни было идейномъ блокѣ, основанномъ на умолчаніяхъ, взаимныхъ вѣжливостяхъ и приводящемъ къ засариванію жизни безъидейнымъ практицизмомъ безрелигіозной политики, которая для религіознаго человѣка есть величайшее зло нашего времени. Поэтому то, въ виду, съ одной стороны, обязательности для христіанъ участія въ общественной и политической жизни въ цѣляхъ преобразованія ея въ духѣ заповѣди любви, свободы, равенства и братства, а съ другой стороны, въ виду затруднительности и даже прямой невозможности итти въ идейномъ блокѣ, молчаливо отказываясь отъ Христа, слѣдуетъ признать, что рано или поздно должна у насъ возникнуть чисто христіанская партія, совершенно чуждая клерикализма, обскурантизма и прочихъ призраковъ прошлаго, но воодушевленная христіанской вѣрой, и, во имя этой вѣры, и идеалами демократіи и соціализма (которые, конечно, въ христіанскомъ ихъ пониманіи не имѣютъ ничего общаго съ атеистическимъ соціалдемократизмомъ).

Первымъ зародышемъ подобной партіи можно считать малоизвѣстное въ широкой публикѣ нелегальное «Христіанское братство борьбы», и ту же въ сущности задачу преслѣдуетъ и проектируемый мною «Союзъ христіанской политики» [1]).

Вѣковой гнетъ, тяготѣвшій надъ русской церковью, дѣлаетъ еще очень затруднительнымъ быстрое осуществленіе такихъ начинаній за неподготовленностью духовной почвы для нихъ, но, я убѣжденъ, что для этого придетъ свое время и, можетъ быть, оно уже не за горами [2]). Возникно-

---

[1]) См. статью мою „Неотложная задача“ въ *Вопр. Жизни* 1905, IX (Отдѣльной брошюрой вышла въ Москвѣ. цѣна 15 к., изд. И. Д. Сытина).

[2]) Позволю себѣ по этому поводу сдѣлать маленькое объясненіе

веніе такого движенія, кромѣ своего религіознаго смысла, можетъ имѣть еще и огромное культурнообщественное значеніе, лишь оно можетъ выбить оружіе изъ рукъ вождей черносотенства, ибо, стоя на религіозной почвѣ, только оно можетъ показать религіозный обманъ и неправду этой проповѣди человѣконенавистничества и реакціи во имя вѣры [1]).

Возвращаясь снова къ к.-д. партіи, я повторю въ заключеніе, что главное препятствіе для превращенія ея въ партію всенародную (о которомъ мечтаетъ П. Б. Струве и, конечно, многіе другіе члены партіи) есть ея принципіальная безрелигіозность или внѣрелигіозность въ вышеразъясненномъ широкомъ смыслѣ слова. Представляя изъ себя не только практическій (и вполнѣ допустимый, и цѣлесообразный) блокъ, какъ минимумъ очередныхъ требованій, но и идейный блокъ разнорѣчивыхъ и отчасти непримиримыхъ міровоззрѣній, устраняющій возможность общей вѣры и партійнаго энтузіазма, она находится въ состояніи неустойчиваго равновѣсія, отражая на себѣ переходный характеръ нашей эпохи. Такой блокъ былъ возможенъ въ предѣлахъ интеллигентскаго, конспиративнаго и замкнутаго по своему составу «Союза Освобожденія», но онъ трещитъ по швамъ, какъ только заходитъ рѣчь о всенародной широкой партіи и проповѣди къ народу, требующей полной искренности, не допускающей никакихъ умолчаній и идейныхъ блоковъ. Одно изъ двухъ: или партіи к.-д. придется окончательно разложиться на нѣсколько разнородныхъ духовныхъ тѣлъ, входящихъ теперь въ ея составъ и осуществить разныя идейныя возможности, въ ней заложенныя, или же превратиться въ блокъ разныхъ теченій, соединяющихся на общихъ практическихъ требованіяхъ. Но такому сознательному и прочному соединенію должно предшествовать предварительно

---

pro domo sua. Несмотря на все мое сочувствіе тактикѣ и практической программѣ к.-д. партіи и на искреннее и глубокое мое уваженіе къ многимъ ея дѣятелямъ (съ которыми я связанъ по совмѣстной работѣ въ „Союзѣ Освобожденія"), я не могу примкнуть къ этой партіи по указаннымъ причинамъ религіозно-философскаго характера, считая въ то же время своэй обязанностью оказывать ей посильное содѣйствіе въ области чисто политическихъ дѣйствій.

[1]) Болѣе подробное изложеніе этого вопроса читатель найдетъ въ очеркѣ „Церковь и государство", который появится въ имѣющемъ выйти въ непродолжительномъ времени сборникѣ статей разныхъ авторовъ „Наканунѣ церковнаго собора" (издательство „Религія и свобода").

и принципіальное раздѣленіе, работа углубленнаго самопознанія.

Сказанное относится, конечно, исключительно къ вопросу объ образованіи партій какъ прочныхъ сооруженій, въ которыхъ каждый находитъ свой идейный домъ и дорогія себѣ духовныя блага. Что же касается очередного вопроса о ближайшихъ выборахъ въ государственную думу, застающихъ насъ неготовыми и несорганизованными, то для меня не можетъ быть никакого сомнѣнія, что здѣсь программа к.-д. партіи должна быть общимъ блокомъ для этихъ выборовъ, ибо лишь искренно демократическаго состава дума имѣетъ нѣкоторые шансы умиротворить Россію, и поддерживать на выборахъ искренно-демократическихъ кандидатовъ въ думу есть нашъ общепатріотическій долгъ.

С. Булгаковъ.

Нѣсколько словъ по поводу статьи С. Н. Булгакова.

Тема, затронутая С. Н. Булгаковымъ, очень широка и мало разработана. Предоставляя ему страницы „Полярной Звѣзды“ для изложенія его интересныхъ и глубоко продуманныхъ соображеній, мы считаемъ своимъ долгомъ опредѣлить хотя бы въ самыхъ общихъ очертаніяхъ нашу собственную позицію въ затронутомъ вопросѣ огромной теоретической и практической важности. Уже неоднократно мною и моимъ соредакторомъ С. Л. Франкомъ разъяснялось, что „Полярная Звѣзда“ въ философскомъ отношеніи свободна отъ всякаго догматизма и что ей, въ частности, совершенно чуждо догматическое пониманіе религіи. Конечно, въ извѣстномъ философскомъ смыслѣ вѣрно, что всякая политика и всякая политическая система въ послѣднемъ счетѣ опирается на извѣстныя религіозныя идеи. Ошибка С. Н. Булгакова заключается въ томъ, что онъ, *какъ догматикъ*, религію понимаетъ въ *церковномъ* смыслѣ, въ смыслѣ *объективно упорядоченной системы* вѣрованій и основаннаго на этой системѣ *устройства* вѣрующихъ. Въ отличіе отъ Булгакова мы полагаемъ, что у христіанина и у атеиста, у идеалиста и у позитивиста можетъ быть общая политика, имѣющая единый религіозный корень.

Владиміръ Соловьевъ въ этомъ смыслѣ мѣтко указалъ, что свободные мыслители XVIII вѣка въ политикѣ были лучшими христіанами, чѣмъ представители церкви въ со-

отвѣтствующую эпоху. Даже и широкія массы народа — вопреки мнѣнію Булгакова — способны очень хорошо отдѣлять элементъ церковный или вѣроисповѣдный отъ той сверхцерковной или внѣвѣроисповѣдной „правды Божьей", признаніе которой лежитъ въ основѣ такихъ широкихъ политическихъ программъ, какова, напр., программа конституціонно-демократической партіи. Потому-то одну и ту же политическую „правду Божью" могутъ въ истинно-религіозномъ духѣ и съ истинно-религіознымъ пыломъ проповѣдовать и православный священникъ, и магометанскій мулла, и еврейскій раввинъ, и служитель всякой другой религіозной общины. Въ томъ, что идеалисту - церковнику представляется религіозной безпринципностью, на самомъ дѣлѣ можетъ заключаться и часто дѣйствительно заключается высшая — сравнительно со всякой церковностью— религіозность. Съ другой стороны въ идеалистически-церковныхъ разсужденіяхъ Булгакова упускается изъ виду та реальная, жестокая и неприглядная противохристіанская церковность, которая такъ легко и такъ увѣренно укрѣпляется на „религіозныхъ" позиціяхъ.

С. Н. Булгаковъ впалъ въ ошибку въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, онъ упустилъ изъ виду, что связь политики съ церковною или вѣроисповѣдной религіозностью по существу есть всегда двойное злоупотребленіе: политикой — во имя религіи и религіей — во имя политики. Эта связь всегда искусственная и часто недоброкачественная. Во-вторыхъ, С. Н. Булгаковъ забываетъ, что всякая сколько-нибудь глубокая и искренняя политика, какъ бы она ни была, по видимости, безрелигіозна, — по существу близка къ глубочайшей, внутренней, субъективной религіозности. И обѣ эти ошибки Булгакова вытекаютъ изъ того догматическаго склада его ума, въ силу котораго онъ не можетъ не быть церковникомъ, т. е. объективистомъ въ религіи.

Если прибавить къ этому, что дѣйствительность не столь

прямолинейна, не столь геометрична, какъ того хочется и нужно Булгакову, то нельзя не признать, что стремленія связать политику съ церковной религіозностью могутъ на практикѣ оказаться либо безплодными, либо крайне опасными. Это ясно и тѣмъ, кто, какъ пишущій эти строки, глубоко убѣжденъ въ верховномъ значеніи религіозныхъ цѣнностей и въ то же время внутренно терпимо относится даже къ религіозности церковной.

Что же касается той непримиримой борьбы между христіанскимъ и атеистическимъ соціализмомъ, которая, по мнѣнію Булгакова по существу неизбѣжна, то эта борьба дѣйствительно необходима опять таки только съ точки зрѣнія догматической, причемъ совершенно безразлично, что является догмой: атеизмъ или ученіе церкви. Въ истинно же религіозномъ своемъ существѣ всякій истинный соціализмъ, основанный на признаніи человѣческой личности высшей цѣнностью, совершенно независимъ отъ какой бы то ни было догмы, будь то догма матеріалистическая или богословская.

Петръ Струве

Постоянная армія или милиція?

Въ ряду идей, выдвинутыхъ русской революціей на первый планъ, не послѣднее мѣсто занимаютъ принципы, на которыхъ наши народившіяся политическія партіи собираются реорганизовать вооруженныя силы страны. Исключительнаго въ этомъ отношеніи вниманія заслуживаютъ ученія соціалистическихъ партій, вылившіяся въ сжатую, но многообъемлющую формулу: «уничтоженіе постоянной арміи и замѣна ея народнымъ ополченіемъ».

Приведенная формула, на основаніи которой лѣвыя партіи намѣреваются переустроить вооруженныя силы страны, является выводомъ, вообще говоря, изъ отношенія соціализма къ милитаризму. Враждебность этого отношенія вытекаетъ какъ изъ идейныхъ источниковъ, такъ и изъ того вліянія, которое милитаризмъ оказываетъ на дѣло проведенія соціальныхъ идей въ жизнь. Не касаясь этого вопроса во всемъ его объемѣ, остановимся нѣсколько на тѣхъ его сторонахъ, которыми онъ касается затронутой нами темы.

Постоянные армія и флотъ — разсуждаютъ соціалисты—будучи по духу своей организаціи элементами консервативными, всегда находятся въ прочномъ распоряженіи у власти, которая въ настоящее время сосредоточена въ рукахъ буржуазіи. Буржуазія дѣлаетъ армію не только орудіемъ защиты своихъ интересовъ, но средствомъ для насильственнаго себѣ подчиненія интересовъ небуржуазныхъ массъ. Во внутренней жизни армія, благодаря такому положенію дѣлъ, служитъ, между прочимъ, для противодѣйствія организаціи жизни народныхъ массъ на соціалистическихъ началахъ, во внѣшнихъ столкновеніяхъ страны армія завоевываетъ блага, которыми пользуются главнымъ образомъ буржуазные классы, трудящіяся же народныя массы за пріобрѣтеніе этихъ благъ буржуазіей платятся кровью и средствами. Положеніе тѣмъ болѣе острое, что армія и флотъ комплектуются и содержатся за счетъ тѣхъ именно народныхъ массъ, которыя эксплоатируются буржуазными классами и интересы которыхъ отстаиваются соціалистическими партіями. Въ лучшемъ случаѣ, когда внѣшнія войны ведутся во имя будущихъ благъ государства, во имя отстаиванія національныхъ или расовыхъ интересовъ, въ защиту цивилизаціи, культуры и т. п., поколѣніе исполнителей только обез-

доливается, только жертвуетъ, и во всѣхъ такихъ случаяхъ главнымъ исполнителемъ является все тотъ же трудящійся, необезпеченный людъ.

Буржуазія, дѣйствующая даже не изъ эгоистическихъ побужденій, меньше страдаетъ по сравненію съ неимущимъ земледѣльцемъ или полуголоднымъ пролетаріемъ. Она не слышитъ ихъ вопля: «что для насъ благополучіе внуковъ или родственныхъ народовъ, что для насъ процвѣтаніе цивилизаціи, когда дѣти наши, жены и мы умираемъ отъ голода». Не слышитъ, потому что нѣсколько десятковъ рублей, отданныхъ для веденія войны, не разстроитъ экономическаго благосостоянія буржуа, годичное или двухгодичное отсутствіе не разоритъ въ конецъ хозяйства, смерть его не явится смертью его семьи.

Формула «уничтоженіе постоянной арміи и замѣна ея вооруженнымъ народомъ» объединяетъ въ себѣ начала, дающія соціализму физическія силы въ его наступательномъ движеніи. Реформой въ такомъ направленіи соціализмъ вырываетъ изъ рукъ буржуазіи орудіе физическаго воздѣйствія противъ себя и облегчаетъ непосильное бремя, возложенное на плечи трудящагося народа. Онъ лишаетъ государство возможности вести наступательныя войны, ибо замѣна постоянной арміи вооруженнымъ народомъ въ сильной степени ослабитъ самую возможность вести наступательную борьбу, не говоря уже о томъ, что вооруженный народъ, являясь полнымъ господиномъ своихъ политическихъ и экономическихъ интересовъ, не допуститъ какихъ бы то ни было дѣйствій, невыгодныхъ для широкихъ народныхъ массъ,—дѣйствій, къ которымъ прежде всего надо отнести наступательныя войны. Съ уничтоженіемъ постоянной арміи устраняется опасность диктатуры интересовъ меньшинства надъ интересами большинства, какъ это наблюдается сейчасъ и какъ это всегда можетъ случиться, пока существуютъ постоянныя организованныя вооруженныя силы.

Какъ видимъ, осуществленіе такого плана привело бы къ уничтоженію вліянія арміи на внутреннюю жизнь страны, вліянія, крайне неблагопріятнаго для успѣховъ соціализма. Но въ то же время подобная реформа не можетъ не отозваться самымъ рѣшительнымъ образомъ на качественной сторонѣ вооруженной силы государства. Вліяніе ея скажется въ разрушеніи наступательныхъ способностей нашихъ вооруженныхъ силъ, ибо не надо быть знатокомъ современнаго технически усложненнаго дѣла, чтобы понять, что для наступательныхъ операцій нужны войска, со значительнымъ контингентомъ постояннаго состава, слѣдящаго за прогрессомъ дѣла и тренируемаго на основаніи требованій этого прогресса. Обстоятельство это пріобрѣтаетъ особенное значеніе, если вспомнить, что съ уничтоженіемъ по-

стоянной арміи мы сможемъ противопоставить арміи противника, поддержанной вооруженнымъ народомъ, только свой вооруженный народъ; ибо при дѣйствующей нынѣ всеобщей воинской повинности запасъ и ополченіе представляютъ собою тотъ же вооруженный народъ, съ момента призыва ихъ подъ знамена.

Въ настоящее время лѣвыя партіи стремятся осуществить многія свои идеи, въ томъ числѣ и идею реформированія вооруженныхъ силъ страны, революціоннымъ путемъ, и такая тактика ихъ неизбѣжно должна привести, въ случаѣ успѣха, къ временной дезорганизаціи постоянной арміи. Въ самомъ дѣлѣ, въ силу тактическихъ революціонныхъ соображеній, наши лѣвыя партіи не могутъ еще начать созидательной работы, и всѣ ихъ усилія направлены теперь на устраненіе препятствій, стоящихъ на пути ведомыхъ ими одновременно переворотовъ политическаго и соціальнаго. На арміи, какъ на главномъ камнѣ преткновенія, онѣ должны сосредоточить и сосредоточили исключительное вниманіе. Въ ея средѣ дѣятельно ведется пропаганда и агитація въ опредѣленномъ направленіи. Къ чему же эта работа приведетъ или, лучше, можетъ привести? Какіе результаты могутъ быть достигнуты? Выяснившаяся дѣйствительность даетъ на эти вопросы довольно опредѣленный отвѣтъ. Армія, подъ вліяніемъ пропагандируемыхъ идей, распадается, повидимому, на двѣ части. Первая, представленная командной частью ея состава, не поддается сколько нибудь замѣтнымъ образомъ вліянію революціонныхъ идей, проповѣдуемыхъ крайними лѣвыми партіями. Условія комплектованія и воспитанія дѣлаютъ эту часть личнаго состава почти невоспріимчивой къ соціалистическимъ ученіямъ. Вторая же—нижніе чины—весьма сильно реагируютъ на пропаганду и, особенно, на агитацію. При такихъ условіяхъ самый полный успѣхъ лѣвыхъ партій выразится переходомъ на сторону ихъ дѣла подчиненнаго состава арміи и флота и исчезновеніемъ офицерскихъ кадровъ. Какъ ни далекъ нашъ офицерскій составъ отъ совершенства, но быстрая потеря его отзовется полной дезорганизаціей нашихъ вооруженныхъ силъ. Частичное же торжество революціонной тактики по отношенію къ арміи, привело бы эту послѣднюю къ распаденію на двѣ части, взаимно нейтрализующія другъ друга междоусобной борьбой. Въ обоихъ случаяхъ страна временно потеряла бы возможность оказать какое бы то ни было сопротивленіе нападенію извнѣ и утратила бы власть надъ своей арміей.

Разсматривая, такимъ образомъ, послѣдствія реорганизаціи вооруженныхъ силъ государства въ духѣ замѣны постоянной арміи народнымъ ополченіемъ и изучая способы дѣйствія, примѣняемые

для осуществленія этой идеи, приходимъ къ выводу, что соціалистическія партіи достигаютъ такимъ путемъ свободы дѣйствія въ настоящій революціонный періодъ и гарантируютъ въ будущемъ политическое господство широкихъ народныхъ массъ и, слѣдовательно, торжество соціализма. Но результаты эти могутъ быть достигнуты, какъ мы выяснили, только путемъ временнаго уничтоженія какихъ бы то ни было организованныхъ вооруженныхъ силъ и созданіемъ, на развалинахъ постоянной арміи, вооруженныхъ силъ съ весьма ослабленной активной способностію, приспособленныхъ къ оборонительнымъ дѣйствіямъ.

Эти два слѣдствія такъ же кратки въ своей формулировкѣ и такъ же многообъемлющи, какъ и положеніе «уничтоженіе постоянной арміи и замѣна ея народнымъ ополченіемъ», изъ котораго они вытекаютъ какъ отрицательныя производныя. Въ интересахъ правильнаго освѣщенія революціоннаго тезиса необходимо съ такою же подробностью остановиться на выясненіи его отрицательныхъ слѣдствій, какъ это было сдѣлано по отношенію къ положительнымъ, изъ него вытекающимъ, выводамъ.

Съ точки зрѣнія лѣвыхъ партій временная дезорганизація вооруженныхъ силъ постояннаго состава необходима въ условіяхъ настоящаго времени, и польза, изъ нея вытекающая, превосходитъ вредъ, могущій явиться слѣдствіемъ такого оборота дѣлъ.

Такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

Условія, въ которыхъ протекаетъ наша революція, отличаются нѣкоторыми существенными особенностями. Важнѣйшими изъ нихъ надо считать крайне неблагопріятное для правильнаго хода революціи соотношеніе культурныхъ и некультурныхъ силъ въ странѣ и исключительное непониманіе въ широкихъ народныхъ массахъ зависимости между достиженіемъ соціальныхъ благъ и упроченіемъ политической свободы. Первое изъ этихъ обстоятельствъ заставляетъ усумниться въ возможности для нашихъ революціонныхъ партій удержать революціонное движеніе отъ перехода въ анархію. Второе вселяетъ весьма основательныя опасенія за окончательный исходъ анархіи. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что непониманіе зависимости между достиженіемъ соціальныхъ благъ и обладаніемъ политической свободой, кончится въ случаѣ перехода революціи въ анархію, полнымъ крушеніемъ политическаго освободительнаго движенія. Земля можетъ перейти къ земледѣльцамъ безъ воли и въ частную собственность, а не на началахъ ея соціализаціи, наличные запасы добытыхъ и обработанныхъ продуктовъ могутъ быть расхищены, орудія же ихъ обработки и производства — уничтожены. Результатомъ такого оборота дѣлъ явилось бы, спустя нѣкоторое

время, возстановленіе настоящаго положенія дѣлъ, но съ общимъ упадкомъ государственнаго благосостоянія, съ чрезвычайнымъ пониженіемъ культуры и съ длительной политической апатіей народныхъ массъ. Предупредить такое колоссальное бѣдствіе у насъ могла бы только не дезорганизованная армія, находящаяся въ рукахъ сознательныхъ элементовъ страны. Дезорганизованная же армія, состоя въ главной своей массѣ изъ несознательныхъ элементовъ, могла бы выйти изъ сферы вліянія революціонныхъ силъ и усилить собою ряды анархіи. Подобный исходъ не желателенъ, конечно, для партій, занятыхъ уничтоженіемъ постоянной арміи во имя свободы и революціи, но онъ, этотъ исходъ, тѣмъ не менѣе является реальной угрозой. Такимъ образомъ, дезорганизація постоянной арміи является средствомъ обоюдоострымъ и можетъ привести какъ къ успѣху политической и соціальной революціи, такъ и къ ея полному крушенію.

Разсмотрѣнное нами вліяніе временной дезорганизаціи вооруженныхъ силъ страны на исходъ столкновенія внутреннихъ силъ государства является второстепеннымъ по сравненію съ вліяніемъ того же обстоятельства на исходъ возможной борьбы страны съ внѣшними врагами.

Многомилліардный государственный долгъ, привлеченіе иностранныхъ капиталовъ въ промышленную жизнь Россіи, установившійся внѣшній товарообмѣнъ и т. п.,—все это создало не только прочную экономическую связь между нашимъ народнымъ хозяйствомъ и капиталистической западной Европой, но и поставило эту послѣднюю въ положеніе исключительно заинтересованной стороны. Соціальная революція въ Россіи должна вызвать небывалый крахъ и разореніе той мелкой и крупной буржуазіи и капиталистовъ, которые ссудили насъ деньгами или вложили ихъ въ наши предпріятія. Нѣтъ сомнѣнія, что иностранные буржуазія и капиталисты будутъ защищать свое благосостояніе и, обладая политической властью, направятъ соотвѣтствующія государственныя средства на борьбу съ разорительной для нея русской соціальной революціей. Наиболѣе же дѣйствительнымъ средствомъ въ подобныхъ условіяхъ явится вооруженное вмѣшательство для захвата, въ обезпеченіе или возмѣщеніе капитала, территоріальныхъ богатствъ государства или для возстановленія такого политическаго и экономическаго порядка, при которомъ наши кредиторы и заинтересованные капиталисты могли бы получить либо свои проценты, либо капиталы.

Кромѣ того, эгоистическія побужденія части западно-европейской буржуазіи, такъ или иначе связавшей судьбы своихъ капиталовъ съ судьбами экономической жизни нашей страны, не явятся единственнымъ поводомъ для вооруженнаго вмѣшательства въ русскія внут-

реннія дѣла. Самый обыкновенный шкурный страхъ, страхъ передъ возможностью такой же революціи у себя дома, побудитъ всю иностранную буржуазію противодѣйствовать соціальной революціи у насъ. Развѣ великій политическій переворотъ во Франціи конца XVIII вѣка, не вызвалъ противъ себя реакціоннаго внѣшняго воздѣйствія? И развѣ мы теперь не находимся въ отношеніи соціальной революціи въ аналогичныхъ условіяхъ?

Разсматривая причины, могущія вызвать нападеніе на насъ нашихъ сосѣдей, мы останавливались на тѣхъ изъ нихъ, которыя опредѣляются враждебнымъ, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, отношеніемъ ихъ къ соціальной революціи у насъ. Но почему же не допустить возможности вооруженнаго нападенія на насъ просто на основаніи желанія нашихъ сосѣдей осуществить свои эгоистическіе государственные и національные планы? Вѣдь на то время, пока у насъ будетъ итти соціальный переворотъ, и мы будемъ безъ организованной вооруженной силы, государства, какъ обособленные организмы, не перестанутъ существовать, и международные интересы попрежнему будутъ регулироваться физической силой.

Можетъ быть международное положеніе дѣлъ находится въ настоящее время въ состояніи такого устойчиваго равновѣсія, что мы можемъ безопасно произвести экспериментъ своего временнаго обезоруженія? Достаточно бросить самый общій взглядъ на происходящее вокругъ насъ, чтобы убѣдиться въ полной неосновательности подобнаго предположенія.

На нашей западной границѣ мы имѣемъ германскій міръ, стремящійся въ лицѣ господствующихъ классовъ, къ осуществленію идеи пангерманизма, къ установленію и упроченію своей гегемоніи въ Европѣ, ведущій всесвѣтную политику съ поддержаніемъ своего экономическаго наступленія «кулакомъ, закованнымъ въ броню». Борьба труда съ капиталомъ достигла высокой степени напряженія въ Германіи, и ея правящіе элементы ищутъ выхода изъ затруднительнаго положенія и видятъ его въ удачной войнѣ, могущей на долго упрочить лойяльность вооруженныхъ силъ и способной усилить престижъ и политическое господство буржуазіи. Послѣдній результатъ могъ бы быть достигнутъ удачнымъ захватомъ части нашей территоріи и насильственнымъ подчиненіемъ нашихъ экономическихъ интересовъ интересамъ Германіи.

На Востокѣ мы только что испытали жестокій ударъ. Японія извлекла изъ нанесеннаго намъ пораженія ту максимальную пользу, какую можно было извлечь при данномъ соотношеніи силъ. Рѣзкое измѣненіе этого соотношенія въ сторону неблагопріятную для насъ, что можетъ

быть вызвано крайнимъ ослабленіемъ нашихъ средствъ государственной обороны и возникновеніемъ затрудненій хотя бы на западной границѣ, можетъ побудить Японію возобновить непріязненныя дѣйствія и осуществить до конца намѣченныя ею политическія задачи на берегахъ Тихаго океана.

На ближнемъ Востокѣ и на юго-западѣ назрѣли весьма сложные политическіе и экономическіе вопросы. Равновѣсіе здѣсь въ высшей степени неустойчивое, и рѣзкое ослабленіе такого могущественнаго фактора, какъ вліяніе Россіи, способно само по себѣ вызвать здѣсь катастрофу и положить начало мощнымъ пертурбаціямъ въ политической жизни Европы, къ чему мы окажемся совсѣмъ неподготовленными и явимся страдающей стороной.

Все это осложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ большинствѣ случаевъ сосѣди наши переполнили, по сравненію съ нами, свои территоріи, имъ жить у себя трудно, они ищутъ выхода, ищутъ земли, завоевываютъ рынки. И вотъ, передъ ними наши необъятныя равнины, съ рѣдкимъ населеніемъ, захваченнымъ бурей революціи и уже разрушившимъ во имя будущихъ благъ свое экономическое благосостояніе и свои вооруженныя силы. Соблазнъ великъ, и трудно предположить, что сосѣди не воспользуются нашей крайней слабостью.

Враждебные намъ народы могутъ, наконецъ, не перенося дѣйствій на нашу территорію, наносить намъ вредъ и ставить насъ въ опасное положеніе путемъ воздѣйствія на народы, проживающіе на территоріяхъ, прилегающихъ къ нашимъ границамъ, путемъ явной подготовки къ нанесенію намъ экономическаго вреда или даже рѣшительнаго удара съ помощью вооруженной силы. Такой политики придерживались мы по отношенію къ Японіи въ своемъ наступленіи въ Манчжурію и въ Корею. Къ такой политикѣ можетъ теперь перейти Японія по отношенію къ нашимъ приокеанскимъ областямъ, такой политики уже сейчасъ придерживается Германія, перешедшая въ экономическое наступленіе на Ближнемъ Востокѣ.

Всѣ высказанныя выше соображенія приводятъ насъ къ убѣжденію, что въ настоящее время и въ ближайшемъ будущемъ мы не можемъ производить надъ существующими вооруженными силами страны опыта, результатомъ котораго явилась бы временная ихъ дезорганизація. Съ этой точки зрѣнія нельзя признать цѣлесообразными взгляды тѣхъ политическихъ партій, которыя полагаютъ, что свободу и революцію у насъ можно, въ случаѣ необходимости, обезпечить разрушеніемъ постоянной арміи и созданіемъ на ея мѣстѣ милиціи. Есть полное основаніе опасаться, что положеніе лѣвыхъ партій: «уничтоженіе постоянной арміи и замѣна ея народнымъ ополченіемъ», ровно какъ методы

его осуществленія, обусловленные только соображеніями революціонной тактики, приведутъ въ концѣ концовъ къ невознаградимому ущербу государственныхъ интересовъ. Въ самомъ дѣлѣ, временная беззащитность Россіи, вытекающая изъ воздѣйствія на ея армію революціонной пропаганды и агитаціи по методу лѣвыхъ партій, неминуемо приведетъ къ вторженію на нашу территорію армій нашихъ сосѣдей. Первой отъ этого вторженія пострадаетъ наша революція, дезорганизовавшая для своей свободы существующія вооруженныя силы. *Всѣ данныя для этого, какъ мы указали выше, налицо.* Крушеніе же революціи неизбѣжно погребло бы подъ своими обломками и освободительное движеніе, и культуру, и народное благосостояніе. Такіе же бѣдственные результаты получились бы въ томъ случаѣ, если бы революція, дезорганизовавъ постоянную армію, перешла бы въ анархію. *Подобный оборотъ дѣла*, какъ нами было указано, *не невозможенъ*. Въ обоихъ случаяхъ жертвы народныя не оправдались бы достигнутыми результатами, и это вызвало бы самую страшную изъ реакцій — реакцію народныхъ массъ.

Наша революція встрѣчаетъ здѣсь, повидимому, неопреодолимое для даннаго времени препятствіе, — непреодолимое, ибо она не можетъ его разрушить. Но если это неопреодолимое препятствіе нельзя разрушить, то его слѣдуетъ обойти.

Въ настоящее время бюрократія, пользуясь несочувствіемъ арміи къ нѣкоторымъ крайнимъ требованіямъ, выдвинутымъ соціалистическими партіями, съ успѣхомъ проводитъ политическую реакцію. Если же лѣвый флангъ революціонной Россіи откажется отъ провозглашенія несвоевременныхъ въ условіяхъ даннаго времени лозунговъ, то армія, въ главной своей массѣ, явится надежной опорой освобождающейся страны. Реакція потеряетъ почву подъ ногами, она окажется безсильной и тогда, нѣтъ сомнѣнія, откроются широкіе эволюціонные пути для осуществленія какъ политическихъ, такъ и соціальныхъ реформъ, и для освободительныхъ элементовъ страны явится возможность, не разрушая арміи, захватить въ свои руки распоряженіе ею. Это былъ бы лучшій изъ возможныхъ исходовъ.

Въ указанномъ направленіи дѣйствуютъ партіи, находящіяся въ центрѣ освободительнаго движенія. Такую же тактику могли бы усвоить и наши соціалистическія партіи, такъ какъ всѣ соображенія говорятъ противъ цѣлесообразности принятыхъ ими тактическихъ рѣшеній какъ съ точки зрѣнія окончательныхъ выгодъ страны, такъ даже съ точки зрѣнія успѣховъ соціализма на русской почвѣ.

Вевичъ.

„Самодержавіе“ и „Божья милость“.

(*Историческая параллель*).

Называться ли государю „самодержцемъ“? Публика наша придаетъ, очевидно, этому вопросу очень серьезное значеніе. Уже около двухъ мѣсяцевъ въ печати не только спеціальной, но и общей, идутъ ожесточенные споры на счетъ историческаго и юридическаго значенія этого слова, вокругъ котораго вращалась въ послѣдніе годы борьба сторонниковъ и враговъ отживающаго режима. Всѣхъ занимаютъ эти споры. Самъ министръ-президентъ, питающій столь явное презрѣніе ко всякой учености, узналъ отъ лицъ, свѣдущихъ въ русской исторіи, что подъ „самодержавіемъ“ разумѣлось нѣкогда совсѣмъ не то, что нынѣ.

До 17-го октября понятіе „самодержавія“ не вызывало никакихъ сомнѣній. Произнося это слово, никто, конечно, не думалъ о томъ, что оно впервые введено было въ великокняжескій титулъ для указанія,—какъ предполагаютъ нѣкоторые изслѣдователи,—на одну лишь внѣшнюю независимость московскихъ государей. Лозунгъ „долой самодержавіе“ объединялъ на протяженіи десятилѣтій всѣхъ друзей конституціоннаго строя, всѣхъ противниковъ деспотической формы правленія, дѣлающей одно и то-же лицо источникомъ законодательной, административной и судебной власти. Врагами самодержавія считались искони люди, боровшіеся не съ внѣшней независимостью царя, которую многіе изъ нихъ признавали даже необходимымъ *укрѣпить*, а съ его неограниченной властью внутри Россіи. Именно за это они и подвергались, въ качествѣ „крамольниковъ“, жесточайшимъ карамъ. Именно поэтому возгласъ „долой самодержавіе“ и сталъ послѣ 17-го октября

безразличнымъ съ уголовно-правовой точки зрѣнія поступкомъ.

Что же сказать объ удержаніи эпитета „самодержецъ“ въ русскомъ императорскомъ титулѣ?

На нашъ взглядъ это продуктъ все той же декоративной политики, которая довела насъ до войны съ Японіей и которая занята теперь вопросомъ о возобновленіи „намѣстничества“ на Дальнемъ Востокѣ. Никакихъ пріятныхъ воспоминаній, казалось бы, съ намѣстничествомъ не связано. Можно было думать, что это ненавистное слово навсегда будетъ вычеркнуто изъ русскаго административнаго и дипломатическаго лексикона. Въ видахъ сохраненія „престижа“ признано, однако, необходимымъ оставить все по-старому. Пусть, молъ, „японшки“ не воображаютъ, что имъ удалось свести къ нулю наше вліяніе въ Азіи.

Слово „самодержавіе“ можетъ лишь, въ виду крайней его скомпрометированности не только въ Россіи, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ, оказаться чрезвычайно вреднымъ для интересовъ царствующей династіи. Обществу же, какъ таковому, рѣшительно не стоитъ ломать копьевъ изъ-за этого звука, лишившагося отнынѣ своего вѣкового юридическаго содержанія. Послѣ двукратнаго торжественнаго отреченія государя отъ неограниченной и безконтрольной власти, названіе „самодержецъ“ пріобрѣтаетъ столь же отвлеченный смыслъ, какъ, напр., эпитетъ „сынъ неба“ въ великолѣпномъ титулѣ китайскаго богдыхана.

„Самодержавіе“ превратилось изъ *понятія* въ *слово*. И если бы половина посвящаемыхъ ему изо дня въ день писаній направлена была на разъясненіе тѣхъ актовъ, которые дѣлаютъ въ настоящее время это слово совершенно безсодержательнымъ, оно не представляло бы уже сейчасъ никакой почти больше опасности. Но сосредоточеніе на немъ такого громаднаго вниманія можетъ поселить въ массахъ *ложное* и *крайне вредное* представленіе, что все дѣло только въ этомъ и заключается. А между тѣмъ, смыслъ манифеста 20-го февраля нисколько бы, разумѣется, не измѣнился отъ того, что въ заголовкѣ его значилось бы не „императоръ *и самодержецъ* всероссійскій“, а просто „императоръ всероссійскій“. Устраненіе этого слова не измѣнило бы господствующаго въ обществѣ соотношенія силъ, не помѣшало бы дѣятельности карательныхъ экспедицій, не свалило бы мини-

стерства Дурново-Витте, не сняло бы со всей Россіи военнаго положенія, не смягчило-бы, короче, ни одного изъ больныхъ вопросовъ нашей жизни.

Исторія въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ мало всякія оффиціальныя названія гарантируютъ отъ совершенно несогласныхъ съ ними дѣйствій. Стоитъ только вспомнить, что предъ революціями капитулировали повсюду *самодержцы de jure*, и что возстановляли они затѣмъ большую часть потерянной власти уже въ качествѣ конституціонныхъ властителей, лишенныхъ судомъ народа всѣхъ своихъ „особыхъ правъ и преимуществъ“. Австрійскій императоръ былъ неограниченнымъ государемъ, когда, уступая общественному мнѣнію, вынужденъ былъ разстаться съ Меттернихомъ. А превратившись въ конституціоннаго монарха, онъ не постѣснялся черезъ нѣкоторое время отдать Вѣну во власть фельдмаршала Виндишгреца, наводнить всю страну жандармами и объявить себя въ концѣ концовъ свободнымъ отъ всѣхъ своихъ „императорско-королевскихъ“ обѣщаній. Потерпѣвъ затѣмъ рядъ военныхъ неудачъ, самодержецъ октроировалъ послѣ долгихъ колебаній „куцую конституцію“, являющуюся съ того времени неисчерпаемымъ источникомъ крайне вредныхъ для интересовъ государства столкновеній между королевской властью и народнымъ представительствомъ.

Вильгельма I, будущаго германскаго императора, точно также не спасло, при возникновеніи бюджетнаго конфликта, то обстоятельство, что, вступая на престолъ, онъ подчеркнулъ демонстративно свою независимость отъ ландтага. „Властители Пруссіи“, сказалъ король, обращаясь къ поздравлявшей его депутаціи, „получаютъ свою власть отъ Бога. Я возьму поэтому завтра съ престола Божьяго корону и возложу ее на свою голову. Въ этомъ значеніе королевской власти Божіей милостью, это сообщаетъ коронѣ святость и дѣлаетъ ее неприкосновенной“.

При такой вѣрѣ въ силу осѣняющаго королевскую власть божественнаго провидѣнія, можно было, казалось бы, спокойно сидѣть на тронѣ и управлять страною, по своему крайнему разумѣнію. А между тѣмъ, король, при первомъ же конфликтѣ съ палатой и поддерживавшимъ ее обществомъ, совершенно растерялся и сталъ даже помышлять объ отреченіи отъ престола. Вызванный изъ Парижа Бисмаркъ засталъ своего „господина“ въ крайне плачевномъ состоя-

ніи. Вильгельмъ совершенно потерялъ сонъ и думалъ по ночамъ о судьбѣ Людовика XVI. Когда новый министръ-президентъ произнесъ въ парламентѣ свою знаменитую рѣчь о „крови и желѣзѣ", которыми разрѣшены будутъ „великіе вопросы современности", король окончательно перетрусилъ. „Я вполнѣ точно могу предсказать, чѣмъ все это окончится. Здѣсь, передъ площадью оперы, подъ моими окнами, отрубятъ сперва голову вамъ, а нѣсколько позже и мнѣ" [1]). Бисмаркъ совсѣмъ не вѣрилъ въ возможность подобнаго конца, но не желалъ въ то же время ублажать короля всякими радостными перспективами. Онъ посовѣтовалъ ему только выбросить изъ головы Людовика XVI, который „оставилъ по себѣ въ исторіи незавидную память" и взять за образецъ Карла I, „умершаго несогбеннымъ и запечатлѣвшаго собственной кровью свой королевскій образъ мыслей". Для того, чтобы заставить короля пріободриться, Бисмаркъ, при первой же встрѣчѣ, взялъ Вильгельма за портупею и напомнилъ ему „о чести прусскаго офицера". Это произвело громадное впечатлѣніе. Упоминовеніе о „Божьей милости", на которую король съ такой увѣренностью всего годъ тому назадъ опирался, прошло напротивъ теперь, предъ лицомъ дѣйствительной опасности, совершенно безслѣдно.

Интересно, что оказавшаяся въ критическую минуту не у дѣлъ „Божья милость", столь же сильно тревожила въ 1848 г. нѣмецкую публику, какъ насъ теперь смущаетъ слово „самодержавіе". Въ прусскомъ учредительномъ собраніи посвящены были вопросу о вывѣскѣ, подъ которою должна впредь фигурировать королевская власть, длинные и глубокомысленные дебаты. Споръ сосредоточился вокругъ двухъ пунктовъ: 1) сохранить ли во вступительной части титула — слово — „Божьей милостью", 2) оставить ли въ заключительной его части приставку — „и проч., и проч., и проч.". Депутатъ *Трейберъ* тщетно рекомендовалъ собранію отсрочить разсмотрѣніе названныхъ вопросовъ до окончанія проекта самой конституціи. Предложеніе это было безъ дискуссіи отвергнуто и собраніе приступило къ преніямъ по существу. Высказаться пожелало множество ораторовъ. Депутатъ *Шнейдеръ* открылъ ораторскій турниръ указаніемъ на тѣ опасности, съ которыми сопряжено было бы

---

[1]) Paul Liman, Bismarck-Denkwürdigkeiten, Berlin 1899, S. 228.

удержаніе въ королевскомъ титулѣ словъ „Божьей милостью“ [1]). Слова эти напоминаютъ ему о „свергнутой, абсолютистской, патріархальной системѣ управленія, при которой король возвышался фактически надъ самимъ Господомъ..., а подчиненные народы были рабами“. За перенесеніе эпитета „Божьей милостью“ въ будущую конституцію могутъ лишь, по его мнѣнію, высказаться *„ультра-реакціонеры*, которымъ хотѣлось бы сохранить, по крайней мѣрѣ, девизъ самодержавія“, либо *люди, преданные религіи*, которымъ депутатъ напоминаетъ, что начало равенства является однимъ изъ основныхъ ея догматовъ, либо *лица, не усматривающія въ этой формулѣ никакого содержанія*, либо, наконецъ, тѣ, которые *сомнѣваются въ правѣ собранія лишить корону этого титула*. Но король точно также вправѣ требовать отъ гражданъ, чтобы они не присваивали себѣ антиконституціонной клички, какъ общество можетъ этого требовать отъ короля.

Въ такомъ же духѣ говорилъ депутатъ *Гильденгагенъ*. Онъ обратилъ, между прочимъ, вниманіе присутствующихъ на то, что пруссакамъ не приличествуетъ оставаться позади своихъ менѣе культурныхъ сосѣдей. „Австрію такъ долго вышучивали, какъ страну крайне медленнаго прогресса, а государевы декреты начинаются уже теперь въ Вѣнѣ простыми словами“: *Я, Фердинандъ, императоръ австрійскій*“.

Шульце - Деличъ, знаменитый впослѣдствіи глава свободомыслящихъ, дополнилъ соображенія предыдущихъ ораторовъ указаніемъ на то, что „обанкротившаяся фирма никогда не переносится въ новое дѣло, а фирма абсолютизма безъ сомнѣнія должна быть признана банкротомъ“.

Ораторы, высказывавшіеся за сохраненіе „Божьей милости“, отрицали наличность какой-либо связи между этими словами и началомъ неограниченной власти. Министръ внутреннихъ дѣлъ, *Эйхманъ*, напомнилъ, между прочимъ, собранію, что оно обсуждало уже много законовъ, снабженныхъ подобнымъ заголовкомъ и не находило въ этомъ ничего противоконституціоннаго. Депутатъ *Вальтеръ* доказывалъ, опираясь на принятыя въ 829 г. (т. е. за 1019 л. передъ тѣмъ) рѣ-

---

[1]) Содержаніе преній я излагаю, придерживаясь отчета, помѣщеннаго въ „Spenersche Zeitung“ отъ 13-го октября 1848 г.

шенія *аахенскаго Рейхстага* и на другіе историческіе документы [1]), что слова „Божьей милостью" внесены въ титулъ „не для укрѣпленія патримоніальной идеи, а для того, чтобы подчеркнуть отвѣтственность короля передъ Господомъ". Ораторъ и его политическіе друзья испытываютъ потребность „быть соединенными со своимъ государемъ этой религіозной связью".

Большинство не раздѣляло, однако, этихъ чувствъ и постановило 217-ью противъ 134 голосовъ исключить изъ вступительной формулы королевскаго титула слова „Божьей милостью". И многіе были, конечно, увѣрены, что совершили великое дѣло.

Но любопытнѣе всего то, что собраніе, обнаружившее такой „демократизмъ", сочло тѣмъ не менѣе черезъ три дня своимъ долгомъ отправить къ королю, по случаю дня его рожденія, спеціальную депутацію изъ 30-ти человѣкъ, во главѣ съ президентомъ и его четырьмя замѣстителями. Король находился еще всецѣло подъ впечатлѣніемъ нанесенной ему обиды и не хотѣлъ совсѣмъ скрывать этого. Въ своей отвѣтной рѣчи онъ заявилъ, что будетъ „бороться съ мятежниками повсюду, гдѣ они ему ни встрѣтятся, чувствуя себя, благодаря *Божьей милости*, достаточно сильнымъ для того, чтобы окончательно сокрушить ихъ" [2]).

И король сдержалъ свое слово. Отступивъ предъ революціоннымъ натискомъ въ то время, когда никто еще не осмѣливался посягать на его „Божью милость", онъ великолѣпнѣйшимъ образомъ раздѣлался съ собраніемъ народныхъ представителей, лишившимъ его этой „милости". Въ Берлинѣ уже находился ген. Врангель съ отборными полками. Черезъ нѣкоторое время поставленъ былъ во главѣ министерства ненавистный всѣмъ гр. Бранденбургъ. Эти люди понимали свое дѣло. *Они тщательно избѣгали кровопролитія* и сосредоточили въ своихъ рукахъ такую силу, которая заранѣе исключала самую мысль о возможности сопротивленія. Значительная часть общества была къ тому же крайне утомлена царившей въ столицѣ анархіей. Усмиреніе

---

[1]) Какъ это напоминаетъ наши разсужденія о значеніи слова „самодержецъ" въ титулахъ Іоанна III и Ивана Грознаго. Разница лишь въ томъ, что нѣмцы, со свойственной имъ основательностью, ушли еще гораздо дальше „въ глубь исторіи". (Г. Ш.).

[2]) *Oncken*. Deutsche Geschichte „Kaiser Wilhelm I", s. 279.

не представляло поэтому особенныхъ трудностей. Исходъ борьбы очень скоро опредѣлился. Къ серединѣ ноября правительство могло уже быть вполнѣ увѣреннымъ въ побѣдѣ.

Инцидентъ съ „Божьей милостью“ и то, что за нимъ не дальше какъ черезъ мѣсяцъ послѣдовало, въ достаточной мѣрѣ иллюстрируютъ всю призрачность бумажныхъ рѣшеній, противопоставленныхъ реальной политической силѣ. Нѣмецкіе соціалисты совершенно правильно указываютъ на то, что либеральная германская буржуазія не сумѣла использовать одержанной ею въ 1848 г. надъ абсолютизмомъ побѣды, занявшись, вмѣсто обезпеченія за собой фактической власти, всякими этикетными формальностями. Трудъ, потраченный на реорганизацію королевскаго титула — изъятіе изъ него „Божьей милости“, замѣну словъ „король прусскій“ словами „король пруссаковъ“, исключеніе приставки „и проч., и проч. и проч.“—не сталъ болѣе производительнымъ отъ того, что многіе ораторы обнаружили во время преній по этимъ „вопросамъ“ свою преданность конституціонной идеѣ, большую эрудицію и основательную начитанность въ отечественной исторіи. Пользы для дѣла никакой не вышло. Демонстрація, оказавшая серьезное вліяніе на крутой поворотъ въ сторону реакціи, оказалась крайне *рѣзкой по формѣ* и совершенно *безсодержательной по существу*.

Я думаю, что подобную же ошибку совершаемъ теперь мы, удѣляя такъ много вниманія слову „самодержавіе“. Реакціи мы, разумѣется, этимъ не можемъ усилить, такъ какъ она и безъ того уже достигла своего кульминаціоннаго пункта. Но въ мистическомъ страхѣ предъ „самодержавіемъ“, мы затемняемъ народное правосознаніе, способствуемъ дальнѣйшему развитію и безъ того глубоко сидящаго въ массахъ пессимизма, уменьшаемъ значеніе достигнутыхъ въ теченіе послѣдняго года успѣховъ и парализуемъ тѣмъ самымъ въ обществѣ жажду дальнѣйшей борьбы.

Удержаніе „самодержавія“ столь же мало само по себѣ свидѣтельствуетъ о силѣ правительства, какъ устраненіе „Божьей милости“ свидѣтельствовало въ 1848 г. о побѣдѣ народа. Опираясь на опытъ прошлаго, мы должны были бы отбросить заботу о словесныхъ побрякушкахъ и постараться, напротивъ, использовать въ своихъ видахъ любовь монарховъ къ блестящимъ и длиннымъ титуламъ. Рядомъ съ

„Божьей милостью“ и „самодержцемъ“ мы могли бы, не задумываясь, поставить еще „властитель неба и земли“, если бы намъ гарантированы были, въ благодарность за это, какія нибудь реальныя политическія уступки.

Освободительная борьба стоила русскому народу небывалаго въ исторіи количества матеріальныхъ и духовныхъ жертвъ. Она стоила ему цѣлаго моря крови. Пусть помнятъ объ этомъ всѣ, кого такъ безпокоитъ теперь „самодержавіе“. „*Blut ist ein ganz besondrer Saft*“. Пусть каждый сохранитъ въ душѣ своей воспоминаніе о декабристахъ, о севастопольскомъ разгромѣ, сбъ умершемъ на чужбинѣ Герценѣ, о замученномъ въ Сибири Чернышевскомъ, о герояхъ-народовольцахъ, о 9-мъ января, о мукденскомъ и цусимскомъ позорѣ, о жертвахъ октябрскихъ погромовъ, о карательныхъ экспедиціяхъ внутри Россіи, о разстрѣлахъ безъ суда, о провоцированныхъ властями вооруженныхъ возстаніяхъ. Священное негодованіе лучше охраняетъ народъ отъ посягательствъ абсолютизма, чѣмъ столько уже разъ вводившее людей въ заблужденіе слово „конституція“.

Г. Н. Штильманъ.

Среди общественныхъ валовъ.

(*Письмо въ редакцію*).

Въ настоящее время въ русскомъ обществѣ идетъ взаимная критика, слышатся взаимные упреки и осужденія. Тягостныя неудачи послѣдняго времени заставляютъ многихъ очнуться и поискать логическихъ промаховъ, допущенныхъ за этотъ Sturm, und Drang-Periobe.

Но нельзя быть очень суровымъ и строгимъ, если только внимательно и добросовѣстно оглядѣть ея въ недавномъ прошломъ русскихъ вѣрованій и увлеченій. Идейныя теченія, суммирующіяся въ общественные валы, слишкомъ часто бросали русскаго интеллигента отъ однихъ направленій къ другимъ, такъ что за послѣднія 15 лѣтъ значительная доля русской интеллигенціи балансировала между различными и часто противоположными общественными настроеніями.

Неустойчивость и замѣшательство интеллигенціи въ текущій моментъ, помимо разныхъ другихъ условій, являются результатомъ сложнаго, хотя и недавняго прошлаго. Вспомнимъ 90-е годы — этотъ періодъ расцвѣта русскаго марксизма. Почему попавшій въ марксистскую среду юноша сразу заражался этой теоріей и становился ея рабомъ? Тупое зубреніе въ гимназіи, невѣжество домашнихъ и школьныхъ воспитателей препятствовали закрѣпленію какихъ либо стойкихъ принциповъ, и вотъ марксизмъ впервые открывалъ молодому уму глаза на общественно-экономическую жизнь родины въ стройной и, какъ тогда казалось, научной формѣ. Юноша видѣлъ красоту марксизма, еще не зная его сущности, но преклоняясь предъ декоративной его стороной; видѣлъ его умственную силу, не зная силы, ей противодѣйствующей; впервые яркая картина экономическаго истолкованія судебъ Россіи въ оригинальной заманчивой формѣ, трезвое и живое вскрываніе клас-

совой структуры общества покоряли мысль... Съ другой стороны, дружественная связь съ естествознаніемъ, перенесеніе эволюціоннаго метода въ соціологію, Гегелевская діалектика — вся эта непобѣдимая тогда эрудиція обаятельно дѣйствовала и на умъ, и на чувство и порабощала самую недюжинную молодежь. Новичку хотѣлось быть такимъ же образованнымъ и свѣдущимъ въ ходячемъ литературномъ матеріалѣ, какими были лицедѣйствующіе предъ нимъ матерые марксисты; хотѣлось *сдѣлаться* марксистомъ по многимъ причинамъ; среди нихъ была и искренняя вѣра въ истинность теоріи, искреннее прозрѣваніе въ ней единственно правильнаго пути, было и тщеславіе, безсознательное рабство предъ учителями и въ то же время мечты о такой же власти надъ новыми грядущими непосвященными неофитами, какая господствуетъ надъ ними самими. Презрѣніе къ другимъ направленіямъ вырабатывалось не только партійнымъ духомъ, но было какъ бы пріятнымъ умственнымъ спортомъ.

И, говоря правду, развѣ Вы сами, уважаемый г. редакторъ, не содѣйствовали этому своими популярными „Критическими замѣтками", развѣ Вы сами не были отчасти захвачены хоть на короткій періодъ этимъ настроеніемъ и этою формирующеюся ортодоксіей?[1]) Таковъ былъ первый періодъ... Во второй періодъ начинается закрѣпленіе воспринятыхъ тенденцій. Нельзя же отрицать того, что сознательное упорное и кропотливое чтеніе „Капитала" переворачивало мозгъ какъ бы желѣзными клещами и заставляло человѣка психически перерождаться.

Этотъ тяжелый мощный переворотъ, раздроблявшій старые мысли, вѣрованія, чувства, предразсудки, въѣвшіеся путемъ воспитанія и наслѣдственности, захватилъ не только лицъ, склонныхъ къ обезъянничанью, рабству мысли... Онъ овладѣлъ и серьезными умами...

Нелегко разставаться съ выработанною системою принциповъ. Тяжелымъ упорнымъ трудомъ, серьезной умственной борьбой завоеванный марксистскій катехизисъ не сразу поддался критикѣ. Было какъ бы жаль покидать то, что добыто цѣною столь дорогою. Догма въѣдалась въ мысли, чувства, желанія. Статьи *иного* направленія вызывали реакцію неудовольствія не только въ ассоціативной дѣятельности, но и въ эмоціональной. *Иной* методъ разсужденія считался *невѣрнымъ* методомъ только потому, что былъ *инымъ*. И даже теперь встрѣчаются лица, давно поставившія крестъ надъ своимъ личнымъ участіемъ въ с.-д.. борьбѣ, но въ

[1]) Лично я никогда не былъ ортодоксальнымъ марксистомъ. *П. Струве.*

то же время съ истинною закоренѣлостью неизлѣчимыхъ ортодоксовъ-хрониковъ раздажающіяся на уклоненія отъ старой догмы.

Марксистскій русскій догматизмъ особенно пугливъ и подозрителенъ; онъ боится за свой багажъ и дрожитъ надъ каждою мелочью; и потому онъ такъ злобно откликается на малѣйшее прикосновеніе критики и прежде всего старается иную точку зрѣнія скомпрометировать морально. Наступаетъ третій періодъ. Съ неумолимой ясностью обнаруживается, что эрудиція русской ортодоксіи есть эрудиція развитыхъ гимназистовъ. Тотъ задоръ который увлекалъ пижоновъ ортодоксіи, конфузитъ и шокируетъ человѣка съ крѣпнущимъ умомъ. Прежде издѣвательскія буффонады марксистовъ надъ всѣми иными направленіями вызывали бурный восторгъ: ихъ остроты, эпитеты, мѣткія словечки были неотразимы. И какъ легко это давалось!... Въ кружкахъ казанскаго марксизма—въ этихъ скитахъ самой крутой раскольничьей ортодоксіи — говорилось: такой то—идіотъ... такой то — балда.. такой то—дубина... И это принималось и узаконялось...

Людямъ взрослымъ эрудиція ортодоксіи начинала казаться подозрительною. Всѣ эти надстройки, рефлексы, отраженія, всѣ философскія акробатства Бельтова перестаютъ удовлетворять умъ, когда онъ становится лицомъ къ лицу съ новѣйшими теченіями въ психологіи, біологіи и когда онъ погружается въ прошлое вѣковой философіи. Кто знакомится съ Вундтомъ, тому трудно уже не согласиться съ нимъ, несмотря на все почтеніе къ Марксу и Энгельсу, что ихъ экономическій матеріализмъ—въ сущности заурядная метафизическая система. Всѣ издѣвательства марксистовъ надъ метафизикой обрушиваются на ихъ же голову. И сама жизнь, и возрастъ человѣка, физіологически окрѣпшій умъ и знакомство съ философіей все это разрушаетъ цѣпи марксистскаго абсолютизма. И чувствуется, что марксистская порфироносная вдова должна преклониться предъ какой то новой царицей, имя которой еще неизвѣстно, но о пришествіи которой возвѣщаетъ всесокрушающій критицизмъ...

Настаетъ четвертый періодъ. Умъ русскаго человѣка не выноситъ невѣрія, какъ хроническаго состоянія. „Жизнь наша представляетъ рядъ вѣрованій и увлеченій, а невѣрія она, ежели хотите знать, еще и не нюхала“—говоритъ Лихаревъ въ Чеховскомъ „На пути“. Критика и сомнѣніе есть путь, но не пристанище

Формируется нѣчто новое и интересное, нѣчто гуманное, возвышенное, полное благородства мысли и чувства. Это возникающій идеализмъ. Тотъ, кто пережилъ это настроеніе, тотъ, кто чувствовалъ какъ бы сліяніе своей души съ душами публицистовъ, писавшихъ въ „Проблемахъ идеализма“ и „Вопросахъ жизни“, тотъ только можетъ оцѣнить благородство и безкорыстіе этого теченія и не можетъ не ощутить брезгливой жалости къ безпардонному оргіазму современныхъ изуродованныхъ Волоховыхъ или къ дешевому лубочному фиглярству М. Горькаго, бывшаго талантливаго новеллиста, а нынѣ знаменитаго автора знаменитой на вѣки статьи, трактующей о мѣщанствѣ Толстого и Достоевскаго...

Идеализмъ, хотя бы и забрызганный, не умретъ въ человѣчествѣ. Однако, начиная съ весны Святополка-Мирскаго, культивированіе философско-идеалистическаго направленія въ провинціи, прививавшагося сначала, пошло быстро на убыль. Позитивисты торжествующе указывали на этотъ фактъ, видя въ немъ подтвержденіе безжизненности идеализма.. Журналъ „Вопросы жизни“ мало читался и не читающіе его интеллигенты говорили про него: „О, это ерунда... мистика...“ Идеализмъ отцвѣлъ, не успѣвъ расцвѣсть... Его прервалъ *пятый* періодъ...

Нѣкоторая неустойчивая доля интеллигенціи, въ значительной мѣрѣ слившаяся духовно съ идеалистическимъ направленіемъ, почуяла внутри себя какую то частицу неудовлетворенности имъ; казалось, что чѣмъ дальше итти за идеализмомъ, тѣмъ дальше отъ дѣйствительности. Какъ ни увѣряли идеалисты (напр. С. Н. Булгаковъ) о полномъ соотвѣтствіи идеализма съ дѣйствительностью, однако практически это не выливалось во что-либо опредѣленное. А жизнь кипитъ... Тутъ рядомъ люди дѣйствуютъ, страдаютъ, вершатъ подвиги, запечатлѣваютъ мученическимъ вѣнцомъ свои узкія практическія идеи.. Какъ быть? Заговариваетъ совѣсть... Начинаются колебанія... Пусть безумная борьба, пусть заученные изъ Каутскаго догматы, но все же это борьба, а не преступное созерцаніе, ибо идеалистической политики, да еще тактики момента не выработано.

Идеализмъ временно *откладывается*... больная совѣсть лишаетъ идейнаго мужества, и интеллигенція начинаетъ шумѣть на митингахъ. Переживъ пять періодовъ идейныхъ блужданій, интелигенція, безъ внутренней логической связи съ своимъ духовнымъ прошлымъ, ввергается въ пучину активной оппозиціи.

Это уже шестой періодъ..

Чуть повѣяло фальшивою оттепелью, которую приняли за весну, какъ всѣхъ, точно ураганомъ, охватила жажда мгновенной реализаціи демократизма. Все, что накопилось противъ угнетателей, хотѣлось выразить какъ можно ярче, обильнѣе, злѣе, безпощаднѣе; все сочувствіе, которое теплилось къ обездоленнымъ массамъ, хотѣлось вылить какъ можно душевнѣе и трогательнѣе.

И не одно тутъ было рабство и лакейство предъ пролетаріатомъ, какъ говоритъ г. Бердяевъ въ своей яркой и сильной статьѣ: „Революція и культура". Послѣ убійствъ 9 января всему русскому обществу, ощущающему въ какой-либо мѣрѣ біеніе порядочныхъ чувствъ, хотѣлось преклониться предъ пролетаріатомъ за его страданія, за его безконечныя жертвы и трагическую отчаянность положенія. Хотѣлось просить прощенія, рыдать и ползать предъ этими задавленными сѣрыми людьми за все, что они испытали отчасти и по нашей винѣ: по нашей инертности, оппортунизму, индифферентизму.

„Страданію человѣческому поклоняюсь въ лицѣ твоемъ"— говорилъ Раскольниковъ, кланяясь низко Сонѣ Мармеладовой... Нѣчто вродѣ этого чувства овладѣло и интеллигенціей...

Однако періодъ сочувствія былъ и болѣе искрененъ и болѣе возвышенъ морально, чѣмъ смѣнившій его періодъ борьбы *за* пролетаріатъ *подъ руководствомъ* того же пролетаріата.

Съ 17 октября какой то бѣсъ укусилъ самолюбіе самаго заурядного интеллигента. Возникъ какой то культъ *„лѣвизны"*. Стремились не къ тому, что *вѣрнѣе*, а къ тому, что *лѣвѣе*. Чинопочитаніе по отношенію къ степени *„лѣвости"* достигало крайнихъ предѣловъ. Образовалась какая то китайская стѣна и кто стоялъ ступенью правѣе, получалъ отъ сосѣда слѣва презрительную кличку. Разобраться, кто настоящій демократъ и кто буржуа, положительно стало невозможнымъ. Не говоримъ уже о томъ, что с.-д. записали въ буржуазію все человѣчество. Это уже ихъ спеціальность. Курьезно то, что и сами они подверглись подобнымъ же насмѣшкамъ. Въ газетѣ „Вѣстникъ Юга" напечатано было грозное письмо анархистовъ-коммунистовъ, которые упрекали соціалъ-демократовъ въ томъ, что послѣдніе сплошь буржуазны не только идеологически, но и тактически.

Или не угодно ли обратить вниманіе на слѣдующій фактъ. Организація еврейскаго пролетаріата подъ знаменемъ „Бойалей ціонъ" (на знамени партіи красуется: „Пролетаріи всѣхъ странъ,

объединяйтесь!") выпустила брошюру, „Ограбленная тема". На 25-й страницѣ ея авторъ, критикуя взгляды Каутскаго на еврейскій вопросъ, пишетъ, что Каутскій „живо напоминаетъ собою *сытаго и добродушнаго буржуа*, въ минуты отдохновенія рѣшающаго соціальную проблему..." [1]).

„Одинъ въ городѣ порядочный человѣкъ — прокуроръ, да и тотъ, по правдѣ сказать, свинья"...

Кромѣ того, необходимо еще отмѣтить слѣдующее.

Въ 90-ые годы, чтобы заслужить званіе готоваго марксиста, требовалось и отъ юношей, и отъ барышенъ ознакомленіе съ Марксомъ (хотя бы и безъ усвоенія первой главы), Энгельсомъ, Бельтовымъ, Струве, Зиберомъ и т. д. Все же много читали, спорили, вырабатывали точку зрѣнія.

Теперь въ 1900-е годы совсѣмъ не то. Чтобы быть соціалъ-демократомъ, молодому интеллигенту не нужно читать ничего классическаго.

Времени нѣтъ. Некогда... Надо дѣйствовать.. Можно перехватить кое-что изъ „Искры", кое-гдѣ послушать.. По случаю военнаго времени дипломъ на степень соціалдемократа выдавался безъ экзаменовъ.

Какъ видите, нѣчто въ родѣ „заурядъ-марксистовъ..."

Совсѣмъ молодые юноши и барышни съ пѣною у рта и съ презрѣніемъ во взорѣ саркастически насмѣхаются надъ другими лѣвыми партіями: освобожденцы, „кадеты", соціалъ-революціонеры — всѣ являются объектами ихъ насмѣшекъ.

Но позвольте... Давно ли у насъ такъ изощрились въ государствовѣдѣніи? Давно ли русское общество даже въ самыхъ образованныхъ слояхъ своихъ такъ детально освоилось со всѣми тонкостями политическихъ структуръ различныхъ передовыхъ странъ? Если давно, то къ чему же это лихорадочное печатаніе элементарныхъ свѣдѣній по государствовѣдѣнію, которое, конечно, читалось наиболѣе интеллигенціей, а не рабочими и крестьянами?

И это объясняется вовсе не невѣжествомъ или малообразованностью, а тѣмъ, что характеръ какъ легальнаго, такъ и нелегальнаго образованія большинства русской интеллигенціи былъ совсѣмъ иного рода, чѣмъ это требовалось наступившимъ политическимъ моментомъ.

Народничество, марксизмъ, ницшеанство, индивидуализмъ,

---

[1]) *Бень-Адеръ*. „Ограбленная тема". Стр. 25. Лондонъ. (Курсивъ нашъ).

позитивизмъ, идеализмъ, Чеховское настроеніе, художественный театръ, вагабондажъ Горькаго—вотъ что служило пищей интеллигенціи за послѣднія 15 лѣтъ. И во всѣхъ этихъ увлеченіяхъ, яркихъ, интересныхъ, захватывающихъ, не было ни слова ни о конституціяхъ, ни о представительномъ правленіи, ни о пропорціональныхъ выборахъ и т. п. Худо ли, хорошо ли это—но ни въ идеологіи, ни въ техникѣ политики не были свѣдущи не только пролетаріатъ и крестьянство, но и самая передовая интеллигенція, за исключеніемъ небольшой группы юристовъ-публицистовъ. И интеллигенція, до послѣдняго момента читавшая Горькаго и изучавшая экономическую науку по „Краткому курсу" г. Богданова, оказалась совершенно немощной въ вопросахъ о двухпалатныхъ системахъ и мажоритарныхъ представительствахъ. А между тѣмъ жизнь требовала воевать за эти невѣдомыя вещи ежедневно, съ пѣной у рта... И вотъ неожиданныя событія совершенно затуманили головы. Едва пролетаріатъ возымѣлъ успѣхъ, какъ ему стали уже не трогательно сочувствовать, а покланяться и раболѣпствовать. И безусловно правъ г. Бердяевъ относительно этого момента въ настроеніи нашей интеллигенціи: она, именно, искала въ пролетаріатѣ новое начальство. Соціалдемократія мѣщанскаго происхожденія, совершенно не ожидавшая Манифеста, сейчасъ же спохватилась, приписала его себѣ и возгордилась до невозможныхъ размѣровъ: она уже захотѣла не только быть царицей, но чтобы и сама золотая рыбка была у нея на посылкахъ.

Московское возстаніе все привело къ разбитому корыту...

Наступаетъ *седьмой періодъ*—періодъ отрезвленія.

И вотъ теперь уцѣлѣвшая интеллигенція на распутьѣ: она пережила семь бурныхъ общественныхъ валовъ. Какъ тутъ быть стойкимъ и непоколебимымъ?

Вѣдь, пройдя путь ужаснаго воспитанія въ семьѣ, школѣ и мѣщанскомъ обществѣ, такъ трудно быть цѣльнымъ!..

И нужно какое-нибудь реальное доказательство авторитетности иныхъ прогрессивныхъ направленій, дабы сломить культъ ортодоксіи, усвоившей всѣ замашки монтаньяровъ.

Нужно что-нибудь истинно національное и демократическое, дабы отучить, во имя освободительнаго движенія, отъ революціоннаго кокетства.

Знаете ли вы такое средство, многоуважаемый г. редакторъ?

Ю. П.

Это ихъ рокъ.

Лейтенантъ Шмидтъ—его личность и его дѣло выросли въ цѣлую легенду. И точно нарочно для того, чтобы этой легендѣ дать трагическое и зловѣщее завершеніе,—Шмидта казнили.

Все въ русской революціи и, въ особенности, въ дѣйствіяхъ нашего правительства носитъ роковой характеръ. Безумство разстрѣловъ 9-го января было всѣмъ ясно. Безумство казни Шмидта еще яснѣе, и тѣмъ не менѣе все это совершалось и совершается. Нравственная недопустимость этихъ дѣйствій какъ бы только поддерживаетъ ихъ историческую фатальность. Начинаешь думать, что предначертанъ какой то кругъ безумствъ и преступленій, чрезъ которыя это правительство *должно* провести страну.

Исторически неизбѣжное и нравственно нестерпимое—изъ этого ужаснаго, удушающаго противорѣчія долженъ быть выходъ. Безсиліе честной мысли, добрыхъ чувствъ, примиряющаго слова, всѣми нами такъ болѣзненно и такъ унизительно, въ особенности теперь, послѣ казни Шмидта, ощущаемое, таитъ въ себѣ что то громадное и зловѣщее. Точно слышишь въ жуткомъ безмолвіи притаившихся человѣческихъ дыханій, какъ мѣрно и гулко въ чашу народнаго терпѣнія падаетъ одна грузная капля за другой. Переполнилась? Не переполнилась? Капли падаютъ, и ихъ паденіе не есть чей-либо бредъ. Рокъ, отсчитывающій эти капли, говоритъ ясно и повелительно.

Но *они* ничего не слышатъ и никогда не услышатъ.

Лейтенантъ Шмидтъ для нихъ бунтовщикъ. За это, а главное, для острастки онъ разстрѣлянъ. Острастка это послѣднее слово ихъ политической мудрости. Они вѣрятъ въ силу устрашенія и не вѣрятъ въ силу мученичества.

Шмидтъ и его смерть стали огромными, потрясающими національными символами.

Для нихъ это пустое дѣло. Устрашая другихъ, они ничего не страшатся. Капли падаютъ, и они не слышатъ ихъ зловѣщаго плеска. Это ихъ рокъ.

Петръ Струве

Книги, поступившія въ редакцію съ 1 по 8 марта:

Бебель, А. Академики и соціализмъ. Изд. Кипера. Одесса. 1906 г. 22 стр. Ц. 6 к.

Берлинъ, П. О соціальномъ составѣ избирателей нѣмецкой с. д. партіи. Оттискъ изъ журн. „Образованіе".

Бяликъ, Х. Сказаніе о погромѣ. Перев. В. Жаботинскаго. Изд. „Кадима". Одесса. 1906 г. 16 стр. Ц. 7 к.

Вандервельде, Э. Соціализмъ и коллективизмъ. Изд. Кипера. Одесса 1906 г. 24 стр. Ц. 5 к.

Вольденштейнъ О. Кому и зачѣмъ нужно всеобщее избирательное право. Изд. „Вѣрный Путь". Спб. 1906 г. 32 стр. Ц. 4 к.

Ея же. Борьба за народное представительство въ Англіи. Изд. „Донская Рѣчь" Спб. 1906 г. 112 стр. Ц. 15 к.

Гэдъ, Ж. Законъ заработной платы и его слѣдствія. Изд. Кипера. Одесса 1906 г. 24 стр. Ц. 5 к.

Грейлихъ, Г. О матеріалистическомъ пониманіи исторіи. Изд. Кипера. Одесса. 1906 г. 32 стр. Ц. 7 к.

Дёль, Э. Судьба всѣхъ утопій. Перев. Д. Ройтманъ. Спб. 1906 г. 48 ст. Ц. 15 к.

Идельсонъ, А. Марксизмъ и еврейскій вопросъ. Изд. „Кадима". Одесса. 1906 г. 30 стр. Ц. 5 к.

Каутскій, К. Этика и матеріалистическое пониманіе исторіи. Изд. Кипера. Одесса. 1906 г. 128 стр. Ц. 25 к.

Лафаргъ, П. Право на лѣность. Изд. Кипера. Одесса. 1906 г. 43 ст. Ц. 7 к.

Его же. Соціализмъ и интеллигенція. Изд. Кипера. Одесса. 1906 г. 30 стр. Ц. 8 к.

Легіэнъ, К. Профессіональное движеніе въ Германіи. Изд. Кипера. Одесса. 1906 г. 32 стр. Ц. 7 к.

Менгеръ, К. Новое ученіе о нравственности. Изд. Казицына и Филиппова. Спб. 1906 г. 85 стр. Ц. 25 к.

„Отечественная Оборона" № 1. Ежемѣс. изд. подъ редакц. кн. М. Кочубея. Paris.

Пасманикъ, Д. Національный вопросъ передъ судомъ соціалъ демократовъ. Изд. „Кадима". Одесса. 1906 г. 48 стр. Ц. 12 к.

Толстой, Л. О жизни. Изд. „Посредникъ". Москва. 1906 г. 156 стр. Ц. 30 к.

Его же. Кругъ чтенія. Изд. „Посредника". Т. I. Москва. 1906 г. 535 стр. Ц. 1 р. 60 к.

Хижняковъ, В. Начатки политическихъ знаній. (Справочная книжка). Спб. 1906 г. 56 стр. Ц. 10 к.

ф.-Эльмъ, К. Кооперативное движеніе. Изд. Кипера. Одесса. 1906 г. 31 стр. Ц. 7 к.

Издатель **М. В. Пирожковъ.** Редакторъ **П. Б. Струве.**

„ЛИТЕРАТУРНАЯ КНИЖНАЯ ЛАВКА“

ИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

М. В. ПИРОЖКОВА.

Спб. В. О., Большой пр., 6

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

„ТРИЛОГІЮ“ Д. С. Мережковскаго

подъ названіемъ **„ХРИСТОСЪ и АНТИХРИСТЪ“**,

состоящую изъ трехъ частей:

1) **Смерть боговъ** (Юліанъ Отступникъ)
2) **Воскресшіе боги** (Леонардо да-Винчи)
3) **Антихристъ** (Петръ и Алексѣй).

Первая часть выйдетъ въ апрѣлѣ, вторая—въ маѣ и третья—въ іюнѣ, въ двухъ изданіяхъ:—простомъ и изящномъ. Цѣна по подпискѣ на всю „Трилогію“ въ простомъ изданіи—**4 р. 50 к.**, въ изящномъ—**7 р. 50 к.**

При подпискѣ вносится **2 р.** (на изящное изд. **3 р.**) и къ 1 апрѣля остальные **2 р. 50 к.** (на изящное изд. **4 р. 50 к.**)

По выходѣ въ свѣтъ цѣна будетъ повышена.

Кромѣ того, печатаются еще слѣдующія книги:

1) **МЕРЕЖКОВСКІЙ, Д. Пророкъ русской революціи** (къ юбилею Достоевскаго).
2) „ **Вѣчные спутники.** 3-е изданіе.
Это сочиненіе будетъ выходить отдѣльными, вполнѣ законченными, выпусками. Первый выпускъ будетъ посвященъ ПУШКИНУ.
3) **ГИППІУСЪ (Мережковская). Алый мечъ.** Четвертая книга разсказовъ.
4) „ **Новые люди.** Первая книга разсказовъ. 2-ое изданіе.
5) **МЕТЕРЛИНКЪ. Полное собраніе сочиненій,** въ трехъ томахъ. Съ портретомъ, исполненнымъ геліогравюрою. Все изданіе иллюстрировано художникомъ *К. Рерихомъ.*
6) **ЩАПОВЪ. Собраніе сочиненій,** въ трехъ томахъ. Съ портретомъ.
7) **ГАЛИНА. Предразсвѣтныя пѣсни.** Собраніе стихотвореній.
8) **МОГИЛЯНСКІЙ, МИХ. Усталые,** драма въ 3 д.
9) **ПОССЕ. Дифференціальное и интегральное исчисленіе.** 3-е изданіе.
10) **СЕРРЕ.** Дополненія къ теоріи круговыхъ функцій и другія.

Только что отпечатана и поступила въ продажу:

МЕРЕЖКОВСКІЙ, Д. Грядущій Хамъ. Содержаніе: 1) Грядущій Хамъ.—2) Чеховъ и Горькій.—3) Теперь или никогда.—4) Страшный судъ надъ русской интеллигенціей.—5) Св. Софія.—6) О новомъ религіозномъ дѣйствіи.

Цѣна **1 р.**, въ изящной обложкѣ **1 р. 25 к.** (распродано)

Поступили на складъ новыя изданія:

ВОЛЖСКІЙ. Изъ міра литературныхъ исканій. Сборникъ статей. Спб. 1906 г. **1 р.**

ФИХТЕ. Назначеніе человѣка. Переводъ съ нѣмецкаго *Л. М.* подъ ред. *Н. О. Лосскаго.* Спб. 1906 г. **50 к.**

КАРАБЧЕВСКІЙ, Н. П. Дѣло бывшаго студента московскаго университета Егора Сергѣева Сазонова, обвиняемаго въ убійствѣ статсъ-секретаря ПЛЕВЕ и рѣчь въ защиту Сазонова. Спб., 1906 г. **25 к.** При покупкѣ книги „РѢЧИ"—безплатно.

Какъ надѣлить крестьянъ землею? Аграрная программа партіи „Свободомыслящихъ" въ связи съ критикой аграрныхъ программъ другихъ партій. Спб., 1906 г. **5 к.**

БЭНЪ, А. Психологія. Переводъ съ англ. и предисловіе пр.-доц. Казанскаго университета *Вл. Н. Ивановскаго.* Томъ II. Москва, 1906 г. **2 р. 50 к.**

Поступили на складъ:

КАРАБЧЕВСКІЙ, Н. П. Приподнятая завѣса (проза и стихи). Спб., 1905 г. **1 р. 50 к.**

„ **Рѣчи 1882—1902 гг.** Изданіе второе, дополненное пятью рѣчами. Спб., 1902 г. **3 р. 50 к.**

„ **Дѣло генерала Ковалева и рѣчь въ защиту интересовъ д-ра Забусова.** Спб., 1905 г. **25 к.** При покупкѣ книги „РѢЧИ"—безплатно.

„ **Около правосудія.** Статьи, сообщенія и судебные очерки. Спб., 1902 г. **2 р.**

КЕЙЛЬГАКЪ, проф. **Артезіанская вода.** Съ 19 рис. Спб., 1905 г. **25 к.**

ЖАКОВЪ, К. Ѳ. На Сѣверъ, въ поискахъ за Памомъ Буръ-мортомъ. Спб., 1905 г. **1 р.**

„ **Понятіе предѣла въ математикѣ** (съ точки зрѣнія логики). Спб., 1905 г. **25 к.**

ВОСКРЕСЕНСКІЙ, А. Е. Общинное землевладѣніе и крестьянское малоземелье. Спб., 1903 г. **1 р. 25 к.**

ПШИБЫШЕВСКІЙ, СТ. Для счастья. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. Харьковъ, 1904 г. **30 к.**

ГАМСУНЪ, КНУТЪ. Въ Парижѣ. Новелла. Переводъ *Мих. Могилянскаго.* Кіевъ, 1905 г. **4 к.**

КУРСЫ,
М. В. ПИРОЖКОВА,

преподавателя Спб. 10-й гимназіи.

РАЗРѢШЕННЫЕ Г. ПОПЕЧИТЕЛЕМЪ СПБ. УЧЕБНАГО ОКРУГА.

(Спб., Вас. Остр., Большой пр., д. 6).

КУРСЫ

для приготовленія молодыхъ людей къ повѣрочнымъ вступительнымъ экзаменамъ въ институты:

Инженеровъ Путей Сообщенія, Горный, Гражданскихъ Инженеровъ и Технологическій.

Курсы продолжаются съ 1 октября до конца вступительныхъ экзаменовъ въ высшія техническія учебныя заведенія (до конца августа). Занятія ведутся по слѣдующимъ предметамъ: **математикѣ** (*теоретической ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи и тригонометріи*), **физикѣ, русскому языку, рисованію, французскому и нѣмецкому языкамъ.**

Курсы дѣлятся на три періода: 1) **зимній** (съ 1 октября до 23 декабря), 2) **весенній** (съ 1 февраля по 1 мая) и **лѣтній** съ 15 іюня до конца августа) съ вполнѣ заканчиваемою подготовкою въ каждый изъ этихъ трехъ сроковъ.

Плата за подготовку въ продолженіе одного изъ поименованныхъ сроковъ **300** р. по математикѣ и физикѣ и **400** р. по всѣмъ предметамъ; за подготовку въ теченіе двухъ изъ этихъ сроковъ плата повышается на **200** р. Пансіонъ **60** р. въ мѣсяцъ.

Занятія ведутся ежедневно: *по утрамъ*, въ теченіи 3 часовъ, и *по вечерамъ*, въ теченіи 2 часовъ.

Зимній и *весенній* періоды рекомендуются тѣмъ, кто желаетъ подготовиться, не спѣша, или кто не можетъ справиться съ программами въ теченіи только лѣта по причинѣ недостаточности знаній, вынесенныхъ изъ средняго учебнаго заведенія; въ эти сроки вечернія занятія посвящаются математикѣ и физикѣ, а утреннія—остальнымъ предметамъ.

ПРОГРАММЫ.

По ариѳметикѣ.—Курсъ 8-го класса гимназій. **Рѣшеніе теоретическихъ задачъ.**

По алгебрѣ. — Курсъ гимназій. Дополненія: подробное разсмотрѣніе уравненій высшихъ степеней съ одною и нѣсколькими неизвѣстными, приводимыхъ къ квадратнымъ; подробная статья о комплексныхъ числахъ въ алгебраическомъ видѣ; двучленныя уравненія вида: $x^2 \mp 1 = 0$, $x^3 \mp 1 = 0$, $x^4 \mp 1 = 0$, $x^5 \mp 1 = 0$, $x^6 \mp 1 = 0$, $x^8 \mp 1 = 0$, $x^9 \mp 1 = 0$, $x^{10} \mp 1 = 0$, $x^{12} \mp 1 = 0$; основныя теоремы о предѣлахъ; болѣе научная теорія непрерывныхъ дробей, особенно безконечныхъ періодическихъ; теорія несоизмѣримыхъ (ирраціональныхъ чиселъ), куда входитъ, между прочимъ, доказательство существованія r-ой степени изъ вещественнаго числа A, доказательство существованія логариѳма для всякаго положительнаго числа при положительномъ основаніи, и пр. **Рѣшеніе задачъ.**

По геометріи.—Курсъ гимназій. **Рѣшеніе задачъ** какъ на вычисленіе, такъ и, въ особенности, **на построеніе.**

По тригонометріи.—Курсъ гимназій. **Задачи** на уравненія, приведеніе къ логариѳмическому виду, и на рѣшеніе треугольниковъ.

По физикѣ.—Курсъ гимназій. **Рѣшеніе задачъ** по слѣдующимъ отдѣламъ: 1) начальныя свѣдѣнія изъ статики: сложеніе и разложеніе силъ, параллелограммъ силъ; 2) равномѣрно-перемѣнное движеніе; 3) связь между вѣсомъ, объемомъ и плотностью въ примѣненіи къ метрическимъ и русскимъ мѣрамъ; вліяніе температуры; 4) связь между объемомъ, давленіемъ и температурой данной массы газа; 5) законъ Архимеда; 6) калориметрическій методъ смѣшенія; смѣшеніе, сопровождающееся измѣненіемъ состоянія тѣлъ; скрытая теплота плавленія и кипѣнія; 7) законъ Ома; 8) законъ Джоуля и Ленца.

По русскому языку.—Писаніе сочиненій на темы, какія задаются на конкурсныхъ экзаменахъ; предварительное разъясненіе темъ (планы сочиненій); разборъ сдѣланныхъ ошибокъ какъ стилистическихъ, такъ и грамматическихъ.

По рисованію.—Рисованіе съ натуры комбинацій простѣйшихъ геометрическихъ тѣлъ: призмъ, пирамидъ, цилиндровъ и конусовъ; рисованіе болѣе или менѣе сложныхъ орнаментовъ готовящимися въ Институтъ Гражданскихъ Инженеровъ.

По французскому и нѣмецкому языкамъ.—Повтореніе главнѣйшихъ правилъ этимологіи и синтаксиса, упражненіе въ переводахъ на русскій языкъ à livre ouvert и въ легкихъ разговорахъ.

Программы *Курсовъ* согласованы съ программами вступительныхъ конкурсныхъ экзаменовъ и занятія, по опыту прежнихъ лѣтъ, точно расчитаны на каждый день.

М. В. Пирожковъ

Продолжается подписка на 1906 годъ

на НОВОЕ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКОЕ

ИЗДАНІЕ

М. В. ПИРОЖКОВА

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

подъ редакціей Петра Струве

и при ближайшемъ участіи: **В. И. Вернадскаго, И. М. Гревса, Д. Е. Жуковскаго, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, И. И. Петрункевича, Ѳ. И. Родичева и С. Л. Франка.**

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА будетъ отстаивать идеи личности, культуры, свободы, демократіи и соціальной справедливости, исходя изъ цѣльнаго культурно-философскаго міросозерцанія. Всѣ явленія текущей жизни она будетъ освѣщать и оцѣнивать съ широкой философской точки зрѣнія. Огромный переворотъ, который совершается на нашей родинѣ, долженъ быть обсуждаемъ съ строгой принципіальностью и полной независимостью мысли. Ставя во главу угла нашего міросозерцанія начало свободы и своеобразія личности, мы будемъ давать въ нашемъ органѣ мѣсто всякому искреннему и оригинальному слову въ защиту свободы и культуры.

Въ вышедшихъ номерахъ помѣщены статьи: Свящ. К. Аггеева, Н. А. Бердяева, О. Е. Бужанскаго, С. Н. Булгакова, Вевича, В. М. Гессена, И. М. Гревса, Э. Д. Гримма, В. Б. Ельяшевича, С. И. Живаго, А. С. Изгоева, А. И. Каминки, А. А. Кауфмана, А. А. Кизеветтера, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, Н. А. Котляревскаго, Н. О. Лосскаго, Д. С. Мережковскаго, В. Д. Набокова, В. М. Нечаева, П. И. Новгородцева, Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, М. Я. Острогорскаго, И. М. Петрункевича, І. А. Покровскаго, А. Е. Прѣснякова, Ѳ. И. Родичева, В. В. Розанова, В. Свенцицкаго, П. Б. Струве, кн. Г. Н. Трубецкого, М. Туганъ-Барановскаго, Д. В. Философова, С. Л. Франка, А. А. Чупрова, Л. Шестова, Г. Н. Штильмана и др.

Условія подписки: съ дост. и перес. на годъ 5 р., на полгода 3 р., за границу на годъ 7 р., на полгода 4 р.

Въ отдѣльной продажѣ книжки стоятъ по 15 коп.

Адресъ редакціи: Вознесенскій просп. 31, кв. 8. Телеф. 248. 75. Редакція для личныхъ объясненій съ сотрудниками открыта по вторникамъ отъ 3 до 5 ч.

Въ редакціи подписка не принимается и продажа номеровъ не производится. Всѣ заявленія по дѣламъ подписки и продажи просятъ адресевать исключительно въ контору.

Контора помѣщается въ квартирѣ книгоиздательства **М. В. ПИРОЖКОВА** (Спб., Вас. О., 2 лин., д. 13). Телефонъ 203. 70.

Подписка принимается, кромѣ конторы, въ магазинѣ „ТРУДЪ" (Спб., Невскій, 60), а также и въ другихъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

Пріемъ объявленій исключительно въ конторѣ (Спб., Вас. О., 2 лин., д. 13).

Цѣна 15 коп.

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

№ 14

19 марта
1906 года

Содержаніе:

В. И. Вернадскій. Три рѣшенія.

М. Туганъ Барановскій. Цѣли соціализма.

А. Кауфманъ. Земля или культура?

Л. Галичъ. Религія, политика и культура.

А. Прессъ. На чей счетъ должно производиться страхованіе рабочихъ?

П. Струве. Замѣтки публициста. I. Выборы и что же дальше? II. Шутовской круговоротъ.

Замѣтки. *П. Струве.* Наше „бездарное“ время.

Редакція № закончена 16-го марта.

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

№ 14

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ПЕТРА СТРУВЕ

19 МАРТА 1906

ИЗДАНІЕ М. В. ПИРОЖКОВА

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ". Фонтанка, 86.

Три рѣшенія.

Мысли изъ жизни.

I.

Никогда на памяти живыхъ людей вопросы общественной этики не становились передъ нами съ такой силой и яркостью, съ какой они стали нынѣ, во времена смуты и анархіи. Въ эпоху, когда государственная машина совершенно разстроилась, когда отдѣльныя ея части стали дѣйствовать независимо, когда кругомъ крупные и мелкіе агенты власти открыто и на глазахъ всего міра творятъ величайшія преступленія—убійства, грабежи, поджоги и насилія, когда возстанавливается пытка,—въ эту эпоху анархіи передъ каждымъ отдѣльнымъ гражданиномъ вопросы общественнаго долга и общественной нравственности встаютъ во всемъ своемъ величіи, настойчиво и властно требуютъ яснаго отвѣта, требуютъ дѣйствія. Никто не въ силахъ и не можетъ спокойно и холодно закрыть глаза, пройти мимо. Всякій чувствуетъ себя частью цѣлаго. Не холоднымъ разсудкомъ и не привычкой подражанія создается и поддерживается въ эту эпоху гражданское чувство общественности. Оно охватываетъ человѣка на всякомъ шагу, оно родится въ крови, въ пожарахъ и страданіяхъ, оно подымается въ народномъ движеніи.

Передъ общимъ благомъ и общимъ будущимъ отступаютъ и блѣднѣютъ мелкіе вопросы личной, будничной жизни. Сотни тысячъ, милліоны людей съ мученіемъ и тоской ищутъ выхода, живутъ жизнью цѣлаго. Въ эту грозную и великую минуту вопросы общественной этики требуютъ отъ всѣхъ опредѣленнаго, быстраго, яснаго рѣшенія.

Нерѣдко неуловимое, глубокое и великое, коллективное созданіе вѣковой жизни человѣчества,—общественная этика

только въ такія минуты не требуетъ обоснованія, не требуетъ разсудочныхъ доказательствъ и построеній. Только въ такія эпохи безспорно и безусловно признается всѣми существованіе нормъ и принциповъ для всѣхъ одинаковой, обязательной общественной этики. Верховною властью охватываетъ она всѣ проявленія человѣческой жизни, и не страшны ей отрицанія и возраженія. Они уходятъ въ глубокіе тайники человѣческой души, они вернутся, когда пройдетъ историческій подъемъ народной жизни. Нормы общественной этики охватили теперь всѣхъ, она живетъ кругомъ насъ со своими велѣніями.

Въ разныя эпохи исторической жизни ея велѣнія выражаются разно, она сама получаетъ неодинаковыя названія, облекается въ различныя формы. И даже теперь для отдѣльныхъ людей — для разныхъ темпераментовъ, характеровъ, умственныхъ укладовъ—одно и то же гражданское чувство получаетъ иное названіе и выраженіе. Для однихъ, оно является въ формѣ гражданскаго или государственнаго патріотизма. Для другихъ, оно истекаетъ изъ альтруистической идеи общаго блага, обязательствъ, вызванныхъ любовью къ ближнему, любовью къ человѣчеству, къ обездоленнымъ, страдающимъ и униженнымъ, къ Великому Цѣлому—къ Богу. Оно коренится для другихъ въ понятіяхъ права и справедливости, неразрывно связано съ ростомъ и углубленіемъ единичнаго сознанія свободной, мыслящей личности, и въ такомъ случаѣ, въ концѣ концовъ, исходитъ изъ самыхъ глубокихъ основъ всего ихъ умственнаго существованія. Но у *всѣхъ* мыслящихъ человѣческихъ личностей, на основѣ ли сознательной практической дѣятельности, религіознаго чувства и настроенія, философскаго созерцанія, или научнаго мышленія въ разныхъ оболочкахъ и въ разныхъ проявленіяхъ—поднялось и доминируетъ одно и то же живое чувство и сознаніе гражданской обязанности, общественнаго долга, обязательности общественнаго служенія. *Всѣ* ясно сознаютъ существованіе въ жизни обязательныхъ нормъ соціальнаго поведенія. Всѣ сознаютъ нравственное право и признаютъ гражданской обязанностью требовать исполненія этихъ нормъ, не только отъ себя самихъ или отъ своихъ единомышленниковъ, но и отъ всѣхъ и каждаго, какихъ бы взглядовъ они ни держались, какую бы вѣру они ни исповѣдовали.

Еще недавно такая мѣрка поведенія личности могла

считаться донкихотствомъ, противорѣчила практической морали здраваго смысла. Теперь она вошла въ оцѣнку отдѣльныхъ конкретныхъ случаевъ, регулируетъ личное поведеніе. Теперь переоцѣнивается и шатается давно уже установившаяся рутина поведенія, созданная здравымъ смысломъ русскаго человѣка, выработанная мелкой и сѣрой русской обыденностью.

Что дѣлать? Какъ быть? Какъ найти примѣненіе поднявшемуся чувству гражданственности? Какъ вывести страну изъ тяжелаго кризиса? Что дѣлать для этого отдѣльной личности? Вотъ тѣ вопросы, отвѣта на которые жизнь требуетъ на каждомъ шагу, забыть которые она никому не даетъ, отъ рѣшенія которыхъ она никого не освобождаетъ.

И для всѣхъ одинъ вопросъ стоитъ съ мучительной остротой, ибо онъ долженъ быть рѣшенъ, но не можетъ быть рѣшенъ съ точки зрѣнія привычной намъ личной этики,—что дѣлать отдѣльной личности для того, чтобы вывести страну изъ тяжелаго кризиса, изъ бѣдствія? Именно онъ — этотъ проклятый вопросъ — настойчиво и страстно выдвигаетъ въ жизни нормы общественной этики.

Тотъ или иной отвѣтъ на него всецѣло зависитъ отъ практическихъ политическихъ идеаловъ. Когда наступитъ прекращеніе кризиса? Когда жизнь страны и народа войдетъ въ нормальное русло? Когда кругомъ насъ улягутся страсти, возьметъ верхъ обыденная жизнь, огромное большинство населенія вернется къ текущимъ жизненнымъ заботамъ? Когда творческая работа русскаго общества пойдетъ впередъ безъ скачковъ и перерывовъ?

II.

Для однихъ выходъ изъ кризиса заключается въ *идеализаціи прошлаго.* Страна вернется къ спокойствію, жизнь пойдетъ нормальнымъ развитіемъ, когда уляжется революціонная буря, когда нарушенная ею прежняя государственная жизнь возстановится, въ общемъ, во всей цѣлости и неизмѣнности или съ нѣкоторыми поправками. Прежнія цѣли и задачи государственнаго бытія должны сохранить свое неизмѣнное значеніе: внѣшнее могущество, сильная армія и сильный флотъ, ростъ государственной территоріи, ростъ средствъ, находящихся въ рукахъ правительства. Дальнѣй-

шее территоріальное расширеніе и неуклонное претвореніе въ единое цѣлое захваченныхъ племенъ и народовъ должны давать работу государственной машинѣ. Государство, отождествляемое съ правительствомъ, должно быть признано тѣмъ благомъ, которому приносится все въ жертву, передъ которымъ стираются интересы отдѣльныхъ личностей, исчезаетъ личная иниціатива. Вѣковая работа созданія сильнаго единообразнаго государственнаго цѣлаго должна и впредь неуклонно итти по тому же самому пути, по которому такъ долго совершалось развитіе Россійской Имперіи. Передъ этой цѣлью всѣ остальные интересы, какъ бы жизненны они ни казались отдѣльнымъ лицамъ или группамъ населенія, имѣютъ значеніе лишь побочныхъ, вторичныхъ государственныхъ задачъ; они могутъ имѣть значеніе лишь постольку, поскольку они не мѣшаютъ выполненію основной цѣли государственнаго бытія. Интересы народа и человѣческой личности растворяются въ интересахъ государства и правительства. Сами по себѣ они не имѣютъ значенія съ точки зрѣнія общественной этики. Для возвращенія страны въ ея нормальное русло должны быть направлены всѣ силы, употреблены всѣ испытанныя орудія государственнаго строительства, хотя бы они были связаны съ народнымъ мученіемъ. Благо государства— великая идея цѣлаго—должна дать имъ оправданіе, вызвать и опредѣлить народное терпѣніе. Въ эпоху кризиса эти орудія должны быть усилены, каждый мыслящій гражданинъ долженъ имъ содѣйствовать всѣми мѣрами. Эти старыя испытанныя силы: силы войска, полиціи, цензуры, бюрократіи, силы государственной церкви. Рамки для дѣятельности сторонниковъ стараго режима готовы: надо войти въ нихъ, итти по указаннымъ путямъ, и нѣтъ для нихъ нерѣшеннаго вопроса, какъ быть, какъ выйти странѣ изъ тяжелаго кризиса. Есть лишь одинъ вопросъ, будящій у нихъ гражданское чувство. Достаточны ли эти средства въ ихъ обычномъ развитіи? Могутъ ли они побороть народное волненіе, грозящее разрушить вѣковые устои общественной, государственной дѣятельности? И если они недостаточны и не въ силахъ побороть поднявшееся волненіе, то что же дѣлать людямъ, идеалы которыхъ тѣсно связаны съ развитіемъ и продолженіемъ прошлаго, стараго строя русскаго государства? Путь ихъ ясенъ и требуетъ только *дерзанія*. Въ эпоху кризиса salus reipublicae suprema lex. Всѣ средства дозволены, когда

надо спасти погибающее великое цѣлое. Нужна лишь послѣдовательность въ проведеніи мѣръ, неуклонность и рѣшительность. На ряду со старой организаціей бюрократическаго государства должна въ помощь ей стать подвижная патріотическая организація гражданъ, защитниковъ стараго. И мы видимъ, какъ неуклонно и фатально идетъ развитіе въ этомъ направленіи. Расходы на полицію и на войска для подавленія внутренняго броженія растутъ съ колоссальной быстротой и совершенно не сообразуются ни съ какими финансовыми расчетами. Создаются черныя сотни. Онѣ проводятъ проскрипціи, убійства, грабежи своихъ политическихъ противниковъ и ихъ семей. Власть вступила на путь террора, и количество жертвъ, павшихъ въ эти послѣдніе мѣсяцы во много превысило печальную работу до сихъ поръ памятныхъ революціонныхъ трибуналовъ Франціи конца 18-го столѣтія. Мы пережили и переживаемъ казни болѣе жестокія или по крайней мѣрѣ равныя тѣмъ, какія пережиты были современниками Террора. Разстрѣлы и убійства, совершенныя Миномъ, Риманомъ, Ренненкампфомъ, Орловымъ, Меллеръ-Закомельскимъ и др. героями Остзейскаго Края, Закавказья, Сибири, Москвы, Тамбовской губ., ежедневно происходящія въ разныхъ углахъ нашего отечества, соперничаютъ съ самыми кровавыми подвигами революціонныхъ фанатиковъ и убійцъ далекаго прошлаго, пережитаго французской націей. И если въ этомъ отношеніи можно еще пока сравнивать работу современныхъ защитниковъ стараго режима съ трудами якобинскихъ террористовъ, то въ области политической полиціи они не имѣютъ соперниковъ. Массовые и тысячные аресты и проскрипціи, уже совершенные министерствомъ Витте-Дурново и его помощниками, единственны въ міровой исторіи послѣднихъ ста, полтораста лѣтъ. Едва ли гдѣ произволъ достигалъ такихъ размѣровъ, считалъ столько жертвъ, вызывалъ столько подавленнаго негодованія и будилъ столько стремленія къ отомщенію, какъ это онъ дѣлаетъ теперь, въ Россіи, на нашихъ глазахъ. Мы переживаемъ въ 20-омъ столѣтіи явленіе болѣе страшное и ужасное, чѣмъ дѣятельность французскихъ террористовъ 18-го вѣка или неаполитанскихъ Бурбоновъ 19-го столѣтія. И если все же эти удары падаютъ безсильно, не достигаютъ цѣли, то только потому, что великое народное движеніе, какое охватило всю Россію и захватило и насъ, сильнѣе ихъ и во много разъ могущественнѣе. Оно

явно не можетъ быть остановлено такими примитивными, хотя бы жестокими и ужасными средствами.

Идеологи прошлаго—если они хотятъ его возвращенія—не могутъ дѣйствовать иначе. Терроръ и всѣ ужасы, его сопровождающіе, для нихъ неизбѣжны, логически правильны. Для нихъ одна надежда, надежда на то, что они раздавятъ движеніе и затѣмъ на чистой обновленной почвѣ будутъ строить дальнѣйшее созиданіе государственнаго могущества. Могутъ ли они это сдѣлать?—вотъ вопросъ. Не подорвутъ ли они въ случаѣ успѣха всѣ живыя силы страны?

Къ этимъ мрачнымъ фанатичнымъ сторонникамъ стараго примыкаютъ всѣ тѣ, матеріальные интересы которыхъ связаны со старымъ или кажутся имъ съ нимъ связанными. Они цѣпляются за шатающіяся формы отживающаго режима, поддерживая ихъ своимъ пассивнымъ содѣйствіемъ. На нихъ, такъ же какъ на идейныхъ сторонникахъ стараго, должны лечь всѣ послѣдствія жестокаго, но неизбѣжнаго террора, и неизвѣстно не дрогнетъ ли ихъ сочувствіе, долго ли они будутъ въ состояніи основывать свое благополучіе на крови, страданіяхъ и насиліи?

Другая группа лицъ ищетъ практическихъ политическихъ указаній въ тѣхъ или иныхъ формахъ мыслимаго будущаго. Она считаетъ неизбѣжнымъ для спасенія страны и для достиженія умиротворенія полную реконструкцію общественныхъ отношеній. Чѣмъ полнѣе и глубже будетъ произведена эта перестройка, чѣмъ быстрѣе она совершится, тѣмъ больше счастья будетъ внесено въ человѣческую жизнь, тѣмъ сильнѣе уменьшатся страданія народныхъ массъ. Народныя массы впервые за многія столѣтія почувствовали въ себѣ человѣка; крайнія лѣвыя партіи открыли передъ ними заманчивыя картины лучшаго мыслимаго будущаго, они забросили въ ихъ среду вѣру въ достижимость справедливаго распредѣленія матеріальныхъ и умственныхъ благъ, въ возможность полнаго его осуществленія въ немногіе годы или мѣсяцы. Народныя массы заволновались, народная мысль пришла въ броженіе, и на историческую сцену русскаго государства выступилъ народъ, какъ въ давнія времена государственнаго строительства. И съ неслыханной силой выдвинулись впередъ его интересы, его тяготы, его желанія—передъ ними дрогнула и поблекла громада стараго государственнаго идеала.

Нигдѣ въ цивилизованномъ мірѣ нѣтъ такихъ ужасныхъ,

нечеловѣческихъ условій существованія, какія царятъ въ Россіи, въ какихъ живетъ большинство русскихъ гражданъ. Въ сложной конструкціи русской общественной жизни соединились вмѣстѣ всѣ самыя тяжелыя стороны какъ современнаго капиталистическаго строя, такъ и стариннаго государственнаго устройства, гдѣ народныя массы несутъ лишь служилое тягло, гдѣ онѣ являются рабской безличной основой государственнаго благополучія. На русскій народъ выпала фатальнымъ ходомъ исторіи доля двойной тяготы: безправіе, полная подчиненность государству, самыя элементарныя нарушенія правъ личности, отнятіе въ пользу государства на чуждыя цѣли внѣшняго могущества главной части народнаго труда—соединились съ захватомъ въ пользу меньшинства источниковъ народнаго богатства, съ эксплоатаціей его труда, тѣсно связанной съ основными условіями современнаго строя. Въ тяжелую минуту кризиса надо было сбрасывать двойныя цѣпи, и многимъ кажется и казалось, что въ эту эпоху однимъ ударомъ можно снести основы стараго строя и замѣнить ихъ новыми, которыя дали бы человѣческое существованіе порабощеннымъ классамъ и слоямъ русскаго государства. Опытъ государственной жизни болѣе современныхъ организацій человѣчества, вѣковая работа теоретиковъ и программы соціалистическихъ партій Запада дали готовыя формулы, дали идеи и указанія, примѣненіе которыхъ кажется этимъ защитникамъ интересовъ народныхъ массъ легко и просто осуществимымъ.

Новый государственный идеалъ поставилъ задачей государственной политики благополучіе массы населенія, теперь обездоленной и приниженной, отдѣльныхъ классовъ, ее составляющихъ. Для того чтобы провести этотъ идеалъ въ жизнь необходимъ — по мнѣнію русскихъ „соціалистическихъ“ партій — захватъ власти и, какъ практически неизбѣжный переходъ къ будущему идеальному строю, временная диктатура тѣхъ классовъ населенія, въ интересахъ которыхъ долженъ быть перестроенъ государственный и общественный строй, диктатура пролетаріата или крестьянства. Достигнуть этого, какъ всякой диктатуры, можно только силой, путемъ вооруженнаго возстанія или террора. Введеніе элементовъ насилія съ этой точки зрѣнія неизбѣжно. Ибо только тогда программа крайнихъ группъ русскаго общества получаетъ практическій смыслъ, перестаетъ быть идеологиче-

скимъ созданіемъ мечтателей. Жизнь требуетъ въ настоящее время дѣйствія, а не мечтанія. Въ эпоху кризиса выступаютъ впередъ практическія средства врачеванія, а не теоретическіе діагнозы болѣзни. Вооруженное возстаніе и революціонный терроръ выступили впередъ; явились попытки ихъ осуществленія. Эти попытки столкнулись съ военной и полицейской силой, созданной вѣковой государственной практикой, они столкнулись съ жизненными интересами болѣе зажиточныхъ и интеллигентныхъ слоевъ русскаго общества, не могущихъ итти на встрѣчу диктатурѣ, т. е. порабощенію, не желающихъ мѣнять одного господина на другого. Они столкнулись съ неподготовленностью народныхъ массъ, съ малымъ распространеніемъ и пониманіемъ среди нихъ тѣхъ идей, которыя должны были быть положены въ основу новаго строя. И наконецъ они разбились объ отсутствіе государственной мысли, государственнаго творчества въ средѣ носителей этихъ идей, ярко выразившимся, напримѣръ, въ отсутствіи практически осуществимой и разработанной аграрной программы, основанной на выставленныхъ этими группами русскаго общества теоретическихъ принципахъ. Терроръ и вооруженное возстаніе кончились полнымъ крушеніемъ. Настаивая на немедленномъ проведеніи сразу своихъ программъ, фатально и неизбѣжно эти партіи будутъ итти къ повторенію подобныхъ попытокъ. Будутъ ли эти новыя попытки удачны—вопросъ. Не осуждены ли онѣ на полную неудачу, ибо наличность условій, приведшихъ къ ихъ неудачѣ, ни въ чемъ не уменьшилась и наоборотъ она даже усилилась, такъ какъ нѣтъ той вѣры, которая сопровождала первыя проявленія движенія? Не приведутъ ли онѣ въ концѣ концовъ къ безцѣльной гибели живыхъ силъ русскаго народа, къ торжеству темныхъ силъ реакціи? Не работаютъ ли онѣ въ концѣ концовъ pour le roi de Prusse, на пользу идеологовъ прошлаго? Сложны обстоятельства жизни и трудно учесть будущее. Трудно представить себѣ, какъ долго будетъ слѣпо слѣдовать значительная группа народныхъ массъ за вождями, выходящими изъ этихъ слоевъ русскаго общества, какъ долго она будетъ давать кадры для вооруженнаго возстанія. Трудно учесть, какъ долго будутъ находиться фанатически настроенныя отдѣльныя личности или кружки, способные на самопожертвованіе для террора. Все зависитъ отъ хода исторіи, т. е. находится въ области разнообразныхъ возможностей. Все опредѣлится прежде всего

тѣмъ, пріобрѣтутъ ли въ русскомъ народѣ и обществѣ силу и значеніе сторонники третьяго отвѣта на великій вопросъ, поставленный намъ общественной этикой. Этотъ третій отвѣтъ дается *людьми настоящаго.*

Идеологи прошлаго и мечтатели будущаго не охватываютъ всего содержанія, какое можетъ вылиться въ нормы общественной этики. Ни тѣ, ни другіе не учитываютъ сложности жизни, замѣняютъ ее схемами и построеніями. Но глубоки тайники жизни, и тщетной утопіей было бы искать одного отвѣта на ея запросы. Нельзя единообразно опредѣлить нормы отношенія личности къ совершающимся событіямъ; отвѣтовъ на этотъ вопросъ можно дать много; ихъ должно быть нѣсколько. Только при одновременномъ существованіи и при борьбѣ различныхъ отвѣтовъ, даваемыхъ разными политическими программами выкуется въ концѣ концовъ правильное рѣшеніе. Каждая программа заключаетъ всегда большую или меньшую долю истины; лишь ихъ борьба и состязаніе дадутъ жизненно правдивый отвѣтъ. Онъ неизбѣжно будетъ болѣе сложенъ, чѣмъ простая схема или созданіе мысли отдѣльной личности или группы. Коллективная жизнь требуетъ коллективнаго рѣшенія. Много позже правильный смыслъ событій, судъ исторіи можетъ быть уловленъ ученымъ изслѣдователемъ, но онъ всегда недоступенъ современникамъ.

Каждый человѣкъ долженъ искать своего отвѣта на запросы жизни. Онъ самъ долженъ дать его, самъ своимъ усиліемъ ввести его въ общую суммарную работу человѣчества. Долгіе годы работа политической мысли политическихъ гражданъ могла учитываться въ русской исторіи крайне слабо, неполно и отрывочно, проходила безъ всякихъ практическихъ результатовъ. Рамки полицейскаго военнаго государства давили личную иниціативу, не давали сплачиваться единомышленникамъ. Русская политическая мысль была далека отъ политической дѣятельности. Она привыкла не считаться со сложностью жизненныхъ отношеній, не проходила черезъ горнило дѣйствительности. И если политическая мысль не замерла, а была лишь изуродована—то политической дѣятельности въ русскомъ обществѣ не было вовсе. Русское общество привыкло къ разброду, въ лучшемъ случаѣ—къ кружковщинѣ.

Все измѣнилось сразу и навсегда съ началомъ госу-

дарственнаго кризиса. Онъ призвалъ къ дѣйствію тѣхъ русскихъ людей, которые ненавидѣли прошлое, но не вѣрили въ жизненную правду фантазій и схемъ далекаго будущаго. Они хотѣли создавать настоящее, искать реальныхъ выходовъ въ государственной и общественной жизни современности. Къ нимъ пристали широкіе слои безразличныхъ группъ русскаго народа и общества. Разно понимаютъ они цѣли, задачи, средства ближайшаго будущаго. Къ разнымъ идеаламъ хотятъ направлять государственную жизнь. Среди нихъ есть индивидуалисты, соціалисты, анархисты, сторонники буржуазнаго строя и его горячіе противники, сторонники равенства и приверженцы классовыхъ или прирожденныхъ различій—вся безконечная гамма оттѣнковъ, отвѣчающихъ сложной формѣ политической мысли даннаго времени. И, все же, у всѣхъ этихъ людей есть общее. Оно соединяетъ ихъ въ одну группу, несмотря на взаимное недовѣріе, вражду и ненависть. Это общее есть форма ихъ дѣятельности. Она сводится къ политической организаціи народа. Въ государственной жизни эта форма дѣятельности,— какія бы цѣли она не преслѣдовала—получаетъ исключительное значеніе, ибо она приводитъ этихъ разныхъ далекихъ людей къ одной коллективной работѣ. На больной вопросъ общественной этики, что долженъ дѣлать отдѣльный человѣкъ для того, чтобы помочь странѣ выйти изъ бѣдствія, чѣмъ онъ можетъ помочь общей бѣдѣ — у всѣхъ у нихъ отвѣтъ одинъ: онъ долженъ войти въ политическую партію, онъ долженъ участвовать въ ея работахъ, въ ея дѣятельности.

Въ конечномъ результатѣ совмѣстной работы всѣхъ партій получается политическая организація народа, та сила, которая въ концѣ концовъ совершенно реорганизуетъ государство, придаетъ ему новую форму, въ которой задачи и цѣли государственной политики опредѣляются волей организованнаго народа. Эта воля черезъ посредство борьбы политическихъ партій дастъ рѣшеніе всѣмъ назрѣвшимъ вопросамъ государственной жизни, выведетъ страну изъ тяжелаго кризиса и анархіи. И сдѣлать это можетъ она одна. Чѣмъ энергичнѣе будетъ организація партій, чѣмъ шире она охватитъ русскую жизнь — тѣмъ скорѣе и полнѣе прекратится анархія.

Такимъ образомъ въ настоящую великую и отвѣтственную минуту народной жизни, выяснились три отвѣта на

вопросъ объ обязанностяхъ и нормахъ поведенія отдѣльнаго русскаго гражданина. Одинъ отвѣтъ требуетъ отъ него энергичнаго и безусловнаго подавленія всего освободительнаго движенія. Другой — налагаетъ на него обязанность участія въ вооруженной борьбѣ съ правительственной машиной стараго государства. Наконецъ, третій приводитъ къ энергичной работѣ надъ политической организаціей народа, къ работѣ въ политическихъ партіяхъ. Только этотъ третій отвѣтъ исключаетъ возможность истощенія народныхъ силъ, т. е. государственную гибель, которая существуетъ при побѣдѣ какъ идеологовъ прошлаго, такъ и мечтателей будущаго.

Иныхъ рѣшеній русская жизнь не дала и едва ли можетъ дать. Какъ ни различны и ни противоположны эти три рѣшенія, каждое изъ нихъ съ точки зрѣнія общественной этики даетъ оправданіе людямъ, пошедшимъ по указаннымъ ими путямъ, по своему каждый изъ нихъ исполняетъ свой долгъ, каждый изъ нихъ вноситъ сознательность въ свое поведеніе, даетъ посильный отвѣтъ на выдвинутые жизнью вопросы.

Казалось бы все русское общество — всѣ его сознательные элементы — должны были бы быть захвачены въ рамки этихъ трехъ различныхъ нормъ общественнаго поведенія, разъ другихъ типовъ не выработали. А между тѣмъ, близко присматриваясь къ окружающему, мы видимъ существованіе въ странѣ огромныхъ слоевъ русскаго общества, которые остались въ сторонѣ отъ этихъ группировокъ, находятся между ними, колеблятся въ исканіи вѣрнаго пути. Какъ могутъ оправдать эти люди свое поведеніе съ точки зрѣнія общественной этики?

В. И. Вернадскій.

Цѣли соціализма [1]).

Соціализмъ есть экономическое ученіе, усматривающее корень соціальнаго зла въ современномъ устройствѣ хозяйства. Все вниманіе соціалистовъ сосредоточено на вопросахъ общественнаго хозяйства и ихъ требованія сводятся къ требованію ряда экономическихъ преобразованій. Отсюда легко вывести заключеніе, что соціализмъ видитъ въ хозяйственномъ благополучіи вѣнецъ человѣческаго счастія и, слѣдовательно, по самой своей природѣ враждебенъ идеализму. «Исключительное утвержденіе экономическаго элемента—говоритъ Владиміръ Соловьевъ—признаніе за нимъ господствующаго, верховнаго значенія въ жизни, т. е. признаніе его не только за матеріальное основаніе общественной жизни (какимъ онъ на самомъ дѣлѣ является), но и за цѣль, и опредѣляющее начало ея ведетъ къ отвлеченному началу соціализма, полагающему, что объективная нравственность или право, т. е. нормальный строй общества и общественной жизни, прямо обусловливается правильнымъ устройствомъ экономическихъ отношеній». Соловьевъ относится къ соціализму съ самымъ рѣшительнымъ отрицаніемъ. «То существенное обстоятельство, что соціализмъ ставитъ нравственное совершенство общества въ прямую зависимость отъ его экономическаго строя и хочетъ достигнуть нравственнаго преобразованія путемъ экономической революціи, ясно показываетъ, что онъ, въ сущности, стоитъ на одной и той же почвѣ со враждебнымъ ему мѣщанскимъ царствомъ, именно на почвѣ господства матеріальнаго интереса. Если для представителя плутократіи значеніе человѣка зависитъ отъ обладанія вещественнымъ богатствомъ, въ качествѣ пріобрѣтателя, то для соціалиста точно также человѣкъ имѣетъ значеніе лишь какъ обладатель вещественнаго благосостоянія, но только въ качествѣ производителя; и здѣсь и тамъ человѣкъ разсматривается, прежде всего какъ экономическій дѣятель, и здѣсь и тамъ послѣднею цѣлью и верховнымъ благомъ признается вещественное благосостояніе — принципіальной разницы между ними нѣтъ. Соціализмъ лишь проводитъ

---

[1]) Ср. предшествующую статью „Что такое соціализмъ?“ въ № 12 „Полярной Звѣзды“.

принципъ плутократіи съ большей послѣдовательностью и полнотой... И если преобладаніе вещественныхъ интересовъ, хозяйственнаго и промышленнаго элементовъ, составляетъ характеристическую черту буржуазіи или мѣщанскаго царства, то въ томъ соціализмѣ, который хочетъ ограничить человѣчество исключительно этими нисшими интересами, мы находимъ крайнее выраженіе, послѣднее заключеніе мѣщанства».

Вотъ, поистинѣ, тяжкое обвиненіе, выдвинутое противъ соціализма мыслителемъ, искренность и благородство котораго выше всякихъ подозрѣній! Что можетъ быть отвратительнѣе мѣщанства? И если освобожденіе человѣка отъ экономическаго гнета равносильно превращенію его въ пошлое, успокоившееся существо, въ сытую свинью, грѣющуюся на солнцѣ, то не лучше ли экономическое рабство съ его ужасными спутниками, голодомъ и нищетой? Рабство не убило человѣческаго духа—античная культура и теперь сохраняетъ свою мраморную красоту. Ну, а мѣщанство—это смерть духа, смерть всего, что есть прекраснаго въ человѣкѣ. Такой цѣной нельзя заплатить даже за всеобщее довольство.

Соловьевъ формулировалъ въ сжатой и сильной формѣ одно изъ самыхъ распространенныхъ обвиненій противъ соціализма. Но, къ счастью, человѣчество не стоитъ передъ роковой дилеммой—страданія или пошлости. Насиліе и гнетъ не представляютъ собой необходимаго условія духовной культуры. Соціализмъ не царство мѣщанства, но единственное средство спасенія человѣчества отъ этого царства. Въ этомъ и заключается высота и общеобязательность соціалистическаго идеала.

Совершенно вѣрно, что соціалисты сосредоточиваютъ свое вниманіе на экономическихъ вопросахъ. Но не потому, чтобы имъ было недоступно пониманіе высшихъ интересовъ человѣческой жизни, а именно въ виду такого пониманія. Соціалисты борются, прежде всего, съ бѣдностью. А бѣдность—это не только физическія страданія, но и приниженіе духа. Духовная культура неизбѣжно должна опираться на матеріальную. Наука и искусство требуютъ своихъ матеріальныхъ средствъ, которыя создаются хозяйствомъ. Извѣстный досугъ, свобода отъ хозяйственнаго труда есть необходимое условіе успѣховъ цивилизаціи. Обобществленіе труда должно во много разъ повысить его производительность. Но такъ какъ необходимыя потребности жизни не испытаютъ перемѣны, то на удовлетвореніе ихъ въ соціалистическомъ обществѣ будетъ затрачиваться несравненно меньше труда, чѣмъ нынѣ. Иными словами, свобода человѣчества отъ хозяйственнаго труда значительно возрастетъ—и нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ увеличившійся досугъ будетъ заполненъ дѣятельностью высшаго порядка. Ибо всѣ

обычные мотивы, которые въ настоящее время побуждаютъ людей къ этой дѣятельности, пріобрѣтутъ особенную силу въ соціалистическомъ обществѣ.

Милліонеръ, успѣшный государственный дѣятель, полководецъ пользуются въ наше время бо́льшимъ почетомъ и встрѣчаютъ больше людей, готовыхъ передъ ними преклоняться, чѣмъ великій мыслитель или художникъ. Не то будетъ въ соціалистическомъ обществѣ. Въ немъ не будетъ ни милліонеровъ, ни полководцевъ, ни государственныхъ дѣятелей. Да, даже и послѣднихъ не будетъ, ибо съ паденіемъ современнаго хозяйственнаго строя, падетъ и современное государство. Въ обществѣ будущаго роль правительства сократится до такихъ скромныхъ размѣровъ, что участіе въ правительствѣ не будетъ требовать особыхъ талантовъ, не будетъ доставлять особаго почета и, слѣдовательно, не будетъ представлять собой ничего особо заманчиваго для честолюбія. Вообще, исчезнетъ грубая, физическая власть человѣка надъ человѣкомъ, а, слѣдовательно, и исчезнетъ все то обаяніе, которое теперь связано съ этой властью. Исчезнетъ физическая борьба людей другъ съ другомъ—мирная ассоціація будущаго сдѣлаетъ эту борьбу невозможной, по отсутствію всякихъ поводовъ къ ней.

Но не значитъ ли это, что соціалистическое общество будетъ царствомъ скуки и посредственности? Да, это было бы такъ, если бы въ жизни человѣка не было ничего болѣе высокаго, чѣмъ борьба за власть и за угнетеніе себѣ подобныхъ. Конечно, для людей такого душевнаго склада царство будущаго покажется прѣснымъ и пошлымъ. Но человѣческая душа знаетъ болѣе высокіе мотивы и интересы. Освободившись отъ притупляющаго, чрезмѣрнаго хозяйственнаго труда, человѣчество преобразится и одухотворится. Попрежнему надъ нашей головой будетъ простираться звѣздное небо, попрежнему будетъ шумѣть лѣсъ, природа сохранитъ свою прежнюю прелесть и всѣ свои тайны: для познанія навсегда обезпеченъ неисчерпаемый матеріалъ, также какъ и для воспріятія красоты.

Слѣдовательно, нечего бояться, что съ исчезновеніемъ грубыхъ и низменныхъ интересовъ, наполняющихъ теперь жизнь, она лишится всякаго интереса. Интересы останутся, но ихъ характеръ и направленіе измѣнятся, они станутъ одухотвореннѣе и тоньше, но вмѣстѣ съ тѣмъ, глубже, сложнѣе, длительнѣе и сильнѣе. Произойдетъ полная переоцѣнка всѣхъ цѣнностей. Слава и почетъ будутъ доставаться въ удѣлъ тѣмъ, кто принесъ людямъ всего болѣе пользы, открылъ имъ новые источники познанія и эстетическаго наслажденія. Мыслители и художники станутъ героями и вождями будущаго человѣчества. Инте-

ресъ къ познанію и эстетической дѣятельности возрастетъ въ чрезвычайныхъ размѣрахъ и заполнитъ собой всю жизнь людей, возвышающихся надъ уровнемъ посредственности.

А число такихъ людей въ соціалистическомъ обществѣ должно во много разъ увеличиться. Искусство и наука за все время существованія человѣчества были достояніемъ ничтожной кучки имущихъ классовъ. Огромное большинство людей стояло совершенно въ сторонѣ отъ умственныхъ и эстетическихъ интересовъ образованной части общества. Изрѣдка, благодаря случайному стеченію особо благопріятныхъ обстоятельствъ, тому или другому даровитому человѣку изъ среды простого народа удавалось выдвинуться изъ сѣрой и безыменной рабочей массы, мимо которой идетъ исторія, и примкнуть къ тѣмъ немногимъ счастливцамъ, имена которыхъ остаются въ памяти людей. Но это были единичныя исключенія. Соціализмъ покончитъ съ этимъ порядкомъ вещей. Умственная культура станетъ всеобщимъ достояніемъ; не случайность рожденія въ той или иной общественной средѣ, а способности и талантъ будутъ выдѣлять человѣка надъ толпой, слѣдствіемъ чего долженъ явиться необычайный подъемъ человѣческаго генія, необычайный расцвѣтъ цивилизаціи, въ которой будутъ принимать дѣятельное участіе не тысячи, какъ теперь, а милліоны людей.

Въ настоящее время общественное вниманіе сосредоточено, преимущественно, на вопросахъ хозяйства. Паденіе или поднятіе биржевого курса ходкой бумаги или рыночной цѣны распространеннаго товара составляетъ великое событіе, о которомъ телеграфируютъ во всѣ концы міра и которое повсюду распространяетъ тревогу или радость. Міръ будущаго не будетъ знать этихъ волненій и этихъ радостей; его исторія будетъ слагаться изъ другихъ событій. Мнѣ кажется, что можно составить себѣ представленіе о строѣ интересовъ людей соціалистическаго общества по описаніямъ жизни итальянскихъ городовъ эпохи Возрожденія. Свѣтлое, радостное и гармоничное міросозерцаніе этой эпохи, со своимъ глубокимъ и захватывающимъ интересомъ къ искусству и познанію должно вновь возродиться въ будущемъ. Опять появятся люди той поразительной душевной красоты и той умственной мощи, которыя характеризуютъ эту чудную раннюю весну современной исторіи,—люди вродѣ Леонардо да-Винчи или Микель Анджело, передъ которыми наше время кажется такимъ грубымъ, варварскимъ и жалкимъ. Кстати же, типичнымъ человѣкомъ эпохи Возрожденія былъ и великій творецъ современнаго соціалистическаго идеала Томасъ Моръ.

Англійскій антропологъ и соціологъ Гальтонъ совершенно серьезно утверждаетъ, что передовыя европейскія націи современной капитали-

стической эпохи по своимъ умственнымъ способностямъ стоятъ настолько же ниже, напр., древнихъ Эллиновъ, насколько негры стоятъ ниже насъ. И въ этой неблагопріятной оцѣнкѣ ученымъ изслѣдователемъ капиталистической цивилизаціи, которой мы такъ гордимся, нельзя усмотрѣть никакого преувеличенія. Правда, наше время создало удивительныя машины, а также орудія разрушенія людей. Но умственная сила измѣряется не этимъ. Машину можетъ построить и варваръ; но изваять Медицейскую Венеру можетъ только человѣкъ съ совершенно исключительной способностью къ воспріятію красоты.

Между тѣмъ, не нужно забывать, что произведенія античнаго искусства, которыя составляютъ для насъ недостижимый образецъ совершенства пластической красоты, были созданы въ огромномъ большинствѣ случаевъ, совершенно неизвѣстными художниками. И вѣдь только ничтожная, случайная доля этихъ произведеній уцѣлѣла и дошла до нашей эпохи. Если бы не была раскопана Помпея, то мы бы почти ничего не знали о стѣнной живописи древнихъ. Что такое Помпея — маленькій, ничтожный заурядный провинціальный римскій городокъ, въ которомъ почти не было богатыхъ людей! И, однако, стѣнная живопись Помпеи была однимъ изъ источниковъ вдохновенія великаго художника нашего времени — Беклина. Кто бывалъ въ Помпеѣ, тотъ знаетъ, сколько красоты было въ домашнемъ быту античнаго міра, сколько артистическаго изящества было вложено во всякую принадлежность хозяйства древнихъ: кухонную утварь, меблировку, устройство комнатъ и пр. Обычный помпеянскій домъ со своими бронзовыми и мраморными статуями и бюстами, стѣнами, покрытыми богатымъ и разнообразнымъ рисункомъ съ красками удивительной яркости, мраморными колоннами и бассейнами кажется намъ теперь чудомъ искусства, не обыкновеннымъ жилищемъ людей, а художественнымъ музеемъ. И, однако, въ немъ жили обыкновенные люди и, очевидно, не могли представить себѣ жизни въ другой, менѣе прекрасной обстановкѣ, какъ мы не можемъ представить себѣ жизни въ грязной обстановкѣ жалкой негритянской хижины.

Не менѣе красивъ былъ въ своемъ родѣ и средневѣковый городъ или городъ временъ Возрожденія. Флоренція и Венеція всегда будутъ привлекать посѣтителей со всѣхъ концовъ міра—не даромъ паденіе знаменитой колокольни св. Марка почувствовалось по всей Европѣ, какъ общее несчастье цивилизованнаго человѣчества.

Холодный духъ капитализма сдѣлалъ все возможное, чтобы уничтожить эту красоту. Въ прежнее время человѣческое жилище, связанное съ человѣческой личностью такими интимными узами и такъ могущественно вліяющее своей повседневной обстановкой на его психику, строилось для

жизни, а не для наживы; и потому люди вкладывали въ эту постройку свою душу, свой вкусъ и пониманіе изящнаго. Домъ былъ одухотвореннымъ произведеніемъ человѣческаго искусства. Надъ иными средневѣковыми зданіями трудились цѣлыя поколѣнія художниковъ-архитекторовъ; постройка иногда продолжалась цѣлыя столѣтія, но зато и получались такія созданія, какъ миланскій или флорентійскій соборы. Но даже какая-нибудь деревянная великорусская изба, со своими затѣйливыми коньками и причудливой рѣзьбой обнаруживаетъ бездну вкуса, имѣетъ свой особый, оригинальный стиль. Капитализмъ все это убилъ. Дома стали строиться для барыша, какъ строятся заводы или желѣзнодорожные мосты. Архитектурный стиль исчезъ и всѣ попытки возсоздать его оказались безуспѣшны. Исчезло что то неуловимое, что было присуще людямъ прежнихъ эпохъ и что давало имъ удивительное пониманіе архитектурной красоты. Получилось общее паденіе архитектурнаго вкуса.

Нѣчто подобное, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, произошло, подъ вліяніемъ господства капиталистическаго духа и въ другихъ областяхъ искусства. Послѣдовало одичаніе и огрубѣніе человѣческой толпы, истинное царство мѣщанства. Интересы капиталистической промышленности подавили всѣ остальные и внѣшняя обстановка нашей жизни стала поражать своей неэстетичностью.

Дѣйствительно, что можетъ быть безобразнѣе современнаго города? Нужно побывать въ Лондонѣ, подышать лондонскимъ воздухомъ, насквозь пропитаннымъ угольной копотью, покрывающей толстымъ чернымъ налетомъ стѣны домовъ, и опускающейся въ время тумана непроницаемой завѣсой на лондонскія улицы, посмотрѣть на бурую жидкость, которая вмѣсто воды струится въ Темзѣ, (въ своемъ соціалистическомъ романѣ Моррисъ рисуетъ, какъ одно изъ чудесъ новаго общественнаго строя, возвращеніе водѣ въ Темзѣ былой прозрачности), чтобы понять, во что превращаетъ городъ капитализмъ. Не менѣе уродуетъ капитализмъ и деревню, уничтожая лѣса, загрязняя рѣки, стирая мѣстный колоритъ, національныя черты быта и подгоняя все подъ однообразный и пошлый капиталистическій шаблонъ.

Неудивительно, что среди болѣе мыслящихъ художниковъ нашего времени, понимающихъ тѣсную связь искусства съ общимъ строемъ соціальной жизни, возникло теченіе особаго рода, которое можно назвать эстетическимъ соціализмомъ—протестомъ противъ капиталистическаго строя по соображеніямъ преимущественно эстетическаго характера. Этотъ эстетическій соціализмъ всего сильнѣе въ Англіи, гдѣ его самымъ извѣстнымъ представителемъ является Рескинъ. Соціализмъ Морриса, отчасти, такого же происхожденія — всѣхъ

этихъ людей съ тонко-развитымъ вкусомъ возмущаетъ столь характерное для нашей эпохи эстетическое огрубѣніе человѣчества, которое принесъ съ собою капитализмъ.

Еще обычнѣе другой упрекъ соціализму — въ стремленіи уничтожить свободу личности. Назвавъ соціализмъ «грядущимъ рабствомъ», Спенсеръ лишь повторилъ то, что говорятъ всѣ противники соціализма. Спенсеру и другимъ государство будущаго рисуется чѣмъ то вродѣ исполинской тюрьмы, въ которой люди будутъ, быть можетъ, и сыты, но зато лишены лучшаго и драгоцѣннѣйшаго блага — свободы.

Но и этотъ упрекъ лишенъ основанія. Дѣйствительно, господствующее направленіе соціализма требуетъ принудительной организаціи общественнаго труда. Однако, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и теперь хозяйственный трудъ для огромнаго большинства рабочихъ имѣетъ принудительный характеръ, съ тѣмъ весьма существеннымъ различіемъ, что при капиталистической системѣ рабочіе подчинены чуждому имъ лицу—капиталисту, а при соціализмѣ ихъ собственная коллективная воля будетъ ихъ единственнымъ господиномъ.

Да и вообще капиталистическая свобода всеобщей конкуренціи есть только фикція свободы, скрывающая за собой въ дѣйствительности болѣе или менѣе полное порабощеніе личности. Возьмемъ привилегированное лицо капиталистическаго міра—предпринимателя. Юридически онъ крайне мало ограниченъ въ своей дѣятельности. Законъ ему не запрещаетъ выбрать любое дѣло, производить любой товаръ, назначать любую цѣну за продаваемые продукты и оплачивать любой цѣной нужный ему трудъ. Однако, его свобода во всѣхъ этихъ отношеніяхъ является въ значительной мѣрѣ мнимой. Онъ не стѣсненъ юридическимъ закономъ, но зато тѣмъ неумолимѣе его сдавливаютъ желѣзные экономическіе законы капиталистическаго строя. Онъ можетъ назначить любую цѣну за свой товаръ, но проданъ товаръ будетъ лишь по той цѣнѣ, которая принудительно диктуется условіями капиталистическаго рынка и т. д. и т. д. Въ условіяхъ капиталистической конъюнктуры предприниматель находитъ себѣ своего суроваго и деспотическаго владыку, власть котораго особенно болѣзненно чувствуется въ эпохи промышленныхъ кризисовъ.

Еще болѣе мнимой является свобода выбора занятій, при господствѣ капиталистическаго режима, въ другихъ сферахъ умственнаго труда. Условія спроса и предложенія, а также власти и зависимости самымъ дѣйствительнымъ образомъ ограничиваютъ эту свободу, ибо, если въ капиталистическомъ обществѣ и отсутствуетъ руководящая сознательная власть, зато ея мѣсто заступаютъ не менѣе принудительныя, но стихійныя силы всеобщей экономической борьбы. И потому не только пролета-

рій, эксплоатируемый капиталистомъ и находящійся въ полной зависимости отъ него, лишенъ свободы — даже и представители умственнаго труда, выходящіе, преимущественно, изъ рядовъ имущихъ классовъ, ученые, артисты, писатели, вообще люди либеральныхъ профессій, далеко не обладаютъ той свободой дѣятельности, которая является именно для этихъ родовъ труда столь необходимымъ условіемъ успѣшности и плодотворности работы.

Свободы бездѣлья при соціализмѣ, конечно, не будетъ, ибо свобода бездѣлья есть свобода эксплоатаціи чужого труда, къ уничтоженію которой именно и стремится соціализмъ. Но свобода всякаго полезнаго, и, въ особенности, умственнаго труда въ обществѣ будущаго должна не сократиться, а чрезвычайно расшириться.

Соціализмъ отнюдь не задается безумной мыслью подчинить общественной организаціи всѣ виды человѣческаго труда. Только по отношенію къ хозяйственному труду существующая принудительная капиталистическая организація должна быть замѣнена, при наступленіи новаго строя, такой же общественной организаціей. Но всѣ виды высшаго, творческаго труда должны получить въ будущемъ обществѣ самую широкую свободу, не стѣсненную, какъ теперь, условіями рынка. Было бы нелѣпо — и соціалисты въ этой нелѣпости неповинны — регулировать какими либо внѣшними правилами свободное творчество художника или мыслителя. Какъ и теперь, люди будутъ подъ вліяніемъ непреодолимаго внутренняго влеченія, искать истину и красоту. Но, въ отличіе отъ нашего времени, люди не будутъ придавлены къ землѣ хозяйственной нуждой и заботой; они будутъ избавлены соціализмомъ отъ неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, отъ постояннаго страха за будущее, который теперь такимъ свинцовымъ гнетомъ тяготѣетъ надъ человѣчествомъ и такъ губительно дѣйствуетъ на творческую работу.

Сокращеніе хозяйственнаго труда само по себѣ равносильно расширенію области свободы. Но соціалисты стремятся къ большему — придать привлекательный характеръ и самому хозяйственному труду. Великой заслугой Фурье является опроверженіе обычнаго мнѣнія, будто всякій хозяйственный трудъ, по самому существу, долженъ быть непріятенъ для человѣка. Таковъ характеръ хозяйственнаго труда въ современномъ обществѣ — это вѣрно. Трудъ чрезмѣрно продолжительный, въ ужасной гигіенической обстановкѣ, въ результатахъ котораго рабочій нисколько не заинтересованъ, конечно, не можетъ быть пріятенъ. Но при другой обстановкѣ, когда вся изобрѣтательность людей будетъ направлена на то, чтобы увеличить привлекательность труда, хозяйство перестанетъ быть тяжелымъ

бременемъ для человѣка, какимъ оно является теперь. И тогда, дѣйствительно, исчезнетъ всякое внѣшнее принужденіе и настанетъ свѣтлое царство полной свободы.

Итакъ, не грядущее рабство—грядущее освобожденіе человѣчества знаменуетъ собой соціализмъ, освобожденіе человѣческой личности, ибо—тутъ мы касаемся крайне важнаго пункта—соціализмъ есть не уничтоженіе, а верховное утвержденіе индивидуализма.

Противопоставленіе соціализма индивидуализму есть одно изъ наиболѣе вкоренившихся заблужденій, въ которомъ, къ тому же, повинны всего болѣе сами соціалисты. Этимологически слово соціализмъ, дѣйствительно, естественно противопоставляется слову индивидуализмъ. Слово «соціализмъ» возникло, въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка, причемъ творцы его этимъ новымъ терминомъ хотѣли охарактеризовать новое общественное направленіе, выдвигавшее значеніе общественнаго сотрудничества, въ противоположность господствовавшей экономической школѣ, признававшей идеаломъ хозяйственнаго строя неограниченную свободу единоличнаго предпринимательства. Пьеръ Леру утверждалъ — хотя и безъ достаточныхъ основаній — что терминъ «соціализмъ» былъ созданъ имъ, въ противоположность понятію «индивидуализма», причемъ подъ соціализмомъ онъ понималъ такую общественную организацію, «въ которой индивидуализмъ приносится въ жертву цѣлому, именуемому обществомъ». Противопоставленіе соціализма индивидуализму прочно утвердилось въ литературѣ и въ настоящее время является почти общепринятымъ какъ среди сторонниковъ, такъ и среди противниковъ соціализма.

Съ другой стороны, исторія происхожденія современнаго соціализма указываетъ на совершенно иное соотношеніе между индивидуализмомъ и соціализмомъ. Такъ, англійскій соціализмъ въ лицѣ Оуэна и Томпсона въ своей философской части непосредственно примыкаетъ къ философіи Бентама—одного изъ наиболѣе послѣдовательныхъ и яркихъ выразителей философскаго индивидуализма. Знаменитая книга Томпсона о принципахъ распредѣленія богатства, являющаяся самымъ замѣчательнымъ теоретическимъ продуктомъ англійской соціалистической мысли, представляетъ собой ни что иное, какъ систематическое приложеніе къ экономической наукѣ бентамовскаго принципа «наибольшого счастья». Послѣдователемъ Бентама былъ и учитель Томпсона—Оуэнъ.

Что касается до французскаго соціализма, то онъ былъ духовнымъ дѣтищемъ великой революціи. Индивидуалистическое міровоззрѣніе 18-го вѣка, достигшее въ революціи своего громоноснаго практическаго выраженія, окрашиваетъ всѣ работы Морелли, Мабли, Бабефа,

Фурье, сенъ-симонистовъ, Кабе, Луи Блана и другихъ представителей соціалистической мысли Франціи.

Шеффле сдѣлалъ какъ то парадоксальное на первый взглядъ замѣчаніе, что соціализмъ есть ни что иное, какъ «доведенный до крайней степени индивидуализмъ». Во всемъ этомъ вопросѣ коренится, очевидно, нѣкоторое недоразумѣніе. Вл. Соловьевъ опредѣляетъ практическій индивидуализмъ, какъ «утвержденіе и отстаиваніе человѣческой индивидуальности противъ различныхъ естественныхъ и историческихъ группъ и учрежденій, могущихъ ее подавлять». Что же такое представляетъ собой историческій соціализмъ—стремленіе къ утвержденію или къ угнетенію человѣческой индивидуальности?

Книга Лоренца Штейна о французскомъ соціализмѣ и коммунизмѣ, вышедшая въ 1842 г., представляетъ собой первую по времени научную характеристику различныхъ направленій французскаго соціализма. Интересно, какъ обосновываетъ Штейнъ соціализмъ. Идея человѣческой личности — говоритъ онъ—имѣетъ абсолютный характеръ. Эта идея требуетъ, чтобы каждой человѣческой личности были доступны высшія блага цивилизаціи. Однако, пользованіе этими благами возможно лишь подъ условіемъ обладанія извѣстными матеріальными средствами. Индивидуальное же обладаніе матеріальными средствами имѣетъ, по необходимости, исключительный характеръ: принадлежность вещи одному лицу дѣлаетъ невозможнымъ пользованіе ею другимъ лицомъ. Слѣдовательно, если матеріальныя средства богатства будутъ находиться въ индивидуальномъ обладаніи отдѣльныхъ лицъ, то возможно, что нѣкоторыя лица не будутъ обладать этими средствами, а, слѣдовательно, и не будутъ имѣть доступа къ благамъ цивилизаціи, чего требуетъ идея абсолютной личности. Иначе говоря, право частной собственности несовмѣстимо съ идеей абсолютной личности, и, такимъ образомъ, идея личности естественно приводитъ къ отрицанію права частной собственности. «Для мыслящаго человѣка возникаетъ задача—говоритъ Штейнъ — найти такую форму общества, при которой сохранилось бы личное владѣніе, и все же это владѣніе не становилось бы абсолютнымъ препятствіемъ для полнаго развитія личности. Это и есть общая идея, къ которой стремится соціализмъ, и въ этомъ заключается глубокое значеніе соціализма для внутренней исторіи цивилизаціи». Верховной цѣлью соціализма является, по словамъ Штейна, «законченное развитіе личности».

Итакъ, Штейнъ приходитъ къ заключенію, что соціализмъ есть завершеніе индивидуализма. Великій германскій ученый совершенно правильно разсмотрѣлъ истинную сущность новаго общественнаго ученія, которое выступало столь рѣзкимъ противникомъ экономическаго

либерализма. По своимъ средствамъ соціализмъ является антиподомъ экономическаго либерализма. Первые провозвѣстники свободы торговли искренно вѣрили, что экономическая борьба, всеобщее свободное соперничество есть лучшее средство достигнуть всеобщаго благосостоянія и всесторонняго развитія человѣческой личности. Оптимизмъ Кэнэ и Адама Смита, возлагавшихъ такія радужныя надежды на соціальныя послѣдствія экономической свободы, былъ вполнѣ естественнымъ результатомъ соціальнополитическихъ условій ихъ эпохи. Подавленная человѣческая личность протестовала противъ гнета, которому она подвергалась со стороны историческаго государства, опиравшагося на насиліе—и выраженіемъ этого протеста былъ либерализмъ 18-го вѣка, выступившій въ защиту личности подъ знаменемъ политической и экономической свободы.

Но событія очень скоро доказали, что экономическая свобода, свобода частнохозяйственнаго предпринимательства, не только не равносильна фактической свободѣ личности, а имѣетъ обратный смыслъ—порабощенія труда капиталомъ, иначе говоря, порабощенія огромнаго большинства народа. И вотъ—во имя тѣхъ же цѣлей защиты и утвержденія правъ личности—соціализмъ отвергъ мнимую капиталистическую свободу и вмѣсто нея развернулъ новое знамя—общественной организаціи труда. Средства радикально измѣнились, но цѣли остались тѣ же. И потому, какъ совершенно вѣрно указываетъ Дитцель, либерализмъ и коммунизмъ, по своему идеальному содержанію, находятся въ самомъ тѣсномъ родствѣ. «Либеральная программа школы Смита и физіократовъ—говоритъ Дитцель—есть первый продуктъ, въ области соціальной практики, индивидуалистической теоріи права; въ различныхъ коммунистическихъ программахъ отражается та же основная идея, но лишь въ болѣе послѣдовательной формѣ... Либерализмъ старшій, а коммунизмъ младшій братъ индивидуалистической теоріи права... Коммунизмъ есть не что иное, какъ продуктъ индивидуализма, какъ его крайнее послѣдствіе въ матеріально-хозяйственной области».

На то же указываютъ и другіе авторы. «Основная идея, налагающая свой отпечатокъ на всю классическую эпоху отъ Клопштока до Канта—замѣчаетъ Францъ Штаудингеръ — это идея разумно самоопредѣляющагося человѣка. Съ этой идеей вся указанная эпоха вступаетъ съ болѣе или менѣе яснымъ сознаніемъ въ принципіальное противорѣчіе съ предшествовавшими періодами феодализма и абсолютизма, связывавшими мысль, волю и дѣятельность человѣка извнѣ обязывающими нормами. Эта основная идея послѣ долгой внѣшней реакціи и глубокаго духовнаго сна вновь становится въ

послѣднія десятилѣтія жизненнымъ принципомъ современнаго духовнаго движенія. И она, что бы противъ этого ни говорили, составляетъ жизненный принципъ и истинный внутренній исходный пунктъ соціализма».

Внутренняя связь индивидуализма съ соціализмомъ сознается и руководящимъ теоретикомъ марксизма — Каутскимъ. «Только капиталистическому способу производства — говоритъ онъ—удалось уничтожить въ широкихъ кругахъ населенія стадное начало, превратить индивидуума, «сверхчеловѣка», изъ аристократическаго существа въ болѣе демократическое... Но индивидуализмъ, стремленіе къ свободному развитію своей личности, долженъ стать въ соціалистическомъ обществѣ еще несравненно шире и сильнѣе».

Обычное противопоставленіе индивидуализма соціализму основывается, такимъ образомъ, на чистомъ недоразумѣніи. Отчасти оно находится въ связи съ неопредѣленностью самого понятія индивидуализма. Только въ условномъ смыслѣ личность можетъ быть противопоставляема обществу; всѣ то, что составляетъ реальное содержаніе человѣческой личности, есть продуктъ общества, которое не есть простое скопленіе или сумма личностей, но нѣкоторое высшее единство. Общественность есть необходимое условіе индивидуальной жизни человѣка. Соціализмъ, конечно, не можетъ быть заподозрѣнъ въ игнорированіи значенія общественнаго элемента въ развитіи человѣческой личности. Для соціалистическаго міровоззрѣнія именно и характерно глубокое пониманіе ничтожности и безпомощности отдѣльнаго человѣка, предоставленнаго своимъ собственнымъ силамъ, внѣ связи съ себѣ подобными. Принципъ братства, солидарности людей въ достиженіи ихъ общихъ цѣлей, есть естественное основаніе соціалистической этики.

Въ отличіе отъ существующихъ системъ хозяйства, соціализмъ стремится перенести возможно большую часть хозяйственныхъ заботъ отъ индивидуальнаго человѣка на все общество. Но именно это и равносильно освобожденію личности человѣка, всестороннее развитіе которой составляетъ, съ соціалистической точки зрѣнія, конечную и верховную цѣль общественнаго союза.

Міросозерцаніе прежняго времени знало много высшихъ цѣнностей, которыя могли быть противопоставлены личности человѣка. Государство, церковь, національность и многое другое были такими цѣнностями, ради которыхъ приносилось въ жертву счастье людей. Но въ эпоху Возрожденія сложилось новое міросозерцаніе, которое не отрицая другихъ цѣнностей, признало, что среди всѣхъ ихъ есть одна, стоящая превыше всего остального. Этой цѣнностью является человѣческая личность. Въ философіи Канта это

міросозерцаніе получило свое наиболѣе глубокое философское обоснованіе. И современный соціализмъ есть не что иное, какъ радостный, бодрый и проникнутый глубокой любовью и вѣрой въ людей гуманизмъ, воскрешеніе свѣтлаго призрака ранней итальянской весны. Въ этомъ залогъ непобѣдимой силы соціалистическаго идеала, въ этомъ и причина энтузіазма, отличающаго соціалистическое движеніе среди всѣхъ остальныхъ, какъ съ грустью должны констатировать и его враги. Дѣйствительно, какой другой общественный идеалъ можетъ вдохновлять въ наше время людей? Все, что есть истиннаго и цѣннаго въ либерализмѣ, воспринято соціализмомъ, который все больше и больше становится вѣрованіемъ не только пролетаріата, переносящаго на себѣ всю тяжесть нашего мрачнаго и кроваваго времени, но и лучшихъ людей другихъ классовъ, всѣхъ тѣхъ, въ комъ жива вѣра въ лучшее будущее человѣчества, въ царство счастья, мира и свободы.

М. Туганъ Барановскій.

Земля или культура?

„Какъ бы широко и дѣйствительно радикально — такъ закончилъ я свою статью въ № 10 „Полярной Звѣзды“— ни было проведено дополнительное надѣленіе—оно никоимъ образомъ, ни на одинъ годъ, ни на одинъ мѣсяцъ, не можетъ отстрочить необходимости въ другихъ, болѣе радикальныхъ мѣрахъ къ подъему крестьянскаго хозяйства“... Ничего прочнаго и положительнаго расширеніе землевладѣнія, въ практически-мыслимыхъ размѣрахъ, крестьянамъ дать не можетъ. Объ этомъ могла бы быть рѣчь развѣ только если бы удалось увеличить крестьянскіе надѣлы гдѣ вдвое, гдѣ втрое или вчетверо, чтобы дать возможность: въ залежной полосѣ— возстановить правильное отношеніе пашни къ залежи, въ трехпольной—обратить достаточную часть надѣла подъ выгонъ или сѣнокосъ. Это, пожалуй, помогло бы—хотя тоже ненадолго, потому что приростъ населенія очень скоро привелъ бы крестьянское хозяйство въ то же положеніе, изъ какого оно только что было выведено широкимъ дополнительнымъ надѣленіемъ. Но практически *такое* дополнительное надѣленіе—мы видѣли—немыслимо; а разъ это такъ, то никакія заботы о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія не устранятъ самой неотложной необходимости въ болѣе коренныхъ, дѣйствительно радикальныхъ мѣрахъ къ подъему техники и экономики крестьянскаго хозяйства, упадокъ послѣдняго— результатъ всей совокупности условій, въ которыхъ складывалось и эволюціонировало современное крестьянское хозяйство. Слѣдовательно, и для подъема его требуется наступленіе по всей линіи: правильная податная и финансовая система, широкое развитіе народнаго образованія, школьнаго и внѣшкольнаго, освобожденіе личности крестьянина и просторъ для его личной и общественной самодѣятельности—но

наряду со всѣмъ этимъ требуется—и это меня, въ данную минуту, занимаетъ больше всего—агрикультурный подъемъ крестьянскаго хозяйства и повышеніе производительности крестьянскихъ земель.

Почему меня больше всего занимаетъ именно эта сторона вопроса? Да потому, что остальное, перечисленное мною,—общія мѣста, и разсуждать о необходимости народнаго образованія или правильной финансовой системы — это значило бы ломиться въ открытую дверь. Но не значитъ ли ломиться въ открытую дверь и доказывать необходимость техническаго подъема крестьянскаго хозяйства?.. Развѣ кто-нибудь ее отрицаетъ? Развѣ кто-нибудь въ ней сомнѣвается? Вѣдь ея не отрицаютъ и въ ней не сомнѣваются даже представители нашего „молодого народничества"!... Да, дѣйствительно, не отрицаетъ и не сомнѣвается никто. Но къ сожалѣнію этимъ вопросомъ никто и не интересуется,—для всѣхъ онъ стоитъ на второмъ или на десятомъ мѣстѣ. Отъ него отмахиваются какъ отъ надоѣдливой мухи или отъ докучливаго просителя (но увы—проситель не перестаетъ стучаться въ дверь, и того и гляди полѣзетъ въ окна!), и весь свой интересъ сосредоточиваютъ: кто на дополнительномъ надѣленіи, кто на уничтоженіи общины, кто на политической свободѣ и просвѣщеніи. Въ проектѣ резолюціи, предложенномъ на голосованіе апрѣльскаго аграрнаго съѣзда отъ имени его бюро, было категорически высказано, что необходимостью борьбы съ малоземельемъ „не только не исключается, но напротивъ—выдвигается на первый планъ вопросъ о широкой постановкѣ политики содѣйствія развитію сельско-хозяйственной культуры". Въ окончательно принятыхъ съѣздомъ резолюціяхъ эта категорическая и, по моему убѣжденію, единственно - правильная формулировка вопроса уже замѣнена гораздо менѣе рѣшительною: дополнительнымъ надѣленіемъ „нисколько не устраняется (еще бы она устранялась!) необходимость постановки и разрѣшенія вопросовъ о другихъ сторонахъ аграрной реформы"—въ томъ числѣ вопроса объ увеличеніи производительности и повышеніи техники крестьянскаго хозяйства... А въ программахъ какъ партіи к.-д., такъ и родственной ей партіи демократическихъ реформъ, агрикультурный вопросъ отодвинутъ куда то на десятое мѣсто и оставленъ безъ всякой разработки. Или еще характерный примѣръ. Въ № 1-мъ „Вѣстника сельскаго хозяйства" напечатанъ, подъ заглавіемъ „Очередныя задачи

общественной агрономіи", докладъ проф. В. Г. Бажаева [1]) годичному собранію общества взаимопомощи русскихъ агрономовъ. И въ докладѣ этомъ уважаемый профессоръ, самъ одинъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей русской общественной агрономіи, счелъ необходимымъ извиняться передъ своими товарищами по оружію въ томъ, что рѣшился „затруднить ихъ вниманіе" сообщеніемъ на тему „не о земельномъ вопросѣ". И не подумайте, читатель, что это было сообщеніе о томъ, что́ составляетъ первую обязанность и первый долгъ русскихъ агрономовъ; нѣтъ—В. Г. Бажаевъ, хотя и не безъ огорченія, мирится съ тѣмъ, что „переживаемый нынѣ деревнею острый кризисъ поневолѣ заставляетъ остановить (или только сократить) на нѣкоторое время текущую работу въ области агрономической помощи" и заняться направленіемъ крестьянскаго движенія въ русло закономѣрной борьбы и „подготовкою для предстоящей грандіозной культурной работы по переустройству крестьянской жизни". Вотъ тутъ то, думаетъ читатель, и выступятъ на сцену культурно-агрономическія задачи русскихъ агрономовъ!... Отнюдь нѣтъ: въ дальнѣйшемъ идетъ рѣчь и объ объединеніи крестьянъ на почвѣ крестьянскаго союза, и о проектахъ рѣшенія земельнаго вопроса, и о земскомъ самоуправленіи, и коопераціи,— и только гдѣ то въ самомъ концѣ нѣсколько общихъ замѣчаній относительно необходимости „усилій къ тому, чтобы могъ быть удовлетворенъ предстоящій въ весьма близкомъ будущемъ усиленный спросъ на агрономическую помощь".

Я отнюдь не имѣлъ и не имѣю въ виду полемизировать съ уважаемымъ В. Г. Бажаевымъ, дѣятельность котораго я высоко цѣню; да противъ чего же и полемизировать!... Вѣдь все то, что́ онъ предлагаетъ—это тоже очень хорошо. Для меня важно было только отмѣтить тѣ извиненія, которыми онъ счелъ необходимымъ обставить свою рѣшимость говорить *съ агрономами* „не о земельномъ вопросѣ", и тотъ болѣе нежели слабый интересъ, какой онъ, очевидно, разсчитывалъ встрѣтить въ средѣ своихъ слушателей къ тому, что́ составляетъ ихъ прямой долгъ и прямое дѣло...

А между тѣмъ, еще разъ повторяю: земли вѣдь вдоволь на всѣхъ не хватитъ. Значитъ; какъ широко ни рѣшать во-

---

[1]) Въ слѣдующемъ № „Полярной Звѣзды" мы дадимъ статью В. Г. Бажаева по аграрному вопросу. *Ред.*

просъ о дополнительномъ надѣленіи,—существеннаго улучшенія крестьянскаго благосостоянія *отъ этого* ожидать нельзя. Представьте себѣ, что тотъ или другой земельный фондъ, какой окажется, удастся планомѣрно распредѣлить. Очевидно, наиболѣе существенно расширится землевладѣніе страдающихъ острымъ малоземельемъ — всякихъ дарственниковъ и т. п.; среднеземельнымъ достанется уже сравнительно мало, такъ что ихъ землевладѣніе возрастетъ не вдвое и не втрое, а на какую-нибудь дробь; наконецъ, за извѣстнымъ высшимъ предѣломъ наличной обезпеченности землею крестьяне не получатъ уже никакого дополнительнаго надѣла,—не потому, чтобы это было теоретически ненужно („трудовыми" нормами можно обосновать какую угодно потребность!), а потому, что для нихъ не останется земли. А между тѣмъ, вѣдь острота переживаемаго кризиса отнюдь не убываетъ съ возрастаніемъ размѣровъ землевладѣнія; вѣдь бѣдствуютъ, болѣе или менѣе, всѣ; вѣдь голодаетъ, накопляетъ недоимки, вырождается физически и въ концѣ концовъ бѣжитъ, куда глаза глядятъ, не только дарственникъ съ его чуть не сплошь застроеннымъ „нищенскимъ" надѣломъ, — не только тотъ, значитъ, чей надѣлъ можетъ быть увеличенъ въ нѣсколько разъ, но и тотъ средній крестьянинъ, которому достанутся пустяки, и тотъ многоземельный, которому ничего не достанется. Признаки аграрно-хозяйственнаго кризиса наблюдаются и въ малоземельныхъ губерніяхъ центра, и среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ многоземельныхъ мѣстностей, которые всегда признавались обильно надѣленными землею, и среди переселенцевъ „на новыхъ мѣстахъ", располагающихъ, кромѣ своихъ 15-десятинныхъ надѣловъ, еще неограниченною возможностью дешевой аренды. Слѣдовательно, вопросъ о „широкой постановкѣ политики содѣйствія развитію сельскохозяйственной культуры", въ частности—вопросъ о необходимости усвоенія болѣе раціональныхъ способовъ и пріемовъ земледѣльческаго хозяйства и о повышеніи производительности земли, ставится *для всего* крестьянскаго населенія, независимо отъ степени его земельнаго обезпеченія, и энергичная дѣятельность въ этомъ направленіи необходима теперь же, неотложно, потому что никакое—повторяю еще разъ—*никакое*, практически-мыслимое, расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, само по себѣ, даже и на короткое время не избавитъ

крестьянина отъ хроническаго недоѣданія и періодическихъ голодовокъ.

Но тутъ выступаетъ на сцену цѣлый рядъ возраженій. „Агрикультурный прогрессъ въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ—говорилось въ проектѣ резолюцій апрѣльскаго аграрнаго съѣзда—встрѣчаетъ непобѣдимое препятствіе, прежде всего, въ крестьянскомъ малоземельѣ, устраненіе котораго и должно быть ближайшею задачей поземельной политики". Или, какъ формулируетъ ту же мысль М. И. Туганъ Барановскій: „безземельнымъ и малоземельнымъ надо прежде всего получить землю, а потомъ уже думать объ улучшеніи пріемовъ ея обработки". „Не можетъ быть рѣчи о массовомъ прогрессѣ с.-х. техники—говоритъ В. Г. Бажаевъ,—пока земли слишкомъ мало даже для удовлетворенія самыхъ элементарныхъ потребностей, пока земля можетъ служить орудіемъ эксплоатаціи, пока самъ народъ забитъ, теменъ и задавленъ непосильными платежами"...

Но тотъ же В. Г. Бажаевъ совершенно правильно отвѣчаетъ на подобнаго рода возраженія: „не вездѣ—говоритъ онъ—указанныя условія давили съ одинаковою силой, и не вездѣ поэтому пути къ агрономической помощи были отрѣзаны"...

Въ самомъ дѣлѣ: безземелье и малоземелье мѣшаютъ улучшенію сельскохозяйственной культуры, повышенію производительности крестьянскихъ земель. Совершенно вѣрно—*но только для безземельныхъ и малоземельныхъ*. Безземельный, конечно, не можетъ думать о повышеніи производительности земли, которой у него нѣтъ. Столь же очевидно не можетъ думать объ улучшеніи сельско-хозяйственной техники дарственникъ съ его „нищенскимъ" надѣломъ—для него повышеніе производительности земли, дѣйствительно, „встрѣчаетъ непобѣдимое препятствіе" въ его малоземельѣ. Ну, а бывшіе помѣщичьи крестьяне на полномъ надѣлѣ?... Вѣдь 4 — 5 десятинъ (приблизительный средній размѣръ земельнаго обезпеченія крестьянскаго двора въ среднерусскихъ губерніяхъ), это высшій предѣлъ землевладѣнія нѣмецкаго клейнбауера, и уже отсюда ясно, что при такомъ надѣлѣ не можетъ быть рѣчи о *невозможности* повышенія производительности надѣльной земли; можетъ быть, этому мѣшаютъ условія разселенія, растянутость надѣловъ, мелкополосица, устарѣлыя формы передѣла (я подчеркиваю—устарѣлыя формы, а не передѣлъ, какъ таковой),—но изъ всего

этого можетъ вытекать лишь необходимость упорядоченія землевладѣнія, а никакъ не увеличенія его площади, какъ необходимой предпосылки улучшенія крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства. Допустимъ, однако, что я и въ данномъ случаѣ не правъ. Ну, а бывшіе государственные крестьяне—развѣ *и имъ* малоземелье мѣшаетъ повышать производительность надѣльныхъ земель? Едва ли, потому что вѣдь ихъ до сихъ поръ никто не признавалъ малоземельными. А переселенцы, съ ихъ 15-ью десятинами на наличную душу?... Помилуйте, воскликнетъ читатель, да какой же имъ смыслъ думать объ интенсификаціи своего хозяйства, разъ земельный просторъ даетъ имъ возможность вести экстенсивное хозяйство и дѣлаетъ такое хозяйство единственно-раціональнымъ!... Увы—раціональность весьма сомнительная; она ведетъ за собою хроническія голодовки на необъятномъ просторѣ киргизскихъ степей и создаетъ у переселенцевъ всѣ признаки малоземелья, когда туземное населеніе благоденствуетъ на впятеро и вшестеро меньшемъ количествѣ земли. Но оставляя въ сторонѣ вопросъ о раціональности—во всякомъ случаѣ экстенсивное хозяйство при большомъ просторѣ является вполнѣ естественнымъ и интенсификація его—мало правдоподобною. Но вѣдь если такъ, то получается такое положеніе: на одномъ концѣ лѣстницы повышеніе техники крестьянскаго хозяйства встрѣчаетъ непобѣдимое препятствіе въ малоземельѣ; на другомъ оно встрѣчаетъ столь же непобѣдимое препятствіе въ многоземельѣ. Но вѣдь должна же быть такая середина, гдѣ *уже* нѣтъ многоземелья и *еще* нѣтъ давящей земельной нужды; гдѣ, слѣдовательно, возможно повышеніе техники крестьянскаго хозяйства?.. Полагаю, что на поставленный такимъ образомъ вопросъ не можетъ быть отрицательнаго отвѣта...

„Расширить площадь крестьянскаго землевладѣнія—говоритъ М. И. Туганъ Барановскій—нужно уже потому, что повышеніе производительности народнаго труда есть длинный и сложный процессъ, требующій для своего осуществленія многихъ лѣтъ и даже десятилѣтій, а крестьянская нужда не ждетъ и требуетъ помощи немедленно“. Это—аргументъ неотразимый, поскольку онъ направленъ на противниковъ расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Но прежде всего—„немедленно“ помочь дѣлу нельзя и путемъ расширенія крестьянскаго землевладѣнія: вспомните только

о подготовительныхъ работахъ, необходимыхъ для планомѣрнаго проведенія земельной реформы; вспомните, что неравномѣрное территоріальное распредѣленіе наличнаго и предвидимаго государственнаго земельнаго фонда ставитъ необходимымъ условіемъ осуществленія этой реформы переселеніе и разселеніе милліоновъ людей,—и вы увидите, что и земельная реформа „есть длинный и сложный процессъ, требующій для своего осуществленія многихъ лѣтъ", хотя, можетъ быть, и не десятилѣтій. Но главное: это, можетъ быть, доводъ въ пользу неотложности земельной реформы, но *не* доводъ (такъ, очевидно, понималъ и М. И. Туганъ Барановскій) въ пользу отсрочки мѣръ къ повышенію производительности народнаго труда: если этого рода мѣры и, въ частности, улучшеніе техники крестьянскаго хозяйства, требуютъ, дѣйствительно, многихъ лѣтъ и даже десятилѣтій, то тѣмъ необходимѣе сейчасъ же и какъ можно шире принять такія мѣры, потому что, чѣмъ скорѣй къ нимъ будетъ приступлено, тѣмъ раньше истекутъ года и десятилѣтія и тѣмъ скорѣе получатся необходимые результаты. А затѣмъ—еще такъ ли это? Дѣйствительно ли повышеніе производительности крестьянскаго хозяйства требуетъ десятилѣтій? Это, во всякомъ случаѣ, не доказано—напомню только о блестящей статьѣ А. И. Чупрова о „мелкомъ землевладѣніи и его основныхъ нуждахъ", напечатанной въ сборникѣ парижской русской высшей школы. Прежде, дѣйствительно, повышеніе производительности земли основывалось на дорого стоющихъ улучшеніяхъ, которыя окупались лишь по истеченіи болѣе или менѣе длиннаго срока. „Эти расчеты—говоритъ А. И. Чупровъ—существенно измѣнились, когда на первый планъ въ ряду мѣръ, поднимающихъ доходъ земледѣльца, выдвинулись минеральныя удобренія и улучшенныя сѣмена"; земледѣльческія улучшенія этого рода „дѣйствуютъ быстро, можно сказать, немедленно; подъ ихъ вліяніемъ жатва повышается въ тотъ же годъ, возвращая издержки съ обильною, а иногда даже съ громадною прибылью",—для примѣненія ихъ „не требуется ни продолжительной подготовки почвы, ни крупныхъ затратъ основного капитала",—и, въ конечномъ счетѣ, „практика минеральныхъ удобреній, улучшенныхъ сѣмянъ и травопольнаго хозяйства окрылила дѣло земледѣльческаго прогресса среди мелкихъ хозяевъ"; въ конечномъ счетѣ, „разъ въ умы сельскаго на-

селенія проникаетъ сознаніе цѣлесообразности тѣхъ или другихъ улучшеній, они осуществляются съ поразительною быстротой,—*съ такою быстротой, которая не имѣетъ ничего общаго съ темпомъ перемѣнъ въ землевладѣніи*"...

Но тутъ то мы и натыкаемся на самое существенное возраженіе. Я сказалъ: разъ въ умы сельскаго населенія проникаетъ сознаніе цѣлесообразности улучшеній... Но, можетъ быть, какъ разъ для этого то проникновенія и требуются года и даже десятилѣтія?..

Это, несомнѣнно, до извѣстной степени такъ, и въ концѣ настоящей статьи я постараюсь объяснить, почему; заранѣе скажу, что основную причину, задерживающую прогрессъ крестьянскаго хозяйства, я вижу совсѣмъ не въ томъ, въ чемъ ее принято видѣть. Для повышенія техники крестьянскаго хозяйства—говорятъ обычно—требуется извѣстный уровень общаго образованія и развитія, требуется просторъ для личной и общественной самодѣятельности и т. д.; нашъ крестьянинъ невѣжественъ, задавленъ нуждою, вѣковая опека отучила его отъ всякой самодѣятельности, и только тогда, когда поднимется общій умственный уровень крестьянскихъ массъ, когда изгладятся слѣды вѣкового гнета, только тогда можно надѣяться на повышеніе техники сельскаго хозяйства и производительности крестьянскихъ земель.

Господа!.. Вѣдь и я, и тѣ, кто вѣроятно будетъ возражать на мою статью или презрительно пожметъ по поводу нея плечами, — мы всѣ вѣдь требуемъ для крестьянина всѣхъ правъ, въ томъ числѣ избирательнаго права по четырехчленной формулѣ, вообще участія въ дѣлахъ государственнаго и мѣстнаго управленія. Такъ неужели же крестьянинъ, котораго мы, значитъ, признаемъ способнымъ разбираться въ вопросахъ, далеко выходящихъ за предѣлы обычнаго крестьянскаго кругозора,—неужели этотъ крестьянинъ неспособенъ уразумѣть такія простыя вещи, какъ преимущество хорошихъ сѣмянъ передъ плохими, какъ выгоды, доставляемыя травосѣяніемъ, какъ эффектъ навознаго или минеральнаго удобреній, какъ результаты глубокой или мелкой вспашки? Это и совершенно неправдоподобно, и едва ли соотвѣтствуетъ фактамъ. Мы видимъ прежде всего, что отнюдь не выше стоящія въ отношеніи умственнаго развитія туземныя племена многихъ изъ нашихъ окраинъ—назову

хотя бы сартовъ въ Туркестанѣ, китайцевъ на Дальнемъ Востокѣ, разнообразнѣйшихъ кавказскихъ туземцевъ,—племена, историческое воспитаніе которыхъ совершалось отнюдь не въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, нежели воспитаніе русскаго крестьянина, довели свою сельскохозяйственную технику до такого уровня, который является для нашего крестьянина недосягаемымъ идеаломъ. А затѣмъ — вѣдь и самъ нашъ крестьянинъ отнюдь не проявляетъ той безусловной неподвижности къ воспріятію улучшенныхъ формъ хозяйства, какую ему приписываютъ... его слишкомъ горячіе друзья. „Мудрено доказывать — говоритъ тотъ же А. И. Чупровъ — недоступность усовершенствованной техники для крестьянъ-общинниковъ (и конечно и для необщинниковъ! *А. К.*) послѣ того, какъ въ послѣдніе 10 — 15 лѣтъ тысячи крестьянскихъ общинъ въ разныхъ частяхъ Россіи съ успѣхомъ осуществили самый трудный шагъ на пути къ раціональному земледѣлію—перешли отъ трехполья къ многополью съ посѣвомъ травъ—дальнѣйшіе шаги уже гораздо легче". Достаточно напомнить о чрезвычайно быстромъ распространеніи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, минеральныхъ удобреній, и въ очень многихъ—улучшенныхъ орудій и сельскохозяйственныхъ машинъ, мѣстами безъ всякаго планомѣрнаго воздѣйствія въ этомъ направленіи; какъ быстро усвоеніе крестьянами въ Туркестанѣ техники поливного хозяйства; какъ феноменально быстро развитіе экспортнаго маслодѣлія въ Западной Сибири, а въ связи съ этимъ значительно улучшеніе техники крестьянскаго скотоводства,—достаточно вспомнить обо всемъ этомъ и о многомъ другомъ, чтобы увидѣть, что наше крестьянство даже и при данномъ культурномъ уровнѣ отнюдь не абсолютно инертно и не недоступно культурному воздѣйствію, что такое воздѣйствіе, будучи широко и планомѣрно поставлено, можетъ оказаться плодотворнымъ и ранѣе распространенія всеобщаго обученія и не ожидая обнаруженія послѣдствій политическихъ реформъ.

Наконецъ, еще послѣднее возраженіе — вопросъ о средствахъ. Вопросъ, конечно, очень серьезный. Но всетаки — и не въ средствахъ дѣло, и не въ ихъ отсутствіи главное препятствіе повышенію техники крестьянскаго земледѣлія. Вѣдь не всѣ же, въ концѣ концовъ, крестьяне поголовно нищіе, и есть же между ними такіе, которые имѣютъ нѣсколько

десятковъ или сотенъ рублей оборотнаго капитала—вся бѣда въ томъ, что этотъ капиталъ они употребятъ не на повышеніе производительности земли, а на расширеніе размѣровъ хозяйства, путемъ покупки или аренды. А поскольку у нихъ дѣйствительно нѣтъ средствъ—эти средства *должны* быть доставлены крестьянамъ всѣми возможными путями, и, въ особенности, самой широкой организаціей мелкаго народнаго кредита, которую такъ краснорѣчиво проповѣдуетъ А. И. Чупровъ. Средства на это *должны* найтись, потому что въ улучшеніи крестьянскаго хозяйства — вся будущность нашего крестьянства, вся будущность нашей страны. И организовать потребный для этого кредитъ будетъ, мнѣ думается, тѣмъ менѣе затрудненій, что современная сельскохозяйственная техника, какъ я уже указывалъ, слѣдуя за А. И. Чупровымъ, выработала цѣлый рядъ такихъ средствъ къ поднятію производительности земли, которыя даютъ весьма быстрые и вѣрные результаты и, слѣдовательно, вполнѣ обезпечиваютъ скорое погашеніе ссудъ.

Однако, я ошибся,—и это возраженіе, выдвигаемое противъ „культурниковъ", тоже еще не послѣднее. Говорятъ, что интенсификація крестьянскаго хозяйства, можетъ быть, невыгодна; что какъ ни безобразно, съ технической точки зрѣнія, существующее крестьянское хозяйство, всетаки оно является раціональнымъ, и даже единственно раціональнымъ, потому что соотвѣтствуетъ всей совокупности условій, подъ вліяніемъ которыхъ слагалось и сложилось крестьянское хозяйство. Къ сожалѣнію, я не встрѣчалъ какой-либо попытки доказать или обосновать этотъ варіантъ гегелевскаго „что дѣйствительно—то разумно", а цѣлый рядъ соображеній заставляетъ меня считать его, по меньшей мѣрѣ, слабо обоснованнымъ. Прежде всего, можно ли a priori признавать всякое болѣе интенсивное хозяйство невыгоднымъ и нераціональнымъ, разъ параллельно съ „раціональнымъ" хозяйствомъ нашихъ крестьянъ существуетъ и процвѣтаетъ другое—значитъ ирраціональное?—хозяйство: въ приозерныхъ губерніяхъ арендаторовъ—латышей и эстонцевъ, въ Туркестанѣ—сартовъ и осѣдлыхъ киргизъ, въ уссурійскомъ краѣ—китайцевъ и корейцевъ, въ черноморьѣ—грековъ, черкесовъ и всякихъ другихъ, не русскихъ земледѣльцевъ? Можно ли говорить о „невыгодности" улучшенныхъ способовъ земледѣльческаго хозяйства, разъ существующія

формы, разъ это „раціональное“ или—очевидно предполагается—выгодное крестьянское хозяйство обезпечиваетъ крестьянамъ лишь хроническое недоѣданіе и постепенное физическое вырожденіе; разъ корень нашего аграрнаго вопроса именно въ томъ и заключается, что господствующіе у крестьянъ хозяйственные порядки уже давно стали (а на многихъ изъ нашихъ окраинъ всегда были) *не* раціональными, что они представляютъ собою анахронизмъ, совершенно не соотвѣтствующій современнымъ условіямъ и въ частности современной густотѣ населенія?..

Словомъ: съ какой бы стороны ни подходить къ вопросу о необходимости и возможности теперь же, не откладывая въ долгій ящикъ, приступить къ широкой и энергичной работѣ, направленной непосредственно къ подъему техники крестьянскаго хозяйства, какія бы ни брать возраженія, обычно приводимыя противъ такой необходимости и возможности,—результатъ получается одинъ, и возраженія, свидѣтельствуя о *трудности* задачи, отнюдь не доказываютъ ея *неразрѣшимости*. А трудности, какъ бы онѣ ни были велики, *необходимо* преодолѣть, потому что всякая земельная реформа только *при условіи* такого повышенія, — что всеобщая грамотность, политическая и личная свобода и всякія другія подобныя же идеальныя блага только *черезъ посредствующее звено* повышенія производительности крестьянскихъ земель могутъ повести за собой столь неотложное улучшеніе хозяйственнаго положенія нашего крестьянства. И это приводитъ насъ еще къ одному, первостепенно важному соображенію: вѣдь, какъ бы ни были увеличены надѣлы малоземельныхъ или даже не малоземельныхъ крестьянъ, какъ бы ни повысился умственный уровень крестьянина и какъ бы широко онъ ни воспользовался благами личной и политической свободы,—всетаки крестьянинъ *самъ* не выработаетъ тѣхъ путей, которыми должно итти развитіе техники крестьянскаго хозяйства. „Исторія перемѣнъ въ хозяйственной техникѣ—говоритъ А. И. Чупровъ—ясно свидѣтельствуетъ, что стремленіе къ нимъ безъ помощи свѣдущихъ лицъ не можетъ даже возникнуть среди мелкихъ землевладѣльцевъ“. Роль такихъ „свѣдущихъ лицъ“ до извѣстной степени играютъ и еще долго будутъ играть частные землевладѣльцы,—но, конечно, главная роль въ этомъ дѣлѣ если не принадлежитъ сейчасъ, то *должна* принадлежать обще-

ственной агрономіи. А готова ли наша общественная агрономія отвѣтить на тѣ вопросы, которые ей будутъ поставлены населеніемъ, и удовлетворить тѣмъ требованіямъ, которыя къ ней будутъ предъявляться? Очевидно, нѣтъ. О государственной агрономіи у насъ, пока, не приходится и говорить. Немногимъ больше сдѣлали пока и земства. „Изъ обширной программы агрономическаго содѣйствія народу — говоритъ опять таки А. И. Чупровъ — выполнено до сихъ поръ земскими организаціями немного. Въ черноземной полосѣ еще твердо не установлено, повидимому, какую систему полеводства слѣдуетъ рекомендовать крестьянамъ взамѣнъ отживающаго зернового трехполья, и дѣло находится пока въ подготовительной стадіи". То же самое я буду утверждать относительно заволжскаго юго-востока, гдѣ общественная агрономія (въ данномъ случаѣ не земская, а казенная), въ лицѣ В. С. Богдана, только что начала намѣчать выходъ изъ господствующаго еще здѣсь даже не трехполья, а пестрополья; или относительно сѣвернаго полѣсья, гдѣ трехполье уже стало пережиткомъ, и современныя условія настоятельно требуютъ чего то другого — чего то, тоже еще даже не намѣченнаго общественною агрономіею. „Работа дѣятелей общественной агрономіи — говоритъ В. Г. Бажаевъ въ уже цитированной статьѣ — была необходима потому, что она накопляла драгоцѣннѣйшій запасъ опытныхъ указаній и вообще подготовляла почву для будущей болѣе мирной дѣятельности при обновленныхъ общественныхъ условіяхъ". *Подготовляла*, но еще слишкомъ мало *подготовила*. Общественная агрономія должна быть безотлагательно усилена во много разъ, она должна, не покладая рукъ, не забывая о своемъ прямомъ дѣлѣ даже ради самыхъ животрепещущихъ нуждъ насущнаго момента, работать дальше въ томъ же направленіи. Развивать среди населенія идеи крестьянскаго союза, разъяснять ему разные проекты аграрной реформы — найдется кому и безъ агрономовъ. Но *никто* кромѣ агрономовъ не сдѣлаетъ *ихъ* спеціальнаго дѣла, и они должны энерничо готовиться къ тому, надо думать, уже недалекому отъ насъ моменту, когда отъ вопроса объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства уже нельзя будетъ отговариваться ни надеждами на дополнительный надѣлъ, ни мечтами о благодѣтельномъ вліяніи политической свободы и всеобщаго

обученія; къ тому моменту, когда крестьяне сознаютъ, что все спасеніе—къ коренномъ улучшеніи способовъ и пріемовъ земледѣльческой культуры, и обратятся со своими запросами къ общественной агрономіи. Вѣдь стыдно будетъ, если она и тогда не сможетъ дать положительныхъ отвѣтовъ на народные запросы!..

Интенсификація, вообще серьезное улучшеніе крестьянскаго хозяйства, несомнѣнно, встрѣчаетъ въ настоящее время одно серьезное препятствіе, которое я однако вижу отнюдь не въ томъ, въ чемъ принято видѣть: не въ неспособности крестьянина понять непосредственную пользу улучшеній, не въ мнимой невыгодности ихъ, не въ недостаткѣ средствъ,— а *въ психологіи народныхъ массъ,* пережившей тѣ условія, при которыхъ она создалась. „Чтобы совершилась перемѣна въ интенсивности труда—говоритъ А. И. Чупровъ въ своемъ знакомомъ всѣмъ и каждому курсѣ политической экономіи, долженъ пройти извѣстный, болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени; если нація въ теченіе долгаго времени находилась подъ вліяніемъ причинъ, не благопріятствовавшихъ энергичной работѣ, то вялость въ трудѣ сохраняется долго даже послѣ того, какъ устраняются условія, ее производившія". Уважаемый профессоръ ссылается, въ виду примѣра, на „слѣды крѣпостного права, доселѣ замѣтные на характерѣ русскаго народа". Но еще болѣе рѣзкій примѣръ представляетъ собою та хозяйственная психологія нашего крестьянина, о которой я упомянулъ. Наша родина только еще выходитъ изъ періода колонизаціи своей территоріи, и всѣ трудовыя привычки, вся психологія крестьянина цѣликомъ вынесены имъ изъ этого періода. Когда крестьянскія поля переставали родить хлѣбъ, онъ бросалъ ихъ и распахивалъ цѣлинныя земли; „стало тѣсно", „повыпахались" цѣлины по цѣлой округѣ, — онъ шелъ на новыя мѣста, искать вольныхъ и „крѣпкихъ" земель; и это было совершенно правильно, пока земли было вволю и „новыхъ мѣстъ" имѣлось въ изобиліи. Теперь совершенно иное: вольныя земли, какія еще есть, очень не заманчивы, переселяться некуда или не стоитъ; условія хозяйства „на сторонѣ" таковы, что старые пріемы не обезпечиваютъ крестьянину ничего, кромѣ нужды и голодовокъ. Но хозяйственная психологія нашего крестьянина „сохраняется послѣ того, какъ устранились условія, ее производившія": она гонитъ его по прежнему вширь, когда

настала пора направить свои усилія вглубь. И въ этомъ я вижу и одну изъ коренныхъ причинъ нашего современнаго кризиса, и одно изъ существеннѣйшихъ препятствій распространенію въ народныхъ массахъ улучшенныхъ способовъ и пріемовъ хозяйства. Справедливо говорятъ, что для улучшенія хозяйства нужны знанія и средства. Но въ томъ то и дѣло, что крестьянинъ, если у него есть оборотныя средства, по многовѣковой привычкѣ обратитъ ихъ не на интенсификацію своего хозяйства, а на расширеніе его, на покупку или аренду земли, хотя бы и на самыхъ не выгодныхъ условіяхъ, а если кругомъ нечего купить или арендовать, то на переселеніе. Дѣло въ томъ, что онъ *не вѣритъ* въ улучшенные пріемы и *не желаетъ* ихъ усваивать, разъ они стоятъ въ противорѣчіи съ его трудовыми привычками — не вѣритъ и не желаетъ именно потому, что по прежнему еще ищетъ простора и вѣритъ въ возможность его найти. Каково вліяніе и каковы послѣдствія этого стремленія, во что бы то ни стало, вширь — можно прекрасно видѣть на нашихъ экзотическихъ окраинахъ—въ Туркестанѣ и въ Уссурійскомъ краѣ. Въ Туркестанѣ у крестьянина передъ глазами примѣръ выработавшагося тысячелѣтнею практикою, превосходно приспособившагося къ всей совокупности мѣстныхъ условій и приспособляющагося къ конъюнктурѣ хозяйства сартовъ на Дальнемъ Востокѣ — примѣръ подходящаго подъ такую же характеристику хозяйства корейцевъ и китайцевъ. Крестьянинъ—переселенецъ отнюдь не проявляетъ и здѣсь какой-либо абсолютной неспособности приспособляться и учиться—напротивъ, въ Туркестанѣ онъ весьма быстро перенимаетъ, какъ я упоминалъ, пріемы туземной ирригаціи. И тѣмъ не менѣе онъ продолжаетъ вести и здѣсь, и тамъ, свое традиціонное пшеничное хозяйство, благодаря которому въ Уссурійскомъ краѣ уже сейчасъ обезлюдѣло немало деревень, и русскій трудъ мало по малу вытѣсняется китайскимъ, а въ Туркестанѣ крестьянину „тѣсно", крестьянинъ арендуетъ землю, хлопочетъ о прирѣзкахъ и въ концѣ концовъ уходитъ на „новыя мѣста" при вчетверо и вшестеро большихъ земельныхъ надѣлахъ, чѣмъ имѣютъ земли осѣдлые туземцы. И всякій крестьянинъ въ этихъ мѣстностяхъ скажетъ вамъ отчего это происходитъ: оттого, что крестьянину „неподходящее дѣло", „не съ руки" копаться въ землѣ, какъ дѣлаютъ сарты или корейцы; ему надо побольше распахать да посѣять пшеницы,

хотя бы большая распашка и посѣвъ давали ему, въ концѣ концовъ, меньше, нежели даютъ китайцу или сарту ихъ маленькія поля, раздѣленныя квадратиками на подобіе шахматной доски.

Переработка этой народной психологіи — необходимое условіе радикальнаго разрѣшенія нашего аграрнаго кризиса, и обязанность нашей интеллигенціи — содѣйствовать такой переработкѣ, а не поддакивать крестьянамъ въ ихъ несбыточныхъ мечтахъ о „новыхъ мѣстахъ" съ молочными рѣками и о дополнительномъ надѣленіи на весь приростъ населенія, по неправдоподобнымъ нормамъ.

И что это дѣйствительно такъ—что это стремленіе вширь, эта *физическая* возможность расширять свои запашки, и вообще свое землепользованіе, въ настоящее время отнюдь не являющаяся *экономическою* возможностью, дѣйствительно является коренною причиною, задерживающею улучшеніе крестьянскаго хозяйства,—за доказательствами этого нѣтъ необходимости забираться въ Уссурійскій край или туркестанскія пустыни, — аналогичныя, по внутреннему смыслу, явленія наблюдаются и на многоземельныхъ окраинахъ Европейской Россіи, хотя бы и въ самарскихъ степяхъ или въ вологодскомъ полѣсьѣ. Мнѣ лично приходилось, хотя и весьма бѣгло, наблюдать крестьянское хозяйство въ этихъ мѣстностяхъ и, частью, излагать въ печати результаты своихъ наблюденій. Но по странной случайности, какъ разъ въ то время, какъ я обдумывалъ эту статью, мнѣ попались въ руки два любопытнѣйшихъ свидѣтельства мѣстныхъ людей: изъ вологодскаго полѣсья—статья г. Диго въ „Вѣстникѣ сельскаго хозяйства", изъ новоузенскихъ степей — статья г. Колесникова въ одной изъ саратовскихъ газетъ. И оба они, точно сговорившись, пишутъ, въ существѣ, одно и то же: чтобы насталъ конецъ уже давно пережившему себя хозяйству, искусственно поддерживаемому широкою возможностью аренды казенныхъ земель, необходимо, какъ выражается г. Диго, „пустить въ обращеніе" весь арендный фондъ, или какъ еще яснѣе выражается г. Колесниковъ, скорѣе отдать пришлымъ переселенцамъ тѣ земли, которыя въ настоящее время арендуются новоузенскими крестьянами. „Когда весь фондъ естественныхъ луговъ (а въ вологодскомъ полѣсьѣ весь вопросъ—именно въ арендѣ покосовъ, необходимыхъ для поддержанія трехпольнаго хозяйства на надѣльныхъ земляхъ) будетъ пущенъ въ обращеніе, только

тогда—говоритъ г. Диго—создадутся общія условія для эволюціи мѣстнаго сельскаго хозяйства; тогда населеніе будетъ поставлено лицомъ къ лицу съ относительнымъ, по его понятіямъ, малоземельемъ, а агрономическая помощь, по недостатку готовыхъ силъ, которыя понадобятся по всей Россіи, не будетъ поспѣвать за жизнью".

И я взываю къ агрономамъ и лицамъ, такъ или иначе, причастнымъ къ агрономіи: господа, большой грѣхъ вамъ будетъ, если поставленное лицомъ къ лицу съ относительнымъ малоземельемъ (а устранить или отсрочить этого уже не сможетъ никакая въ мірѣ, даже самая радикальная земельная реформа) крестьянство обратится къ вамъ съ серьезными запросами, а вы — „не будете поспѣвать за жизнью"...

А. Кауфманъ.

Религія, политика и культура [1]).

I.

Какъ то боязно писать о вопросахъ, хотя бы крупныхъ и важныхъ, самыхъ важныхъ для индивидуальнаго сознанія, но выходящихъ за черту нашей практики—насущныхъ политическихъ нуждъ. Много шансовъ возбудить недовольство, очень мало—быть понятымъ и поддержаннымъ. Г. Гревсъ правильно замѣчаетъ [2]), что русскій политическій дѣятель по преимуществу завзятый позитивистъ. Добавлю—позитивистъ воинствующій, съ подозрѣніемъ поглядывающій во всѣ стороны, не вынырнетъ ли гдѣ психологія, которой мало голой политики и горячо хочется иныхъ радостей. Не стану спорить, Брюсовъ, можетъ быть, правъ, когда смиренно-гордо совѣтуетъ:

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и вѣры
Унесемъ зажженные свѣты
Въ катакомбы, въ пустыни, въ пещеры.

Бываетъ глубина скорби и торжественность великихъ подъемовъ, когда слова о чемъ-либо постороннемъ звучатъ холоднымъ кощунствомъ. Въ такихъ случаяхъ—дѣло простого такта скромно отойти въ сторону, унося съ собой свои свѣты. Было время—мы и готовы были отойти. Насъ провожали насмѣшливыми улыбками, какъ бѣглецовъ съ поля битвы, намъ вслѣдъ звучалъ ѣдкій упрекъ:

Укройтесь въ подземные своды
Пока не минетъ тревога,
Пока не дадимъ вамъ свободы,

---

[1]) Редакція, печатая статью г. Галича, считаетъ предлагаемое авторомъ сочетаніе идеалистической философіи съ традиціоннымъ *„соціал-демократическимъ“* пониманіемъ соціализма философски неправомѣрнымъ. *Ред.*

[2]) „Полярная Звѣзда“ № 12, стр. 68.

Для всѣхъ единаго бога.
Возжгите факелъ свой дымный,
Укройте въ пещерахъ скрижали.
Слагайте сказанья и гимны
О томъ, какъ мы умирали.

Это писала Тэффи—яркая, глубоко-мистическая поэтесса, которая не могла не понимать, что Брюсовъ звалъ не дезертировать, не бѣжать, бросивъ щитъ и доспѣхи, а бережно, съ благоговѣйной печалью укрыть въ склепъ святыню, чтобы спасти ее отъ грозившаго поруганія.

Было время, когда въ хорѣ литературныхъ голосовъ не слышно было „мудрецовъ и поэтовъ". Имъ казалось, что подъемъ такъ великъ, грозный часъ такъ торжественно поглощающъ, что въ этотъ мигъ, закрывъ свое святая святыхъ, надо жить только внѣшней своей душою, потопивъ ее въ гражданской стихіи:

...и снова я съ людьми, затѣмъ что я поэтъ,
Затѣмъ что молніи сверкали.

Это было романтическимъ заблужденіемъ, романтическимъ, какъ всѣ крайности нашей революціи, которая въ глазахъ многихъ рисовалась чѣмъ то вродѣ грозы, мгновеннымъ, потрясающимъ вихремъ, а не длительнымъ процессомъ организаціи. Тотъ, кто отходилъ въ сторону,—ожидалъ грознаго урагана, могучаго, разрушительнаго и короткаго. Но вихри налетали за вихрями, революціи слѣдовали за революціями — я пользуюсь здѣсь мѣткимъ выраженіемъ П. Б. Струве—а мучительный, тяжелый процессъ, все еще не подходилъ къ своему концу. Всѣ ли убѣдились теперь, что пережидать его было бы неразумно?

На часъ можно забыть, что есть святыни и за чертою политики. Можно унести свѣты, чтобы ихъ не загасилъ ураганъ. Но если ждать годы, то масло въ свѣтильникахъ истощится, преемственность культуры порвется и тогда что же?—Неужели начинать съизнова?

Къ сожалѣнію, вся бѣда въ томъ, что ни въ одной изъ нашихъ политическихъ партій нѣтъ искреннихъ культурныхъ стремленій, выходящихъ за предѣлы политики. Въ этомъ смыслѣ психологія соціалиста мало разнится отъ психологіи любой другой группы. Есть цѣнности, повсюду запретныя, повсюду принимаемыя съ холодностью, съ обиднымъ

пренебрежительнымъ равнодушіемъ. Я не могу не вспомнить Лесевича, писавшаго о Владимірѣ Соловьевѣ:

„Ему ставятъ въ заслугу—свою философію, говорятъ, искалъ. А Чернышевскій своей не искалъ, а обществу послужилъ. Горе намъ, что общественный критерій куда то ухнулъ".

Вотъ, значитъ, преступленіе Соловьева: свою философію искалъ, а для ухнувшаго общественнаго критерія это равносильно нулю. И ему ставится въ примѣръ Чернышевскій.

Конечно, политическія программы—не своды философскихъ міровоззрѣній. Этикетки: „конституціоналистъ-демократъ", „членъ союза 17 октября" или „соціалистъ-революціонеръ" не опредѣляютъ всей духовной физіономіи, а только практическое и теоретическое признаніе тѣхъ или иныхъ общественно-политическихъ лозунговъ. Но развѣ совершенно немыслимо, чтобы теченія, вся правда которыхъ сводится къ подъему культуры—а не таковы ли западный соціализмъ и наша русская конституціонная демократія?—вмѣстѣ съ внѣшней политической техникой воспріяли и духовное содержаніе и не только подвигали къ культурѣ, но и сами воспріяли культуру,—крещеніе Св. Духомъ?

Хочется сказать: буди! буди! не смотря на печальныя предвѣщанія.

II.

Въ № 12-омъ „Полярной Звѣзды" интересно поднятъ вопросъ, зачисленный въ разрядъ недозволенныхъ. Говорю, конечно, о статьѣ С. Л. Франка, посвященной религіи и культурѣ. Въ спорѣ Франка съ Д. С. Мережковскимъ я стою на сторонѣ перваго, пока рѣчь идетъ о борьбѣ съ догматизмомъ. Но въ *чаяніи* общественнаго устройства на основаніи религіознаго общенія я рѣшительно на сторонѣ Мережковскаго. Политика должна быть безрелигіозной, точно такъ же, какъ медицина и техника. Но нельзя ли допустить мысль, что политика имѣетъ предѣлъ, что она лишь временный фазисъ, что будетъ день, когда она кончится, сама себя упразднитъ, и что тогда ея объединяющая мощь перейдетъ къ инымъ психическимъ факторамъ—главнымъ образомъ къ религіозному общенію?

За теократіей Д. С. Мережковскаго скрывается другой

ликъ—давно извѣстный въ политикѣ, ликъ полнаго ея отрицанія, идеалъ вселенской анархіи. Когда анархія выдвигается въ наши дни и вступаетъ въ распрю съ политикой—она грозитъ смертью культурѣ, хотя бы формы ея и дышали благодатною кротостью. Мы находимся теперь въ такомъ фазисѣ, когда главная забота людей—освободиться отъ господства природы. Тяжкая война съ этимъ врагомъ—главный паѳосъ историческаго процесса, хотя и скрытый въ тайникахъ безсознательнаго. Осевой стержень марксизма—его взглядъ на эволюцію производства, какъ на толкающую силу исторіи,—только такъ и можетъ быть истолкованъ, что въ процессѣ историческаго развитія люди покоряютъ природу и всѣмъ жертвуютъ для этой побѣды. „Производительность"—боевой лозунгъ исторіи. Только тамъ, гдѣ возрастаетъ она, можно говорить о прогрессѣ. Мы поймемъ, какъ справедливо это мѣрило, когда вспомнимъ, что освобожденіе отъ природы и подчиненіе ея нашей волѣ—необходимое условіе для того, чтобы могли вырости культурныя цѣнности. Для того, чтобы творить цѣнности, необходимы обезпеченность и досугъ. А они растутъ только тамъ, гдѣ повышается производительность труда.

Формы политическаго устройства приспособляются къ производственному процессу; онѣ слагаются такъ, чтобы обезпечить ему наибольшую успѣшность. Реакціонны всѣ формы общежитія, стѣсняющія размахъ производства. Вотъ почему анархическія общины, мечтающія раздробить производство, расчленить его міровой механизмъ на ячейки мелкихъ хозяйствъ — по существу враждебны прогрессу. Въ крестьянскихъ и ремесленныхъ странахъ, каковы Трансвааль, Данія, отчасти Канада и Австралія—въ этихъ полуанархическихъ территоріяхъ—многогранная культура тускнѣетъ. Нѣтъ богатства, нѣтъ розмаха, нѣтъ творчества. Жизнь становится безцвѣтной и монотонной.

Конечно, не такая анархія влечетъ къ себѣ мечты Мережковскаго. Вотъ человѣкъ, влюбленный въ культуру, во всей ея живой многогранности, человѣкъ, любящій землю въ ея пестрой и заманчивой пышности, человѣкъ, весь паѳосъ котораго—преодолѣніе историческаго Христа съ его безплотной небесностью, безпощадно отметающей все земное. Мы не забыли Мережковскаго—ницшеанца, Мережковскаго восьмидесятыхъ годовъ, еще не помышлявшаго о Христѣ,

но уже влюбленнаго, влюбленнаго безъ конца, въ вѣчныя культурныя цѣнности—въ красоту, въ индивидуальный розмахъ, въ утвержденіе и расцвѣтъ жизни. И позднѣе, повернувшись къ религіи, Мережковскій не повергъ своихъ идоловъ, онъ перенесъ ихъ въ храмъ своей вѣры, и его религія Троицы, его апокалипсическое христіанство есть попытка своего рода синтеза между всеединствомъ и всеобъемлемостью Божества и безконечной индивидуализаціей міра.

Повернувъ спину къ прогрессу и разорвавъ связь съ землею и человѣчествомъ, ради приближенія къ Божеству, мы погружаемся въ нирвану буддистовъ. Мы спасаемся отъ нашего одиночества, отъ нашей эмпирической ограниченности, можетъ быть мы пріобщаемся всеединству—но жертвуя собою и міромъ. Мережковскій не хотѣлъ этой жертвы, онъ хочетъ подойти къ Богу не мимо развертывающейся жизни, а вмѣстѣ съ ней и черезъ нее, и потому онъ борется съ аскетизмомъ и становится бойцомъ за прогрессъ.

Очевидно, что анархическія стремленія, желающія затормозить ходъ исторіи, преградить дорогу прогрессу, по самому своему существу противорѣчатъ психологіи Мережковскаго. Быть можетъ, онъ не учитываетъ въ сознаніи ихъ смысла и потому можетъ высказываться въ ихъ пользу (хотя подобныхъ высказываній я нигдѣ у Мережковскаго не встрѣчалъ); во всякомъ случаѣ, они противны его природѣ и внутренно враждебны его религіи.

Излишне говорить здѣсь о томъ, что теократія Д. С. Мережковскаго не имѣетъ ничего общаго съ политическимъ властвованіемъ церкви. Церковь—въ представленіи Мережковскаго—*свободный* религіозный союзъ, и этотъ терминъ, „*свободный*“, утверждаемый со всею серьезностью, безъ малѣйшей примѣси лицемѣрія, не допускаетъ никакихъ подозрѣній. Мережковскій—не папистъ и не византіецъ, хотя и вѣруетъ въ догматы.

III.

Въ процессѣ историческаго развитія побѣда человѣчества надъ природой, точнѣе, часть ея, нами уже одержанная, куплена не малой цѣной—закрѣпощеніемъ человѣка человѣку. Формы рабства постепенно смягчились. Но само оно еще существуетъ. Политика рѣшаетъ задачу: какъ, шагъ

за шагомъ,—упразднять это рабство, не тормозя развитія производства. Лозунгъ наибольшей производительности, лозунгъ торжества надъ природой, постоянно ожесточенно борется съ лозунгомъ раскрѣпощенія человѣка. Утописты различныхъ видовъ и оттѣнковъ сходятся въ одномъ отношеніи: въ своей враждебности къ прогрессу производительности, который въ тѣхъ или иныхъ формахъ имъ кажется началомъ всѣхъ золъ. Схватиться за колесо исторіи и насильно удержать его бѣгъ—идеалъ всякаго утописта. Но историческій прогрессъ подвигается и, подчиняя человѣку природу, постепенно упраздняетъ и рабство. Одна за другой, формы закрѣпощенія человѣка становятся ненужными для прогресса и даже стѣсняющими его. И тогда цѣпи расковываются.

Европа переживаетъ эпоху, когда подготовляется переходъ, передъ которымъ меркнутъ всѣ прежнія. Готовится соціализація производства, послѣднее освобожденіе человѣчества отъ ярма экономическаго принужденія. Какъ произойдетъ эта соціализація—путемъ ли классовой революціи, какъ утверждаютъ правовѣрные соціалъ-демократы, путемъ ли иного, болѣе сложнаго и запутаннаго процесса,—не это важно для насъ, а важна тенденція развитія, уже теперь достаточно ясная, и важенъ самый исходъ: прекращеніе властвованія капитала при небываломъ подъемѣ производительности.

Но когда этотъ результатъ будетъ достигнутъ, — все равно, въ полномъ ли видѣ, или въ постоянно растущемъ приближеніи, безконечно подходящемъ къ совпаденію — пробьетъ смертный часъ не только для буржуазной политики, но и вообще для всякой политики. Съ исчезновеніемъ классовыхъ противорѣчій—и въ этой точкѣ оправдывается марксизмъ!—возможно техническое управленіе, возможны разногласія администраторовъ, но нѣтъ мѣста для политиковъ и политики. Политика, достигнувъ соціализаціи, отнимаетъ у себя всякую цѣль и сама себя упраздняетъ. На ея мѣсто становится объединенный производительный механизмъ и врачебно-криминальный надзоръ.

Современныя политическія партіи, хотя и не всегда совпадаютъ съ разслоеніемъ на общественные классы, но предполагаютъ подобное разслоеніе. Для нихъ всѣхъ общая предпосылка—несвобода тѣхъ или иныхъ группъ. Съ паденіемъ

такой предпосылки объединеніе людей въ группы неминуемо должно будетъ совершаться подъ давленіемъ совершенно иныхъ факторовъ. Тутъ впервые выдвинется во всей своей силѣ индивидуальное разнообразіе людей и вмѣстѣ съ тѣмъ широкія аналогіи въ индивидуальномъ строѣ ихъ душъ. Уже теперь, въ утробѣ стараго общества, не только политическій идеалъ сближаетъ и роднитъ гражданъ. Уже теперь индивидуальныя склонности, аналогіи въ душевной настроенности начинаютъ проявлять свое дѣйствіе, — и образуются кружки, секты и церкви. Но путы несвободы стѣснительны. Они еще сжимаютъ и давятъ.

Мнѣ кажется, что весь смыслъ нашего развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ его вѣрнѣйшій критерій есть замѣна политическихъ группировокъ, общенія по принудительнымъ гранямъ внутреннимъ, свободнымъ общеніямъ по своего рода избирательному сродству, по тяготѣнію аналогичныхъ настроенностей. Внѣшній принудительный консонансъ по взмаху палочки дирижера — замѣняется естественнымъ резонансомъ. Только люди, объединенные такимъ образомъ, спаянные родственностью переживаній, составляютъ нѣчто органически цѣльное, тѣло, плоть церкви.

Вмѣстѣ съ Гревсомъ я затрудняюсь отвѣтить на вопросъ, можно ли ожидать появленія новой міровой религіи. Но я знаю, что по мѣрѣ того, какъ человѣкъ становится все свободнѣе—и отъ стихійнаго господства природы, и отъ тяжелаго соціальнаго принужденія—стремленія его души къ творчеству растутъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ. Одиночество великихъ творцовъ — о, конечно, оно еще передъ нами. Но оно уже не такъ безнадежно, какъ было. Далеко ли надо искать въ прошломъ? Резонансъ соборнаго мозга на мощныя вибраціи геніевъ становится полнѣе и глубже. Мы вновь идемъ къ соборнымъ экстазамъ, знакомымъ уже греческимъ мистамъ, но къ экстазамъ не слѣпымъ и безформеннымъ, а просвѣтленнымъ, обогащеннымъ, осознаннымъ.

Источникъ всякой религіи—въ устремленіи души къ всеединству изъ плѣна разобщенности и отдѣльности. Уединенный, ограниченный индивидуумъ тоскуетъ по полнотѣ и всеобъемлемости. Неустранимъ трагизмъ разобщенія, неустранима и религіозная жажда. Мистики, путемъ аскетизма, доходили до экстазовъ и озареній, когда они теряли себя и утопали въ безформенномъ ощущеніи, какъ бы растворяясь

въ вселенной. Можетъ быть и наша культура безсознательно идетъ къ всеединству. Быть можетъ, весь ея смыслъ въ дифференціаціи и развертываніи богатствъ, потенціально скрытыхъ въ экстазѣ. Быть можетъ, вмѣстѣ съ этимъ развертываніемъ—съ этимъ яркимъ антитезисомъ всеединству, почти равному пустотѣ своей безформенностью, — происходитъ и процессъ объединенія, своего рода міровой синтезъ. Психическій резонансъ между людьми, ихъ объединеніе въ свободныя группы, слитыя единствомъ переживаній—не есть ли первый шагъ синтеза? Не возраждается ли въ геніяхъ и творцахъ своего рода новое жречество? Въ такомъ случаѣ „безрелигіозный" процессъ, ведущій насъ къ соціализму, а черезъ него къ упраздненію политики и къ новой религіозной общественности, есть часть священнаго дѣйства, если хотите—исторической теогоніи. Оставаясь безрелигіознымъ по формѣ, онъ освящается религіозною цѣлью.

Я только ставлю вопросы. Здѣсь не мѣсто подробно ихъ обсуждать. Но уже самая возможность ихъ постановки и ихъ глубокая и несомнѣнная связь съ пониманіемъ историческаго развитія, не ясно ли свидѣтельствуетъ о томъ, что вопросъ о религіозной общественности, какъ о будущей преемницѣ государства, не есть проблема рѣшенная, безповоротно отправленная въ архивъ?

Леонидъ Галичъ.

На чей счетъ должно производиться страхованіе рабочихъ?

I.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ при организаціи обязательнаго страхованія рабочихъ является вопросъ о томъ, на чей счетъ должно производиться означенное страхованіе при современномъ строѣ общества, т. е. какая изъ трехъ заинтересованныхъ въ данномъ случаѣ сторонъ (государство, работодатели и рабочіе) должна дѣлать на указанный предметъ взносы въ страховыя учрежденія каждой отрасли обязательнаго страхованія рабочихъ. Въ массѣ населенія существуютъ по этому вопросу неясныя представленія. Къ сожалѣнію, въ программахъ нѣкоторыхъ политическихъ партій также замѣчается неопредѣленность, а иногда и неточность, которую для пользы дѣла необходимо устранить.

Чтобы лучше оріентироваться въ разсматриваемомъ вопросѣ, мы прежде всего приведемъ нѣсколько цифръ, показывающихъ, въ какомъ положеніи находится это дѣло въ Германіи, т. е. въ странѣ, въ которой обязательное страхованіе рабочихъ получило до настоящаго времени наиболѣе широкое развитіе, и которая обыкновенно служитъ образцомъ при рѣшеніи задачъ, связанныхъ съ обезпеченіемъ рабочихъ отъ различныхъ профессіональныхъ опасностей.

Средній годичный взносъ для каждаго застрахованнаго въ Германіи рабочаго исчисленъ въ 33,71 марки; изъ этой суммы на страхованіе отъ болѣзней приходится 15,45 марки, на страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ—6,08 марки и на страхованіе

отъ инвалидности—12,18 марки. Двѣ трети взноса по страхованію отъ *болѣзней,* т. е. 10,30 марки дѣлаются рабочими, а одна треть, т. е. 5,15 марки—работодателями. По страхованію отъ *несчастныхъ случаевъ* весь взносъ въ 6,08 марки дѣлается работодателями, а рабочіе въ этой отрасли никакого денежнаго участія не принимаютъ. Изъ цифры въ 12,18 марки по страхованію отъ *инвалидности*—4,65 марки приходятся на долю рабочихъ, такое же число 4,65 марки—на долю работодателей и 2,88 марки—на долю государства. Суммируя соотвѣтствующія цифры по тремъ отраслямъ страхованія, мы находимъ, что изъ всего средняго ежегоднаго взноса на каждое застрахованное лицо въ 33,71 марки на долю государства приходится 2,88 марки или 8,5%, на долю рабочихъ—14,95 марки или 44,5% и на долю работодателей—15,88 марки или 47%. Разберемъ тѣ принципы, которые легли въ основаніе такого распредѣленія долей участія между тремя заинтересованными въ данномъ дѣлѣ сторонами.

Начнемъ съ государства. При организаціи государственнаго страхованія рабочихъ въ Германіи и Австріи было признано раціональнымъ, чтобы государственное казначейство по возможности не участвовало своими взносами въ этомъ дѣлѣ. Государство лишь опредѣляетъ тѣ группы населенія, на которые должно падать платежное бремя въ каждой отрасли страхованія. Оно точно устанавливаетъ доли участія каждой стороны, содѣйствуетъ нормальному поступленію соотвѣтствующихъ платежей непосредственно въ кассы страховыхъ учрежденій, строго контролируетъ операціи этихъ послѣднихъ, но своими денежными средствами государство участвуетъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Въ разсматриваемомъ дѣлѣ соотношеніе между государствомъ и страховыми учрежденіями существуетъ въ указанныхъ странахъ приблизительно такое же, какъ въ Россіи между государствомъ и земскими учрежденіями, которыя свои средства получаютъ непосредственно отъ закономъ установленныхъ группъ населенія, а не изъ государственнаго казначейства.

Если мы обратимся къ вышеприведеннымъ цифрамъ, то мы увидимъ, что въ Германіи означенный принципъ довольно строго соблюдается. Тамъ государство совершенно не участвуетъ своими взносами въ отрасляхъ страхованія отъ болѣзней и отъ несчастныхъ случаевъ и мало въ страхованіи отъ инвалидности, причемъ это послѣднее участіе вызвано слѣдующими причинами. Введеніемъ страхованія отъ инвалидности государство освободилось отъ цѣлаго ряда расходовъ, которые оно прежде произ-

водило на благотворительныя учрежденія, и, такимъ образомъ, часть суммъ, тратившихся на содержаніе бѣдныхъ оно нашло возможнымъ передавать въ страховыя учрежденія, обслуживающія нужды стариковъ и инвалидовъ. Разумѣется, въ тѣхъ случаяхъ, когда государство выступаетъ въ роли предпринимателя (при эксплоатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, заводовъ военнаго, морского и финансоваго вѣдомствъ), оно подвергается всѣмъ условіямъ и обязательствамъ, установленнымъ для всѣхъ работодателей. Но кромѣ указанныхъ здѣсь частныхъ случаевъ, признано было цѣлесообразнымъ, чтобы громадная доля страховыхъ взносовъ поступала въ страховыя кассы непосредственно отъ двухъ заинтересованныхъ сторонъ: работодателей и рабочихъ.

II.

Для выясненія степени матеріальнаго участія работодателей и рабочихъ въ дѣлѣ обезпеченія пострадавшихъ лицъ отъ разныхъ опасностей, встрѣчающихся въ жизни рабочихъ, необходимо прежде всего указать на то, что означенныя опасности могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи. Однѣ опасности неразрывно связаны съ производствомъ и являются прямымъ слѣдствіемъ профессіональныхъ занятій рабочихъ, причемъ возможность устраненія или ослабленія данной опасности находится во власти предпринимателя и не зависитъ отъ воли рабочаго. Другія опасности такого свойства, что онѣ не находятся ни въ какой связи съ профессіей рабочаго, и возможность ихъ устраненія лежитъ совершенно внѣ власти и воли работодателя. Изъ самого опредѣленія опасности первой категоріи непосредственно вытекаетъ, что за матеріальныя послѣдствія, происходящія для рабочихъ отъ этихъ опасностей, отвѣчать должны предприниматели. Понятіе о профессіональномъ рискѣ было въ послѣднія два десятилѣтія такъ тщательно и детально выяснено теоріей и практикой, что мы считаемъ излишнимъ подробнѣе останавливаться на этомъ предметѣ. Къ такимъ опасностямъ относятся несчастные случаи, происходящіе съ рабочими при исполненіи ими профессіональныхъ обязанностей, и расходы по вознагражденію увѣчныхъ и ихъ семей неминуемо должны лечь на предпріятія, какъ и всѣ другіе расходы производства, и вносятся хозяевами этихъ предпріятій. Въ Германіи и въ другихъ западно-европейскихъ странахъ дѣло такъ именно и поставлено, и споровъ по этому предмету врядъ ли можно ожидать.

Но касаясь вопроса о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, мы считаемъ нелишнимъ остановиться на слѣдущемъ обстоятельствѣ. При организаціи обязательнаго страхованія считается правильнымъ придерживаться такого принципа: управленіе дѣломъ должно находиться въ рукахъ тѣхъ, кто производитъ взносы. А такъ какъ при страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ взносы производятъ одни лишь предприниматели, то рабочіе оказываются въ данномъ случаѣ устраненными отъ непосредственнаго участія въ управленіи. По нашему мнѣнію, тутъ кроется недоразумѣніе. Рабочіе, правда, не участвуютъ своими денежными взносами въ означенномъ страхованіи, но они участвуютъ гораздо большимъ: они участвуютъ въ немъ своими страданіями, искалѣченными членами своего организма, бѣдствіями своихъ близкихъ, и потому ихъ устраненіе отъ управленія представляется неправильнымъ. При изученіи сказанной отрасли въ Германіи и въ другихъ странахъ обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее явленіе: число увѣчій въ промышленныхъ предпріятіяхъ не уменьшается, какъ бы того слѣдовало ожидать, а увеличивается съ каждымъ годомъ. Мы полагаемъ, что одной изъ причинъ этого печальнаго явленія слѣдуетъ считать сказанное устраненіе рабочихъ отъ управленія.

На это обыкновенно возражаютъ, что сами фабриканты сильно заинтересованы въ уменьшеніи несчастныхъ случаевъ, такъ какъ при этомъ уменьшаются и расходы по вознагражденію увѣчныхъ и ихъ семей; поэтому предприниматели и безъ всякихъ импульсовъ извнѣ стараются принимать всевозможныя предохранительныя мѣры съ цѣлью устраненія или ослабленія сказаннаго зла. Но неправильность тутъ заключается въ томъ, что уменьшеніе увѣчій при такой постановкѣ вопроса является *средствомъ* для достиженія основной цѣли: уменьшенія расходовъ производства. Ясно, что, если стоимость устройства предохранительныхъ приборовъ и принятія санитарныхъ мѣръ будетъ выше соотвѣтствующей уплаты страховыхъ премій, тогда не представляется выгоднымъ обращать особое вниманіе на уменьшеніе несчастныхъ случаевъ. Основной *цѣлью* должна быть охрана жизни и здоровья рабочихъ, все остальное должно служить лишь средствомъ для достиженія этой главной цѣли, а такая единственно разумная постановка дѣла можетъ быть достигнута лишь тогда, когда и рабочіе будутъ участвовать въ управленіи обязательнымъ страхованіемъ отъ несчастныхъ случаевъ.

III.

Намъ остается рѣшить послѣдній вопросъ: кто долженъ участвовать своими взносами при страхованіи рабочихъ отъ тѣхъ опасностей, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ ихъ профессіональному труду и дѣйствуютъ на рабочаго, какъ и на всякаго человѣка, совершенно независимо отъ его занятій? Нѣкоторые сердобольные люди придерживаются того взгляда, что расходы, вызываемые этими опасностями, тоже должны покрываться работодателями на томъ основаніи, что предприниматели въ общей массѣ оказываются людьми богатыми, а рабочіе—бѣдными. Такое мнѣніе представляется не только неправильнымъ, но оно отзывается барствомъ и является оскорбительнымъ и унизительнымъ для рабочихъ. Эти послѣдніе могутъ свои собственныя нужды покрывать изъ своихъ личныхъ средствъ и не нуждаются въ подаяніяхъ, подачкахъ и какой-либо благотворительности. Если же заработная плата въ Россіи такъ низка, что не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы въ настоящее время дѣлать изъ нея значительные вычеты для цѣлей страхованія, то выходъ изъ этого положенія лишь одинъ: заработная плата должна быть настолько повышена, чтобы ей хватало не только на удовлетвореніе нормальныхъ нуждъ повседневной жизни, но и на откладываніе про черный день, т. е. на тотъ случай, когда подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ жизнь, здоровье и благосостояніе рабочихъ подвергнутся какой-либо опасности.

Чтобы лучше иллюстрировать нашу мысль, мы приведемъ сообщеніе, которое появилось нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ „Новомъ Времени“ и имѣло цѣлью объяснить причину негодности нѣкоторыхъ военныхъ судовъ, заказанныхъ одному иностранному предпринимателю. За каждую тонну судна установлена была на бумагѣ цѣна въ 5000 рублей; нормальная же цѣна для такой работы равна 1500 рублей. Предприниматель же въ дѣйствительности получилъ ниже этой нормальной цѣны, и, чтобы свести концы съ концами, ему пришлось поставить недоброкачественный матеріалъ, примѣнять плохую работу, что и имѣло своимъ послѣдствіемъ малопригодность доставленныхъ издѣлій. Проанализируемъ эти цифры. Положимъ, что указанный контрагентъ получилъ за каждую тонну судна 1350 рублей. Въ металло-обработывающихъ производствахъ можно приблизительно принять, что треть стоимости издѣлія, т. е. въ данномъ случаѣ 450 рублей, тратится на заработанную плату, треть—на пріобрѣтеніе сырыхъ матеріаловъ и треть—на общіе расходы:

транспортированіе издѣлій, налоги, страхованіе, администрація и т. п. Такимъ образомъ, изъ цѣны въ 5000 рублей, въ какую обошлось издѣліе потребителю, на долю рабочихъ пришлось лишь 450 рублей, т. е. не болѣе 9%, а громадная сумма въ 3650 рублей, т. е. 73%, уплыло въ пользу какого то хищника.

Возможно, что приведенный случай является изъ ряду вонъ выходящимъ примѣромъ алчности какого-нибудь „истинно-русскаго патріота", который подъ крики о престижѣ арміи и флота получилъ возможность расхищать народное достояніе. Но если мы нѣсколько поднимемъ завѣсу надъ нашей промышленностью и сосчитаемъ, во сколько обходится полученіе заказовъ, сколько тратится денегъ на коммиссіонные, куртажные, праздничные и другіе поборы, разнообразіе формъ которыхъ доведено въ русской жизни до изумительной виртуозности,—то мы поймемъ, почему товары въ Россіи такъ дороги и мало доступны массѣ населенія, почему промышленность идетъ къ упадку, и многіе предприниматели раззоряются, и почему рабочіе доведены до такой степени нищеты, дальше которой итти некуда. Раціональная постановка обязательнаго страхованія рабочихъ при подобныхъ условіяхъ неминуемо встрѣтитъ на первыхъ порахъ крупныя затрудненія. Атмосфера хищеній и безправія должна быть разсѣяна, причемъ первымъ и главнѣйшимъ послѣдствіемъ новаго строя должно быть рѣзкое улучшеніе условій существованія трудящихся классовъ населенія.

Конечно, однимъ взмахомъ пера или, какъ принято теперь говорить, „революціоннымъ путемъ" нельзя повысить сразу заработную плату. Такой путь при рѣшеніи сложныхъ экономическихъ задачъ неминуемо ведетъ къ гибели промышленности и къ безчисленнымъ бѣдствіямъ для рабочихъ. Тутъ возможенъ лишь одинъ путь—это путь созиданія и творчества съ помощью свободныхъ учрежденій, и чѣмъ интесивнѣе энергія этого творчества въ массѣ русскаго народа, тѣмъ скорѣе мы прійдемъ къ нормальнымъ условіямъ существованія, безъ которыхъ государство обречено на раззореніе. Опредѣлить время, въ теченіе котораго промышленная жизнь страны войдетъ въ надлежащее русло, невозможно. Поэтому, если признано будетъ необходимымъ установить въ Россіи всѣ три вышеуказанныя отрасли обязательнаго страхованія рабочихъ до достиженія заработной платой своего нормальнаго уровня, то придется уклониться отъ выставленнаго здѣсь принципа и возложить часть расходовъ по непрофессіональнымъ опасностямъ на работодателей и госу-

дарство. Но при этомъ слѣдуетъ постоянно помнить, что такая мѣра является временнымъ палліативомъ, и что рабочіе должны быть полными хозяевами во всѣхъ отношеніяхъ въ дѣлѣ удовлетворенія своихъ личныхъ нуждъ, а это можетъ быть достигнуто лишь тогда, когда свои частныя непрофессіональныя нужды они будутъ покрывать изъ своихъ собственныхъ средствъ.

Вышеуказанныя основанія даютъ возможность объяснить соотношеніе долей участія во взносахъ, принятое въ Германіи при организаціи обязательнаго страхованія рабочихъ отъ *болѣзней* и отъ *инвалидности*. Люди подвергаются разнымъ болѣзнямъ какъ вслѣдствіе ихъ занятій въ данной профессіи, такъ и отъ причинъ, ничего общаго съ ихъ профессіей не имѣющихъ. Изслѣдованія, произведенныя по этому предмету въ Германіи, показали, что приблизительно одна треть болѣзней, которымъ подвергаются рабочіе, должна быть отнесена къ профессіональнымъ заболѣваніямъ, а двѣ трети—къ обыкновеннымъ заболѣваніямъ, совершенно независящимъ отъ ихъ профессій. Сообразно съ этимъ, при страхованіи отъ болѣзней одна треть взносовъ въ страховыя кассы дѣлается работодателями, а двѣ трети—рабочими. При страхованіи же отъ инвалидности было принято, что стариками и малопригодными къ работѣ люди становятся въ *равной* мѣрѣ какъ отъ профессіональныхъ занятій, такъ и отъ общихъ причинъ, лежащихъ внѣ зависимости отъ этихъ занятій. Согласно съ этимъ установлено было, чтобы въ кассы по страхованію отъ инвалидности взносы дѣлались рабочими и предпринимателями въ одинаковомъ размѣрѣ.

Относительно Россіи придется сдѣлать нѣкоторыя предварительныя изслѣдованія съ цѣлью опредѣленія соотношенія между профессіональными и непрофессіональными опасностями, что дастъ возможность болѣе правильно установить распредѣленіе долей участія во взносахъ между рабочими и работодателями въ каждой отрасли страхованія. Надо полагать, что, вслѣдствіе крайне неблагопріятныхъ гигіеническихъ условій промышленной жизни въ нашемъ отечествѣ, на долю профессіональныхъ заболѣваній и изнашиванія организма придется бо́льшій процентъ, чѣмъ въ Германіи. А въ соотвѣтствіи съ этимъ доля участія предпринимателей въ обязательномъ страхованіи рабочихъ у насъ, вѣроятно, должна быть выше, чѣмъ въ этой послѣдней странѣ.

А. Прессъ.

Замѣтки публициста.

I. Выборы и что же дальше?

Идутъ выборы, и они обѣщаютъ дать Думу, въ которой большинство будетъ принадлежать конституціоналистамъ, Думу *непокорную*.

Вотъ чего добилось правительство Витте-Дурново своими неслыханными подвигами правительственной анархіи. Мы не удивляемся болѣзни г. Витте: есть отъ чего заболѣть.

Выборы показываютъ прежде всего одно: на нашихъ глазахъ складывается и выростаетъ въ мощную силу сознающая себя *нація*, съ единой дѣйственной мыслью и волей.

Когда послѣ „безумствъ" революцій наступилъ разгулъ правительственныхъ безчинствъ, одно время можно было думать, что національная энергія будетъ подорвана и надломлена надолго, что въ хаосѣ бреда, испуга, оскорбленнаго нравственнаго достоинства будетъ погашена дѣйственная воля государственнаго строительства. Но этого не случилось—и въ томъ, что этого не случилось,—лучшій залогъ нашего новаго истинно національнаго бытія. Русскіе люди не впали въ уныніе, самый крупный грѣхъ общественнаго человѣка.

Но то, что происходитъ теперь на выборахъ, только эта побѣда новой Россіи надъ старою даетъ измѣрить ошибки, совершенныя „революціонными" группами въ эпоху между 17-ымъ октября и переживаемыми днями.

Если бы всѣ живыя силы общества были за это время направлены на дружную организаціонную работу, на исполь-

зованіе выборовъ для торжества соединенной демократіи, тогда Дума по законамъ 6-го августа—11-го декабря вошла бы въ русскую жизнь такой властью, передъ которой сразу все склонилось бы. И эта Дума имѣла бы въ своемъ составѣ подавляющее *демократическое* большинство, которое опиралось бы на дружную поддержку демократическаго большинства русскаго народа.

Поставить передъ политическимъ сознаніемъ страны свѣжее прошлое „революціонныхъ" пораженій на очиую ставку съ одерживаемыми въ настоящее время побѣдами—значитъ напомнить объ осязательномъ урокѣ, который имѣетъ огромное значеніе для нашего будущаго.

Только дружное и мудрое взаимодѣйствіе оппозиціонной Думы съ оппозиціоннымъ большинствомъ народа сможетъ побороть и начисто смести старый бюрократическій порядокъ. Къ такому взаимодѣйствію должны стремиться всѣ лѣвыя партіи. Осуществить его нелегко, но обязательно. Уже теперь необходимо выдвинуть съ полной ясностью эту трудную и сложную задачу.

Здѣсь, какъ и всегда въ политикѣ, можетъ и долженъ быть ясно намѣченъ средній путь.

Дума будетъ слаба, если — при безмолвіи страны — она будетъ говорить политическій монологъ, обращенный къ правительству. То, что будетъ говорить Дума, должно быть подхвачено, подчеркнуто, усилено дружнымъ хоромъ народныхъ голосовъ, поддерживающихъ Думу въ борьбѣ за народную свободу.

Дума будетъ ослаблена, если противъ *оппозиціонной* Думы подымется въ странѣ хоръ т. н. *„революціонныхъ"* голосовъ. Вѣдь нельзя сомнѣваться въ томъ, что противъ оппозиціонной Думы будетъ поднята черносотенная агитація, которая будетъ апеллировать къ народной темнотѣ и съ которой агитація „революціонная" неизбѣжно окажется въ невольномъ союзѣ.

Но самое опасное для оппозиціонной Думы и для ея побѣды надъ самодержавнымъ чиновничествомъ и чиновничьимъ самодержавіемъ это — повтореніе нашими „крайними“ партіями тѣхъ же самыхъ ошибокъ, которыя были совершены ими до Думы. Эти ошибки теперь, хотя и не во всемъ объемѣ ихъ послѣдствій, но всетаки въ огромной мѣрѣ ослаблены и изглажены въ народномъ сознаніи безпримѣрными преступленіями правительства. Но это не значитъ, чтобы ихъ вовсе не было. Нѣтъ онѣ были, и было бы весьма прискорбно, если бы урокъ, въ нихъ заключающійся, оказался забытымъ.

Дума и нація должны сойтись въ одномъ усиліи — низвергнуть чиновничье управленіе страной, т. е. разрѣшить тотъ „кризисъ правительства“, въ которомъ мучится и бьется наша страна. Вотъ почему демократическая оппозиція должна прежде всего стремиться къ тому, чтобы превратить первую же Думу въ *правительствующую*, т. е. она должна добиться того, чтобы правительствомъ были люди, облеченные довѣріемъ Думы. Рядомъ съ этой задачей оппозиція должна съ полной ясностью поставить передъ Думой и передъ страной земельный вопросъ и на этомъ вопросѣ, т. е. въ тѣсной связи съ нимъ, провести черезъ Думу всеобщее избирательное право и сломить чиновновладѣльческій Государственный Совѣтъ.

Задача оппозиціи состоитъ именно въ томъ, чтобы, пользуясь Государственной Думой, какъ могущественнымъ воспитательнымъ орудіемъ, сосредоточить народное вниманіе на тѣхъ вопросахъ государственной жизни, въ которыхъ съ непререкаемой ясностью выступаетъ глубокое противорѣчіе между Россіей народной и чиновновладѣльческой.

Когда это будетъ сдѣлано, можно спокойно дать правительству разогнать Думу штыками по рецепту доктора медицины Дубровина и магистра права Никольскаго.

Рецептъ этотъ будетъ тогда народной Россіи *во здравіе*!

II. Шутовской круговоротъ.

Задача правительствующей Думы и ея министерства будетъ на первыхъ порахъ очень нелегка, ибо, что такое законъ, право и права въ правовомъ государствѣ, этого наша администрація органически не понимаетъ. Но, конечно, въ общемъ и въ главномъ нарушенія закона нисшей администраціей и ея пренебрежительное отношеніе къ правамъ гражданъ опредѣляются тѣмъ, что эта администрація прекрасно понимаетъ, что неправомѣрныя ея дѣйствія соотвѣтствуютъ интересамъ и такъ называемымъ „видамъ" высшаго правительства.

Вотъ почему вопросъ о правительствѣ стоитъ предъ Россіей съ такой болѣзненной остротой. Честь и слава гг. Витте, Дурново и Акимову! Они хорошіе учителя конституціоннаго права и неоцѣнимые адвокаты парламентарнаго строя—отъ обратнаго! Они въ самое короткое время Россію многому научили.

Говорятъ, г. Горемыкинъ смѣнитъ г. Витте въ роли премьера. Это будетъ великолѣпно. Это будетъ, такъ сказать, бюрократическій водевиль на философскую тему о вѣчномъ возвращеніи всего сущаго. Витте когда то при помощи классической записки о „самодержавіи и земствѣ" свергъ г. Горемыкина со „стольнаго" кресла министерства внутреннихъ дѣлъ, свергъ его, какъ вреднаго покровителя земства и недостаточно твердаго въ принципахъ самодержавія сановника. Затѣмъ г. Горемыкинъ отыгрался, свергнувъ г. Витте въ качествѣ подозрительнаго по своимъ политическимъ замысламъ предсѣдателя вольнодумнаго особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности и учредивъ какое то свое крестьянское совѣщаніе съ явно „охранительными" задачами. Наконецъ, когда г. Витте развернулся въ „конституціоннаго" министра, онъ отыгрался въ свою очередь, однимъ почеркомъ пера упразднивъ горемыкинское совѣщаніе,

и бывшій ставленникъ г. Побѣдоносцева, онъ же „либеральный“ сановникъ, очистившій нѣкогда мѣсто для несравненнаго „консерватора“, Д. С. Сипягина, сталъ погружаться въ сумерки, обычно окружающія поверженныхъ бюрократическихъ кумировъ. И вдругъ какое воскресенье! Премьеръ послѣ Витте! А въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, только круговоротомъ: Витте-консерваторъ — Горемыкинъ-либералъ — Витте-либералъ—Горемыкинъ-консерваторъ, только этимъ шутовскимъ круговоротомъ чередующихся между собой и перемежающихся внутри себя сановниковъ высшая бюрократія и придворно-военные господа Россіи могутъ отвѣчать на грандіозные запросы народной жизни. Это въ „правящихъ сферахъ“ называется внутренней политикой!

Отъ философской идеи вѣчнаго повторенія можно сойти съ ума. Отъ бюрократическаго фарса на эту тему можно только разсмѣяться.

Петръ Струве

Замѣтки.

Наше „бездарное“ время.

Всякое время имѣетъ склонность считать себя бездарнымъ Эта склонность и эта скромность заслуживаетъ всяческаго почтенія. Наше время во всякомъ случаѣ увѣрено въ своей сплошной бездарности.

Да позволено будетъ человѣку, къ „художеству“ неприкосновенному, вымолвить, что въ этой области у насъ всетаки есть крупные таланты. Послѣдняя книжка стиховъ Валерія Брюсова [1]), — вѣдь отъ нея трудно оторваться, вѣдь тутъ есть перлы творчества, вполнѣ самобытнаго!

Красота этихъ стиховъ трудно опредѣлимая; не столь ясная, какъ у Пушкина, но всетаки совершенно безспорная и совершенно исключительная. Не слѣдуетъ Брюсова сближать съ другими русскими поэтами. Онъ совсѣмъ особенный; у его музы то „необщее“ выраженіе лица, на которое когда то претендовалъ Баратынскій.

Прочтите и громко, и про себя „Вечеровыя пѣсни“, и васъ коснется вѣяніе тонкой и нѣжной поэзіи, въ которой выпуклая пластика образовъ неразрывно соединена съ чарующей красотой настроеній. Вотъ, напр., „На Саймѣ“ № 5:

Я упоенъ! Мнѣ ничего не надо!
О только бъ длился этотъ ясный сонъ.
Тянулись тѣни сѣвернаго сада,
Сіялъ осенне-блѣдный небосклонъ,
Качались волны, шитыя шелками,
Лиловымъ, краснымъ, желтымъ, золотымъ
И, проблиставъ надъ синью янтарями,

---

[1]) Στέφανος. Вѣнокъ. Москва 1906 г.

Сгущало небо свой жемчужный дымъ,
И падало безумье бѣлой ночи,
Прозрачной, призрачной, чужой—и ты,
Моимъ глазамъ свои ввѣряя очи,
Смущаясь и томясь искала бъ темноты!

То же сочетаніе выпуклой пластики образовъ съ нѣжной красотой внутреннихъ переживаній въ новой комбинаціи выступаетъ передъ нами въ циклѣ „Правда вѣчная кумировъ“.

Красоту стиха можно видѣть, напримѣръ, по слѣдующей строфѣ изъ „Ахиллеса у алтаря“.

Знаю я, во вражьемъ станѣ
Изогнулся мѣткій лукъ,
Слышу въ утреннемъ туманѣ
Тетивы пѣвучій звукъ.

Есть что то упоительное въ томъ сочетаніи античной красоты съ современными настроеніями, которое даетъ въ этомъ циклѣ поэтъ.

Въ циклѣ „Изъ ада изведенные“ читатель найдетъ по-истинѣ классическое (мы бы сказали пушкинское, если бы заранѣе не отклонили сближеніе Брюсова съ другими поэтами) стихотвореніе „Антоній“.

Въ циклѣ „Повседневность“ есть проникнутое глубокимъ гуманизмомъ и въ то же время какой то неотразимо-правдивой мистикой стихотвореніе „Въ публичномъ домѣ“.

Тѣмъ же гуманизмомъ, философски справедливымъ и философски независимымъ, проникнуто стихотвореніе „Уличный митингъ“, гдѣ авторъ, обращаясь къ разрушительнымъ силамъ переворота, говоритъ:

Да, ты пройдешь жестокой карой,
Но изъ наставшей темноты,
Изъ пепла общаго пожара
Воздвигнешь новый міръ—не ты!

Та же философская ясность въ чудесномъ стихотвореніи „Одному изъ братьевъ“:

„Свой судъ холодный и враждебный
Ты произнесъ, но ты неправъ!
Мои стихи—сосудъ волшебный
Въ тиши отстоенныхъ отравъ!
Стремлюсь, какъ ты, къ земному раю

Я подъ безмѣрностью небесъ:
Какъ ты, на всѣхъ запястьяхъ знаю
Слѣды невидимыхъ желѣзъ.
Но, узникъ, ты схватилъ сѣкиру,
Ты рубишь твердый камень стѣнъ,
А я, таясь, готовлю міру
Ядъ, гдѣ огонь запечатлѣнъ.
Онъ входитъ въ кровь, онъ входитъ въ душу.
Преображаетъ явь и сонъ...
Такъ я незримо стѣны рушу,
Въ которыхъ духъ нашъ заточенъ.
Что бъ въ день, когда мы сбросимъ цѣпи
Съ покорныхъ рукъ, съ усталыхъ ногъ,
Мечтамъ открылись бы всѣ степи
И волямъ—дали всѣхъ дорогъ.

Такимъ образомъ, поэтъ воспринялъ въ свою душу и поэтическимъ видѣніемъ преобразилъ загадку будущаго общества. Но эта загадка выступаетъ передъ нимъ не однѣми только своими свѣтлыми сторонами. Въ будущемъ обществѣ онъ прозрѣваетъ новое варварство, дикое и сильное своей дикостью. Какъ ни фантастично это предвидѣніе въ соціологическомъ отношеніи, законность его, какъ поэтическаго образа, никто не можетъ отрицать. Покорность предъ грядущими варварами-коммунистами, ироническая у Гейне, получаетъ у Брюсова въ „Грядущихъ Гуннахъ“ трагическій отпечатокъ. Философски спокойной гордостью борящагося и страдающаго человѣка дышетъ красивое обращеніе „Къ счастливымъ“, къ сверхчеловѣкамъ грядущаго.

Навсегда замѣчательнымъ поэтическимъ памятникомъ пережитыхъ Россіей великихъ испытаній останется рядъ стихотвореній, посвященныхъ Брюсовымъ войнѣ.

До войны написано стихотвореніе „Къ Тихому океану“— поэтическая жемчужина патріотической мечты.

„Чаша безмѣрная водъ! дай припасть
Къ блещущей влагѣ устами и взоромъ,
Дай утолить нашу старую страсть
Полнымъ просторомъ.
Вотъ чего ждали мы, дѣти степей!
Вотъ, она сродная сердцу стихія!
Чудо свершилось: на грани своей
Стала Россія.

Братъ Океанъ! ты—какъ мы! дай обнять
Братскую грудь среди вражескихъ становъ.
Кто дерзновенный, захочетъ разъять
Двухъ великановъ!

Среди войны Брюсовъ обращается „къ согражданамъ“ съ призывомъ: „Теперь не время бурнымъ спорамъ“

„Когда падутъ крутыя Веи
И встанетъ Римъ, какъ властелинъ,
Пускай опять идутъ плебеи
На свой священный Авентинъ.
Но въ часъ сраженій, въ ратномъ строѣ
Всѣ — съ грудью грудь! и тотъ не правъ,
Кто назначенье міровое
Продать способенъ, какъ Исавъ!
Пусть помнятъ всѣ что рядъ столѣтій
Россіи вѣдать суждено,
Что мы предъ ними — только дѣти,
Что наше время — лишь звено!

Но японскія Веи не пали. Сбылось, наоборотъ, пророчество другого поэта (Вл. Соловьева).

О, Русь! забудь былую славу,
Орелъ двуглавый сокрушенъ,
И желтымъ дѣтямъ на забаву
Даны клочки твоихъ знаменъ.

И Брюсовъ пишетъ „Цусиму“:

И въ день, когда въ огнѣ и бурѣ
Онъ неповинный шелъ ко дну,
Мы въ бездну канули съ лазури
Мы пили смертную волну
. . . . . .
Да вмѣстѣ призракъ величавый,
Россія горестная, твой
Рыдаетъ надъ погибшей славой
Своей *затѣи роковой.*
И снова все въ вѣкахъ далеко
Что было близкимъ, наконецъ:
И скипетръ Дальняго Востока,
И Рима Третьяго вѣнецъ!

Въ „Юліи Цезарѣ“ поэтъ гнѣвное слово патріота какъ будто обращаетъ къ Каульбарсамъ, Ренненкампфамъ и т. п. безславнымъ героямъ манчжурской эпопеи, когда говоритъ:

Хотя бъ прикрыли гробъ законовъ
Вы лаврами далекихъ странъ!
Но что же! Римскихъ легіоновъ
Значки — во храмахъ у пареянъ!
Давно васъ ждутъ въ родномъ эребѣ
Вы — выродки былыхъ временъ!

Вотъ стихи, которые, думается намъ, могутъ стать поэтической печатью отверженія на тѣхъ, кто, обезславивъ страну, теперь точно въ отместку за свое безславіе, позоритъ и терзаетъ ее своими преступленіями.

Приведенныя выдержки показываютъ, думается мнѣ, какой крупный поэтическій талантъ живетъ среди насъ въ лицѣ Брюсова. Въ этомъ талантѣ сочетается видѣніе образовъ съ истинно-поэтической чувствительностью и съ прозрѣніемъ великихъ тайнъ. Этому таланту ничто не чуждо. Онъ претворилъ въ себя античную красоту. Онъ переболѣлъ національнымъ чувствомъ, его коснулось не только всѣмъ доступное дыханіе современности [1],—ему стали ощутимыми во всей ихъ таинственности и трагической красотѣ тѣ загадки грядущаго, которыя сторожатъ человѣчество.

Въ одной „радикальной“ газетѣ была напечатана пренебрежительная рецензія на „Вѣнокъ“ Брюсова. Между тѣмъ въ числѣ прочихъ трофеевъ русской революціи ея историкъ отмѣтитъ и этотъ вѣнокъ. Тутъ не политика вторгается въ поэзію, а поэзія расширяется на все, все захватываетъ и все преображаетъ. Въ наслажденіи этой поэзіей мы взбираемся на вершину, на которой и легче дышется, и взоръ видитъ дальше. Съ этой вершины раскрывается смыслъ переживаемыхъ событій и познается ихъ истинная мѣра. Этого не слѣдуетъ понимать грубо: дѣло не въ „гражданскомъ“ поученіи и даже не въ „гражданскихъ“ чувствахъ. Не поэзія нуждается въ томъ, чтобы ее вдвинули въ гражданскую рамку. Нѣтъ, наоборотъ, политическая борьба, часто, несмотря на весь свой трагизмъ, теряющаяся въ маломъ, слабомъ и неважномъ, нуждается въ томъ, чтобы осознать ее, какъ одну изъ сторонъ великаго и вѣчнаго, несомнѣннаго, поэтическаго.

---

[1]) „Поэтъ всегда съ людьми, когда шумитъ гроза, и пѣсня съ бурей вѣчно сестры“. (Кинжалъ).

Это даетъ намъ послѣдній сборникъ Брюсова, даетъ, какъ естественный и зрѣлый плодъ развитія крупной художественной индивидуальности. Поэтъ, который написалъ „Антонія“, не есть ни радикальный, ни благонамѣренный риѳмоплетъ. Онъ пишетъ не подъ диктовку и не по заказу. Онъ творитъ. И за то, что онъ даетъ намъ созерцать міръ прошлаго, настоящаго и будущаго въ вѣчныхъ лучахъ поэзіи,—за это мы ему благодарны.

Въ заключеніе да будетъ намъ позволено сказать и слово критики. На всей новѣйшей русской поэзіи, даже на талантливѣйшихъ ея представителяхъ, лежитъ всетаки печать недостаточно серьезнаго отношенія къ самимъ себѣ и своему творчеству. Это ужасно вредитъ Бальмонту, но это портитъ и Брюсова. Именно новѣйшая поэзія, не знающая никакихъ внѣшнихъ оковъ и ограниченій, нуждается въ строгомъ до суровости отношеніи поэта къ себѣ. Въ „Вѣнкѣ“ Брюсовъ почти свободенъ отъ легкомыслія такъ называемыхъ „декадентовъ“. Пожелаемъ же, чтобы поэтъ, все углубляя свое міропониманіе, все расширяя свой поэтическій захватъ и все увеличивая сосредоточенность своего творчества, подарилъ насъ еще болѣе совершенными произведеніями.

Петръ Струве.

Редакція обращается къ авторамъ и издателямъ съ просьбой присылать свои книги для отзыва.

Списокъ поступающихъ въ редакцію книгъ печатается въ каждомъ № „Полярной Звѣзды“.

Книги, поступившія въ редакцію съ 9 по 15 марта:

Бунаковъ, Н. Какъ я сталъ и какъ пересталъ быть „учителемъ учителей“. Изд. „Обществ. Пользы“ Спб. 1906 г. 155 стр. Ц. 50 к.

Его же. Сельская школа и народная жизнь. Изд. „Обществ. Пользы“ Спб. 1906 г. 229 стр. Ц. 1 р.

Вильевъ, А. О положеніи начальнаго народнаго образованія въ Прибалтійскомъ краѣ. Рига 1906 г. 20 стр.

Вихляевъ, П. Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія. Изд. „Молодая Россія“. Москва, 1906 г. 63 стр. Ц. 20 к.

Габриловичъ, Л. Новѣйшіе русскіе метафизики. Оттискъ изъ журн. „Вопросы философіи и психологіи“.

Д-ръ Давидъ, Э. Соціализмъ и сельское хозяйство. Перев. съ нѣмецк. подъ редакц. Г. Гроссмана. Изд. „Обществ. Пользы". Спб. 1906 г. 550 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Каутскій, К. Изъ исторіи общественныхъ теченій. Переводъ Леонтьевыхъ. Изд. „Обществ. Пользы" т. II. Спб. 1906 г. 519 стр. Ц. 2 р.

Лангъ, О. Соціализмъ въ Швейцаріи. Перев. подъ редакц. Г. Плеханова. Изд. „Обществ. Пользы" 55 стр. Ц. 10 к.

Масарикъ, Ѳ. Начала соціалистическаго общества. II. Марксизмъ и парламентаризмъ. Перев. подъ редакц. Н. Ястребова. Изд. партіи „Свободомыслящихъ". Спб. 1906 г. 33 стр. Ц. 25 к.

Максимовъ, В. Къ критикѣ марксизма. Изд. „Молодая Россія". Москва, 1906 г. 40 стр. Ц. 10 к.

Розановъ, В. Около церковныхъ стѣнъ. Т. II. Изд. М. Пирожкова. Спб. 1906 г. 497 стр. Ц. 2 р.

Издатель **М. В. Пирожковъ.** Редакторъ **П. Б. Струве.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Книгоиздательство. **ГОЛОСЪ.** **С.-Петербургъ, Ямская, 22.**

Поступилъ въ продажу т. 1 й изданія.

Справочная книга соціалиста (Handbuch des Socialismus)

Гуго и Штегмана.

Переводъ съ нѣмец. подъ редакціей **В. Я. Богучарскаго и Л. З. Марковича**, въ 2 самост. томахъ, около 1000 стр. убористой печати б. формата на лучшей бумагѣ Верже.

Историческій обзоръ соціальныхъ системъ и развитія соціализма. Біографіи и характеристики дѣятелей соціал. всѣхъ странъ. Излож. въ алфавитн. порядкѣ. **Цѣна за два тома 3 руб.**; въ двухъ изящн. коленкор. перепл. съ тисн. на **1** р. **20** к. дороже. Каждый т. отд. **1½р. 50 к.** Пересылка по разстоянію. Книгопродавцамъ обычная скидка.

ИЗДАНІЯ СОЦ. ПОЛИТИЧ. ОТДѢЛА. №№ 1) **Рѣчь Робеспьера.** Всеобщая подача голосовъ, перев. **Р. Марковичъ**, введеніе **С. Н. Южакова.** 2) **Левъ Мовичъ.** Стачка рабочихъ въ Западн. Европѣ. 3) Изданіе разошлось. 4) **Аббатъ Сійэсъ.** Что такое третье сословіе? введеніе **В. Я. Богучарскаго.** 5) **Проф. Еллинекъ.** Конституціи, ихъ исторія и значеніе въ современ. правѣ. 6) **Левъ Мовичъ.** Война и ея будущее. 7) „Въ грозу", сборн. стихотвор., собр. **Л. Василевскій** 8) **К. Каутскій.** Соц.-демократическ. аграрная политика. 9) **Н. Штернъ.** Популярное излож. „Исторія матеріализма" и „Теоріи прибавочн. стоимости, К. Маркса". 9) **Левъ Мовичъ.** Права челов. и гражданина 11—15. **А. Менгеръ.** Новое ученіе о государствѣ. Полный перев. **Р. Марковичъ.** (5 №№ соедин.). **ЦѢНА КАЖДАГО НОМЕРА 10 КОП.**

„ЛИТЕРАТУРНАЯ КНИЖНАЯ ЛАВКА“

ИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

М. В. ПИРОЖКОВА

(Спб., В. О., Большой пр., 6)

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

„ТРИЛОГІЮ“ Д. С. Мережковскаго

подъ названіемъ „ХРИСТОСЪ и АНТИХРИСТЪ“,

состоящую изъ трехъ частей:

1) **Смерть боговъ** (Юліанъ Отступникъ)
2) **Воскресшіе боги** (Леонардо да-Винчи)
3) **Антихристъ** (Петръ и Алексѣй).

Первая часть выйдетъ въ апрѣлѣ, вторая—въ маѣ и третья—въ іюнѣ, въ двухъ изданіяхъ—простомъ и изящномъ. Цѣна по подпискѣ на всю „Трилогію“ въ простомъ изданіи—**4 р. 50 к.**, въ изящномъ—**7 р. 50 к.**

При подпискѣ вносится **2 р.** (на изящное изд. **3 р.**) и къ 1 апрѣля остальные **2 р. 50 к.** (на изящное изд. **4 р. 50 к.**)

По выходѣ въ свѣтъ цѣна будетъ повышена.

Кромѣ того, печатаются еще слѣдующія книги:

1) **МЕРЕЖКОВСКІЙ, Д. Пророкъ русской революціи** (къ юбилею Достоевскаго).
2) „ **Вѣчные спутники.** 3-е изданіе.
Это сочиненіе будетъ выходить отдѣльными, вполнѣ законченными, выпусками. Первый выпускъ будетъ посвященъ ПУШКИНУ.
3) **ГИППІУСЪ (Мережковская). Алый мечъ.** Четвертая книга разсказовъ.
4) „ **Новые люди.** Первая книга разсказовъ. 2-ое изданіе.
5) **МЕТЕРЛИНКЪ. Полное собраніе сочиненій,** въ трехъ томахъ. Съ портретомъ, исполненнымъ геліогравюрою. Все изданіе иллюстрировано художникомъ *К. Рерихомъ.*
6) **ЩАПОВЪ. Собраніе сочиненій,** въ трехъ томахъ. Съ портретомъ.
7) **ГАЛИНА. Предразсвѣтныя пѣсни.** Собраніе стихотвореній.
8) **МОГИЛЯНСКІЙ, МИХ. Усталые,** драма въ 3 д.
9) **ПОССЕ. Дифференціальное и интегральное исчисленіе.** 3-е изданіе.
10) **СЕРРЕ.** Дополненія къ теоріи круговыхъ функцій

и другія.

Только что отпечатана и поступила въ продажу.

МЕРЕЖКОВСКІЙ, Д. Грядущій Хамъ. Содержаніе: 1) Грядущій Хамъ.—2) Чеховъ и Горькій.—3) Теперь или никогда.—4) Страшный судъ надъ русской интеллигенціей.—5) Св. Софія.—6) О новомъ религіозномъ дѣйствіи.

Цѣна **1 р.**, въ изящной обложкѣ **1 р. 25 к.** (распродано)

Поступили на складъ новыя изданія:

ВОЛЖСКІЙ. Изъ міра литературныхъ исканій. Сборникъ статей. Спб. 1906 г. **1 р.**

ФИХТЕ. Назначеніе человѣка. Переводъ съ нѣмецкаго *Л. М.* подъ ред. *Н. О. Лосскаго.* Спб. 1906 г. **50 к.**

КАРАБЧЕВСКІЙ, Н. П. Дѣло бывшаго студента московскаго университета Егора Сергѣева Сазонова, обвиняемаго въ убійствѣ статсъ-секретаря ПЛЕВЕ и рѣчь въ защиту Сазонова. Спб., 1906 г. **25 к.** При покупкѣ книги „РѢЧИ"—безплатно.

Какъ надѣлить крестьянъ землею? Аграрная программа партіи „Свободомыслящихъ" въ связи съ критикой аграрныхъ программъ другихъ партій. Спб., 1906 г. **5 к.**

БЭНЪ, А. Психологія. Переводъ съ англ. и предисловіе пр.-доц. Казанскаго университета *Вл. Н. Ивановскаго.* Томъ II. Москва, 1906 г. **2 р. 50 к.**

МАСАРИКЪ, Ѳ. И., проф. **Начала соціалистическаго общества** (Главные вопросы марксистской политики).—**II. Марксизмъ и парламентаризмъ** (Съ библіографіей по вопросамъ политики). Переводъ подъ ред. пр.-доц. *Н. Ястребова.* Изданіе партіи „Свободомыслящихъ". Спб. 1906 г. **25 к.**

Поступили на складъ:

КАРАБЧЕВСКІЙ, Н. П. Приподнятая завѣса (проза и стихи). Спб., 1905 г. **1 р. 50 к.**

„ **Рѣчи 1882—1902 гг.** Изданіе второе, дополненное пятью рѣчами. Спб., 1902 г. **3 р. 50 к.**

„ **Дѣло генерала Ковалева и рѣчь въ защиту интересовъ д-ра Забусова.** Спб., 1905 г. **25 к.** При покупкѣ книги „РѢЧИ"—безплатно.

„ **Около правосудія.** Статьи, сообщенія и судебные очерки. Спб., 1902 г. **2 р.**

КЕЙЛЬГАКЪ, проф. **Артезіанская вода.** Съ 19 рис. Спб., 1905 г. **25 к.**

ЖАКОВЪ, К. Ѳ. На Сѣверъ, въ поискахъ за Памомъ Буръ-мортомъ. Спб., 1905 г. **1 р.**

„ **Понятіе предѣла въ математикѣ** (съ точки зрѣнія логики). Спб., 1905 г. **25 к.**

ВОСКРЕСЕНСКІЙ, А. Е. Общинное землевладѣніе и крестьянское малоземелье. Спб., 1903 г. **1 р. 25 к.**

ПШИБЫШЕВСКІЙ, СТ. Для счастья. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. Харьковъ, 1904 г. **30 к.**

ГАМСУНЪ, КНУТЪ. Въ Парижѣ. Новелла. Переводъ *Мих. Могилянскаго.* Кіевъ, 1905 г. **4 к.**

„НАРОДНОЕ ДѢЛО“

газета политическая литературная, экономическая, и общественная,

издается **М. Г. Коммиссаровымъ**, подъ редакціей **В. Е. Якушкина**, при ближайшемъ участіи **А. А. Мануилова** и **В. А. Розенберга**.

Газета будетъ выходить ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

1. Съ пересылкой и доставкой:

съ 1-го марта до конца года — **2** р. **50** к., на полгода — **1** р. **60** к., на три мѣсяца — **85** к., на одинъ мѣсяцъ — **35** к.

2. Безъ пересылки и доставки:

съ 1-го марта до конца года — **1** р. **80** к., на полгода — **1** р. **10** к., на три мѣсяца — **60** к., на одинъ мѣсяцъ — **25** к.

Отдѣльные нумера газеты въ конторѣ и ея отдѣленіяхъ—по 1 к.

Редакція и контора „Народнаго Дѣла“ помѣщаются: Москва, Новинскій бульваръ, д. № 106, кв. 1. (Телефонъ 122—77).

Кромѣ конторы газеты подписка принимается въ ея отдѣленіяхъ: при конторѣ Н. Печковской (Петровскія линіи) и при складѣ книгоиздательства „Народное Право“ (Чернышевскій пер.., д. № 9, кв. № 26).

Объявленія въ газету „Народное Дѣло“ принимаются въ конторѣ и у Н. Печковской.

М. В. ПИРОЖКОВЪ

Спб., В. О., 2 л., д. 13

(„Литературная Книжная Лавка“)

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

Книги, вышедшія въ 1904-5 гг., указаны

Собственныя изданія

I. Историческій отдѣлъ.

Батюшковъ, Ѳ. Д.

В. Г. Короленко, какъ человѣкъ и писатель, по его произведеніямъ. Съ портретами и иллюстраціями (№ 13) [печатается].

Богучарскій, В.

Изъ прошлаго русскаго общества. Съ 6 портретами. Спб. 1904 г. 2 р. (№ 4).

Бороздинъ, А. К.

Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Томъ I. Съ 8 портретами. Спб. 1903 г. 1 р. 75 к. (№ 1).

Содержаніе: Главныя направленія русской литературы начала XIX столѣтія. — Литературные и общественные взгляды Карамзина.—Романтизмъ. — Поэзія В. А. Жуковскаго.—Крыловъ и Грибоѣдовъ. — Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина. — А. С. Пушкинъ и поэзія дѣйствительности. — Поэтъ „гражданской скорби“ двадцатыхъ годовъ.—Критическія обозрѣнія А. А. Бестужева.—Журналистъ двадцатыхъ годовъ. — Поэзія М. Ю. Лермонтова. — Развитіе взглядовъ Гоголя на творчество. — Дельвигъ, Языковъ и Баратынскій.—Трудъ В. И. Семевскаго по исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи.

Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Томъ II. Съ 18 портретами (№ 1).

Вып. I. Съ 13 портретами. Спб. 1905 г. 1 р. 75 к.

Содержаніе: Бѣлинскій и послѣдующее развитіе русской критики. — Александръ Ивановичъ Герценъ и крестьянскій вопросъ.—Тимоѳей Николаевичъ Грановскій.—К. Д. Кавелинъ въ отношеніи къ крестьянскому вопросу. — Семья Аксаковыхъ.—И. С. Аксаковъ и петербургскіе студенты восьмидесятыхъ годовъ.—Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій.—Взгляды А. С. Хомякова на отношеніе Россіи къ Западу. — Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ и освобожденіе крестьянъ.—Славянофилъ особаго типа.

Вып. II. Съ 5 портретами.

Содержаніе: И. С. Тургеневъ.—Д. В. Григоровичъ.—Поэзія Н. А. Некрасова.—Гр. А. К. Толстой.—Ѳ. И. Тютчевъ.—

Гуревичъ, Л.

——— **„Сѣдокъ“ и другіе разсказы.** Спб. 1904 г. **1** р **50** к.

Содержаніе: Сѣдокъ.—У рулетки.—Порученіе.—Шурочка.—Странная исторія. — Тоска. — Ребенокъ. — Разсѣянность.—Въ снѣга.—Неоконченное письмо.

Захарьинъ, И. Н. (Якунинъ).

„Встрѣчи и воспоминанія“. Изъ литературнаго и военнаго міра. Спб. 1903 г. **1** р. **75** к.

Содержаніе: Бѣлинскій и Лермонтовъ въ Чембарѣ. — Поѣздка къ Шамилю въ Калугу.—Виновники польскаго возстанія 1863 года.—Эпизоды изъ времени этого возстанія.—Памяти В. В. Чуйко. — У графа Л. Н. Толстого. — Генералъ Шамиль и его разсказы объ отцѣ. — Русскій театръ—прежде и теперь.—Памятная ночь подъ Рождество.—**Сказка о Митяхъ.**

Лемке, Мих.

Думы журналиста. Спб. 1903 г. **1** р. **25** к.

Мережковскій, Д. С.

——— **Грядущій Хамъ.** Спб. 1906 г. **1** р.

Содержаніе: 1) Грядущій Хамъ.—2) Чеховъ и Горькій.—3) Теперь или никогда. — 4) Страшный судъ надъ русской интеллигенціей.—5) Св. Софія.—6) О новомъ религіозномъ дѣйствіи.

——— **Дафнисъ и Хлоя.** Древне-греческая повѣсть Лонгуса о любви пастушка и пастушки на островѣ Лезбосѣ. 2-ое изд. Спб. 1904 г. **1** р. **25** к.

——— **Л. Толстой и Достоевскій.** Т. I. Спб. 1903 г. **2** р. — Т. II. Спб. 1903 г. **3** р.

——— **Любовь сильнѣе смерти.** Итальянская новелла XV в. 2-е изд. Спб. 1904 г. **1** р. **25** к.

Содержаніе: Любовь сильнѣе смерти. — Наука любви. — Микель-Анжело.—Святой Сатиръ.

——— **Петръ и Алексѣй.** Историческій романъ. Спб. 1905 г. **3** р.

Морсье, де-, А.

——— **Права женщины.** Вопросы соціальнаго воспитанія. Переводъ съ франц. Эльтъ. Спб. 1904 г. **50** к.

Перцовъ, П.

——— **Венеція.** Съ 25 снимками съ картинъ знаменитыхъ художниковъ. Спб. 1905 г. **1** р.

Розановъ, В.

——— **Около церковныхъ стѣнъ.** Въ двухъ томахъ. Томъ первый. Спб. 1906 г. **2** р.

Якимовъ, Василій, авторъ книги *„По слѣдамъ голода“*.

——— **Безъ хлѣба насущнаго.** Разсказы. Спб. 1904 г. **1** р. **25** к.

Содержаніе: Неизбѣжный процентъ. — Въ одинъ сочельникъ.—Безъ хлѣба насущнаго. — Мамку помянулъ. — Въ стогѣ. — Долгъ. — „Желѣзная голова“. — Іуда. — Трупъ.—Идолы.—Съ больной совѣстью.—„Артисты“.—„Скуки ради“.—Въ лѣтопись голоднаго года. **(На заброшенномъ хуторѣ.—Съ хорошимъ хлѣбомъ.—Антихристова помощь. — Безпокойное сердце. — Двѣ нивы.—Въ дорогѣ).**

Изданія, пріобрѣтенныя полностью:

Лавриновичъ, Ю. Н. (Надеждинъ).

Очерки французской общественности. Спб. 1903 г. 1 р. 25 к.

Содержаніе: I. Журнализмъ и журналисты. — II. Рабочіе союзы.—III. Армія просвѣщенія.—IV. Демократизація науки.— V. Заботы о „будущемъ человѣчествѣ".

Литературное дѣло.

Сборникъ. Спб. 1902 г. 2 р. 25 к.

Содержаніе: **Евг. Чириковъ.** На дворѣ во флигелѣ. *Бытовыя картины,* поставленныя на московскихъ и петербургскихъ театрахъ.— **Скиталецъ.** Пѣсни скитальца. *Стихотворенія.* — **Евг. Тарле.** Изъ исторіи обществовѣдѣнія въ Россіи.—**Танъ.** На красномъ камнѣ. *Повѣсть.*—**А. М. Вербовъ** *Стихотворенія.*— **В. Богучарскій.** Декабристъ-литераторъ Александръ Осиповичъ Корниловичъ.—**В. Вересаевъ.** На эстрадѣ. *Эскизъ.*—**С. Булгаковъ.** Васнецовъ, Достоевскій, Вл. Соловьевъ и Толстой. *Параллели.*—**А. Луньяновъ.** *Стихотворенія.*—**В. І. Дмитріева.** Волки. *Разсказъ.* — **Николай Бердяевъ.** Къ философіи трагедіи. *Морисъ Метерлинкъ.*—**Вас. Брусянинъ.** Пѣвучая гитара. *Разсказъ.* — **Галина.** *Стихотворенія.*—**Скиталецъ.** Атаманъ. *Разсказъ.*—**З. И.** Максимъ Горькій въ иностранной критикѣ.—**Танъ.** *Стихотвореніе.*—**Иванъ Новиковъ.** *Два очерка:* 1) Къ жизни, 2) Ландыши.— **Иванъ Странникъ.** Изъ настроеній современной французской литературы — **Вл. Муриновъ.** *Разсказъ.* — **Проф. Евг. Аничковъ.** Вильямъ Моррисъ и его утопическій романъ.

Пельтанъ, Камиллъ, депутатъ.

Исторія Франціи отъ 1815 года до нашихъ дней. Иллюстрировано 7 рис. и 78 портретами. Спб. 1903 г. 1 р. 25 к.

Якимовъ, Василій.

По слѣдамъ голода. (Изъ воспоминаній). Спб. 1903 г. 1 р.

Содержаніе: I. Начало конца.—II. „Магазинъ разобрали".— III. „Свое средствіе".—IV. Около цынги.—V. Въ голодающей деревнѣ.— VI. На описи голодающихъ. — VII. Предѣлъ скорби.—VIII. Въ кусочки.—IX. Воръ.—X. Поджогъ.—XI. Маленькіе страдальцы.—XII. „Лѣнтяй мужикъ".—XIII. „Свиной кормъ".—XIV. На гужевой перевозкѣ.—XV. На конскомъ участкѣ.—XVI. За казенными лошадями.—XVII. „Тоже нуждающіеся".—XVIII. Хорошіе люди.—XIX. Хорошіе люди.—Самоотверженные.—XX. Хорошіе люди.—Первыя впечатлѣнія.— XXI. Хорошіе люди.—„Изъ своихъ достатковъ".—XXII. Хорошіе люди.—„Волонтерки голода".—XXIII. Хорошіе люди.— О. Фіалковскій. — XXIV. Хорошіе люди.—Въ хлѣбномъ амбарѣ — XXV. Хорошіе люди.—Когда мнѣ не было стыдно.— XXVI. Хорошіе люди.—Двое яслей.—XXVII. Хорошіе люди.— Парадоксъ.—XXVIII. Равнодушные.—XXIX. „Акробаты благотворительности". — XXX. Безпокойные. — Безпокойный земецъ.—XXXI. Безпокойные.—Докторъ Ѳерапонтовъ.—XXXII. Безпокойные. — „Скоропадентъ". — XXXIII. Безпокойные.— „Корреспонденты и туристы".—XXXIV. Приспособившіеся.— Около голоднаго каравая. — XXXV. Приспособившіеся.—

Ревнитель народной нужды. XXXVI. Приспособившіеся.— Паразиты. — XXXVII. Приспособившіеся. — На всѣ руки.— XXXVIII. Заключеніе.

III. Философія.

Джемсъ, Уилльямъ.

——— **Зависимость вѣры отъ воли** и другіе опыты популярной философіи. Перев. съ англійскаго С. И. Церетели. Спб. 1904 г. 1 р. 75 к.

Содержаніе: Зависимость вѣры отъ воли. — Стоитъ-ли жить? — Чувство раціональности. — Рефлекторные акты и теизмъ.—Детерминизмъ и связанная съ нимъ дилемма.— Философъ-моралистъ и моральная жизнь.—Великіе люди и среда.—Значеніе индивидуумовъ.—О нѣкоторыхъ гегелизмахъ.—Труды Общества для Психическихъ Изысканій.

Жаковъ, К.

——— **Теорія перемѣннаго и предѣла въ гносеологіи и въ исторіи познанія.** Спб. 1904 г. 1 р.

Минскій, Н. М.

——— **Религія будущаго.** (Философскіе разговоры). Спб. 1905 г. 2 р.

Юмъ, Давидъ.

Изслѣдованіе человѣческаго разумѣнія. (An Inquiry concerning human understanding) Пер. съ англ. С. И. Церетели. Спб. 1902 г. 1 р.

IV. Математическія науки.

Бертранъ, Жозефъ.

Алгебра, въ переводѣ М. В. Пирожкова.

Часть I. Спб. 1899 г. 3 р.

Часть II. (Высшая Алгебра). Спб. 1901 г. 2 р.

Содержаніе: Глава I. **Дополненіе къ элементарной алгебрѣ** (ряды, сочетанія и биномъ Ньютона; о логариѳмахъ; повѣрка алгебраическихъ формулъ; методъ неопредѣленныхъ коэффиціентовъ).—Глава II. **Теорія производныхъ** (производныя отъ явныхъ функцій съ одною перемѣнною; изученіе функцій при помощи производныхъ; ряды для вычисленія логариѳмовъ и числа π)—Глава III. **Общая теорія уравненій** (основные принципы численныхъ уравненій какой угодно степени; теорема Декарта; теорема Ролля; теорія равныхъ корней; соизмѣримые корни; теорема Штурма).—Глава IV. **Конечныя разности** (обозначенія и основныя формулы; интерполированіе; рѣшеніе численныхъ уравненій; рѣшеніе трансцендентныхъ уравненій). — **Приложеніе** (разложеніе раціональныхъ дробей на простѣйшія; мнимыя выраженія. рѣшеніе уравненій 3-ей степени; рѣшеніе системы двухъ уравненій 2-й степени съ двумя неизвѣстными; нѣкоторыя замѣчательныя преобразованія; о рѣшеніи уравненій первой степени; непрерывныя дроби; методъ исключенія Безу и Эйлера).

Одобрены **Ученымъ Комитетомъ** Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Мин. и для ученич. библіотекъ старшаго возраста мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ; рекомендовано **Главнымъ Управленіемъ** военно-учебныхъ заведеній для фундаментальныхъ библіотекъ кадетскихъ корпусовъ.

Ариѳметика, въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб. 1901 г. **2** р.

——— **Дифференціальное исчисленіе**. Съ портретомъ автора. Переводъ М. В. Пирожкова, безъ всякихъ сокращеній и измѣненій. In 4. Спб. 1905 г. **10** р.

Пирожковъ, М. В.

Ариѳметика ирраціональныхъ чиселъ. Спб. 1898 г. **1** р. **50** к.

Дополнительныя статьи по Алгебрѣ. Курсъ 7-го и 8-го классовъ гимназій. Пособіе для готовящихся въ высшія технич. учебныя заведенія. Спб. 1900 г. **75** к.

Содержаніе: Теорія соединеній, биномъ Ньютона, непрерывныя дроби, неопредѣленныя уравненія первой степени съ двумя неизвѣстными, несоизмѣримыя (ирраціональныя) числа, задачи.

Одобрено **Ученымъ Комитетомъ** Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и для ученическихъ библіотекъ старшаго возраста мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ; рекомендовано **Главнымъ Управленіемъ** военно-учебныхъ заведеній для фундаментальныхъ библіотекъ кадетскихъ корпусовъ.

Сборникъ задачъ для вступительныхъ экзаменовъ въ высшія техническія учебныя заведенія. Пособіе для гг. экзаменаторовъ. Спб. 1903 г **1** р. **50** к.

Серре (J.-A.).

Ариѳметика, въ перев. М. В. Пирожкова [печатается].

Дополненіе къ теоріи круговыхъ функцій, въ переводѣ М. В. Пирожкова. **50** к. [печатается].

Прямолинейная тригонометрія, въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб. 1902 г. **60** к.

Допущено **Ученымъ Комитетомъ** Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ **руководства** для средн. учебныхъ завед. Министерства.

Сферическая тригонометрія, въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб. 1902 г. **40** к.

Допущено **Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія** въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

V. Учебники.

Бороздинъ, А. К.

——— **Изъ лекцій по теоріи словесности**. Спб. 1906 г. **1** р. **25** к. (печатается).

Weyert, J. (Вейертъ, И.).

Deutsches Lesebuch für die obersten Klassen der russischen Mittelschulen. Abtheil. I—VI. Preis des Heftes von 8—10 Druckbogen

35 Кор. 1902—1904 гг.—**Нѣмецкая книга для чтенія** для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. I—VI. Спб. Ц. каждой части 35 к. Часть I. Статьи по исторіи.—Часть II. Статьи по естествознанію.—Часть III. Статьи по этнографіи и географіи.—Часть IV. Статьи по біографіи.—Часть V. Статьи смѣшаннаго содержанія.—Часть VI. Разсказы.

Допущены **Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія** въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки.

Учебнымъ Отдѣломъ Мин. Финансовъ I-я часть *одобрена*, какъ классное руководство для коммерческихъ учебныхъ заведеній, а II-я часть *рекомендована* для пріобрѣтенія въ ученич. библіотеки и для класснаго и домашняго чтенія учениковъ старшихъ классовъ тѣхъ же учебн. заведеній.

VI. Дѣтскія книги.

Беллегъ, Л.

——— № 5. **Месть одного изъ де-Готенеровъ.** Иллюстраціи де-Монтадеръ. Переводъ Е. А. Пелль. Спб. 1905 г. 1 р. 50 к.

Галина, Г.

——— № 1. **Сахарный принцъ и прямичная принцесса.** Сказка для маленькихъ дѣтей. Спб. 1904 г. 1 р. 25 к. Роскошно-иллюстрированное изданіе.

——— № 2. **Сказки.** Спб. 1904 г. 2 р. 25 к. Роскошно-иллюстрированное изданіе.

Содержаніе: Кто онъ? — Вербный чертикъ. — Красное яичко.—Какъ фея познакомилась съ человѣкомъ.—Розовыя очки.—Упавшая звѣздочка.—Иванушка — золотое сердце.—Какъ лягушенокъ путешествовалъ.—Исторія одного блина.—Снѣжный человѣкъ.—Лева и Милка.—Васькина елка.—Три сестры.—Злая рѣдька.—Каменная баба. Голубой огонекъ.

М-me Ле-Руа, Фердинандъ.

——— № 4. **Сынъ адмирала.** Перев. съ французскаго Е. А. Пелль. Со многими иллюстраціями. Спб. 1904 г. 1 р. 50 к.

Мало, Гекторъ.

——— № 3. **Приключенія Ромена Кальбри.** Перев. съ франц. Е. И. Борхсеніусъ. Со многими иллюстраціями. Спб. 1904 г. 1 р. 50 к.

„Исторія Ромена Кальбри хорошо разсказана и хорошо переведена—не только вполнѣ добросовѣстно, но и съ художественнымъ вкусомъ". *(„Новое Время", 5 мая 1904 г.)*

Изданія, пріобрѣтенныя полностью:

Позняковъ, Н. И.

Разсказы *(Для школъ и народа).*

1) Вѣсть.—Суета. Спб. 1902 г. 5 к.
2) Двѣ милостыни. Спб. 1902 г. 5 к.
3) Заломъ. Спб. 1902 г. 5 к.
4) На бѣдность. Спб. 1902 г. 5 к.
5) Незнакомецъ. Спб. 1902 г. 5 к.
6) Первый визитъ. Спб. 1902 г. 5 к.
7) Переполохъ. Спб. 1902 г. 5 к.
8) Револьверъ. Спб. 1902 г. 5 к.

Допущены **Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія** въ безплатн. народн. читальни и библіотеки.

I. Изящная литература, исторія, критика и публицистика.

Андреевичъ.

Книга о Максимѣ Горькомъ и А. П. Чеховѣ. Спб. 1900 г **1 р. 50 к.**

Андреевскій, С. А.

Литературные очерки (3-е дополненное изданіе „Литературныхъ чтеній"). Спб. 1902 г. **1 р. 50 к.**

Содержаніе: Поэзія Баратынскаго. — „Братья Карамазовы".—Всеволодъ Гаршинъ.—О Некрасовѣ.—Лермонтовъ.—Изъ мыслей о Львѣ Толстомъ.—Тургеневъ.—Городъ Тургенева.—Гюи Де-Мопассанъ.— Книга Башкирцевой.—Къ столѣтію Грибоѣдова.— Вырожденіе риѳмы.—Театръ молодого вѣка.

Борхсеніусъ, Е. И.

Представители реальнаго романа во Франціи въ XVII-мъ столѣтіи. Спб. 1889 г. **60 к.**

Бѣлозерскій, С. врачъ.

——— Вересаевъ передъ судомъ московской науки. Спб. **1904** г. **25 к.**

Ватсонъ, М.

Ада Негри. Критико-біографическій очеркъ. Съ портретомъ. 2-ое испр. и доп. изд. **Итальянская библіотека № 1.** Спб. 1903 г. **50 к.**

Джозуэ Кардуччи. Критико-біографическій очеркъ. Съ портретомъ. **Итальянская библіотека № 2.** Спб. 1899 г. **50 к**

Джузеппе Джюсти. Критико-біографическій очеркъ. Съ портретомъ. **Итальянская библіотека № 3.** Спб. 1900 г. **50 к.**

Александро Манцони. Критико-біографическій очеркъ. Съ портретомъ **Итальянская библіотека № 4.** Спб. 1902 г. **50 к**

Ватсонъ, Э. К.

Этюды и очерки по общественнымъ вопросамъ (съ портретомъ и біографіей автора). Спб. 1892 г. **2 р.**

Содержаніе: Памяти Э. К. Ватсона.—Прусское правительство и прусская конституція.—Вопросъ объ улучшеніи быта рабочихъ въ Германіи.—Рабочіе классы въ Англіи и манчестерская школа.—Что такое великіе люди въ исторіи?—Авраамъ Линкольнъ.—Стачки рабочихъ во Франціи и въ Англіи.—Огюстъ Контъ и позитивная философія.—Жизнь Дж. Стюарта Милля.

Велжскій.

Изъ міра литературныхъ исканій Сборникъ статей. **Спб.** 1906 г. **1 р.**

Воскресенскій, А. Е.

Общинное землевладѣніе и крестьянское малоземелье. Опытъ разрѣшенія аграрнаго вопроса Спб. 1903 г. **1 р. 25 к.**

Галина, Г.

Стихотворенія. Спб. 1902 г. 1 р.

Гиппіусъ, З. (Мережковская).

Новые люди. Первая книга разсказовъ. Спб. 1896 г. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Яблони цвѣтутъ.—Ближе къ природѣ.—Бегиня.—Простая жизнь.—Голубое небо.—Смиреніе.—Стихотворенія.—Месть.—Легенда.—Цыганка.—Время.—Совѣсть.—Одинокій.—Миссъ Май.

Зеркала. Вторая книга разсказовъ. Спб. 1898 г. р. 50 к.

Содержаніе: Зеркала.—Вѣдьма.—Живые и мертвые.—Родина.—Утро дней.—Луна.—Стихотворенія.—Златоцвѣтъ.

Третья книга разсказовъ. Спб. 1902 г. 2 р.

Содержаніе: Сумерки духа.—Кабанъ.—Комета.—Слишкомъ ранніе.—Святая плоть.—Святая кровь.

Гольдштейнъ, І. М., доцентъ Цюрихскаго Университета.

——— **Статистика и ея значеніе для современнаго общества.** Спб. 1904 г. 25 к.

Государственная Дума.

Узаконенія 3 августа 1905 г.: Высочайшій Манифестъ.—Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату.—Учрежденіе Государственной Думы.—Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу. Изданіе Государственной Типографіи. Спб. 1905 г. 60 к.

Гривскій, И.

——— **Записки рабочаго.** Спб. 1904 г. 80 к.

Ефименко, Александра, членъ Имп. Русскаго Географическаго Московскаго Психологическаго, Харьковскаго Историко-Филологическаго, Кіевскаго Юридическаго Обществъ и почетнаго члена Полтавской Ученой Архивной Коммиссіи.

——— **Южная Русь.** Очерки, изслѣдованія и замѣтки. Изд. Общества имени **Т. Г. Шевченка** для вспомоществованія нуждающимся Южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга, *въ пользу фонда для устройства общежитія и столовой.*

Томъ I. Спб. 1905 г. 2 р.

Содержаніе: Очерки исторіи правобережной Украины.—Малорусское дворянство и его судьба.—Южнорусскія братства.—Копные суды въ лѣвобережной Украинѣ.—Народный судъ въ Западной Руси.—Дворищное землевладѣніе въ Южной Руси.—Архаическія формы землевладѣнія у Германцевъ и Славянъ.—Литовско-русскіе данники и ихъ дани.

Томъ II. Спб. 1905 г. 2 р.

Содержаніе: Бѣдствія евреевъ въ Южной Руси XVII в.—Изъ исторіи борьбы малорусскаго народа съ поляками.—Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова.—Турбаевская катастрофа.—Архіерейскій подарокъ.—Два намѣстника.—Старинная одежда и принадлежности домашняго быта слобожанъ.—Малорусскій языкъ въ народной школѣ.—Философъ изъ народа.—Личность Г. С. Сковороды, какъ мыслителя.—Націонализмъ по В. Соловьеву.—По поводу украинофильства.—Литературныя силы провинціи.—Котляревскій въ исторической обстановкѣ.—Памяти Тараса Григорьевича Шевченка.—Украинскій элементъ въ творчествѣ Гоголя.

—— **Какъ надѣлить крестьянъ землею?**

Аграрная программа партіи „Свободомыслящихъ“ въ связи съ критикой аґр. программъ другихъ партій. Спб. 1905 г. **5** к.

Канадѣевъ, И. Н.

Очерки закавказской жизни. Томъ I. Спб. 1902 г. **2** р.

Карабчевскій, Н. П.

—— **Дѣло бывшаго студента московскаго университета Егера Сергѣева Сазонова, обвиняемаго въ убійствѣ статсъ-секретаря Плеве, и рѣчь въ защиту Сазонова.** Спб. 1906 г. **25** к. При покупкѣ книги „Рѣчи“—безплатно.

—— **Дѣло генерала Ковалева и рѣчь въ защиту интересовъ д-ра Забуєова.** Спб. 1905 г. **25** к. При покупкѣ книги „Рѣчи“ — безплатно.

Приподнятая завѣса (проза и стихи). Спб. 1905 г. **1** р. **50** к.

—— **Рѣчи. 1882 — 1902.** Изданіе второе, дополненное пятью рѣчами. Спб. 1902 г. **3** р. **50** к.

Кечеджи-Шаповаловъ, М. В., преподаватель исторіи всемірной торговли.

Женское движеніе въ Россіи и заграницей. Спб. 1902 г. **1** р. **25** к.

Содержаніе: Введеніе.—Древній міръ.—Историческое развитіе женскаго движенія.—Америка.—Женское движеніе въ Англіи.— Скандинавскія женщины.— Германія.— Франція.— Италія.—Бельгія.—Женское движеніе въ Румыніи.—Женское движеніе въ Болгаріи.—Къ характеристикѣ положенія женщины въ Испаніи. — Швейцарія. — Австро-Венгрія. — Новая Зеландія и Южная Австралія.—Женское движеніе на Востокѣ.—Женское дѣло въ Россіи.

—— **Кооперативные идеалы.** Публичная лекція. Спб. 1905 г. **25** к.

—— **Къ свободѣ...** Этюдъ по женскому вопросу. Спб. 1905 г. **15** коп.

—— **Міровой рынокъ.** Публичная лекція. 2-ое изд. Спб. 1904 г **25** коп.

—— **Политическій строй Англіи, Германіи, Австро-Венгріи, Италіи, Франціи, Швейцаріи, Даніи, Швеціи, Финляндіи, Нидерландовъ, Бельгіи, Испаніи, Португаліи, Румыніи, Сербіи, Болгаріи, Греціи, Сѣв.-Ам. Штатовъ, Японіи.** (Приложеніе: взаимоотношеніе палатъ, бюджетное право, личная свобода, политическіе выборы и выборное право). Спб. 1905 г. **30** к.

Потребленіе вина въ монопольныхъ губерніяхъ въ 1902 г. Спб. 1904 г. **1** р.

—— **Современное значеніе коммерческаго образованія.** Рѣчь, произнесенная на торжественномъ празднованіи 7-й годовщины *Частныхъ С.-Петербургскихъ Счетоводныхъ Курсовъ*, учрежденныхъ М. В. Побѣдинскимъ. Спб. 1905 г. **15** к.

—— **Этюды.** Спб. 1904 г. **1** р.

Содержаніе: Женское „дѣло“. — „Туманъ“ и женщины. — Общественный недугъ. — Жилища бѣдноты. — Вырожденіе

Франціи.—Кооперативное движеніе.—„Бродячая Русь".—Мелкое землевладѣніе и прогрессъ. — 1902-й годъ въ Россіи. — Общество и его агенты. — Страданіе, какъ двигатель прогресса.—Міровое торжище.

Кочубей, М. Н. 5 театральныхъ пьесъ на малороссійскомъ языкѣ. 1883—1900. Кіевъ, 1904 г. 1 р. 50 к.

Кузнецовъ, Н. И. Секретарь Воронежской Губернской Земской Управы.

Систематическій сводъ указовъ Правительствующаго Сената, послѣдовавшихъ по земскимъ дѣламъ. Изданіе неоффиціальное.
Томъ I. 1866—1900 г.г. Спб. 1902 г. 4 р.
Томъ II. 1899—1903 г.г. Воронежъ, 1903 г. 2 р. 50 к.

Лемке, Мих.

Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Біографическій очеркъ. Къ десятилѣтію со дня кончины (1894 $\frac{7}{VI}$ 1904). Съ 8 иллюстраціями и съ введеніемъ И. И. Попова. Изд. редакціи газеты „*Восточное Обозрѣніе*". Спб. 1904 г. 1 р. 50 к.

Листъ, Францъ, проф.

——— Преступленіе, какъ соціально-патологическое явленіе. Спб. 1904 г. 20 к.

Любовичъ, Н. Н., проф. Люблинскіе вольнодумцы XVI в. Антитринитаріи и анабаптисты. Варшава, 1902 г. 35 к.

Статистическій методъ съ приложеніи къ исторіи. Варшава, 1901 г. 25 к

Мережковскій, Д. С.

Вѣчные спутники. Портреты изъ всемірной литературы. Спб. 1897 г. 2 р.

Содержаніе: Акрополь.—Дафнисъ и Хлоя. — Маркъ Аврелій.—Плиній Младшій.—Кальдеронъ.—Сервантесъ.—Монтань. —Флоберъ.—Ибсенъ.—Достоевскій.—Гончаровъ.—Майковъ.— Пушкинъ.

Метерлинкъ, М.

Жизнь пчелъ. Пер. съ фр. К. М. Зиновьевой и Э. В. Яковлевой. Спб. 1902 г. 80 к.

М. М. Критическіе наброски. *Содержаніе*: I. „Потонувшій колоколъ", сказка-драма *Г. Гауптмана*. — II. Поэзія Ш. Водлера. Спб. 1898 г. 25 к.

Поэзія Надсона. Спб. 1897 г. 15 к.

Реабилитація Пушкина.—II. Нѣсколько словъ о Гауптманѣ. Спб. 1901 г. 25 коп.

Стихотворенія. Спб. 1897 г. 40 к.

Три стихотворенія въ прозѣ. Спб. 1895 г. 15 к.

Могилянскій, Мих.

Миражъ. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. (Къ представленію дозволено. Спб. 4 мая 1902 г.). Спб. 1902 г. 50 к.

Моръ, Томасъ.

Утопія. Перевелъ съ латинскаго А. Г. Генкель при участіи

Н. А. Макшеевой. Съ біограф. очеркомъ Т. Мора, состав. Н. А. Макшеевой. (Съ портретомъ Т. Мора). 2-ое исправл. и дополн. изд. Спб. 1905 г. **75** к.

Надсонъ, С. Я.

Литературные очерки (1883—1886). Съ портретомъ автора. 2-е изд. Спб. 1887 г. **1** р.

Ободовскій, К. П.

Три бесѣды: I) О любви, II) Въ чемъ состоитъ счастіе, III) О будущности міра. Спб. 1903 г. **30** к.

Палеологъ, А.

Кнутъ (La cravache). Переводъ съ французскаго. Тифлисъ, 1993 г. **20** к.

Папприцъ, А.

——— Общественныя и экономическія причины проституціи. Переводъ съ нѣм. М. В. Кечеджи-Шаповалова, съ его предисловіемъ и примѣчаніями. Спб. 1904 г. **25** к.

Перетцъ, В. Н.

Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Томъ III. Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVIII в. Спб. 1902 г. **3** р. Томъ I. и II распроданы.

Малорусскія вирши и пѣсни въ записяхъ XVI—XVIII вв. Спб. 1899 г. **1** р. **60** к.

Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды. I. Къ исторіи Громника. Спб. 1899 г. **1** р. **30** к. — Къ исторіи Лунника. Спб. 1901 г. **1** р. **50** к.

Памятники русской драмы эпохи Петра Великаго. Спб. 1903 г. **3** р. **50** к.

Перцовъ, П. П.

Первый сборникъ. Спб. 1902 г. **1** р.

Содержаніе: Славянофильство. — Литература и театръ. — Путевые очерки.

Философскія теченія русской поэзіи. Избранныя стихотворенія и критическія статьи *С. А. Андреевскаго, Д. С. Мережковскаго, Б. В. Никольскаго, П. П. Перцова* и *Вл. С. Соловьева.* Спб. 1896 г. **2** р.

Содержаніе: А. С. Пушкинъ.—Е. А. Баратынскій.—А. В. Кольцовъ.—М. Ю. Лермонтовъ.—В. П. Огаревъ.—Ѳ. И. Тютчевъ. — Гр. А. К. Толстой. — А. А. Фетъ.—Я. П. Полонскій.— А. Н. Майковъ. — А. Н. Апухтинъ. — Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Перцовы, П. и В.

Молодая поэзія. Сборникъ избранныхъ стихотвореній молодыхъ русскихъ поэтовъ. Спб. 1895 г. **1** р.

Петрункевичъ, А. М.

Маргарита Ангулемская и ея время. Историческій очеркъ изъ Эпохи Возрожденія во Франціи. Спб. 1899 г. **1** р. **50** к.

Протопоповъ, С. В., протоіерей и настоятель православныхъ церквей въ Висбаденѣ, Эмсѣ и Дармштадтѣ.

О художественномъ элементѣ въ православномъ церковномъ пѣніи. (Къ свѣдѣнію композиторовъ духовной музыки и въ руководство истиннымъ любителямъ богослужебнаго пѣнія). Мысли, наблюденія и историческія справки. 2-ое дополн. изд. Спб. 1905 г. **80** к.

Ратгенъ, К., проф.

Возрожденіе Японіи. Переводъ съ нѣм. Н. Н. Е. Спб. 1903 г. **20** к.

Розановъ, В. В.

Литературные очерки. Спб. 1899 г. **1** р.

Содержаніе: Старое и новое. — Литературная личность Н. Н. Страхова. — Три момента въ развитіи русской критики.—Позднія фазы славянофильства: 1) Н. Я. Данилевскій и 2) К. Н. Леонтьевъ.—Катковъ, какъ „государственный человѣкъ".—Литературно-общественный кризисъ.—„Вѣчно-печальная дуэль" (М. Ю. Лермонтовъ).—50 лѣтъ вліянія (юбилей В. Г. Бѣлинскаго).—Съ юга.—Замѣтки о Польшѣ.—О писателяхъ и писательствѣ (замѣтки и наброски).—Памяти усопшихъ: 1) О. И. Каблица (Юзова), 2) Ю. Н. Говорухи-Отрока, 3) Н. Н. Страхова, 4) Ѳ. Э. Шперка, 5) Я. П. Полонскаго.

Природа и исторія. Сборникъ статей. Спб. 1900 г. **1** р.

Содержаніе: Вопросъ о происхожденіи организмовъ. —Теорія Чарльза Дарвина, объясняемая изъ личности ея автора.—Красота въ природѣ и ея смыслъ.—Часть и цѣлое.—О чудесномъ въ мірѣ. — Что иногда значитъ „научно объяснить" явленіе?—Философскія вліянія въ русскомъ обществѣ.—Смѣна міровоззрѣній.—Двѣ философіи (критическая замѣтка).—Замѣтки объ исторіи: 1) о государствѣ въ древнемъ и новомъ мірѣ, 2) объ эпохахъ русской исторіи.—Книга особенно замѣчательной судьбы.

Религія и культура. Сборникъ статей. Изданіе 2-е. Спб. 1901 г. **1** р. **20** к.

Содержаніе: Мѣсто христіанства въ исторіи.—Психологія русскаго раскола. — Черта характера древней Руси. — Культурная хроника русскаго общества и литературы за XIX вѣкъ.—О студенческихъ безпорядкахъ.—Женское образовательное движеніе 60-хъ годовъ.—Франко-русскія впечатлѣнія.—Демократизація живописи.—Гдѣ истинный источникъ „борьбы вѣка"?—О символистахъ и декадентахъ.—Теперь и прежде.—Христіанство пассивно или активно?—Кроткій демонизмъ. — Сѣмя и жизнь.—Смыслъ аскетизма. — Женщина передъ великою задачею. — Нѣчто изъ сѣдой древности. — Эмбріоны.—Библіографія.

Сумерки просвѣщенія. Сборникъ статей по вопросамъ образованіе Спб. 1899 г. **1** р.

Содержаніе: Сумерки просвѣщенія.—Три главныхъ принципа образованія.—Афоризмы и наблюденія.—Педагогическія трафаретки о гимназической реформѣ 70-хъ годовъ. — Представленіе о Россіи въ годы учебной реформы. — Городъ и школа.—Семья какъ истинная школа.—Границы закона.—Безпочвенность русской школы.—Два типа образованія. — Библіографія.

Святловскій, В. В., пр.-доц. Спб. Универ.

Задачи городскаго хозяйства. Городское хозяйство въ Парижѣ. Тоже въ Англіи (по А. Шау) Екатеринославъ. 1899 г. **75** к.

Соколовъ, Н. М.

—— **Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи.** Спб. 1904 г. **2** р.

Содержаніе: О культурѣ и самобытности.—Похороны славянофильства.—О русской національной традиціи.—О русской церковной традиціи Интеллигенція и сектантство.—Интеллигенція и церковь.—Золотые сны о золотомъ вѣкѣ.

—— **Русскіе святые и русская интеллигенція.** Опытъ сравнительной характеристики Спб. 1904 г. **50** к.

Соловьевъ, В. Н.

—— **Посмертный сборникъ.** Разсказы, стихи, путевые очерки. Съ портретомъ автора и факсимиле. Спб. 1901 г. **1** р.

Сологубъ, Ѳ.

Стихи. Книга первая. Спб. 1896 г. **50** к.

Тѣни. Разсказы и стихи. Спб. 1896 г. **1** р.

Содержаніе: Червякъ.—Тѣни.—Къ звѣздамъ.—Стихи (книга вторая).

Сорель, Ж.

Соціальное значеніе искусства. Переводъ съ франц. подъ ред. М. Н. Ефремовой. Спб. 1903 г. **25** к.

Сѣверовъ, Н.

Разсказы, очерки и наброски. Спб. 1892 г. **1** р. **50** к.

—— **Типы автономной морали въ ихъ логической связи,**— по произведеніямъ А. М. Ѳедорова, („Земля"), А. Вербицкой („Наши ошибки", „Злая роса"), Абрама Дермана („Странный вопросъ"), А. Лугового („Николай Петровичъ"), Л. Оболенскаго („На развалинахъ"). Казань, 1904 г. **15** к.

Фаресовъ, А. И.

Противъ теченій. Н. С. Лѣсковъ. Его жизнь, сочиненія, полемика и воспоминанія о немъ. Съ рѣдкимъ портретомъ. Спб. 1904 г. **1** р. **50** к.

Хрѣновъ, К. А.

Женское горе. Сборникъ стихотвореній русскихъ и иностранныхъ поэтовъ. Изд. 2-ое, изм. и дополн. Допущено **Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.** въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. Москва, 1903 г. **20** к., въ папкѣ **30** к.

Церетели, Е.

Елена Іоанновна, великая княгиня литовская, русская, королева польская. Спб. 1898 г. **1** р. **50** к.

Рек. **Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.** для фундамент. и ученическихъ библ. всѣхъ среднихъ уч. заведеній и одобрена для учительскихъ библіотекъ всѣхъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

Чернышевъ, В.

——— **Гоненіе на христіанъ въ Римской имперіи.** Общедоступные историческіе разсказы. Вып. I. *Нероново гоненіе.* Спб. 1904 г. **10 к.** Допущено **Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.** въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

——— **Гоненія на христіанъ въ Римской имперіи.** Общедоступные историческіе разсказы. Спб. 1904 г. **50 к.**

——— **Письма о старой и новой орѳографіи.** I—IV. Спб. 1904 г. **20 к.**

Шестаковъ, Д. П.

Стихотворенія. Спб. 1900 г. **1 р.**

——— **„Ѳома Гордѣевъ"** (*въ разсказѣ Горькаго*), **какъ соціально-психологическое явленіе.** Елабуга, 1904 г. **15 к.**

II. Философія.

Бэнъ, А.

Психологія. Переводъ съ англ. и предисловіе пр.-доц. Казанскаго Университета. Томъ II. Москва, 1906 г. **2 р. 50 к.**

Введенскій, Александръ.

Философскіе очерки. Выпускъ I. О философіи въ Россіи, о мистицизмѣ и критицизмѣ В. С. Соловьева, о свободѣ воли, о смыслѣ жизни, объ отношеніяхъ вѣры къ знанію. Спб. 1901 г. **1 р.**

Жаковъ, К.

——— **Понятіе предѣла въ математикѣ** (съ точки зрѣнія логики). Спб. 1905 г. **25 к.**

Карстаньенъ, Фридрихъ.

Введеніе въ „Критику чистаго опыта" (Friedrich Carstanjen Einführung in die „Kritik der reinen Erfahrung"). Переводъ **В. Лесевича,** *по неизданной рукописи* 2-го, пересмотрѣннаго и дополненнаго авторомъ, изданія. Спб. Изд. 2-ое, исправленное. 1899 г. **1 р.**

Лесевичъ, В.

Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи Спб. 1877 г. **1 р. 25 к.**

Письма о научной философіи. Спб. 1878 г. **75 к.**

Что такое научная философія? Этюдъ. Спб. 1891 г. **2 р.**

Содержаніе: Введеніе.—Огюстъ Контъ и его школа.—Англійскій позитивизмъ (1. Дж. Ст. Милль.—2. Бэнъ, Гёксли и др.).—Нѣмецкая научная философія (1. Оцѣнка Контовскаго позитивизма въ Германіи.—2. Карлъ Гёрингъ.—3. Гаральдъ Гёфдингъ.—4. Алоизъ Риль.—5. Эрнстъ Лаасъ.—6. Ганс. Фольцъ.—7. Эрнстъ Махъ.—8. Рихардъ Авенаріусъ.—9. Іозефъ Петцольдтъ).—Заключеніе.

Этюды и очерки. Спб. 1886 г. **1 р. 50 к.**

Содержаніе: Данте какъ мыслитель.—Романъ Кастеляра „Fra Filippo Lippi". — Лессингъ и его „Натанъ Мудрый". — Пересъ Гальдосъ. Современный испанскій романистъ.—Новые романсы Гальдоса.—Робертъ Гальтъ и его новые романы.—

10 к. Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

——— **Гоненія на христіанъ въ Римской имперіи.** Общедоступные историческіе разсказы. Спб. 1904 г. **50** к.

——— **Письма о старой и новой ореографіи.** I—IV. Спб. 1904 г. **20** к.

Шестаковъ, Д. П.

Стихотворенія. Спб. 1900 г. **1** р.

——— **„Ѳома Гордѣевъ“** (*въ разсказѣ Горькаго*), **какъ соціально-психологическое явленіе.** Елабуга, 1904 г. **15** к.

II. Философія

Бэнъ, А.

——— **Психологія.** Переводъ съ англ. и предисловіе пр.-доц. Казанскаго Университета Вл. Н. Ивановскаго. Томъ II. Москва, 1903 г. **2** р. **50** к.

Введенскій, Александръ, проф. Спб. Унив.

Философскіе очерки. Выпускъ I. О философіи въ Россіи, о мистицизмѣ и критицизмѣ В. С. Соловьева, о свободѣ воли, о смыслѣ жизни, объ отношеніяхъ вѣры къ знанію. Спб. 1901 г. **1** р.

Жаковъ, К.

——— **Понятіе предѣла въ математикѣ** (съ точки зрѣнія логики). Спб. 1905 г. **25** к.

Карстаньенъ, Фридрихъ.

Введеніе въ „Критику чистаго опыта“ (Friedrich Carstanjen Einführung in die „Kritik der reinen Erfahrung“). Переводъ **В. Лесевича**, *по неизданной рукописи* 2-го, пересмотрѣннаго и дополненнаго авторомъ, изданія. Спб. Изд. 2-ое, испр. Спб. 1899 г. **1** р.

Лесевичъ, В.

Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи. Спб. 1877 г. **1** р. **25** к.

Письма о научной философіи. Спб. 1878 г. **75** к.

Что такое научная философія? Этюдъ. Спб. 1891 г. **2** р.

Содержаніе: Введеніе.—Огюстъ Контъ и его школа.—Англійскій позитивизмъ (1. Дж. Ст. Милль.—2. Бэнъ, Гёксли и др.).—Нѣмецкая научная философія (1. Оцѣнка Контовскаго позитивизма въ Германіи.—2. Карлъ Гёрингъ.—3. Гаральдъ Гёфдингъ.—4. Алоизъ Риль.—5. Эрнстъ Лааçъ.—6. Гансъ Фольцъ.—7. Эрнстъ Махъ.—8. Рихардъ Авенаріусъ.—9. Іозефъ Петцольдтъ).—Заключеніе.

Этюды и очерки. Спб. 1886 г. **1** р. **50** к.

Содержаніе: Данте какъ мыслитель.—Романъ Кастеляра „Fra Filippo Lippi“. — Лессингъ и его „Натанъ Мудрый“. — Пересъ Гальдòсъ. Современный испанскій романистъ.—Новые романы Гальдòса.—Робертъ Гальтъ и его новые романы.—

Первые провозвѣстники спиритизма.—Новая логика.—Философія—искусство-ли?—Метафизика, позитивизмъ и научная философія.—Философская ипохондрія.—Одинъ изъ англійскихъ критиковъ Спенсера.—О чемъ поетъ кукушка?—Буддійскій нравственный типъ.

Соколова, Софья.

——— **Критика этики Спенсера.** Спб. 1905 г. **1** р.

Таннери, П.

Первые шаги древне-греческой науки. Пер. съ фр., съ предисловіемъ проф. **А. И. Введенскаго** *и съ переводомъ сохранившихся отрывковъ изъ сочиненій греческихъ философовъ до* **Платона.** Спб. 1902 г. **2** р.

Допущено **Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.** въ учен., старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а также **Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ** въ духовныя семинаріи.

Фихте.

——— **Назначеніе человѣка.** Переводъ съ нѣм. **Л. М.** подъ ред. **Н. О. Лосскаго.** Спб. 1906 г. **50** к.

III. Математическія науки

Ивановъ, А. А., д-ръ астрономіи и геодезіи.

Вращательное движеніе земли. Спб. 1895 г. **75** к.

Николаевская Главная Астрономическая Обсерваторія въ Пулковѣ. Спб. 1901 г. **50** к.

Одобрено **Учен. Ком.** Мин. Нар. Просв. для учен. библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

Рекомендовано **Главнымъ Управленіемъ** военно-учебныхъ заведеній для фундаментальныхъ библіотекъ кадетскихъ корпусовъ.

Теорія прецессіи. Спб. 1899 г. **1** р. **50** к.

Петерсенъ, Ю.

Методы и теоріи для рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе. Перевелъ Ѳ. П. Крутиковъ. Москва, 1892 г. **70** к.

Петрушевскій, Ѳ. Ѳ., засл. проф. Спб. Унив. и **Еремѣевъ, Н. С.**

Сравнительныя таблицы десятичныхъ и русскихъ мѣръ. Спб. 1868 г. **50** к.

Сыченковъ, Я., препод. Орловскаго реальнаго училища.

Двѣ статьи изъ алгебры въ новомъ изложеніи. Орелъ, 1900 г. **50** к.

Содержаніе: **I-ая статья**: Новая формула для неизвѣстнаго кубическаго уравненія общаго вида, дающая всегда дѣйствительный корень уравненія.—**II-ая статья**: Первый и второй предѣлы ошибки въ подходящей дроби.

Допущено **Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.** въ учен., старшаго возраста, библіотеки.

Чебышевъ, П. Л.

Теорія сравненій. Спб. 1901 г. **2** р. 3-е изданіе. Изданіе О-ва вспомощ. студентамъ Спб. Университета. Настоящее изданіе

исправлено противъ прежняго академикомъ **А. Марковымъ**, при чемъ особенное вниманіе было обращено на таблицы.

IV. Естественныя науки, географія и путешествія

Беркосъ, П. А.

——— **Медицинская зоологія.** Составлена по лекціямъ проф. **Н. А. Холодковскаго.** 2-ое изд. Спб. 1904 г. **2** р. **50** к.

Практическая зоотомія: Вып. 1-ый **Лягушка.** Спб. 1899 г. **50** к.

——— Вып. 2-ой. **Рѣчной Ракъ.** 2-ое изд. Спб. 1905 г. **30** к. Вып. 3-ій. **Окунь и Щука.** Спб. 1899 г. **40** к. Вып. 4-ый. **Беззубка.** Спб. 1901 г. **30** к.

Допущены **Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв.** въ ученич., старшаго возраста, библіотеки муж. средн. учебн. завед.

Жаковъ, К. Ѳ.

——— **На Сѣверъ, въ поискахъ за Памомъ Буръ-мортомъ.** Спб. 1905 г. **1** р.

Ингеницкій, И.

Заграничные наброски. (По музеямъ и лабораторіямъ Западной Европы). Спб. 1898 г. **50** к.

Лэббокъ, Джонъ.

Шесть главъ популярной естественной исторіи. Съ 90 рис. Приспособлены служить книгой для чтенія въ народныхъ и среднихъ школахъ. Спб. 1902 г. **60** к., въ изящн. пер. **95** к.

Допущено **Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.** въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебн. завед. и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Морганъ, Ллойдъ.

Изъ міра животныхъ. Съ 53 рис. художника В. Рау. Пер. съ англ. подъ ред. П. Беркоса. Спб. 1903 г. **1** р. **50** к., въ изящн. пер **1** р. **90** к.

Допущено **Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.** въ ученическія библ. всѣхъ учебн. завед. Министерства, какъ среднихъ, такъ и низшихъ, а равно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Мялицынъ, А., препод. Спб. Учительскаго Института.

Краткій учебникъ зоологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 180 рис., 2-ое исправ. изд. Спб. 1900 г. **90** к.

Пири, Р. Е., гражданскій инженеръ С.-А. С. Ш.

——— **По большому льду къ сѣверу.** Разсказъ о жизни и работѣ вдоль береговъ и на внутреннемъ ледяномъ покровѣ сѣверной Гренландіи въ 1887 и 1891—97 г.г. **Съ 8 картами и 357 рисунками.** Переводъ съ англ. под. ред. *П. Беркоса.* № 1 изъ серіи: **„Библіотека путешествій“. — „Открытіе земель“.** Спб. 1906 г. **3** р.

V. Техническія книги

Андреевъ, П. И., магистръ ветеринарныхъ наукъ.

Ветеринарный надзоръ за убойнымъ скотомъ и мясными продуктами въ Германіи и другихъ европейскихъ государствахъ. Москва, 1902 г. **3** р.

——— **Страхованіе убойнаго скота въ Германіи.** Москва, 1904 г. **1** р. **25** к.

Кейльгакъ, проф.

——— **Артезіанская вода.** (Съ 19 рис.). Съ нѣм. перевелъ А. Соловьевъ. Спб. 1905 г. **25** к.

Петрушевскій, Ѳ., засл. проф. Спб. унив.

Краски и живопись. 2-ое изд. Спб. 1901 г. **2** р. **20** к.

Прокудинъ-Горскій, С. М.

Изо-хроматическая съемка моментальными ручными камерами. Съ указаніемъ изготовленія чувствительныхъ къ цвѣтамъ пластинъ (изо-пластинъ). Семь отдѣльныхъ таблицъ-рисунковъ внѣ текста. Спб. 1903 г. **80** к.

VI. Учебники

Кечеджи-Шаповаловъ, М. В., препод. исторіи торговли и коммерческой корреспонденціи.

——— **Руководство по коммерческой корреспонденціи**, приспособленное для коммерческихъ училищъ, торговыхъ школъ, счетоводныхъ курсовъ и для самообученія. Одобрено **Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.** (1 Марта, 1905 г., № 1461). Спб. 1904 г. **1** р.

Содержаніе: I. Теорія коммерческаго письма.—II. Практическіе образцы.—III. Коммерческая терминологія.

Крутиковъ, Ѳ. П., засл. препод. математики.

Пособіе для полнаго рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе, помѣщенныхъ въ пріемной программѣ Инст. Инж. Путей Сообщ. Спб. 1899 г. **1** р.

Тивасъ, З. (Z. T.).

Tableau général d'orthographe d'usage.—Правила французскаго правописанія. Спб. 1897 г. **30** к.

Одобрена **Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.** для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библіотекъ сред. учебн. завед., мужскихъ и женскихъ.

Чевакинскій, А. препод. Импер. училища Правовѣдѣнія и Спб. Коммерческаго Училища.

Учебная книга сравнительной всеобщей географіи. Курсъ повторительный для старшаго возраста. Спб. 1901 г. **1** р.

Допущена **Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.** въ качествѣ учебнаго руководства, а также въ учен., средняго возраста, библіотеки всѣхъ среднеучебн. завед.

Чернышевъ, В.

——— **Сборникъ статей для письменнаго и устнаго изложенія.** Пособіе для самостоятельныхъ работъ и книга для чтенія и упраж-

ненія въ разсказѣ. Для низшихъ учебныхъ заведеній и младшихъ классовъ среднихъ. Спб. 1904 г. **75** к.

Допущено **Учен Ком Мин. Нар. Просв.** въ качествѣ учебнаго пособія для городскихъ училищъ и для приготовительнаго и первыхъ двухъ классовъ средн. учебн. заведеній.

VII. Дѣтскія книги

Лесевичъ, В. (изд).

Дѣтскій сборникъ. Очерки и разсказы для дѣтей старшаго возраста. Съ 8 картинками и 3 политипажами. Спб. 1892 г. **1** р. **25** к., въ роскошномъ переплетѣ **2** р.

Содержаніе: **В. И. Водовозовъ.** Никита и его дочери.—**А. М. Никольскій,** д-ръ зоологіи. Морскія и прѣсноводныя животныя.—**А. Е. Кутузова.** Въ Березкѣ и подъ березкой.—Дѣтство и юность Томаса Скиннера. Изъ автобіографіи.—**А. В. Потанина.** Дорджи, бурятскій мальчикъ.—**А. Н. Вѣнчиковъ.** Жертва.—**В. К. Агафоновъ.** „Падающія звѣзды" и метеориты.—**А. Н. Анненская.** Въ деревнѣ на Рождество.—**Юлія Безродная.** Барбосъ въ роли героя.—**Эрнстъ Геккель.** Адамовъ Пикъ.

Изданія Б. Н. Звонарева:

Амичисъ-де, Э.

Экипажъ для всѣхъ. (Годъ въ конкѣ). Перев. Э. Колтоновской. **1** р.

Андреевичъ (Соловьевъ, Евг.).

Очерки изъ исторіи русской литературы XIX вѣка. Изданіе второе. Спб. 1903 г. XXXIII+566 стр. **2** р., съ перес. **2** р. **50** к.

Содержаніе: Литература крѣпостной Россіи.—Тезисъ русской литературы. — Радищевъ и скептическое движеніе въ Россіи.—Литература первой четверти вѣка.—А. С. Пушкинъ.—Бѣлинскій о Пушкинѣ.— Пушкинъ въ исторіи. — Характеристика Пушкина. — Поэты Пушкинской эпохи. — Рылѣевъ. — Эпоха Николая I-го. — Журналистика эпохи Николая I-го. — Грибоѣдовъ. — Гоголь.—Лермонтовъ.—Славянофилы и западники: П. Я. Чаадаевъ, В. Г. Бѣлинскій; Мужикъ въ русской литературѣ, Д. В. Григоровичъ, И. С. Тургеневъ, А. И. Герценъ, Н. П. Огаревъ, И. А. Гончаровъ, общія замѣчанія о литературѣ 40-хъ годовъ. — Шестидесятые годы: Общая характеристика.—Литература записокъ и писемъ, какъ предисловіе къ литературѣ 60-хъ годовъ. — Журналистика 60-хъ годовъ: Н. Г. Чернышевскій, Н. А. Добролюбовъ, Д. И. Писаревъ, Н. В. Шелгуновъ, М. Н. Катковъ, Ап. А. Григорьевъ, Н. Н. Страховъ.—Беллетристика 60-хъ годовъ; беллетристика

Чернышевскаго, Н. Г. Помяловскій, А. И. Левитовъ, А. Г. Шеллеръ. — Беллетристы-народники: Н. В. Успенскій, Ѳ. М. Рѣшетниковъ.—Поэты 60-хъ годовъ: Н. А. Некрасовъ.—Семидесятые годы: Общая характеристика.—Философія критической личности. — Народничество: І. Юзовъ (О. И. Каблицъ). В. В. (Воронцовъ). — Критическое народничество: Г. З. Елисѣевъ, М. Е. Салтыковъ-Щедринъ, Н. К. Михайловскій. Г. И. Успенскій, Н. Н. Златовратскій. — Невѣрующіе народники: А. Н. Новодворскій-Осиповичъ, В. М. Гаршинъ, С. Я. Надсонъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. — Реакціонная литература 60-хъ и 70-хъ годовъ: В. П. Клюшниковъ, Н. С. Лѣсковъ. Вс. Крестовскій, Б. Маркевичъ, Толстой и Достоевскій.—Общая характеристика 80-хъ годовъ. — А. П. Чеховъ. — Декаденты.—Новыя вѣянія.—М. Горькій.—Марксизмъ.—П. Д. Боборыкинъ.

Изъ отзывовъ печати: „Первое изданіе книги г. Соловьева было встрѣчено крайне несочувственными отзывами критики... Но всѣ эти крайне неблагосклонныя для г. Соловьева рецензіи не помѣшали первому изданію его книги разойтись въ теченіе одного года. Очевидно, у г. Соловьева есть своя публика, знающая его по цѣлому ряду книжекъ біографической библіотеки Павленкова и по журнальнымъ статьямъ. Второе изданіе книги г. Соловьева „Исправлено и дополнено". Но дополненія сдѣланы только въ предисловіи и въ заключеніи. Текстъ же книги, напечатанный стереотипомъ, остался безъ всякихъ измѣненій, исключая нѣсколькихъ страницъ, гдѣ говорится о Герценѣ и Гончаровѣ". „Міръ Божій" 1903 г. № 6.

„Ницше". П. Дейсенъ. Воспоминанія о Ницше. **75** к.

Бернфельдъ, С.

Талмудъ. Его сущность, значеніе и исторія. Спб., 1902 г. **50** к., съ перес. **65** к.

Бернштейнъ, Э.

Очерки изъ исторіи и теоріи соціализма. Спб., 1902 г. **1** р. **50** к., съ перес. **1** р. **80** к.

Вагнеръ, А.

О научномъ мышленіи и популяризаціи въ наукѣ. 25 к.

Вандервельде, Э.

Городъ и деревня въ Бельгіи. 25 к.

Ворисгоферъ, С.

Среди морскихъ разбойниковъ. Жизнь рабовъ-христіанъ въ Триполисѣ. Съ 17-ю рисунками, приложенными къ тексту. Перев. съ нѣм. Г. Генкеля. Спб. 1902 г. 592 стр. **2** р., съ пересылкой **2** р. **40** к.

Изъ Лондона въ Австралію. Путешествіе на кораблѣ съ ссыльно-поселенцами. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Святловскаго. Спб. 1902 г. 236 стр. **2** р., съ перес. **2** р. **35** к.

Алмазы Перуанца. Приключеніе путешественниковъ по Южной Америкѣ. Къ тексту прилож. 15 рис. Переводъ съ нѣмецкаго

. Святловскаго. 584 стр. Спб. 1902 г. **2** р., съ пересылкой р. **40** к.

Ворисгоферъ, авторъ пользующагося извѣстностью „Образовательнаго путешествія", принадлежитъ къ числу дѣтскихъ писателей категоріи Ж. Верна, М. Рида и другихъ. Его особенностью является то, что героями своихъ романовъ онъ предпочитаетъ избирать сверстниковъ своихъ читателей, а это въ глазахъ послѣднихъ придаетъ книгамъ Ворисгофера особенную завлекательность и интересъ.

Зомбартъ, В. проф.

Организація труда и трудящихся. Пер. подъ ред. Л. Кириллова. Съ портрет. Зомбарта и предисл. М. Туганъ-Барановскаго. **1** р. **50** к.

Колтоновскій, А.

Стихотворенія. **1** р.

Кроче, Бенедето.

Историческій матеріализмъ и Марксистская экономія. Критическіе очерки. Переводъ П. Шутякова. Спб. 1902 г. **1** р. **25** к., съ перес. **1** р. **50** к.

Содержаніе: О научной формѣ историческаго матеріализма. — Историческая теорія проф. Лоріо.—Къ вопросу объ истолкованіи и критикѣ нѣкоторыхъ понятій марксизма. Книга проф. Штаммлера.—Новыя истолкованія марксистской теоріи цѣнности.—Возраженіе на марксистскій законъ паденія нормы прибыли.—Приложеніе. Коммунизмъ Томаса Кампанеллы.

Лассаль, Ф.

Дневникъ. Пер. съ нѣмецкаго. **1** р.

Рабочая кабала въ Англіи.

Перев. съ англійскаго подъ редакц. М. И. Туганъ-Барановскаго. **25** к.

Серао, М.

При закатѣ солнца. Повѣсть. **50** к.

Серао, М. и Капуана, Л.

Итальянскіе разсказы.

Серафимовичъ, А.

Очерки и разсказы. Книга I. **1** р.

Сидисъ, Б., д-ръ-филос.

Психологія внушенія. Съ предисловіемъ У. Джемса. Переводъ съ англійскаго М. Колоколова. Спб. 1902 г. **1** р. **25** к., съ перес. **1** р. **50** к.

Содержаніе: Внушеніе и внушаемость.—Классификація видовъ внушенія и внушаемости.—Доказательства нормальной внушаемости.—Условія ненормальной внушаемости.—Законъ ненормальной внушаемости. — Внушаемость и бодрственное сознаніе.

Соціальная мораль. Статьи профессоровъ Свободной школы соціальныхъ наукъ въ Парижѣ. Спб. 1902 г. **80** к., съ пересылкой **1** р.

Содержаніе: Д-ръ Э. Дельбэ. Позитивная нравственность.—А. Дарлю. Общественныя и нравственныя идеи. — Пасторъ Вагнеръ. Въ чемъ искать разрѣшенія нравственнаго кризиса?—В. Момю. Справедливость и право.—Ж. Бело. Сострадание и естественный подборъ. — Шарль Жидъ. Справедливость и милосердіе. — Л. Бруншвигъ. Радости жизни какъ основа морали.—Е. де-Роберти.—Нравственность и политика.

Тотоміанцъ, В. Ѳ.

Потребительныя общества на Западѣ. 1 р. **75** к.

Фагэ, Э.

Иллюстрированная французская литература XIX вѣка. (33 портрета и 3 факсимиле). Переводъ А. Колтоновскаго. **2** р. **50** к.

Циглеръ, Теобальдъ.

Умственныя и общественныя теченія XIX вѣка. Съ портретами общественныхъ дѣятелей Германіи. Переводъ и примѣчанія Г. Генкеля. Спб. 1901 г. **3** р., съ перес. **3** р. **50** к.

Содержаніе: Три міросозерцанія. — Натурфилософія Шеллинга и феноменологія Гегеля. — Паденіе и возстановленіе Пруссіи.—Послѣ войнъ за освобожденіе.—Торжество Гегелевской философіи права.—Молодая Германія.—Религіозное движеніе до Штраусса и Фейербаха.—Фридрихъ-Вильгельмъ IV и сороковые года.— Революція 1848 и 1849 годовъ.—Реакція пятидесятыхъ годовъ. — Бисмаркъ и основаніе Германской имперіи.—Культуркамперъ.—Соціализмъ и соціалъ-демократія.—„Fin de siècle".—Очерки изъ исторіи и теоріи соціализма Эдуарда Бернштейна.

Складъ высылаетъ всякаго рода книги на русскомъ и иностранныхъ языкахъ и принимаетъ подписку на всѣ изданія (газеты, журналы и проч.), какъ русскія, такъ и иностранныя.

При выпискѣ книгъ на сумму до 1 р. вкл. на пересылку прилагается 20 к.; на суммы свыше 1 р. Складъ принимаетъ пересылку на себя.

Продолжается подписка на 1906 годъ

на НОВОЕ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКОЕ ИЗДАНІЕ

М. В. ПИРОЖКОВА

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

подъ редакціей Петра Струве

и при ближайшемъ участіи: **В. И. Вернадскаго, И. М. Гревса, Д. Е. Жуковскаго, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, И. И. Петрункевича, Ѳ. И. Родичева и С. Л. Франка.**

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА будетъ отстаивать идеи личности, культуры, свободы, демократіи и соціальной справедливости, исходя изъ цѣльнаго культурно-философскаго міросозерцанія. Всѣ явленія текущей жизни она будетъ освѣщать и оцѣнивать съ широкой философской точки зрѣнія. Огромный переворотъ, который совершается на нашей родинѣ, долженъ быть обсуждаемъ съ строгой принципіальностью и полной независимостью мысли. Ставя во главу угла нашего міросозерцанія начало свободы и своеобразія личности, мы будемъ давать въ нашемъ органѣ мѣсто всякому искреннему и оригинальному слову въ защиту свободы и культуры.

Въ вышедшихъ номерахъ помѣщены статьи: Свящ. К. Агтеева, Н. А. Бердяева, О. Е. Вужанскаго, С. Н. Булгакова, Вевича, В. И. Вернадскаго, И. М. Гессена, И. М. Гревса, Э. Д. Гримма, В. Б. Ильяшевича, С. И. Живаго, А. С. Изгоева, А. И. Каминки, А. А. Кауфмана, А. А. Кизеветтера, В. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, Н. А. Котляревскаго, Н. О. Лосскаго, Д. С. Мережковскаго, В. Д. Набокова, В. М. Нечаева, П. И. Новгородцева, Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, М. Я. Острогорскаго, И. И. Петрункевича, І. А. Покровскаго, А. Е. Прѣснякова, Ѳ. И. Родичева, В. В. Розанова, В. Свенцицкаго, П. Б. Струве, кн. Н. Трубецкого, М. Туганъ-Барановскаго, Д. В. Философова, С. Л. Ф[illegible]ка, А. А. Чунрова, Л. Шестова, Г. Н. Штильмана.

Условія подписки: съ дост. и перес. на годъ 5 р. [illegible] чгода 3 р., за границу на годъ 7 р., на полгода [illegible]

Въ отдѣльной продажѣ книжки стоятъ по [illegible] 75.

Адресъ редакціи: Вознесенскій просп. 31, кв. 8.

Редакція для личныхъ объясненій съ сотрудниками от[illegible] по вторникамъ отъ 3 до 5 ч.

Въ редакціи подписка не принимается и продажа номеровъ не производится. Всѣ заявленія по дѣламъ подписки и продажи просятъ адресовать исключительно въ контору.

Контора помѣщается въ квартирѣ книгоиздательства **М. В. ПИРОЖКОВА** (Спб., Вас. О., Большой пр., д. 6). Телефонъ 203. 70.

Подписка принимается, кромѣ конторы, во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

Пріемъ объявленій исключительно въ конторѣ (Спб., Вас. О., 2 лин., д. 13).

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІ

въ журналѣ

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА:

Позади текста цѣлая страница 80 руб., пол-страницы 20 обѣихъ внутреннихъ и на задней сторонахъ обложки 75 руб., пол-станицы 40 руб. За строчку петита каждаго на обложкѣ 60 коп.

Сергіевскія Минеральныя воды.

Сильнѣйшіе сѣрные источники. Ванны, грязи, кумысъ.

НОВОЕ ЗДАНІЕ II КЛ.

Сезонъ **до** **съ 15 Мая по 15 Августа.**

ысы
анныхъ
нія (газе

чейный уголокъ. Сравнительно дешевый
. Проспекты безплатно; требованіе по
у: Сѣрноводскъ, Самарской губерніи, Управленію Водъ.

КНИЖНЫЙ С
и
ИЗДАТЕЛЬ
М. В. ПИРО
(Спб., В. О., 2

Новая кн
БУРКГАРДТЪ,
Культура И
въ эпоху Возро
Переводъ С. Бра
8-го изд., пе
наго Людвиг
ромъ. Въ 2
оба тома

ПЕЧАТА
РЕНАНЪ.
Іисуса Х
Полное на
съ портретом
исполненным
вюро

Цѣна 15 коп.

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

STALL-STUDY
CHARGE

CANCELLED
BOOK
DEC 1985
DEC 18 1985
1780918

BOOK DUE
JUL 3 1986